

ЭЛЬФИЙСКАЯ ПОГИБЕЛЬ

РАУ АЛЕКСАНДРА

Мирное сосуществование людей и эльфов — блажь, на которую решаются не все правители.

Разрушить идиллию может все что угодно: легкомыслие королевской семьи, жадность, обида... Но что, если юный эльф попытается удержать равновесие, вопреки своим убеждениям погрязнув во лжи?

Спасение двух народов ляжет на плечи того, кто никогда не желал стать героем. Того, кто обещал себе ни за что не связываться с людьми.

Эльфийская гибель

Звонящая тишина заполнила зал. Люди с портретов на стенах безмолвно, но сочувствующе смотрели на сидящего в нервном ожидании короля. Его руки постоянно блуждали по камзолу, а ноги отстукивали по каменному полу невероятной скорости ритмы. Страхивая упавшие на лицо волосы резким движением головы, он словно находил лишний повод взглянуть на дверной проём, в котором в любой момент могла появиться повитуха.

Стоящий за спиной короля маг положил руку ему на плечо.

— Ваше величество, я видел вашу дочь, — его голос гулким эхом заполнил помещение, отпрыгивая от стен. — Она мала, но сильна. У неё ваш характер.

Король поднял на него красные от отсутствия сна глаза.

— И её лицо.

Король вскочил с места и ринулся в коридор. Ждать более было не в его силах, а душа и разум — больше не в его власти; маленькое существо, взросшее под сердцем его любимой, забрало у него все имевшиеся на них права. Коридор казался пустым и бесконечным, несмотря на удвоенную стражу и снующих повсюду слуг. От волнения король едва стоял на ногах; добраться до нужной комнаты пришлось, каждые несколько шагов отталкиваясь от стены. Великий полководец и воин, сейчас, в ожидании чуда рождения своего дитя, он с трудом помнил план собственного замка и не знал, в верном ли направлении идет. Добравшись до толстой, закрытой на засов деревянной двери, он занёс руку для стука, как вдруг услышал пронзительный крик.

Крик новорождённого.

Король чуть не разнес дверь в щепки. Она со скрипом распахнулась, обдав его лицо паром и запахом крови, от которого в голове слегка помутнело. Все лица обратились к настойчивому гостю. Все, кроме двух. Белокурая девушка лежала на кушетке с закрытыми глазами, едва дыша, вся покрасневшая от потуг. Королю пришлось руками расчищать себе путь, состоящий из десятка упрямых повитух, уговаривавших его подождать.

— Любимая, — прошептал он, расцеловывая её лицо. — Дорогая, ты смогла! У нас...

Он замялся.

— Девочка, — подтвердила повитуха.

— У нас девочка, слышишь?

Измученное лицо тронула лёгкая улыбка. Слабость её была столь сильна, что ни одна попытка взглянуть на дитя не увенчалась успехом.

— Люби... — еле слышно шепнула она. — Люби её.

Король был полон любви; он предвкушал её, но даже не осознавал её истинных размеров. Он был готов кричать о ней каждому прохожему, петь каждому путнику, рассказывать каждой звезде на ночном небе. Однако не успел он произнести и слова, как девушка, только что, казалось, поборовшая бессилие, обмякла. Её рука, мгновение назад крепко сжимавшая большой палец короля, ослабла и скатилась вниз.

Непонимающим взглядом король оглядывал слуг и стражу; понимавших, что произошло, но тактично о том молчавших. Лишь одна из повитух решилась нарушить тишину: она поднесла к королю умытого ребенка и жестом предложила взять его на руки. Ярко-синие глаза распахнулись, стоило королю прикоснуться к драгоценному свертку, и изучающе уставились на отца. Так, разглядывая маленькое личико, он дошел до своих покоев,

несколько раз чуть не столкнувшись с такими многочисленными, но такими незаметными для него в тот момент стражниками. Спустя час в дверь постучались — маг, недавно поддержавший правителя в тронном зале, скромно заглянул в покои.

— Ваше Величество, — прошептал он, опасаясь разбудить дитя. — Всадник уже ждёт. В какие земли и с какой радостной вестью ему следует отправиться? Необходимо выехать до заката.

— Не нужно никуда выезжать. Отправьте гонца к тем, кто её вырастил, — ровным тоном произнес он, а потом, поняв, что выразился недостаточно точно, исправился. — К её родителям. Скажите, что её больше нет. Про дитя — ни слова.

В ту ночь я никак не мог дотянуться до рассвета.

Ночные дежурства у границы леса с самым живописным видом на людское королевство без усилий вплелись в повседневность, но их однообразность оказалась крайне утомительной. Ярких событий и потрясений я избегал сознательно — отсиживаться в тени славы выдающегося отца было одновременно просто и невыносимо, — но годы шли, а я не чувствовал, что жизнь во мне кипит и искрится. Лишь проходит мимо.

Впрочем, Аррум был прекрасным местом, чтобы просто существовать.

Бесконечная зелень деревьев укутывала душу таким теплом, словно сама Мать Природа брала тебя под свое крыло; чувство ценности каждого мига ощущалось столь сильно, что мысли о бесполезности прошедшего дня улетучивались еще до того, как успевали зародиться. Лес скрывал от глаз чужаков самое важное — Дворец Жизни, — и каждый эльф в его границах знал, что Богиня стоит на его защите.

— Териат!

Я обернулся, хоть в этом и не было необходимости: каждую интонацию, на какую был способен этот голос, я знал наизусть. Индис пробирался через кусты, как всегда пренебрегая протоптанными дорожками, и высказывал недовольство каждой ветке, посмевавшейся бесцеремонно зацепиться за его драгоценные одежды.

— Спишь, дурень?

— С тобой уснешь, — проворчал я. — Ты что, сбежал со своего поста?

— Не сбежал, а подменился, — оскорбился он.

— Когда-нибудь Бэтиель плюнет на все и застрелит тебя, вот увидишь.

Индис пожал плечами, даже не рассматривая вероятность подобного поступка. Усевшись на упавшее дерево, служившее местным постовым единственным подобием мебели, он достал из кармана жилета россыпь красных ягод. Половина из даров природы не пережили путешествия. Эльф поспешил закинуть их в рот, но стекавший меж пальцев сок тут же окрасил его жилет похожими на кровь пятнами.

— Кнорд, — тихо выругался он.

Я усмехнулся, но шутить над другом не стал; знал, что вызову этим лишь поток сетований о предстоящей стирке и полном отсутствии в моем сердце сострадания. Индис не отличался серьезностью, что, впрочем, не мешало обществу многого от него ожидать, а ему — без зазрений совести не оправдывать его ожидания.

Я устремил внимание прочь из леса. Городские стены Грей отделял от леса пустынный тракт, поросший низкой травой, отчего каменные возвышения выглядели еще величественнее. В окне на вершине Башни Восхода, словно в ответ на зародившийся интерес, вспыхнул факел. Пламя было неподвижным и потому в окружении тьмы помещения напоминало яркий зрачок на фоне темной радужки; я поежился, представляя, какому страшному зверю мог бы принадлежать подобный взгляд. Индис ткнул меня в плечо, привлекая внимание.

— Сегодня пришлось снова сидеть на совете... — пожаловался он, встряхивая облако упавших на лицо рыжих кудрей. — Неудивительно, что в Арруме такая скукота! Двадцать членов совета, и все — старше четырех сотен лет. Нужен кто-то молодой, чтобы вдохнуть в них жажду жить.

— Если проявишь инициативу, твоя мать будет счастлива.

— Нет-нет-нет, — тут же запротестовал эльф. — Я — никогда. Но ведь мечтать не вредно, не так ли?

Я предложил рассказать друг другу о самых смелых мечтах, когда-либо посещавших наши умы, но с тех пор до самого рассвета не произнес ни слова. Индис рассуждал, что будет, если бабочки станут размером с птиц, а птицы придут на замену лошадям, и мы сможем пролетать над океанами за считанные часы вместо того, чтобы неделями бороздить волны бескрайних океанов. Затем он вспомнил о никудышной прочности ягодной оболочки и долго рассуждал, какая толщина шкурки позволила бы без опасений складывать плоды друг на друга и в то же время не прикладывать усилий для ее раскусывания.

Энергия, сочающаяся из самых недр его души, казалась неиссякаемой. В какой-то момент по пути домой я перестал различать в его трели слова, воспринимая ее как колыбельную, сопровождающую меня до постели. Как только голова коснулась подушки, а дерево кровати приветственно скрипнуло, голос затих, теряясь в водовороте туманных, запутанных снов.

В тот день матери чудом удалось спасти меня от повышенного внимания со стороны сестер. Проснувшись, я даже не обнаружил следов их тихого пребывания в моей комнате: обычно оно выражалось в передвинутых вещах и разбросанных повсюду стрелах. Оружие слишком привлекало их, что насторожило бы меня, не будь они слишком малы даже для того, чтобы суметь держать в руках лук.

Отец считал, что лучшим оружием является слово, и потому тщательно прятал имеющееся у него снаряжение. Я нашел его лук лишь однажды. Напугавшись, что он не даст мне как следует рассмотреть его, я сбежал, даже не подумав взять с собой стрелы. Каждый раз, когда я, маленький и беспомощный, рыдал из-за невозможности отправиться на охоту с Индисом — будучи старше, он взял оружие в руки куда раньше меня, чем не переставал хвастаться, — отец снисходительно гладил меня по голове и повторял одну лишь фразу: “Твое время придет”. К 15 годам учителя при Дворце Жизни действительно начали учить меня и моих сверстников стрельбе, и я был крайне разочарован, когда ареол таинственности и запретности оказался разрушен.

Натягивать тетиву и отправлять стрелы в полет, тем не менее, оказалось мне по нраву. Долгие годы это было единственным занятием, за которым я мог спрятаться от детской скуки, а затем — от тоски, что душила меня после смерти отца. Сама возможность убийства кого-то за пределами охотничьих вылазок пугала меня до дрожи в коленях, однако многочисленные истории на страницах летописей упорно пытались убедить меня в неправильности этих чувств. В масштабах веков и тысячелетий жизнь ничего не значит. Смерть — вот, что заставляет историю избирать самые петляющие тропы.

Путь до Дворца Жизни был усеян мириадами светлячков. Величественное сооружение, возведенное из подаренного горными эльфами камня, едва не доставало до облаков; многочисленные башни с остроконечными крышами казались лестницами в небеса, а выглядывающие с верхних балконов лица будто бы напоминали, кто из нас находился к богам чуть ближе, чем другие.

Перекинутые через ущелье мосты соединяли дворец с цветущей поляной, на которой мы расположились, удобно устроившись в тени раскидистого дуба и вдыхая запах примятой летней травы.

— Индис...

Бэтиель долго решалась произнести хоть слово, потому ее тонкие брови уже несколько минут безуспешно пытались дотянуться друг до друга, делая лицо по-детски серьезным. Индис повернулся на звук ее голоса, ожидая, пока та закончит фразу.

— Если бы сегодня был последний день твоей жизни, что бы ты сделал?

— Напился бы вусмерть и рассказал всем, что я о них думаю, — в следующее же мгновение ответил он. — Без прикрас.

— А я бы призналась кое-кому в любви, — вздохнула эльфийка. — Это освободило бы мою душу от оков.

Бывшие очевидными чувства девушки не нуждались в словесном облачении; мы с Индисом имели наглость подшучивать над ними, но лишь между собой, в обществе делая вид, что тайна по-прежнему принадлежит лишь ее обладательнице. Я лежал на бедре Бэт, устремив взгляд в проглядывающее между ветками небо, и, ощутив — хоть и не физическое — неудобство, заерзал.

— А ты, Тер?

— Не знаю, — честно ответил я. — Пожалуй, предпочел бы не знать, что он последний.

— Глупо, — отрезала Бэт.

— Зато естественно. Богиня не высылает предупреждений.

Вопреки ожиданиям, Индиса эта фраза задела куда сильнее, чем Бэтиель. Он фыркнул с такой силой, что дерево, к которому он прижимался спиной, содрогнулось; впрочем, содрогнуться могла и Бэт, испуганная неожиданным звуком, тем самым пошатнув мою опору и, следовательно, представленный взору пейзаж.

— Неужели тебе не хочется сделать что-то... эдакое? — возмутился эльф.

Я повернул голову направо, окидывая взглядом обитель азаани. Струящиеся с нижних башен водопады лились непрерывным потоком, наполняя реку в ущелье, чтобы потом вновь подняться и спуститься по стенам дворца; в сумерках воды казались почти черными, а слух настолько привык к их звукам, что и вовсе не замечал.

— Взгляните на Дворец Жизни, — призвал я. — Он стоит здесь уже... сколько? Тысячи лет? Водопады должны были сточить его стены, превратив в невзрачный камешек, почему-то оказавшийся посреди леса, но с ним ничего не происходит. Он вечен, но скучен, потому что не претерпевает изменений. Такова же и моя жизнь.

— Не согласен, — возразил Индис. — Внешние изменения значимы лишь для дураков. То, что происходит за стенами дворца, больше похоже на бурное течение реки. Меняются правители, а следом меняются правила, жители, настроения. Снаружи река — всегда река, но дважды войти в одни воды невозможно.

— Выходит, я — дурак.

— Нет, — самодовольно протянул эльф. — Дурень.

В последние месяцы Индис упорно избегал моего имени, предпочитая ему это прозвище; к его глубочайшему разочарованию, я не считал новообретенный титул обидным.

Бэтиель задумчиво молчала, как будто бы старательно прислушиваясь к шелесту листьев. Поначалу я не обратил на это внимания, но чуть позже поймал себя на том же; едва ощутимое напряжение витало в воздухе, заставляя сосредоточить восприятие на возможных причинах его возникновения. Даже деревья, казалось, напряглись, прекращая заигрывания с ветром.

Со стороны дворца разнеслась призывная трель. Птицы пели несвойственно низко и громко, так, что их голос добирался до каждого, кто находился в нашей скромной обители; я

слышал такое лишь трижды в жизни. Азаани — таков титул королевы эльфов — созывала народ на всеобщий совет.

По счастливой случайности находясь в месте всеобщего собрания, мы молча — хоть и встревоженно — наблюдали, как на поляну стекаются эльфы из самых разных уголков леса. Собратья прибывали наплывами, и вскоре волны верных последователей азаани едва не захлестывали нас с головой. Индис бросил на меня многозначительный взгляд, рукой указывая наверх. Уже через пару мгновений мы были на высоте с два своих роста, и вековой дуб любезно поддерживал наши тела крепкими, надежными ветвями. Выбирая позицию с лучшим обзором, я забрался чуть выше друга, но тот тут же отреагировал, заняв место над моей головой. Индис все превращал в детскую забаву. Его неустанное желание обратить все в шутку соседствовало с таким же упорным желанием выиграть, и этот контраст делал влияние общественного мнения на него особенно заметным.

Бэт бросила на нас осуждающий взгляд и насупилась, сложив руки на груди.

Дети леса вели себя по-разному. Кто-то был искренне напуган самим наличием новостей такого масштаба, что для этого созвали весь народ, кто-то — столь же воодушевлен подвижками во внешнем мире. Жизнь в Арруме была размеренной и приторно сладкой, но не многие из нас покидали его даже ради визита в столь близкую к лесу Грею; хоть, в отличие от горных эльфов, мы и сотрудничали с людьми, тихая жизнь среднестатистического эльфа была болотом — комфортным и теплым, пусть и дурно пахнущим.

Количество пришедших на зов эльфов разрослось настолько, что я засомневался в знаниях о родных землях. Сверху толпа выглядела как россыпь рыжих и русских пятен, будто бы некачественно окрашенная шерсть убитого зверя, и голоса их гулом стояли в ушах.

— А откуда...

Индис наклонился, чтобы задать вопрос, но толпа внезапно замолкла. Несколько смущенный, он последовал их примеру. Все взоры обратились к главной башне дворца — единственной, что не имела своего водопада, — и даже дыхание тысяч эльфов будто бы затихло.

— Приветствую, дети мои, — прозвучал теплый, как объятия матери, голос. — Благодарю, что пришли на мой зов.

На верхнем балконе возникла воздушная фигура азаани, озарившая поляну добродушной улыбкой. Казалось, сам лес помогает ее словам дойти до адресатов; они будто передавались от листа к листу, от дерева к дереву, постепенно доходя до каждой пары заостренных ушей.

— Прошу прощения, что созвала вас так внезапно. Спешу заверить, что ничего непоправимого не произошло.

По толпе прокатился полный разочарования выдох.

— Но очень скоро может произойти, — поспешила добавить королева. Богиня одарила эльфов великолепным зрением, что тогда помогло разглядеть на лице азаани растерянное недоумение. — Наши друзья из леса в окрестностях Эдронема прибыли, чтобы сообщить о неразумном поведении со стороны дружественного нам государства. Альбреад, прошу.

Из тени, что скрывала от любопытных взглядов заднюю часть балкона, вышел невысокий, крепкий мужчина средних лет. Я бы не посчитал его эльфом, даже убедившись в заостренности ушей, но во мне, вероятно, говорила ограниченность знаний о мире; я никогда не бывал в других эльфийских лесах и уж тем более в горах, где жила более изящная, если верить писаниям, и строгая часть нашего народа.

— Грея возжелала расширить свои границы, но зашла чересчур далеко, — прогремел низкий голос. Все, от короткой прически до темно-серого одеяния, выдавало в нем северянина. — Как и вы, мы находимся в тесном сотрудничестве с людьми и являемся основной преградой для подхода к их государству. Есть лишь два пути в Эдронем: по воде и через лес. Грея отправила скромное войско, чтобы разузнать, насколько сложно пройти второй дорогой.

В толпе зашептались, и мой взгляд наконец зацепился за группу эльфов, стоящую ближе всего к ущелью: на каждом из них был точно такой же серый плащ, как у Альбреада, но ни у кого не было такого же расшитого золотом капюшона. Значит, он наместник азаани.

Индис начал постепенно сползать вниз, сначала поравнявшись со мной, а затем и вовсе опустившись на землю. Я не планировал поступать так же, но не удержался, когда друг изо всех сил дернул меня за ботинок. Едва не свалившись на голову Бэтиель, я чудом сумел приземлиться на ноги.

— Мы прогнали неудачливых захватчиков, но все же потеряли несколько братьев и сестер, — с горечью продолжал Альбреад. — Грея прислушивается к вам, но не советуется, потому мы пришли в Аррум. С предупреждением. И за советом.

— Я призывала придворного друида присоединиться ко вчерашнему совету или сегодняшнему собранию, — объявила азаани во всеуслышание. — Но, к сожалению, ситуация в королевстве не позволила госпоже Лианне покинуть его, не солгав королю, чего она категорически не приветствует. Впрочем, она ответила мне письмом, в котором всячески отрицает причастность Грей к произошедшему и просит не искать честолюбивые мотивы там, где их нет.

Боковым зрением я видел, как быстро потухла надежда на лице Бэтиель. Я знал, каково это, когда один из родителей — смешанной крови, каково это, когда он пропадает при дворе короля, позабыв о семье, но... впрочем, человеческой крови в Лианне столько же, сколько и эльфийской, и потому она могла одинаково свободно жить с каждым из народов. Я лишь жалел, что она делала вид, будто никогда не имела дочери.

— Эвеард с каждым годом становится все более жадным и жестоким, — отрезал наместник. — Слухи о его нападениях на мелкие, далекие от дворцов деревни, уже давно гуляют меж лесов. Никто не вступает за отдаленные территории, боясь покидать окруженные высокой стеной города, но это лишь развязывает Эвеарду руки. Необходимо остановить его или, если это невозможно, хотя бы разузнать его мотивы.

Я оглядывался, пытаюсь понять настроение толпы, и, в целом, оно было схоже с моим — полное непонимание. Подобные вопросы, требующие стратегической оценки и соответствующих действий, нельзя отдавать испуганной толпе, иначе стены Грей падут прежде, чем совет соберется за круглым столом.

Словно прочитав мои мысли, азаани тихо поблагодарила Альбреада, и тот вновь исчез в тени балкона.

— Мы ставим вас в известность, ибо сокрытие может повлечь за собой страшные вещи, — объяснила она. — Будьте аккуратны и в ближайшее время не посещайте Грею без острой необходимости. Вы свободны, дети мои.

Облокотившись на древесный ствол, я задумался, а потому не сразу заметил, что народ стал расходиться. Из тумана мыслей я выбрался лишь тогда, когда поляна наполовину опустела; да и то лишь потому, что кто-то дернул меня за рукав рубашки.

— Аарон, — прошептал кто-то.

Я резко обернулся; странное слово прозвучало совсем рядом, настолько, что ухо обдало горячим паром, в холодную погоду превращающуюся в облачко, выпархивающее изо рта. Рука невольно потянулась к луку, которого даже не было за моей спиной. Три очаровательных личика смотрели на меня, сильно задрав головы и нахмурившись. Я невольно улыбнулся, не в силах сдерживать эмоции, что били через край при виде сестер, и совершенно позабыл о незнакомом голосе. Спустя несколько мгновений за их спинами выросла тень матери.

— Они очень старались, — протянула она. — Но детскому терпению быстро приходит конец.

Девочки довели меня до дома за руку, чтобы исключить возможность побега, и усадили прямо на землю рядом с цветником, раскинувшимся под нашими окнами. Мать увлеченно разглядывала растения, что я считал сорняками, и бережно собирала их в небольшие букеты, подвязывая тонкими лентами. Я знал, что следом она подвесит их к потолку, и я — как всегда, не заметив, — обязательно собью головой несколько из них.

Мама разбиралась в травах, и порой, вернувшись домой, я заставлял какую-нибудь несчастную женщину, плачущую на ее плече в мольбах о помощи захворавшему ребенку. Несмотря на славу мастера в своем деле, мама не спешила становиться лекарем; лучшие умы приглашали ее впитать их безграничные знания так же часто, как других зовут на прогулку, но раз за разом она отвечала им одним и тем же — категоричным отказом. Упрямство в неподдающихся объяснению поступках, к ее сожалению, в полной мере передалось первенцу, вследствие чего между нами часто возникали недомолвки и разногласия. Впрочем, три светящихся юных существа непременно находили способ нас примирить.

Талани — самая старшая из них и, стоило заметить, чересчур сообразительная для двенадцати лет, — сосредоточенно плела косы из моих волос, в то время как близняшки Шаэль и Файлин демонстрировали мне венки, плетением которых были заняты во время всеобщего собрания.

— Помню, папа постоянно приносил нам венки, — грустно прошептала Талани. — У него был талант.

— Это у нас от него, да!

Мы с мамой ошарашенно переглянулись, но боле ничем не выдали своего удивления. Сестры едва ли не впервые заговорили о нем. Когда отца не стало, Талани едва исполнилось четыре, и я искренне полагал, что в ее сознании не осталось и тени его образа; не мог и подумать, что она в красках делилась воспоминаниями о нем с близняшками. Сердце на мгновение налилось печалью, но звонкий хохот тут же выдернул меня из мыслей.

— Расскажешь им историю? — вдруг попросила мама.

— Да, пожалуйста! — взмолилась Шаэль. — У тебя получается намного лучше, чем у мамы.

— Но и у мамы получается прекрасно, — по-наставнически поправила ее Талани.

Гулко сглотнув, Шаэль затрясла головой, как будто случайно забыла о негласном правиле, существующем лишь между ними тремя.

— Какую историю?

— Об азаани! — хором воскликнули девочки.

— Разве вы не знаете ее наизусть? — вздохнул я. — Может, что-то другое?

Близняшки сложили руки на груди и одарили меня полным возмущения взглядом. Серьезность их намерений не знала границ, и потому я поднял руки, изображая готовность сдаться.

— Тогда начнем, — пожал плечами я. Талани удостоила меня легким ударом по голове, намекающим, что мои движения мешают кропотливому процессу создания прически. — Скажите, вы знаете, что происходит, когда будущий азаани рождается на свет?

Азарт заблестел в их глазах, и близняшки принялись перекрикивать друг друга под аккомпанемент тяжелых вздохов старшей сестры.

— Лес заливаётся ярким светом!

— И распускаются цветы, все-все!

— Начинается гроза!

— Вот бы она началась сейчас, — проворчала Талани.

Из-за разницы в возрасте она ощущала на себе груз ответственности и стыда за каждую глупость, что совершали малышки, но чересчур яркая заинтересованность в моих историях раздражала ее больше всего. При Дворце Жизни ее уже обучали чтению на древнеэльфийском, а дома заставляли водиться с детьми, будто няньку, и выслушивать давно неинтересные ей истории. На ее месте я, вероятно, реагировал бы также, однако я был на своем, и любовь сестер грела мое сердце.

— День, когда родилась Маэрэльд, был морозным, как и любой другой в середине зимы. Представьте всеобщее удивление, когда снег в один миг растаял под ослепляющим зимним солнцем, а из земли пробилась, тут же распускаясь, все существующие в мире цветы, — таинственным голосом шептал я. Близняшки театрально ахнули, изображая то самое удивление. — А когда первый крик малышки Маэрэльд раздался эхом по всему Арруму, в дерево рядом с ней ударила молния.

— Вот это зрелище, — восторженно прошептала Файлин.

— Вы же знаете, что азаани не стареет? — поинтересовался я, и девочки активно закивали. — Когда рождается новый правитель, ход жизни предыдущего начинается вновь. Он обучает нового азаани с самого детства, подготавливая к ответственной должности и силам, что простого эльфа запросто свели бы с ума. Помните, что умеет азаани?

— Управлять лесом!

— Говорить с Эвлоном!

— Маэрэльд умеет лечить, — серьезно вставила Талани.

Произносить имя азаани вслух было странно, но слышать его из уст двенадцатилетней девочки — еще необычнее. Талани питала к королеве особую, чуткую любовь, и крайне трепетно относилась к упущениям и неточностям, что я порой допускал в ходе рассказа.

Отвлечаясь от сбора трав мама замороженно смотрела, как девочки восторженно скакали вокруг меня, называя все больше и больше способностей правительницы, а Талани поправляла их, если те оказывались неправы. Отец, отчаянно мечтавший о дочерях, погиб почти сразу после рождения Шаэль и Файлин, и они не познали той безграничной любви, коей было наполнено мое детство; очевидное сходство с чертами отца делало это осознание лишь больнее. Он был чудесным человеком — вернее, наполовину человеком, — и я, как ни старался, едва ли мог его заменить.

— Талани, — позвал я. — Как твои уроки древнего языка?

— Среди сверстников мне нет равных.

Я с трудом сдержал смехок, чтобы не расстроить сестру, но ее высокомерие смутило не только меня; Шаэль в ответ на реплику сестры демонстративно закатила глаза.

— Как переводится “азаани”? Я что-то позабыл...

— Ничего ты не забывал, — фыркнула сестра. — “Дарящая жизнь”.

— Точно! — воскликнул я. — Ну что, как там прическа?

— Почти закончила.

Талани дважды больно дернула за пряди, будто пыталась управлять мной, как марионеткой, а затем пригласила сестер посмотреть на свое творение. По лесу прокатился звонкий смех. Воспользовавшись рассеявшимся вниманием, я принялся щекотать девочек, и

даже самая строгая из них тихонько захихикала в ответ на попытки отвлечь их от моего неумелого рассказа. Мы забегали по залитой солнцем лужайке, играя в догонялки, и даже птицы, как мне казалось, подшучивали над нами, размеренно покачиваясь на ветках.

— Ну что ж вы! — причитала мама, когда кто-нибудь из нас наступал на бесконечно полезное, но неприметное среди других растение. — Аккуратнее!

Следующей ночью я вновь оказался на западном выходе из леса, куда меня привела сложная цепочка подмен, создавшаяся из-за недавнего нежелания Индиса проводить ночь в одиночестве на другом конце Аррума.

Хоть и с некоторой задержкой, Богиня исполнила импульсивное желание Талани, чем крайне порадовала юную почитательницу. Как только сумерки коснулись верхушек деревьев, влага в воздухе стала столь ощутимой, что мелкими каплями оседала на листьях и оголенных участках кожи. Где-то вдалеке молнии живописно расползались по ночному небу, и едва слышимые раскаты грома безуспешно пытались за ними угнаться.

Гроза всегда дарила мне странное чувство спокойствия. Смертоносные вспышки света и оглушительный рев небес заставлял детей плакать, а взрослых бежать в укрытия, уповая на гнев богов, но мне казалось, что Мать Природа не стала бы использовать что-то столь красивое лишь для запугивания. Уверен, у завораживающего явления была куда более благородная и значимая цель.

Сон медленно подкрадывался к моему сознанию, и я не смел ему сопротивляться; признаться честно, большую часть времени нахождения на границе любой постовой проводил в объятиях забвения. Чуткий слух сообщал о приближении чужака, как только тот въезжал на тракт, а острый взор не позволял стреле промахнуться, потому я устроился на пышной траве и без колебаний опустил веки.

Посетившее меня во сне видение было шумным, и потому треск прошлогодних веток прозвучал трижды, прежде чем выдернул меня в реальность. Стряхнув с глаз пелену, я резво поднялся на ноги, и уже в следующее мгновение пальцы мои лежали на натянутой до предела тетиве. Звук раздавался то с одной стороны, то с другой, и я растерянно прицеливался, вглядываясь во тьму, пока наконец не разглядел что-то движущееся в нескольких шагах на север. Из-за куста медленно вышла лиса. Она бросила на меня ленивый взгляд, как будто бы удивленная столь агрессивной реакцией, и невозмутимо продолжила свой путь. Я выдохнул; рука дрогнула, и пальцы съехали с покрытого влагой древка лука.

Всего лишь лисица.

— Не кричи.

Горла коснулась холодная полоска стали.

Я пытался сохранить внешнее спокойствие, но мысленно проклинал себя за вопиющую невнимательность.

— Не собирался.

— Если пообещаешь не нападать, отпущу.

Желания драться не возникло даже с появлением острой в том необходимости, но находиться в столь неравном положении показалось несколько унижительно. Я с силой наступил на ногу скрытого тьмой противника, поднырнул под руку с кинжалом и хотел заломить ее за спину, однако следом получил сильный удар в живот, из-за чего отлетел на добрых полметра. Соперник прижал меня к земле, коленями уперевшись в мои руки, и острие кинжала вновь защекотало кожу на шее. Носа коснулся исходивший от одежд слабый

запах лимона.

— Видимо, обещания ждать бесполезно.

Капюшон сполз на плечи, выпуская на волю волны выбившихся из прически смоляных прядей. Девушка тяжело дышала. Казалось, она не впервые пробиралась в лес. Узнай Индис о том, как искусно сработал ее трюк с лисой, насмешки преследовали бы меня до конца жизни.

На щеках странницы неожиданно выступил румянец; то ли из-за скромной схватки, то ли из-за позы, в которой мы вынужденно оказались. Я открыл рот, но несколько мгновений не мог выдавить из себя ни слова.

— Пообещаю, что хочешь, как только убереешь нож, — наконец вымолвил я. — Не знаю, как заведено у людей, но нас подобный жест не вдохновляет на разговор.

Хмыкнув, девушка пожала плечами и поднялась. Кинжал тут же скользнул в изящные ножны на поясе, а ее рука обратилась в мою сторону, предлагая помощь. Недоверчивый взгляд, судя по всему, обидел нарушительницу спокойствия; громко фыркнув, она сделала вид, что вытягивала руку лишь для того, чтобы отряхнуть рукав от пыли.

Встав, я сразу же направился к луку. Девушка заметно напряглась, но я не собирался в нее стрелять; мне не хотелось верить, что обладательница столь юного лика действительно была способна на нечто ужасное. Оружие я закинул за спину, а сверху надел плащ, прежде служивший подушкой, не желая, чтобы влажная ночь испортила ценное дерево.

— Что ты...

— Прогуливаюсь, — невозмутимо отрезала она.

— И нападаешь на постовых?

— Ты первый схватился за стрелы, — парировала странница. Попытки вытащить застрявший в хвосте мусор не увенчались успехом, и она распустила волосы, аккуратной волной уложив их на одно плечо. Нить, что сдерживала пышную копну, переместилась на запястье.

— Я лишь защищалась.

— Защищаться бы не пришлось, не проберись ты сюда тайком. Люди редко бывают тут ночью. Впрочем, и днем бывают нечасто.

Девушка вздернула подбородок и нахмурилась, словно, назвав ее человеком, я страшно ее оскорбил. Я довольно ухмыльнулся, наконец сумев задеть ее, и вернулся к месту, где до этого предавался дреме. Незнакомка поспешила занять место рядом, чем заслужила мое искреннее удивление.

— А вокруг меня они снуют постоянно, — вздохнула она.

— Хочешь привести их и сюда?

— Напротив. Бегу туда, где их нет.

Глубоко внутри разгоралось пламя интереса; я чуть наклонился вперед, чтобы заглянуть в лицо таинственной незнакомке, и луна, словно желая помочь, вышла из-за облаков, озарив лес тусклыми лучами. Шрам над бровью и плотный загар выдавали в ней простолюдинку, а манера говорить и ночной визит в лес — ее бесстрашие и решимость. Однако погрустневший голос и опустившиеся уголки губ подкидывали воображению совсем иную картину — куда более робкую, написанную полупрозрачными, осыпавшимися красками.

Казалось, девушка и сама удивилась переменам настроения, а потому тут же растянула губы в дежурной улыбке и бросила на меня требовательный взгляд. Под гнетом ожидания разум сумел выдать лишь один вопрос.

— Как тебя зовут?

Незнакомка удивленно вскинула брови.

— Что? — недоумевал я.

— Ничего, — пожала плечами она. — Миа.

— Териат.

Мы пожали руки. Ее ладонь оказалась сильнее и грубее, чем я ожидал.

Отец учил, что у людей так заведено: знакомясь или заключая договор, мужчины жмут друг другу руки. В случае, если собеседницей оказывалась женщина, она протягивала руку, а мужчине следовало слегка коснуться губами ее пальцев, но я не стал даже пытаться повернуть подобное; уверен, это закончилось бы очередным эпизодом с опасной близостью клинка к моей шее.

Миа скромно улыбнулась, позабыв о прежней строптивости, и на ее правой щеке отпечатались еле заметная ямочка.

— А что оно значит?

Прозвучало так, будто мы беседовали, но я слишком увлекся размышлениями о людских ритуалах знакомства, чтобы расслышать слова.

— Твое имя, — тут же пояснила Миа. — Эльфийские имена всегда что-то значат. Возможно, так было и с нашими, там, откуда они пришли, но люди куда менее бережно относятся к своему наследию.

— Тебя это заботит?

— Не слишком, — покачала головой она. — Хотя жаль, что из-за этого список тем для первой беседы с незнакомцем чуть сокращается.

Я подумал, что ее речь несколько выбивалась из составленного мною образа.

— “Небесный огонь”, — перевел я. — Ночь моего рождения ознаменовалась чудовищной грозой.

— Как и моя, — воодушевилась Миа, но в следующее мгновение сникла, опустив взгляд. — Но в моем случае это сочли дурным знаком. Любопытно, не правда ли? Мы живем так близко, что я добралась до леса на своих двоих, но наши народы так далеки друг от друга в восприятии мира.

Я не считал это явление хоть сколько-то удивительным, и потому посчитал, что вопрос не требовал ответа. Эльфы почитали Мать Природу в любом ее проявлении, каждое из которых священо, и объяснять это показалось мне глупым.

— Откуда у простолюдинки такой роскошный кинжал? — поинтересовался я.

Вышло несколько грубо; я не хотел высказывать пренебрежение к ее происхождению, но слова сами слетали с губ, предпочитая сокращать путь, изначально пролежавший через разум.

— Отец работает в королевской кузнице, — не смутившись, пояснила она. Ее рука легла на искусно исполненные ножны и медленно, почти ласково погладила их. Положение отца в достаточной мере объясняло образованную речь. — Я люблю оружие, но еще больше люблю смотреть, как оно меняет людей. Как острый меч вдохновляет рубить людей на части, а гибкий лук делает из тихони победителя турнира. Только дело в том, что это — безделушки, и никто не становится кем-то другим.

Миа молниеносно высвободила кинжал из ножен, играючи подкинула его и вновь спрятала под накидку.

— Людям лишь нужен повод, чтобы быть собой.

Я окинул девушку оценивающим взглядом, и она, заметив это, скорчила полную отвращения гримасу.

— И кем ты чувствуешь себя с этим кинжалом в руках?

— Маленькой девочкой, которой не доверили настоящее оружие.

— В таком случае, я счастлив, — улыбнулся я. — Если меня так легко сразила маленькая девочка, не представляю, что случилось бы, будь у тебя меч.

Миа тихо рассмеялась в ответ, и в душе странным образом потеплело. Я совсем позабыл, каково это — знакомиться с кем-то новым. Однообразный поток из дней, полных листвы и ветра в волосах, вдруг прервался, озарив тихую ночь яркой вспышкой света.

Лунный луч нежно коснулся ее лица, и серо-зеленые глаза испуганно сверкнули.

Я прислушался; в отличие от Мии, тот, кто приближался к нам из глубины леса, был совершенно не намерен скрываться. Поздней ночью лишь один безумец мог иметь достаточно сил, чтобы притаиться к посту по собственной воле, и я поспешил успокоить новую знакомую.

— Его зовут Индис, — вздохнул я. Миа уже накинула капюшон, собираясь покинуть лес. — По уровню безобидности он где-то рядом с ежом, а убить может, только смертельно утомив разговорами.

Девушка заметно расслабилась, но взгляд все еще растерянно метался по округе. Потратив несколько секунд на принятие решения, она резко развернулась в сторону близлежащего королевства и чуть свернула с дорожки, скрываясь от моего взора. Я ждал, что она вспомнит о неприлично опущенном прощании, пока запах лимона не исчез вслед за ней.

— Тер!

Голос прозвучал так внезапно, что едва не подпрыгнул.

— Ты что, спать стоя научился?

Я подумал, что лучшим ответом станет многозначительный взгляд, и развернулся к источнику звука. Огненное облако вокруг лица Индиса колыхалось, потрясаясь язвительным хохотом.

— Почему сегодня надо мной все смеются? — возмутился я.

— Кто “все”? — заинтересовался друг, уже отчаявшийся найти единомышленников.

— Ну, для начала, Богиня...

Индис махнул на меня рукой, что было самым раздражающим жестом в его арсенале, и с разбегу прыгнул на ковер из пышной молодой травы. Разумеется, выглядела она куда мягче, чем была на самом деле, и я едва сдержал смех от вспыхнувшего на лице друга негодования.

— Как ты можешь быть самым болтливым, раздражающе счастливым существом на свете и в то время же время ворчать, как престарелый козел?

Индис сорвал длинную травинку и вставил ее между зубов.

— Это называется “талант”, — заявил он гордо. — Слышал когда-нибудь о таком?

Утром лес сотрясла весть о еще одном нападении на леса близ Эдронема. Еще не покинувшая Аррум группа во главе с Альбеардом объявила, что готова принять любую помощь братьев, и Маэрэльд сообщила о сборе желающих отправиться в северные земли. Полдень близился, и я, перекинув через плечо лук и колчан со стрелами, направился к Дворцу Жизни.

Поляна пустовала. Впрочем, удивляться не стоило; покинуть обитель тишины и спокойствия ради чужой и далекой войны так же сложно, как отдать руку на отсечение — бессмысленно без веской на то причины. Я с трудом мог ответить, почему решился на это сам, но не пришел ни к чему, помимо банальной скуки.

Среди прочих жаждущих странствий я встретил всех, кто когда-то так же увлеченно занимался стрельбой, как и я; однажды Аэгтир, пытаясь сбить яблоко с моей головы, чуть не всадил стрелу мне в глаз, но и это не умерило нашего пыла. Аррум славился возвращенными им лучниками, и я гордился, что был причастен к этой славе, хоть неспешное перечисление моих личных успехов и занимало не больше минуты.

На этот раз Альбреад вышел из башни, желая встретиться с энтузиастами на равных. Он медленно вышагивал по мосту. Его образ не был даже самую малость примечательным — эльф будто бы терялся среди лесного пейзажа, становясь его частью, — и ситуацию лишь усугубляла сопровождающая его Маэрэльд. Королева лесного народа, казалось, плыла по воздуху, озаряя все вокруг, отчего напряжение на лице Альбреада делалось почти скорбным.

— Храбрые мужи, — поприветствовал он, и кто-то за моей спиной тихо покашлял. — И еще более храбрые дамы. Я рад, что Богиня позволила путям наших жизней пересечься, хоть и по такому печальному для всех поводу.

— Можно вопрос?

Женский голос прозвучал требовательно, хоть и несколько насмешливо. Северянин кивнул.

— Почему мы не нападём на Грею? Чем лечить отравленных ядом, лучше отрезать голову змее.

— Потому что, дитя мое, мы не знаем, что это за змея, — мягко произнесла азаани. — И не уверены, ядовита ли она.

— Пойманные бойцы могли солгать, поэтому сведения о нападении... противоречивы, — признался Альбреад. — Нет уверенности, что это не обманный маневр, призванный отвлечь внимание от настоящей цели.

— Нас собралось не так уж и много, — вставил я. — У Аррума останется множество достойных защитников, способных справиться с любой атакой.

Северянин еще раз поблагодарил образовавшийся отряд и сообщил, что отправление состоится на закате. Долгое время он рассказывал об особенностях ландшафта Эдронема, о сложном, но быстром пути, пролегающему по бурным рекам, и опасностях, что могут ждать нас по прибытию. Отчего-то я совершенно не волновался, будто давно готовился к подобного рода походу, и потому его предостережения казались мне очевидными и даже глупыми.

Когда лучники стали покидать поляну, чтобы провести последние часы до отъезда с родными, меня коснулась теплая рука азаани. Я не смог сдвинуться с места, но так и не

понял, почему.

— Териат, — тихо произнесла она, устремляя на меня взгляд горящих зеленою глаз. Полностью расслабленное лицо никак не сочеталось с плохо скрываемым в голосе раздражением. — Боюсь, тебе суждена другая битва.

— Но я хочу помочь, — возразил я. — Здесь от меня никакой пользы.

— Эвлон видел иную картину.

Сам того не ожидая, я вспыхнул. Едкие слова едва не жгли язык, умоляя избавиться от них, и я, совершенно не думая о последствиях, поддался искушению.

— Вы можете выдавать свои слова за пророчества Эвлона сколько угодно, ведь никто кроме вас не имел удовольствия общаться с Духом Леса, но я намерен распоряжаться своей жизнью, как сам того пожелаю.

— Очаровательно, что ты так считаешь.

Позволив улыбке на краткий миг блеснуть на губах, азаани покинула меня, оставив в одиночестве переживать пылающее во мне негодование. Я понимал, что не могу послушаться королеву, ведь, на самом деле, не собирался ставить под сомнение ее искренность и преданность своему народу, но желание поступить наперекор не утихло ни к вечеру, ни к следующему утру. Я поделился жаждой авантюры с друзьями, и те, к несчастью, совершенно не преуспели в том, чтобы облагородить меня, напротив — спустя мгновение Индис уже протягивал мне плащ и приказывал спрятать уши за прядями волос.

— Никто в этом лесу не знает, как насолить азаани, лучше, чем я, — ответил он на мой вопросительный взгляд. — Я делал это столько раз, сколько другие даже не смели помыслить.

Спорить с этим было бессмысленно, и я молча последовал всем указаниям друга. Мы добирались пешком, и потому, оказавшись у городских стен, застали солнце уже скрывшимся за силуэтом замка. Бэтиель запуталась в полах плаща, который был, очевидно, слишком велик для ее хрупкой фигуры, и громко выругалась.

— Пользуйся людским языком, Бэт, — предостерег Индис.

Эльфийка скривилась; его замечания били по ее самолюбию сильнее прочих.

На стене показался лучник, нацеливший на нас стрелу. Мы мгновенно остановились, и я задрал голову вверх, придерживая норовящий слететь капюшон.

— Кто такие? — буднично крикнул королевский подданный.

— Странники, — громко ответил я. Бэтиель увлеченно поправляла накидку, не обращая внимания на разговор, а Индис заинтересованно оглядывал стены. — Если это возможно, мы бы хотели переночевать и набрать припасов перед дальнейшей дорогой.

Лучник еще какое-то время рассматривал нас, но, хоть и не проявлял особого интереса, заметно колебался. Я отодвинул полы плаща, чтобы продемонстрировать отсутствие крупного оружия вроде меча, молота или топора, и ткнул Индиса, чтобы он сделал то же самое. Стражник удовлетворенно кивнул, и ворота стали медленно открываться.

Мы проскочили в щель, как только она стала достаточно широкой для наших тел, и шум каменного города тут же захлестнул нас. Люди сновали по улицам, занятые повседневными делами. Грузная женщина, пытающаяся сдуть с потного лица непослушную прядь, тащила к постоялому двору два полных ведра воды. Маленький мальчик, босой, но не пропускающий ни одной грязной лужи, разносил по домам записки и письма, доставая их из маленькой рваной сумки, висевшей на его плече, и каждый, получив послание, обязательно трепал его по лохматой голове. Всевозможные звуки города переплетались в особую, пусть и несколько

сумбурную мелодию, однако ни ругань рабочих, ни крики детей, ни вещание глашатая на площади не могли перебить музыку бьющегося об наковальню молота.

Я прежде бывал в Грее, но редко без повода, и никогда — в обход запрета, так что стыд за неповиновение быстро придавил меня к земле. Мы рассматривали товары в лавках, общались с горожанами, улыбались прохожим, и восторг наполнял мое сердце, оттого лишь утяжеляя вину. Индис заметил, что приключение приносило не так много удовольствия, как ожидалось, и тут же придумал, как превратить наш побег в общественно полезное дело.

Мы разделились, договорившись встретиться в трактире “Три ивы”, как только на город опустится ночь. До тех пор каждый из нас обязался пройти по определенной части города, полностью обратившись в слух; узнав настроение горожан и слухи, что беспрестанно гуляют по улицам, было бы легче предугадать планы короны. Мне достался рынок, стоящий у подножия холма, на котором возвышался замок короля Эвеарда — исполинское сооружение из светло-серого камня с бесчисленными комнатами в лабиринтах коридоров. Сложная архитектура здания указывала на статус правителя, чистота и спокойствие на улицах — на любовь народа, а флажок с развивающимся на нём гербом с изображением дубового листа — на его единство. Говорят, король лично выходил на улицы, чтобы спросить у людей, под каким знаменем они хотели бы видеть родные земли, и принял решение, лишь опросив каждого жителя страны. Грей не было бы, не поддержи азаани когда-то прадеда нынешнего правителя, Уинфреда, наделив того правом на вырубку аррумского дерева для постройки первых зданий, и потому мнение Маэрэльд в выборе символики Грей, конечно, тоже не осталось без внимания.

На рынке царил карнавал запахов. Солонина, вино, специи. Горы свежеспеченного хлеба, демонстрирующие, что находящийся под властью Грей Лартон являлся крупнейшим поставщиком зерна на материке.

Люди всё так же в озабоченности пробегали мимо, бесконечно задевая меня корзинами.

Одно из прикосновений решительно выделялось на фоне прочих; оно было мягким и теплым, словно кто-то медленно скользнул пальцами по тыльной стороне моей ладони.

Я обернулся. Знакомые смоляные пряди промелькнули в толпе, едва дав мне возможность заметить их, и исчезли в бурлящем потоке людей.

— Дракон тебя побери, чего встал посреди дороги! — окликнул скрипучий голос. Пожилая дама разочарованно наблюдала, как яблоки из выпавшей из рук корзины стремительно разбегаются по дороге. Половину из них тут же подавили не смотрящие под ноги подданные Грей. Дама сетовала, что не в силах наклониться и собрать их, однако от помощи отказалась, предпочтя бросать ругательства вслед до тех пор, пока я не скрылся из виду.

Пожалуй, это было самое интересное, что произошло со мной за день в королевстве. Абсолютно никто в пределах выбранной мной зоны не сказал чего-либо полезного; никаких сплетен, тихих разговоров за углом, ругани на произвол. Ничего.

Когда я добрался до трактира, Индис и Бэтиель были уже на месте. Они сидели за столом, склонившись над пинтами эля и тарелкой с печеными овощами и оживлённо спорили.

— Ну что, как успехи? — прервал я их, подсаживаясь. Я спустил капюшон, чтобы в тусклом свете заведения не чувствовать себя слепым; к счастью, длина волос позволяла без проблем скрывать признаки, отличавшие меня от основной массы посетителей.

— Слышал у кузнеца, что король поручил ему крупный заказ, — непривычно серьезно

отчитался Индис. — Около тысячи мечей и доспехов, которые нужно отремонтировать и подогнать. Он даже взял себе нескольких помощников, которых, как я понял, никогда раньше к наковальне не подпускал.

— Странно, — ответил я.

— Вовсе нет, — вмешалась Бэтиель, ставя на стол опустошенную пинту. Та была такой огромной, что эльфийка едва удерживала её одной рукой. — Возле казарм я видела множество мальчиков, совсем юнцов. Проходят военную подготовку, и, похоже, ускоренную.

— Судя по всему, планируют нападение. Но куда? — Индис задал вопрос, но ответ на него тут же дал сам. — Наверняка на Эдронем, как и сообщалось, но я все никак не пойму... что им делать на севере?

Я хмыкнул в ответ. Политика подобного рода прежде не касалась моего ума, и оттого лишь более диким казалось происходящее. Сначала я чуть не бросился в битву, что меня совсем не касалась, теперь — пытался выведать планы правителей, подслушивая разговоры подданных. Я совершенно не понимал причины конфликта, даже если тот и был выдуман. Впрочем, разведчиком я оказался дрянным; не услышать ни одного стоящего слова в месте, где люди только и делают, что болтают, было в некотором роде унижительно.

Индис похлопал меня по руке.

— Смотри.

Эльф указал на столы в другой части таверны, и я повернулся, чтобы разглядеть их получше. Взгляду пришлось продирааться через посетителей таверны, как через плотные заросли; пестрые, грязные одежды и однообразные лица смешивались, не позволяя сосредоточиться на них взгляд, и лишь спустя несколько долгих секунд я понял, на что Индис обратил внимание.

Неподалеку от нас тучный светловолосый мужчина соревновался в количестве выпитой на скорость медовухи. Его пухлые губы и подбородок блестели от влаги, а глаза устало подсчитывали стоящие на столе пинты. Около десятка были пусты, но оставалось еще две, одну из которых он держал в руке и никак не мог прикончить. Его соперник, судя по всему, справлялся с задачей значительно лучше.

— Ведьма, — захохотал мужчина, рыгая.

Девушка с красной нитью в волосах опустошила последнюю пинту и триумфально ударила ей об стол с такой силой, что половина его содержимого тут же скатилась на пол. Гости трактира взорвались одобрительными криками, осыпая победительницу аплодисментами, и та залезла на стол, чтобы театральным поклоном отблагодарить за интерес, проявленный к ее скромной персоне.

— Миа, — ошеломлённо прошептал я.

— Вы знакомы? — с нотой возмущения в голосе отозвалась Бэтиель.

Миа подняла голову, собираясь слезть со стола, но поймала мой взгляд и замерла. Я подумал, что мне стоило притвориться, будто я не заметил ее; это освободило бы ее от необходимости проявлять вежливость и приветствовать меня. Возможно, я застал её в неловкий момент, — хотя, судя по всему, она была невероятно горда собой, — ведь она вряд ли могла подумать, что наша следующая встреча пройдет именно так. Впрочем, я даже не успел отвести взгляд, чтобы приступить к выполнению своего трусливого плана.

— Тери!

Возглас был таким радостным, что все без исключения обратили на него внимание. Миа перескакивала со стола на стол, и я, пребывая в полнейшей растерянности, встал, чтобы

галантно пригласить ее присоединиться. Варианты приветствия метались в голове, и я не знал, какой подойдет лучше — почтительный наклон головы, рукопожатие или дружелюбные слова; лишь знал, что вариант с ножом и стрелами больше не годился. Так или иначе, ни один из способов не оказался достаточно эффективным, чтобы парировать действия Мии. Оказавшись на столе, что находился позади, девушка запрыгнула мне на спину и потрепала по волосам. Я подхватил ее, не желая уронить.

— Тери, я так рада тебя видеть! — едва складывая слова в предложения, пропела Миа. Я, невольно оказавшись в непосредственной близости от лица девушки, почувствовал запах её кожи: сладкий и теплый, обилующий оттенками охваченных пламенем ароматных поленьев. — Давно ты в городе?

— Совсем недавно, — ответил я.

Я указал на свободную скамью, и Миа спустилась на пол. Даже не взглянув на моих спутников, она присела на предложенное место и потянулась к моей пинте.

— Ой, это так здорово! — пробормотала она, повернув голову. Наши лица оказались непозволительно близко, и Миа чуть отшатнулась. Её рука скользнула к моим волосам и поправила их, прикрывая оголившееся ухо. Я смущенно кивнул. Удивительно, что в таком состоянии она задумалась о возможных последствиях столь незаметной детали.

— Поздравляю с победой, — вставил Индис, поднимая пинту.

Миа вздрогнула от громкого голоса и обратила замутненный взор к эльфу. Его лучезарная улыбка была способна ослепить, но живущая в непосредственной близости к замку девушка наверняка видела в жизни немало красивых мужчин, и его очарование ничуть на нее не сработало. Она вежливо, хоть и нечленораздельно, поблагодарила его, а затем вновь повернулась ко мне.

— Надо п... показать тебе... город, хочешь, я... покажу...

Слова слетали с губ все медленнее, а голова постепенно опускалась на мое плечо. Лишь коснувшись лбом ткани плаща, Миа сладко засопела. Я засмеялся — то ли от несвоевременности ситуации, то ли от ее неуместности, — а напряженная до скрежета зубов Бэтиель наконец набралась смелости вложить в один короткий вопрос все недовольство, на которое было способно ее крошечное существо.

— Кто это?

— Кажется, дочь кузнеца, — ответил я. Желание пожать плечами было почти непреодолимым, но я остановил себя, ибо положение Мии на одном из них казалось крайне шатким. — Не думал, что она меня узнает. Виделись лишь однажды.

— Это было рискованно, — пояснила свою нервозность Бэт.

— Не думаю, что кто-то из присутствующих способен на конфликт, — не согласился я. — Они с трудом могут сосредоточиться на том, что лежит в их тарелках.

Эльфийка хмыкнула. Индис молчал, всё это время смотря на меня с многозначительным прищуром; по возвращению в Аррум меня ждал многочасовой допрос с пристрастием. Я имел смелость не поделиться с ним подробностями встречи с Мией, и теперь его воспаленное любопытство испытывало небывалое неудовлетворение.

После полуночи посетители трактира стали расходиться по домам и комнатам на постоялом дворе. Индис и Бэтиель также ушли, предпочтя мое общество подушке и одеялу. Количество потребленного Мией эля не позволило ни одной из моих уловок разбудить ее, и я, не видя иного выхода, вынырнул из-под ее головы, аккуратно обхватил за талию и поднял ее на руки. Чтобы иметь возможность разузнать что-либо и ночью, мы специально взяли

комнаты в трех разных зданиях, и моя, к счастью, оказалась ближайшей к трактиру.

Дверь мне помог открыть проходящий мимо мужчина. Он красноречиво ухмыльнулся, глядя на находящуюся в бессознательном состоянии деву в моих руках, отчего по спине пробежал омерзительный холодок. Я положил Мию на кровать, чем чуть не нарушил ее сон; тяжело вздохнув, она повернулась набок и тщательно укуталась в одеяло.

— Поразительно, что мы встретили именно тебя, — протянул я.

Соорудив из плаща подобие подушки, я устроился на полу рядом с дверью и совсем скоро исчез в царстве мечт и теней.

Мой сон чуток, а потому на постоялом дворе, полном пьяниц и беспризорников, он оказался для меня непозволительной блажью. Я просыпался от каждого шороха: шагов постояльцев за дверью, кашляющего пьяницы на улице, постоянно ворочающейся в постели Мии. Всё это время я оставался неподвижен, пока мой разум не потревожил стук копыт. Стук сотен копыт.

С трудом раздвинув ставни ветхого окна, я высунулся на улицу. Близость постоялого двора к городским воротам подарила мне лучшую точку обзора. На дорогу с напором, словно вода в засохшее русло, выплеснулось целое войско. Гнедые кони в полной амуниции гордо вышагивали по выложенной камнем улице, а всадники, которые, напротив, были одеты легко, приветствовали прохожих, словно вернулись победителями из затяжной войны. Отсутствие железных доспехов обнажало загорелую кожу, а черные волосы и бороды блестели, отражая позднелетнее солнце. Поток гостей Греи не прекращался: вслед за конницей вошли пехотинцы, а затем — караваны слуг. Горожане встречали чужеземцев восторженными вздохами.

Я надел плащ, натянул капюшон и выскочил на улицу, лишь взглядом попрощавшись с все ещё безмятежно спящей лисицей. Я надеялся, что, придя в себя, она не подумает, что я воспользовался положением, иначе я вряд ли смогу доказать ей, что дела обстояли иначе. Впрочем, она могла и вовсе не вспомнить о нашей встрече; большое количество эля способствует утренней забывчивости.

Следуя вместе с толпой за шествующим к замку войском, я пытался пробраться к чужакам, чтобы получше их рассмотреть. Их лошади были нагружены сверх нормы, а все воины — коротко стрижены; вероятно потому, что добирались по морю, а длинные волосы не любят влаги. Но как же они тогда перевезли столько лошадей?

— Мои дорогие гости! — раздался низкий голос, и народ, как по команде, затих. Мы практически подошли к замку, миновав рынок, и остановились на главной городской площади у подножия замка. Король Эвеард вещал с насоро перетащенного на площадь помоста. — Хант, благородный принц Куориана!

Что ж, это объясняло их внешний вид. Куориан — остров на юго-западе, одно из богатейших королевств; повелители золота и вулканов, коими их земли так богаты. Но для прибытия в Грею, откуда до ближайшей воды добираться почти неделю, должна быть веская причина. К тому же, для огромного войска во главе с наследным принцем.

— Куориан не мог не откликнуться на ваш зов, Ваше Величество, — гулко ответил принц, оставшись верхом на лошади, но всё же изобразив поклон. — Грея всегда была нам верным союзником и другом.

— Располагайтесь. — Король махнул рукой слугам, которым, по всей видимости, поручил этим заняться. — Для доблестных воинов место найдётся всегда. А к полудню мы

ждем вас и ваших военачальников на обед. Моей семье не терпится с вами познакомиться!

Принц Куориана кивнул и нехотя сполз с лошади, отдавая приказы стоящему рядом громиле. Эвеард же отошел в сторону. Я как раз подобрался к помосту, заняв место в первом ряду, когда король наклонился к стражнику и разъяренно прошептал:

— Где, дракон побери, моя младшая дочь?

Растерянный стражник стал вертеть головой из стороны в сторону, указывая на свою неосведомленность. Король тяжело вздохнул, коротким движением поправил седые волосы и направил бесцельный взгляд вдаль. Эвеард был рожден в не слишком солнечных землях, но коричневый, почти красный загар уже не смывался с его кожи; отпечаток многолетних военных походов навсегда останется с ним, как напоминание о молодости, полной побед и поражений. Однако это совсем не делало его похожим на островитян, коими теперь полнился его двор; цвет глаз сильно выделял его на их фоне. Династия, начавшаяся с первого короля Грей, Уинфреда, являлась носителем редкого для людей признака — светло-серых глаз. К тому же, сильная челюсть, делающая его лицо почти квадратным, и впалые щеки, ничуть не полнеющие от сытной королевской жизни, и без того выделяли его в ряду мужчин его возраста. Увидев Эвеарда, ты никогда не засомневаешься, что перед тобой стоит король.

Из замка вышли две женских фигуры: одна — темноволосая, явно южанка, но давно живущая в наших краях, вторая — бледная, невесомая девушка с пшеничного цвета волосами. Их богато расшитые платья сверкали в свете утренних лучей, недвусмысленно сообщая о положении в обществе. Обе царственно встали рядом с Эвеардом. Жена и дочь.

— Рады приветствовать вас, принц Хант, и ваше войско, — удивительно низким голосом произнесла южанка, одаривая гостя легким, почти незаметным наклоном головы. — Королева Ровена, к вашим услугам.

— И принцесса Минерва, — безразлично дополнила принцесса.

Толпа за моей спиной будто бы забурлила, то вздымаясь, то расходясь в стороны. Младшая дочь короля спешила к помосту, не успев к мероприятию из-за, вероятно, увлекательной прогулки по городу, хотя я едва ли мог представить место, из которого недавнее шествие можно было не заметить.

— Спасибо, Богиня, — вздохнул король негромко.

Чуть мятое фиолетовое платье мелькало в толпе, а локоны, точь-в-точь повторявшие цвет волос королевы, развиваясь, задевали прохожих. Я отступил, как поступали все, оказавшись на пути опоздавшей особы. Пробегая мимо, она, как и прошлым вечером в таверне, замерла, из толпы глазееющих выбрав именно мой взгляд.

Значит, принцесса.

Возобновив спешку, она наконец добралась до членов своей семьи и, не обращая внимания на крайне недовольный вид короля, позволила себе отдышаться.

— Ариадна, — представилась она принцу Куориана. — Если можно, просто Ариадна.

Впечатленный забегом принцессы Хант широко улыбнулся. Если честно, я бы не назвал его улыбку не иначе как непристойной, но это вполне могло быть проявлением недостатка у меня знаний о королевских обычаях. Как и о людях в целом.

— Дорогая пр... Ариадна, — поприветствовал Хант, медленно потянувшись к области за ухом. Принцесса, мгновенно считав намек, запустила руку в волосы и вытащила застрявшую в них соломинку; вероятно, выбилась из подушки на постоялом дворе. — Принцесса Минерва, госпожа Ровена и Ваше Величество король Эвеард. Я счастлив быть здесь и надеюсь на плодотворное сотрудничество двух великих держав. А сейчас, если

позвольте, нам необходимо расположиться. Я буду в столовой к полудню, со всеми дарами, что переданы вам с моих земель.

Толпа засвистела и захлопала в ладоши. Причину для аплодисментов я, видно, упустил, но последовал примеру горожан. Ариадна растерянно смотрела на меня с высоты помоста, перебирая пальцами подол платья. Не знаю, как выглядел со стороны я сам, но замешательство я скрывать даже не пытался.

Все стало на свои места, сложив из мазков краски цельную, яркую картину. Грамотная речь, дорогая одежда, редкое оружие. Если принцесса хочет обучиться искусству владению клинком, для нее, полагаю, тут же находится лучший учитель, и потому ее навыкам удивляться не следовало. Вопросов, однако, оставалось много. Зачем пробираться в лес и скрываться под чужой личиной? Могла ли она быть разведчиком? Представителей данной профессии убивают, не оглядываясь на законы, но никто не посмел бы обвинить в подобном дочь короля. Разве ей не полагалось утопать в роскоши и власти? Я допускал, что имею весьма ограниченное представление о людях знатных родов. И все же я точно знал, что они, в отличие от эльфов, могли наследовать и захватывать власть; это накладывало на их общество мрачную тень честолюбия. Деньги и вытекающее из их количества влияние не меняют в нашем мире ничего, кроме тяжести кошелька, в то время как люди молятся монетам едва ли не больше Матери Природы.

— Пора идти, пока все не разбежались.

Индис с Бэт сумели отыскать меня в толпе. Минуты задумчивости совсем вытянули меня из реальности; я с удивлением обнаружил, что помост опустел, куорианская армия исчезла в коридорах замка, а горожане принялись расходиться на рабочие места, взбудораженные неожиданным представлением.

Я кивнул, и Индис утянул меня в самую гущу толпы. У ворот нас встретил стражник, и я, чтобы избежать лишних вопросов, кинул в его сторону монету. Пытаясь её поймать, мужчина чуть не запутался в собственных ногах. Под смех его сослуживцев мы вышли за ворота, неторопливым шагом направляясь в Аррум.

— И как скоро ты хотел рассказать нам, что завёл дружбу с принцессой? — с улыбкой спросил Индис.

Так и знал, что он не дотянет до дома.

— Она представилась дочерью кузнеца, и у меня не было причин ей не верить, — в сотый раз объяснял я другу. Он заставил меня пожертвовать долгожданным сном, чтобы скрасить его вынужденное одиночество на южном выходе из леса. Он считал, что я скрывал подробности из-за Бэтиель, якобы не проявлявшей интереса к разговору, и непременно распахну ему двери в свое сердце, как только мы останемся наедине. — Загар, будто работает под солнцем. Одежда как у разбойницы, хоть и чистая, и никаких следов изысканных платьев. Да и какая принцесса сбегает в лес посреди ночи?

— Ну, получается, одну такую мы уже знаем, — точно заметил он. — Но все еще не понимаю, зачем.

— Сказала, что хочет побыть одна, — пожал я плечами. — Хотя, судя по тому, как она кинулась на меня с ножом, может, хотела зарезать пару эльфов к ужину.

Индис баловался со стрелой, подкидывая её. Новость о нападении настолько завладела его вниманием, что он совершенно не обратил внимания, куда упал запущенный в воздух снаряд. Рассказ о ситуации с лисой почти довел его до истерики, и я был рад, что отвлек его,

хоть и обрекал себя на вечные насмешки. После похода в Грею Индис был глубоко обеспокоен. Весть о том, что Эвеард планирует нападение, не поставив в известность эльфов, не могла не настораживать, и приехавшие на помощь островитяне лишь усложняли ситуацию.

Так вышло, что наш народ сотрудничал с людьми. Так или иначе, все, кто приезжал в Грею, задевали часть наших лесов по дороге, а значит, всё, что касается Греи, неминуемо касается и нас. Если горные эльфы по многим причинам сумели этого избежать — через горы в земли Эвеарда будет добираться разве что сумасшедший, — то мы были обречены на взаимодействие. Если Грея планировала завоевание чужих земель, азаани следовало узнать об этом из уст короля, ведь угнетённые правители редко мирятся с незавидной участью — они возвращаются мстить. А Аррум, в таких случаях, неизбежно страдает лишь по причине того, что тысячелетиями стоял на месте, рядом с которым пару сотен лет назад возвели каменный город.

Проблема состояла в том, что Эвеард совершенно точно был об этом осведомлен. Мой отец работал с ним долгие годы; они наладили такой мир между нашими народами, который в то время было сложно даже вообразить. И обо всех правилах этого мира Эвеард не просто знает — он составил и утвердил их, подписав документ и дав клятву на собственном роду. Тем страннее смотреть, как бесчестно он пренебрегает заключёнными договоренностями. Он не так уж стар, чтобы разум его помутился, но, быть может, жажда богатств все же проела дыру в его благородной душе.

Шорох.

Мы с Индисом резко повернулись в сторону шума, чему его источник совсем не удивился. Серые глаза выглядели скорее усталыми, нежели испуганными, а забытая Индисом стрела игриво покачивалась между ее пальцами. Я попытался подыграть невозмутимости принцессы.

— Ну, привет, лисица.

— Эм... Миа, если ты забыл, — немного обиженно поправила она.

— Я помню, — улыбнулся я, сумев не выдать неловкости. — И первое имя, и второе.

Ариадна протянула Индису его стрелу. Я гадал, как она определила хозяина; быть может, обратила внимание на ленты, украшавшие колчан Индиса и древко каждой из его стрел, или подумала, что я не стал бы раскидываться столь ценными боеприпасами. Возможности человеческого зрения в темноте доподлинно мне известны не были, но я все же предпочел верить во второй вариант.

Серый плащ скрывал столь же неприметные одежды, и оттого резные ножны лишь громче кричали о своей уникальности. Ариадна пыталась отдышаться, но исходящее из-за кустов недовольное фырканье явно принадлежало кое-кому более крупному.

— Пришлось объехать пол леса, чтобы отыскать тебя, — объяснила она свою усталость принцесса. — Повезло, что отправилась не пешком.

— Я польщен твоим рвением, но сомневаюсь, что оно вызвано интересом к моей персоне.

Ариадна ухмыльнулась, и я едва сдержался, чтобы не поступить так же; фраза прозвучала так, будто новорожденный ребенок попытался влезть в отцовские ботинки — глупо.

— Послушай, — произнесла лисица после нескольких секунд молчания. — Я не хотела врать, но... ты бы поверил, признайся я в своем происхождении?

— Было бы странно, — протянул Индис.

Я с укором посмотрел на друга, и взгляд вышел таким выразительным, что тот вжал голову в плечи.

— Мне просто нравилась мысль, что я могу быть кем-то еще. Помнишь, что я говорила об оружии? — продолжила Ариадна, и я кивнул в ответ на ее вопрос. — Меня ужасно достали все эти условности. Может, я хочу ругаться матом, драться и пить медовуху, а не влезать в корсеты и любезничать с мужчинами втрое старше?

Принцесса ждала отклика в наших глазах, но всё это казалось настолько далеким и ненастоящим, что мы не нашли подходящего ответа.

— Но, как вы понимаете, никто не спрашивает, чего я хочу.

Я опустил на траву, приглашая Ариадну присесть рядом. Принцесса на минуту вышла из леса, чем несколько смутила меня, но звуки скользящих по коре поводев подсказали, что она отвлеклась на привязывание коня к дереву.

— Может, мне стоит уйти? — тихо предложил Индис.

— Нет, останься, — тут же возразила Ариадна, высовываясь из-за листвы. — Ты...

— Индис.

— Останься, Индис. Я хочу, чтобы ты стал свидетелем моих слов.

Пораженный эльф облокотился на дерево, сложив руки на груди; он еле сдерживался, чтобы не завалить принцессу вопросами. У меня их скопилось бесчисленное множество, но я не знал, насколько вправе задать хоть один из них.

— Я знаю, что совет Грей посоветовал отцу не обращаться к вам, и потому пришла сама. Полагаю, вы слышали о недавних стычках?

Ариадна намеренно сдерживалась в выражениях, и руки ее то встревоженно блуждали по полам плаща, то поправляли непослушные пряди. Казалось, если мы прервем ее хоть на мгновение, переживания разорвут ее изнутри. Это было столь очевидно, что даже вечно болтающий Индис предпочёл промолчать в ответ.

— Отец стал очень... воинственным. Недавно наши вассалы попросили о помощи: их дома грабили, а деревни сжигали, выживая с их собственной земли. И когда поход оказался настолько удачным, что воины вернулись не только освободителями, но и добытчиками, он будто ухватился за хвост ускользящей молодости. Его разведчики повсюду, и совсем скоро он перестанет довольствоваться мелкими добычами.

Ариадна наконец села рядом со мной и закуталась в плащ, немного подрагивая, однако теплые летние ночи, как и любые ткани, к сожалению, не в силах унять внутреннюю дрожь. Я поднял свой плащ с травы и накинул его ей на плечи; она подняла взгляд, немного сдвинув брови, будто я вновь сделал что-то оскорбительное, и продолжила рассказ.

— К тому же он очень внимателен к советам моей старшей сестры. Да, она — первая в списке наследников престола, выпитывавшая азы правления с молоком... молоком матери, — Ариадна сбилась, будто бы засомневшись в точности подобранного выражения. — Многие решения в Грее принимаются именно с её подачи и одобрения. Весь двор, за исключением, пожалуй, капитана гвардии, также жадно внимает ее словам. И теперь, похоже, к ним присоединится войско островитян во главе с принцем Хантом.

«Войско островитян». Я улыбнулся, поняв, что она разделяет моё пренебрежение. Правда, если причины моей настороженности были ясны, то с её позицией еще предстояло разобраться. Днем раньше, как мне показалось, Ариадна была весьма приветлива с принцем; как и он, столь любезно намекнув ей на ненадлежащий вид.

— Они собираются нападать на Эдронем? — не выдержал Индис. — Но с какой целью? Что им искать в их холодных пустошах, что...

— Эдронем? — переспросила Ариадна, перебивая эльфа. — Впервые слышу. Ты прав, отправляться туда бессмысленно.

— Но эльфы с севера сообщили, что Грея напала на их лес несколько недель назад, — вмешался я.

— Может, и так, — согласилась принцесса. — Но новых нападений на них не планируется. Насколько мне известно, их целью является Амаунет.

Мы с Индисом переглянулись. Это королевство находилось так далеко на востоке, что за всю жизнь в Арруме я слышал о нем лишь дважды; их климат и природные условия настолько не подходят для эльфов, что даже попытки побывать в тех краях давно не предпринимались. Пустыни, степи, песок, невыносимая жара и сухость — ад для любого представителя народа, что находится в столь близких отношениях с природой и жизнью, что она даёт и отбирает. Сложно было даже представить, что привлекло Эвеарда в далеких засушливых землях.

— Именно поэтому на помощь приехали куорианцы, а не народ моей матери, хоть Драрент и находится значительно ближе, — продолжила Ариадна, заметив наше замешательство. — Никто кроме них и самих амаунетцев не знает, как выжить в такой изнуряющей дороге.

— И жителей Шааро, — вздохнул я. — Если на этом гиблом острове все еще кто-то живет.

— Но разве у Греи когда-то были конфликты с Амаунетом? — поинтересовался Индис. — На почве ресурсов? Наследия власти? Торговли?

— Никакого контакта, — отрезала принцесса. — Это меня и беспокоит.

Индис хотел вставить что-то язвительное — это желание так легко читалось на его лице, что я еще никогда не ошибался с подобного рода предсказаниями, — но мой строгий взгляд остановил его еще до того, как он открыл рот.

— Когда-то мы с Минервой, как и все сестры, были близки. В детстве мы даже создали шифр, чтобы никто не мог читать наши записки. Мы словно строили вокруг себя уютный мир, в котором лишь мы могли друг друга понять, но теперь... сейчас мне кажется, будто я никогда не знала этого человека.

Какое-то время мы просидели в полной тишине. Ариадна пыталась справиться с подступившими слезами; слова о сестре дались ей непросто. К тому же то, что она поведала другому народу планы королевской семьи, легко могли счесть за измену. Эвеард не позволил бы казни состояться, но утратил бы к дочери доверие и любовь — то, что необходимо ребенку вне зависимости от возраста. Индис уставился в одну точку, пытаясь сосредоточиться. Я же поднялся с земли и ходил вокруг деревьев, скрепив руки за спиной; действие бездумное, но именно потому позволяющее направить мысли в нужное русло.

— Жаль, что господина Айреда больше нет. Он бы быстро вразумил отца, — поджав губы, прошептала принцесса.

— Ты его знала?

— Я любила, когда он бывал в Грее, — пояснила она, ни капли не удивившись моему интересу. — Если визит выпадал на период цветения, он всегда приносил мне венок из ромашек. Ваш лес ведь потому так и зовут, верно? Айред рассказывал, что Аррум означает «золотой луг», потому что летом все поляны застланы ромашками.

Голос Ариадны вновь дрогнул. Было сложно понять, накопившиеся ли это переживания или скорбь по ушедшему другу детства, но, когда она спрятала лицо в ладонях, а накидка слетела с плеч, я подошёл и, желая поддержать, аккуратно коснулся ее спины.

Ариадна вдруг вскочила на ноги, быстро утирая слёзы, и сделала выражение лица настолько серьезным, что в нем легко читалась агрессия.

— Всё нормально, — бросила она, словно то были не слова, а тысяча маленьких кинжалов, призванных сделать из меня решето. — Не стоит меня жалеть.

Я, совершивший это действие инстинктивно и не помышлявший ничего дурного, лишь поджал губы в ответ. Мой опыт общения с эльфийками не был чересчур богат, но с девушками из числа людей и того стремился к нулю; устройство их разума мне малознакомо. Я слышал, что задеть их чувства в разы проще, и все же реакция Ариадны на неуместную попытку поддержки все равно показалась мне преувеличенной.

— Я не знаю, что вы будете делать с тем, что я на вас обрушила, — нарушила неловкую тишину принцесса. — Простите за это. Но я подумала, что вам стоит знать. Может, вы передадите её вышестоящим лицам.

— Так и поступим, — ответил Индис.

— По крайней мере, я знаю, что господин Айред хотел бы..., - принцесса замялась и, чтобы скрыть это, передала мне мой плащ. — Спасибо. До встречи, Териат. Индис.

Обратившись к моему другу, Ариадна присела в наигранном реверансе, что наконец заставило его хоть немного улыбнуться. Последние минуты на нём не было лица.

— Хорошей дороги, принцесса, — ответил он ей таким же театральным поклоном.

— До встречи, лисица.

Мое прощание едва ли достигло адресата, но я не сумел произнести его раньше. Индис с тяжелым вздохом опустил на траву, и я без колебаний прилег рядом.

— Почему ты не сказал ей, что Айред — твой отец?

— А почему ты не твердишь каждому прохожему, что ты — сын азаани?

Индис понимающе кивнул головой.

— Вот и я о том же, — согласился я, направив взгляд на беззвездное небо. — Я — не мой отец.

Мы с Индисом решили разделиться. Азаани, несмотря на все выходки, беспрекословно доверяла сыну, и поэтому именно он должен был поведать ей обо всем, что нам рассказала принцесса. Если возникнет необходимость, меня вызовут, и я подтверждаю его слова. До тех пор я должен был, не подавая виду, заниматься своими делами и выполнять привычные обязанности.

Пришло время для охоты.

Наш отряд состоял из семи эльфов и оставался неизменным на протяжении последних двух десятков лет. Охотой занимались лишь молодые эльфы, даже юные — не старше 150, — физические способности которых находились на пике. Наши реакции молниеносны, зрение остро, слух превосходен, а руки отправляют стрелы в воздух быстрее, чем животное успевает набраться сил для спасительного рывка. Для добычи годилось любое — лично предпочитал кабанов, — и лишь олени могли жить в Арруме без страха.

Эльфы считали их священными, и потому численность этого вида лишь возрастала. Тело и разум любого рожденного в наших землях оленя были чрезвычайно развитыми; любой из них — вдвое или втрое больше обычного. Среди них, как и в любом другом обществе, был главный — мы зовём его Эвлон, дословно «правителей оленей», — и он находился в тесном сотрудничестве с азаани. Ориентируясь на людские обычаи, ее называли королевой эльфов, тогда как Эвлону больше подходило звание царя Аррума. Впрочем, мы часто звали его иначе — Духом Леса. Придя к Дворцу Жизни, Эвлон можно нередко застать там, мирно, но величественно лежащим на траве. От царя леса всегда исходило легкое свечение, словно прямо за ним находилось его личное маленькое солнце, а благоговение, кое любой ощущал в его присутствии, — одно из самых сильных чувств, что кто-либо может испытать. Правители леса не существовали друг без друга: божественная связь пустила корни глубоко в их сердца и не позволяла отдаляться надолго. Связь, о которой мечтают друзья и любовники; связь, которой больше никому не познать.

Я забрался в ту часть леса, где редко бывал раньше, но смена позиций являлась неизбежным препятствием на пути к отточенному навыку. Я заметил на небольшой полянке место с примятой травой; какой-то зверь постоянно сюда возвращался. Затаившись в густых кустах, я принялся ждать. Мой самый любимый момент. Я — весь внимание, и жизнь леса словно входит в мой разум, как в открытые двери. Чарующее пение птиц. Шелест листьев; осень уже потихоньку вступала в свои права, а потому звук каждый день менялся, вторя нарастающей сухости листвы. Ветер, складывающий свои порывы в причудливые звуки.

— Аарон, — вновь послышалось мне.

Я бы подумал, что это было очередной далеко зашедшей шуткой Индиса, что он намеревался свести меня с ума, но звуки пролетели мимо, словно были частью дуновения ветра. Меня окружала лишь тихая идиллия осеннего леса. И кое-кто еще.

Огромный вепрь с темно-коричневой шерстью медленно вышагивал к излюбленному месту. Встретив по дороге куст с ягодами, он, похрюкивая, наклонился к плодам и стал усердно вылавливать их из густой листвы. Изо рта, устремляясь в небо, торчали два огромных клыка. Самец.

Я аккуратно снял лук, чудом сумев не издать ни малейшего звука, вытащил из колчана стрелу и нацелился на животное. Легкая добыча: находившаяся неподалеку цель практически не двигалась, но странное ощущение в груди не позволяло сделать выстрел. В глазах помутнело. Пальцы потеряли твердость. В ушах нарастал неприятный звон; сначала он был похож на назойливого комара, затем перерос в рой пчел, а после — в оглушительный вой. Боль была столь сильна, что перетянула на себя все внимание. Рука соскользнула с тетивы, и стрела вылетела из рук, неловко приземлившись прямо у облюбованного кабаном куста. Он тут же обернулся на источник звука.

Я смутно понимал, что происходит. Отбросив лук, я попытался закрыть уши ладонями, надеясь, что это хоть как-то поможет, но это лишь отрезало от меня часть внешнего мира, и звон заполнил собой все моё сознание. Кабан топтался на месте, словно разгоняя в крови нарастающую ярость, и, взревев, кинулся в мою сторону. Разум кричал, что пора убегать, но ноги подкашивались, неизменно прибывая меня к земле. Вепрь стремительно приближался, но в мгновениях от меня пронзительно взвизгнул и повалился на бок. Звон резко закончился. Я встал на колени и выглянул из-за куста, служившего мне баррикадой; беспомощное животное сотрясалось в конвульсиях, и стрела в брюхе вторила его движениям.

— «Спасибо» не скажешь? — послышался голос Аэгтира.

Удивительно высокий и худой для представителя нашего народа, с соответствующе удлинённым лицом, он не был рожден для охоты — уж слишком угловат и неповоротлив, — но победил предрассудки упорным трудом и природным талантом.

Аэгтир показался между деревьев, и я изумился, с какого огромного расстояния он разглядел нависшую надо мной опасность.

— Спасибо, — растерянно ответил я, поднимаясь на ноги. Слух не уловил ни призыва недавнего безумия.

Напарник подошел и, сощурившись, оглядел меня.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил он, кладя руку мне на плечо. — С каких пор ты так неаккуратен? Он разорвал бы тебя на части!

— Не имею понятия, — прошептал я, запуская руку в волосы.

По какой-то причине я всегда совершал этот жест в попытках что-то осмыслить.

Тишина и неизвестность по всем фронтам пожирала меня. Недавнее беспокойство, выраженное азаани на всеобщем собрании, растворилось в воздухе, будто ничего и не произошло. Маэрэльд не отдавала никаких приказов. Индис признался, что передача информации матери — пожалуй, все, на что он был способен в данной ситуации. Об Ариадне я больше не слышал ни слова. Меня мучала мысль, что ее поступок повлек за собой страшные последствия, и король не пощадил дочь, позабыв обо всей любви, что когда-либо к ней испытывал.

К тому же, то, насколько меня беспокоило ее отсутствие, являлось не меньшей проблемой. Я видел принцессу трижды: в первый раз она грозила мне смертью, во второй — прыгнула в мои объятия в алкогольном беспамятстве, наутро оказавшись принцессой, в третий — раскрыла двум малознакомым эльфам тайные планы королевской семьи. Стоило ли доверять такой особе? Разумеется, нет. Я прозвал её лисицей лишь из-за случая в лесу, но сходств с каждой встречей находилось лишь больше. И всё же я знал, что она ни разу не солгала; излишняя эмоциональность не способствует успешному сокрытию истинных замыслов под маской. Мне подумалось, что цвет ее глаз символичен: она металась между верностью Грее и ее сероглазому королю, и всё же так хотела защитить его от необдуманных поступков, что обратилась к эльфам, чьи глаза ярче самой пышной летней зелени.

Впрочем, не всегда. Наши глаза темнеют со временем. Жизнь эльфа растягивается на десять людских, и на всем ее протяжении от зрчка медленно расползается карий цвет. Словно смотришь на дерево с высоты птичьего полета: в самом расцвете сил крона растет вширь и пестрит зеленью, а к концу жизни листья постепенно покидают ветки, обнажая иссыхающий коричневый ствол. Правило обходит только избранных, что находятся на посту азаани. Никто, кроме Богини, не волен знать, когда правителю придет пора смениться, а потому продолжительность жизни нынешнего также покрыта тайной; лишь после того, как природа обозначает следующего избранника, карий цвет пускает свои корни.

Очнувшись от размышлений о судьбе принцессы, я обнаружил себя бродящим на границе, откуда виднелись вершины всех четырех башен Греи. Южной башне дали имя Солнца, северную прозвали в честь Луны, западной досталось звание закатной. Однако лишь одна из них — Башня Восхода — словно притягивала меня, снова и снова выводя безвольное тело поближе к тракту и призывая путеводные огни факелов на зубчатой вершине не дать мне сбиться с пути. Несколько раз я останавливал себя, сопротивляясь неразумному желанию, но так и не сумел его побороть.

Только на полпути я очнулся, что не проверил наличие лука и стрел за спиной, а затем, когда потянулся к ним, вспомнил и про капюшон. Как оказалось позже, переживать не стоило: на стене у восточной башни не оказалось ни единого стражника, а дверь, находящаяся в основании сооружения и замаскированная под часть стены, была даже слегка приоткрыта. Справа от неё висела деревянная табличка, которую, к сожалению, я прочесть не сумел.

Поддавшись прежде незнакомому мне порыву храбрости, я вошёл в башню. Крутая винтовая лестница вела на самый верх, лишая возможности свернуть или укрыться где-либо на случай, если навстречу будет спускаться стражник. В середине пути мне показалось, что я услышал приближающиеся шаги; инстинктивно вжавшись в холодную каменную стену, я

получил в затылок осуждающий за глупость удар от древка лука. Наклонив голову, я униженно прошелся рукой по пораженному месту, и мой взгляд привлекло яркое пятно на одной из бесчисленных ступеней.

Красная нить.

Подняв её, я понял, что мои губы невольно расплылись в улыбке. Проникнув в башню, я не думал, что так легко найдулисицу; признаться честно, сомневаюсь, думал ли вообще. Надеюсь, что нить означала её присутствие в настоящий момент, я ускорил шаг, перепрыгивая ступени на пути к вершине. Ночная тишина не давала мне никаких надежд, но возникший в воздухе теплый аромат костра всё исправил.

— Ты, кажется, обронила, — произнес я.

Мой голос был тихим, но отпрыгивал от стен, создавая эхо.

Ариадна вздрогнула и, схватившись левой рукой за кинжал, резко повернулась. В окне за ее спиной зияло ночное небо. При виде меня испуг в глазах принцессы смешался с изумлением, и она покачнулась, потеряв равновесие. Пламя факела дрогнуло. Тело среагировало быстрее разума — что в последние дни случалось чересчур часто, — и спустя мгновение моя рука уже лежала на её талии, неприлично крепко удерживая ошарашенную девушку.

Мы замерли.

Когда я коснулся её бархатного платья, обнажавшего загорелые плечи, с её губ сорвался громкий выдох. Я не знал, как скоро стоило её отпустить; возможно я и вовсе не желал этого делать. Странное чувство теплом расходилось по телу. Румянец на ее щеках пылал, особенно яркий в приглушенном свете факелов, хоть возможно и был частью макияжа, что предполагал ее статус. Вена на шее пульсировала, словно ползающая под кожей змея, но учащенное дыхание она усиленно сдерживала, вероятно, не желая выдать волнение. Ариадна протянула руку к моему лицу, и я, решив, что мне предстояло получить пощёчину за оскорбительное поведение по отношению к особе королевских кровей, поспешно убрал руку за спину и отошёл на два шага.

— Териат, — прошептала она, казалось, в ещё большем замешательстве.

— Я переживал, — признался я, нащупав баланс между шепотом и оглушительным эхом. — Почему-то мне казалось, что нам стоит ждать тебя в Арруме, но ты так и не появилась.

Ариадна мимолетно улыбнулась и, подняв нить, что я обронил в попытке поймать принцессу, подвязала ей волосы.

— А мне казалось, что вам нужно время, чтобы всё обсудить, и моё присутствие будет лишним.

Я коротко кивнул. Разумеется, она была права. Хоть прошедшие дни и не ознаменовались какими бы то ни было решениями, никто не знал, что обсуждается на собраниях Двадцати.

Ариадна уже переходила из стадии смущения в позицию обороны: расправленные плечи, прямая спина, чуть вздернутый подбородок. С собранными волосами её лицо казалось строже, черты — более резкими, фигура в платье — более женственной. Образ мальчишки-задиры, которого она придерживалась в свободное время, совершенно не вязался с тем, как она выглядела сейчас. Впрочем, что-то внутри подсказывало мне, что это была лишь маска, и дорогие заморские ткани для неё — не более чем театральный занавес, помогающий скрыть мастерски исполненное представление.

— Что написано на табличке у входа?

Я задал вопрос, чтобы прервать нависшую тишину, давившую на плечи нестерпимым грузом; мой интерес был совершенно серьезным, но принцессу онне на шутку рассмешил. Она не выходила из роли, наигранно прикрывая рот ладонью, что весьма забавно контрастировало с хрюкающей от забавы “Мией” после состязания в трактире. Заметив серьезное выражение моего лица, она резко прекратила.

— Ты... ты серьезно?

— Более чем.

— Разве эльфы — не высшая раса, превосходящая людей в развитии и бла- бла-бла?

Узнаю лисицу.

— Мы говорим на вашем языке, — прислоняясь к стене и складывая руки на груди, объяснил я. — ...как ты могла заметить. Но письменность, за редким исключением, не изучаем. Нет потребности.

Ариадна, посчитав аргумент разумным, пожала плечами. Она не глядя запрыгнула на подоконник, усаживаясь на нем, и мое сердце на секунду замерло. Неустойчивое положение принцессы заставляло кровьразгоняться огненными потоками проходить через вены, чтобы в любой момент суметь среагировать.

— Я могу научить тебя, — заявила она.

— Боюсь, я не могу позволить себе такого учителя. Разве что Ваше Высочество не принимает оплату листочками да травинками в довесок к монетам.

Ариадна смягчилась, но обращение не доставило ей удовольствия.

— Прошу, не называй меня так. Как хочешь, но только не «Ваше Высочество». При первой встрече я не просто так...

— Хорошо, лисица, — перебил я ее.

Будь мы в замке, эта выходка могла бы стоить мне головы. Однако принцесса, судя по реакции, приняла это как комплимент; ей не хватало неформального общения. Прозвище ей, казалось, тоже пришлось по нраву.

— Можем встречаться дважды в неделю. Или трижды, — деловитым тоном сказала Ариадна, заходяв кругами по комнате, словно планируя не уроки письменности, а военное наступление. — После заката, здесь, в башне. Тут редко кто-то дежурит, поэтому всегда смотри в это окно. — Она указала на место, откуда чуть не выпала несколько минут назад, а затем на факел на стене напротив. — Если путь будет чист, я буду зажигать огонь. Если его нет — значит, я не сумела выбраться из лап придворных или прогнать стражу.

Я кивнул, подтверждая, что запомнил условия. Не представляя, как будут проходить наши занятия, а также ради чего мне учить людскую письменность — уж точно не ради таблички на входе в башню, — я не придумал ничего лучше, как спросить:

— Что, хочешь проводить вместе больше времени?

— Похоже, однажды пересекшись, наши пути теперь переплетены. А я не люблю неграмотных, — с наигранным презрением бросила она, и мы оба рассмеялись.

Полагать, что три вечера в неделю принцесса будет посвящать мне, было самонадеянно и глупо. Список причин пополнялся ежедневно. Во-первых, король усилил охрану в замке, разбавив гвардейцев множеством южных воинов. Во-вторых, зачастую Ариадна проводила время иначе. Каждый раз, когда в рассказе о ее дне я слышал имя принца Куориана, меня пробирала дрожь. Она едва ли хорошо отзывалась о нём; чаще рядом с его именем стояли прилагательные вроде «заносчивый», «высокомерный» и «наглый», но он, напротив,

проявлял к ней недюжинный интерес. Его общество навязывалось лисице при любом удобном случае, и, если нам доводилось видеться после ужинов в его компании, Ариадна всегда приходила измученной и серой, словно после выматывающей боевой тренировки. В такие вечера мы мало что изучали; я лишь повторял пройденное, а она молча устремляла взгляд в пустоту и изредка тяжело вздыхала.

Незнакомое чувство прожигало дыру в моем сердце. Ненависть? Никогда не думал, что приду к такому — ненавидеть человека, непосредственный контакт с которым представлял собой лишь один невзаимный взгляд. Он не сделал мне и моему народу ничего плохого. Всё, что меня в нём задевало — его частое времяпрепровождение с принцессой и то, что оно не доставляет ей удовольствия. Лишь тоску.

Ревность?

Глупости. Эльфы по большей части моногамны, верны и, что самое главное, разумны. Ревность являет собой страх потерять того, кем ты обладаешь. Но разве можно считать кого-то своей собственностью, не противореча здравому смыслу? Разумеется, нет. Является ли Ариадна моей собственностью? Ответ соответствующий.

Впрочем, после отъезда объединенного войска Греи и Куориана на восток, настроение принцессы пришло в норму, и кипящая во мне неприязнь поутихла. Улыбка всё чаще озаряла её лицо, пышные платья сменились на более привычные рубашку и брюки, а по ночам, если занятие затягивалось или начиналось позднее обычного, она часто обсуждала со мной увиденные на небесном полотне светила.

— А что означает это созвездие? — с восхищением спросила Ариадна.

Прогресс в обучении людской письменности двигался медленно. Лисица слишком неусидчива и любопытна, чтобы быть учителем, потому всё чаще мы проводили вечера за светскими беседами об обычаях и легендах наших народов. Особенно её интересовали предания о звездах. Столь далекие и недостижимые, но всё же так тонко чувствующие и откликающиеся — так она описала их, когда увидела мерцание одной из звезд, словно заметившей её терзания и давшей понять, что чувствует то же самое.

— Мы зовем его «Маэт», — пояснил я, когда, наконец, разобрался, куда именно направлен взгляд принцессы. — Бой, иначе говоря. Видишь, друг напротив друга, по три звезды на обеих сторонах, словно два, хоть и небольших, но войска, — я потянулся к её руке, чтобы указать на их расположение, но вовремя остановился. Далее я управлял ее вниманием лишь при помощи слов. — А между ними — куча маленьких-маленьких звезд. Они всегда слегка мерцают, будто стрелы, что воины пускают друг в друга. Есть поверье, что, когда мерцание стрел прекратится, наши земли больше никогда не познают горечи войны.

— Сомневаюсь, что это возможно, — разочарованно пробормотала она, опуская глаза.

После первой встречи в башне я больше ни разу к ней не прикасался. Я не знал, каким было чувство, охватившее её существо и забравшее силы дышать — будоражащим или тревожащим, — но оно было ещё слишком свежо в моей памяти, чтобы я решился вновь заставить её почувствовать подобное. Желание дотронуться подходило к краям вновь и вновь, пытаясь выплеснуться из меня, как вино из кубка на самом богатом из пиров, но я четко осознавал пропасть между нами, хоть мы и старательно пытались её не замечать. Заглядываясь на еле видные морщинки в уголках глаз, когда она смеется, на одинокую ямочку на правой щеке, слушать, как она препирается со стражниками за дверьми башни, уверяя, что не нуждается в помощи — пожалуй, довольствоваться этим не так уж плохо.

Япредпочитал, чтобы о моих походах в Гредю знало как можно меньше и людей, и эльфов, потому Индис дежурил на западном выходе из леса в разы чаще, чем прежде. Его упорство и самоотверженность восторгала прочих постовых, и, однажды вкусив искреннюю похвалу, он больше не сумел отказать мне в услуге. Взамен он требовал лишь одного: развернутых ответов на все его — крайне многочисленные — вопросы. Впрочем, вскоре область его интересовсузилась до двух, касавшихся буйствующих в моей душе чувств. Бэтиель, периодически ожидавшая моего возвращения в компании друга, презрительно фыркала, стоило Индису завести разговор.

— И что вы находите в этих людях? Живут, как букашки, жадные, глупые...

— Сколько трудов из библиотеки ты прочитала на этой неделе, свет жизни моей? — в том же тоне ответил ей Индис.

Оскорбленная эльфийка кинула в него первую ветку, до которой смогла дотянуться.

Осень постепенно вступала в свои права. Бездумно прогуливаясь по извилистым тропам, я набрел на усыпанную ромашками поляну. Так долго они цвели лишь в этом месте; порой их можно было увидеть даже скромно выглядывающими из-под толщи снега. Я часто приходил туда с отцом, когда перед отъездом в замок тот собирал букет для очередной знатной дамы.

Поддавшись мимолетному порыву, я принялся выбирать цветы для венка. Чтобы развлечь меня и скоротать время, отец всегда напевал что-то незамысловатое, и я неосознанно поступил так же. Звуки леса подыгрывали в такт. Музыка всегда завораживала меня, а процесс её создания и вовсе казался мне чем-то невероятным и божественным, подвластным разве что самым талантливым из живущих. Однако все попытки научиться петь — и уж тем более играть на инструментах, — оборачивались крахом, потому пел я редко, стараясь избегать наличия зрителей.

Плетение венков, как оказалось, тоже требовало определенного опыта, но я точно знал, у кого его было в избытке. Сестер ничуть не расстроило, что предназначенные им венки пришлось плести собственноручно; они самоотверженно учили меня создавать прекрасное. Талани сообщила, что у меня “неповоротливые пальцы”, и вложила во вздох всю тяжесть нелегкой девичьей жизни, когда я не сумел завязать стебли в последний узелок. Шаэль и Файлин не разделяли негодования сестры и, водрузив на голову венки, полдня хвастались, что братец сам соорудил для них подарок.

Вечером того дня я собирался навеститься в башню за новой порцией светских бесед и, возможно, изучением пары букв из людского алфавита. Однако, увидев у поста Индиса гонца-полукровку, тут же почуял неладное. Богиня одаряла магией не всех, и потому не каждое дитя смешанной крови становилось друидом, как мой отец или мать Бэт; таким полукровкам оставалось лишь выбрать народ, с которым им хотелось бы прожить жизнь. Некоторые, как Эландор, жили среди людей, но сердцем оставались верны лесу. Я видел его лишь несколько раз, и прежде он редко приносил дурные вести. Однако, судя по покрасневшему лицу и стекающей по лбу капле пота, сообщение было срочным.

— Войска вернулись с востока, — крикнул полукровка, уже запрыгивая на лошадь. Он повторил это для меня, ведь не стал бы уезжать, не рассказав постовому обо всём подробно. — Я вернусь, как только станет известно что-то ещё.

Индисхлопнул лошадь по крупу, и та, взвизгнув, ринулась на тракт, в то время как наездник отчаянно пытался не слететь с её спины. Эльф повернулся ко мне, и я отметил, что впервые видел его лицо таким: серым, поникшим, с напряженными до скрипа челюстями,

отчего скулы его делались острыми, как клинок. Он поднял на меня глаза, и плещущая в них тревога тут же захлестнула и меня.

— Они вернулись, — повторил Индис, скорбно оглядываясь на силуэт Грей. — Зашли в город через западные ворота, чтобы не попасться нам на глаза. Амаунет пал. Перебили всех.

Войску понадобилось поразительно мало времени, чтобы не просто добраться до восточного государства, но и одолеть его. Король Аббад славился тем, что был для своего народа почти божеством; его почитали, беспрекословно выполняя приказы. Мне не верилось, что его подданные могли так легко сдать крепость чужакам.

— О, ты еще не слышал про трофеи, — горько усмехнулся Индис, заметив страх и непонимание на моем лице. — Островной принц казнил всю королевскую семью и вернулся в Грею с их головами на седле. Дикарь.

Всё моё существо содрогнулось. Король Амаунета был на редкость плодовитым мужчиной — впрочем, как я слышал, на востоке это было в порядке вещей, — и количество его детей исчислялось десятками. Островитяне не внушали мне доверия, но я сомневался, что их принц настолько бесчеловечен.

Отвечая на мой немой вопрос в моих глазах, Индис добавил:

— Да. Всех детей — тоже.

Как только наступило утро, я, игнорируя просьбы и предупреждения Индиса, направился прямо к азаани. Мне было плевать, как с ней говорить — как с главой народа или как с матерью близкого друга, как со старшим товарищем или как с равной себе, — я чувствовал, что должен был донести до нее все, что знал, и как можно быстрее. Я хотел защитить свой народ.

Азаани сидела на плетёном троне в главном зале Дворца Жизни. Хоть горные эльфы и даровали лесному народу камень, природа внесла свои коррективы в архитектуру дворца. Стены и пол зала — как и многих других комнат, — были покрыты вечнозелеными травой, мхом и плющом; они питали строение силой, в то же время подпитываясь его неизменностью и непоколебимостью. Симбиоз, которого могли бы достигнуть и эльфы, если бы пути братских народов не разошлись.

Эвлон, из раза в раз поражающий меня своими размерами, уткнулся носом в плечо Маэрэльд, божественным светом освещая ее лицо. Она медленно гладила оленя по голове, что-то ласково шепча, и тот едва слышно фыркнул ей в ответ, недовольный её словами. Эвлон затряс головой, будто выгоняя из нее всё, что ему поведала королева, а затем возмущенно отвернулся и отошёл на несколько метров, чтобы устроиться на траве неподалеку от трона. В расслабленной позе, устремив взгляд вдаль, он скорее был похож на статую, окутанную неземным свечением, нежели на животное, и от этого его могущество изумляло лишь больше.

Обратив внимание на гостя, пришедшего в столь ранний час на несогласованную аудиенцию, Маэрэльд встала, сложила руки в районе живота и поприветствовала меня медленным кивком.

— Здравствуй, Териат, сын Айреда, — произнесла она тихо, не проявляя особенного интереса. — Чем я могу помочь тебе в это чудное утро?

— Жаль сообщать, моя королева, но солнечный свет не избавляет нас от тени опасности, нависшей над лесом, — ответил я серьезным тоном, повышая громкость с каждым словом. Если мои слова услышит кто-то ещё, азаани будет сложнее от них откеститься. — Я знаю, мы живём в мире с людьми, и я всегда ценил это. Однако вы помните, как наши братья и сестры из северных земель сообщали о тревожащих их нападениях?

Вопрос был риторическим, потому в ответ азаани лишь кивнула.

— В Грею прибыло войско с острова Куориан, но их целью оказался вовсе не гиблые земли Эдронема, — продолжил я, замечая, как глаза эльфийки сужаются, а подбородок взлетает вверх, открывая вид на напряжённую шею. — Они были на востоке, в Амаунете, и вернулись оттуда не бойцами, а завоевателями. Семья короля Аббада казнена, как стадо скота, жестоко и бездумно, и неизвестно, сколько невинных полегло на пути войска к замку.

Маэрэльд медленно осмотрела меня, а затем оглянулась на Эвлон. Тот, в свою очередь, тут же отвернул морду, дав понять, что не собирается давать советов. Несколько разочарованно, эльфийка вернула взгляд ко мне, и на несколько мгновений лес погрузился в звенящую тишину.

Я понимал, что едва ли являюсь первым, кто доносит до королевы подобную информацию, но, казалось, был первым, кто пытался побудить ее к действиям.

— Ты предлагаешь нарушить мир с людьми? — резко спросила азаани.

— Нет, — закашлявшись от неожиданности вопроса, ответил я. — Напротив. Полагаю, они нуждаются в нас, как никогда. Король совершает безумства не просто так. Он правит Греей давно, и, оглядываясь на прошедшие года, кажется, что подобное — не в его характере. Прежде он прислушивался к вам. Быть может, необходимо привести его в чувства, напомнить, что жестокость не приводит к добру — лишь к войне. Оскорбленные вернутся мстить, и...

— Ты не знаешь людей, — перебив меня, закачала головой Маэрэльд. Сойдя с пьедестала, позволявшего ей возвышаться над подданными, она взяла мою ладонь и накрыла её своей. Зелёный океан ее глаз накрыл меня с головой, волнами пытаюсь утопить мои стремления, и я опустил взгляд, стараясь сфокусироваться на словах. — На месте Греи рождались и погибали королевства, еще чаще — сменялись короли. Ты несправедлив к Эварду. Уверяю тебя, люди обожают безумства. Он завоевывает чужие королевства сейчас, чтобы свергнутые короли затем пришли за его землями, и этот круг не прерывается тысячелетиями. Полагаю, людям он просто нравится.

— Я уверен, что все не так однозначно, — продолжал твердить я. — У меня... знакомый в замке, и он считает, что старшая дочь короля с недавних пор сильно влияет на решения совета. Быть может, это связано? Прошло не так много времени с тех пор, как вы сами собирали нас на поляне, и мы обсуждали, что...

— С тех пор многое изменилось. Стычка в Эдронеме была проверкой на внимательность. Или же тренировкой перед походом на восток. Впрочем, всё это более не имеет значения, ведь цель их известна и, более того, достигнута. Нашего народа она не касается, — равнодушно ответила азаани. — Больше ни один эльф не доносил мне о подозрительных действиях. Кроме тебя. Задумайся. Вероятно, твой источник не так надежен, как тебе кажется.

— Уверяю вас, он близок к королю, и...

— Ты — не дипломат, Териат, — бросила Маэрэльд, и я наконец осмелился поднять взгляд. Её лицо стало серьезным и твердым, согнав привычную материнскую снисходительность. Ни сочувствия, ни злости, ни замешательства; лишь легкое раздражение, что ей приходится разбираться с фантазиями местного дурачка. — Ты — не твой отец. Не думаю, что лезть в дворцовые интриги — хорошая идея.

Сравнение с отцом, как и всегда, сыграло на самых тонких струнах моей души. Я прекрасно знал, что и в подметки ему не гожусь, но то, что при этом он был эльфом лишь наполовину, даже несколько оскорбляло меня. В моём распоряжении была целая вечность, которую я мог наполнить чем угодно, ведь в мире обязательно существовало место и дело, которые уготованы именно мне. Однако, по неизвестной мне причине, каждый в лесу считал своим долгом указать на то, что планки отца мне никогда не достичь, а охотиться на кабанов и, видимо, однажды быть ими затоптанным — предел мечтаний, на который я мог рассчитывать.

Ярость обожгла все мое существо. Почему желание помочь не встречает на пути ничего, кроме пренебрежения матери народа? Да, порой матери произносят слова, которые ранят, желая оградить чадо от ошибок и трудностей, но впервые я чувствовал в себе силы воспротивиться навязчивой заботе.

Я попытался взглянуть на свою жизнь со стороны, и она неожиданно предстала передо мной гладким белым полотном. Сотня лет, а я не совершил ничего, о чем хотелось бы

вспомнить. Люди едва дотягивали до 70, но история жизни любого пекаря или кузнеца была в сотни раз любопытнее моей, и осознание этого факта разжигало во мне огонь, способный превратить в пепелище все на своем пути.

— Тогда я сам разузнаю, в чём дело.

Всё ещё не отойдя от внутреннего пожара, я вытащил руку из капкана азаани и двинулся вглубь леса.

— Ты волен делать всё, что хочешь, — сказала она мне вслед. — Но больше не смей мне указывать.

Тем же вечером я, вместе с отрядом желающих сменить обстановку, отправился в Грею. Праздник осеннего равноденствия проводился каждый год, так же, как и весенний его вариант, и на ярмарках всегда были рады присутствию гостей из Аррума. Юные и любопытные эльфы, в свою очередь, никогда не упускали возможности посмотреть на мир за пределами леса. Да, посещать близлежащие королевства не запрещено, и всё же набраться смелости и объяснить желание побывать среди людей без видимой на то причины мог не каждый из нас. С тех пор же, как люди стали отмечать праздники, что столетиями прививал им наш народ, такая причина возникла сама собой.

Праздник преображал город до неузнаваемости. Если раньше лишь рынок мог порадовать буйством красок и запахов, то теперь даже серые переулки пестрили и благоухали. Бесчисленные лавочки с украшениями из дерева и вырезанными на них рунами, поддоны с сочными овощами и фруктами, мешочки с душистыми травами для приготовления пищи и аромата в доме, дорожки, усыпанные опавшими листьями в красных и золотых оттенках — всё это превращало обычно серый город в тот, о каких детям рассказывают в сказках.

Девушки, традиционно носящие в этот день венки из золотистых колосков, кокетливо хихикали, встречая нашу повозку по дороге к рынку. Как представители леса, мы привезли на праздник его щедрые дары, а потому скрываться не было смысла; напротив, наше появление заметно порадовало жителей Грей. Отросшие до середины шеи волосы и их медный цвет помогали мне затеряться в толпе, но россыпь веснушек и огонь волос некоторых эльфов не позволял им скрыть свое происхождение. Детей в чужаках больше всего забавляли уши; они часто подбегали, застенчиво спрашивая разрешения их потрогать, и, лишь кончиком пальца коснувшись самой верхушки, дергались, словно дотрагивались до веретена, а затем убегали, заливисто смеясь. Их чистое детское любопытство всегда трогало моё сердце, но умиление быстро проходило, стоило завидеть напряженные лица их родителей.

Телега шла медленно, позволяя народу восторженно приветствовать нашу делегацию, а нам — вдоволь насмотреться на богатое праздничное убранство. Все лавки украсили бахромой и красной и желтой тканью, кажется, бархатом. Вспомнив, что основным поставщиком бархата всегда был Амаунет, я ощутил бегущий по спине холодок, игнорирующий палящее солнце. Тряхнув головой, прямо как Эвлон этим утром, я выгнал из головы неприятные мысли и вновь обратил внимание на город. Проехав сквозь рынок и вдохнув пьянящий аромат всевозможных специй, мы остановились у подножия холма — двое стражников преградили нам путь. На их груди висели амулеты с рунами, но не такими, как те, что продаются на улицах — эти были сделаны с большей скрупулёзностью и украшены множеством деталей. Вероятно, в столь светлый праздник королевской страже полагаются особые украшения.

— Вам выделена лавка на рынке, — мягко сообщил один из стражников, указывая рукой влево за наши спины. По его загорелому, вероятно, после похода на восток, лицу, скользнула легкая улыбка. Второй гвардеец стоял неподвижно, подобно статуе. — В этом году решено не устраивать празднование в замке. Король и его семья предпочли провести день с народом.

Я обернулся, словно надеясь тут же отыскать представителей власти в толпе. Их серые мантии с золотистым узором заметно выделялись бы на фоне простого люда, конечно, только если они не преследовали цели с ним слиться. Спрыгнув с повозки, я оглянулся на товарищей, и те отмахнулись, давая понять, что моя помощь им не требовалась. Взбодрившись, я проверил наличие мешочка с монетами на поясе, невольно задев еще и кинжал, и вошёл в гуцу празднующего народа.

Солнце начало спускаться с середины неба; у людей было ещё примерно шесть часов, чтобы воздать ему свои дары.

С каждой улицы лилась музыка. Где-то воины играли на самодельных барабанах, а возможно и вовсе просто били по кастрюлям и бочкам, басом вторя примитивным мотивам. Где-то звучали струнные инструменты, и лился сочный голос барда. Меня же привлек самый дальний от меня угол рынка, за которым скрывался поворот к местному храму с небольшим садом и скромным фонтаном. Оттуда слышался удивительно гармоничный женский хор: голоса в нём присутствовали самые разные, но все они складывались в ласкающее слух звучание.

Благослови нас, Природа, Мать урожая!

И мы восславим тебя, провожая!

Приготовим пирог, зажарим гуся,

Накормим яблоками, прося,

Чтоб зимой урожай не погиб,

Чтоб вкусны были свёкла и гриб,

Чтоб Мать Природа не обижалась,

А жатва из года в год продолжалась!

На душе чуть потеплело. Порой казалось, что люди совсем забывали о Богине; любое божество гибнет без любви почитателей. Однако каждые три месяца они восхваляли созданный ею мир, пусть и делали это лишь из-за отсутствия других поводов для веселья.

Как только песня подошла к концу, а исполнявших ее дам одарили громкими аплодисментами, самых младших участниц хора наградили нарядными венками. В их украшения вплели васильки; цветы, указывающие на путь жриц, что предстояло пройти юным греианкам. Спустя мгновение девочки исчезли в праздничном пейзаже, а старшие жрицы сложили руки на животе, смотря им вслед со снисходительной улыбкой на лице.

Я продолжил дальше исследовать город, напевая услышанную у храма песню, несмотря на множество прочих — она удивительным образом вьелась мне в память. Из домов слышались смех и запахи свежеиспеченного хлеба и зажаренного мяса: женщины готовили к вечеру ломящиеся от угощений столы, чтобы провести этот теплый праздник вместе с семьей, уставшей после песен и плясок на улицах. Однако и улицы оказались не лишены аппетитных запахов — лавки наполнились свежей и вкусной пищей, которую, уверен, не стыдно было бы подать и королю. Не удержавшись, я вытащил тяжелую монетку из мешочка на поясе и отдал юной деве, продававшей свежий хлеб, взяв взамен одну большую, удлиненную буханку. Она подняла взгляд и едва успела открыть рот, вероятно, собираясь сказать, что целой монеты её товар не стоил, но я махнул рукой, отказываясь от сдачи, и быстро скрылся в толпе. Мои зубы врезались в хрустящую корочку, пропитанную ароматным маслом с чесноком и травами, и жадно впились во влажный мякиш, ударяющий в нос облачком пара.

Мимолетная потеря ощущения времени и пространства привела к испугу от

толкающейся толпы. Неожиданно все ринулись в одну сторону — к главной площади, — и поток едва не сбил меня с ног. Поддавшись всеобщему безумию, я позволил течению вести меня, куда бы тот ни стремился.

— Дорогие жители Грей! — раздался крик вдалеке. Голос низкий, величественный, но звучный и мягкий; в нём легко угадывался король. Я приложил немного усилий, чтобы добраться до площади чуть быстрее. — Солнце движется к горизонту, а, значит, скоро наступит время Танца Рогов!

Толпа довольно засвистела; кто-то рядом даже запрыгал от чрезмерного возбуждения. Мне впервые доводилось присутствовать при проведении этого ритуала; несмотря на то, что праздник проводился каждый год, я приехал на него лишь в четвертый раз, и в первый — остался так надолго.

Наконец добравшись до передней части площади, я увидел короля Эвеарда, возвышавшегося над всеми благодаря своему положению на холме. Он, как я и ожидал, не надел фамильной мантии; коричневая ткань его одеяния была подобна той, что носили горожане. Корону правителю поднесли лишь во время речи.

— Для Танца необходимо двенадцать мужчин, — продолжил король. — Шестеро представителей двора уже готовы к ритуалу. Еще шестерых должны выбрать вы. Поднимите руки, кто желает участвовать!

Настоящее сумасшествие захлестнуло толпу, и я сделал несколько шагов к краю площади, чтобы меня не затоптали. Помощники короля — два стражника, что остановили нашу телегу несколько часов назад, — спустились к толпе. Они выбирали, казалось, обращая внимание не на желание горожан, а на их возраст и физическую подготовку. Один из них, тот, что не был воодушевлен приездом эльфов, схватил меня за локоть, вероятно, со спины сочтя мое телосложение приемлемым; однако, стоило мне обернуться, с явным пренебрежением отпустил. Когда набралось необходимое количество участников, их забрали в замок для переодеваний, а король приказал разжечь костер в центре площади и пообещал начало представления ровно через час.

Как это было и в начале его речи, после неё я вновь поймал себя на том, что внимательно рассматриваю замок за спиной короля. Я внимательно следил за движением скрипучих доспехов и шуршащих платьев в открытых дверях и не зашторенных окнах, но так и не увидел ни одного смоляного локона. Островитяне, особенно многочисленные в окрестностях дворца, расхаживали в местной броне и символике, словно принц подарил своих подданных для службы короне. Это вызывало осязаемое беспокойство.

Когда от солнца на горизонте остался лишь красно-оранжевый отблеск, а половина неба погрузилась во тьму, к площади в ожидании зрелища стянулся весь город. Огромный костер был готов к празднеству; языки его пламени едва не доставали до небосвода, в и без того теплый осенний вечер обдавая жаром несколько первых рядов зевак.

Когда толпу сотрясла новая волна свиста, я понял, что герои вечера появились в поле зрения, и обернулся к холму. Как и сказал король, это были 12 мужчин. Шестерым из них на плечи надели олени шкуры, а к головам прицепили рога, и от увиденного я невольно содрогнулся. К счастью, по шкурам было видно, что они повидали множество подобных танцев; около тридцати лет назад был официально подписан запрет для Грей на охоту на оленей. Хотя негласный запрет существовал и раньше, переговоры проходили долго и мучительно. В итоге Маэрэльд пришлось отдать людям часть Аррума под вырубку и земледелие, но это было малой ценой за то, чтобы более не терпеть истребление священных

животных.

Следом вышли мужчины в костюмах шута и музыканта, один — переодетый в девушку с преувеличенно румяными щеками и накрашенными губами, еще двое в костюмах лучников, и последний — в королевских доспехах. Добравшись до самой высокой точки перед спуском к толпе, всадник театрально наклонился, снял шлем и выпрямился.

— Это же принц! — послышалось в толпе.

— Принц Хант!

— Принц из Куориана!

Я неосознанно стиснул зубы. Не слишком ли много почестей для чужеземца? Бронзовая кожа принца светилась на солнце, так же, как и лоснящиеся черные волосы, которые он без конца поправлял свободной от шлема рукой. Он одарил зрителей самодовольной улыбкой, и девушки в ближайших к нему рядах восторженно вздохнули, чем, несомненно, ещё больше потешили его раздутое эго. Получив необходимую долю восхищений, принц вернул шлем туда, где ему и место, и я облегченно выдохнул, обрадовавшись возможности быть избавленным от его лица ещё на какое-то время.

Пока все действующие лица ритуала спускались к костру, зрители отошли на несколько шагов, освобождая место под импровизированную сцену. Суть ритуала проста: это — театральное представление, имитирующее охоту на оленей. Музыкант, что логично, создавал музыкальное сопровождение, потому, чтобы не испортить представление некачественным исполнением, его роль всегда отводилась лучшему королевскому барду. И это действительно было великолепно. По ходу того, как охотники приближались, а противостояние набирало обороты, музыка усиливалась, становилась более резкой и хлёткой, словно струны рвались под каждым движением пальцев, резонируя с пустым каменным залом, а не отправляя звуки в открытый воздух на заполненной площади. Шут, в свою очередь, комментировал все происходящее на «сцене» в своей особенной манере — не слишком вульгарной, но не без доли юмора, чтобы королевская семья могла не скрывать неловкие смешки, пока толпа гогочет до изнеможения. Дева же, стараясь не слишком перетягивать внимание на себя, ходила вдоль зрителей с большой корзиной в руках, принимая дары от имени Матери Природы. Подношения были самыми разными: фрукты, овощи, сухоцветы, пироги, мясо. Кто-то их глубины толпы непочтительно бросал в корзину камни и прочие твердые предметы, иногда попадая в голову исполнителю роли. Лично я бросил в корзину несколько монет из искреннего сочувствия к мужчине, бывшему явно не в восторге от своего театрального дебюта.

Принц Куориана, одержав победу над оленями, поставил их на колени, “отрубил” им рога и поднял трофей в воздух, сообщая о своем триумфе. Триумфе человека над природой. Его жест вызвал во мне новую волну отвращения, но от смакования этого чувства меня отвлекло легкое касание в районе пояса. На мгновение я подумал, что какой-нибудь предприимчивый малец решил обокрасть эльфа-неумёху, срезав с пояса мешок с монетами, но, опустив глаза, я обнаружил, что мешок находился там, куда я его и повесил, и из него торчало что-то белое. Свернутый кусок бумаги. Он был оторван от большого листа наспех, что видно по неровному краю, а чернила растеклись, делая посланием сложным для прочтения. Учитывая, что мои уроки по людской письменности начались лишь недавно, прочесть записку было ещё сложнее.

«В...е...им... в ба. е».

От напряжения я по привычке сдвинул брови. Каким образом я должен был понять это?

Что это вообще могло значить? Я знал слишком мало букв, чтобы даже попытаться это прочесть. Я не имел представления даже о том, как писалось моё собственное имя.

— Благодарю вас, благородный народ Греи, за участие в празднике осеннего равноденствия! — произнес король в полнейшей тишине, и я заметил, что, отвлекшись, пропустил момент самого Танца, когда всадник вовлекает других артистов и желающих подданных в ритуальный танец. — И так как этот праздник восхваляет Природу и её женское начало, я хочу, чтобы вас также поздравила и прекрасная часть моей семьи.

Эвеард сделал три шага назад, а из-за его спины возникли три статных фигуры. Его жена, королева Ровена, шла посередине; её оливковая кожа и миндалевидные глаза выдавали южные корни, а темные волосы тугий косой лежали на левом плече. Слева от неё гордо вышагивала высокая девушка — вероятно, одного роста с королем, хоть я и не имел возможности сравнить, — и её пшеничные волосы в свете костра словно служили ещё одним источником света. Лисица же, стоящая по правую руку от матери, была напряжена; грудь её часто вздымалась, словно она вбежала к своей позиции за секунду до выхода к народу.

Записка.

«Встретимся вбашне».

Я, до того держащий записку в руках, торопливо засунул её туда, куда её пыталась спрятать Ариадна. Сердце на мгновение сжалось; она хотела меня видеть. Я приходил к ней по первому зову, но никогда не решался спросить, так ли сильно она ждет нашей встречи, как я, или вежливость не позволяла ей нарушить данное обещание. В ее полномочиях было не просто отказать мне; она могла приказывать никогда не поднимать на нее взгляда, и я бы беспрекословно повиновался. И все же она продолжала зажигать огонь в башне Восхода, а я продолжал откликаться на зов, на время отменяя тревожные мысли.

Сейчас же принцесса нарочно не смотрела в мою сторону, не желая встретиться глазами. Корсет ее платья выглядел таким тугим, что на мгновение у меня сочувственно заныли рёбра. Прямая юбка с небольшим шлейфом удачно оттеняли её мягкую фигуру, а треугольный вырез на груди соблазнительно оголял острые ключицы. Темно-зеленый цвет платья, подобный цвету хвои в разгар зимы, в темноте сливался с распущенными волосами, мелькая лишь, когда подвижные ветром языки пламени освещали ее лицо.

— Мы желаем, чтобы ваши запасы пережили зиму. Говорят, она будет морозной, — нарушила тишину королева. Её бархатистый голос прокатился по толпе, окутывая материнским теплом, как одеялом.

— Желаем, чтобы весна наступила как можно скорее, — продолжила Минерва, и её голос оказался самым высоким и колким среди всех. Я бы назвал его холодным, в противовес королеве, хотя лицо её озаряла невинная улыбка, не позволяющая усомниться в искренности слов.

— А лето принесло свои плоды, — лениво закончила Ариадна. Я сдавлено усмехнулся, не в силах наблюдать её скучающее выражение лица; оно должно бы было оскорбить меня, но её упорное безразличие лишь позабавило.

Толпа не обратила внимания на выходку принцессы и довольно зааплодировала, благодаря правителей за праздник. Принц Куориана, стоявший всё это время у костра с шлемом в руке, поклонился королю, вновь вышедшему вперед. Ариадна сопровождала отца; он подхватил ее под руку, утягивая за собой и показательно игнорируя скромные попытки сопротивляться.

— Принц Хант, — произнес король, и народ вновь заинтересованно затих. — Вы

показали себя сильным воином и умным мужчиной как в вымышленном бою, — Эвард рукой указал на кострище и людей в оленьих шкурах, — так и в самом настоящем. Я бы хотел, чтобы такой человек был подле меня и впредь.

Появилось ощущение, что воздух стал гуще или вовсе закончился, заключив меня в пузырь. Напряжение витало вокруг. Казалось, если я найду силы достать кинжал и взмахнуть им, то смогу его разрезать.

— Я предлагаю вам руку своей младшей дочери, Ариадны, — продолжил король после долгой паузы. — Но её сердце вам придется завоевать самостоятельно.

— Я приложу к этому все усилия, — кивнув, ответил принц, совершенно не удивленный предложению монарха.

Вероятно, именно с этой целью он и прибыл в Грею; участие в походе на восток оказалось лишь удачным способом показать свои лучшие стороны перед будущим свекром. Однако если принц был в курсе планов короля, то принцесса, похоже, отказывалась в них верить. Её глаза наполнил животный ужас, а тело оцепенело, и это было видно даже в слабом свете костра на расстоянии в сорок шагов; она крепко схватила руку отца, и тот на миг сощурился, будто ее ногти больно впились в его ладонь.

Народ взорвался ликованием. Союз с Куорианом — удачная идея для страны без выхода к морю и, следовательно, флота. Расширение торговых возможностей, разнообразия в еде, тканях, драгоценностях, и список можно было продолжать до бесконечности. Однако сложно представить, что Грея могла предложить в ответ. Чем хотела отплатить островитянам? Чем собиралась снабжать их плодородные земли? Смещение королевских династий всегда представляло собой взаимовыгодный союз, а значит, если Грея не могла предложить нечто равноценное сразу, целью был возрастающий с каждым годом долг.

Горожане, взбудораженные радостной новостью, но всё же слишком уставшие, чтобы задерживаться на площади допоздна, стали медленно разбредаться по домам или на помощь с разбором ярмарочных лавок. Найдя эльфов, с которыми мы вместе прибыли на праздник, я обнаружил их готовыми к отбытию в Аррум и предупредил, что вернусь самостоятельно. Едва ли заинтересованные, они, не дослушав, дали добро.

Учитывая темное время суток и массовые передвижения от сердца города к периферии, смешаться с толпой и добраться до восточной башни было не сложно. Войти внутрь оказалось уже сложнее: мимо неё то и дело проходили группы воинов, преимущественно островитян. Однако никто из них не поднимался на стену. Уловив закономерность, я перестал изображать скучающего пьяницу, нашедшего опору в ближайшем дереве, и проскользнул в приоткрытую дверь.

Я не знал, была ли принцесса на месте встречи, но в середине пути к вершине услышал быстрые шаги и раздражённые вздохи, почти переходящие в рык; сомнения тотчас исчезли. Когда я вошёл, Ариадна резко обернулась, будто дикое животное, готовое накинуться на жертву: раскрасневшееся лицо, широко раскрытые глаза, раздувшиеся ноздри и побелевшие от напряжения кулаки.

— Да чтоб они сгнили в Драконьей Пустоши! Ты это видел?! — закричала она, рукой указывая в сторону дворца.

Я лишь смущённо кивнул в ответ.

— Интересно, как давно я стала куклой, которую можно передарить другому ребенку, когда наигрался сам?!

В приступе гнева Ариадна изо всех сил ударила кулаком по каменной стене, и из её губ

вырвался наполовину рык, наполовину стон. Обхватив разбитую ладонь другой рукой, она прислонилась к стене и медленно сползла по ней, садясь на пол. Из глаз покатились слезы, но принцесса не всхлипывала, словно они льются против её воли, нарушая негласный запрет.

Я, боясь спугнуть открывшуюся мне лисицу, присел рядом с ней. Кровь с разбитых костяшек обильно капала на манжеты платья, и я оторвал лоскут ткани от своей рубашки, чтобы перевязать рану. Несколько секунд она сопротивлялась, не желая принимать помощь, но, верно оценив мою настойчивость, перестала. Не знал, стоило ли говорить хоть что-то, — по мнению Маэрэльд мне не хватало ума, чтобы лезть в дворцовые интриги, — но и проигнорировать откровенность Ариадны тоже показалось мне неправильным.

— Он сказал, что твоё сердце островитянину придётся завоевать самостоятельно, — напомнил я, намеренно назвав принца столь пренебрежительно. Принцесса мимолетно улыбнулась.

— Мою руку он уже отдал, и Хант её принял, а это значит, что свадьба состоится, — охрипшим голосом ответила она. — Его успехи в завоевании моего расположения влияют лишь на то, как часто мы будем встречаться в спальне после неё.

— А что, если он передумает?

— Передумает? — сдвинув брови, переспросила Ариадна.

— Передумает на тебе жениться, — объяснил я. — Что, если ты будешь вести себя настолько несносно, что перспектива встречаться с тобой не только в общей спальне, но даже в общем городе, станет казаться ему непосильной ношей?

— И как именно я должна себя вести?

— Ты же хитрая, лисица, — прошептал я, большим пальцем коснувшись её правой щеки, чтобы утереть слезы. Ариадна подняла на меня пронзительный взгляд. — Ты придумашь, как стать занозой в любой заднице.

Мы оба сдавленно усмехнулись и чуть подались вперед, позволяя нашим лицам сблизиться.

— Людскую ругань ты осваиваешь лучше, чем письмо, — подколола принцесса.

— Могу научить тебя эльфийской, чтобы было честно.

Моя ладонь полностью прислонилась к влажной от слез щеке, а лицо находилось настолько близко, что передние пряди моих волос колыхались от её дыхания. Я понимал: то, что я собираюсь сделать, идёт вразрез со всем, во что я привык верить, вразрез с принципами, которым привык следовать, но невидимый импульс подталкивал меня, не обращая внимание на здравый смысл. Я чувствовал, как грудь недавно рассерженной принцессы взволнованно вздымалась, слышал её взбунтовавшееся сердце, ощущал, как мою щеку щекочут её ресницы. Я едва дышал, пытаюсь побороть сомнения или же отказаться от задуманного, но, когда её губы разомкнулись и двинулись навстречу моим, все аргументы тут же затерялись где-то в неразберихе моих мыслей.

Я так жадно впился в них, словно ждал этого мгновения вечность. Тело напряглось, чувства обострились. Два неловких, но требовательных движения губами, и сердце на мгновение замерло. Я подумал, что странное ощущение — плод моего воображения; я давно не испытывал подобного волнения. Однако, когда наших губ словно коснулся горящий кнут, я резко отпрянул. В воздухе между нами мелькнула ломаная светло-голубая полоса. Губы Ариадны покраснели, и, приглядевшись, я заметил на них тонкую полосу ожога. Дотронувшись пальцем до своей нижней губы, я обнаружил там такую же.

— Что это было? — растерянно спросила принцесса.

— Прости, мне не стоило, это...

— Нет, нет, что это было? — уточнила она, прикасаясь к обожженной губе.

— Я не знаю, — честно признался я.

— С тобой такое раньше случалось?

— Нет. А с тобой?

Я часто моргал, словно стараясь скинуть с глаз пелену, но ничего, разумеется, не поменялось. Подняв взгляд на Ариадну, я заметил, что румянец так и не сошел с её щёк. Она поднялась, отряхнула платье и принялась поправлять корсет, словно пытаясь устроиться в нём поудобнее.

— Никогда, — тихо ответила она. Я не услышал в голосе сожаления, но это совсем не радовало; прочих чувств в нем тоже не отразилось. — Остайся тут ещё на какое-то время, я выйду первой. Меня наверняка ищут. Доброй ночи, Тери.

Я не успел ответить ни слова, как каблуки уже принялись отстукивать удаляющийся с каждой ступенью ритм. Волнение отпустило моё существо, но оно тут же заполнилось чем-то другим; чувством, которому я так и не смог дать названия. Я просидел в башне до рассвета, и лишь когда первые солнечные лучи коснулись моей кожи, вспомнил о возвращении в лес. Сонные стражники не заметили бы меня, даже если бы я выходил с гордо поднятой головой, крича о ночном поцелуе с принцессой, но я всё же постарался не пренебрегать мерами предосторожности и тихо проскользнул мимо гвардейцев, скрываясь за ещё пушистыми зелеными кустами. Пробираться сюда зимой будет сложнее.

— Я мог убить её.

— Вряд ли, громовержец, — смеялся надо мной Индис, ничуть не скрывая сарказма. Он был уверен, что на ярмарке я выпил слишком много медовухи и выдумал всё произошедшее той ночью. — К тому же, если всё было, как ты рассказываешь, то молния была слишком маленькой.

— Да, но что, если бы она была больше? — настаивал я. — Что, если бы мы целовались дольше, и она ударила бы сильнее?

— А ты знаешь, как это работает?

— Разумеется, нет, — огрызнулся я, раздражённый собственным бессилием. — Иначе бы не переживал.

Последние несколько дней я провёл в мучительных размышлениях о содеянном, раз за разом приходя к одному и тому же выводу. Я знал, что некоторые из нас открывали в себе способности к особому взаимодействию с огнём и землей, двумя стихиями, что нам ближе прочих; стихиями, обозначающими начало жизни и её конец, кромешную темноту и ослепительный свет. Совет азаани наполовину состоял из таких эльфов. Однако и это ничего не объясняет; никто из них не касался небесного огня.

Мысли беспрестанно возвращали меня к поцелую. Я совершенно точно полез, куда не стоило.

Я пообещал себе, что никогда не свяжу жизнь с человеком, хоть и знал, как пылко и самоотверженно люди могут любить. Увидев, что смерть отца сотворила с матерью, я не мог позволить детям увидеть, как моё сердце рвётся надвое и уходит к богине вместе с чужой душой. Наблюдая, как сдержанные, но по-прежнему искренние эльфы смиренно принимают решение природы забрать их любимых, я пообещал себе, что буду стараться изо всех сил, чтобы пережить смерть родственной души так же.

Увидев, как лисица подвязывает волосы красной нитью, я раз и навсегда осознал, что мои обещания ничего не стоили.

— Даже если бы удар был сильнее, мы смогли бы ей помочь, — обронил Индис.

— Я мог её обезобразить.

— Для тебя это что-то изменило бы?

— Она из королевского рода. Для неё это важно. Наверное.

— Я о том, что, если бы т... ты... убил её, — понизив голос, добавил он. — Мы бы смогли это исправить.

Встретив мой растерянный взгляд, Индис жестом пригласил пройтись, указывая на узкую дорожку, ведущую к пруду. По эльфийским меркам Сэльфел был молодым водоемом, но витавшие вокруг него легенды пускали корни в древнейшие пласты истории. Вокруг священных вод решались гулять лишь самые смелые, и именно поэтому Индис находил там пристанище. Он любил бывать там один, особенно по вечерам, наблюдая, как горящий огнём диск солнца скрывается за горизонтом, а на смену ему по одной, словно стесняясь, на небесное полотно выходят звёзды. Отражаясь в водной ряби, они будто танцевали, встречаясь с теми братьями и сестрами, соприкоснуться с которыми в небе им было не суждено.

Я медленно ступал по дорожке, вторя шагам друга и терпеливо ожидая, когда он

соберётся с мыслями, чтобы пояснить сказанное.

— Я тогда прожил всего шесть зим, — начал Индис. Мы остановились у плетёной беседки, которую деревья сформировали самостоятельно, будучи лишь направленными в нужную сторону. — Твоя мать как раз была беременна тобой. Я всегда любил бывать здесь, а в жаркий день ледяные воды Сэльфела и вовсе казались единственным спасением, но детей никогда не пускают сюда в темное время суток. Лунный свет едва достаёт до водной глади.

Эльф встал около одного из опорных для беседки деревьев, и, сложив руки на груди, прислонился к нему плечом. Я постарался разглядеть пруд за его спиной, но о границах воды оставалось лишь догадываться, доверяя бликам от слабого света звезд.

— Разумеется, я никого не послушал. Заявился сюда посреди ночи, — продолжил Индис. — И тогда, когда мне было лишь шесть зим, я умер здесь. Утонул.

По спине пробежал холодок, подгоняемый уже прохладным осенним ветром. Я заметил, что держу челюсти крепко сжатыми. Напуган, хоть и знал, что это не было концом истории, ведь Индис уже почти сотню лет сопровождал меня, куда бы я ни шел, раздражая напускным весельем и ребячеством.

— Азаани воскресила меня. Почувствовала, что со мной что-то не так, подняла всех, — эльф провел по телу руками, словно воспоминания осколками впились в его тело, а он пытался их стряхнуть. Потянувшись к неприметному деревянному украшению, которое за годы дружбы я лишь изредка замечал на его шее, он вытащил его из-под рубашки. — Меня вытащил Эвлон. Мой кулон... он зацепился за рога Эвлона, помог выбраться на поверхность. С тех пор я его не снимаю. Азаани воскресила меня, но отдала на это много сил, вероятно, пожертвовав частью своей жизни. Конечно, она предпочитает упускать этот момент в своих рассказах, но я понимаю, что такая магия не может пройти бесследно. Поэтому я знаю, что она спасла бы твою принцессу.

— Пожертвовав собой?

— Жизнь человека коротка относительно моей или азаани, поэтому, хоть мать и не стала бы воскрешать всех подряд, она могла бы помочь Ариадне без серьезных последствий.

— У нас случился неприятный разговор, — признался я, чувствуя себя ребенком, напрасно поссорившимся с матерью. — Сомневаюсь, что она пошла бы на такое ради меня.

— Ты бы знал, сколько неприятных разговор было с ней у меня, — засмеялся Индис, резко переключившись на дежурное жизнерадостное лицо.

Я вдруг подумал, как многого не знал о друге. Мы, казалось, круглосуточно находились в состоянии беседы, и всё же я не мог вспомнить, чтобы он когда-либо делился чувствами или страхами, не говоря уже о случаях вроде того, о каком он только что поведал. Влюблялся ли он когда-нибудь? Его любимое блюдо? Я знал, что его любимый цвет — темно-синий, но не испытывал ли он наплывов паники, когда ночами сидел у темно-синей копилки небесных слёз, что могла бы пополниться слезами его матери? Я даже точно не знал, кем был его отец, так умело он обходил даже самые простые и важные темы.

Иногда казалось, будто я сотню лет жил, глядя на всё со стороны, но не принимая ни в чём участия. Лишь теперь я понимал, какие сила и труд требовались, чтобы держать все сферы жизни в порядке и гармонии. Лишь теперь понимал, как важно всё то, что я имел как бы безвозмездно, просто так, ничего ради этого не сделав. Как и все, понимал лишь тогда, когда стоял на пороге чего-то нового и неизвестного. Возможно, даже опасного.

После нашего разговора я долго не мог уснуть. Кровать впервые в жизни казалась неудобной. Я думал о том, что мои предки спали на земле, в единении с ней, а мы,

возможно, напрасно переняли привычку людей спать на деревянных каркасах с перинами, хоть из-за обладания материалами и имели на них большее право.

На что бы я ни пытался отвлечься, непрощенные мысли лезли в голову, бесцеремонно пробираясь через закрытые ставни и выбивая двери. Меня захлестывали то стыд, то трепет, то счастье, то тоска, приводя к осознанию, что я совершенно не понимал, что мне стоило чувствовать.

Я переживал, что в свете последних событий Ариадне было непросто, и моя — несколько неудачная — инициатива с поцелуем лишь усугубила ситуацию. Но что чувствовал я сам? Этот вопрос оказался ничуть не легче прочих. Мог ли я претендовать на что-либо в отношениях с лисицей? Ни в коем случае. Стоило ли попытаться? Совершенно точно нет. Нормально ли то, что я робел перед той, о ком знал так мало, перед той, с кем быть не суждено? Не думаю. И почему же тогда я помнил каждую секунду, что провел с ней наедине?

Всю ночь я пребывал в состоянии между сном и бодрствованием. Жизнь вокруг меня текла, и я слышал, как она звучит и двигается, но тело сковало, и я совершенно не ощущал контроля над ним. Казалось, руки и ноги не просто перестали слушаться — я чувствовал, как жизнь медленно покидает их, оставляя после себя зияющую, холодную пустоту. Корни деревьев, будто змеи, обвивались вокруг конечностей, связывая их между собой, как я сам поступал с добычей после охоты. Мне хотелось закричать, вырваться из объятий земли, но корни сомкнулись вокруг моей шеи; на мгновение я подумал, будто Мать Природа решила забрать меня к себе, утащив под землю. Импульс бежать копился во мне, превращаясь в огромный, обжигающий ребра шар. Казалось, грудь сейчас разверзнется, освобождая путь неизвестной силе, но та, дойдя до пика, рассредоточилась, теплой волной раскатившись по телу, затем превратившись в покальвание. Молния, подобная возникшей между мной и Ариадной, вновь разразилась — не в небе, выбрав меня своей целью; она возникла прямо внутри меня, заставив кровь разогнаться до невероятной скорости, а все мышцы вспылать огнем.

Наполненный небесной силой, я тут же сел, яростно проверяя наличие всех частей тела и их возможность функционировать. Дыхание было тяжелым и громким, сердце стучало в ушах, испуг пеленой застилал взор, потому лишь спустя несколько минут, немного успокоившись, я заметил, что нахожусь не один. Азаани стояла в десяти шагах от меня, напряженная, но не выражающая никаких чувств, и держала руки за спиной, следя за мной одним лишь взглядом. Чуть позади неё — испуганная, сгорбившаяся мать с блестящими от слёз глазами. Она смотрела на меня неотрывно, нервно теребя подол своего платья.

— Пойдём, Териат.

Маэрэльд сказала это тихо, чтобы не разбудить девочек, и я безоговорочно последовал за ней. Мать коснулась моей руки, что-то обеспокоенно прошептав, но я не услышал слов; я почувствовал лишь острую необходимость обернуться. В воздухе витал терпкий запах горелого. Разорванное в клочья бельё, обугленное дерево корпуса кровати и сухие, почти в пыль рассыпавшиеся корни дерева — так выглядело моё спальное место.

Это был не сон.

Королева шла впереди, сдержанно выжидая, когда шок отпустит мой разум, но её недовольство и негодование чувствовалось и без слов. Ночной лес был удивительно тих; я представил, как мог кричать во сне, потревожив спокойствие сородичей, однако во всем Арруме помимо меня и азаани не спали лишь ветер и ветви, что он беспокоил.

— Что со мной? — не выдержал я.

Маэрэльд резко остановилась и обернулась. Взгляд её был жестким, но растерянным, будто она сама мечтала о помощи. Я знал — она не любила показывать другим свои слабости.

— В первый раз молния была размером с букашку, — продолжил я. — А в этот раз чуть не сожгла весь дом! Ещё и этот голос, и звон...

— Какой голос?

Мои слова вызвали у эльфийки неожиданный интерес. Она положила руку мне на плечо и настойчиво заглянула в глаза, словно желая проверить, не лгу ли я. То, что наш рост практически одинаков, не помешало её прекрасному лицу нависнуть надо мной, задавливая силой своей сути, и я в очередной раз отметил её поразительное сходство с сыном. Высокие брови, похожие на крылья взлетающего орла, и глубоко посаженные глаза, тянущие за собой в бездну. Они так же яркие, а лицо так же молодо, как и столетия назад, и всё же всё в ней дышало историей и силой, временем, что она прожила. Опытом, что она получила.

— Несколько раз я слышал шёпот, — смущенно ответил я. — Он возникал, когда я был в толпе, когда был один, днём, ночью, никакой закономерности, он...

— Что он говорил?

— “Аарон”. Просто “Аарон”.

Она схватила мою руку, крепко вцепившись в меня тонкими пальцами, и энергично зашагала, утягивая за собой. Мы шли долго, виртуозно пробираясь сквозь различные препятствия в полной темноте, несколько раз спугнув не ожидавших посетителей ночных животных, пока не добрались до Дворца Жизни. Самую высокую из башен, что была частично скрыта от любопытных людских взглядов при помощи магии, занимала обширная библиотека. Книги, свитки, предметы быта, оружие, украшения — всё это находилось в свободном доступе для любого из учеников Дворца или жаждущих знаний эльфов; без высоких стен, тяжелых дверей и многочисленной стражи. Эльфы настолько трепетно относились к своему наследию, что защищать его от них самих не было нужды.

— Аарон — это имя, — пояснила Маэрэльд, протягивая книгу, что последние минуты так старательно искала на полках. — Так звали азаани, что правил задолго до моего и уж тем более твоего рождения. Ты знаешь, как переводится это имя?

— Не уверен.

— Язык — живая субстанция, — успокоила она меня, впервые за встречу одарив мягкой улыбкой. — Аарон означает «хранитель порядка», и он преуспел в своем предназначении. Под его началом эльфы впервые перестали воевать с людьми, заключив осознанное перемирие.

Маэрэльд помогала мне с книгой, указывая на нужные абзацы и рисунки. Старые листы хрустели, готовые рассыпаться от неаккуратного касания, потому перелистывание страниц мы поручили магии королевы — она справлялась с чувствительным артефактом куда лучше нас. На пожелтевшей бумаге виднелись портреты, перечисление правителей людей и эльфов, описания событий и земель, карты, показывающие, как менялись границы государств и отношения между ними. Язык, на котором была написана книга, казался одновременно знакомым и совершенно чужим — те же буквы и руны, что я использовал бы сейчас, но в слова и предложения они складывались причудливо, непривычно, будто их писал ребенок, наугад расставляя всё по местам. Поначалу я думал, что не могу прочитать ни слова из-за тусклого света, источником которого были лишь светлячки, суевливым роем кружащиеся над

головой, но позже понял, что ни одно из слов мне попросту не знакомо.

— Но люди не так стабильны, как нам бы того хотелось, и азаани погиб страшной смертью, после чего его именем в наших краях больше никогда никого не называли.

Я за мгновения перебрал в голове десятки смертей, но вряд ли смог представить именно то, при упоминании которого Маэрэльд вздрогнула от ужаса. Имена великих правителей обычно воспевают в песнях и легендах, с гордостью передавая из уст в уста. Что должно было произойти с тем, чьё имя бояться даже произносить? Или же уважение, испытываемое к нему, столь велико, что никто другой не смеет носить его имя?

— Он был покровителем всех, кто открывал в себе силы, — продолжила Маэрэльд, заметив моё замешательство. — Как ты знаешь, некоторые из нас одарены Богиней несколько больше, чем другие. Аарон был чудесным учителем, и рассказывают, что после его смерти те, кто особенно талантлив, слышат его имя в шелесте листьев и шуме толпы. Это знак, что силой нужно овладеть, пока она не овладела тобой. Ты чуть не опоздал.

Перед глазами вновь возникла обугленная кровать и испуганная мать. Я мог не только покалечить Ариадну в ту ночь — я мог сжечь целый лес лишь потому, что мне приснился плохой сон. Ладони сами сжались в кулаки, а зубы так сильно впились в нижнюю губу, что я тут же ощутил металлический привкус крови.

Солнце медленно выбиралось из-за горизонта, будто желая о лишней минуте сна, но покинувшая небосвод луна поторапливала ленивого друга. Птицы просыпались, своими песнями оповещая о начале нового дня.

— Я найду для тебя учителя, — проговорила королева. Вероятно, желая обозначить свою поддержку, она вновь положила руку мне на плечо. В этот раз вместе с ней на плечи упал невидимый, но неподъёмный груз. — Тебе необходимо обуздать магию внутри себя. Но мне нужно кое-что взамен.

Я успел лишь вопросительно поднять взгляд, но азаани вновь не дала мне вставить и слова.

— Ты расскажешь мне всё, что знаешь про ситуацию в Грее.

— Прошло лишь два дня с тех пор, как...

— Знаю. Именно поэтому я была сегодня в твоём доме, — произнесла Маэрэльд. Прозвучавшая в голосе вина несколько притупила мое негодование. — Эвлон поделился со мной пророчеством. Тем утром, когда ты пришел во Дворец. Оно застало меня врасплох, оставшись непонятым, но ровно до момента появления следующего. Териат, я видела войско, несравнимое с тем, каким владеет Грея, даже учитывая помощь со стороны Куориана. Видела разрушения, что они принесут. Пустые города, горы трупов, выжженная земля. Война грядёт, и мне жаль, что я к тебе не прислушалась, — королева тяжело вздохнула, возвращая книгу на полку. Кожаный корешок с трудом протиснулся в узкое пространство, но, оказавшись на месте, выглядел среди других как часть палитры. — Я счастлива, что вовремя поняла свою ошибку и что ты здесь, чтобы помочь мне всё предотвратить.

— Хорошо, — мгновенно согласился я, вздрогнув от звука своего голоса. Азаани довольно кивнула, но перед тем, как начать свой рассказ, я добавил: — Но у меня тоже есть небольшая просьба.

Учитель для меня нашёлся быстро. Один из состоящих в совете тиаров — так зовут эльфов, что обладают магией, — согласился незамедлительно приступить к тренировкам.

Сказать, что Финдир был не слишком снисходителен к тому, кто в ужасе от сил, пустивших корни внутри него, — пожалуй, не сказать ничего. Занятия были изнурительными. Физическая подготовка, как заверил Финдир, важна не меньше моральной, потому как сила подобна птице, и если клетка её будет недостаточно крепка, то она запросто вырвется, оставив после себя лишь обломки.

Опытный тиартакжезаставлял меня много времени проводить в глубинах моего сознания. Искать слабые места и бреши, которые при определенных обстоятельствахмогли статьповодом для сомнений в себе ипривести кпотере контроля. Зарываться, чтобы отыскать место, где сосредоточена вся сила, чтобы узнать, что провоцирует её появление.

Несколько раз во время подобных медитаций от меня отскакивали искры, а если учитель доставал вопросами, на которые я не знал ответов, небольшие разряды появлялись, проводя дрожащие дуги между пальцами и соединяя их между собой. Финдир, прежде не видевший ничего подобного, чуть не пищал от восторга, а я, замечавший молнии, тут же сбавлял градус гнева и позволял им пропасть.

— Эзара, не расслабляйся! Попробуй ещё раз, — подгонял он меня.

Узнав, на что я способен, тиар тут же придумал мне прозвище — эзара, что на старозельфийском означает «молния», — и с тех пор моёнастоящее, по факту означающее то же самое, имя никогда больше не касалось его уст. Впрочем, это наладило определенную связь между мной и учителем. К тому же, это помогало абстрагировать мою обычную личность от кишачей неизвестностями личины и сделать вид, что та никак не влияет на первую.

Несколько недель за интенсивным обучением пролетели, как миг, ибо я едва успевал даже спать, не говоря уже о том, чтобыобщаться с семьей и друзьями. Бэтиель недовольно фыркала каждый раз, когда я пробежал мимо неё на пути к пустующей поляне, отдаленной от жилых мест в силу опасности экспериментов, а Индис понимающе кивал и замолкал, позволяя поделиться впечатлениями от уроков. Чаще всего я находил его на посту; несмотря на то, что я прекратил вылазки в Гредю — по многим причинам, — он не переставал дежурить там чаще прежнего.

Факел в окне башни Восхода сохранял мучительное молчание.

Осень с каждым днем ускоряла природные процессы. Лес, словно стеснительная, но обреченная нимфа, медленно раздевался, понимая, что иного пути к перерождению у него нет, и принять его — единственное верное решение. Некоторые виды птиц покидали наши края, прощаясь с сородичами, в то время как другиестарательнособирали пропитание и уплотняли гнезда, делая их более теплыми и безопасными. Лисы сновали из стороны в сторону, беспокоя шуршанием сухой листвы в попытках обустроить норы на зиму, а кабаны неторопливо доедали уже иссохшие грибы и ягоды.

В день, когда первые хлопья снега коснулись земли, эльфы церемониально собрались на главной поляне, чтобы вместе с азаани поприветствовать пришедшую зиму. Зима для эльфов — время плодородное, но не благодаря земле, а благодаря чуду деторождения; из года в год случалось так, что именно в морозные месяцы рождалось больше всего наследников

древнего народа. Эльфы приучили себя быть благодарными за это, ведь если новорожденный ребенок перенесёт зимнюю стужу, все последующие годы едва ли станут для него большим испытанием.

С приходом холодов приходилось менять и гардероб. Привычные темно-зеленые мантии сменялись на белоснежные, утепленные изнутри. Да, благодаря мирным договорам с близлежащими государствами нужды сливаться с окружающей средой не было, однако эльфы чтили эту традицию, ведь однажды она могла сослужить им хорошую службу. Утепленные сапоги, более плотные рубашки и штаны — всё это сковывало движения и усложняло множество процессов, но все же было необходимо, несмотря на сниженную чувствительность к холоду.

— Эзара, дракон тебя подери, соберись!

Финдир не слишком считался с высоким статусом, позволяя себе хлесткие выражения как во время тренировок, так и во время собраний совета. Вот и тогда, когда я не мог собрать волю в кулак и отыскать источник силы, он вышел из себя. Я сидел неподвижно несколько часов, тщетно пытаясь вытащить из себя хоть что-то.

— Я не могу, — честно признался я, закрывая глаза.

— Можешь.

— Не могу.

Учитель поджал губы, сжал кулаки и направился в мою сторону. Я знал, что он не сделал бы ничего, о чём позже пожалел бы, потому умом был спокоен, но тело сработало иначе — инстинктивно, — и реакцией на напряженного и ускорившегося эльфа стала готовность бежать. Всё внутри меня приготовилось к прыжку, будто я обратился животным, затаившимся в ожидании нападения на жертву. Финдир протянул руку к моему плечу.

— Можешь!

В миг, когда его пальцы коснулись моего плаща, меня обдало волной жара. Она прокатилась вниз от живота, к ногам, пытаясь поднять с земли, а затем отпрыгнула вверх, к голове, не упустив ни одной клетки моего тела, заполнив собой всё. Глаза распахнулись так широко, что их обожгло морозом, и несколько слез тут же скатились по щеке, замерзая на ходу. Казалось, скорость моих реакций возросла в разы, а время замедлилось, став тягучим, как смола. Я оглядел поляну и лишь затем задержал взгляд на учителе. Разряд молнии, прокатившись вниз от шеи к предплечью, игриво запрыгнул на руку Финдира и обволокеё. Эльф, оттолкнувшись самостоятельно или будучи подтолкнутым молнией, отлетел на несколько шагов, но на его лице не было страха, злости или недоумения — оно выражало неподдельный восторг, а глаза сверкали зеленым огнем.

Время резко восстановило свой ход, и Финдир звучно упал в большой сугроб, поднимая вокруг себя вихрь встревоженных снежинок. Он несколько секунд пролежал там, даже не пытаясь встать, и я, занервничав, подошёл, чтобы помочь учителю. Из глубины сугроба прозвучал раскатистый смех.

— Я же говорил, что можешь! — приняв протянутую руку, заявил Финдир. — Ох, Эзара чую, ты ещё потреплешь мне нервы! Ты понял, как это получилось?

— Вы до безобразия меня достали, — шутливо ответил я.

— Ха! Без проблем, буду делать это почаще!

Широкая улыбка озарила длинное лицо; это, как и удивительно высокий рост, явно выдавал в нём родственника Аэгтира. Крупные черты лица — глаза, нос, лоб, челюсть, — всё казалось пропорциональным, если не брать в расчёт тонких, будто

постоянно сжатых в раздражении губ. Короткие, лежащие аккуратными волнами русые волосы под отражающимся от снега солнцем сверкали рыжеватым огнём, а щетина и вовсе ослепляла. Огонь пронизывал все его существо, и в этом состояла его главная сила и обязанность: своей магией он поддерживал безопасное для леса освещение, потому как в команде с другим тиаром мог создавать не только огонь, но и иллюзию огня, дающую свет без разрушительного жара. Я с трудом мог представить, сколько лет тренировок ушло для достижения такой гармонии со своей силой, но, казалось, ему не терпелось рассмотреть все грани моей как можно скорее.

Выходка с молнией, конечно, впечатлила Финдира, но повлекла за собой неприятные последствия; покрытая многочисленными ожогами рука вынудила закончить занятие раньше обычного. Его восторженная реакция смягчила мой стыд, и всё же меня не радовало причинение боли учителю. К тому же, обучение лишь началось, и магия, выходит, лишь набирала истинную силу; если у меня не получится её обуздать, то разрушения, что она принесёт, будут куда серьезнее.

Обрадовавшись, что впервые за последнее время освободился не глубокой ночью, а с началом сумерек, я поспешил к Индису. Я был уверен, что ему захочется послушать о том, как задиристый Финдир получил отпор.

— Индис, ты не представляешь, что я сегодня натворил! — кричал я, подходя к его посту с непривычной стороны, а потому погрязнув в сугробах. — Весь день ничего не получалось, и Финдир достал меня своей болтовнёй, а потом он...

Пробравшись сквозь препятствия, я остановился, чтобыотряхнуться, но рассказ не прервал. Подняв глаза, я обнаружил молчащего, даже слегка смущенного Индиса, устремившего на меня многозначительный взгляд, и лишь затем обратил внимание на животное рядом с ним.

Вороной конь поистине исполинских размеров гордо стоял, изредка недовольно фыркая. Его пышная грива развевалась на легком морозном ветру, а глаза казались пустыми впадинами. Он выглядел бы устрашающе, если бы сидящая на его спине юная дева не была мрачнее ночи.

— Я оставлю вас, — галантно предложил Индис и, кивнув принцессе, тут же покинул пост. Как ни странно, он не остался где-то поблизости, чтобы лишить меня необходимости пересказывать разговор позже; я слышал, как снег скрипел под его ногами, и звук удалялся, пока не исчез совсем.

Ариадна умело спустилась с коня и погладила его по морде. Животное подалось к ней, ласкаясь. Я слышал, что, когда знатных детей учат верховой езде, им дарят жеребят; они растут вместе, а потому понимают друг друга без слов. Вероятно, это был один из тех случаев.

— Я не думала, что ты будешь здесь, — произнесла Ариадна, смущенно опуская глаза. — Думала, передам письмо через Индиса, как делала это прежде.

— Письма? Какие письма? Он не...

Я замолк. С начала занятий магией мы с другом будто поменялись местами — я болтал, не давая ему вставить и слова. Он увлеченно слушал, а я ни разу не отплатил ему тем же. Даже если он и хотел передать мне ее послания, я попросту не давал ему такой возможности.

— И всё же я здесь.

— Как и я, — кивнула Ариадна, снимая капюшон. — Но это ненадолго.

Её взгляд был непривычно робок, особенно на фоне грозного коня и полной экипировки. Голос слегка дрожал, причиной чему вероятно был холод, однако двигалась она уверенно, даже выверенно. Спавший капюшон обнажил необычную причёску из нескольких кос и длинную шею. Я подался вперед, чтобы прикрыть оголенный участок кожи, но в двух шагах остановился, испугавшись, что мое прикосновение вновь оставит на ней след.

Неловкость, которой я так боялся, отсутствовала. Зато ясно ощущалась тяжесть несказанных слов; они будто летали вокруг, но так и не добивались до губ, чтобы быть озвученными — так сильно мы не хотели их произносить. Приглядевшись, я увидел, что ожог на губах лисицы зажил точно так же, как на моих, оставив после себя лишь тонкую полоску бледно-розовой кожи.

— Я так и не извинился, как следует, — наконец произнес я, нарушив тишину. — За то, что сделал тебе больно, и за то, что поцеловал.

— Я рада, что тот вечер ознаменовался поцелуем с тобой. В любом случае, кто угодно был бы лучшим вариантом, чем мой будущий муж.

Сердце кольнуло дважды — «кто угодно» и «будущий муж», — но я выдавил улыбку. Я обещал себе ни на что не рассчитывать.

— И каково это, быть обрученной?

— Обреченной, ты хотел сказать, — поправила Ариадна. — Так, будто на меня надели кандалы, а в рот засунули кляп. От учтивой улыбки сводит скулы, от того, как хочется врезать Ханту — кулаки.

Мы оба усмехнулись, неуверенные, насколько смех уместен в сложившейся ситуации. Ариадна медленно сняла перчатки из коричневой кожи и протянула мне руки. Я, осторожно проверяя состояние магии, что текла по моим венам, накрыл её ладони своими.

— Я не держу на тебя зла, — прошептала она, мягко улыбаясь. — Уверена, ты бы не сделал этого нарочно.

— Никогда.

Наши взгляды встретились, и я с трудом поборол желание отвести свой. Рот принцессы был приоткрыт, и воздух из него выходил в виде маленьких облачков пара, который оседал на густых ресницах, окутывая их множеством мельчайших льдинок. Пульс набирал обороты, как при быстром беге, и дышать становилось труднее. Тяжелый воздух обжигал лёгкие.

— Я уезжаю в Куориан.

Сердце на мгновение перестало биться.

— Отец отправляет меня туда познакомиться с семьей принца, — стала объясняться она, вероятно побоявшись, что я подумаю, будто она делает это по своей воле. — Нужно сделать это, пока вода не замерзла, поэтому выезжаем уже утром. Вернемся, как только она растает.

Я запустил руку в карман брюк, быстро убрав её с ладони принцессы, и она вздрогнула, испугавшись моей резкости. Искать пришлось долго. Я мысленно отчитывал себя, что не расставался с запиской несколько недель, и все же забыл ее в единственный важный из дней. Однако, нащупав ее в кармане рубашки, я облегченно выдохнул.

— Пожалуйста, возьми это, — произнёс я, протягивая Ариадне небольшой конверт. — Я кое-чему научился, хоть наши уроки и прекратились.

На самом деле, Финдир учил меня не только магии и самоконтролю. Он был грамотным дипломатом — когда-то он обучал и моего отца, — а потому хорошо владел и людской письменностью. Под предлогом «общего развития» — а на деле потому, что это было моим

условием, — мы изучали и её. Так же усердно, как налегали на всё, за что брались.

Улыбка принцессы стала шире, а руки потянулись развязывать слабый узелок, сдерживавший свернутый кусок бумаги от раскрытия. Я вновь накрыл её руки своими, останавливая.

— Возьми это с собой. Не знаю, нужны ли тебе слова, что я написал. Возможно, стоило оставить их при себе, — объяснил я, и Ариадна замерла, заинтересованно разглядывая моё лицо. — Решать тебе: читать или не читать, ответить или промолчать. Я свой выбор сделал. И приму твой, каким бы он ни был.

— Полагаю, выбор сделан.

Лисица не уточнила, в какую сторону склонена чаша её весов, и я понимающе кивнул. Мы стояли молча, пребывая в смешанных чувствах от безмолвного признания, сделанного так скоро и так аккуратно, что от него при необходимости можно было легко отказаться. Руки покраснелись от мороза. Кожа, казалось, вот-вот растрескается, но я едва ли ощущал дискомфорт. Протянув пальцы к лицу Ариадны, я дотронулся до шрама над её правой бровью, заодно убирая выбившуюся из косы прядь.

— Откуда он?

Девушка улыбнулась, словно дождалась вопроса, на который ей невероятно хотелось ответить.

— Когда мне было 16, я увязалась за отцом в один поход. Если быть точнее, на рыцарский турнир, где он должен был стать одним из приглашенных судей, — принялась рассказывать она. — Он не хотел брать меня с собой, так что я переделалась мужчиной, назвалась Иденом и каждый раз представлялась оруженосцем разных несуществующих рыцарей, коих там было бесчисленное множество. Это было захватывающе! Тебе бы понравилось.

— Не сомневаюсь.

— Один из рыцарей накануне перед боем страшно напился и не смог участвовать, а я тем же вечером в таверне имела неосторожность наугад выбрать имя рыцаря-сюзерена и попасть именно в него.

— Ты участвовала в турнире?!

Я представил принцессу, под довольные крики толпы скачущую прямо на копьё противника, и все внутри меня похолодело.

— Не просто участвовала. Я его выиграла.

От неожиданности я засмеялся так громко, что оглушил даже самого себя. Лисица обиженно толкнула меня, и я упал прямо в сугроб, находящийся за моей спиной. Я даже не попытался подняться; спустя секунду серый плащ принцессы опустился на снег в сантиметрах от меня. Конь, поражённый несерьезностью высокородной хозяйки, недовольно фыркнул и отвернулся.

— Не стоит меня недооценивать, — шутливо укорила девушка. — Вот видишь, стоило тебе на миг потерять концентрацию, как я одним движением повалила тебя на землю.

— Того рыцаря ты тоже застала врасплох невероятной историей?

— Почти, — согласилась она. — Где-то на середине пути я сняла шлем. Зрители тут же затихли. Отца, кажется, чуть не хватил удар, а соперник опустил копьё. Только мое копьё не дрогнуло, и вот — одна шальная щепка.

— Вообще-то шлемы носят как раз для того, чтобы такого не случилось, — заметил я, и голос мой дрогнул. Я почувствовал, как пальцы Ариадны медленно пробираются к моим.

Она взяла меня за руку.

— Я буду молиться Богине, чтобы весна наступила скорее, — прошептала она отстраненно, устремив взгляд в беззвездное небо.

В ответ я лишь сжал её руку, incapable что-либо произнести; в горле комом встали причины не сближаться с принцессой, но я гулко сглотнул, не позволяя им прозвучать. Всё, что в тот момент имело значение — тепло её руки извонкая, но почему-то комфортная тишина.

Под теплом наших тел снег таял и впитывался в плащи. Какое-то время можно было не обращать на это внимание, но, когда я почувствовал дрожь, сотрясающую тело лисицы, я спешно встал, вытягивая её за собой. Она растерянно оглянулась; за время молчания она, казалось, провалилась в дрему, и её веки отказывались полностью открывать уставшие глаза. Я понял, что нас окутала глубокая ночь, и, так как утром принцессе предстоит начало тяжелого путешествия, не посмел более её задерживать.

Я подвёл её к скучающе, но терпеливо ожидавшему коню и помог забраться в седло.

— Ты точно сможешь добраться сама?

— Да, — взбодрившись, ответила она. — Там усилили стражу.

Намек на нежелательность моего присутствия я понял и, задержав взгляд на лице девушки, занёс руку, чтобы ударить лошадь по крупу.

— Не прощаемся, лисица.

— Не прощаемся, Эзара, — ответила она. — Индис рассказал. Мне понравилось, так.. звучно. Теперь мне есть, чем тебе ответить.

Я улыбнулся и едва успел дотронуться до коня, как он молниеносно умчался прочь в сторону замка. Ветер гулял в моих волосах. Уши ныли от холода. Спустя какое-то время из глубины леса послышались шуршание шагов Индиса. Он подошёл ко мне со спины, но молчал, чтобы не спугнуть, и дожидался, пока я первым не начну разговор.

— Ну, вперёд, — подбодрил я. — Вещай.

— Она переживала о тебе, — слегка насмешливо заговорил эльф. — Просила рассказать, чем ты занят и куда исчез. Похоже, ты ей нравишься.

— Не уверен, хорошо это или плохо.

— Передавала письма несколько раз, — не обратив внимания на мои слова, продолжил он. — Но я так и не сумел их тебе отдать. Впрочем, какая разница? Ты ведь все равно, дурень, читать не умеешь.

— А ты, я погляжу, в этом хорош? — повернулся я к другу.

— Нет, но я и не пытаюсь сойти за прекрасного принца.

Если бы эти слова произнес кто-то другой, я бы воспринял их как оскорбление. Однако все, к чему они привели, была лишь наигранная драка двух старых друзей, пытавшихся спрятать неловкость за глупыми шутками.

Финдирзаметил, как изменилось мое настроение, и это сделало его еще более требовательным наставником. Я не знал, что поддерживало в нем эту неумную энергию — магия, излишнее воодушевление или сумасшествие, — но она лишала меня всяческой надежды на отдых. Он оставлял меня одного лишь поздней ночью, а затем, как только солнце показывалось из-за горизонта, уже стоял возле моей постели, бодрый и готовый к новым свершениям. Впрочем, его настойчивость принесла свои плоды: кое-какие цели всё же были достигнуты.

Прошло где-то полтора месяца с начала тренировок, когда я наконец смог нащупать источник силы. Раньше она хаотично разбегалась по телу, неуправляемо вырываясь наружу при появлении любого раздражителя, но я сумел найти место, где она спит, когда её никто не тревожит, и невидимыми кандалами приковать там до востребования. Я чувствовал её негодование и слышал звон цепей, но ей не оставалось ничего, кроме как смиренно повиноваться. В состоянии покоя она всегда сосредотачивалась в верхней части грудной клетки, между ключиц, прямо под крупной родинкой, что была со мной с самого рождения.

Облегчение, что я испытал, поймав эту птицу в клетку, было сложно описать словами. Всё это время я был измотан и безнадежен, считал, что никогда не сумею обуздать небесный огонь, и потому каждый день казался мне вечностью, бесконечной тьмой, вцепившейся в меня когтями и утягивающей в бездну страхов и неизвестности.

— Ты — молодчина, Эзара, — одарил меня похвалой Финдир. — Мне на это понадобились годы.

— У меня хороший учитель, — пожал плечами я, и эльф отмахнулся от лести, как от летящей в него стрелы.

Мы переместили фокус внимания с удерживания и поиска силы на ее выплеск; стали выяснять, на какие внешние раздражители она реагировала ярче всего. Финдир рассказывал, что при обучении тиаров упор обычно делался на гнев и страх; моя магия вряд ли окажется исключением из правил. Проблема состояла лишь в том, чтобы вызвать нужные эмоции: у нас едва ли получалось разозлить меня в нужной мере, не говоря уже о том, чтобы действительно напугать. Воспоминания помогали воссоздать ощущения лишь частично.

Я грезил о сне, но даже несколько часов в ночной тишине не всегда способствовали исполнению этой мечты. Я понимал, что телу и разуму отдых был необходим, но постоянно тревожился мыслями о лисице. Меня беспокоило буквально всё: как она перенесёт путешествие, не случится ли с ней морская болезнь, как с ней будут обращаться при дворе Куориана, не захочет ли она остаться в теплых краях. Что подумает и почувствует, прочитав моё письмо. Прочитает ли его.

Что может позволить себе принц, находясь в официальном статусе её жениха.

Я не имел понятия, как устроены помолвки, особенно у людей столь высокого статуса. Существовали ли строгие рамки, в которые должна быть сыграна свадьба? Условия, что вступающие в брак должны были выполнить? Обязаны ли они испытывать друг к другу теплые чувства? Необходимость расспросить кого-либо об этом становилась все острее, иначе росла вероятность, что я направлю молнию себе в голову, не дожидаясь момента, когда она сама разорвется от наполняющих её мыслей.

Азаани наконец занялась вопросом исходящей от людей опасности. Её совет собирался

так часто, как не делал этого уже несколько сотен лет, планируя ответные действия на каждый из вариантов развития событий. Собрания были серьезны и длительны, и лишь Финдиру, по понятным причинам, разрешалось их пропускать. Это означало, что совет рассматривал моё обучение как нечто более важное, чем планирование военных действий. Меня считали оружием. Нестабильным, неумелым, непонятным, и всё же сильным и страшным оружием. Война определенно смогла бы вызвать во мне и страх, и гнев, и множество других сильных чувств, но это означало не только то, что они помогут вызвать магию, но также и то, что ей едва ли можно будет управлять.

— Как ты считаешь, откуда она взялась? — однажды спросил я у учителя. Спустя какое-то время мы перешли на «ты», так как Финдир заявил, что моё вежливое обращение заставляло его чувствовать себя старцем. К тому же, мы действительно стали близки, чего сложно избежать, когда проводишь с кем-либо столько времени. — Больше ста лет, и ни капли необычного во мне прежде не проявлялось.

— Магия всегда была внутри тебя.

— Но почему она проснулась именно сейчас?

— Что-то ее подтолкнуло. — Громко выдохнув, он присел у костра, что мы разводили по вечерам. Я понял, что разговор будет длинным. — Магия есть в каждом из нас, таков уж наш народ. Однако годы шли, популяция росла, и она стала потихоньку гаснуть в сердцах эльфов. Засыпать. Но никто и никогда не сможет забрать её у нас. Не пока сердца бьются у нас в груди.

— Но ведь люди тоже владеют магией.

— Это верно. В некоторых людях магия спит так же, как и в нас, дожидаясь нужного момента, но другие насильно наполняют ею свои души. Когда тебе доведется встретиться с чародеем, знай: если он молод, то тебе стоит его опасаться.

— Почему? — недоумевал я.

— Людская жизнь коротка. Так уж заведено, и бороться с этим — все равно, что бороться с волей Богини, потому ради молодости и красоты колдунам приходится делать страшные вещи. Ты знаешь, что магия деструктивна, — сказал Финдир, и я понимающе кивнул, в ужасе представляя, какие последствия может иметь небесный огонь, используемый в дурных целях. — И она всегда забирает свою цену. Как правило, она проявляется лишь в тех, кто может выдержать это испытание, ведь Мать Природа бережёт свои земли, и всё же бывали случаи, когда эльфы не справлялись с дарованными силами. Они становились похожими на зверей без тени разума, жаждущих лишь крови и исполнения низменных желаний. В последние столетия Богиня стала более избирательна.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы эльф стрелял молнией? — задал я вопрос, мучивший меня последние несколько месяцев. Не потому, что я лелеял мысль о своей исключительности, но потому, что боялся неизвестности, связанной с отрицательным ответом. Куда проще было вымышлять, что в этом не было ничего необычного.

— Слышал, — спокойно ответил учитель. — Пусть и не знал лично. Судя по всему, твоя сила работает точно так же, как моя или любая другая. Их природа одинакова, а это значит, что мы с ней справимся. Разве что молния куда быстрее, чем огонь, и долетает она, наверное, до более далеких целей, но с этим мы разберемся чуть позже.

— А какова... цена? Мы пользуемся магией постоянно, но я не чувствую, что во мне что-то изменилось.

— Действительно?

Финдир удивленно вскинул брови, и я на какое-то время замолк, задумавшись. Пожалуй, в свете последних событий у меня не было достаточно времени, чтобы прислушаться к своему телу. Я вспоминал последние месяцы, дни в которых были одновременно одинаковыми и непохожими друг на друга, и пришел к нескольким выводам. Трёхчасовой сон никак не влиял на мою бодрость и продуктивность в течение дня, особенно учитывая то, как плохо и беспокойно я спал. Более того, я был ловок, стал легче сосредотачиваться, увереннее касаться огня в груди, а вечное сидение на снегу не заставляло меня мерзнуть, словно что-то изнутри защищало мое существо.

— Чувствую, — исправился я. — Но...

— Пока ты лишь слегка касаешься своей силы, она подпитывает тебя, — пояснил Финдир. — Ты чувствуешь себя живее всех живых, потому что огонь внутри тебя горит, как печка, что греет свой дом. Однако если ты решишь подкинуть туда дров сверх меры, дом может сгореть.

— То есть пока я пользуюсь силой по чуть-чуть, она работает мне во благо, но, если сделаю что-то масштабное, она меня убьёт?

— По меньшей мере, значительно ослабит. Или сведет с ума, — кивнул учитель. — Но мы для того и учимся, чтобы ты знал меру. Взгляни на меня: молод, умён, привлекателен, а ведь я почти ровесник азаани.

— И скромн, — вставил я посередине его слов, но, услышав концовку, изумился: — Тебе шесть сотен лет?!

— Пятьсот восемьдесят семь, если быть точным, — поправил он, наигранно задрал подбородок, и я понял, почему он вообще заговорил о своём возрасте, прося перестать обращаться к нему официально. — Я же сказал почти ровесник.

— Ты вообще собираешься стареть? — возмутился я.

— Магия, — пожал плечами Финдир, не скрывая довольной улыбки. — В разумных размерах.

Его возраст действительно поражал; будь он обычным эльфом, уже, скорее всего, поседел бы и ворчал на внуков, бегающих по его двору. На деле же он выглядел немногим старше меня: если сделать наши жизни эквивалентными людским, то ему будто бы едва перевалило за тридцать.

Порой до нашего отшельнического уголка долетали отголоски новостей из Грей. В них не было ничего особенного или пугающего. Ни король, ни его старшая дочь не совершали вызывающих подозрения поступков, хоть мы и не прекращали напряженно их ожидать. Королевская семья всерьез занялась подготовкой к свадьбе: закупка тканей, провизии и рассылка приглашений шли полным ходом. Приглашение пришло даже Маэрэльд, которую король, по заверениям его друида, безмерно уважал. Я использовал мысли о предстоящем торжестве как один из поводов вызвать гнев на тренировках, но одна деталь всё же грела мою душу: раз Эвард готовил свадьбу, значит, она будет проходить здесь. Значит, лисица ещё хотя бы раз приедет на родину.

Однажды, в середине самого морозного месяца зимы, какая-то новость всё же сотрясла совет настолько, что Финдир позволил мне провести весь день наедине с собой. Попробовав отдохнуть, сидя в полной тишине, я понял, что во мне плескалось невероятное количество энергии, которую я прежде не замечал из-за постоянных занятий с учителем. Малейший шорох заставлял вскакивать и искать источник шума, а ощущение, что я должен был что-то

делать, но вместо этого бессовестно бездельничал, преследовало ежеминутно.

Я представлял, чем могла бы заниматься Ариадна. Гулять по вечнозеленым садам Куориана, блуждать в его лабиринтах, поедать персиковые пирожные, которые она постоянно притаскивала на наши встречи в башне, находиться в объятиях принца... Раз за разом мысли приводили к картинкам, которые я предпочел бы не воображать, и их приходилось силком вытаскивать из головы. Ревность, которую я раньше считал глупейшим и неправильнейшим из чувств, съедала меня, и я не знал, правда ли испытываю ее, или же всё это — следствие изменений, к которым неизбежно приводят новые аспекты моего бытия.

Разумеется, я сбежал. Зато, наконец, насладился общением со всеми, кто мне дорог. Мать стала заметно более активной, и тень горя практически покинула ее лицо. Я несколько раз пытался поговорить с ней о ночи, когда мой дурной сон чуть не лишил нас дома, но она прерывала все попытки, по-матерински понимающе глядя меня по волосам. Сестренки, как и всегда, едва давали мне вдохнуть, чтобы набраться воздуха для ответа на все интересовавшие их вопросы. Талани представила мне составленный втайне от сестер алгоритм действий, которого следует придерживаться, если я выхожу из себя и перестаю себя контролировать, и её зрелость в очередной раз поразила меня. Шаэль демонстрировала очередные акробатические номера, суть которых, как по мне, была в том, чтобы извлекаться в снегу и заполнить пространство вокруг звонким смехом. Файлин же сдержанно, пытаюсь казаться безразличной, и все же невероятно смущаясь, показала мне свои рисунки, и они, без сомнений, были выше всяких похвал.

Индис всё так же заражал жизнерадостностью, и это оказалось спасением для моего измученного разума. Глядя на то, что прежде было главным поводом для раздражения в моей жизни, я понимал, чего мне больше всего не хватало. Время шло, а Индис, благодаря или вопреки, не сходил с избранного им пути. По крайней мере, его улыбка была искренна, а глаза стреляли такими искрами, что те посоревновались бы с моими молниями. Мы прекрасно поговорили, легко и ни к чему не обязывающе, как и многие годы до этого, и это теплым одеялом укутало мою душу, порадовав, что хоть что-то в этой неразберихе остаётся прежним.

Бэтиель, завидев меня издалека, помчалась навстречу и повисла на моей шее, душа в объятиях. Едва не захлебываясь словами, она принялась за рассказ, из которого я едва мог выловить отдельные фразы, не говоря уже о том, чтобы понять суть; сосредоточиться не выходило, даже учитывая недавно приобретенные навыки.

— Когда мы выезжаем, ты не знаешь? — из урагана слов эта фраза выскочила резко, застав врасплох.

— Куда?

Бэтиель надула губы, демонстрируя неподдельно обиженное лицо.

— Ты меня вообще слушал?

— Это было сложно, — признался я, пытаюсь спрятать взгляд.

— Когда мы выезжаем в Армазель?

— Это ещё зачем?

Эльфийка тут же ударила себя ладонью по лицу, закрывая рот. Я нахмурился, пытаюсь вытащить из памяти слова, что Бэтиель недавно произнесла, ведь хоть какие-то из них должны были зацепиться за края моего разума, но попытки оказались тщетны. Поездка в Армазель, столицу горных эльфов, казалась бредом сумасшедшего. Я был там лишь однажды,

в глубоком детстве, и даже та поездка была невероятной удачей, которая подворачивается не каждому жителю Аррума.

Лишь подле Грей эльфы делились на лесных и горных. В остальных уголках мира это — один и тот же народ, живущий вместе; часть — в горах, часть — в лесах, что всегда располагаются у их подножий. Армазель и Аррум — самые крупные места обитания эльфов, но самые недружественные, и потому, к счастью или к сожалению, имеющие возможность самостоятельно избирать пути развития. Лесные эльфы продолжали сотрудничать с людьми и приходили к компромиссам, что позволяли нам жить в мире. Горные же презирали людей, считая их недостойными внимания существами, и не хотели очернять свои души даже общением с ними, не говоря уже о межвидовых связях, которые у них, разумеется, запрещены. Они мало сотрудничали даже с нами — казалось бы, их братьями и сестрами, — потому я не видел никаких причин отправляться в Армазель, тем более в компании так воодушевленной путешествиями Бэтиель.

— Тебе, наверное, скажут чуть позже, — виновато пробормотала девушка, переступая с носка на пятку. — Я подслушала, как советчики Маэрэльд говорят об этом, слышала твоё имя, и... напросилась с вами, пообещав, что не доставлю хлопот. В итоге на меня повесили шитьё новых накидок в дорогу, но это мелочи, с которыми я без проблем справлюсь.

— Я всё ещё не понимаю, зачем нам ехать в Армазель, — напомнил я.

— Эзара! — крик в спину ударил меня, будто разъяренная волна. — Эзара, вот ты где! Пошли, как раз ты мне и нужен!

Я успел лишь мельком взглянуть на Бэтиель и испытанное ей облегчение; Финдир спас ее от мучительного танца вокруг темы, в которую она оказалась посвящена раньше, чем посредственный участник событий. Помахав рукой, она надела капюшон, скрывая пышную рыжую копну, и упорхнула, быстро замелькав между деревьями. Вновь чувство, будто все вокруг знают обо мне больше, чем я сам, бурлило внутри, грозя в любой момент перелиться за края.

Вероятно, оно так ясно отражалось на моем лице, что, обернувшись, я увидел изображавшего безоружную жертву учителя с поднятыми к небу руками.

— Драконий пепел, ты чего так пыщешь? — воскликнул Финдир. — У тебя сейчас огонь из ноздрей повалит!

Непритворное изумление от моей реакции помогло слегка умерить пыл. Финдир несколько месяцев учил меня специальной технике дыхания; он утверждал, что отсутствие воздуха для меня равняется либо полному отсутствию магии, либо полному отсутствию контроля над ней, так что данному умению во время тренировок всегда было отведено особое место. Вот и сейчас оно оказалось исключительно полезным: десять секунд, и я полностью восстановил привычный ритм сердца и дыхания, расслабил мышцы и разум, и был готов внимать всему, что учитель собирался поведать.

— Девчонка уже проболталась, а? — терпеливо дождавшись момента, чтобы начать говорить, Финдир кивнул в сторону деревьев, за которыми недавно скрылась Бэтиель.

— Мне показалось, что это бессмыслица.

— Если бы, — учитель хлопнул меня по плечу, тяжело выдохнув. — Азаани обратилась к аирати со своими опасениями, а он, заносчивый ублюдок, потребовал приехать и взять с собой свидетелей и доносчиков, иначе попросту не станет слушать. А ты — наш главный источник.

Я понимающе кивнул, наслышанный о скверном характере короля гор. Говорили, что

из-за частого кровосмешения с людьми его презрению к нашему народу нет предела. Я уже предвкушал, как сотни эльфов будут пренебрежительно оглядывать меня, связавшегося с людьми глупца, с тех самых пор, как я ступлю на их земли, и вплоть до момента, когда их покину.

— Есть то, о чем не стоит ему говорить?

— Не упоминай принцессу, — посоветовал Финдир. — Королевская семья вызывает у Рингелана... ты, кстати, знал, что его так зовут?... ещё большую ненависть, чем люди в целом. Сосредоточие человеческого коварства и невежества, как он считает, логично заключена в правителях. Поверить в их дурные замыслы ему будет просто, но в том, что кто-то из них же нас и предупредил, убедить его будет практически невозможно.

— Что-то еще?

— Вряд ли бы ты стал справляться о здоровье его детей, но... в общем, ни слова о жене и детях. Говорят, когда она забеременела, он... выгнал ее. Или она сама ушла... Давняя история, но разговор склеить не поможет. Понял?

— Понял, — протянул я, прищурившись. — Когда выезжаем?

— Завтра на рассвете.

Я кивнул, и Финдир по-дружески приобнял меня, направляя на север, в сторону тренировочной площадки. Мой выдох был настолько тяжелым, что чуть не стряхнул снег с ближайшего куста, и настолько разочарованный, что учитель чуть не поверил в него. Уже смеркалось, и Финдир решил несколько отойти от привычной программы упражнений. В тот вечер он, удивительно быстро по сравнению с предыдущими трюками, научил меня произвольно вызывать небольшие молнии, выходящие с поверхности ладоней. Иногда они были одиночными и крошечными, будто колыхающиеся от ветра колоски, а иногда их набиралось столько, что они соединялись в небольшой шар, кишачий светящимися змейками. Финдир заверил, что вскоре я смогу держать их дольше, чем несколько мгновений, что и так давались с большим трудом, а затем научусь постепенно отделять их от своего тела, без необходимости постоянной подпитки. Это казалось чем-то, что я никогда не осилю. Однако мысль о том, что ещё летом я не представлял, что обладаю какими-либо способностями, придавала веры в то, что моё тело способно на большее, нежели я от него ожидал.

Утро в лесу выдалось непривычно беспокойным. Подобного крупного похода, к тому же с участием азаани и половиной её совета, Аррум не видел давно. Повсюду сновали эльфийки с подготовленной провизией и вещами; матери, дочери и жёны провожали мужчин так, будто не увидят их до самой весны, а оружейники грузили в повозки столько стрел, сколько едва ли понадобилось бы для полномасштабной войны. Подобные приготовления привели меня в замешательство, но я промолчал, надеясь, что всё это лишь для устрашения и защиты от разбойников на трактах.

Индис остался в Арруме в качестве одного из главных доверенных лиц Маэрэльд, хоть по нему и было видно, как отчаянно он желал выбраться из леса навстречу приключениям. В этом мы были похожи: однообразность жизни угнетала нас, вытягивая весь свет и силы, что заложила в нас Богиня. Однако по ночам, когда от переизбытка эмоций мне не удавалось уснуть, я втайне сожалел, что именно мне довелось встретить лисицу и пробудить в себе магию. Уверен, открытому и полному сил Индису выпавшие испытания показались бы лишь очередной авантюрой, о которой он позже сам бы сложил легенды, заметно всё приукрасив. Мне не хватало той безусловной веры, коей светился мой друг, и решимости, порой

доходящей до безрассудства, но я не смел произносить это вслух, чтобы не омрачить решение богов своим недоверием.

Всего в Армазель отправилось около трёх сотен эльфов разных чинов и рангов, и каждый чётко знал свои обязанности. Путь до гор занимал около семи дней. Из-за многочисленности нашей делегации мы вынуждены были останавливаться на привал за час или два до темноты, чтобы успеть разбить необходимое количество палаток и насобирать хвороста для костров. Несмотря на сопровождающего нас огненного тиара, поджигание всех костров лежало на мне, — Финдир настоял на этой практике в силу отсутствия надлежащих тренировок, — но, так как отделять молнии от себя я еще не умел, приходилось подносить руку непосредственно к поленьям, и потому ее приходилось постоянно перематывать, скрывая ожоги. Зимние морозы служили обезболивающим, а учитель в ответ на стоны боли утверждал, что страдания дисциплинируют, и их необходимо принимать с таким же почтением, что и все испытания, ниспосланные нам Богиней.

В походах царила особенная атмосфера. Однообразные пейзажи скрашивали лишь довольные лица всадников, истосковавшихся по седлу и дорогам, и огненно-рыжие волосы, мелькавшие со всех сторон. Студеный ветер развивал бледно-розовые куски ткани, коими была обшита накидка королевы, и создавал впечатление миража в лучах изредка выглядывавшего солнца. Эльфы в телегах распевали старинные песни, которые я, в силу своего возраста, никогда прежде не слышал; их красота и сложность мотивов поражали воображение. Темы, что воспевали мои попутчики, были разнообразны: страшные битвы, стихийные бедствия, предательства, но также и первые влюбленности, богатые пиры и великие эльфы прошлого. Особенно мне запомнилась песня о расколе нашего народа; интересно, что Армазель в ней представляют мужчиной, а Аррум — женщиной, хотя Маэрэльд лишь вторая женщина, занимающая священный пост азаани. Мне казалось, что раскол произошёл настолько давно, что я даже не задавался вопросом, когда именно.

Упало между ними яблоко раздора,
Стало не хватать общего простора,
Не поняли друг друга сестра и брат,
Столько лет и не поймёшь, кто виноват.

Больно смотреть, как ссорятся родные,
В детстве были дружные да озорные,
Новый друг пришёлся не по вкусу брату,
Не хотел делить сестру он с супостатом.

Но сестра была равна ему, не рабыня,
И действовала, как велела ей Богиня,
Была добра и принимала жизнь, как есть,
А новых друзей, людей, — за честь.

Разделяет их дома невидимая полоса,
Из общего у них теперь — лишь небеса,
Не поняли друг друга сестра и брат,
Так и не ясно, кто прав, кто виноват.

Несмотря на мои ежедневные представления у костра, в дороге каждый считал своей обязанностью попросить меня продемонстрировать свои силы. Появлялось ощущение, что я участвую в походе в качестве шута, чтобы скрасить путникам время, но отдельная палатка в сердце лагеря постоянно напоминала о том, что миссия моя состояла в чем-то большем. Я пытался отказаться от неё или хотя бы подселить к себе ещё нескольких парней, что едва помещались в своих жилищах, но воспоминания о моей сожжённой кровати были ещё свежи, и в просьбе мне каждый раз отказывали.

В последнюю ночь пути я долго не мог уснуть, испытывая непреодолимый дискомфорт. Наконец, до меня дошло, что я, презренный сын полукровки, собирался что-то доказывать королю горных эльфов, которого прежде никогда не видел. Окутанный атмосферой недоверия и сомнения я, юнец, собирался убеждать в чём-то старейшего из ныне живущих эльфов, в чём-то, что, возможно, не стоило даже толики его внимания. Волнение тонкими шипами втыкалось в меня со всех сторон, будто я свалился в цветущий куст роз.

Ткань палатки задрожала, пуская волны, и тень маленькой руки опустилась на неё, вынуждая остановиться.

— Пссс! — тихое шипение тут же вытащило меня из мыслей. — Териат, ты здесь?

— Да.

Я подался вперёд, потянул за завязки, и полы ткани распахнулись, как шторы, освобождая дорогу лунному свету. Однако вместо него моё жилище осветил свет огромных зелёных глаз.

— Что ты здесь делаешь?

Недовольно пыхтя, Бэтиель протиснулась в образовавшуюся щель и проникла внутрь. На фоне её миниатюрного тела палатка смотрелась дворцом, высоким и просторным, потому она сидела, выпрямив спину, в обыденно комфортном положении. Мне же приходилось держать голову опущенной, отчего шея жутко ныла, но иначе я не смог бы смотреть ей в глаза, находясь напротив.

Румянец на щеках эльфийки заблистал, а сердце забилось чаще, — я слышал это то ли из-за звенящей тишины вокруг, то ли из-за обострившихся чувств, — и она перебирала пальцами кончики своих волос, не решаясь что-либо произнести.

— Как настроение?

Слова выпрыгнули из её уст слишком быстро и громко, и мы оба вздрогнули от неожиданности.

— Уже глубокая ночь, — ответил я, наклоняясь, чтобы в щель между кусками ткани разглядеть положение луны. — Что ты здесь делаешь?

— Волнуешься? — не обращая внимания, спросила она.

— А ты как думаешь?

— Думаю, очень. Встретиться с аирати — великая редкость и честь. Никогда не думала, что смогу побывать в Армазеле.

— Ты права. Но я был бы рад менее печальному поводу.

— Это всё люди, — пожалала плечами эльфийка. — Ты не виноват.

— Люди не виноваты в той же степени, — возразил я. — Дело в конкретном человеке. У каждого народа бывают представители, о которых им хотелось бы забыть.

— У каждого, но люди грешат подобным с незавидной частотой.

— Тебе надо было родиться в другом месте, — пошутил я, и Бэтиель смутилась радикальности своих взглядов. — Любишь горы?

— Не знаю, — призналась она. — Видела лишь издалека.

— Была бы повыше, — подколот я, и эльфийка заметалась в поисках чего-то, что можно было бы кинуть, но палатка оказалась пуста. — Светлые волосы и голубые глаза тебе бы пошли.

— Я же нравилась тебе когда-то?

Я закашлялся, растерявшись от сменившегося курса разговора. Взгляд Бэтиель был опущен, но бегал из стороны в сторону, не находя, за что зацепиться. Я начинал переживать из-за того, что провел эти мгновения молча, ведь ответ был ей знаком, но требовал быть озвученным.

— Когда нам было по... десять, кажется? — задумался я. — Потом я встретил Эллуин и на какое-то время совсем о тебе позабыл.

— Да, это было очаровательно, — засмеялась Бэт. — То, как ты влюбился в моего далекого брата, посчитав его моей сестрой...

— Я исследовал мир. И себя.

— Однажды в детстве ты сказал, что не видел девочки красивее меня. Разве что Эллуин, — продолжила она, смело подняв взгляд. — Я жаловалась, что не хочу быть коротышкой, а ты говорил, что невысокие девушки больше нравятся парням.

— Индис подливал масла в огонь? — догадался я.

— Годами, пока, наконец, не забыл, — засмеялась эльфийка, заправляя прядь за ухо. — Но ты — никогда. Ты всегда был ко мне добр.

— А разве не должен был? — слегка нахмурился я. — Я добр ко всем.

— Да, но...

Бэтиель вновь опустила голову, и по её щекам покатались тяжелые, крупные слезы, заставляя нежную кожу краснеть. Я много раз видел, как она плачет; мы росли вместе, а дети часто бывают друг к другу жестоки. Однако прежде она всегда плакала от гнева, от досады, от боли, но не так, как сейчас — тихо, не вздрагивая, едва дыша, будто желая исчезнуть. Я взял её за руку, поёжившись от скрытой под повязкой боли, и наклонился, пытаюсь заглянуть в её лицо.

— Бэт, всё в порядке? Послушай, ты же знаешь, — затекшая шея не позволила мне наклониться достаточно, чтобы увидеть её глаза, потому я двумя пальцами коснулся её подбородка, поднимая её лицо. — Если тебе нужна помощь, я...

Её солёные губы оказались на моих, не дав договорить. Я невольно ответил на поцелуй, сбитый с толку, но, когда напор усилился, взял её за плечи и мягко оттолкнул.

— Похоже, ты не можешь мне помочь, — обиженно пробормотала она.

— Я понимаю твою тоску, — строго отрезал я. — Но, если ты хотела обидеть Индиса этим поцелуем, поверь, это не подтолкнет его в твою сторону. Богиня, его же здесь даже нет!

— С чего ты взял, что я делаю это из-за него?

— Прости, Бэт, но об этом знают все, кроме, кажется, тебя самой.

Эльфийка быстро утерла слезы, и ее негодование стало столь ощутимым, что будто бы заполнило собой воздух моего жилища. Я понял, что обидел подругу, но ее методы казались мне возмутительными; едва ли ее выходка могла хоть как-то помочь Индису пробудить в себе ответные чувства.

— Прости, — хотел сказать я, но голос неожиданно пропал, и мне пришлось прокашляться, прежде чем повторить извинение. — Прости. Но ты правда считаешь, что...

— Что? Что он может полюбить такую, как я? — воскликнула она, и я тут же прижал

палец ко рту, намекая быть тише. — Быть может, он, как и ты, больше предпочитает людей? Вы оба боретесь за сердце той девчонки из таверны? Я видела, как она приходила к нему по ночам.

Скопление силы в моей груди затрепетало, хоть и не вышло за пределы дозволенного, а тело прошибло холодным потом. Всё путешествие я умудрялся не думать о лисице, и теперь одно лишь упоминание о ней пробудило во мне небесный огонь. Я задумался, не говорил ли Бэтиель о статусе Ариадны, но то, что она назвала её «девчонкой из таверна», значительно облегчало ситуацию.

— Дело не в ней, — прошептал я, поправляя волосы.

— Сначала мать, теперь ты. Дело всегда в них, — ответила она раздраженно, покидая палатку. — Дело всегда в людях.

Вершины гор Армазеля, казалось, едва не царапали небесное полотно. При одном лишь взгляде на них солнце ослепляло, отражаясь в бесконечных снегах, но их величество так притягивало, что это казалось малой ценой.

Архитектура всегда была сильным местом горных эльфов. Их дома не гниют из-за плохой погоды и не горят от ударов молнии; с каждым годом горные породы становятся лишь толще и прочнее, потому местные умельцы творили волшебство, вырубая из скал мельчайшие, сложнейшие узоры, во всей красе демонстрируя изящество, что в них взрастил их народ. Чувство, будто вошел не в город, а в мастерскую лучшего в мире каменщика, не покидало ни на мгновение.

Подъем в гору никем не охранялся, хотя дорога и была чиста от снега и ото льда; нас совершенно точно ждали. Серпантин, петлявший так, что кружилась голова, открывал невероятные виды на земли Греи и верхушки деревьев Аррума. С высоты дом, казалось, был совсем близко, но ноющая от ожогов ладонь напоминала о семи ночах пути. Всё казалось неживым, будто находилось в зимней спячке, пока, почти у самой вершины, между деревьев и кустов не стали сновать огромные белые волки.

Волки в этих землях так же священны, как для нас — олени. Вдвое больше обычных, с белой шерстью и, как у всех горных эльфов, бледно-голубыми глазами, они не внушали страха, если не желали того, но вызывали недюжинное любопытство. Один из волков, самый массивный, но грациозный, сопровождал меня несколько минут пути, вышагивая так близко, что его шерсть грела мне ногу. Его осознанные глаза и внимательный прищур едва ли казались животными, и я поёжился, ощутив, будто его пронзительный взгляд забрался мне под кожу.

Две исполинские колонны, вырубленные в скале и изображавшие морду волка и лицо безымянного эльфийского короля, обозначили для нас вход в город. Около них нас ждал небольшой отряд из десяти воинов; вероятно, личная стража короля. Бесчисленные ножи и кинжалы сверкали в лучах зимнего солнца, обращая внимание на ещё одну отрасль, в которой горные эльфы сильны, как никто другой. Их сталь ценится дороже золота, а работа их мастеров — дороже любых драгоценных камней, но, по большей части лишь потому, что предметы их работы достать практически невозможно. Люди, владеющие подобным богатством, вероятно, получили его по наследству; на деньги, вырученные с продажи одного меча, можно было безбедно существовать всю жизнь, даже если аппетиты близки к королевским.

Местные жители, встречая гостей, выстроились с обеих сторон вдоль дороги, и их лица выражали самые разнообразные чувства; как те, что я думал, так и те, что увидеть не ждал — страх и смятение. Вероятно, о нашем приезде предупредили не всех; в таком случае, я был готов аплодировать их сдержанности — на их месте я напугался бы куда сильнее.

Искусный дворец, в котором восседал аирати, находился в глубине города, в самом его сердце. Витражи в его окнах играли со светом, преломляя его и завораживая любого, кто успевал на них взглянуть. Горная порода, послужившая основой для дворца, тысячелетиями наслаивалась, набирая мощь, и каждый год её существования отпечатался в уникальном узоре, видимом на срезах; оттенки от темно-серого и коричневого до бледно-голубого переплетались в утонченном танце, и благоговение перед этим зрелищем крало дыхание.

Тронный зал был залит игривым, щекочущим светом, что контрастировало с общим настроением. Горный народ был строг и холоден; все стражи стояли ровно и молча, устремив взгляды вдаль. Рингелан был единственным, кто смотрел прямо на нашу делегацию, вошедшую во дворец не в полном составе, и всё равно, казалось, огорчившую его своей многочисленностью.

Все горные эльфы значительно выше лесных, но король, даже сидя на троне, казался самым высоким представителем своего рода. Его бледная кожа казалась почти прозрачной; даже с расстояния в двадцать шагов я мог видеть темно-голубые реки вен, петлявшие по его рукам. Длинные белоснежные волосы были заправлены за уши, оголяя их заостренные кончики и обрамляя строгое лицо. Под высокими скулами зияли впадины щёк, а острые линии челюсти сводили взгляд к узкому, слегка выступающему вперед подбородку. Высокий лоб и глубоко посаженные голубые глаза создавали эффект прищура, усиленный густыми низкими бровями. Взгляд короля на мгновение блеснул. Меня кольнуло легкое ощущение повторения момента, будто я когда-то уже проживал его, хоть это и было невозможно.

— Мы приветствуем тебя, аирати, — нарушила тишину Маэрэльд, и вся наша делегация преклонила колено. Королева обошлась легким наклоном головы, — И благодарим за радушный приём.

— Приветствую, азаани, братья и сёстры, — низкий голос короля с легкой хрипотцой эхом раскатился по тронному залу. — Страшно представить, сколько зим наш народ не воссоединялся.

— Страшно, — согласилась Маэрэльд.

Тишина вновь повисла в воздухе, но градус напряжения снизился, и я понял, что всё это время дышал беспорядочно, не в силах противиться усилившемуся ритму сердца. Момент оказался куда более торжественным, чем я себе представлял. Это не просто тактическая встреча; в самом деле, это первое крупное собрание наших народов за долгие и долгие годы. Война без битв, что продолжалась веками, возможно, наконец, закончилась.

Эльфы поднялись, и многие из них, как и я, облегченно выдохнули. Краем глаза я заметил движение за спиной и обернулся; эльфы отходили в стороны, образуя коридор для величественно следующего к трону белого волка. Подойдя к королю, он слегка коснулся головой его руки, ласкаясь, и уселся рядом, обратив морду к публике. Я вновь присмотрелся к удивительному животному, и понял, почему взгляд аирати показался мне таким знакомым. Одни и те же глаза.

— Мы обеспокоены поведением королевской семьи, правящей в Грее, — начала излагать проблему Маэрэльд, не дожидаясь, пока её о том попросят. — Король ведет себя странно, а его старшая дочь проявляет честолюбие, вмешиваясь в дела короны. Они нападают на земли других королевств, не имея на то разумных причин. Войны заденут и наши земли, если мы не придумаем, как прекратить войны или как от них защититься. И ваши земли. Эдроном и Сайлетис воспользуются вашими горами, как укрытием, из-за которого можно неожиданно напасть, и как баррикадой, за которой можно скрыться при отступлении.

— Насколько я знаю, при дворе Эвеарда есть друид. Лианна, если не ошибаюсь, — ответил Рингелан с легкой самодовольной улыбкой. — Разве она там не для того, чтобы контролировать короля?

— Она настолько же человек, насколько и эльф, — поражено признала королева. — Лианна выбрала быть верной людям, и мы не можем её за это винить.

Я повернулся, чтобы бросить взгляд на Бэтиель, стоящую практически около выхода, но стыдливо опущенная голова не позволила поймать её взгляд. Любые разговоры о матери причиняли ей нестерпимую боль, но она никогда не бежала от них, напротив — принимала удар грудью, позволяя разбивать своё сердце вновь и вновь, пытаясь выработать к ней иммунитет. И каждый раз маска безразличия, что она пытается намертво прикрепить к своему лицу, разлетается на мелкие осколки.

— Кажется, вы обещали привести свидетеля, — Рингелан произнес это, властно направив в сторону меня длань и подождав коротким движением пальцем. Меня буквально потянуло к аирати, и я сделал несколько неловких шагов вперед. — А вот и он.

— Приветствую, — вновь поздоровался я, сопроводив слова почтительным кивком.

— Твоё имя?

— Териат.

— Рожденный в грозу. — Удивительно искренняя улыбка коснулась его лица, зажигая глаза, и в теплом свете солнца оно показалось вовсе не таким строгим, как ранее. — Что ты видел?

— У меня есть знакомый во дворце, — принялся объяснять я. — Он замечал, что король странно себя ведёт. И он, и весь совет беспрекословно подчиняются принцессе Минерве, и она...

— Знакомый во дворце? — перебил Рингелан.

— Слуга. Слуги всё видят и слышат, ведь они повсюду, но их никто не замечает, — уточнил я. — Недавно король отдал руку младшей дочери принцу Куориана, и теперь в их распоряжении будут корабли островитян. Они уже объединялись, чтобы захватить Амаунет, и поход увенчался успехом.

— В степях эльфы не живут, — безразлично добавил аирати. — Нам не за кого беспокоиться в Амаунете.

— Однако они живут подле всех остальных королевств, — донесся голос Маэрэльд из-за моей спины. — Рано или поздно беда доберется до всех. Разве азаани и аирати прежде бросали своих братьев и сестер на произвол судьбы?

— Никогда, — согласился король. — Что ещё сообщал твой источник?

— Минерва любит редкости и драгоценности, — продолжил я, пытаясь вытащить из памяти все детали, что Ариадна поведала мне за время нашего знакомства. — Она не раз упоминала об эльфийской стали и изумрудах, что спрятаны в ваших горах. Вполне возможно, пополнив ряды своей армии, она захочет их заполучить.

— Наша армия в разы сильнее.

— Бесспорно. И всё же подобные настроения тревожны.

Рингелан в ответ лишь медленно моргнул, будто заменив кивок движением век. Его рука легла на голову волка и стала медленно гладить белоснежную шерсть, словно это помогало ему яснее мыслить. Все присутствующие терпеливо ждали. Маэрэльд коснулась моей руки, дав понять, что я мог занять своё место, и вновь встала во главе отряда. Было интересно смотреть на контраст, что создавали король и королева: огонь и лед, земля и небо; настолько разные, что их образ сплетался в один, рисуя в воображении образ первородного эльфа прошлого, короля, единого для всех. Рассорившиеся из-за новых друзей брат и сестра. Далёкие, чужие, но притом родные и одинаковые. Беспокоящиеся за свой народ, борющиеся с гордыней, преодолевающие сомнения.

— Информации всё же мало, — пробормотал король, и все едва отвлекшиеся взгляды

вновь обратились к нему. — Лианна совершенно точно не станет помогать?

— Она не желает контактировать, — ответила Маэрэльд, и я спиной ощутил гримасу боли на лице Бэтиель.

— Нужен свой человек в замке, — предложил решение он. — Эльф. Однако я не могу позволить себе отправить кого-то из наших. Слишком давно нога горного эльфа не ступала на земли Греи, и появление такового станет новостью громкой, а гласность нашему делу — враг.

— Дети Аррума часто бывают в Грее, знают её земли и обычаи, — согласилась королева. — Полагаю, мы найдём подходящего кандидата. Нам важно знать, что мы единомышленны, и при необходимости вы...

— У нас есть кандидат!

Голос Бэтиель, тонкий, дрожащий, приближался по мере произнесения фразы. Я замер, понимая, что она собирается сделать. Эльфийка проворно пробралась через толпы сородичей, взяла меня за руку и подняла ее, чтобы свидетеля, и без того привлечшего сегодня достаточно внимания, заметил каждый. Её привычка перебивать повлекла за собой осуждающие взгляды со стороны короля и королевы, и их сложно было обвинить в высокомерии в данном вопросе.

— У Териата есть определенное... преимущество, — продолжила Бэтиель окрепшим голосом, ни капли не смутившись своей бестактностью. — Покажи им.

Замершие вокруг меня эльфы слегка расслабились, а с меня и вовсе скатилась лавина холодного пота. Я был уверен, что она расскажет им об Ариадне. Её бестолковая решительность, усиленная сказанными вчера словами, могла привести к неожиданным последствиям, но либо она в последний момент передумала, либо я был о ней слишком плохого мнения.

Финдир, очевидно испытывавший схожее со мной облегчение, подбадривающе кивнул мне, дав добро на демонстрацию магии. Снятие бинтов с ладоней заняло некоторое время, и я физически ощущал сотни глаз, сверливших меня в нетерпении. Учитель жестом приказал всем, кто стоял рядом, отойти на несколько шагов, и я оказался в центре небольшого круга, будто на сцене; луч закатного солнца, раскрашенный витражами в причудливые цвета, вместе с легкими порывами ветра щекотали мне шею, беспокоя волосы на затылке. Для устойчивости я слегка расставил ноги, выпрямил спину и развел руки в стороны, обратив их тыльной стороной ладони к полу. Медленно пробираясь к источнику силы в своей груди, я ломал все те преграды, что устанавливал для её сдерживания, и выманивал её наружу, будто испугавшегося хозяина зверька. Постепенно она стала расходиться по телу, усиливая чувства и ускоряя реакции: я слышал, как снежинки приземляются на каменные ступени у входа во дворец, как дышит волк, лежащий в ногах у короля, как свистит ветер, соприкасаясь с заточенной сталью клинков стражи. Молнии стали покалывать кожу, всё ещё находясь под ней, в поисках наиболее удачного места для выхода наружу. Скромно выбираясь из ладоней, светящиеся змейки собирались в клубок, отбрасывая искры холодного света. Впервые я амбициозно попробовал выпустить их одновременно из двух рук, и это, на удивление, легко мне удалось. Удерживать их было сложно, и всё же, воодушевленный успешным экспериментом, я свел руки; шары молний объединились в один, став вдвое больше, и довольная улыбка невольно проскочила по моим губам. Рука Финдира опустилась на моё плечо, напоминая о необходимости соблюдать осторожность в полном эльфов зале, и я нежно обнял шар руками, поглощая его. Молнии пробежались под моей кожей, щекоча,

прямоком к груди, где я тут же вновь их запер.

— Впечатляет, — заинтересованно прошептал Рингелан, наклоняясь и подпирая подбородок рукой. — Немногие могут похвастаться подобным.

— Это значит, что при необходимости он сможет за себя постоять, — аргументировала свою выходку стоящая в первом ряду зрителей Бэтиель. — А тот слуга поможет обустроиться в замке и чаще передавать информацию.

— Твои доводы разумны, юная эльфийка, — проговорил король, выпрямляясь. — Но нрав твой своеволен. Прими мой совет, как дар Богини, переданный через посланника: учись самоконтролю.

Бэтиель смиренно выслушала напутствие короля и сделала несколько шагов назад, прячась среди других эльфов. Строй нашего отряда восстановился, возник взволнованный шум. Некоторые восторженно шептали, впечатленные моим представлением, и я столь же восторженно им отвечал. Одна Маэрэльд, холодно и без эмоций, всё так же стояла напротив аирати, ожидая его решения.

— Только научи его лгать, Маэрэльд, — улыбнулся король одним уголком губ, тем самым одобряя мою кандидатуру. — И прочим придворным навыкам. Было больно смотреть, как он пытается не проговориться, кем на самом деле является его «слуга».

— Безусловно.

Азаани вновь почтила короля легким наклоном головы, напоминая остальным преклонить колена и оповещая всех о конце собрания. Атмосфера приобрела теплый, дружественный оттенок, а со стороны жителей гор вновь стали доноситься голоса; всё будто бы наконец ожило и встало на свои места.

Советники аирати долго уговаривали нас переночевать в Армазеле, но Маэрэльд упорно отказывала каждому из них. Мы провели в городе не более двух часов. Прodelавшие долгий путь дети Аррума не успели рассмотреть и сотовой части горных красот, и разочарование тех, кто не сумел побывать даже на приеме, помог скрасить лишь красочный рассказ об убранстве дворца короля.

— Постойте!

Наполовину вышедший за ворота отряд остановился, и все разом обернулись в сторону источника звука. Юная эльфийка с очаровательным, ещё детским румянцем на округлых щеках бежала в нашу сторону изо всех сил, с трудом удерживая равновесие. В её руках был крупный предмет — вероятно, именно он и смещал центр её тяжести, — обернутый светлой тканью и накрепко перевязанный толстой нитью. Она несла его осторожно, на слегка вытянутых руках, и сочувствие кольнуло меня острой иглой, когда я представил, как сильно ныли её мышцы.

— Аирати просил вручить вам подарок, — сбивчиво пробормотала она, обращаясь к замыкающему в строю. — В руки некому... мальчишке с молниями.

Очередное потрясающее прозвище. Все вокруг стали подталкивать меня локтями и подбадривать, будто меня вызвали получать величайшую награду из известных, и я таки спустился с повозки. Когда я подошёл и растерянно взглянул на посыльную, эльфийка уже успела отдышаться.

— Мне выпала честь вручить вам это от лица нашего короля, — произнесла она торжественно, придавая моменту излишнюю, как по мне, высокопарность. — Этот камзол прошит золотыми нитями, что не позволит ни одному магу проникнуть в ваш разум. Он пригодится вам во время пребывания в замке Греи. Люди любят играть нечестно.

— Но ведь и мы собираемся... — начал я с саркастичной ухмылкой, желая напомнить всем о многослойной лжи, что мне придётся по крупинкам закладывать в разумы всех придворных, но вовремя остановился, решив не сбивать вдохновенную верность с лица девушки. — Передайте королю, что я глубоко ему благодарен.

Столь щедрый подарок я оставил на хранение в повозке, что шла рядом с азаани, ибо ощущение её дороговизны меня несколько тяготило. Первый день пути был переполнен разговорами обо мне, моих силах и планах; настолько, что я мечтал упасть с повозки в сугроб на обочине тракта и закопаться в него с головой. Вместо этого я, искренне надеясь, что энтузиазм спадёт после первой же ночевки, доброжелательно, хоть и несколько устало, отвечал каждому интересующемуся; я знал, что их любопытство столь остро лишь потому, что жизнь их не привыкла к подобным потрясениям.

Раны на ладонях не заживали, но боли я уже не чувствовал; либо перестал обращать внимание, либо она действительно исчезла. Напоминать о кострах Финдиру больше не приходилось, и я едва ли видел его на протяжении всех дней пути. Он всегда был подле королевы, задумчивый и хмурый, но при этом активно жестикулирующий, и я надеялся, что сложные вопросы, решение которых возложено на его плечи, хотя бы в этот раз не касались меня. Единственное, что я получал от него, была вымученная, но гордая улыбка каждый раз, когда я без усилий и гримасы боли заставлял дрова светиться и трещать. Этого мне было, достаточно.

Если с Финдиром мы отдыхали друг от друга вынужденно, то Бэтиель же избегала меня нарочно. Она умудрялась пройти мимо меня так близко, что наши плащи соприкасались, но сделав настолько занятой и безразличной вид, что я не смел привлекать её внимание. Её злость за неловкую ночь в моей палатке вряд ли была так велика, чтобы делать вид, что я не существую, особенно учитывая ситуацию в замке аирати, и всё же без причин никто не смог бы избегать общения так долго и мастерски. Меня беспокоили её чувства. Ни в коем случае я не желал задеть их, причинить ей боль, разбить её сердце — её мать справилась с этим давным-давно, — и мне оставалось лишь надеяться, что дело было в её вспыльчивой натуре и оскорбленном самолюбии.

Обратный путь был так же сдобрен песнями и легендами, как и дорога в горы, но тему конфликта между народами старались больше не поднимать. Реакцией аирати были поражены все до единого, и многие из нас небезосновательно задумались о воссоединении, хоть оно и виделось маловероятным: оба народа слишком привыкли жить отдельно, придерживаясь разных принципов и взглядов. Отношение к людям не перестало быть камнем преткновения и, полагаю, никогда не перестанет. В любой момент он может вновь рассорить сестер и братьев, заставив заново переживать болезненный процесс расставания.

В последнюю ночь перед прибытием домой в репертуаре певцов неожиданно появилась история старая настолько, что и вспомнили-то о ней случайно. В моей душе она отозвалась легким дуновением тоски по событиям, коих я не застал, и по их участникам, коих я никогда не знал.

Возложена на его плечи непосильная ноша,
Но не сломлен сын Богини, он силён,
Верит он в победу, и всё же убежден:
Их тела снега Богини запорошат.
Понимает сын, с луком и стрелами за плечом
Он бессилен перед армией, но у него внутри

Огнѣмъ пылаетъ магія, какой не найти
И какую не одолеть ни однимъ мечомъ.

Я практически перестал спать.

Времени на это попросту не осталось. Финдир, казалось, ни на секунду не спускал с меня глаз; не только на наших тренировках — но и на всех других тоже. Я постоянно ощущал на себе тяжесть его взгляда, обеспокоенного и серьезного, хоть он и старался подбадривающе улыбаться каждый раз, когда я оборачивался в его сторону. Весна близилась, и целью было осилить всё возможное до возвращения Ариадны.

Думать о ней тоже удавалось не всегда, но это скорее к лучшему. Я понял, что у меня была пренеприятнейшая привычка — дорисовывать и додумывать слова и действия, которых никто не произносил и не совершал; то, что мой разум упрямо навязывал, как правило, делало мне мучительно больно. Стоило лишь на мгновение дать волю воображению, как в тело вонзался кинжал; не в спину от близкого друга — я сам разрезал свою плоть и раскрывал рёбра, чтобы любой желающий смог вырвать мое сердце голыми руками.

Я действительно многому научился. Самым сложным оказался этап отделения молний от тела: они совершенно не желали самостоятельной жизни. Шаг в сторону — и они тут же растворялись, будто никогда и не рождались. Дело было в форме и в цели. Собранные в шары они чувствовали себя более комфортно, и, видимо занятые своими змеиными делами, не обращали внимания, что я больше их не подпитывал. Единичные молнии же нужно было отправлять в определенную цель, и я сумел развить расстояние, на которое можно отойти для удара, до шестидесяти шагов; скорость удара была так велика, что, если время не становилось вязким, я едва замечал, как они долетали до цели. Поляну для тренировок пришлось сменить и переместиться к самому краю леса. Болото, окруженное почти погибшими деревьями, оказалось единственным подходящим вариантом: молнии сжигали всё, до чего могли дотянуться, и мне уже не раз приходилось приносить глубочайшие извинения пострадавшим и упрашивать Маэрэльд их вылечить. После десятого попадания в Финдира, он запретил извиняться хотя бы перед ним; сказал, что это лишь издержки его профессии, и он готов страдать, чтобы достичь чего-то большего. Мне казалось, что острые ощущения и потенциальная опасность лишь подстегивали его на более рискованные эксперименты.

Маэрэльд долго размышляла над тем, что Рингелан сказал про способность лгать, и ещё дальше искала того, кто смог бы с этим помочь. Мы проводили множество занятий с разными эльфами, что проверяли моё умение лукавить, и они утверждали, что не замечали проявлений нечестности. Азаани это не удовлетворяло. Она знала, что относительно людей дети Аррума наивны, как бы ни были умны. Моей легенде для двора требовалась продуманная предыстория, которую я смог бы рассказать без капли сомнения и сымпровизировать, если будут замечены нестыковки или понадобятся новые факты.

Не найдя иного выхода, королева приняла решение отозвать своего разведчика с задания, о котором никому кроме них двоих известно не было, и я был смущён, что заставил её сделать это. Киан по прибытии поразил меня своим внешним видом; не будь я осведомлён о его происхождении, совершенно точно подумал бы, что он человек. Высокий мужчина средних лет с широкими плечами — такими массивными лесные эльфы не бывают, — и строгим лицом, обрамленным тонкими прядями русых волос, выбившихся из тугого хвоста, едва ли выглядел одним из нас. Его глаза были полностью карими, хоть возраст того и не

предполагал, а имя в равной степени похоже как на эльфийское, так и на человеческое.

— Потому я и разведчик, — с улыбкой ответил Киан на немой вопрос, заставший в моих глазах. — Смятение глазающих — мое оружие.

— Я буду присутствовать на некоторых из ваших встреч, — прозвучал нежный голос азаани, и я отвлекся на неё, обрадовавшись возможности скрыть смущение перед новым учителем. — Прошу воспринимать это как заботу и заинтересованность, а не как недоверие.

— Ни в коем случае, — ответил я.

— Мы начнем с контроля над телом. — Киан, сложив руки за спиной, сделал несколько шагов вперёд. Голос его стал ниже и серьезнее, но улыбка по-прежнему освещала лицо. — Именно оно чаще всего выдаёт нас, в независимости от того, как хороша легенда. Финдир все подготовил, но разбирать её вы начнёте завтра. Сегодня — тело.

Я бросил короткий взгляд на Финдира. Тот кивнул, подтверждая слова Киана, и я принял предложенную мне позицию прямо напротив разведчика. Первым делом было необходимо, как и всегда, нормализовать дыхание и биение сердца. Обладая опытом, я быстро с этим справился.

— Отлично, — произнес он, дотронувшись до моей шеи в месте, где пульс чувствуется отчетливее всего, и взял мою голову в ладони, устраивая наши глаза друг напротив друга. — Всегда смотри в глаза. Будь уверен, не отводи взгляда, не отвлекайся на пышное убранство или роскошных дам. Если ты не сумеешь солгать, глядя в глаза, лучше не начинать притворяться вообще.

Его взгляд сверлил меня, проверяя на прочность. Внезапно все звуки вокруг стали невероятно привлекательным: я слышал дыхание Финдира в десяти шагах от нас, шаги птицы, крадущейся по веткам, треск льда на болоте под палящим солнцем. Держать взгляд в одной точке казалось почти непосильным, но в мгновение, когда я готов был сдать, учитель отпустил моё лицо, довольно кивая.

— Сколько зим назад ты родился?

— Сто двадцать семь, — ответил я, не задумываясь, всё ещё прикованный взглядом к его лицу.

— В какой месяц?

— В месяц сбора урожая.

— Братья, сёстры?

— Никого.

— Солгал, — резюмировал Киан, не промедлив и секунды. — Обо всём.

— Да, — пораженно согласился я и размял плечи, ощутив, что пребывал в заметном напряжении. — Как?

— Часто сглатываешь слюну, — пояснил он. — Дыхание ровное, но волнение никуда не пропало, потому сохнет во рту. Стоишь прямой и твёрдый, как палка. А зрительный контакт хоть и необходим, но, пожалуйста, не забывай моргать.

— Понял, — улыбнулся я, представив, как выгляжу со стороны. — Буду над этим работать.

— И не сжимай кулаки, — добавил Киан, усмехнувшись. — Ощущение, будто собираешься мне врезать. Не располагает к общению. В остальном — неплохо, без лишних деталей. Попробуй сесть.

Финдир тут же появился за моей спиной со взявшимся из ниоткуда стулом, и я опустил на него, устроившись так, как мне удобно.

— Расскажи про своего отца.

— Он был полукровкой. Внёс вклад в стабильные отношения с Греей, был близок с двумя последними королями, но никогда не жил с людьми, — рассказывал я, ощущая легкое покалывание в груди. На ресницы опустилась снежинка и, начав таять, попала в глаз. Я быстрым движением смахнул воду с лица. — Был чудесным отцом и мужем. Я рос в любви, но мои сестры, к сожалению, практически его не застали. Он покинул нас не так давно.

— Как он умер?

— Разбойники на тракте. Отец ехал с дарами от короля после праздника осеннего равноденствия, однако задержался там допоздна и ехал уже по темноте. В те годы разбойников тут было больше, чем сейчас, и они действительно порой нападали на путников. Его убили, бесчестно всадив стрелу в спину.

— Хотел бы я, чтобы ты солгал об этом, — сочувственно произнес Киан.

— А я и солгал. Короля было три.

— Знаю, — усмехнулся разведчик. — Не трогай лицо, когда говоришь. Не чеши нос, не расчесывай волосы, не поглаживай подбородок. Выглядит, будто пытаешься спрятаться за руками.

— Вы тоже солгали, — сказал я, и Киан, изумленно вскинув брови, улыбнулся так, что кончики его губ потянулись вниз. — Когда сказали, что знаете про мою ложь, вы скрестили руки на груди. Выглядит, будто пытаетесь спрятаться за руками.

— Хорош. — Он подошел и, смеясь, похлопал меня по плечу. — Быстро учишься. Продолжим завтра, когда узнаешь легенду. Будем отрабатывать.

В такие дни, как этот, мне даже удавалось лечь спать до посветлевшего неба, чтобы встать, когда солнце едва покажется из-за горизонта. Однако сон не давал мне сил, а лишь отбирал их. В забвении мне часто виделись тревожные вещи: убийство друзей, пропажа сестёр, неудача при дворе. Порой в них появлялся Хант, счастливо женатый на Ариадне, и я едва сдерживался, чтобы не пустить молнию прямо ему в лицо, желая скрепить его губы навеки и больше не видеть самодовольной ухмылки. Если бы отделять явь от сна было проще, я бы вряд ли себя останавливал.

Повторялись сны, в которых корни деревьев сковывали меня, обвивая руки, ноги, грудь, не давая дышать и шевелиться, и наутро я часто находил на теле синяки, что болезненно сходили в течение долгого времени. Финдир успокаивал, говоря, что обладание магией открывает в нас своего рода порталы в другие миры, миры далёкие и нам незнакомые, и, возможно, кто-то оттуда пытался достучаться до меня, но просто не мог подобрать эффективный способ. Звучало как слабая отговорка, но уверенность учителя в своих словах, несомненно, подкупала, и через какое-то время я перестал обращать на увечья внимание.

В ночи, когда заснуть все же не удавалось, я радовал себя мыслями о лисице. Воспоминания о вечерах, проведенных в башне Восхода, укутывали меня теплом, сравнимым лишь с крепкими, искренними объятиями. Я так часто вызывал в памяти эти моменты, что стал замечать мельчайшие, прежде невидимые мне детали: то, как Ариадна откинула волосы с плеча, раздраженная неверно написанной буквой; то, как ее рука потянулась к моему горлу в желании поправить воротник рубашки, но замерла на полпути, и она с силой прикусила губу, ругая себя за необдуманнный жест; то, как она подперла подбородок рукой, мечтательно разглядывая звездное небо, и лунный свет, словно скучавший после долгой разлуки, коснулся ее лица. Впрочем, я не знал, что из этого случалось на самом деле, а что воображение подкидывало мне, чтобы избежать надвигающегося безумия.

Мне становилось не по себе от мысли, что придется лгать Ариадне — смотреть на нее так, словно я не имел удовольствия прикоснуться к ее губам, и разговаривать, словно она — одна из многих принцесс, кому мне приходилось поклоняться. Я смел лишь надеяться, что новая личина не предпишет мне избегать общества лисицы.

Легенда о странствующем рыцаре из Сайлетиса, гордо представленная Финдиром, частично оправдала мои надежды. Грея никогда прежде не сотрудничала с северным островом, как мы выяснили благодаря архивам, а также не была связана родственными или брачными узами ни с кем из местных высоких родов. К тому же, внешность жителей Сайлетиса оказалась максимально приближена к эльфийской: их кожа бледна и часто покрыта веснушками, а волосы обладают русым или рыжим цветом; о большей удаче не приходилось и мечтать. Цвет глаз едва ли должен был вызвать вопросы; среди людей встречались глаза всех цветов, потому скрывать их надобности не было. Куда большую проблему составляли уши.

Вариантов было всего два. Первый — магия иллюзии, и мы неоднократно пробовали различные её виды. Советница азаани Филаурель, владевшая иллюзиями в Арруме лучше, чем кто бы то ни было, сразу предупредила меня, что не обещает верного результата. Вызывать иллюзии, возникающие перед определенным представителем рода эльфов или людей, проще, ведь для этого нужно проникнуть в голову лишь к нему одному. Чтобы замаскировать такую незначительную деталь, как заостренные кончики ушей, необходимо создать туман в разумах сразу всех окружающих, а их количество при дворе неумолимо тянется к бесконечности. Порой удача нам благоволила. Однако вместе с тем иногда пропадала часть моих волос, не было видно глаз, или же лицо менялось до неузнаваемости. Когда уши удавалось скрыть как надо, и мы, довольно выдохнув, смели подумать, что добились необходимого результата, эффект исчезал, стоило Филаурель сдвинуться с места. Становилось очевидно: без её постоянного присутствия в двух шагах от меня эффект не продержится даже до того, как я ступлю на порог замка, а это означало, что от данного варианта придётся отказаться.

— Ты уверен? — в тысячный раз спросил меня Финдир.

— Иного способа нет.

— Они восстановятся, — успокоил он. — Полностью — через несколько лет. Может, пять или семь. А к тому, как попадёшь в замок, уже успеют покрыться новой кожей. Будут выглядеть обычно, как у человека.

— Я готов.

— Прикладывай лёд.

Чтобы снизить чувствительность, мне принесли обернутый в ткань кусок льда, отколотый с поверхности замерзшего пруда, и я послушно приложил его к правому уху, пока Финдир грел огнём лезвие своего кинжала. Поддержать — или позабавиться, или ужаснуться, — пришло множество эльфов, близких и не очень, но матери, каждый раз вздрагивавшей при упоминании сей процедуры, я приходить запретил: сестренки совершенно точно увязались бы за ней.

Финдир кивнул, и я повернулся к нему правой стороной лица, опуская руку со льдом. Он тут же, не медля, чтобы не дать мне возможности передумать, закруглённым движением скользнул лезвием по уху, отсекая всю вызывающую подозрения часть. Боль нестерпимой волной окатила меня с головы до ног, а тошнота от сладковатого запаха горячей плоти подкатила к горлу. На несколько мгновений я перестал дышать, подавляя возникшие чувства,

в то же время охлаждая левое ухо для повторения процедуры.

— В порядке?

— Нет, — процедил я сквозь зубы. — Но продолжай.

Лишившись ещё одного куска плоти, я рухнул на колени, отчаянно пытаюсь отдышаться. Горячий клинок запечатал раны, и кровь из них не заливала уши, но пульсировала так, что я не слышал ничего вокруг. Ощущал руку на спине, руку, поглаживающую по волосам и собирающую их на макушке, руку, прикладывающую снег к поврежденным участкам, холодные капли, стекающие по шее, но не слышал ничего, кроме взбесившегося потока крови.

Других внешних изменений, к счастью, не потребовалось. Хоть Индис и внёс предложение отрастить густые усы, которые, по его мнению, должны были добавить солидности и увеличить сходство с рыцарем, но от этого отказались в пользу обычной лёгкой щетины, что была привычной частью моего образа.

Работа над поведением продолжалась ежедневно, и Киан постепенно растерял свою любезность. С каждым занятием его требования повышались, улыбка реже посещала лицо, а серьезно сдвинутые брови оставляли всё более глубокие заломы на коже. Самой большой проблемой был контроль рук: я даже не замечал, как часто складываю их на груди, прячу за спиной, как тянусь почесать нос или потереть глаз, как постоянно поправляю волосы. Точнее, в определенный момент разведчик дал добро на последнее; сказал, так мой образ выглядит живее, и посоветовал чаще делать это в присутствии женщин, ибо они могли воспринять это как флирт.

Снег начал сходить, и моё сердце взволнованно затрепетало.

Маэрэльд часто мелькала между деревьев во время тренировок, с заботой наблюдая за всем, что я делаю. Порой она появлялась в неожиданном сопровождении: огромный белый волк плавно скользил меж снегов, вопросительно поглядывая на королеву. Казалось, они общаются, но я так ни разу и не увидел, чтобы губы азаани или пасть волка приоткрывались. Рингелан, похоже, был заинтересован в происходящем намного сильнее, чем ему бы того хотелось: в его присутствии я неизменно чувствовал на себе его холодный пронзительный взгляд, но исключительно через волчье обличие — сам он ни за что не показался бы в Арруме.

— Я должна показать тебе кое-что, — произнесла азаани, как только наше с Финдиром занятие подошло к концу. — Подойди, Териат.

Я сделал несколько шагов к ней навстречу, и она протянула руку, положив её мне на шею. Простояв так несколько мгновений, она подошла вплотную и прижала меня к груди, обхватив голову руками; так, как прижимают маленького ребенка, не в силах иначе выразить чувств. Я ощутил себя абсолютно беззащитным в её объятиях. Её пальцы блуждали в моих волосах, успокаивающе поглаживая их, а грудь усыпляюще ритмично вздымалась от дыхания. Наклонившись к моему левому уху, она аккуратно, стараясь не задеть незажившие раны, развернула мою голову, как бы подбираясь к уху сзади.

— На колени.

Ноги подогнулись, не взирая на моё нежелание выполнять приказ, и я упал к ногам королевы. Тело её светилось, будто окруженное мириадами светлячков, а глаза горели зелёным пламенем.

— Так сможет сделать любой, чья энергия сильнее твоей, — извиняющимся тоном пропела она, и я почувствовал, как она слабила своё влияние, тем самым позволяя встать. —

И кто сможет добраться до твоего уха.

— Какую роль здесь играет...

— Вот здесь, — Маэрэльд протянула руку и коснулась места за левым ухом, у самого основания шеи. — Самое опасное место в теле. Его не защищают доспехами, и для многих воинов это становится роковой ошибкой.

— Но вы поразили меня не мечом.

— Если бы ты был при дворе короля хоть раз, ты бы увидел, что его друид или маг всегда сидит слева от него. Это место крайне чувствительно, оно позволяет внушать и управлять. Если направлять магию конкретно туда или же говорить, находясь к нему вплотную, то тебе будут беспрекословно подчиняться. Разумеется, если обладать необходимыми способностями.

— Покажите, — предложил я.

— Разве предыдущая демонстрация тебя не убедила?

— Покажите, — настаивал я. — Я хочу понять, что происходит в моём теле, когда на меня воздействуют, чтобы определить это чувство, если вновь его испытаю.

— Ты прав. Это может быть полезно, — согласилась королева, наклоняясь к моему левому уху, но тут же замерла там, терзаемая сомнениями. Она не хотела причинять мне боль, но нельзя придумать пример нагляднее; ей просто требовалось время, чтобы найти в себе силы это произнести. — Ты стар и страшно болен.

Сковывающее чувство прокатилось по телу, впиваясь когтями во все кости и мышцы. Магия в моей груди забилась в истерике, пытаясь стряхнуть с себя цепи и разрушить стены, моля выпустить её и позволить побороть проникшую в тело заразу, но я нарочно оставил её запертой. В спину будто воткнулась стрела — так резко она заболела, — и я, с трудом согнувшись и тяжело дыша, опустился на землю. Мысли спутались, а взгляд перестал фокусироваться на близких объектах, и лицо Маэрэльд размылось, превратившись в слегка сияющее светлое пятно. Я лёг на спину. Тело стало гореть изнутри, но мерзнуть снаружи, и дрожь захватила всё моё существо, заставляя зубы стучать друг об друга. Боль пронзала меня острыми клинками в разные части тела с периодичностью в несколько секунд, а я едва мог пошевелиться. Мне не хватало сил даже сжать ладонь в кулак.

Минуту назад молодой и здоровый, сейчас я был готов молить о смерти.

Неожиданно появившись, болезнь так же мгновенно отступила. Ломота в костях прошла, мышцы перестали ныть, температура тела нормализовалась. Я наконец смог взглянуть в лицо королевы, стыдливо опущенное, и даже заметить слезу, скатившуюся по веснушчатой щеке. Как только ощутил в себе достаточно сил, чтобы подняться, я тут же вскочил на ноги и заключил королеву в объятия.

— Это была моя просьба, — успокаивал я её, совершенно позабыв о боли, только что разрывавшей тело на куски. — Вам не стоит так переживать.

— Прости мне мою чувствительность. Больно смотреть, как страдает дитя.

— Магия во мне взбесилась, как только почувствовала пробравшегося в разум чужака.

— Возможно, она смогла бы тебя защитить. Однажды ты это проверишь, — сказала она, но затем шепотом добавила: — Но надеюсь, что надобности не возникнет.

Растаявший снег напитал земли Аррума влагой, и первоцветы начали радовать взоры лесных жителей. Завидев гонцов из Грей или услышав любой шум со стороны тракта, все замороженно замирали, ожидая услышать, что принцесса вернулась, однако воды на

побережьях Куориана упорно не желали оттаивать.

Предвкушая приближающееся приключение, все учителя уменьшили количество тренировок. Чтобы не выглядеть подозрительно во время жизни в замке, мне необходимо было вспомнить и перенять обычный режим дня: люди там позволяют себе здоровый сон, ходят на завтраки, обеды и ужины строго по расписанию, а ещё ведут непринуждённые беседы, о существовании которых я совершенно позабыл. Чтобы восполнить пробел в последних, я вновь стал много времени проводить с Индисом, и тот, казалось, был невероятно счастлив: он в мельчайших деталях рассказывал мне обо всём, что я пропустил в жизни Аррума и Грей, а я непременно переспрашивал, чтобы как можно глубже вникнуть в некоторые из событий.

— Думаете, у меня получится? — спросил я друзей, вновь атакованный сомнениями.

— Скажу «нет», только если сможешь в красках описать свой будущий провал.

Индис поддерживал меня так, как я и не смел просить. Я видел его и рано утром по дороге к Финдиру, и поздно ночью, возвращаясь от Киана, и днём, когда он, как бы случайно проходя мимо, приносил мне что-нибудь перекусить; каждый раз без исключения он находил слова, чтобы подбодрить, и шутил, чтобы снять не покидающее меня напряжение.

— Ты уверен, что это всё необходимо? — спросила Бэтиель.

Её уверенность во мне, напротив, поутихла в последние недели. То, как самоотверженно она вмешалась в разговор аирати и азаани, предлагая мою кандидатуру и считая её лучшей из возможных, совершенно не вязалось с тем, как она морщилась при каждом упоминании о близлежащем замке. Возможно, дело вновь было в её матери; совет беспокоился, что она могла узнать во мне эльфа, но я совершенно точно знал, что никогда в жизни с ней не встречался — слишком давно она безвылазно жила при дворе короля.

— Не я всё это придумал, — напомнил я. — И не я развязываю войны со всеми подряд.

— Я в курсе, — фыркнула она, сложив руки на груди. Вспомнив уроки Киана, я улыбнулся. — И всё же, может, есть какой-то более безопасный для всех вариант? Кто знает, что с тобой сделает король, узнав, что ты следишь за ним?

— Не хотелось бы это узнать, — прошептал Индис, но Бэт, сделав вид или действительно не заметив, продолжила.

— Что, если мать всё же почувствует в тебе эльфа и окажется настолько жестока, что поведает об этом королю? Что, если твоя принцесса не станет тебе помогать?

Подтолкнутая гневом Бэтиель приблизилась на несколько шагов, но, остановившись, кардинально сменилась в настроении. Беспокойство и нежность опустились на её лицо, и, несомненно, эти эмоции красили её куда больше. Пухлые губы чуть приоткрылись, а рука потянулась к моему лицу.

— Ты знала, что... — начал я, но она по-прежнему не замечала никаких слов, кроме своих.

— Ты почти не спишь, изнуренный тренировками, — продолжила она, двумя пальцами заправляя пряди моих волос за едва зажившее ухо. — И твои уши... Это ужасно.

— Ты знала, что я говорил об Ариадне? — Накрытый волной беспокойства, я схватил её руку. — Тогда, в замке аирати, ты... ты хотела рассказать, верно?

— Верно, — бесстрастно подтвердила она, стирая все то, что мгновение назад украшало её лик. — Но передумала.

— Какая умница, — саркастично подметил Индис, и, обернувшись, я заметил, что он тоже заметно встревожился. — Ты же знаешь, что аирати не стал бы помогать, узнай он про

принцессу?

— Я не...

— Конечно, скажи, что ты не знала, — прервал её он, подражая её привычке перебивать. — Что не подумала. А зачем вообще думать, если в итоге мы всё равно умрём и не сможем забрать мысли с собой, да?

Его лицо слегка покраснелось, а дыхание было таким громким и частым, что его услышал бы любой старик в ста шагах от нас. Он ходил из стороны в сторону, размахивая руками, и на каждую попытку эльфийки сказать хоть что-либо карикатурно фыркал, пародируя собеседницу.

— Индис, я...

— Я, я, я! Центр мироздания, великая и ужасная Бэтиель, задумавшая убить целый народ одним необдуманном словом. Так держать! О тебе сложат много легенд и будут воспевать, как ты всегда и мечтала!

Эльфийка хотела выкрикнуть в ответ что-то горькое, ядовитое, но вместо этого яд, не найдя выхода, растекаясь по её собственному телу, медленно отравляя его. Она не стала плакать; лишь крепко сжала губы. Бессильно взмахнув руками, она умчалась, за мгновение скрывшись за зеленеющими деревьями.

— Не стоило, — произнес я тихо, подходя к другу. Он сидел на поваленном дереве так, будто только что потратил все силы в изнурительной битве на мечах, а не провёл минуту в словесной перепалке. Он не привык делать кому-либо больно.

Несколько минут Индис молчал, пытаясь отдышаться; ритм его сердца восстанавливался, что было заметно по меняющемуся цвету лица, но напряженно сдвинутые брови не покидали его лик.

— Я сделал это, чтобы не пришлось тебе, — выдавив улыбку, ответил он. — Ты уйдёшь в Грею, и у неё не будет возможности простить тебя за громкие слова. Тебя не будет рядом, и её обида будет лишь цвести, заботливо ей возвращённая. Я же ещё успею примелькаться, и у неё попросту не будет другого выбора. К тому же, к моим выходкам она более-менее привычна.

Удивленный тем, как он успел обдумать это в секунды, что были между его словами и моими, я импульсивно пододвинулся к другу, крепко его обняв. Несколько ошарашенный, Индис сначала замер, но затем гулко рассмеялся и похлопал меня по спине. Неожиданно я ощутил безграничное счастье, расплывающееся по сознанию, и расплылся в улыбке в ответ. Спустя секунду нас прервало торжественное пение труб, доносящееся со стен города.

Она вернулась.

Праздник в Грее начался с первой же секунды их прибытия; казалось, даже солнце стало светить чаще, а плодовые деревья цвести охотнее. Мир вокруг засиял яркими красками, и я понимал, что дело в обычном ходе жизни — весна вступила в свои права, — но все мои мысли будто вновь закрутились вокруг лисицы. Несколько мучительных холодных месяцев, проведенных, как оружие, которое тщательно натачивали перед предстоящей битвой, сменились цветением и птицами, напевающими лишь её имя.

Подготовка шла полным ходом. Короткие отработки истории, выученной наизусть настолько, что я верил в нее сам; шитьё одежды в голубых — традиционных для Сайлетиса — оттенках;ковка оружия, соответствующего моему выдуманному статусу. Было решено, что лук и стрелы — подходящее для странника оружие, но несвойственное северянину, ибо они знамениты бесстрашием и навыками ближнего боя, потому для меня специально был выкован и искусственно состарен «фамильный» меч и свежий кинжал, якобы сделанный по его образу и подобию. Именно тренировкам по владению мечом отныне был посвящён мой день; все остальные учителя лишь изредка приходили меня проведать.

День весеннего равноденствия прошёл пять недель назад, но королём было решено отложить его празднование до возвращения принцессы. Также ходили слухи, что в конце праздника он объявит дату свадьбы, которая давно была сообщена приглашённым на неё гостям, но всё ещё неизвестна простому народу, так трепетно ожидающему нового повода для праздника.

Я хотел ускользнуть на праздник тайком, в одиночку, чтобы не привлекать внимания, но стоило поутру открыть глаза, как я тут же встретил лики доброй половины старейшин совета азаани, что позже стали настойчиво убеждать меня посетить город, смешавшись с толпой. Какое-то время я изображал сомнение, но в итоге всё же согласился с целесообразностью их предложения, и меня тут же снабдили всем необходимым. Чтобы войти в город, на тракте я примкнул к возвращающимся с полей людям, что телегами везли товар на продажу на ярмарке. Я предложил им свою безвозмездную помощь, а они, хоть и смотрели на меня с долей недоверия, были не в том положении, чтобы отказываться. Другие эльфы поехали открыто, чтобы при необходимости перетянуть внимание на себя, и заехали за стены города как раз за минуту до меня.

Сам праздник меня волновал мало, хоть он и был до безобразия роскошным. Деньги, потраченные на подготовку к свадьбе, явно не спустили на одни лишь яства и ткани; город стал выглядеть совершенно иначе. Фасады домов отмыли от грязи, выкрасили в один цвет и украсили каждую крышу причудливыми рисунками животных и сцен битв. Площадь выложили новым камнем вперемешку с цветным стеклом, что отбрасывал завораживающие блики под светом солнца, а фонтан и сад, раньше скромно украшавшие двор местного храма, будто бы стали в несколько раз больше. Улицы, помимо ярмарочных лавок и местных зевак, были заполнены уличными артистами — танцовщицами, певцами, оркестрами, — но все мы знали, что их позвали играть вовсе не на день весеннего равноденствия.

Я искал её глазами на протяжении всего дня, прислушивался к разговорам окружающих, но королевской семьи на празднике не видел никто, потому я терпеливо скитался по улицам и тавернам, ожидая вечерней речи на площади. В одном из заведений я встретил Бэтиель, скучающе слушающую своего собеседника и потягивающую что-то из кружки, размером с её

лицо.

— Тер! — вскочила она с места, бесцеремонно прервав увлеченного рассказом эльфа. — И ты тут.

— Не ожидал такой встречи, — честно ответил я, подходя к их столу. Все присутствующие одарили меня приветственными возгласами, а пинта с элем тут же звучно опустилась передо мной, расплескивая содержимое. Меня окутало запахом карамели и кардамона.

— Я люблю праздники, — пожала плечами она.

Киан учил, что это движение не означало ложь, однако не потому, что говорящий озвучил правду; скорее потому, что сам не знал ответа.

— Обижаешься на...

— Нет, — тут же отрезала эльфийка.

— А на Индиса?

— Он — придурок, но я знаю, что он не со зла.

Я попытался развить разговор, но он шел настолько туго, что мы замолкали через каждые два предложения. Мне некуда было деться; я старался утопить взгляд в пьянящей жидкости в глубине своей кружки, но молчание все равно давило на плечи. Тогда я завёл разговор с другими эльфами, но никто так и не смог придумать темы, не касающейся моих сил или миссии. Я уже начал вставать, чтобы покинуть ставшее неловким общество сородичей, как Бэтиель схватила меня за плащ и резко повернула к себе. Встретив растерянный взгляд, она кивнула, будто сама для себя подтверждая правильность своих действий, и повисла на моей шее, как ребенок, утягивая вниз. Не желая поставить её в неловкое положение, я обнял ее в ответ, приподнимая; ее тело было напряжено, как тетива, что вот-вот отправит стрелу в свою цель. Спустя несколько мгновений Бэт резко расслабила хватку, опускаясь на пол, и что-то внутри подсказало мне обернуться. В кусочке улицы, видимом благодаря открытой входной двери, мелькнул край золотого узора на серой ткани. Мой обрушившийся взгляд, очевидно, показал Бэтиель всё, что я думал об ее отвлекающем маневре, но она своей крохотной ручкой умудрилась силой усадить меня обратно за стол.

— Она была с женихом, — пояснила она шёпотом, склонившись над моим ухом и щекоча недавно зажившие раны. — Если бы вы встретились хотя бы взглядами, принц бы заметил и запомнил тебя. Не могу знать, так ли это, но он выглядит, как страшный ревнивец.

— Его самолюбие это точно задело бы, — согласился я.

Благодарить Бэтиель за сделанное мне не хотелось, но я не мог не признать, что она поступила разумно. Попасться на глаза за несколько дней до прихода во дворец было бы плохим началом. Я сидел и молча покручивал пинту с элем, подбирая в голове идеальный вариант для встречи с лисицей: стоит ли мне найти её на улице и поговорить, притворившись восхищенным горожанином, дожждаться ли зажженного в башне факела, или...

— Думаешь, она не любит его?

— Что?

— Они — красивая пара, — пояснила эльфийка, несколько засмущавшись от того, что вырвала меня из мыслей. — Темноволосые, загорелые, статные. Держались за руки.

— Они ещё не женаты, — поморщился я, пытаясь представить руку Ариадны, касающейся принца, и счастье в направленных на него глазах. И то, и другое моё богатое воображение нарисовать было не в силах. — Разве им уже можно держаться за руки?

— Не думаю, что для этого есть строгие правила. К тому же, они — будущие король и королева сразу двух государств. Сомневаюсь, что им есть дело.

Звон приборов, плеск напитков, шум падающих на столы тарелок, шепот, разговоры, песни — все звуки в таверне сплелись в ужасающую какофонию, больно бьющую по чувствительному слуху. Её бесконечность затуманивала разум, и время лилось в своём, только ему известном темпе, одновременно летя и медленно стекая, будто густой мёд. Когда из уже привычного звукового фона вырвалась мелодия трубы, созывающей на главную площадь, я вылетел на свежий воздух так быстро, как только смог. Ещё прохладный весенний ветер ударил в лицо ароматом цветущих яблонь, слишком рано распустившихся в этом году, а поток зевак, как и полагается, сам подхватил меня на пути к главному месту в городе.

Король под довольные выкрики толпы произносил традиционную, практически не меняющуюся из года в год речь, в то время как я не без труда пробирался к первым линиям зрителей. Ариадна стояла на холме, теряясь за спинами отца и будущего мужа, но отказать себе в удовольствии или, скорее, потребности заполучить её мимолетный взгляд я не мог и потому упорно подбирал подходящую для того позицию. Эвеард передал слово жене и дочерям, и, подойдя ближе к народу, лисица встала так, что я буквально оказался у её ног.

Я не мог оторвать взгляда. Она похудела. Лицо осунулось, образовав на месте очаровательных округлых щек серые впадины, а ключицы и плечи стали острыми, как ветки иссушенного дерева. В её движениях не было прежней легкости и игривости, будто молодую лису продержали всю зиму в клетке, где она безустанно и безуспешно билась в попытках обрести свободу. Лицо её украшала широкая улыбка, а ямочка, как и всегда, вырисовывалась на правой щеке, но глаза были безразличны и пусты. Впрочем, любовью к массовым мероприятиям и выступлениям она не отличалась и раньше.

Произнеся заученные слова, Ариадна, желая спрятаться, бросила взгляд вниз, но, к её несчастью, я тут же его поймал. Серо-зелёные глаза на мгновение сверкнули. Сверкнули холодом с толикой отвращения. Казалось, я даже увидел, как крепко сжались её челюсти; на худом лице движения мышц виднелись крайне отчетливо. Она не просмотрела на меня и секунды; я почти физически ощутил, как она отрывает от меня свой взгляд, с усилием направляя его в сторону принца, стремительно подошедшего и опустившего руку на её талию. Опасаясь оказаться в поле его внимания, я тут же скользнул в толпу, пропуская многочисленных желающих приблизиться к правящей семье. Этого взгляда мне было ничтожно мало; мало, чтобы согреть продрогшую за зиму душу; мало, чтобы заполнить дыру, зиявшую все месяцы её отсутствия; мало, чтобы понять, чем я его заслужил. Сердце замерло в клещах сомнения и жалости к себе: она прочла письмо.

Король объявил дату свадьбы.

Последний месяц лета. Двадцать пятая годовщина свадьбы Эвеарда и Ровены.

Праздновать создание новой семьи в день рождения старой — распространенный у людей обычай. Они считают, что таким образом передают накопленную в браке мудрость и любовь тем, кто только вступает в него; к тому же, это сокращает расходы — куда проще организовать один грандиозный приём, чем два, — и многие благородные семьи не отказывают себе в удовольствии сэкономить. Впрочем, учитывая выбор спутника жизни по зову кошелька, а не сердца, беспокойство о деньгах казалось странным.

До самой глубокой ночи я скитался по городу в надежде увидеть огонь в окне восточной башни, но, даже если бы он приглашающе загорелся, я бы не сумел к ней подойти: по какой-

то причине у её подножья стояло огромное количество стражи, большая часть из которой были островитянами или греианцами, недавно вернувшимися с островов. Отчаявшись, я покинул город с последними торговцами, сонно выплывавшимися за ворота с остатками нераспроданного товара.

Незаметно от спутников свернув с тракта, я тихо пробрался к входу в Аррум. Весь путь оглядываясь на башню, я совершенно не заметил, как уже зашёл в лес, а потому не ожидал наткнуться на сгусток чистой тьмы, и уж тем более, что она фыркнет мне в ответ.

Исполинский вороной конь задержался, недовольный моей неловкостью, но ласковый шёпот тут же его успокоил. Ариадна поглаживала коня по гриве, медленно обходя его, чтобы появиться в поле моего зрения. Несколько мгновений я простоял в ступоре; этому долгому дню томительного ожидания суждено было закончиться ничем, однако принцесса, как всегда наплевавшая на все веления судьбы, стояла прямо передо мной, мягко улыбаясь одними лишь глазами. Я несколько раз с усердием моргнул, проверяя, не видится ли мне — мои сны стали намного реальнее прежнего, — но её тихий смех над нелепым жестом развеял все сомнения.

Не в силах сдерживаться, я кинулся к ней, заключая её в самые крепкие объятия, на какие только был способен. Её кожа по-прежнему пахла щепой, что смешивалась с запахом соли, от которого после путешествия по морю избавиться трудно. Осознав, что, возможно, слишком сильно прижал принцессу к себе, я отодвинулся, и она тут же зашлась кашлем.

— Может, это было и неприлично, — наигранно поклонился я, удивившись ноткам наглости в своём голосе. — Но я всего лишь лесное чудище, так что...

— Заткнись, — приказала она, стремительно приближаясь.

Её горячие губы коснулись моих, за мгновение разбивая все стены, построенные мной для сдерживания сил, и мне пришлось заметно собраться, чтобы тут же возвести их вновь. Магия выплескивалась за края; я чувствовал и слышал, как сверкают мелкие разряды на кончиках моих пальцев, но и их я обуздал, чтобы обхватить руками лицо лисицы. Густые волосы стали спутанными и жёсткими от морского воздуха, но кожа была по-прежнему нежной и гладкой. Я жадно пытался выпить из этого прекрасного сосуда всё, что мог; пытался распробовать её чувства, чтобы смаковать их всю оставшуюся жизнь, если этот поцелуй вдруг окажется последним; пытался запомнить охватывающий меня трепет. Рука Ариадны также потянулась к моему лицу и, нежно скользнув пальцами по щеке, заправила прядь волос мне за ухо. Медленно отстранившись, она взглянула на меня в полной растерянности; так, будто видела в первый раз.

— Териат?

— Да?

— Что... — она выбралась из моих рук, вновь заправляя прядь и демонстративно касаясь моего уха. — Что случилось?

— Это долгая история, — кивнул я, наконец поняв, что её смутило. — И тебе она обязательно понравится.

Я не ошибся; Ариадна действительно заинтересовалась предложенным эльфийскими правителями планом. Она была готова помочь всем, что в её силах, однако, разумеется, скрытно, чтобы её не сочли предательницей семьи. Она таковой не являлась, в независимости от того, помогала мне или препятствовала; всё, чего ей хотелось — жить по совести и средствам, без жестокости и заговоров. Ей хотелось спокойной жизни для себя и народа Греи, хоть у правителей королевства и были на их жизни совершенно иные планы.

Весь разговор она в шутку фантазировала, как мы будем тайно переглядываться из разных концов залы, зная друг о друге больше, чем все окружающие, но вряд ли она в тот момент, в самом деле, представляла, насколько это будет тяжело. Лисица обрадовалась, узнав, что моё имя сойдёт за сайлетинское, и ей не придётся морщиться, выговаривая какое-то другое, совсем мне неподходящее.

— Может, ты расскажешь мне о месяцах в Куориане? — предложил я, заметно уставший от своих рассказов. Мы лежали на молодой траве, наблюдая за облачным небом, изредка одаряющим нас светом звезд.

— Небо там совершенно иное, — ответила она.

— И почему же?

— Звёзд в сотни раз больше. Ты же знаешь, я люблю звезды. Я рассказывала им о тебе. — Ариадна перешла на шёпот, и было сложно понять, пытается ли она создать таким образом поистине мистическую атмосферу или же, напротив, высмеивает подобное. И то, и другое было бы в её стиле. — Многие и многие ночи подряд. Уверена, уж теперь-то ты им нравишься.

— Как тебе их климат?

— Вероятно, кому-то бы он пришелся по душе, — выдохнула она. — Но я люблю, чтобы лето было жарким, а зима — холодной. Ощущение, будто в середине осени жизнь там замирает, и вплоть до середины весны стоит, не сдвигаясь с места.

Я понимал, что она обходит этот вопрос стороной, но чувствовал, будто обязан его задать. Разумеется, я был счастлив слушать и о небе, и о погоде — обо всём, о чём она пожелает мне поведать, лишь бы её голос звучал ещё хоть мгновение, — но этот вопрос был так важен, что сам срывался с губ.

— Он был добр к тебе?

Ариадна села и, обхватив колени руками, наклонила голову так, чтобы лицо скрылось за пышной копной.

— Принц — мой муж. В браке это необязательно.

— Вы ещё не женаты, — напомнил я. — Ты ничем ему не обязана.

— Куориан дал Грее много золота. Моё королевство обязано ему, и ты знаешь, как отец решил отплатить. Отныне я ему принадлежу.

— Ты — не вещь.

Я протянул руку к её плечу, но лисица дернула им, стряхивая её ещё до того, как я успел дотронуться. Я не понимал, что именно ее разозлило: моё непонимание торговли людьми, которой, судя по всему, занимается Эвард, или непонимание её чувств по этому поводу. Вопросов, так или иначе, становилось лишь больше.

— Не прикасайся, — предостерегла она, и тон её наполнился сожалением. — Я не собиралась с тобой видеться. По крайней мере, так скоро. Но увидела тебя на площади, и... Зря я позволила этому случиться снова.

— Почему? — Я сел перед ней на колени, пытаюсь взглянуть на лицо, что она так умело прятала. — Этот момент — счастливейший в моей жизни.

— Хотела бы я сказать то же самое. — Её взгляд на мгновение встретил мои мгновенно потухшие глаза и тут же вновь опустился. — Я чувствую себя свиньей, что извалялась в грязи и что всё никак не забьют, оставляя изнывать в предвкушении мучительной смерти. Вряд ли я когда-либо от этого отмоюсь.

Звук, что я издал следующим, был скорее похож на звериный рык.

— Что он сделал?

Жизнь будто постепенно покидала её лик. Минуту назад румяные щеки посерели, глаза стали пустыми и холодными, а кулаки нервно сжимались, белея, что рисунок вен на тыльной стороне ладони стал отчетливым отчетливее, словно изображение рек на карте.

— Он овладел мной. — Её голос стал больше походить на смесь хрипа и шипения, и кровь в моем теле начала вскипать. — Решил, что ему мало владеть мной на протяжении всей моей поганой жизни после свадьбы, и взял всё, что ему полагается, как только представилась возможность.

Ариадна не любила проявлений слабости, и потому в момент, когда любая заплакала бы, она разразилась яростным вскриком, отправленным в пустоту ночи. Я в ответ, напротив, не мог произнести и звука. Отойдя на десяток шагов, я попытался побороть выпрыгивающее из груди сердце и успокоить обжигающее дыхание, жидким огнем разливающееся по телу. Однако, несмотря на все усилия, я знал, что не сдержусь. Позволив магии собраться в кулаках в огромные сферы, каких прежде никогда ещё не создавал, я со всей силы отправил их в толщу земли. Молнии пробежали в сторону леса — к счастью, иначе с башни могли заметить свет, — прожигая за собой дорожку, но быстро потухли, затерявшись между деревьями. Лисица едва ли дышала, наблюдая моё импровизированное представление, и удивленно смотрела на меня, округлив глаза. Удивленно — не напугано.

— Я убью его, — прорычал я.

— Вставай в очередь, — пытаюсь не задавать вопросов, отшутилась принцесса. — Я живу с этой мечтой слишком давно, чтобы позволить кому-то другому воплотить её в жизнь.

Мысль о том, что кто-то желал её защитить, очевидно, доставляла ей дискомфорт. Она в силах защитить себя сама, и в этом не было сомнений, как не было сомнений в том, что я действительно готов был пожертвовать всем, даже своим народом как таковым, ради мимолетной мести. Внезапно вскипевший гнев ослепил меня, лишив разума.

— И он... как он...

— Реки вина подхватили его и течением занесли в мои покои, — горько ухмыльнулась она.

— Нет, как он... как этот подонок посмел вернуться в дом твоего отца и делать вид, что ничего не произошло?

— Мне кажется, он вовсе не делает вид. — Ариадна поправила волосы, наконец открывая лицо, и пожала плечами. — Уверена, он ничего не помнит. Я же сказала — реки вина.

Солнечный свет принялся окрашивать небо на востоке в бледно-голубой. Скромное пение просыпающихся птиц стало заполнять тишину. Мы молчали не потому, что нам нечего было сказать, скорее, напротив — несказанных слов было столько, что легче было оставить их таковыми. Она мастерски скрывала свою боль. Я долго рассматривал её, понимая, сколь многое все еще скрывалось за щитом из смелости и очарования. Я коснулся губами её холодного лба — ночи весной были ещё достаточно морозны, — и обнял за плечи, накрывая её своим плащом. Будто птенец, она устроилась под моим крылом, уткнувшись носом в грудь, и мне показалось, что на мгновение она даже провалилась в сон; бессонная ночь едва ли хороший способ отдохнуть после долгой дороги.

— Тебе пора возвращаться, — прошептал я, наклоняясь.

— Да, не стоит испытывать благодушие стражи в первый же день после возвращения, — Ариадна резво поднялась с земли, смахнув тень сонливости с лица, и бодро, будто этой

ночью нас связывала совершенно обыденная беседа, подошедшая к логическому концу, направилась к своему коню. — Мы увидимся уже завтра, да?

— Нет, — подошёл я, пытаюсь создать точно такой же непринужденный вид. — Но, возможно, завтра ты впервые встретишься с незнакомцем из Сайлетиса.

Лисица вновь одарила меня мягким смехом. Простота и естественность её реакций перемежалась с неожиданными сменами настроения, и я полагал, что, если она когда-либо и лгала, то прочесть такую ложь не сумел бы даже Киан.

— И да, чуть не забыла, — уже будучи верхом, Ариадна достала из кармашка на груди сложенный втрое лист и протянула его мне. — Это тебе.

Молниеносный конь тут же сорвался с места, чтобы поскорее доставить хозяйку домой. В темноте он абсолютно незаметен, но ранним утром виднелся издалека, и потому стража уже открывала ворота, чтобы впустить увлекшуюся конной прогулкой принцессу.

Я взглянул на сверток. Это был тот же самый лист, что я отдал ей перед отъездом. Она вернула мне его; значит ли это, что она возвращает мне то, что я отдал ей вместе с этим письмом? Я не сразу решился его прочесть. Он пробыл со мной всю ночь, не оставляя и малейшей надежды на сон, и всё же, вообразив самые худшие слова, что он мог бы содержать, я набрался смелости.

Это было моё письмо. Измятое, несколько раз свернутое, потрепанное.

Melitae,

Меня завораживает твоя бойкость и забавляет, как ты краснеешь, когда злишься. Нравится твоя нелюбовь к претенциозности и напускной вежливости, что так ценятся при дворе, и восхищает независимость и решимость. Я бы хотел побывать с тобой на рыцарском турнире, искупаться в горном озере, послушать пение птиц на ромашковом лугу.

Замираю от счастья, когда слышу твой смех, и задыхаюсь от биения сердца, касаясь твоей кожи.

Более не желаю встречать рассветы, если они не будут даровать мне ещё один день с тобой.

Я отдаю тебе своё сердце, лисица. И ты вольна поступать с ним, как считаешь нужным. Следуй зову своего.

Благодарный Богине за встречу с тобой,

Териат.

А снизу — другой почерк.

Эзара,

Моё сердце говорит мне лишь одно — твоё имя.

Твоя лисица.

Ранним утром у дома нашей семьи собралась добрая половина Аррума. Юные сестренки едва ли понимали, куда и с какой целью я направляюсь, но их веселило, когда я начинал говорить, имитируя северный акцент, а чужеземные наряды тем более приводили в восторг. Их впечатляли рассказы о Сайлетисе и о том, насколько иной являлась жизнь там. Я рассказывал им историю о странствующем рыцаре, выдавая её за сочинённую специально для них сказку, и то, что она им нравилась, подтверждало, что история достаточно убедительна. Обмануть можно кого угодно — но с детьми сложнее всего.

Мать, напротив, прекрасно всё понимала. Боль от обстоятельств потери отца вспыхнула в ней с новой силой. Она хотела проводить меня, пожелать удачи, попросить быть осторожным и внимательным — я знал это, — но вместо этого стояла молча, направив абсолютно потерянный взгляд куда-то вдаль и изредка скидывая слёзы с щёк.

Индис хлопотал вокруг, поправляя на мне тот самый камзол, что был подарен аирати. Удивительно, как они сумели подобрать размер: любой горный эльф выше меня на голову, но камзол сел так, будто его сшили специально для меня. Не хотелось бы думать, что его создали мгновенно при помощи магии — о такой магии я никогда не слышал, и это было несколько жутко, — но мысль о том, что Рингелан заранее знал о содержании предстоящего разговора и подготовил подарок ещё давно, вызывала лишь больше мурашек.

Бэтиель не появилась. Однако визитом удивил её отец, попросивший по возвращению рассказать, как при королевском дворе живётся его жене. В нём не было той грусти и ненависти, что испытывала Бэтиель при каждом упоминании матери, — лишь интерес, наполненный теплотой и любовью. Глубина эльфийского сердца поражала меня всё больше: не получая и весточки, мужчина продолжал любить покинувшую его жену всё так же чисто и безвозмездно, приняв выбор, что сделала за них судьба. Разумеется, я пообещал ему, что расскажу так много, как только смогу.

Маэрэльд и весь её совет также пришли, чтобы от имени Богини благословить меня на столь важное дело. Я был счастлив увидеть Финдира; мы обнялись, будто не встречались с прошлой жизни, и я понял, что во всём происходящем, так или иначе, всегда есть что-то хорошее — я, например, обрёл невероятного друга.

Кого я не ожидал увидеть, так это Эвлону, величественно вторящего следам своей королевы. Подойдя, он упал передо мной на колени, настойчиво подставляя голову, будто кот, желающий ласки.

— Прикоснись к нему, — посоветовала азаани, пока я привыкал к свету, исходящему от священного зверя.

Стоило моим пальцам дотронуться до пушистой макушки, по телу прокатилась волна тепла. На мгновение мне показалось, что меня затащило в водоворот — закружилась голова, появилась тошнота, а грудь сдавило, выбивая оттуда остатки воздуха, — но чуть позже вздохнуть всё же удалось, и это был лучший воздух, которым я когда-либо дышал. Разум стал ясным и свежим, а в теле прибавилось сил; казалось, я смогу взлететь на самую высокую гору в пару шагов и за минуту возвести на ней самый большой из известных миру замков. Олень посмотрел мне в глаза, замерев в таком положении на несколько секунд, после чего встал и ушёл по коридору, выстроенному сотнями восторженных эльфов.

— Что он сделал? — повернулся я к Маэрэльд.

— Не представляю, — пожалала плечами она. — Он не ставит меня в известность о своих намерениях, но, уверяю тебя, он способен на многое. Ты узнаешь, чем он одарил тебя.

— Когда придёт время?

— Когда придёт время, — улыбнулась королева.

Неделю назад в Грегу пришло письмо — примерно такое, какое мог бы позволить себе странствующий рыцарь, находящийся в соседнем королевстве, — с просьбой приютить его в замке. Для людей благородных кровей это было обычным делом: в замках всегда пустует несколько десятков комнат для высокородных гостей, прибывших с теми или иными целями, надолго или проездом, потому мы не ожидали отказа. День моего приезда был указан неточно, потому стража не знала, когда именно ждать странника. И всё же, опасаясь быть замеченным, я решил выехать из леса с противоположной от Грей стороны.

Впервые в жизни у меня появился конь. Его шерсть была темно-серой с редкими белыми прожилками, а нрав — буйным. Таких коней ценят и любят в Сайлетисе, насколько нам удалось выяснить, поэтому заполучить его было необходимо, хоть и сложно. Впрочем, любые сложности меркли на фоне попыток его оседлать. Мы мучились полтора месяца, пытаясь подружиться, и, каких бы успехов мы ни достигали вечером одного дня, на утро следующего приходилось начинать заново. На то, что он не поведёт себя как капризный жеребенок, а сможет притвориться моим верным другом и союзником, оставалось лишь надеяться. Однако, подойдя к нему тем утром, я обнаружил, что он абсолютно спокоен и дружелюбен и совершенно не противится тому, чтобы какой-то эльф взобрался на его спину. Я прозвал его Пепел.

Создать видимость путешественника было несложно: потрепанное седло, пыльные мешки с вещами и снаряжением, загнанный конь. Понадобилось почти полдня, чтобы выехать из Аррума с другой стороны, учитывая время, что мы останавливались на полях с цветами. Мне творения леса нужны были для подарков принцессам; Пепел же, как истинный аристократ и эстет, заворуженно вдыхал их аромат.

Из-за резко наступившей жары пыль на тракте вздымалась от каждого удара копытом, и я порадовался, что ни за кем не слеую, иначе бы задохнулся, не проехав и минуты. Добраться до ворот Грей удалось, только когда солнце уже полностью опустилось за горизонт, но все ещё окрашивало небо в нежно-розовый цвет, предвещающий продолжение ясных дней.

— Кто, куда и с какой целью? — раздался со стены знакомый скучающий голос.

— Странник, — звучно ответил я, не забывая об акценте. — Сэр Териат Эрланд из Сайлетиса. Я присылал весть о своём визите.

Послышался звон доспехов и шёпот десятка стражников. Они забежали по стене, вероятно, договариваясь, кто отправится с сообщением в замок. Спустя несколько мгновений ворота зашумели, открываясь.

— Разумеется, — ответил мне уже другой, более низкий голос. — Мы ожидали вас, сэр.

Как только щель стала достаточной для того, чтобы через неё протиснуться, Пепел нетерпеливо подался вперёд. За воротами меня встретили два рослых стражника. Прием показался мне чересчур серьезным, но я понимал, что это капля в океане внимания, что моей персоне предстояло пережить.

— Добрый вечер, сэр, — произнёс один из мужчин в доспехах, снимая шлем. Воин средних лет поприветствовал меня с улыбкой на покрытом шрамами лице. По его глазам становилось понятно, что он не был настроен враждебно, и все же в них виделась твердость,

присущая бойцу, многое повидавшему на своем пути. — Какая у вас любопытная кобыла!

Он протянул руку к гриве Пепла, желая погладить, но тот встретил его настолько недовольным взглядом, что воин тут же отпрянул.

— Конь, — пожал плечами я. — Уж больно гордый.

Мужчина расхохотался, держась за живот. Второй стражник по-прежнему не показывал лица и сохранял молчание.

— Сэр Бентон, — добряк протянул мне руку, представляясь, и я пожал её. — Начальник постовой стражи.

— Рад встрече.

— Мы проведём вас в замок, где вас встретит советник короля, — продолжал он, положив руку мне на спину, тем самым придавая движение. — К сожалению, с семьёй короля сегодня познакомиться вы уже не успеете, но вас разместят и назначат слуг, что обеспечат вам ванну и сытный ужин.

— Не смею просить о большем, — кивнул я.

— Мне казалось, люди с севера ведут себя иначе.

— А вы встречали кого-то с севера?

— Нет, — честно признался он. — Но казалось, что раз там суровый климат, то и люди там суровее наших. А вы такой учтивый и опрятный, будто...

— Я много путешествую, — прервал я, и он выдохнул, более не нуждаясь в оправданиях. — Знаете, когда много общаешься с другими народами, начинаешь несколько им подражать, забывая свой собственный характер.

— Человек мира, — понимающе кивнул он.

По дороге к замку Бентон рассказывал мне о городе и отпугивал зевак, собравшихся посмотреть на помпезно прибывшего гостя. Я рассматривал всё так, будто вижу в первый раз, и особенно похвалил сад около храма. Мужчина согласился, что это одно из тех мест в Грее, которыми он гордится.

— Знаете, а ведь Грея — это, по факту, заслуга всего одного человека!

— Полагаю, он был из достойнейших, — ответил я заинтересованно, словно ещё ребенком не слышал об этой истории.

— Он был прадедом нынешнего короля. Его звали Уинфред, — замороженно рассказывал мужчина. — И говорят, что в стенах замка по-прежнему замурован меч, сделавший его таким воином.

— Хватит трепаться, Бентон, — из-под шлема невозмутимого прежде спутника наконец раздался напряженный голос. — Пришли уже.

Добряку я вновь пожал руку, благодаря за познавательную беседу; второго же в благодарность одарил лишь сдержанным кивком. Пепла пообещали отвести в королевскую конюшню, где о нём позаботятся ничуть не хуже, чем обо мне, и где я без труда смогу навестить его в любой удобный момент. Меня же оставили ждать у входа в замок, и я оказался укутан одурманивающим жаром от нагретых в течение дня камней, что повеял в меня как со стороны стен, так и снизу, от каменной брусчатки. Оглушающий скрип тяжелых дверей прозвучал спустя несколько минут солнечной пытки, но полностью их открывать не стали, точно так же, как и ворота. Из помещения вышел высокий, статный мужчина, которого я бы прозвал чужаком, если бы не был о нем наслышан и сам не являлся таковым. Будто бы полуприкрытые глаза, крепкие темные волосы и острые скулы открыто сообщали о восточных корнях обладателя, а низкие брови делали взгляд подозрительным и жестким.

Белоснежная улыбка говорила также и о том, что потомок безродных уроженцев Амаунета давно научился фальшивой открытости, столь любимой при любом дворе; роль советника шла ему, как никакая другая.

— Добрый вечер, сэръ Эрланд, — сложив руки в районе живота, мужчина почтительно кивнул. На нем были легкие кожаные доспехи, что служили скорее эстетической цели, нежели не защитной, и всё же выглядел он так, будто нападать на него в любом случае не являлось хорошей идеей. — Меня зовут Лэндон. От имени короля Эвеарда и его семьи я счастлив поприветствовать вас в Грее. Мы рады страннику из столь далеких краев, и с удовольствием будем считать вас нашим гостем до тех пор, пока вы сами не захотите покинуть наши края.

— Безмерно признателен. — Я сильно наклонился вперед; в Сайлетисе принято таким образом выражать своё почтение. — Надеюсь, смогу за это время побыть вам полезным или хотя бы скрасить будни двора рассказами о своих путешествиях.

— Уверен, вам есть о чём поведать. Прошу, проходите.

На протяжении всего обмена любезностями Лэндон внимательно разглядывал мои доспехи и снаряжение; я знал, что нервничать нельзя ни в коем случае, и потому внешне, уверен, был спокоен, но глубоко в душе на мгновение засомневался в том, смогу ли сделать всё, чего от меня ждут. Советник вёл меня по тускло освещённым коридорам, периодически раздавая указания проходящим мимо слугам и страже; поднявшись по массивной лестнице на второй этаж, он провёл меня в левое крыло и остановился около шестой двери справа, в самом конце коридора. Дважды ударив по ее поверхности сложенными указательным и средним пальцами, он повернулся ко мне.

— Фэй и Лэсси сделают всё, о чём вы их попросите, — кивнул он на дверь, откуда показались два юных девичьих личика. — Чувствуйте себя как дома. Король будет ждать вас к завтраку, но, пожалуйста, не заставляйте ждать его слишком долго.

— Разумеется.

Сверкнув дежурной улыбкой, Лэндон растворился в темноте оживленных лабиринтов из комнат и залов. Я впервые бывал в замке; точнее, однажды отец брал меня на какой-то торжественный прием, но я тогда был слишком мал, и с тех пор тут всё заметно поменялось. На стенах теперь висело больше портретов — что неудивительно, ведь столько членов королевской семьи с тех пор появились на свет и покинули его, — полы отныне покрывали амаунетские ковры, а окна украшали витражи различной степени сложности и дороговизны.

Одна из девушек раскрыла дверь в комнату, жестом предлагая войти. Комната оказалась больше и богаче, чем, как я ожидал, должны предоставить странникам. Огромная кровать из красного дерева, застеленная темно-зеленым покрывалом, скрывалась под тонким балдахинном, укутывающим спальное место словно туманом. По обе стороны от кровати — тумбочки, на каждой из которых стояло по тройному подсвечнику. На противоположной стене располагалось огромное окно, выходящее на юго-запад, а под ним — стальная ванная, пышущая паром.

— Горячая ванна, господин, — прозвучал тонкий голос одной из девушек. Она отличалась худой и высокой, слегка угловатой фигурой, а вьющиеся русые локоны спадали по спине, сдерживаемые лишь двумя передними прядями, что были заколоты на затылке.

— Меня зовут Лэсси, — поклонилась другая.

Обладательницу округлых и мягких очертаний красила ее смуглая кожа, и все ее существо будто было воплощением лета и плодородия. Казалось, двух настолько разных

девушек намерено приставляли к одному знатному лицу, чтобы точно угодить его вкусу.

— А вы, выходит, Фэй? — обратился я к первой девушке, и та дала молчаливый утвердительный ответ. — Приятно познакомиться. Вам не стоит, я справлюсь сам.

— Но сэр, — возразила Лэсси. Очевидно, из них двоих она была менее кроткой. — У нас есть приказ.

Приказ наверняка заключался не в том, чтобы помочь мне отдохнуть и помыться, а в том, чтобы детально рассмотреть меня без пыли слов и одежд. Пожав плечами, я понял, что просто так от служанок не избавиться — по крайней мере, не в первый день, — и принялся снимать с себя оружие. Девушки тут же подскочили ко мне, хоть помощь была и необязательна. Фэй аккуратно складывала все снятые вещи на полотно, расстеленном на полу специально для этого, а Лэсси настойчиво расстегивала на мне всевозможные пуговицы и распускала завязки. В момент, когда она со свистом стянула с меня штаны, у меня сперло дыхание; всё, что я раньше считал неловкими моментами своей жизни, вдруг померкло на фоне этого.

Ванна была обжигающе горяча. Кожа покраснела и зачесалась, но Фэй тут же вылила на меня несколько кувшинов холодной воды, и стало значительно легче. Я впервые мылся таким способом. Делать вид, что для меня это — обыденная вещь, было не так уж сложно — процесс не такой уж и удивительный, — и всё же его новизна забавно щекотала мой разум. Положив руки на бортики, я откинул голову назад и закрыл глаза, расслабляясь. Жесткие губки, управляемые девушками, заскользили по моему телу, отмывая его от пыли.

— Вы, верно, устали в дороге? — завела разговор Лэсси.

— Не слишком, — ответил я. — Это была лишь одна из многих. Я привык.

Я поднял веки и, встретившись с парой хитрых карих глаз, невольно улыбнулся в ответ. Рука девушки скользнула глубоко под воду, оставив губку плавать на поверхности, и потянулась к моим бедрам. Я с трудом сумел сдержать изумление. Похоже, эта служанка ещё не раз вгонит меня в краску.

— Не стоит, — невозмутимо, насколько это возможно, произнес я, вновь откидываясь назад. — На это у меня всё же нет сил.

— Хорошо, сэр.

Позже Фэй презентовала мне огромный шкаф, который я, войдя в комнату, заметил не сразу; он был полон нарядов на любой случай — от повседневных до торжественных. Мое телосложение едва ли сильно отличалось от того, какое имел любой другой рыцарь в возрасте от двадцати до тридцати, потому проблем с размером, полагаю, не предвидится.

Ночь провёл беспокойно. Сон то и дело забирал меня в свои цепкие лапы, но любой едва заметный шум вырывал из них, заставляя оглядываться и прислушиваться. Когда таким шумом стало пение первых птиц, а солнечные лучи стеснительно прокрались в комнату, я всё же поднялся с постели.

Одежда, в которой я приехал, лежала всё там же, но оказалась уже постиранной и высушенной. Неторопливо надев её, я встал у окна, чтобы взглянуть на Грею под прежде незнакомым ракурсом. Второй этаж находился не так высоко, и всё же люди оттуда казались крошечными, а город — игрушечным, особенно после того, как все фасады были расписаны. Раздался стук в дверь, и тут же, не дожидаясь ответа, в щели показалось лицо Лэсси.

— Ох, сэр, вы уже встали, — разочарованно протянула она, глядя на меня в полном обмундировании. — В таком случае, сообщу господину советнику, что вы уже готовы.

— Да, пожалуйста.

Лэндон появился спустя полчаса; вероятно, я встал чересчур рано. Он выглядел ещё лучше, чем вчера — свежий, отдохнувший, в белой рубашке под темно-синим жилетом, что выгодно оттеняло цвет его волос и кожи. В глаза бросился незаметный во вчерашнем полумраке темный рисунок, спускающийся с его шеи глубоко под одежду. Заметив, что я глазею, он понимающе кивнул и улыбнулся.

— В юности я побывал в плену, — вежливым тоном объяснил он, не скрывая, однако, усталости раз за разом тратить время на одну и ту же историю. — Я не хотел пугать матушку шрамами, что получил во время пребывания там, и натальный рисунок оказался приемлемым и эффективным решением данной проблемы.

— Простите, — поклонился я. — Не хотел обидеть. Рисунок очень любопытный.

— Это древние руны. Наш друид по достоинству оценила качество их исполнения. Вероятно, даже имеют определенную силу, но для её раскрытия необходимо быть чуть более чем простым советником. — Лэндон будто напрашивался на лесть, которую я не решился изображать, будучи столь мало с ним знакомым. — Пройдёмте, сэр Эрланд.

Коридоры утреннего замка навевали совершенно иные чувства, нежели вечером. Свет пробивался через многочисленные окна, подсвечивая бесконечные частички пыли в воздухе. Повсюду сновали слуги, будто страшно боясь куда-то не успеть. В какой-то момент мне показалось, будто стены стали сдвигаться, зажимая меня в тиски, но я успокоил себя тем, что попросту не привык к большому количеству людей в столь узком пространстве.

Когда двери королевской столовой распахнулись передо мной, я даже прикрыл глаза рукой — таким ослепительным было зрелище. Помимо обычных окон и витражей, завораживающих игрой света, комната была обставлена огромным количеством вещей, отражающих его: натертые до блеска приборы, камни в украшениях дам, отполированные доспехи стражи. Это настолько дезориентировало, что я не сразу обратил внимание на буйство витающих в комнате запахов, самым ярким из которых мне показался запах печеных яблок. Глубоко вдохнув, я, на несколько мгновений замерший на пороге, сделал шаг в столовую.

— Дорогой гость!

Королева поднялась с места, приветствуя меня. Взглядом она приказала встать и остальным, но пока они сонно пытались сконцентрироваться, рассматривая, на кого же указывает королева, я решил взять речь в свои руки.

— Рад приветствовать Вас, Ваше Величество, — поклонился я.

Женщина тепло улыбнулась мне; король, совершенно рассеянный и мало на себя похожий, наконец, заметил вторжение на их семейный завтрак. Минерва безразлично подняла на меня взгляд, лениво размешивая кашу в тарелке. Не повернув головы и не выдав лицом ни единой эмоции, Ариадна всё же едва заметно напряглась, как только звук моего голоса добрался до её ушей.

— Я безмерно благодарен вам за столь радушный приём, особенно в свете того, что у вас намечается такое грандиозное торжество, — я сложил руки перед собой, зная, что это демонстрирует некоторую закрытость, и всё же нервничать при первой встрече с королевской семьёй показалось мне нормальным для человека любого статуса. — Но я знаю, что слова в нашем мире ничего не стоят, потому...

Я обернулся, кивая Фэй, что этим утром пришла после Лэсси как раз, когда я задумался о помощи в данном деле. Девушка внесла две бархатные подушки, взятые с моей постели, на одной из которых лежали два цветочных венка — из ромашек и из ирисов, — а на второй —

драгоценное кольцо. Взяв светлый венок, я подошёл к той из сестёр, что по цвету является его противоположностью, и был удивлен её актерской игре: она впервые посмотрела на меня с тех пор, как я вошёл, и в этом взгляде не было ничего, за что можно было бы зацепиться.

— Вы позволите?

— Разумеется, — чуть приподняв уголки губ, принцесса позволила опустить венок на её волосы. Отойдя на шаг назад и бросив на неё короткий взгляд, я тут же понял, почему именно эти цветы она любила больше всех; они бесконечно ей шли.

— Принцесса?

— Сэр, — ответила Минерва. Голубо-фиолетовые ирисы практически повторяли невероятный цвет её глаз. Удивительно, что я так точно подобрал цветы; не помню, чтобы обращал внимание на её глаза раньше, но, быть может, это знание само отложилось на задворках памяти.

Подняв с подушки кольцо, я проследовал к королеве, спешно переключив волосы на одно плечо. К моей удаче, за завтраком украшений на ней ещё не было.

— Я слышал, что вы родом из Драрента, — произнёс я, безуспешно пытаясь попасть в застёжку украшения. Следовало потренироваться заранее. — Рубины там считают символом силы, красоты и достоинства. Уверен, вы как никто олицетворяете эти качества.

— Сэр Эрланд, — с придыханием ответила Ровена, вновь распределяя длинные волосы по спине.

— Прошу вас, — прервал я. — Я годами не вижу с семьёй... можно даже сказать, что я практически к ней не принадлежу, оттого мне странно слышать, как повсюду звучит мое фамильное имя. Зовите меня Териат.

— Териат, — вдруг заинтересованно повторила Минерва. — Интересное имя.

— Присаживайтесь, Териат, — наконец гулко произнес король, указывая во главу стола напротив него. Вероятно, поглощенный завтрак всё же вдохнул в него силы; голос стал бодрее, а цвет лица — ярче. — И угощайтесь. Полагаю, у девушек к вам куча вопросов.

Согласно кивнув, я проследовал к указанному месту. Напряжение начало понемногу спадать; казалось, я неплохо справляюсь. Иногда мне даже думалось, что я и не лгу вовсе; будто бы я всегда вел себя, как высокородный богач с раздутыми самомнением и манерами. Стол ломился от угощений, и я, чтобы не погибнуть в муках выбора, попросту взял то, что стояло ближе всего — те самые печеные яблоки: мёд придавал ранним фруктам сладость, а орехи добавляли пикантности и фактуры.

— Расскажите, как давно вы путешествуете, сэр... Териат? — поинтересовалась королева, вежливо выждав несколько минут, чтобы не отрывать меня от трапезы.

— Уже восемь лет, — ответил я.

— Либо вы покинули отчий дом слишком рано, либо очень молодо выглядите.

— Скорее, второе, но только не «очень», — усмехнулся я. — А первое зависит от того, какой возраст вы подразумеваете под «рано». Мне кажется, я даже слегка припозднился.

— И как часто юноши уходят в путешествия по миру, как вы? — продолжала Ровена. — Простите мне моё любопытство. Я так мало знаю о вашей родине.

— Достаточно часто. Наш народ хоть и обосновался на земле, но его постоянно тянет в море. Однако я, будучи подростком, решил проявить кипящее во мне бунтарство, и отправился странствовать по суше.

— И почему же вы взбунтовались? — подала голос Ариадна. В её глазах сверкнул едва заметный огонёк.

— Не хотел жениться, — не сдержал улыбки я.

— И что же вы, просто сбежали? — засмеялся король. — Расстроили свадьбу! Знато вы, полагаю, подставили отца.

— Свадьба ещё не была назначена, — пожал плечами я. — Нельзя расстроить то, чего нет.

Король многозначительно посмотрел на мгновенно поникшую Ариадну. Разговоры о свадьбе ранили её; хотя, имея представление о её темпераменте, я бы сказал, что они разжигают в ней нечеловеческий гнев, отчего загорелые щёки покрываются багровым румянцем. Ханта, вопреки моим ожиданиям, нигде не было видно; по какой-то причине я был уверен, что он принимает участие в подобных семейных собраниях.

— Расскажите нам о Сайлетисе, — почти потребовала старшая принцесса. — Чем люди там зарабатывают на пропитание? Чем богаты ваши земли?

Ровена заметно напряглась от вопроса падчерицы. Её губы поджались, взгляд опустился, а пальцы стали нервно перекладывать приборы на столе. Пытаясь снизить градус её напряжения, я ответил намеренно непринужденным и дружелюбным тоном.

— Наш главный ресурс — море. Кораблестроение, рыболовство, редкие в здешних краях морские гады, всё это — рутина для любого островного жителя. Земли богаты железом и драгоценными камнями, а умы людей кишат легендами и жаждой приключений.

— Насколько богаты? — прищурилась Минерва, проигнорировав мою лживую попытку пошутить и сменить тему.

— Достаточно, чтобы не закупать ничего у других.

— Интересно.

Я знал, что богатства, которые ей ещё не принадлежат — лучший способ привлечь её внимание. Она будет изучать меня, будет пытаться разузнать всё, что может помочь ей в получении ценных ресурсов, именно потому я так акцентировал внимание на драгоценных камнях. Когда я преподносил кольцо в подарок королеве, Минерва не пыталась скрыть раздражения, что оно застегивается не на её шею.

— Ваше Высочество! — в дверь просунулась голова оруженосца; судя по доспехам и лицу, куорианца. — Госпожа Ариадна, простите за беспокойство, но принц Хант уже ждёт вас, чтобы начать обещанную конную прогулку.

— Дочь, не заставляй его ждать, — поторопил её отец. — Вижу, ты не доела, но уже давно стоило бы. Давай, ступай к жениху.

Недовольно фыркая, прямо как её вороной конь, Ариадна встала, со скрипом отодвинув стул, и бросила салфетку прямо в тарелку. Приборы задребезжали, а бокал с водой опрокинулся на скатерть, оставив после себя темное влажное пятно. Ровена едва слышно ахнула, пораженная бесцеремонностью дочери, а король недовольно сжал губы и громко выдохнул.

— Итак, Териат, — возобновила беседу королева. — Сбежав от невесты однажды, обрели ли вы другую?

— Прошу прощения, что отвечаю вопросом на вопрос, но, Ваше Величество, стал бы я странствовать в одиночестве, будь у меня дама сердца?

— Мужчины поступают так постоянно, — буркнула Минерва.

— В таком случае, — расправил спину я. — Могу вас уверить, я женюсь лишь на той женщине, которую не захочу покидать ни на мгновение.

— Прекрасные слова, — кивнула королева.

В дверь вновь постучали. Лэндон вошёл в зал в компании пожилой женщины в зеленом плаще, и они молча остановились. Король, поняв их без слов, аккуратно вытер рот салфеткой, положил её и поднялся из-за стола. Встретившись с советником в середине зала, он подставил ухо, и тот что-то ему шепнул.

— Териат, если у вас нет других планов, — повернулся ко мне Эвеард. — То уверяю, после завтрака идеальным вариантом времяпрепровождения является прогулка по нашим садам.

— С удовольствием последую вашему совету.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул он. — Наш друид Лианна сопровождает вас. Она многое знает о здешней растительности.

Лианна наконец опустила капюшон. Встретив ее в других обстоятельствах, я бы вряд ли распознал в ней ту мать Бэтиель, о которой слышал столько историй. Нам не доводилось встречаться лишь потому, что большую часть времени она проводила в Грее в надеждах снискать благосклонность королей, а оставшуюся толику без остатка дарила дочери, и все же я весьма ясно представлял ее красоту, так ярко описанную Бэт. Теперь же я видел испещренное морщинами лицо, усталый взгляд, потяжелевшие и деформировавшиеся черты. Лишь серебристые волосы по-прежнему были крепки и густы, что выглядело несвойственно женщине её возраста, и вероятно потому она прятала их в тугой косе. Иссушенные руки заметно дрожали без всякой на то причины; тремор слегка унимали разве что тяжелые кольца, украшенные драгоценными камнями, что красовались практически на каждом из её пальцев.

Молча встав из-за стола и кивком поблагодарив королеву и принцессу за чудесный завтрак, я последовал за друидом к выходу из столовой. Внешняя слабость скорее оказалась лишь обманчивой маской; прыти Лианны позавидовал бы любой гвардеец. Она ловко лавировала по коридорам, очевидно зная их наизусть; создавалось впечатление, что стены давили на неё, что утром испытал и я, и единственным спасением ей виделось скорее вырваться на свежий воздух.

Как только распахнулись двери, ведущие в роскошный цветущий сад, Лианна сделала глубокий вдох и обернулась. Половина её крови всё же была эльфийской, потому связь с природой едва ли покинула её так же легко и быстро, как сама она покинула Аррум. Лицо друида, прикоснувшись к аромату цветущей вишни, наполнилось светом и легким румянцем, а темно-карие глаза стали медовыми.

— Что ж, дорогой гость, — произнесла она легко и радостно, вторя пению птиц. — Рада приветствовать вас в наших краях. Что привело вас сюда?

— Душа моя находится в вечных странствиях, таская тело за собой, — с легкой улыбкой ответил я, пропустивший этап благодарностей. — Рано или поздно я бы всё равно забрел в Грею.

— Откуда вы прибыли к нам?

Кожа на руках и шее Лианны стала заметно разглаживаться, а в лице четко угадываться родство с дочерью. Поразительно, как эта милая с виду женщина — а ещё четверть часа назад и вовсе старушка — могла так беспощадно поступить по отношению к своему дитя. Интересно, знала ли она, что бушует в сердце Бэт, а если знала — неужели ей было так решительно наплевать?

— Я провел некоторое время в Альвертоне, небольшой деревушке на драрентском побережье Золотого залива. Удивительно умиротворенное место, — вздохнул я, будто

действительно скучал по тишине сельской жизни. — Жил со старым рыбаком. Он делился жизненным опытом, а я взамен обучал его рыбацким хитростям, каким в детстве научился в Сайлетисе.

— А при дворе Драрента не останавливались?

— Когда-то давно, да, но ненадолго. Спешил на турнир, что проходил в окрестностях Лоустофта. К сожалению, совсем не успел познакомиться с местной знатью.

Лицо Лианны полностью закончило метаморфозы. Я никогда не слышал о подобной магии среди друидов, и она искренне поразила меня. Пухлые губы, которые Бэт точно унаследовала от неё, выглядели так, словно вот-вот взорвутся от наполняющего их ягодного сока, а медовые глаза окидывали меня оценивающим взглядом. Магия внутри моей груди преспокойно спала, не поддаваясь на провокации; я буквально ощущал, как цепкие лапы сил друида прощупывают моё существо на предмет странностей и незаурядностей тела и души, но все они были надежно спрятаны под толстым слоем искусной лжи. Киан был прав, говоря, что, прежде всего, нужно поверить в ложь самому, и тогда у любого скептика не останется и шанса.

Ничего не отыскав, Лианна, вероятно, решила, что я обычный богатенький дурень, на которого вовсе необязательно тратить время, хоть цели моего пребывания и неясны. Наш разговор плавно перетек в обсуждение красот местного сада; больше всего меня поразили экзотические для местных краев ломкие ивы, а друида, в свою очередь, моя заинтересованность обычным деревом, а не диковинными цветами. Некоторое время мы даже провели в беседе с садовником, жалующимся на сложности в уходе за недавно привезенными с Куориана розами, однако она быстро оборвалась, когда напарница бросила в садовода тяпкой, чтобы тот перестал болтать попусту.

— Приятно поражена вашими познаниями в сфере садоводства, сэра, — сладкозвучно отметила Лианна, скидывая с плеч плащ, очевидно лишней под палящим солнцем. Я молча выдвинул вперед согнутую в локте руку, предлагая помочь ей с этой ношей, и девушка так же молча воспользовалась моим предложением. — Где-то обучались и этому?

— Боюсь, сыновей лордов не учат копать в земле, если только они не закапывают в ней своих врагов, — горько пошутил я. — Эти знания, скорее, результат моего недюжинного любопытства к книгам и окружающему нас миру.

— Что ж, если вас интересуют книги, наш замок может похвастаться своей коллекцией. Хоть Грея и молода, её библиотека впитала в себя множество столетий разных народов и культур. Вы обязательно найдёте что-нибудь по вкусу.

С тех пор, как выучил людскую письменность, я много тренировался на книгах, что приносил мне Финдир, однако выбор был скуден, и мне приходилось перечитывать одни и те же произведения по несколько раз. Возможность довести навык до совершенства и узнать что-то прежде неведомое о людской культуре — отличный способ понять живущих в замке людей, а ещё — лучший ответ на вопрос, почему мне постоянно не спится.

Всю прогулку я краем глаза наблюдал за друидом. За тем, как жизнь с каждой секундой всё больше наполняла её тело. Что, если эта магия направлена не на неё, а на меня? Проверка на сладострастие? Что, если глазу обычного человека её молодость не видна, и тем самым она проверяла меня на наличие высшей крови? Я был одинаково вежлив и обходителен с ней как в облике старушки, так и в облике юной девы, но не знаю, насколько искусно мне удалось скрыть удивление.

Сады Грей действительно были прекрасны. Даже под нещадно палящим солнцем там

трудились десятки слуг, хоть, казалось, они и без того доведены до совершенства. Идеально ровные дорожки водили по территории, кружа голову и одурманивая запахом первых цветов и плодовых деревьев. Рабочие корпели над кустами, выстригая из них фигуры разнообразных животных. Стоящий в самом центре сада лев возвышался над прочими: стоящий на двух лапах и в угрожающем оскале, он олицетворял боевую славу семьи Уондермир — наконец в уме всплыло фамильное имя короля, которое мне так давно не удавалось вспомнить, — а также их благородство и силу. Любопытно, что львы в здешних краях никогда не водились; разве что в горах Армазеля, куда нога человека не ступала сотни лет.

Лианна поклонилась и покинула меня, сославшись на необходимость посещения королевского совета. Я поблагодарил её за составленную компанию. Обед в тот день решили пропустить, так как завтрак был поздним, а день правящей семьи занят множеством дел, которые я своим присутствием был не в праве, да и не желал, срывать.

Я оглянулся на замок, прежде незнакомый с этой его частью. Видно, его архитектор обожал закаты: на западную сторону выходили десятки балконов из разных покоев. Я помнил, что окно напротив моей кровати смотрело на юго-запад, но также помнил, что не исследовал никаких комнат, кроме спальни, потому вполне возможно, что и у меня была возможность наблюдать, как вечернее небо переливается всевозможными красками.

Фасад замка украшали многочисленные витражи, так любимые здешними королями; это качество роднило их с горными эльфами. Флаги на башнях танцевали под безмолвную музыку, напеваемую им ветром. Вдалеке послышался хор женских голосов, и я, неготовый к очередной светской беседе, поспешно ретировался по направлению к замку и ближайшему стражнику, попросив его сопроводить меня до библиотеки. Светловолосый мальчишка в доспехах, явно слишком молодой для этой работы, удивленно взглянул на меня, подняв брови, но спустя несколько мгновений неровным голосом приказал следовать за ним.

Тяжелые двери из красного дерева лениво, но плавно открылись, не издав ни малейшего скрипа: всё же в замке имелись любители чтения. Масштаб зала застал врасплох, выбив воздух из груди. Минимальное количество окон — солнечный свет пагубно влияет на качество книг, — тускло освещало бесконечные ряды стеллажей. Из-за темноты в конце комнаты она и вовсе казалась бесконечной, а запах пыли страниц и застарелой кожи обложек намекал на бессчётное количество изданий, которых ни разу не касалась чья-либо любопытная рука. Стражник довольно улыбнулся тому, под каким впечатлением остался гость, пожелал приятного времяпрепровождения и закрыл за собой дверь.

Казалось, за тем, как я блуждал меж стеллажей, прошли часы. Разнообразие литературы действительно поражало, и я разрывался, с чего мне больше хотелось начать: с истории различных государств, с подробной летописи Грей, с поэзии или прозы. Разумеется, поэзия являлась обладателем самых цепляющих названий: «Когда солнце встретилось с луной», «Рассвет каторжника», «Шрамы от слов». Встречались даже эльфийские сборники стихов и песен: «Фелаадар и Андвен», «Avatarwa vala». Однако любовь к прекрасному словосложению побороло желание узнать больше о мире, в котором я отныне поселился, и я мысленно пометил несколько книг, к которым собирался вернуться после ужина.

Верх стеллажей окрасился светом закатного солнца. Дверь едва заметно приоткрылась, и оттуда показалось уже знакомое смуглое личико.

— Господин, — прошептала Лэсси, не решаясь войти в святилище знаний. Интересно, учили ли ее читать? — Нам приказано собрать вас к ужину.

Я глубоко вдохнул, набирая в легкие тяжелый запах пыли, еще раз взглянул на

примеченные книги, стараясь точнее запомнить их местоположение, и молча проследовал за служанкой.

Я почти не рассматривал свои покои в день прибытия и последующим утром, но, вернувшись, захотел подробно их изучить. Прежде неприметная комната теперь пестрила множеством деталей, а дверей в смежные комнаты оказалось несколько, хотя днем раньше я заметил лишь ту, что находилась слева от кровати. Как раз за ней располагался небольшой кабинет — вероятно, для гостей, находившихся в Грее с дипломатическими миссиями, — обставленный мебелью из темного дерева и свечами разных размеров и форм. За другой — скромная, и всё же личная столовая: полагаю, не всех удостаивали милости ежедневно обедать с королем; впрочем, возможно и я скоро лишусь этой привилегии. Именно столовую наградили небольшим балконом, позволяющим любоваться цветущим садом; высота второго этажа позволяла как оглядеть все результаты трудов садовников, так и успешно подслушивать разговоры, ведущиеся среди искусно стриженных кустов и деревьев. Третья дверь вела в умывальню, и я поморщился, представив, как служанки по неведомой мне причине вытаскивали оттуда ванную, чтобы искупать меня в главной комнате.

— Сэр, — скромно прошептала Фэй, стоявшая за моей спиной. Она передвигалась будто бы не касаясь земли; совершенно не слышал её шагов. — Нам приказали одеть вас торжественно. На ужине будет вся королевская семья и их приближенные.

Я тяжело вздохнул, и девушка удивленно, если даже не оскорбленно, подняла на меня взгляд.

— Прошу простить меня за такую реакцию, — тут же объяснился я, слегка поклонясь. — После месяцев и лет в пути менять наряды дважды в день становится утомительным.

На лице девушки появилась теплая улыбка. Её взгляд был столь чистым, а руки так невинно сложены на животе, что она едва ли напоминала служанку; я бы сказал, что она больше похожа на служительницу храма.

— Милорд, — опуская глаза, произнесла она. — Вы не обязаны предо мной объясняться.

Обращаться с подданными, как с низшим сортом людей или не людьми вовсе, я был не намерен: моя роль всё же предполагает человека благородных кровей, добротного воспитания и безупречных манер. И даже если такие люди ведут себя, как звери, по отношению к тем, кто не равен им по статусу, я всё равно не был готов им уподобляться. Пусть принимают меня за чудака — всё же я чужестранец, чьё поведение вполне обоснованно могло быть непонятно местным жителям.

— Этот камзол сшили для вас по приказу королевы.

Лэсси подвела меня к зеркалу и поднесла камзол, чтобы зрительно примерить его на меня. Кивнув сама себе, она махнула рукой Фэй, и та стала робко снимать мою одежду. Нижнюю белую рубашку переодеть не стали — с утра она осталась относительно чистой, — однако всё остальное надлежало сменить. Подаренный мне аирати камзол полетел в общую кучу вещей, и я только открыл рот, чтобы попросить обращаться с ним аккуратно, как Лэсси тут же предугадала мои возражения.

— Не переживайте, милорд, все ваши вещи бережно выстирают и вернут на их законное место.

Новый камзол оказался темно-серого цвета — национального цвета Грей. Бархат перемежался вставками из темно-коричневой кожи; на груди, прямо над сердцем,

красовалась золотая брошь в виде дубового листа. Сделанные из той же кожи штаны доставляли дискомфорт; внутри они были обшиты подкладкой из мягкой ткани, и это делало их ужасно жаркими для теплой весны. Я чувствовал себя поросенком на королевской кухне, что медленно коптился в печи.

Дорога до столовой в этот раз показалась волнительнее прежней. Возможно потому, что мне предстояло познакомиться с ещё большим количеством высокопоставленных лиц; возможно потому, что мой наряд душил меня жаром; а возможно потому, что я окажусь в опасной близости к принцу Куориана, и мне придётся всеми силами сдерживаться, чтобы не метнуть столовый нож ему между глаз.

Двери распахнулись. За столом находились лишь некоторые из гостей; королевская семья к ним пока не присоединилась. С одной стороны, отсутствие знакомых лиц могло напугать; с другой — стать отличным поводом взглянуть на придворных в отсутствии их правителя. Стражник, провожавший меня к столовой, указал на моё место и покинул зал.

Лианна, сидевшая в непосредственной близости от места короля, приветственно кивнула мне. В стенах замка она вновь стала несколько старше.

— Уже побывали в библиотеке, сэр Эрланд?

— И остался под большим впечатлением, — улыбнулся я. — Уже предвкушаю, как проведу за чтением не одну бессонную ночь.

— Не стоит чересчур усердствовать, — предостерегла друид. — Однако рвение ваше похвально.

Рядом с ней вся половина стола пустела; мест, тем не менее, было слишком много, чтобы расположить лишь королевскую семью. Вероятно, к ней присоединится жених принцессы, советник Лэндон, а также ещё двое или трое приближенных.

За половиной стола, где место было отведено и мне, несколько стульев уже были заняты. Грузный мужчина с багровым лицом и редкими темными волосами, торчащими во все стороны, был одет исключительно богато; перстни на его руках ослепляюще сверкали и своей тяжестью доставляли очевидные неудобства, а расшитый золотом камзол норовил лопнуть сразу в трех местах. Из-за лишнего веса и, как следствие, разглаженного от натяжения кожи лица, его возраст едва угадывался: он мог быть как избалованным сыном богатого человека — в таком случае, ему не было и 25, — а мог быть и высокопоставленным советником, находящимся в возрасте, когда двадцатилетняя дева могла приходиться ему как дочерью, так и любовницей.

Слева от него сидела женщина — обладательница классического образа благородной воительницы. Высокая, статная, широкоплечая, с короткими, зачесанными назад белыми волосами и молочной кожей. Глаза ее были настолько светло-голубыми, что почти прозрачными, и обжигали холодом взгляда. Ее умение держать себя, строгость и непоколебимость читались в каждом, даже самом мимолетном движении, особенно на контрасте с соседом по столу. Ей где-то между 40 и 50, и, очевидно, ни в каких битвах она давно не участвует, если вообще хоть раз держала в руках оружие, однако, уверен, управление людьми и борьба за влияние для неё ничем не отличались от поля боя.

По другую сторону от зажиточного здоровяка располагался молодой мужчина лет тридцати. Если бы я не узнал в нём капитана королевской гвардии, то принял бы за старшего брата или кузена Ариадны — в их лицах угадывались схожие черты. Серо-зеленые глаза, темные волосы, крупными волнами слегка спадающие на лицо, не сходящая с лица едва заметная хитрая ухмылка. Он был чересчур молод для своей должности, вступая в неё пять

лет назад, но, полагаю, он служил короне верой и правдой, раз всё ещё занимал столь высокий и ответственный пост.

В отсутствие хозяина стола никто не приступал к трапезе; гости потягивали освежающее вино, общались и изредка дотягивались до легких закусок. Капитан отвлекся от разговора со стражником, принимающим от него ряд приказов, и обратился ко мне.

— Сэр Эрланд, вас обеспечили всем необходимым для проживания в замке?

— Прошу, зовите меня Териат, — с улыбкой поправил я. — Разумеется. Со мной обращаются куда лучше, чем я мог мечтать.

— Если возникнут проблемы или вопросы, прошу, без колебаний и стеснений обращайтесь ко мне, — кивнул он, обнажая чуть неровные зубы. Левый край его губы поднялся, оставив легкую ямочку на щеке. — Особенно, если это касается тренировок, оружия или охоты.

Простая приветливость с его стороны любезно спасла меня от неловкого молчания среди незнакомых людей. Он рассказал, в какое время тренировочные залы свободны для посещения, где они находятся, а также предложил свою кандидатуру в качестве соперника для спарринга, и я, поблагодарив за такую возможность, взял с него обещание в ближайшие дни напомнить мне, каково держать в руках меч.

Двери в столовую распахнулись, и древки копий в руках стражников приветственно ударились об пол. Все присутствующие поднялись со своих мест, и я, на мгновение замешкавшийся из-за попыток выглядеть Ариадну в толпе зашедших, последовал их примеру.

Король занял место во главе стола, окружив себя друидом и советником Лэндоном. Ближе к середине места заняли его жена, дочери, островной принц и две юных леди, одна из которых села по левую руку от меня.

— Герцог Фалкирк, — приветственно кивнул король, и грузный богач с выдохом облегчения опустился на стул. — Госпожа Аурелия Ботрайд, рады вновь видеть вас при дворе.

— Это чувство взаимно, — усаживаясь, ответила воительница.

— Капитан Фалхолт. Сэр Эр... Териат.

— Я хотел бы поблагодарить Ваше Величество за столь щедрый подарок, — обратился я к королеве, рукой указывая на камзол, и щеки Ровены тут же залились румянцем. — У вас невероятно меткий взгляд.

— Годы тренировок.

Занимая место за столом, я поймал на себе взволнованный взгляд лисицы, и оценивающий — её жениха. Он наблюдал, как я обращаюсь со столовыми приборами, как общаюсь с придворными, как жестикулирую; меня порадовало, что я не ощутил никакого магического вмешательства, однако его нахождение в этой комнате и без того разжигало во мне ярость, а его настойчивые попытки дотронуться до руки Ариадны — нещадно терзали сердце.

— Господа, разрешите представить вам моих племянниц, прибывших помочь своей кухне со свадебными хлопотами. Эйнсли, — королева указала на ровесницу Ариадны, сидящую напротив своей сестры. — И Элоди.

Последняя едва заметно толкнула меня плечом и подмигнула. Совсем юная — я бы сказал, что ей 12 или 13, — ещё по-детски пухленькая и озорная. Смуглая кожа дитя Драрента выгодно оттенялась бледно-розовой тканью её платья, а темные волосы были

заплетены в причудливую косу, берущую начало у самого лба. Эйнсли держалась более хладнокровно, однако бросала заигрывающие взгляды всем без разбора; один даже долетел до герцога, и тот от неожиданности поперхнулся и закашлялся. Если не считать более стройной, уже сложившейся фигуры, а также распущенных волос, то они с сестрой были чудовищно похожи.

Король жестом приказал поднять бокалы и начать трапезу. Слуги сняли крышки с основных блюд, и перед гостями предстал очередной невозможный выбор. Стол, как, полагаю, и всегда, был заставлен всевозможными яствами; увидев перед собой запеченного кабана, я облегченно выдохнул и потянулся за порцией. От куска пахло розмарином и чесночным маслом.

— Откуда вы приехали, сэра? — прошептала Элоди, проглатывая кусок утки. — У вас такое необычное имя!

— Я родом из Сайлетиса, но долгие годы там не бывал, — с вежливой улыбкой пояснил я, слегка наклоняясь к девушке.

— Я как раз вернулась из поездки в Сайлетис! — заявила леди Аурелия, и всё внутри меня похолодело. — И где же ваша родина: на юге или на севере?

— На севере.

— К сожалению, там бывать ещё не доводилось, — поджав губы, ответила она. — Невеселое у вас было детство в таких краях, полагаю.

— Ну что вы, по-моему, выковыривать мальков из толщи льда и соревноваться, кого дольше ветер не собьёт с ног, — весьма забавно.

Среди гостей прокатилась волна легкого смеха. Юмор — легкий и верный способ расположить людей к себе. Сложность состояла лишь в том, чтобы в один день не проснуться шутком.

— Сколько вам лет, сэра Териат?

Голос Минервы раздался громко и внезапно, прервав всеобщее общение. Её повышенный интерес вызывал у меня некоторую тревогу. Ариадна не знала, куда деть свой взгляд, чтобы наши глаза не встречались слишком часто, отчего он часто упирался в сидящую напротив мать или в сидящего рядом жениха.

— Двадцать пять.

— И вы по-прежнему не женаты?

Принца Ханта не было с нами за завтраком, как и некоторых других присутствующих, потому ему было простительно повторное поднятие темы. Впрочем, это было несколько неуместно; он очевидно осуждал меня за безбрачие, совсем не подумав о том, что старшая принцесса находилась в том же положении. Поразительно, но по заинтересованным лицам стало ясно, что этот вопрос действительно волновал придворных; я ответил не сразу, подбирая слова так, чтобы не повторять утренних реплик.

— Не могу позволить себе обречь прекрасную даму на скитальческое существование.

— Или же вы скитаетесь, чтобы не мочь себе этого позволить?

Самодовольная улыбка растянулась на его лице.

— Вас, как и прочих мужчин, это должно лишь радовать. Меньше претендентов — больше шансов заполучить сердце желаемой дамы, — сказал я, заталкивая в рот небольшой кусок кабанины, и Ариадна едва заметно хихикнула. — Впрочем, не считите за грубость. Разумеется, рука вашей невесты принадлежит лишь вам.

Рука, но не сердце. Сгусток магии в груди задергался, распуская легкие импульсы по

телу. В разуме всплыл образ мягких губ Ариадны, ощущения тепла от её лица в моих руках, тяжелого дыхания и гулко бьющегося сердца. Взгляд серо-зеленых глаз. Её ярость. Слова о том, что сделал Хант.

Чтобы не выдать свой гнев, я обильно запил еду вином, скрывая лицо за массивным кубком.

— Почему же вы решили задержаться в нашем замке, раз так презираете оседлый образ жизни? — недоумевала старшая принцесса.

— Минерва! — зашипела на неё Ровена, но не удостоилась ответа ни единым мускулом на лице девушки.

— Так получилось, что я совсем не бывал в ваших краях, и совершенно ничего не знаю о Грее и её окрестностях. Наслышанный о вашем гостеприимстве, а затем и о предстоящем торжестве, я решил, что наступило время наверстать упущенное.

— И мы рады, что вы приехали именно в такую чудную для нас пору, — пропела королева.

— Не подумайте — у нас хорошо и без больших пиров! Но с ними, конечно, ещё лучше. Герцог захохотал и вновь поперхнулся, на что Минерва и Ариадна синхронно среагировали закатыванием глаз.

Элоди рядом со мной нетерпеливо ерзала на стуле, мечтая вклиниться в разговор, но будучи слишком воспитанной, чтобы прерывать старших. Как только возникла тишина, она тут же ей воспользовалась.

— Ариадна! — позвала она, и та ответила ей теплейшим из взглядов. — А у твоего платья будет длинный подол?

— Полагаю, да.

— Ты позволишь мне нести его во время торжества?

— Я знала, что могу на тебя рассчитывать, — подмигнула лисица.

Девочка довольно захохотала. Хант повернулся к Ариадне, пытаясь погладить её по руке, и я с ужасом разглядел в его глазах неподдельную нежность. Он смотрел на неё, практически затаив дыхание, а уголки его губ сами по себе позли вверх. Ариадна, с трудом скрывая отвращение, выдержала и прикосновение, и взгляд; она знала, за ней наблюдают не только его глаза, но и добрая дюжина прочих.

Король довольно улыбался. Мысль о предстоящей свадьбе, вероятно, радовала его больше всех: он уже получил обещанное золото, в скором будущем прославится гостеприимным хозяином и могущественным союзником, а чуть позже получит еще и внука-наследника двух королевств. Безусловно, выгодная сделка.

Выгодная, если сердце и душа дочери для него — лишь товар. Возможно, Ариадна так и не высказала отцу своих мыслей по поводу брака, однако горечь, коей сочтется её вымученная улыбка, не должна была остаться незамеченной взором любящего отца.

— А гостей будет много? — подала голос Эйнсли, и я с удивлением обнаружил, что её голос был ещё тоньше, чем у младшей сестры.

— Неисчислимое множество, — гордо ответил Хант.

— Матушка сказала, что есть вероятность подыскать мне хорошую партию среди молодых людей, приехавших на праздник, — расправила спину она, демонстрируя всем округлившийся стан и загоревшиеся глаза. — Надеюсь, не все гости женаты?

— Мы рассмотрим все варианты.

Королева попыталась закрыть тему, и все понимающе замолчали. Ровене чрезвычайно

важен образ, складывающийся у других о её семье: они должны славиться безупречными манерами и чистейшими помыслами, иначе её многолетние старания пройдут зря. Это не было честолюбивым желанием; напротив, она делала это лишь из искренней любви, которую невозможно скрыть или замаскировать. Её бесхитростность подкупала. Мать, способная на всё ради благополучия детей. Вероятно, она, как и её супруг, думает, что деньги и плодородные земли островитян обеспечат благополучие её дочери.

Ужин закончился, как только король, синхронно с капитаном гвардии, встал из-за стола и пожелал гостям доброй ночи. Вместе с присоединившимся к ним Лэндоном, они покинули столовую, увлеченные живым обсуждением. Королева собрала племянниц и дочерей, чтобы еще пообщаться по пути в их покои, и Хант опустился перед невестой на одно колено, церемониально целуя её руку на прощание. Кузины принцессы вдохновенно ахнули, а Минерва поджала губы. Лицо Ариадны не выразило ни единой эмоции.

Я покинул зал вместе с госпожой Аурелией, мечтавшей поведать мне всё, что она узнала в своём коротком путешествии по югу Сайлетиса. Её поразила там практически каждая вещь: и фасоны платьев местных модниц, и замысловатая резьба на эфесах мечей и древках копий, и количество потребляемых морепродуктов, но особенно — язык. Она просила сказать что-нибудь на нём — в тот миг я мысленно расцеловал своих учителей, уделивших внимание и этому, — и я нёс полную околесицу, перемежая строки стихов с разговорами о погоде. Аурелия была в восторге. Язык Сайлетиса не слишком отличался от того, на каком говорили в Грее, однако он несколько грубее, а гласные в нём звучали глубже; если не знать устройства — звучит иначе, если знать хоть немного — тут же становится понятно каждое слово.

Расставшись с госпожой Ботрайд, я направился в противоположную от своих покоев сторону — в библиотеку. Этим вечером выбор пал на летопись о международных отношениях; я решил, что начинать стоит издалека. Перетащив больше свечей на столик рядом с большим креслом, обитым красной тканью, я устроился поудобнее и принялся читать.

Слог оказался проще, чем я того ожидал; выходит, язык за это время практически не изменился. Книга делилась на 12 глав, каждая из которых рассказывала историю о крупном конфликте или войне. Первая была наполнена жестокостью и кровью, пролитой на фоне религиозных разногласий между югом и севером: Сайлетис и Куориан — точнее тот остров, на территории которого ныне находится Куориан, — воевали из-за недопонимания в результате неточного перевода священного писания. Я невольно ухмыльнулся. Мать Природа не покидает нас ни на секунду — зачем же писать трактаты и устанавливать правила? Она реагирует на наши действия незамедлительно: обрушившийся на страну ураган интерпретировать достаточно легко. Впрочем, многочисленные жертвы привели лишь к тому, что объявился компетентный дипломат, указавший на недостатки перевода в обоих вариантах писания, и правящим семьям пришлось объявить перемирие и поженить своих наследников, чтобы хоть как-то затмить воспоминания о беспричинной бойне.

Дверь едва слышно скрипнула. Я принял решение не оглядываться и выждать какое-то время. Приглушенный стук каблуков и шуршание платья по полу приближались ко мне; я сосредоточился на тексте. Послышался сладкий запах костра и шалфея.

Золотые вставки на коричневом платье Ариадны мелькнули в поле моего зрения. Она подошла к стеллажу, с которого была взята моя книга, и кивнула.

— «12 войн». Неплохой выбор.

— Решил, что она подойдёт для начала.

По её лицу скользнула улыбка, и свет свечи дернулся под порывом сквозняка от неплотно закрытой двери. Старательно вглядываясь в корешки книг и доставая некоторые из них, чтобы полистать, Ариадна говорила шепотом — так, чтобы её голос дошёл лишь до ушей бывалого остроухого охотника.

— Ты хорошо держался.

— Спасибо.

— Моя мать совершенно очарована тобой.

— Поверь, это взаимно.

Достав книгу с роскошной обложкой из красной кожи с железными вставками, она будто стала зачитывать строчки оттуда; я еле сдерживал смех от того, как старательно она скрывалась.

— Спасибо за ромашки. Этот символ для меня ценен. Разумеется, он не умел так искусно лгать, однако что-то в тебе чудовищно напоминает мне о господине Айреде.

— Что ж, это не удивительно.

Ариадна подняла озадаченное лицо. Я медленно, как будто ни на что не намекая, заправил выпавшую прядь за, пусть теперь и самое обычное, ухо. Сдвинутые брови вдруг резко взлетели вверх, а округленные глаза окатили меня оскорбленным взглядом.

— Ах... драконий ты сын!

Мой сдавленный смех эхом прокатился по идеальной тишине библиотеки, и я тут же сделал вид, что кошмарно закашлялся из-за обилия пыли.

— Не только принцессам дозволено скрывать своё происхождение.

Лисица вернула книгу на полку с гулким стуком. Она едва ли выглядела обиженной или в самом деле оскорбленной; скорее это было похоже на легкое раздражение из-за проигранной в игре партии. Уверен, в нашем состязании будет множество партий: какую-нибудь из них она непременно выиграет.

Двинувшись в сторону дверей, Ариадна едва заметно коснулась моей щеки тыльной стороной ладони. От места её касания по телу прошёл разряд.

— Доброй ночи, скиталец.

Лэсси шумно раздвинула шторы, за которыми я, вернувшись в покои с первыми лучами солнца, старательно прятал комнату.

— Доброе утро, господин! — воскликнула она, не оставляя мне никаких шансов ухватиться за остатки сна. — Пора вставать! Капитан Фалхолт уже ждёт вас.

Наш короткий разговор за ужином предполагал встречу в тренировочном зале, однако я не думал, что капитан так скоро найдёт время и желание провести со мной несколько часов, наполненных потом и тяжелым дыханием. Соответствующая одежда уже была подготовлена и нетерпеливо ждала момента быть надетой: черные узкие брюки, свободная светлая рубашка и массивные ботинки; вероятно, капитан надеется, что хотя бы они смогут удержать меня на ногах.

Фэй появилась, сопровождаемая звоном посуды. Она с трудом протиснулась щелью между дверью и стеной, что ей удалось создать нажимом хрупкого плеча, и поставила поднос с завтраком на ближайшую подходящую поверхность — на комод. Завтрак не был плотным: травяной чай, который Грея считала одним из своих достояний, булочка и вишневый джем.

— Капитан сказал, что вы позавтракаете после тренировки, а это — чтобы урчащий живот не занимал вашу голову, — виновато шепнула Фэй.

Отказавшись от помощи девушек, я быстро оделся и на ходу закинул в себя еду. Не хотелось, заставив капитана ждать, предстать перед ним изнеженным соней на третий день пребывания в замке, ведь с этим признаны были справиться мои скверные навыки ближнего боя.

На выходе из комнаты меня ждал молодой стражник. Мы кивнули друг другу, поняв без слов, и молча пошли на первый этаж. В конце правого крыла, прямо перед выходом к конюшням, располагался огромный зал. Полагаю, он использовался не только для тренировок, но в том числе и для торжественных состязаний и небольших турниров; поле битвы было окружено многочисленными рядами сидений для зрителей.

— Вот вы где! — Фалхолт вскинул руки и двинулся в мою сторону, будто увидел старого друга.

— Благодарю за приглашение, — поклонился я, сложив руки за спиной.

— В следующий раз приглашать не буду, — хитро улыбнулся он. — Я бываю здесь каждое утро. Приходите, если возникнет желание.

— Непременно.

Три дюжины гвардейцев заметно замедлились с тех пор, как я вошёл в зал. Они внимательно рассматривали, что за чужеземец так привлек внимание капитана, и их мечи едва касались друг друга, создавая видимость битвы, а не оттачивая навык реальной.

Судя по всему, капитан поднимал подчиненных на тренировку, как только рассветало; я проспал не больше двух часов, а их рубашки уже настолько промокли, будто они гуляли под проливным дождём. Сам Фалхолт же едва ли взмок — не знаю, из-за отсутствия нагрузок или, напротив, из-за хорошей к ним подготовки, — однако его слегка загорелая кожа покраснелась, и я практически слышал выпрыгивающее из его груди сердце.

— Начните с разминки, Териат, — он обвёл зал взглядом, как бы указывая на круг, очерчиваемый ограждениями от зрительских рядов. — Предпочитаете пробежку или что-то

другое?

— Пробежку, капитан.

— Кидо, — поправил он. — Раз уж вы просили звать себя по имени, позвольте и мне ответить тем же.

Я благодарно кивнул. Фалхолт всё больше удивлял меня своей любезностью и открытостью; я представлял капитана королевской гвардии совсем иначе. Впрочем, это могло быть маневром для того, чтобы завоевать доверие и узнать о коварных замыслах, если он подозревал меня в сокрытии таковых.

Пробежка далась мне легко; можно сказать, что ябегалвсю жизнь — как в прямом, так и в переносном смысле. Жизнь в лесу и ремесло охотника подразумевает развитую выносливость, а занятия с Финдиром научили лучшему управлению дыханием, потому я бежал долго и без мыслей, абсолютно расслабленный и обо всём позабывший. Я продолжал бы ещё много часов — уж очень приятное чувство свободы, обдуваемое легким ветерком, теплилось в груди, — но краем глаза увидел капитана, смотрящего на меня со сложенными на груди руками.

— А вы крепкий парень, — заметил он одобрительно. — Половина моих ребят не пробегут столько даже в случае смертельной опасности, не говоря уже об утренней пробежке. Никогда не думали о службе на благо короны?

— Честно говоря, нет, — прошептала, изображая лёгкую отдышку и вытирая со лба воображаемые капли пота. — Но кто знает, куда нас может привести судьба.

Капитан ухмыльнулся, а я ощутил сверлящие взгляды оскорбленных гвардейцев за спиной. Махнув в сторону стойки с оружием, Фалхолт вопросительно вскинул брови.

— Я совсем позабыл тяжесть железа в руке и его оглушительный звон.

Кидо тут же достал со стойки два тренировочных меча. Они не были начищены до блеска и заточены так, чтобы резать пергамент на весу, однако при достаточной силе ударе вполне могли нанести серьёзную рану. Вес оружия был внушительным; на мгновение я даже пошатнулся, оказавшись с ним один на один. В руках капитана же меч казался не тяжелее бокала с вином, и он так же играючи обращался с ним, как на вчерашнем ужине заливал скуку ароматным напитком.

Мы встали в стойку. Я не спешил нападать; куда важнее было изучить все приемы и повадки соперника. Капитану я не казался серьёзным противником — что, впрочем, оправдано, — и он без раздумий двинулся в атаку. Его меч мелькал то справа, то слева, то снизу, и я едва успевал отражать скромные удары воина. Также я успел заметить, что правой рукой Кидо орудовал весьма проворно, тогда как его левое плечо доставляло ему дискомфорт — он не мог в полной мере отвести руку назад. Следствие старой травмы.

— Меч — не ваше любимое оружие, не так ли?

Ухмыльнувшись, капитан передумал церемониться и эффектно закончил поединок, поднырнув под моей поднятой рукой и сделав подсечку. Лезвие к горлу приставлять, однако, не стал.

— После турнира в Лоустофте я не так часто брал его в руки, — пояснил я. — Драться в моих странствиях приходится лишь с разбойниками, а дальний бой в таких случаях предпочтительнее.

— Лучший бой — тот, что не начался.

Капитан подал мне руку, помогая встать, после чего подбадривающе похлопал меня по плечу.

— Мне, пожалуй, пора идти, — откланялся Кидо. — Но я дам вам в тренеры одного из лучших моих воинов. Аштон, подойди!

Сорокалетний мужчина с недельной щетиной выполнил приказ начальства и стремительно приблизился. С недоверием взглянув на меня, он кивнул в знак приветствия. Я ответил тем же.

— Териат, Аштон, — представил нас Кидо. — Если меня нет, то проследи, чтобы у нашего гостя всегда был партнер для поединка.

Капитан покинул зал, и Аштон встал в стойку, не произнеся и слова. Я набрал воздуха в грудь. Молчаливый громила, явно побывавший не в одной войне, — отличный соперник. Но не для недотёпы вроде меня.

Аштон и не думал прощать мне мелкие недочёты и учитывать мои «забытые» навыки; он бил в полную силу, и мне оставалось лишь благодарить Богиню, что мечи были тренировочными. От непрерывного отражения ударов рука предательски ныла, а ощущение бессилия против опытного воина заставляло магию в моей груди трепетать и пытаться вырваться наружу. Напасть получилось лишь дважды, и оба раза мой удар оказался очевидным и читаемым, а потому пресеченным ещё на корню. Дюжину раз я оказывался уложенным на землю. Спина начала ныть, вторя боли в руке, а рубашка промокла настолько, что песок, коим был усыпан зал для смягчения падений, уже не отлипал от одежды. На лбу Аштона виднелась лишь скромная струйка пота.

— Ничего, — наконец произнёс он. Его голос оказался хриплым и низким. — Потенциал есть. А теперь ступайте, сэр, на сегодня хватит.

Поблагодарив за плодотворное занятие, я с облегчением вернул меч на стойку и покинул зал.

Коридоры встретили меня необычайным оживлением. В этом крыле на первом этаже жила в основном обслуга, потому никто не мог позволить себе спать в такое время. Несколько раз в меня чуть не врезались служанки с подносами, несущие завтрак тем, кто любил подольше пожениться в постели, а один раз я едва успел отойти от девушки, несущей роскошное многослойное платье, иначе точно потерялся бы в складках его ткани.

Свернув к лестнице, я наконец встретил знакомое лицо. Ариадна собиралась на конную прогулку, о чём недвусмысленно намекала её одежда и собранные в незамысловатую причёску волосы. Я любил смотреть, как её волнистые пряди спадали на плечи и спину, пружиня при каждом движении, однако так взору полностью представало её лицо, будто выточенное из мрамора лучшими скульпторами горных эльфов.

Я понял, что рассматривал его чуть дольше, чем то позволяли правила приличия.

— Доброе утро, Ваше Высочество, — поклонился я и вдруг почувствовал, как жутко от меня смердело. Щеки тут же залились румянцем.

— Доброе утро, сэр, — присела она в лёгком реверансе. — Побывали в утреннем аду от Кидо?

— Прошу прощения за свой внешний вид.

— Не стоит, — чуть обиженно ответила она. — Я тоже иногда там бываю. Может, однажды встретимся.

Подмигнув, она игриво сбежала по оставшимся ступенькам и завернула в правое крыло. Порой меня пугала её беспечность. Что скажут о почти замужней принцессе, почти наследнице двух государств, если увидят, как она подмигивает только приехавшему в замок чужеземцу? Что скажут о ней, когда увидят, как в её присутствии я краснею и забываю, как

дышать? Впрочем, она всегда славилась бунтарским характером и непредсказуемостью; надеюсь, эти мелочи не привлекут излишнего внимания.

Придя в свои покои, я обнаружил их заполненными идущим из ванной паром и запахом обещанного завтрака из столовой. Лэсси отмывала с меня песок и пот с особым усердием, присущим ей, когда дело касалось чистоты. Я несколько раз хотел остановить ее, но, стоило мне совершить хоть малейшее движение, служанка вздрагивала и нажимала на губку еще сильнее. Я понимал, что рыцарям нужна помощь с надеванием доспехов, а благородным людям негоже самим стирать свои вещи, но мыться.... Никогда не думал, что с этим можно не справиться.

Предобеденное время было решено вновь провести в садах, но пройтись по ним в одиночестве, всему превратившись в слух. Щебетанье птиц и шелест листвы наполнили мое лесное сердце безграничным счастьем. Работающие в саду слуги обсуждали всё подряд: вчерашний наряд госпожи Аурелии, непотребное поведение герцога Фалкирка с приставленными к нему служанками, чью-то беременность, капризность белых роз и... случайную встречу с островным принцем около покоев его невесты. Они не давали этому событию негативной оценки. Общество в Грее не слишком строгое, к тому же они были обручены; их встречи даже естественны. Слуги судачили об этом просто так; лишь из-за того, что их жизнь была не так наполнена событиями, как жизни их работодателей. И всё же мне захотелось вмешаться и запретить им так говорить о лисице, в независимости от того, был ли слух правдой и в самом ли деле они занимались чем-либо за закрытыми дверями её покоев.

Я задержал дыхание. Глупейшее желание.

Я проходил по изворотливым дорожкам ещё как минимум час, но более ничего интересного не услышал. Молоденькие фрейлины и дочери знатных гостей замка ходили по садам небольшими группами по трое или четверо и непременно обсуждали свою будущую богатую жизнь с красавцем-мужем и чудными детьми, а также пытались выведать, кто в каком наряде придёт на свадьбу принцессы. Разумеется, это оказалось секретом чуть ли не государственной важности, и все они самоотверженно и стойко его хранили.

Лишь в дальнем углу сада, плотно засаженном цветущими вишнями, было подозрительно тихо. Несмотря на наличие там невероятной красоты беседки, украшенной искусной резьбой, ни одна замечтавшаяся леди или ленивый господин не располагались там, утомленные палящим солнцем. На лавочке едва заметно виднелась фигура в тонком белом платье, что со спины было больше похоже на ночную сорочку. Отсутствие корсета, ниспадающая ткань, очерчивающая изгибы тела. Ниспадающие по спине пшеничные волосы.

Минерва слегка приподняла руку, и одна из бабочек, летавших около недавно раскрывшихся розовых цветов, села на её палец. Найдя опору, она стала медленнее двигать крыльями, пока вообще их не остановила. Девушка неторопливо поднесла замершую бабочку к своим волосам и усадила её туда, будто она была частью украшения её причёски.

— Подглядываете, Териат? — вдруг раздался её голос.

Я с трудом поборол желание спрятаться в ближайшем кусте.

— Нет, — ответил я, гулко сглотнув. — Завороженно наблюдаю.

Девушка обернулась и встала с лавки. Она двигалась медленно и плавно, будто бы в танце. Сквозь тонкое платье, едва державшееся на почти незаметных бретелях, чётко виднелись очертания её груди. Она испытывала меня, но мне хватило лишь мимолетного взгляда — всё остальное время я смотрел ей прямо в глаза. Это платье и впрямь было

НОЧНЫМ.

Подойдя ко мне практически вплотную — в данных обстоятельствах даже расстояние вытянутой руки нельзя было считать приличным, — она вновь поднесла руку к волосам, сняла оттуда бабочку и слегка подула на неё. Насекомое, будто очнувшись от глубокого сна, невозмутимо покинуло палец временной хозяйки. Принцесса встала на цыпочки и прислонилась к моему уху, пощекотав локонами мягких волос. По шее пробежали мурашки.

— Если очень хочется — можете смотреть.

Едва я успел моргнуть, как она уже вышагивала босыми ногами по дорожке, ведущей к замку. Они разные внешне, но повадки и характер у сестёр схож, даже если они не хотели этого признавать.

— Аарон, — послышался шёпот в правом ухе.

Я инстинктивно обернулся, заранее зная, что не найду за спиной источник звука. Я давно не слышал имени древнего эльфийского короля, раньше иногда мелькавшего в моём сознании. Всё это время мне казалось, что оно каким-то магическим образом вело меня. Раз я услышал его вновь, значило ли это, что я двигаюсь в верном направлении? Или оно звало меня назад?

Вечера я всю неделю проводил в библиотеке. Изредка встречал там Ариадну, но всё, чем нам удавалось обменяться — мимолетные взгляды. Королевские библиотекари затеяли опись всех имеющихся книг, чтобы, на радость гостям, к свадьбе принцессы закупить новых, но при этом избежать дублирования экземпляров. Они бесконечно ходили кругами по библиотеке, поодиночке или по двое, и ничто не ускользнуло бы от их внимательного взгляда. Рисковать было глупо.

Язык «12 войн» с каждым рассказом усложнялся. Авторы стали более образованными, и это видно по сложным предложениям, сравнительным оборотам и образности слога — оно перестало быть сухим пересказом фактов. Повествование наполнилось красками, запахами, вкусами; читая, ты ощущал себя на месте событий, оттого испытывая одновременно и благоговение, и охватывающий существо ужас. Я читал, как правило, по рассказу за вечер, порой перемежая их поэзией или романтической прозой, чтобы снизить градус напряжения.

Вторая война развернулась между Сайлетисом и островом Тиавел, которых разделяет бескрайний Сапфировый океан. Тиавел — скромный по размерам, но гордый и могущественный остров; этим загадочным землям мир обязан появлением магии — среди людей считается, что именно там она зародилась и набралась сил. Оттуда происходили первые великие маги — Сильвия Крылатая и Эларий Змееуст, — о чьём противостоянии тоже складывали легенды, писали поэмы и пели песни. Благодаря своей богатой истории, Тиавел являлся обладателем несметных богатств в виде магических артефактов и драгоценных камней, а ближайшее из государств в лице Сайлетиса оказалось слишком честолюбивым, чтобы позволить так этому и остаться. Собрав крупнейшую армию, какую в те времена видел мир, и построив столько кораблей, что для них было мало целого моря, Сайлетис отправился к магическому острову с надеждой отобрать у него всё, чем он тогда владел. В ответ Тиавел поселил сильнейший ужас в сердцах смельчаков, смевших мечтать о её богатствах: магия его обитателей погубила громадное войско Сайлетиса и потопила их корабли, не понеся ни единой потери.

Одним из участников третьей войны тоже был Тиавел, но, к сожалению или к счастью, так же быстро, как от Сайлетиса, от Кристальных Скал ему отделаться не удалось.

Множество мелких скалистых островов, заселенных горными эльфами, называли кристальными потому, что их горы отражали солнечный свет, будто исполинские драгоценные камни, а воды вокруг них всегда были прозрачны и холодны. Преисполнившись чувством собственной непобедимости, маги Тиавела решили, что им подвластно всё, а прародители с Кристальных Скал отныне должны им подчиняться. Среди людей в те поры отсутствовало понимание природы эльфов — все, кто с ними воевали, непременно погибали и не могли донести сородичам о представителях высшей крови, — а потому, с текущей по венам алчностью, они нападали вновь и вновь. Эта война длилась два столетия и видела семерых верховных магов и двух аирати, тысячи жертв и моря слёз, однако закончилась она сама собой — в один день обе стороны попросту отступили, не желая продолжать кровопролития. Не было заключено мирного договора, не были возмещены убытки, не было встречи двух глав — они просто прекратили войну. С тех пор прошли сотни лет. Государства хранят подозрительное молчание относительно друг друга: между ними нет конфликта, но между соседями не налажена торговля или даже морское сообщение. Есть легенда, что кто-то заколдовал острова, чтобы местные жители и их предки впредь никогда не видели друг друга — в прямом смысле, видели пустоту на месте земель и людей, — но мага или аирати, обладающего такой силой, невозможно даже вообразить.

Четвёртой войне хватило пяти лет. Два брата-близнеца из династии Ромберов, что в те времена правели Драрентом, после смерти отца отчаянно боролись за его трон. Они раскололи страну надвое, погрузив её в хаос: старший из близнецов, Нэш, собрал на своей стороне вассалов отца и их армии, пообещав тем полную самостоятельность и свободу в случае победы; младший, Нокс, заручился поддержкой придворных и королевской гвардии, пообещав тем роскошное жалование. Они перебили друг друга, превратив некогда влиятельное государство в пепелище, и погибли одними из последних, когда их ближайшие последователи, уставшие от бессмысленной бойни, перерезали обоим горло. На трон взошла их младшая сестра, во время войны бежавшая из страны и вышедшая замуж за странствующего рыцаря с запада. Так началась династия Кастелло, к коей принадлежит и нынешняя королева Греи, Ровена.

Закончив историю о четвертой войне, я закрыл книгу и отложил её в сторону. Когда-то я уже слышал о ней, и уже тогда она чудовищно напоминала ситуацию между двумя и народами эльфов. Страх, что наша история закончится похожим образом, не покидал моей души, хоть противостояние между аирати и азаани было холодным и с виду равнодушным. Если мы все же уничтожим друг друга, миром целиком и полностью станут править люди — а это значит, что ему вскоре придёт конец.

Наблюдать за деятельностью короля и его старшей дочери вне совместных обедов и ужинов оказалось сложнее, чем я ожидал. Охотничье чутьё, что я, казалось бы, развил за долгие годы жизни, совсем не помогало в слежке. Откуда бы я ни смотрел, как бы ни скрывался — Минерва всегда ловила мой взгляд. Стоило мне лишь задуматься о том, чтобы повернуть голову в её сторону — она всегда делала это первой. Эта удивительная чуткость и пугала, и восхищала; никогда прежде я такого не встречал. Возможно, её проницательность — одна из причин, почему она так влияла на отца и совет; она знала сильные и слабые стороны собеседника. Не только то, на что следовало надавить для исполнения её желаний, но и что предложить взамен.

Однажды я проходил мимо зала совета во время утреннего собрания. Король и его

старшая дочь возвышались над остальными участниками как в прямом смысле, стоя, когда остальные покорно сидели за овальным столом, так и в переносном — их авторитет ощущался на расстоянии, будто бы их тени были настолько большими, что накрывали своей тьмой всех присутствующих.

На короля члены совета смотрели с большим почтением и уважением, внимая каждому его слову. На принцессу — с преклонением, с безумным желанием следовать и не упустить ни один её вдох. Что бы ни говорила Минерва — эти взрослые, знатные мужчины и женщины, обладающие землями и богатствами, едва удерживались от того, чтобы не начать рукоплескать ей.

На большом ужине, посвященном концу недели, присутствовал расширенный круг придворных. Капитан королевской гвардии стал садиться либо напротив, либо рядом со мной; совместные тренировки порождали множество тем для обсуждений, и на ужинах мы восполняли нехватку сил и дыхания между взмахами мечей, с упоением говоря о множестве вещей. В Кидо удивительным образом сочетались искусность в бою и неловкость в жизни; вино постоянно проливалось мимо его рта, соус капал на колени, а куски убегали из-под вилки, заставляя голодного гвардейца шептать ругательства. Ариадна, наблюдая за этим, всегда одаривала его полным нежности взглядом.

Минерва явилась на ужин с опозданием, лишь ко второму блюду. Двери широко распахнулись, и всё, что заметила большая часть присутствующих — её чёрно-красное платье с узким декольте до самой талии. Когда она, самолюбиво задрав подбородок, сделала шаг вперёд, жадные взгляды переместились к небывало высокому разрезу юбки вдоль ноги. Кидо, нахмурившись, с недовольством осмотрел открытые рты гостей; у герцога Фалкирк настолько отвисла челюсть, что на тарелку выпал только что поглощенный им кусок мяса. Хант, которого я мечтал уличить в прелюбодейских мыслях, смотрел лишь на свой нож.

Проходя мимо, принцесса кончиками пальцев провела по моей шее.

Той ночью я видел ее во снах.

Я проснулся в холодном поту. То, что я делал с ней в своём воображении, недопустимо и непростительно, однако бесстыдные сцены никак не покидали мой разум.

В дверь постучалась Фэй. Я встряхнул головой и быстро поднялся с постели. Стараясь ни о чём не думать, я позволил девушке одеть меня на уже традиционную тренировку и, отказавшись от завтрака, направился на встречу к капитану.

Кидо сразу заметил, что со мной что-то не так. Мои и без того неумелые движения были вялыми и неаккуратными; из-за невнимательности я совсем не понимал, куда он ударит в следующий раз. Пропустив один из таких ударов, я упал на песок, окрасив его в красный.

— Териат! — Капитан подбежал, подавая мне руку. Кровь лилась безостановочно и бурно, за несколько мгновений уже успев превратить рубашку в промокшую тряпку. — Мне стоило учесть вашу рассеянность при планировании атаки.

Капитан виновато поклонился перед знатным гостем короны, коим, как он считал, я являюсь. Я совсем не чувствовал боли; лезвие прошло в сантиметре от уха по челюсти, задев вену, отчего кровотечение и было столь сильным, но мягкие ткани почти не были повреждены. Я коснулся раны рукой, и маленькая молния с едва заметным треском пробежала по моей коже. Кровь тут же запеклась, запечатывая ссадину.

— Всё в порядке, Кидо. — Я отряхнулся от песка и устало улыбнулся капитану. — Посмотри. Рана не такая серьезная, как могло показаться.

Фалхолт тут же облегченно выдохнул. Собрав мечи и вернув их на стойку, он взял лук и вопросительно взглянул на меня. Он запомнил мои слова о дальнем бое; к тому же, любимое оружие могло бы немного меня отвлечь.

Из-за большого количества гвардейцев и стражников, проводящих утреннюю тренировку, было решено перенести стрельбу на небольшое поле за садами. Мы стреляли долгие часы, с каждой стрелой искренне стараясь улучшить предыдущий результат. На наше беззлобное состязание собрались посмотреть многие придворные, волею судьбы зашедшие вглубь садов. К моменту, когда мишени отодвинули на максимально возможное расстояние — прямо к стене, ограждающей королевские владения от города, наша тренировка стала больше похожа на турнир. Как и положено настоящему турниру, среди наблюдающих появились лица короля и его семьи.

Толпа по очереди скандировала наши имена.

Финальный выстрел. Первым был Кидо. Его стрела попала в центр — точнее, так близко к нему, что издали выстрел казалась идеальным. Толпа ликовала, а король аплодировал своему капитану; никто и не думал, что я смогу его переплюнуть.

Если рассуждать разумно, у меня не было шансов. Не было бы, если я бы не был рождён в Арруме, и Богиня не даровала мне талант охотника с чутким слухом и ясным зрением.

Слегка улыбаясь, я поднял лук и натянул тетиву. Прицелившись, я почти был готов стрелять, но разум наполнили картинки, напоминавшие о недавнем сне. Я старательно пытался сконцентрироваться на стреле и мишени, но образы становились лишь ярче, дыхание тяжелело, а сердце ускоряло свой ритм. Я обернулся. Минерва смотрела на меня с той же ухмылкой, что я видел минувшей ночью. Магия, коей она обладала, незаметна лишь слепому.

Она пыталась меня сбить.

Какой ей с этого толк? Кидо очевидно сильнее меня; незачем помогать капитану победить странника, если он мог сделать это своими силами. Хотела меня опозорить? Опрометчивое решение; будь я в самом деле скитальцем, то разнёс бы по миру слухи о негостеприимности и враждебности Грей по отношению к заезжей знати.

Магия в груди взбушевалась. Я справился с тем, чтобы не выпустить её наружу, однако не ожидал, что она самовольно пустит разряды внутри тела, оставшись незаметной для других. Я весь вздрогнул; разряд пришёлся в основном на руки и голову. Удар был достаточно сильным, чтобы вышибить все оскорбительные мысли из головы.

Я отпустил тетиву.

Стрела вонзилась в стрелу противника, расщепив её.

Толпа удивленно ахнула. Кидо, по-дружески спокойно приняв поражение, похлопал меня по спине и поднял мою руку, демонстрируя зрителям победителя. Ариадна смущённо хлопала, скрываясь за плечом отца. Минерва, нахмурившись и согнав улыбку с лица, покинула поляну.

— Нужно как-нибудь взять вас на охоту, — крикнул мне смеющийся король. — Вот это будет добыча!

Принимая размытое приглашение, я убрал одну руку за спину и почтительно поклонился.

День в библиотеке прошёл зазря. Три следующих войны, о которых велось повествование в книге, были совершенно одинаковыми. Удивительно, как люди попадались

на одну и ту же уловку три десятка лет подряд. Тогдашний король Куориана был счастливым обладателем шести дочерей. Вместо того, чтобы растить и воспитывать их, он распорядился ими, преследуя мечты о богатстве и землях. Женив трёх дочерей на наследниках других государств, он решил, что получает от этого непозволительно мало, и придумал беспроигрышную тактику. Для начала король устраивал бал для претендентов на руку одной из дочерей и выбирал самого богатого из них. Отец претендента писал королю расписку, согласно которой обязывался выплатить баснословную сумму, что должна была пойти на организацию роскошной свадьбы. Как только дело подходило к самому торжеству — а точнее, к постепенному приезду гостей, — король инсценировал смерть невесты и обвинял в этом случайного гостя из приближенных жениха. Развязывалась война между «скорбящим» и оскорбленным отцами, и первый выиграл все три раза. О его постоянно растущем богатстве по миру ходили такие впечатляющие слухи, что в эту ловушку могли бы попасть ещё множество наследников честолюбивых богачей, если бы король не умер, немного не дожив до конца шестого десятка, вследствие пристрастия к вину и заморским курительным смесям.

Возможно, эти три войны чем-то и отличались друг от друга; возможно, каждая последующая дополнялась какими-либо интересными деталями. Возможно. Но я не замечал их, едва успевая улавливать хотя бы суть истории. Голову занимали совсем иные образы.

На ужине я едва мог смотреть на Ариадну; если мне удавалось поймать её долгожданный взгляд, я неконтролируемо прятал свой. Не мог взглянуть в серо-зеленый водоворот, помня всепоглощающий океан в глазах её сестры. Минерва же демонстративно не обращала на меня внимания, чем раздражала даже больше, чем когда показывала, что может иметь надо мной власть, если ей того захочется. Я знал, что она пыталась ее заполучить.

Той ночью она снилась мне снова.

Мы находилась в том дальнем углу сада, где я видел её завораживающий маневр с бабочкой. На теле принцессы вновь была сорочка из тончайшего шелка, заботливо повторяющая изгибы тела. Ночная прохлада заставляла мурашки бегать по коже, но бушевавший внутри огонь безжалостно их прогонял. Я поднял принцессу на руки, и она обхватила меня ногами. Мне казалось, что сердце мое билось так часто и сильно, что не давало мне дышать, но дело было в губах Минервы, что не отвлекались от моих ни на мгновение.

Наконец, нащупав место, где грань между сном и явью максимально тонка, я выскочил из объятий забвения и тут же вылез из кровати.

Я вышел на балкон. Ночи стали теплеть; поздней весной они самые романтичные и ароматные. Прохладный ветер приятно обдувал разгоряченную кожу. Я взглянул на свои руки: свежих мозолей после занятий с капитаном заметно прибавилось. На сгибе правой руки красовались три маленьких синяка; странное место для удара. Вероятно, пропустил в пылу битвы с капитаном.

Спать мне больше не хотелось.

Утром, когда Лэсси наряжала меня на приветственный завтрак, устроенный ради новоприбывших гостей, я попросил сделать это напротив зеркала, которого до этого настойчиво избегал.

— Лэсси, достань, пожалуйста, камзол, в котором я приехал, — бросил я девушке, старательно копающейся в шкафу, что недавно по приказу королевы вновь пополнился вещами. — Хочу надеть его.

— Конечно, господин.

Чтобы прошитый золотыми нитями камзол сел точно по фигуре, Лэсси пришлось придумывать, как дополнительно затянуть его; каким-то образом я скинул в весе. Она делала это аккуратно, внимательно следя за моей реакцией; если я вдыхал чуть напряженнее обычного или крепко сжимал губы, девушка испуганно расслабляла хватку и начинала все заново. Завидев кожаные штаны, я измученно выдохнул, представляя, какой жаркий день мне предстоит, но Лэсси тут же успокоила, что это — облегченный вариант, который она выпросила после продемонстрированных мной мучений, на что в ответ получила искреннюю благодарность.

Я наконец взглянул на себя. Фэй брила меня почти каждое утро, и на лице едва успевала появиться небольшая рыжая щетина. Волосы, чуть закрывающие уши, не отрастали; служанка следила и за этим. Учтивая улыбка даже в собственных покоях не сходила с лица, а зеленые глаза смотрели так, будто видят кого-то впервые. Неудивительно.

Это лицо мне незнакомо.

Я сам согласился жить в этой оболочке. Долго готовился, учился, убеждал себя, что это необходимо и это могу сделать лишь я. По какой-то причине боги и совет выбрали меня. Так почему меня должна напугать девчонка, вскружившая голову паре десятков представителей знати? Я — эльф, сын лучшего из друидов, к тому же обладающий недюжинной силой, хоть и не имеющий возможности использовать её прилюдно. Разве я недостаточно силён духом и разумом, чтобы противостоять зазнавшейся принцессе?

Хотелось бы мне ответить отрицательно.

Стражники уже не сопровождали меня по коридорам замка. Прошло идеальное количество времени: я достаточно изучил их, чтобы в самом деле не заблудиться, но, если задумаю зайти куда-то, куда путей знать не должен, я мог легко притвориться, что заплутал в многочисленных поворотах и закутках.

Как и всегда, я пришел на приём одним из первых. Аурелия Ботрайд, уже сидевшая на своём излюбленном месте, вновь завела со мной разговор о Сайлетисе. Эта женщина умудрялась сочетать в себе благородство и строгость, граничащую с жесткостью, и детский восторг от всего нового, что ей встречается в жизни. Симбиоз этих качеств делал её в каком-то смысле очаровательной.

Новоприбывшими гостями оказалась сестра королевы и по совместительству мать Элоди и Эйнсли — госпожа Беатрис — и какие-то купцы, имена которых я даже не пытался запоминать. Беатрис, судя по возрасту детей, должна быть младше Ровены, однако её внешний вид свидетельствовал об ином. Сидящие волосы редки и тонки, кожа покрыта морщинами, а некогда изящная фигура стала угловатой и иссохла. Её движения медленны и как будто ленивы. Женщина подняла на меня уставшие, покрасневшие глаза.

Похоже, ей осталось не больше полугода.

Её болезнь не была заразной, иначе бы король не позволил ей присутствовать на свадьбе, однако вид её заражал усталостью и угнетённостью. Вероятно, именно поэтому она выразила надежду найти жениха для юной Эйнсли на празднестве — хотела устроить жизнь хотя бы одной из дочерей. Хотя бы одну из них отвести под венец.

Над столом нависло молчание, и я понял, что чувствовал себя на удивление легко. Несмотря на беспокойные ночи, моя голова чиста, а в теле чувствовалась сила. Я оглянулся. Окна в столовой слегка поскрипывали под порывами теплого ветра. Волосы Ариадны развивались, открывая её чудные черты. Лежащие под тарелками салфетки поднимались, норовя запрыгнуть в порцию хозяина.

Советник отказался присоединиться к трапезе и занял позицию наблюдателя у входа в столовую. Увлеченный раздаванием приказов капитан врезался в него, едва не повалив с ног; на несколько мгновений они замерли в объятиях друг друга, а затем растерянно разошлись.

Минерва с недовольным лицом рылась в своей порции, будто капризное дитя.

— Тетя Беатрис, мне так нравится ваш наряд, — произнесла она, чем вызвала румянец на щеках посеревшей госпожи. — Он элегантен, но при этом так прост.

— В Драренте мы стараемся не одеваться роскошно, если дело не касается грандиозных празднеств.

— Может и нам поступить так же?

Минерва повернулась к отцу с очевидным вызовом в глазах. Эвеард тут же передумал есть и раздраженно бросил ложку с кашей обратно в тарелку. Недоумевал не только он; все присутствующие знали, что роскошные и, в особенности, провокационные наряды — это то, без чего старшую принцессу невозможно было представить.

— Ну, не совсем не наряжаться, — одумалась она, и некоторые за столом тихонько выдохнули. — Но хотя бы убрать золотые элементы и не злоупотреблять драгоценностями. Перед торжеством, учитывая такое количество гостей, нам не помешает поддержка народа.

А если мы будем чуть больше похожи на них, чем обычно, это может помочь.

Король задумчиво закивал и оглядел свою одежду. Он медленно снял с груди брошь в виде дуба с инкрустированным в него изумрудом, с трудом стянул два кольца с левой руки, и почему-то погладил себя по голове, видимо проверяя, нет ли на нём короны. Рядом с ним уже стояла служанка. Отложив все признаки власти и богатства на предложенный прислугой поднос, он продолжил завтракать, бросив в ответ лишь одну короткую фразу.

— Разумное предложение.

Минерва довольно ухмыльнулась, взглянув на меня с легким прищуром.

Мой камзол.

Мне стало легче, потому что я надел прошитый золотыми нитями камзол. Нити эти слишком дороги и сложны в изготовлении; куда проще сотворить толстые и выдать их за элемент декора, хоть об их свойствах и было известно повсеместно. Она только что заставила всех придворных лишиться драгоценностей, что так милы их жадным сердцам, чтобы снять с меня камзол? Кто-то из нас двоих точно сходил с ума.

Я не расставался с ним до самого конца завтрака, хоть в воздухе и витало безмолвное повеление сделать это.

Теперь у меня не было сомнений — положение слева от короля не было для принцессы случайным. Она знала, как воздействовать на людей, и постепенно шла к тому, чтобы отобрать у них всяческую волю и инакомыслие.

Жители Сайлетиса всегда славились боевым духом и любовью к оружию. Хоть наши с капитаном тренировки и дали понять, что обращению с мечом мне ещё учиться и учиться, желание позаботиться об имевшемся у меня арсенале после долгих недель дороги никого не удивило.

Я направился в кузницу, выждав пару часов после завтрака. Этого времени как раз хватило, чтобы переодеться, отыскать Пепла и справиться о его самочувствии. О нём действительно добротнo заботились — он выглядел даже лучше прежнего, хоть я и не думал, что бывают жеребцы красивее.

Когда я прибыл к месту, откуда стук молота о наковальню разносился по ближайшим улицам, первым, что я увидел, была безумная улыбка широкоплечего подмастерья.

— Не обращайтесь внимания, — махнул рукой кузнец, предварительно вытерев её о свой фартук. — Он страшный, да дурачок совсем. Безобидный. Чем могу помочь вам, сэр?

— Я долгое время не ухаживал за оружием должным образом. — Я положил на стол меч, что выдавал за фамильный. — Прошу вас исправить мою ошибку.

— Ого, сэр... какой... произведение искусства!

— Благодарю, — кивнул я с легкой улыбкой. — Мой дед был бы в восторге от такой похвалы.

— Ваш дед?! — недоверчиво воскликнул он, и я слегка напрягся, что искусственное состаривание не дало должного результата. — Как чудесно он сохранился! Господин, почту за честь поработать с таким мечом и не приму от вас ни грамма золота.

— Если не примете за меч, возьмите за прочее. — Я положил две золотых монеты прямо перед ним. Глаза кузнеца округлились. — Всё остальное я погрузил на коня. Позвольте одолжить вашего подопечного?

— Да, разумеется. Отдайте всё ему, и на следующей неделе можете приходить — всё будет готово.

— Благодарю.

Кузнец что-то буркнул на подмастерье, и тот гулко зашагал в мою сторону. Стараясь не выказывать особого интереса к его персоне, я пошёл к выходу прежде, чем он меня настиг. На полпути к Пеплу мы поравнялись.

Серьезный и эрудированный Киан так мастерски справлялся с ролью слабоумного, что я на миг засомневался в собственном здравомыслии. Здоровяка сложно было спрятать, а потому он решил нарочно остаться на виду, но в роли того, на кого не посмотрят даже в случае острой необходимости.

— Она обладает магией, — шепнул я, смотря в противоположную от громаилы сторону. Для обычного человека звук моего голоса смешался бы с разношерстным шумом толпы. К счастью, Киан не был одним из таких. — Перед ней млеет любой, хочет того или нет. Она умеет внушать... полагаю, что угодно, но предпочитает благоговение и слепую преданность.

Киан молча снимал мешки с оружием с коня. Его движения были неловкими и резкими, как и полагалось согласно образу. Пепел едва заметно ерзал, недовольный прикосновениями незнакомца; даже хорошее отношение конюхов не изгнало его строптивость.

— Она пытается залезть ко мне в голову, но пока у неё выходит лишь вбивать туда непристойные мысли, — продолжал я, глядя Пепла по морде. На мгновение на лице Киана появилась тень улыбки. — Король поддержал её инициативу избавиться от золота в нарядах и частично украшений. Мне больше не надеть свой камзол, а сфера её влияния в скором времени значительно расширится.

— Что-нибудь придумаем, — прогремел мой собеседник, закидывая мешки себе на спину, и тут же направился обратно в кузницу.

Восьмая и девятая войны были описаны в стихах; в те времена поэзия стремительно набирала популярность. Однако слог был настолько сложен и витиеват, что я едва ли понимал, о чём шло повествование. Ударение смещалось в угоду ритму, превращая написанное в чуть ли не новый язык, совершенно мне непонятный. Несмотря на трудности, я продолжал читать, пытаясь вытащить из потока мысли автора хотя бы главные повороты сюжета. Не усвоил ни слова.

Десятая война же заставила меня сосредоточиться с первых слов, как только на странице возникло его название. «Эльфийская песнь». История о том, как Уинфред завоевывал земли Греи.

По какой-то причине эта плодородная земля оказалась никому не принадлежащим полем. В те времена такие земли подвергались неизбежному заселению: предшествующий этим событиям многолетний мир дал людям чувство безопасности, отчего среднее количество наследников в семье значительно возросло. По достижению зрелости родители отправляли детей на поиски новых земель, что можно было бы подмести под свои владения — силой или умом. Так около Аррума появилось скромное войско парня по имени Уинфред, сына знатных родителей и читателя добрых традиций. Поначалу они просто разбили лагерь в тени деревьев Аррума, чтобы понаблюдать за жизнью в незнакомых краях; Уинфред был мудр и аккуратен, у него не стояло цели уничтожать, напротив — он хотел созидать. Когда запасы еды подошли к концу, а командир ещё не желал решительно действовать, войско было вынуждено охотиться в лесу, куда до того заходить не осмеливалось; там Уинфред и встретил эльфийку по имени Таэнья. Он был очарован. Рыжая бестия с небесными глазами дразнила его, постоянно убегая, но что-то неведомое тянуло его к ней, и он не мог

сопротивляться. Таким образом, запутав его в лабиринте лесных дорожек, она отвела его к Маэрэльд, которая, по легенде, позволила парню начать строительство города неподалеку от Аррума. В книге ничего не говорилось о том, было ли произведено какое-либо магическое воздействие. Неудивительно: люди предпочитали ставить себя выше прочих, а оттого не допускали и мысли о том, что ими могли манипулировать так же, как они манипулировали своими сородичами. Среди эльфов же бытовало мнение, что при встрече с будущим королём азаани применила дарованное ей умение — управление энергией, — и очистила его и без того бескорыстную душу от малейших нечистых помыслов.

Таэнья стала спутницей его жизни. Её происхождение было удивительным, редчайшим из возможных — она была дочерью лесной эльфийки и горного эльфа; сведений о рождении таких гибридов ничтожно мало. Всё это Уинфред считал знаком воли Богини, её благословением, и не зря: мир не знал более честного и удачливого короля, чем он. Поразительным образом ему удавалось всё, за что он брался. Ещё более поразительным было то, что он никогда этим не злоупотреблял, направляя силы не на войны за стенами города, а на его расширение и приобретения Греей статуса королевства.

Уинфред и Таэнья никогда не были женаты; им было достаточно того, что их союз одобрен Богиней. Когда эльфийка забеременела, король заблаговременно объявил дитя наследником престола, в независимости от его пола. Объявление дошло до Армазеля.

Аирати был взбешен. Он отправил в Грею посланников, что сообщили Уинфреду об увиденном королем эльфов много веков назад пророчестве. Дитя человека и горного эльфа родится на этих землях лишь с одной единственной целью — уничтожить их. Их, и все земли, что ему когда-либо удастся увидеть и возжелать.

Предложение аирати было бескомпромиссным — оборвать жизнь ребенка ещё в утробе. В случае отказа — вместе с матерью.

Уинфреду хватило ума не убить посланников, хоть он и страстно того желал; он отправил их обратно в Армазель с категорическим отказом и пояснением: Таэнья — наполовину лесная эльфийка. Аирати это не устроило.

Горные эльфы, давно не питающие к людям теплых чувств, беспрекословно последовали приказу своего короля и собрали войско для нападения. Осада Греи длилась вплоть до рождения ребенка; скромная гвардия Уинфреда каким-то чудом всё эти месяцы умудрялась не пускать эльфов в город. Когда ребенок наконец родился, Уинфред договорился о примирительной встрече с аирати, на которой пообещал дать тому собственноручно умертвить дитя. Встретившись у ворот в город, глава эльфов убедился, что дитя является человеческим; из-за недостаточной доли горной или лесной крови он не родился полукровкой. Поняв, что младенец не представляет опасности, аирати отступил.

Приостановленное на время войны строительство города возобновилось. Поклявшись никогда не вступать в войны, Уинфред замуровал свой знаменитый меч где-то в стенах ещё недостроенного замка, чтобы более его не касаться. Об этом в первый день прибытия мне рассказывал Бентон, начальник постовой стражи.

Таэнью и ребенка отравили спустя два года. Виновник найден не был.

Сладкий весенний воздух окутал пространство. Этот запах пробирался к тебе, где бы ты ни был: в садах, в городе, в конюшне, в покоях. Вот и я, покинув обитель пыли и тьмы и попав в коридор, тут же вошёл в облако дурмана.

Я понимал, почему тело друида чахло в стенах замка, оживая лишь за его пределами.

Долгое нахождение в окружении каменных глыб создавало впечатление клетки, в которую самовольно зашел, хоть и свободен в передвижениях. Стены давили на душу и тело, столь привыкшие к свежему воздуху и простору, к солнечному свету и мягкой траве. Становилось нечем дышать.

Но сейчас, поздней весной, полной цветущих цветов и деревьев, я был счастлив даже в окружении серых стен.

— Териат! — послышался голос справа, и я тут же обернулся. Кидо в сопровождении дюжины своих лучших гвардейцев неорганизованной толпой направлялись к выходу из замка. — Мы решили провести вечер в “Трех ивах”. Не желаешь присоединиться?

— Почту за честь, — воодушевился я. Мой ответ был слишком формален для столь неформального приглашения, но капитан никак на это не отреагировал. — Полагаю, мне стоит переодеться?

Я осмотрел себя; легкая темно-серая рубашка и узкие черные брюки вряд ли подходили для похода в питейное заведение. Никто из гвардейцев, несмотря на свободный вечер в компании друзей, не снял облегченных доспехов.

— Нет, госпожа, вы выглядите превосходно.

Все подопечные разразились хохотом над шуткой капитана, и я, тщетно попытавшись сдержаться, поступил так же. Его непосредственность и простота были, вероятно, не самой хорошей чертой для того, кто должен был относиться с подозрением ко всем, кого встречал в замке. Его работой была охрана королевской семьи, и он замечательно с ней справлялся; однако это совсем не вязалось с его характером. Мог ли этот человек при необходимости делаться властным и жестким, быстро реагировать, рубить головы во имя короля? Я едва ли мог вообразить его таким.

Дорога до таверны наполнилась песнями и анекдотами. Гвардейцам редко удавалось отдохнуть: их количество ограничено, ведь для этой службы выбирались лучшие из лучших, но когда выдавалась возможность — об их пире знали все в округе. Люди на улицах расступались, с уважением освобождая дорогу стражам порядка, и те в ответ обязательно рассыпались в благодарностях.

Самый большой стол в углу таверны, вероятно, по договоренности с хозяином, терпеливо пустовал, ожидая нашего прибытия. Я бывал в этой таверне множество раз, некоторые из которых были задолго до рождения даже самых взрослых из моих спутников, однако, зайдя, удивленно, но одобрительно отозвался об убранстве заведения. Гвардейцы махнули на меня рукой, непрозрачно намекая, что я ничего не понимаю в подобных заведениях.

— Капитан сегодня угощает! — довольно захохотал юный гвардеец, усаживаясь на свой стул.

— И как же он перед вами провинился? — поинтересовался я. — Спихнул вину за непереданный приказ или проиграл кому-то в спарринге?

— Проиграл спор.

— Стоило мне отойти на пять секунд, как ты уже рассказываешь всем подряд о моих неудачах, — прогремел голос Кидо, вернувшегося от барной стойки. — Нужно подумать о том, чтобы урезать тебе жалование.

— Не делай вид, что имеешь право им распоряжаться, — деловито буркнул Аштон.

Сегодня он выглядел куда менее напряженным, чем тем утром в тренировочном зале. Его лицо раскраснелось сразу же, как мы вошли; возможно, из-за духоты, возможно, из-за

расслабления, что он испытывал в нерабочей обстановке, но теперь он стал обычным дружелюбным мужчиной в компании добрых друзей. Я заметил, что среди присутствующих гвардейцев он самый старший — особенно на контрасте с сидящим рядом с ним парнишкой, — но вне замка этого совершенно не ощущается.

Самого юного из них звали Марли. Он неловко хихикал, если его взгляд останавливался на одной из официанток или зашедших в таверну девушках, и его бледная кожа покрывалась не просто румянцем — он становился пунцовым, будто вот-вот взорвётся. Товарищи неустанно подкалывали его за это. Когда нам принесли заказ, официантка с глубоким декольте наклонилась к столу прямо рядом с Марли, и бедняга едва не залез под стол от смущения.

Местный фирменный эль, расплескавшись по столу, ударил в нос запахом кардамона. Жаренные перепела, свиные ребра, картошка, соленья... капитан подарил нам стол не хуже тех, что накрывают в королевской столовой.

— Тост! — Кидо крикнул так, что вдобавок к нашему столу замолчала ещё половина таверны. — Пусть спор я и проиграл, но плачу свои долги. Так пусть каждый из нас никогда не проигрывает, а если так случается, то принимает поражение с достоинством!

Гвардейцы одобрительно засвистели, поддерживая своего капитана, и мы гулко стукнулись кружками, вновь беспощадно разливая эль на стол. Я сделал два больших глотка и опустил кружку; Кидо выпил огромную пинту залпом, после чего громко отрыгнул. Его товарищи засмеялись, и он карикатурно откланялся проходящей мимо даме в знак извинения.

— Так о чём был спор? — спросил я капитана, выждав, пока тот заест эль огромным куском копченых рёбер.

— Он был о тебе, — пожал он плечами.

— Обо мне?

— Видишь ли, все приезжающие в замок мужчины так или иначе до безумия влюбляются в принцессу... — ответил он, и я в своё оправдание придумал лишь что был влюблен еще до прибытия. — В принцессу Минерву. И мы поспорили, что к концу первой недели ты уже будешь валяться у её юбки, умоляя об ответных чувствах. Я спорил так уже много раз, и до этого момента всегда выигрывал.

В любом случае, она пыталась, чтобы так и случилось.

— Но парни сразу поняли, что с тобой это не пройдёт, — Кидо указал на своих подчинённых. — Что-то в тебе есть, говорили они. Ты не выглядишь таким глупцом, как остальные.

— Что ж, мне лестно знать, что я произвожу такое впечатление, — поднял кружку я, благодаря гвардейцев; они ответили тем же жестом. — Но почему ты так акцентируешь на этом внимание? Может, тебе самому нравится принцесса?

Кидо поперхнулся, и рука его дрогнула, выливая половину вновь наполненной пинты на рубашку. Гвардейцы засмеялись так громко, что, казалось, затряслись стены. Я не понимал, чем вызвал такую реакцию, и потому старательно оглядывал зал таверны. Откашлявшись и утерев слезы, капитан хлопнул меня по плечу.

— А ты часто проявляешь романтический интерес к сестрам?

— К сестрам?

— Я — внебрачный сын короля, — пояснил он без тени самодовольства или гордыни. — Думал, ты знаешь.

Его сходство с Ариадной, отмеченное мною при первой встрече, и её теплый взгляд на проявления дружбы, что мы демонстрируем на королевских приемах, теперь обрели смысл. Словно маленькие кусочки картины, вырванные и потерянные, но теперь возвращенные на место, они объяснили мне многое, в том числе назначение молодого добродушного парня на столь серьезную и высокую должность.

— Нет, не знал, — чуть виновато улыбнулся я. — В таком случае, приношу извинения за nepотребство, в котором я тебя заподозрил.

Я не понимал, как такая важная информация могла утаиться от народа, от Маэрэльд, Финдира, Киана и прочих. Либо Кидо посчитал меня тем, кому он может доверять, либо об этом знали все в Грее, и я предстал перед капитаном гвардии полным идиотом.

— Расслабься, Териат. Я не принц, тебе нет нужды угождать.

— Но почему нет?

— Я был рождён вне брака.

— Насколько мне известно, Минерва — тоже.

— Тут несколько иная ситуация... — Кидо почесал затылок и отставил эль, чтобы удобно расположить локоть на столе и сделать его подпоркой для лица. За то короткое время, что мы были в таверне, он на радостях осушал уже третью пинту, и теперь они, наконец, дошли до его головы. Вероятно, это стало одной из причин его откровенности. — Моя мать родом из Куориана, а дед — купец. Однажды они приехали в Грею с товаром, и... мать и король сдружились. Больше, чем кто-то мог подумать, но они были ещё слишком юны, даже не знаю, лет по пятнадцать или около того.

— Разве твой дед, как оскорбленный отец, не стал требовать, чтобы Эвеард и твоя мать поженились?

— Он не знал, пока они не вернулись в Куориан. Мать никому не сказала. Её... положение становилось заметным, и дед быстро устроил ей свадьбу с одним из своих придворных. Не представляю, знал ли он, что я не его сын, но растил меня, как родного.

— А когда ты узнал?

— Когда родители погибли в страшном шторме, не доплыв до Куориана всего полдня. Утром обломки их корабля принесло на берег, где я ждал их с самого рассвета. Тем же вечером дед всё мне рассказал.

— Выходит, после этого ты приехал в Грею. И король так просто поверил тебе?

— Он не стал сразу со мной говорить; сначала отправил ко мне друида. Айред расспрашивал меня, но, как мне кажется, не слушал; он смотрел куда-то глубже. А когда я удостоился аудиенции, король... По правде говоря, он даже не сразу вспомнил имя моей матери, — горько усмехнулся он. — Сначала я смертельно обиделся, но позже понял, что прошло много лет, а их знакомство длилось не больше месяца. Кто знает, сколько таких девушек может быть в жизни мужчины. Пообщавшись, он согласился, что возможность нашего родства существовала, но все равно опасался, что это было уловкой. Он не винил в этом меня. Думал, что юнца мог одурачить предприимчивый дед.

— Но как вы доказали родство? Ваше внешнее сходство очевидно, но если сомнения велики...

— Айред два месяца ездил по миру и нашёл колдуна, который владел какой-то специальной магией, благодаря которой можно узнать о человеке всё, имея одну единственную каплю его крови, — говорил Кидо с нескрываемой благодарностью. Я совершенно точно помнил эти два месяца: отец исчез, ни слова не сказав о цели своей

поездки и о том, как долго планировал отсутствовать. По возвращению он так же молчал, ссылаясь на невозможность разглашать подробности. Мать это страшно разозлило, и она не говорила с ним, кажется, еще несколько последующих недель. Пустяк в жизни эльфа, но для провинившегося мужа, живущего в разы меньше жены, — вечность. — Он привёз его, и тот сообщил королю, что я совершенно точно являюсь его прямым потомком.

— Но почему ты не стал принцем? Иметь наследника мужского пола — мечта любого короля. Разве он не захотел иметь наследного принца?

— Я сам не захотел им быть.

Я моргнул трижды, чтобы увидеть капитана чуть яснее. Мне казалось, что дым от курящих сомнительный табак пьяниц застлал мне глаза, и я не видел, как Кидо язвительно ухмыляется. Но нет — он оказался совершенно серьезен. Я заметил, что гвардейцы слушали рассказ капитана так же внимательно, как и я; либо он впервые рассказывал эту историю так подробно, либо я был первым, кто не побоялся задать все интересующие слушателей вопросы.

— Ты — самый странный человек из всех, что мне доводилось знать.

Кидо искренне засмеялся. Эта оценка наверняка польстила ему, но я не считал, что он принял столь важное решение, преследуя цель выделиться на фоне прочих внебрачных детей короля; я был почти уверен, что у него их имелось множество. Не все из них выживали, не все решались заявить о родстве, но бурная молодость Эвеарда долгое время была плодородной почвой для доходивших до Аррума слухов.

— Я знал, что настоящим принцем уже никогда не стану. Меня воспитывали в высших кругах общества, но, пойми, это не было королевским двором. И, как бы странно это ни звучало, я не хочу править целой страной. Возможно, из всех людей, что тебе доводилось знать, я выделяюсь лишь тем, что честно могу признаться себе: мне это не по плечу. Я с этими-то головорезами не всегда справляюсь.

Гвардейцы отозвались на слова капитана поднятием пинт с элем, и мы ответили тем же.

— И как ты сообщил об этом королю?

— Сказал, что не претендую на наследование трона. К тому же, тем утром я видел, как в садах играют принцессы. Такие юные, милые, но при этом волевые и умные... я понял, что не мог отобрать это у них. Они рождены для этого, а я — нет. Я попросил короля обучить меня и дать место в королевской гвардии, и он ответил, что счастлив иметь сына с таким чистым от гордыни сердцем.

— Не говорил он такого, — поддразнил каптана Аштон. — Сам не похвалишь — никто не похвалит.

— Ну, смысл был в этом, — пожал плечами Кидо, и я заметил характерный для пьяного человека блеск в глазах. — В общем, я стал капитаном только год назад, когда умер предыдущий. До этого был его правой рукой.

— Сэру Кинкардину было столько лет, что, когда Кидо появился при дворе, тот уже едва передвигался по замку в одиночку, — пренебрежительно добавил Аштон. — Считай, он был обеими его руками и ногами. Но старик был умный!

— Это точно, — согласился капитан. — Всегда можно найти достойного соперника для меча, но не всегда — для ума.

Кидо приятно удивлял меня с каждой встречей. Я зря так поверхностно судил о его способностях и разуме; этот юноша был куда глубже, чем я и многие другие могут представить.

К тому же, судя по всему, я недооценил количество душ, затронутых моим отцом. Я всегда старался откреститься от нашего сходства, не видя в себе способностей, что все так ценили в нём; мечтал не повторить его судьбы, не метить в герои, не вершить судьбы. И вот он я: притворяюсь тем, кем никогда не являлся, чтобы спасти людей, что никогда не знал, ради мира, в котором прежде не был. Ради мира, в котором живёт лисица.

Помимо шокирующей истории Кидо тем вечером прозвучала ещё дюжина прочих, некоторые из которых были моими. Большая часть в них даже была правдой; я менял лишь места, имена и статусы, для красочности добавляя несущественных деталей, в чём мне заметно помогали опыт чтения и эль. Много эля. Кружки сменяли друг друга так быстро, что я едва успевал замечать делающих это официанток. Если я и видел их лица, то лишь когда они игриво верещали, напуганные приставаниями моих спутников; к концу вечера одна из таких девушек и вовсе поселилась на коленях у капитана.

Кудрявая русоволосая хохотушка не затихала ни на секунду, не давая переключить на что-то другое моё ослабшее внимание. Руки Кидо блуждали по пышным формам, вырывающимся из-под грязного рабочего платья, хотя создавалось впечатление, что этого не замечает даже он сам.

— Что-то ты засмотрелся на Скайлу, — ударил он меня кулаком в плечо. От резкого движения головы в глазах поплыло. — Хочешь, отдам её тебе сегодня?

— Нет, что ты, не стоит.

— Чем я тебе не угодила, господин? — захихикала Скайла, наклоняясь к моему лицу. — Не отказывайся, пока не попробовал.

— Давай, Териат! Прими мой дружеский подарок!

Кидо подтолкнул девушку, чтобы та встала с его колен, и звучно шлепнул её по заду. Она ответила привычным смехом, уже беспрестанно звучащим в моих ушах, и упала на колени ко мне.

— Я не в состоянии ублажать женщину, — оправдывался я.

— Так тебе и не нужно — я буду ублажать тебя.

Девушка опустила лицо к моей шее и стала покрывать её поцелуями. Я не мог сосредоточить взгляда, а от вида плавающего зала таверны к горлу подступала тошнота. Плотно зажмурившись, я с трудом нашёл в себе силы, чтобы поднять руки и отстранить Скайлу; обиженно надув губы, она встала и скрестила руки на груди.

— Иди ко мне, девочка, — Кидо вновь принял её в свои объятия. — Ребята, кажется, кое-кому пора возвращаться в замок. Проследите, чтобы он не упал где-нибудь в коридоре, три шага не дойдя до постели?

Я не услышал, что ответили гвардейцы, и не увидел, что дальше делал их капитан. Я лишь почувствовал, как чьи-то сильные руки схватили меня за подмышки и заставили встать на ноги, на которых я едва держался. Подхватив с двух сторон, парни чуть не несли меня к выходу из таверны.

— Соберись с силами, евнух, — буркнул недовольный Ашгон. — И только попробуй опоздать на утреннюю тренировку.

И я на неё не опоздал. Ведь как можно опоздать туда, куда не пошёл вовсе, верно?

Минерва вновь снилась мне всю ночь, но характер снов разительно изменился. Я больше не чувствовал вожделения, и должен был бы радоваться этому, однако... я чувствовал нечто иное. Каждый раз, когда в забвении мне встречался ее лик или мысль о нем возникала

в голове, меня переполнял восторг. Детский, бескомпромиссный восторг, с которым я ничего не мог поделать.

В одном из снов я жил в Арруме, будто бы никогда и не притворявшись странствующим рыцарем, но её образ всё равно преследовал меня повсюду; в каждом отражении вместо своего я видел её лицо. Однажды, умываясь в пруду, я поймал взгляд сапфировых глаз. Он смотрел из глубин, молча, но властно, не позволяя уйти. Я не отрывал взгляда три дня и две ночи, пока совсем не обессилил. Лицо в отражении вдруг пошевелилось: приблизилось ко мне, чуть вытянув губы вперёд. Воодушевлённый мыслью быть поцелованным предметом моих мечтаний, я потянулся к ней в ответ.

И проснулся, отчаянно пытаюсь откашлять воду, якобы скопившуюся в моих легких.

Тяжкий груз давил на плечи, не давая вздохнуть. Минерва могла забивать мне голову подобными глупостями сколько угодно, но эльфийская кровь в моих венах не позволит ей взять верх над сознанием. Если проявить упорство и сопротивляться достаточно сильно, она не сможет мной управлять. Да, я всё равно испытывал внушенные ею чувства — это магия совсем иного характера, — и не смог бы подавить их, если бы не знал силу искренней любви, что не сравнится ни с каким волшебством.

Завтракать я отказался и прогнал Фэй из покоев. Долго ходил туда-сюда по комнате, бормоча что-то под нос, но это ни капли не помогало отвлечься. Тяжесть в груди и голове могла также быть последствием вечера в компании с гвардейцами, однако примешанные к остаткам алкоголя вина и стыд лишь усугубляли ситуацию.

Практически не открывая сонных глаз, по наизусть знакомому маршруту я добрался до библиотеки. Впервые мне хотелось зарыться в книгу не из-за интереса к её содержанию, а из-за отсутствия желания видеть всё находящееся за пределами пыльных страниц. К тому же, до конца книги осталось всего две войны.

Вытащив сборник с полки, где нарочно оставлял его перевернутым вверх ногами, чтобы не потерять среди десятков похожих обложек, я услышал смех. Звонкий, но низкий, эхом раздающийся по залам; казалось, это место впервые встретило такой громкий звук.

Ариадна и Минерва находились через два стеллажа от меня. Пока я медленно обходил разделяющие нас полки, сёстры общались, совершенно не подозревая о том, что в библиотеке может находиться кто-то помимо них.

— У меня уже голова идёт кругом, а ведь не приехало и десятой части родственников, — жаловалась Ариадна, шумно доставая книги и возвращая неподходящие на место. — Если мы не разберёмся, кто из них кто, обязательно попадём в неловкую ситуацию.

— Я бывала там уже дважды, — колко ответила Минерва. Судя по звукам, тщательно отобранные книги находились в её руках, и стопка постоянно пополнялась. — Ничего страшного, если после этого виновато улыбнуться.

— Ничего страшного, если в их руках не находится судьба твоей свадьбы.

— Выглядит тяжело... позвольте мне взять их?

Я появился за спиной Минервы, пока её младшая сестра отвернулась за очередной книгой. Обе они синхронно вздрогнули от звука моего голоса, Ариадна — ещё раз, когда встретила со мной глазами. Взгляд Минервы же, напротив, стал хитрым и высокомерным, будто она знала чуть больше, чем следовало бы. Она молча передала мне книги и принялась помогать сестре с выбором необходимых экземпляров.

— Ищете что-то конкретное?

— Всё, что сможет объяснить мне, как наша семья смогла разрастись до такого размера и расположиться сразу в четырех странах, — недовольно бросила Ариадна. — Как бы замок не взорвался от такого количества напыщенных задниц.

— Не переживай, в темницах полно места, — безучастно ответила Минерва, и я не сдержал сдавленного смешка. — К тому же, многие едут семьями, а их можно селить в одну комнату.

— Пожалуй, всё.

Лисица отряхнула руки от пыли и громко чихнула. Присев в лёгком реверансе в качестве извинения, она указала на стол, куда надлежало сложить все книги и, с грохотом упав в кресло, громко выдохнула.

— Ну что ж, приступим.

— Если вам нужна помощь, я к вашим услугам, — вмешался я, когда сестры стали спешно листать страницы в поисках нужных имён.

— Вы уверены, что у вас есть на это время?

— Всё время мира.

Минерва едва слышно хмыкнула.

— Тогда вот эта стопка — ваша, — Ариадна с улыбкой указала на стол. — Всё просто: нужно искать всех ныне живущих людей из династий Каstellо, Эскилинос, Долабелл и, разумеется, Уондермир.

Я тихо поднёс стул и поставил его к столу так, что вновь оказался за спинами принцесс. Поиск оказался действительно простым: члены семьи достаточно молодые, чтобы быть живыми, всегда находились на последних страницах, потому большую часть книги можно было смело пролистывать. Однако некоторые из книг были стары: сведения о древних родах начинали записывать сразу же, как первый их представитель становился знатен, а потому страницы изданий иссохли и надламывались от грубых прикосновений. Приходилось осторожничать, отчего просмотр отдельных экземпляров затягивался надолго; затягивался, но лишь для нас с Ариадной. Минерва проворно пробиралась через хрупкий пергамент прямо к нужным ей сведениям и тут же выписывала их в свой лист, прорисовывая импровизированное семейное древо. Я пригляделся: мне казалось, что она совсем не касалась страниц. Они будто переворачивались сами, ловко подхваченные порывом одним им заметного ветра.

— Получается? — повернулась принцесса, словно почувствовав мой внимательный взгляд.

— Не так хорошо, как у вас.

— Будет лучше, если будете смотреть в книгу.

Я встряхнул головой, отгоняя мысли, и с новой волной усердия уткнулся в родословные никогда прежде незнакомых мне семей. Мы просидели до позднего вечера, пока не разобрали все книги до единой. Список возможных гостей королевских кровей получился внушительным: три листа с именами и сложными переплетениями родственных связей, разбирательству в которых придётся уделить не один вечер.

— Мы обещали перед ужином зайти к отцу, — вставая, сказала Минерва. Она прошлась рукой по юбке, стряхивая пыль, и её лицо окрасилось гримасой брезгливости. — Ты идёшь?

— Скажи ему, что я скоро буду, Мина, — захлопнула последнюю книгу Ариадна. — Сэр Териат поможет мне вернуть книги на место, и я тебя догоню.

Старшая принцесса в ответ лишь пожала худыми плечами и тут же покинула темный зал

библиотеки с таким рвением, будто нахождение в нём ей стоило небывалых усилий. Я наконец вздохнул полной грудью; Ариадна поймала себя на том же.

Я распределил книги на четыре стопки. Лисица потянулась к одной из них, но тут же поймала мой напряжённый взгляд.

— Что?

— Не стоит носить тяжести, Ваше Высочество, — попросил я. — Я разберусь с этим.

— Нет, я разберусь с этим, — ответила она раздражённо. — Не нужно обращаться со мной, как с принцессой.

— Но это то, кем вы являетесь.

— Замолчишь сам или мне тебя заставить?

Ее раздражение тут же сменилось смущением: я почувствовал, как мои щёки тоже покрылись румянцем. Неуправляемое, глупое, но такое захватывающее чувство. Я кивнул. Ариадна ловко подхватила стопку книг и уже через секунду стояла у стеллажа, раскладывая их в алфавитном порядке; оставив её занятой раскладкой, я всё же успел перетаскать все книги сам.

— Между третьей и четвертой книгой слева, кажется, что-то застряло, — обернулась она, уже направляясь к выходу. — Разберёшься с этим?

— Разберусь, — ответил я шёпотом, наблюдая, как подол её платья скрывается за тяжелыми дверьми.

Между книг действительно торчал кусок листа; одного из тех, на которых записывали имена гостей. Я подумал, что она нарочно оставила их там, чтобы найти повод вернуться, но всё равно решил прочесть. Дрожащей рукой, будто бы детским почерком, там были выведены эльфийские письма.

«Смотря на полотно ночного неба, я вижу твоё лицо, вышитое лунными нитями. Я же говорила: ты им нравишься».

Всю ночь я не спал, но энергия выплескивалась за края. Несколько часов я разглядывал звёздное небо: плотные облака упорно скрывали от меня его свет, но мачеха звёзд Луна старательно прогоняла их своим свечением. Не в силах совладать с бьющимся сердцем, я решил усмирить его физической нагрузкой, и выбор пал на пробежку. Через минуту после того, как я покинул замок, на Грею обрушился сильнейший дождь. Я остановился, полностью отдавшись моменту: холодная вода успокаивала жар внутри, а магия в груди счастливо трепетала от звуков грозы. Я промок насквозь, волосы неприятно липли к лицу, а ботинки издавали хлюпающие звуки при каждом шаге, но чувство свободы и близости к природе вдохновляло меня, наполняя ещё большей энергией и желанием жить.

Войдя в свои покои, я застал там встревоженных служанок. Лэсси кинулась ко мне с покрасневшим от злости лицом и принялась снимать мокрую одежду, хотя сначала мне показалось, будто она спешит отвесить мне пощёчину.

— Господин, вы сошли с ума! — причитала девушка, выжимая рубашку над ванной. — Вы обязательно сляжете с лихорадкой, если ещё раз позволите себе такую дурость!

— Лэсси, не стоит так беспокоиться, — тепло ответил я, приятно удивлённый её совершенно искренней, бескорыстной заботой, хоть и поданной под видом раздражения. — Я не такой хрупкий, как тебе могло показаться.

— До поры до времени!

Фэй торопливо обтирала меня сухим полотенцем, но, дойдя до поясницы, заметно замедлилась, а потом и вовсе замерла. Я напрягся; из них двоих Фэй была более тактичной и тихой, а значит, она увидела что-то, о чём хотела задать вопрос, но никак не могла решиться.

— Фэй?

— Господин, вы... точно в порядке?

Я постарался изогнуться так, чтобы рассмотреть то, что так удивило служанку, но моей гибкости оказалось недостаточно. Фэй тут же схватила с комода переносное зеркало и поднесла так, чтобы я мог рассмотреть свою спину: она оказалась покрыта шрамами, как и прежде, но в области поясницы расцвели соцветия синяков, свежих и настолько темных, что почти превращали кожу в сгусток тьмы. Удивительно, что я не ощущал и тени боли.

— Я много тренируюсь с капитаном Фалхолтом, — пояснил я скорее сам себе, нежели служанкам. — И много ему проигрываю. Рабочий момент.

— Вам нужно показаться лекару, — упорствовала Фэй. — Они выглядят... нездорово.

Закончив со сборами, я тут же отправился на тренировку. Во мне было куда больше сил, чем обычно, а это значило, что я приложу все усилия, даже если мне придется упасть еще тысячу раз и превратить свою спину в кровавое месиво.

Гвардейцы встретили меня приветственными криками; за всю прошлую неделю, помимо капитана, я перекинулся парой слов лишь с молчаливым и серьезным Аштоном, потому поход в таверну оказался хорошей возможностью разом завести множество приятных знакомств. Кидо задерживался на срочном собрании у короля, потому моим первым спарринг-партнером вызвался быть юный Марли. Несмотря на то, что при одинаковом росте он был заметно худее меня, его силе и проворности с тяжелым — хоть и тренировочным — двуручным мечом оставалось лишь позавидовать. Он не уложил меня на песок, как это обычно происходило с капитаном, но заметно измотал, заставив так мечтать о глотке

холодной воды, будто это было единственным способом выжить.

Аштон снисходительно смотрел на двух, по его мнению, никудышных воинов, сложив руки на груди. Каждый раз, когда я неверно ставил руку, отражая атаку, или оставлял открытыми места, удар в которые в реальной битве стоил бы мне жизни, он шумно выдыхал, плотно сжав губы. Опыт воина был ценен, а потому его поведение не обижало и не расстраивало, напротив — оно подталкивало к прогрессу. Внимательно наблюдая за ним во время боя, я выяснил свои самые слабые места — те действия, завидя которые он оскорбленно фыркал, как конь Ариадны, — и в следующие разы старался поступать иначе.

Как только Марли поднял руку, сигнализируя о необходимости перерыва или смене партнера, слышались громкие аплодисменты. Все, как по команде, настороженно обернулись на звук.

Ариадна улыбалась, довольная своим представлением, но несколько смущённая, что привлекла так много внимания: резко обернувшись в пылу битвы мужчины едва ли располагали дружелюбным выражением лица. Разглядев в источнике звука принцессу, одетую теперь не в платье, а в обтягивающие штаны и свободную рубашку с коротким рукавом, кто-то из гвардейцев тут же преклонил колена, а кто-то встал ровно и почтительно склонил голову. Из-за спины лисицы вышел её припозднившийся брат.

— Чего уставились, громилы? — взревел капитан, и по опустевшему от звуков залу его голос прокатился, как утренний гром. — Работаем!

В ответ ему прозвучал оглушительный хохот. Даже Аштон, прежде позволявший себе лишь самую скромную из улыбок, не сдержал эмоций; он смеялся так, что не успевал дышать, отчего вена на его лбу вздулась, а лицо покрылось багровыми пятнами. Причиной всеобщего веселья оказался обновленный образ капитана Фалхолта: пренебрегавший в последние дни бритьем, он обзавелся небольшой бородкой, которую затем сбрил, оставив тонкие, чуть заворачивающиеся на краях усы. Поначалу Кидо присоединился к всеобщему веселью, но, поняв, что объектом безмолвной шутки являлся он сам, растерялся. Не удостоив подчиненных боле ни единым словом, он махнул рукой, напоминая о произнесенном минуту назад приказе. Следующим утром он избавился от усов.

Мечи вновь скрестились, заполняя тренировочный зал оглушающим звоном. Кидо пропустил сестру вперёд, галантно подав ей руку; Ариадна в ответ лишь язвительно ухмыльнулась, направившись к стойке с оружием. Капитан закатил глаза и выдохнул, но не стал противиться; принцесса говорила мне, что тоже иногда тренируется с гвардейцами, и мнение её заботливого братца по этому поводу, судя по всему, не слишком её волновало.

— Кого из моих ребят заставишь попотеть сегодня? — спросил Кидо. — Удивляюсь, как их сердца не останавливаются, когда им приходится заносить меч над принцессой.

— Раз они так боятся, возьму кого-то не из твоих ребят, — пожала плечами Ариадна. — Териат, как смотрите на небольшой поединок?

Я с трудом сдержал улыбку и слегка поклонился в знак принятия вызова. Я знал, какова лисица в бою — быстрая, хитрая и азартная, тонко чувствующая опасность и замыслы противника, — потому и прозвал её лисицей. Предвкушение блестело в её глазах, сейчас казавшихся металлическими, и заставляло подпрыгивать на месте от возбуждения.

Ариадна начала поединок с намерения измотать меня, потому без конца прыгала и кружила, толком не нанося удары. Она знала, что я вырос в лесу, что я не знал езды верхом и что ноги — средство передвижения, никогда меня не подводившее; как знала и то, что я не мог работать в полную силу. Я упорно делал вид, что она вскружила мне голову, и

демонстрировал признаки плохой координации. Закончив это представление, она, наконец, принялась работать мечом; в этом я действительно не был ей ровней. Поразительно, как сильны были её руки; прежде я не видел её в одежде с коротким рукавом, а потому не помнил, что мышцы её рук так развиты. В тот же миг я заметил, что, исхудав в поездке на остров, в родных краях принцесса вновь набрала вес, завораживая округлыми формами; болезненно торчащие кости ключиц, впавшие щёки и серая кожа сменились здоровым румянцем и плавными линиями. Её тело дышало силой, которую нельзя было однозначно идентифицировать как женскую или мужскую: присущие ей напор и наглость позволяли брать необходимое силой, но очарование её улыбки и пышных ресниц сражало любого и без меча.

Удары становились всё более сильными и замысловатыми. Лисица била туда, где я и не думал защищаться, ожидая встретить её меч в совершенно другом месте. Каждый раз, принимая такие ходы от принцессы, краем глаза я видел капитана, явно переживающего за исход боя, и переживания эти касались вовсе не его высокородной сестры; он щурился и сдвигал брови, шумно втягивая воздух, но расслабленно выдыхал, если я уходил из-под летящего на меня меча. В очередной раз пытаюсь не предугадывать действия Ариадны, а полагаться на реакцию смотрящих со стороны, я выполнил, как мне казалось, хитрый маневр, который должен был помочь мне вынырнуть из-под руки принцессы и оказаться за её спиной, но она оказалась хитрее, и мгновение спустя я уже грел песок спиной.

Лисица наклонилась ко мне, подавая руку, чтобы помочь встать. В какой-то момент наши лица оказались очень близко; я глубоко вдохнул, вбирая в лёгкие её запах, дарящий мне невероятное спокойствие души. Толпа аплодировала принцессе; не знаю, честно радуясь или пародируя её появление в зале, но одни руки хлопали усерднее остальных. Мы не торопились оборачиваться. Медленно пожав друг другу руки, благодаря за достойный — правда, только со стороны принцессы, — бой, мы ещё на несколько мгновений задержали взгляд друг на друге. Её глаза сияли.

Я готов с позором проигрывать до конца жизни, чтобы видеть, как блещут её глаза.

— Это невероятно! — послышался голос, который я узнал не сразу. Восторг в глазах Ариадны мгновенно пропал, а улыбка сошла с лица, будто её никогда там и не было. — Если бы до приезда в Грею мне сказали, что моя невеста будет владеть мечом не хуже королевских гвардейцев, я бы поставил кучу денег на то, что такого быть не может.

— Жаль, что не поставил, — пожал плечами принцесса. — Кидо, ты же любишь пари. Тебе стоило заключить и это.

— Сделанного не воротишь, — ответил он слегка растерянно, не ожидавший перемены настроения девушки.

Хант не обращал внимания на язвительность Ариадны; он направился к ней, протягивая руку, но девушка резко развернулась и отправилась к стойке с оружием, чтобы вернуть меч на место. Принц будто бы не заметил её жеста.

— Териат, позвольте однажды присоединиться к вашим тренировкам? — складывая руки в районе живота, спросил он с добродушной улыбкой на лице, но и с напряжением в каждом мускуле. — Было бы интересно узнать, каким воином на фоне принцессы окажусь я.

— Буду рад, — равнодушно бросил я, изо всех сил стараясь изобразить почтение.

Ариадна молча покинула зал, но её походка говорила сама за себя: раздраженная и оскорбленная его присутствием, она вылетела за дверь, словно среди гвардейцев был охотящийся за ней убийца. Хант, перед тем как последовать за ней, галантно кивнул мне и

гвардейцам; мы с Кидо переглянулись с непередаваемой гаммой эмоций на лицах.

Желания завтракать не было, и я сразу отправился в библиотеку. Дождь всё ещё барабанил по крышам, создавая уникальную мелодию, успокаивающую и убаюкивающую: как раз то, что нужно для чтения.

Последние две войны были описаны коротко и сухо.

Одиннадцатая была обусловлена желанием жителей юго-восточного острова Шааро переехать на большую землю. Их остров часто затапливает, стоит морю чуть взволноваться, однако при этом вся его поверхность чудовищно иссушена; острову будто мало, что он покрыт водой со всех сторон, и он постоянно требует больше. Жить там сложно, так как в такой почве ничего не растёт, и питаться приходится лишь дарами моря, которые часто кишат паразитами — иначе говоря, причин покинуть остров у его жителей предостаточно. Древесины на Шааро почти нет, потому нет и кораблей, а плоты их были лишь жалким подобием плавательного средства; чудо, что они вообще доплыли до Амаунета через Песчаный океан. Некоторые плоты разбились о скалистую часть береговой линии, но пассажиры других сумели поджечь портовый город и добраться до замка, где высказали свои требования. Их расстреляли, не дослушав. Эта война внесена в книгу не из-за размаха конфликта и не из-за важности его причин или последствий, а потому, что прежде люди никогда не думали, что, учитывая климат острова, на Шааро есть жизнь. Нападение было значимым для истории: опасность может подстергать везде.

Двенадцатая история была так свежа, что её страницы едва не сочились кровью. Свежа настолько, что не была дописана, потому что всё ещё продолжалась. За Кристальными скалами и островом Тиавел есть большая земля, о которой в наших краях знают немного; известно лишь о трёх государствах, расположенных относительно недалеко от ближайшего к нам берега. Заффари — самое южное королевство, отгороженное от других горным хребтом, хранящим легенды о живущих в его пещерах драконах. За горным хребтом — Бесрад, крайне воинственное и ненасытное королевство. Именно Бесрад развязал войну с Ауритом, находящимся ещё выше, на севере. Никто не знал, как эта битва началась, как идёт и когда закончится; маги в их краях сильны и не позволяют никакого воздействия от себе подобных чужеземцев. Доплыть туда никто не пытался; любопытных летописцев мог поглотить как Сапфировый океан, так и ожесточенная война.

Я с облегчением закрыл книгу. Это было полезным опытом: знать историю необходимо, однако жестокость людского рода с каждой страницей всё больше разрывала мою душу. Люди никогда не ценили того, что имели: им мало земель, мало денег, мало власти. Всегда мало. Эльфам не свойственны подобные чувства: Богиня дала нам всё, что нужно для жизни, и мы с благодарностью этим пользовались. Она создала нас, исключив честолюбие, и потому наша жизнь так длинна и размеренна; из-за обратного жизнь людей так коротка. Потому единственное, за что приходилось бороться — это мир, которые люди так усердно старались предать огню.

Следующим томом, взятым мною с полки, оказался сборник поэзии некого Ренара Дувуа — известного барда, самостоятельно пишущего стихи для своих песен. Я взял его лишь потому, что после описаний кровопролитий мне хотелось чего-то светлого и лёгкого, однако я никогда не подумал бы, что стихи могут настолько меня затянуть. Услада для разума. Я не представлял, как можно так искусно обращаться с языком. Образы, коими он выражал, казалось бы, самые обыденные понятия, захватывали и заставляли душу трепетать. Рифмы были неочевидными, но вписывались в ритм так легко и естественно, что я вручил

бы эту книгу тому, кто описывал восьмую и девятую войны, как идеальный пример стихосложения. Первый том был прочитан моментально; я едва дышал в перерыве между произведениями, некоторые из которых зачитывал шепотом, чтобы представить, как прекрасна была музыка, на которую их положили. К моему счастью, томов оказалось множество, и я просидел в библиотеке до глубокой ночи, пропустив все напыщенные приемы пищи. Возвращался в покои я лишь из соображений приличия, дабы не позволить распространиться небылицам о причинах моего отсутствия, но добирался до них так окрыленно, что слухов было не избежать. По прибытии, Лэсси вновь в сердцах отругала меня за отсутствие предупреждающей записки, которую можно было бы передать капитану или советнику. Королева Ровена переживала, что весь день я отсутствовал на приемах, однако я, по словам Лэсси, так предсказуем, что она тут же нашла меня в библиотеке и сообщила всем об отсутствии причин для беспокойства.

К следующему утру земля полностью просохла, а солнце принялось испепелять королевство яростным жаром. Мне спалось удивительно спокойно: никаких сновидений. На контрасте с предыдущими пробуждениями, когда я ощущал на себе груз стыда, это утро показалось мне лучшим в жизни. Радостное щебетание птиц лишь подтверждало это предположение.

Пропустив встречу с гвардейцами в тренировочном зале, я несколько часов бесцельно бродил по саду. Разглядывал цветы, деревья, кусты, прислушивался к птицам, шороху листьев, ругани садовников. Ощущал свои шаги, землю под ногами, вдыхал сладкий воздух. Думал: что двигало Дувуа, что вдохновляло его на те прекрасные стихи, что он писал десятками, сотнями, а может и тысячами? Да, в основном он писал о женщинах и их любви, о любви чистой и порочной, но никогда — с горьким послевкусием. В его стихах героини всегда обретали покой в объятиях друг друга, обитель, которую уже никогда не захочется покидать. Но разве могло всё быть так однозначно? К сожалению или к счастью, не каждая любовь преодолевала препятствия, встретившиеся на ее пути; а преодолев, не каждая ознаменовывается благословением Богини.

Я подумал, что тоже чувствую потребность выразить то, что сложно обличить в обыденную речь. Слова можно сложить в предложение, но не будут ли они иметь больший вес, если оформить их рифмой? Разумеется, ничем подобным я раньше не занимался — оттого интереснее становился опыт. Прикидывая в голове возможные формы и образы, я не заметил, как к голосу в моей голове добавились ещё два.

— Расходы не заходят за установленную черту? — послышался жёсткий женский голос.

— Нет, — ответил мужской. — Если король Дамиан привезёт всё то, о чём мы условились.

Старшая принцесса говорила низко и строго, что не вязалось с обычно присущей ей капризностью и кокетством, однако я совершенно точно знал, что этим едва ли ограничивался спектр её качеств. Королевский советник покорно выслушивал приказы, не отводя взгляда от её лица. В голове Лэндона она вряд ли взращивала зерно похоти, что старалась посеять в мою, потому как это сильно помешало бы его честной службе, однако без безропотной преданности дело явно не обошлось.

Они оживлённо обсуждали что-то, в подробности чего я не вникал, но, как только я подошёл достаточно близко, чтобы быть замеченным, тут же замолчали.

— Господин Эр... Териат, — советник слегка поклонился. — Чудесный день, не правда ли?

— Совершенно точно, дражайший советник, — ответил я схожим поклоном. Наш обмен любезностями едва ли обрадовал Минерву: она стояла ко мне спиной, но я и без этого чувствовал недовольство на её лице. — Ваше Высочество.

Соизволив обернуться, принцесса одарила меня дежурной улыбкой, которая должна была, по-видимому, растопить лёд в моей душе, однако взгляд мой перетянуло нечто, возникшее несколько выше сапфировых глаз. По дереву, ветки которого находились прямо над головой Минервы, ползла змея. Тонкая, почти незаметная на фоне коричневой древесины, но с блестящими глазами и приоткрытой пастью, откуда исходило едва слышное шипение.

— Ваше Высочество, — тихо повторил я. — Постарайтесь не двигаться.

— Что? — разъяренная приказом, бросила она, задрав подбородок вверх.

Привлеченная — или напуганная — резким движением змея тут же сбросилась с ветки прямо на голову принцессы. Возможно, мне стоило позволить змее ужалить Минерву и закончить то, что ещё не началось, но я не мог позволить себе хладнокровно смотреть, как совершалось нападение на наследницу престола. Усилия Минервы не прошли даром: я не хотел, чтобы она умирала. По крайней мере, не так.

Время замедлилось, как когда я впервые ударил молнией Финдира, и я отчетливо видел, как змея летит, хищно раскрыв пасть. Я совершил прыжок вперед, приближаясь к принцессе, и занёс руку, перехватывая змею у основания её головы, так, чтобы ей не представилась возможность согнуться и ужалить меня вместо её предыдущей цели. С ладони сорвалась маленькая молния — с половину пальца — и вошла под кожу змеи; рептилия обмякла, покорно позволяя собрать её тело в мою ладонь.

— Чёртовы змеи! — воскликнула принцесса, как только время вернулось в привычное русло. — Я же приказывала найти их и вытравить всех до единой!

Принцесса кинулась ко мне, полная внезапно вспыхнувшей ярости. Лэндон попытался дернуться, чтобы остановить её, но что-то будто пригвоздило его к земле, и он застыл, оставшись наблюдателем. Минерва достала из-за пояса скромно украшенную мизерикордию и настойчиво протянула её мне.

— Отрежьте ей голову.

— Ваше Высочество, она не ядовита, — нагло врал я, чувствуя, как усыпленная шок рептилия пытается дергаться в моих руках. — Она попросту напугалась резкого движения рядом, и...

— Зачем же тогда вы меня спасли?

— Никто не обрадуется, если ему на голову свалится змея.

— Убейте её сами или это сделает Лэндон.

Я чуть наклонился к рукам, прикрывая змею распущенными волосами. Ещё одна едва заметная молния отправилась в путешествие по её холодным венам; спустя мгновение рептилия полностью обмякла.

— В этом нет необходимости, — я протянул руку к принцессе; она тут же отпрянула, не скрывая отвращения. Впервые я увидел тень страха в её глазах. — У этого вида змей слабое сердце. Больше опасности она не представляет.

И Минерва, и советник с недоверием покосились на меня. Лэндон медленно потянулся к змее; коснувшись её холодной кожи, на мгновение одернул руку, но, убедившись в моей честности, взял несчастное тельце и продемонстрировал принцессе. Та тут же схватила его и стала подробно рассматривать, видимо, на предмет моей причастности к смерти животного;

не найдя такового, бесцеремонно бросила тельце в ближайший куст.

— Спасибо, — выдавила она с явным усилием.

Лэндон знал, что принцессе захочется тут же покинуть сады; она продемонстрировала мне свою тайную сторону — хрупкую и пугливую, — а такие люди, как она, ненавидят быть слабыми в чьих-то глазах. Как только они скрылись из вида, я заглянул за куст. Тело рептилии было иссушено, как чучело.

Вернувшись в покои, я впервые за долгое время вошёл в примыкающий к ним кабинет. В первом же ящике стола я нашёл набор для письма: стопка листов, чернильница, перо. Мне искренне хотелось попробовать каково это — мыслить рифмой, облачая свои чувства в нетривиальные формы, выражать то, что нельзя выразить простыми словами.

Я писал весь день вплоть до ужина. Не потому, что написал много, напротив — мои скромные потуги едва ли можно было назвать стихотворением; потому, что мысль мчалась с бешеной скоростью, а я за ней не поспевал. Одни образы в моем разуме сменялись другими, не предоставляя достаточное количество времени для попытки их описания. Взять верх над разыгравшимся воображением непросто, особенно когда даёшь ему полную свободу.

Я поставил последнюю точку в момент, когда Фэй заглянула, чтобы сообщить о приближающемся ужине. Взглянув на изуродованный чернилами лист бумаги, я ответил служанке, что мне нужна ещё минута, и переписал всё аккуратно, стараясь ровно выводить столь непривычные мне буквы.

Оставшись относительно довольным результатом многочасовых стараний, я аккуратно сложил лист вдвое и спрятал его в карман брюк. Придётся убедить служанок, что штаны, в которых утром я дрался с принцессой на мечах, достаточно хороши, чтобы вечером предстать в них и на ужине перед королём.

Сидя за столом я жутко нервничал. Королева трижды спрашивала, всё ли в порядке, когда я в очередной раз проверял, не потерял ли заветный лист по пути в столовую. Всё же эта женщина была сердцем замка: её тепло безгранично и распространялось на любого, кого однажды касалось. Она бесконечно любила дочь, при этом не докучая ей излишней заботой — Ариадну она контролировала куда меньше, чем Минерву. Большой любви по отношению к падчерице во взгляде Ровены нет, однако совершенно очевидно, что она уважала старшую принцессу как личность, имеющую власть и превосходство над ней. Но и королева не была так проста, как могла показаться.

Она всё держала под контролем. Её гостеприимность и доброта, разумеется, искренны, но это не значило, что она не разглядывала каждого присутствующего до мельчайших деталей: как одет, как разговаривает, как ведёт себя за столом, как реагирует на подарки; уверен, она делала их не просто так. Взгляд Ровены внимателен и проницателен, но мягок и честен. Такой человек мог лгать лишь ради безопасности своих близких, глядя на которых её большое сердце наполнялось счастьем.

Эвард смотрел на жену с благодарностью и уважением, иногда с иронией и насмешкой, но никогда — с любовью страстной и глубокой. Его сердце было где-то далеко, потерянное во времени и пространстве, где его любовь если и найдёт своего адресата, то уж точно никогда не сможет воплотиться в жизнь. Тень этой любви сверкала в его глазах, когда он обращался к старшей дочери; душа его трепещала при виде любимых черт, но энтузиазм быстро меркнул, подавленный болью потери. Никто не знал о матери Минервы чего-либо

достоверного: они с королем не были женаты, её имя никому не известно, а происхождение покрыто тайной. Всё, что можно сказать об её жизни, отражено в лице дочери: сапфировые глаза и пшеничные волосы. С её смертью всё просто: она не пережила родов. Силу и стать же принцесса точно взяла от отца.

Весь ужин Эйнсли заинтересованно щебетала, расспрашивая про всех молодых мужчин, что будут на свадьбе в качестве гостей. Ариадна не принимала участия в дискуссии; не уверен даже, что она знала, кто из гостей подходит под выдвинутые Эйнсли критерии. Хант упорно продвигал своих далеких родственников, описывая их как молодых, но опытных воинов самой приятной наружности и превосходных манер. Заинтересованная в материальной составляющей брака Беатрис постоянно намекала дочери о том, что при выборе жениха не стоит ставить жесткие рамки возраста, и сэр Фалкирк хитро облизывался, ковыряясь в зубах после очередной порции зажаренных утиных ног и не сводя отвратительных блестящих глаз с юной племянницы королевы.

— Зачем вообще жениться? — фыркнула Элоди, облюбовавшая место по левую руку от меня. — Неужели я не буду считаться полноценной женщиной, если подле меня не будет достойного мужа?

— Ты ещё мала, сестра, — огрызнулась Эйнсли. — Не рассуждай о том, чего не понимаешь.

— Позвольте не согласиться, Ваша Светлость, — вмешался я, заметив слезы, собирающиеся в глазах юной леди. — Я считаю, что госпожа Элоди сделала весьма верное замечание. Разве Богиня не задумала нас целыми и самодостаточными? Любовь — это выбор.

— Выбор, который делают все разумные люди, — ответила девушка равнодушно, старательно прожёвывая сухое мясо. — Попробуйте вспомнить кого-то великого, в чьей истории нет ни слова о любви?

— Простите, господин Териат, — вмешалась Беатрис. Розовое платье придавало её коже здоровый цвет. — Эйнсли растёт задирой, и я ничего не могу с этим поделать.

— Её задиристость всегда касается только меня, — буркнула Элоди. — Ни перед кем другим она не посмеет открыть своего поганого рта.

Эйнслитут же вскочила из-за стола, со звоном бросив приборы прямо в тарелку. Элоди довольно улыбалась, совершенно не стыдясь своей грубости; оскорбленное лицо сестры доставляло ей недюжинное удовлетворение. Беатрис взяла старшую дочь за локоть и что-то шепнула, отчего та тут же уселась на место с совершенно невозмутимым лицом.

— Их скверный характер — от отца, от меня — лишь скверное здоровье.

Беатрис горько усмехнулась; лицо Ровены мгновенно потускнело. Предвкушение потери родного человека посеяло семена боли, что совсем не вписывались в идеальный мир, который королева старательно возводила вокруг себя на протяжении многих лет. Уверен, она заботилась о сестре всё детство, возвращая свою любовь, и оттого ей была невыносима мысль, что та не просто больна, а полностью смирилась с вестью о своей скоростижной кончине.

Знание о родственных узах, связывающих капитана гвардии и короля, так или иначе приводило мое внимание к наблюдению за характером их взаимодействий. К моему удивлению, ни один из них не выказывал особенных чувств относительно другого: Кидо, хоть и вел себя свободно, всегда обращался к королю, как к своему непосредственному начальнику — с должным уважением и дистанцией, — а король, в свою очередь, сухо

отдавал ему приказы. Зато королевский советник совершенно точно получал от главы Греи необъяснимо большую порцию отцовской любви. Среди приближенных короля он был самым закрытым, а его история — самой размытой. Все известные мне факты не составляли цельной картины, и потому не объясняли, почему Эвеард смотрел на советника с такой надеждой и безропотностью, будто решение, предложенное им, всегда являлось безошибочно верным. Взгляд Лэндона не выражал того же; он был усталым и постоянно упирался в стену за спиной капитана Фалхолта, изредка бросающим ответные взгляды.

— Ариадна сегодня отлично показала себя на утренних занятиях с капитаном, — вступил Хант, прервав все остальные разговоры. Его голос намеренно прозвучал так громко; он хотел, чтобы слушали лишь его. — Верно, сэр Териат?

— Лучше, чем того ждёшь от наследной принцессы.

Кидо заметно нахмурился, хоть и старался спрятать лицо за массивным бокалом с тягучим красным вином. Принц не стал упоминать, что она победила именно меня, но его намек считывался куда проще, чем он думал.

— А чего вы ждёте от наследных принцесс? — прозвучал голос Минервы. — Какими, по вашему мнению, они должны быть?

— Сказать честно, я ничего от них не жду, — пожал плечами я, вцепившись в остатки спокойствия всеми силами. — Мне ли говорить о том, что каждый должен следовать уготованному ему пути? Однако традиционно принцессам не полагается держать в руке меч и отбиваться от ударов подданных. Разве что в условиях бунта против власти.

— Бунта не предвидится, — прервал король. — А общество в Грее прогрессивно и понимает, что женщина может постоять за себя не хуже многих мужчин. Я горд, что мои дочери умеют обращаться с оружием.

— Каково же ваше любимое оружие, Ваше Высочество? — обратился я к Минерве. — Сталь, как по мне, не слишком вам идет.

— Лук и стрелы. Не люблю пачкаться, — выдавила она, а затем хищно улыбнулась. — Разве что при смешивании ядов.

Гости на мгновение перестали жевать. Повисла тишина, сопровождаемая настороженными взглядами на многочисленные яства. Минерва, терпевшая, сколько была в силах, залиvisto засмеялась; в ее природе было бы закатить на глупость придворных глаза, но она сумела сыграть куда более привычную для людей реакцию на шутку. Все с облегчением вторили её смеху, и лишь взгляд Ровены продолжал оставаться встревоженным. Что-то в словах падчерицы всерьез беспокоило её, но королева быстро взяла себя в руки и тут же вовлеклась в ничего не значащий разговор с соседями по столу.

Хант разочарованно копался в своей тарелке; его попытка привлечь внимание обернулась очередным представлением Минервы. Он взглянул на Ариадну в надежде отыскать необходимую ему поддержку, однако младшая принцесса не одарила его искомым и лишь жалобно улыбнулась, краем глаза заметив обращенное к ней лицо.

После ужина я, не нарушая привычный порядок вещей, направился в библиотеку. Поздним вечером там всегда бывало пусто — если кто-то из придворных и читал, то у себя в покоях, — однако быть замеченным по дороге к книжному хранилищу мне было необходимо. Проблуждав между стеллажами больше полчаса в тщетных попытках сосредоточить своё внимание на каком-либо из многочисленных названий на переплетах, я всё же решился на авантюру.

Глупую, безрассудную авантюру.

Никогда прежде там бывав, я со знанием дела направился в правое крыло третьего этажа. Если я верно интерпретировал чертежи замка и слухи, покои Ариадны находились именно там.

Сориентироваться на месте без точных данных было практически невозможно. У каждой из одинаковых дверей крыла стояло одинаковое количество стражи, а их лица выражали одинаковую тоску и невозмутимость; казалось даже, что и стражники везде стоят одни и те же. Никаких опознавательных знаков, надписей, рисунков. Потеряв уверенность и обретя проблески разума, я уже начал поворачивать в обратном направлении, пока кто-то не увидел меня в месте, где я находиться не должен, как одна из дверей распахнулась, и из неё выбежала хрупкая служанка с белой рубашкой в руках. Рубашкой, в которой тем же утром Ариадна была на тренировке.

Оглядевшись по сторонам, я сделал несколько больших шагов по направлению к нужной двери, пока будто не уперся в невидимую стену. Вероятно, так мой разум пытался достучаться до взбушевавшегося сердца. Неужели во всём замке была лишь одна белая рубашка подобного покроя? Что если я ворвусь в покои к другой женщине — возможно, слишком юной или, напротив, замужней, — и меня с позором выгонят из замка? Это мог быть кто угодно, и если я ошибусь...

— Придурок!

Одно резкое движение, и я оказался по ту сторону двери.

Ариадна покраснела от ярости. Пытаясь подыскать слова, что в полной мере выразили бы её негодование, она дышала, будто бешеный пёс.

— Твоя стража... — прошептал я, рукой указывая на дверь. Пальцы мои дрожали. В ее присутствии я робел, а осознание совершенной глупости окончательно обезоруживало. — Если им заплатить, они промолчат?

— Они и так промолчат, — бросила она. — Они мне должны.

— Я не хотел доставить неудобства, Ваше Высочество, просто... глупый порыв.

Весь гнев пропал с лица принцессы, сменившись растерянным разочарованием. Опустив глаза, она глубоко вдохнула, но вдруг закашлялась. Из коридора послышались шаги. Ариадна подбежала к двери, высунула голову, и, сославшись на плохое самочувствие, приказала прислуге сегодня больше не приходить. Никакие уговоры служанки принцессу не переубедили. Закончив разговор, она закрыла дверь на щеколду.

— Раз уж я прогнала Мию, тебе придётся помочь мне со снятием платья, — равнодушно констатировала она, и я отметил знакомое имя. — Я не протяну в нём больше ни единой минуты.

— Как скажете, Ваше Высочество.

Мы давно не были наедине, и я совершенно позабыл, каково это. Не знал, как стоило вести себя: как с незнакомкой, напавшей на меня в лесу, как с девушкой, которая, наплевав на правила, сбегала, чтобы мы могли обсудить созвездия на ночном небе, или как с принцессой, отцу которой я ежедневно преклоняю колена. Между нами образовалась пропасть, природа которой ясна: я наконец осознал, что она, в самом деле, принцесса. Наследница престола, обещанная другому наследнику. Я не был бы достоин её взгляда, даже если бы и вправду происходил из знатной семьи Сайлетиса; а о том, чего достоин обычный эльф, забивавший кабанов на охоте дважды в месяц, не приходилось и задумываться.

Ариадна повернулась ко мне спиной. Её всё чаще заставляли надевать корсеты, хоть её тело и не нуждалось ни в каких манипуляциях, чтобы производить впечатление. Я, чувствуя,

как щеки заливаются краской, аккуратно потянул за ленточки, развязывая бант, коим было увенчано прикрытое тканью орудие пыток. С каждой ослабленной лентой дыхание девушки становилось более глубоким и ровным, и я старательно прислушивался к нему, чтобы отвлечься от всевозможных мыслей.

— Если ещё раз, когда мы будем наедине, ты назовёшь меня «Ваше Высочество», — обронила она; голос был низким и ужасающе спокойным. — Я больше никогда с тобой не заговорю.

— Прости, просто...

— Просто у меня есть имя, — перебила она, не желая выслушивать оправдания. — И чудное прозвище, что ты дал.

— Мне кажется, что я не в праве.

Дождавшись, когда будет ослаблена последняя лента, Ариадна обернулась. Между нашими лицами остались считанные миллиметры, и я кожей ощущал её дыхание. Запах лимонного мыла перебивал естественный запах лисицы, однако его теплые ноты я угадал бы и на улице, по которой она однажды прошлась.

— Произнеси его.

Серо-зеленые глаза прожигали во мне дыру. Я до боли сжал кулаки, чтобы вернуть себе чувство реальности; магия в груди проснулась и пыталась вырваться, воспользовавшись учащенным сердцебиением.

— Ариадна, я...

— Вот и умница, Эзара!

Широкая улыбка озарила юное лицо, добавив ударов моему сердцу ещё на несколько секунд. Довольная маленькой победой, Ариадна щелкнула меня по носу и через секунду уже спряталась за стоящей в трех шагах от нас ширмой. Я улучил секунду, чтобы оглядеться; покои принцессы оказались ничуть не шикарнее моих; разве что цветов в них было куда больше. Вазы стояли на каждом из подоконников, а одну из стен украшали многочисленные засушенные венки, развешанные по — лишь лисице ясному — принципу; один из них казался совсем свежим.

Я взволнованно опустил руку в карман брюк. О чём я думал, когда пришёл, чтобы вручить Ариадне результат своих жалких попыток приблизиться к прекрасному? Что за идиот пишет любовные письма почти замужней даме? Что я ей скажу?

— Почему ты пришёл? — будто прочитав мои мысли, спросила принцесса. — Обычно ты более осторожен. Что-то случилось?

— Нет, я... — начал придумывать ответ я, но, не найдя слов, засмеялся. — Ты была права. Просто придунок.

— Не похоже на тебя, — не согласилась она, появляясь из-за ширмы в ночном платье и плотно завязанном бордовом халате. Цвет чарующе оттенял её кожу и волосы. — Что бы ни случилось, ты можешь рассказать мне.

— Нет, дело не в этом. Ничего не случилось. Как уже сказал, поддался порыву, и... это тебе.

Я протянул принцессе тот самый лист; он был настолько помятым, будто путешествовал в кармане годами. Озадаченная, она принялась медленно разворачивать письмо. Когда она присела на край кровати, застеленной бордовым покрывалом, её глаза уже бегали по строчкам.

Я не представлял, куда себя деть. Сначала мне стало безумно стыдно за написанные

слова, через секунду я уже гордился, что смог выразить на бумаге хоть что-то, а ещё через секунду в панике искал пути отхода. Я смотрел в окна, рассматривал картины на стенах, разглядывал узор амаунетского ковра на полу — проще говоря, делал всё, чтобы не смотреть на реакцию принцессы.

— Териат, — позвала лисица. Голос ее прозвучал будто бы издалека, полный незнакомой мне эмоцией. — Ты это написал?

Смущенное молчание и очевидное желание спрятаться в ближайшем углу она посчитала положительным ответом. Странные, но удивительные чувства. Новые, как и многие другие, что Ариадна во мне пробуждала.

— Это потрясающе, — приближаясь, прошептала она. Её рука коснулась моей, и на контрасте с теплом Ариадны я осознал, что по температуре она была близка к глыбе льда. — Ещё недавно ты совсем не знал письма, а теперь... это...

Стук в дверь.

— Ариадна, ты не откроешь мне?

— Кнорд! — неожиданно для себя выдохнул я, зажмуриваясь.

Происходящее в покоях принцессы казалось мне сном, и я проверил, не могу ли оборвать его, как делал всегда, если воображение подкидывало мне неприятные образы. Стук не остановился.

— Кнорд? — переспросила лисица, игнорируя настойчивость жениха. — Что это?

— Правда думаешь, что сейчас — самое время, чтобы выучить эльфийские ругательства?

Ариадна несколько раз моргнула, и после короткого взгляда на дверь осознание мелькнуло в ее глазах. Она напугано заметалась по комнате. Зачем-то поправив мятое покрывало, она бросила лист со стихотворением на тумбу у кровати, и рукой указала мне в сторону прилегающего к спальне кабинета. Я послушно спрятался за тяжелой дверью, однако оставил тонкую щель; гнусное желание подслушать разговор взяло надо мной верх.

Звук щеколды. Скрип двери.

— Я встретил Мию в коридоре, — объяснился принц. — Она сказала, что тебе нездоровится. Ты простудилась?

Тремя большими шагами он преодолел половину комнаты, обрекая Ариадну на полноценный разговор. Принцесса раздраженно захлопнула дверь; она хотела отвязаться от него парой быстрых фраз.

— Вовсе нет, — отчеканила девушка, сложив руки на груди. — Просто хотела побыть одна.

— Ты чем-то расстроена?

Сам того не заметив, я подобрался ближе к двери и нашёл угол, под которым щель позволяла мне видеть обоих участников разговора. Хант выглядел искренне озабоченным. Он находился на приличном расстоянии от принцессы, руки держал в замке за спиной, а взгляд его всё так же искал внимания и поддержки невесты. В попытках узнать что-либо об испортившемся настроении Ариадны, он стал блуждать по комнате.

— Что это?

Кровь застыла в жилах. Принц поднял лист, что Ариадна так небрежно бросила на тумбу. Напряженная, как струна, она тут же бросилась к Ханту.

— Это не твоё дело.

Лисица попыталась выхватить кусок пергамента, однако Хант, будучи искусным

воином, легко ушёл от столь предсказуемой атаки. Казалось, ему хватило мгновения, чтобы ознакомиться с содержимым листа.

— Кто он?

— Это не твоё дело.

— Я собираюсь жениться на тебе! — вспыхнул он, нервно комкая лист в руке. — Это моё дело!

— Это твой выбор, — пожала плечами принцесса, стараясь сыграть полное безразличие. — И отца. Я не принимала участия в переговорах.

— Это стражник?

— С чего ты взял?

— Почерк, — Хант расправил лист и пальцем указал на буквы, что я так старательно выводил. — Либо тебе в любви признаётся ребенок, либо это стражник или слуга, плохо обученный грамоте.

— Я не знаю, кто это, — соврала лисица. — Подсунули под дверь.

— Нет нужды лгать, Ариадна.

Хант кинул письмо на пол и сделал шаг по направлению к принцессе. Девушка напряглась, но не поддавалась провокации и осталась на месте. Принц сделал еще шаг и взял обе её руки в свои.

— Я знаю, что ты не любишь меня, — прошептал он, губами приблизившись к ее пальцам. — Ты и не должна. Мы оба понимаем, что этот брак задуман не для нашего счастья, а для благополучия наших домов. Если ты любишь другого, я не расторгну помолвку. Но и ты должна понимать, что тебе нужен человек, равный тебе по статусу.

— Позволь мне решать самой.

— С тобой иначе никак, — улыбнулся он. — Свадьба состоится в любом случае. Как мы будем жить после — зависит от нас. И я хочу, чтобы ты знала, что я буду бороться за твою любовь.

— Хант, я не уверена, что...

Их шепот стал настолько тихим, что я невольно подо двинулся ближе к щели и задел дверь. Скрип заржавевших петель тут же привлек внимание принца и повлек за собой звук вытаскивающегося из ножен кинжала. Мне даже померещилось, будто он сумел поймать мой взгляд, несмотря на толстый слой дерева.

— Хант!

Принц повернулся к Ариадне. Та, стараясь как можно скорее отвлечь жениха от очередной глупой выходки с моей стороны, обеими руками схватила его лицо и, на секунду замерев в пути, припала к его губам. Хант мгновенно обмяк. Кинжал под собственной тяжестью спустился обратно в ножны, а руки принца оказались на спине невесты, крепко прижимая её к груди. Подобно клинку, моё сердце потяжелело и потянуло меня к земле.

Их поцелуй длился вечность; неважно, секунду или минуту — в любом случае, слишком долго. Настолько, что в моём теле похолодела и покрылась коркой льда, казалось, каждая клеточка, ещё недавно горевшая от прикосновений принцессы. Я не мог смотреть, но и не мог оторвать взгляда, потому что неизвестность происходящего ещё ожесточеннее мучила бы воображение. Когда поцелуй, наконец, закончился, нежность в глазах Ханта была такой настоящей, что я едва поборол желание выскочить и, подобно дикому зверю, вонзить когти в его шею.

— Тебе пора идти, — напомнила Ариадна.

Хант молча повиновался, ошарашенный внезапной благосклонностью невесты. Слегка поклонившись, он улыбнулся и покинул покои. Ариадна же не спешила сдвигаться с места: она застыла, вероятно, обдумывая свой поступок. Медленно подняв руку, она дотронулась до своих губ и слегка погладила оставленный мной шрам.

Я выбрался через окно.

Оно выходило на слабо охраняемую башню Восхода и примыкающую к ней стену; исполнив пару несложных трюков, я спустился на каменную дорожку, предназначенную для наблюдения за городом с высоты, и бесцельно побрел вдоль, изображая задумчивого гостя короны, полюбившего ночные прогулки. За закрытыми дверьми спальни я, несмотря на успокоительный свежий воздух, оказался сражен всепоглощающим приступом паники: грудь сдавило, сердце застучало в ушах, пальцы рук похолодели. Я прислонился к стене, найдя в ней опору, но тело сотрясало такой дрожью, что затылок вскоре заболел от полученных ударов.

Я пообещал себе больше не подвергать нас с лисицей такой опасности, хоть и не знал, сумею ли это обещание сдержать.

Ночью меня терзали беспокойные сны. В некоторых из них я был дома, кружил сестер на руках — о, Богиня, как я по ним скучал, — и будто никогда не встречал королевской семьи. Не встречал, но жил с чувством, что в моей душе зияет дыра, поглощающая все радости, что мне доводилось испытывать в жизни. Я улыбался, смеялся, но в груди твердела ледяная глыба. Я был живущим существом, что не чувствовало ничего, кроме боли и пустоты; живущим, но не живым.

Однако в одном из снов я всё же знал, чего мне не хватает. В нём не было Минервы, но я мечтал о ней так сильно, что не видел иного выхода, кроме как создать её копию. Подле меня по счастливой случайности оказались каменная глыба и необходимые инструменты, и я незамедлительно приступил к работе долотом и молотком. Работал днями и ночами, неделями, может, месяцами, пока камень не стал идеально повторять черты её лица и тела. Я не ел и не пил; лишь смотрел на любимый лик. Смотрел так долго, что стало казаться, будто безжизненные глаза смотрят на меня в ответ. Каменная кожа Минервы постепенно светлела и покрывалась румянцем, глаза набирали цвет, а прежде неподвижные волосы едва заметно развивались на ветру. Испытываемое мною чувство счастья было неопишимо, и я обнимал статую, передавая эти ощущения ей. Обнимал до тех пор, пока она не обняла меня в ответ. Окрыленный, я поднял её и закружил, однако тут же статуя вновь обернулась камнем и намертво придавила меня к земле.

Проснулся с мерзким привкусом разочарования во рту. Создавалось впечатление, что старшая принцесса проникала в мою голову, не прилагая для этого никаких усилий, и развлекалась, оставляя на задворках сознания свои проклятые записки, позже воплощающиеся во снах. Я счастлив, что лишь во снах, но раз управление ими даётся ей так легко, возможно, управление мной наяву она оставила на десерт, желая в полной мере распробовать моё унижение.

За окном едва рассвело. Солнце лениво поднималось из-за горизонта, будто потягиваясь и даже не пытаясь растолкать плотно висящие на его пути облака. Вынырнув из-под одеяла, я тут же схватил вещи, заботливо подготовленные прислугой с вечера. Лэсси вновь будет ругаться, ранним утром не застав меня в покоях, но мы как-нибудь это уладим.

Мне необходимо увидеть дом.

Сначала пришлось наведаться к Киану и посоветоваться, не будет ли мой выезд причиной для подозрений, и какое оправдание помогло бы мне скрыть истинные мотивы. Подмастерье кузнеца работает с рассвета, ещё до того, как сам кузнец соизволит открыть глаза после вечерних увеселений, потому у нас была возможность поговорить без чрезмерного количества лишних ушей и глаз.

В отсутствии зрителей Киану не было нужды притворяться, и он стоял прямо, идеальной осанкой превращая свой рост и широкие плечи в образ существа из ночных кошмаров о великанах. Уверен, он знал, что шаги за дверьми кузни принадлежат именно мне, иначе не видел причин, по которым он абсолютно не удивился моему появлению.

— Вы по поводу оружия, господин?

Я тихо хмыкнул и закрыл за собой дверь. Киан не отрывался от работы, увлеченно натачивая чей-то простенький кинжал.

— Могу я как-то попасть в Аррум?

— В этом есть необходимость?

— Да, — просто ответил я.

Посчитав мою краткость и категоричность достаточным основанием, Киан молча кивнул. Закончив с оружием, он аккуратно, почти с любовью засунул его в ножны и отправил на полку, где тому предстояло дожидаться своего хозяина. Обтерев руки лежащей на столе влажной тряпкой, он наконец обратил лицо ко мне. Оно стало темнее, будто пламя, в котором закаляется сталь, многократно опаляло и его; брови истончились, став практически незаметными.

— Подойди к капитану постовой стражи и скажи, что хочешь присмотреть места в лесу, ведь через несколько недель начинается сезон королевской охоты, а тебя обязательно туда позовут. От сопровождения, разумеется, откажись, — пояснил он, настойчиво глядя мне в глаза. — Не задерживайся. И не глупи. К обеду будь готов снова целовать руки и преклонять голову.

— Спасибо, — ответил я. Взявшись за ручку двери, остановился и обернулся. — Ты справляешься?

— Я же говорил, — расхохотался он. — Не глупи.

Сэр Бентон встретил меня у ворот, по-дружески похлопав по плечу. Он едва держал глаза открытыми, так что ему понадобилось время, чтобы понять, чье лицо так рано потревожило его зрение. И ещё немного, чтобы составить внятное предложение.

— Для охоты? — наконец переспросил он. — Я дам вам одного из своих ребят, они отлично знают эти места! Быстро справитесь.

— Если позволите, я хотел бы сделать это сам, — отказался я. — Если бы я не умел охотиться, то не прожил бы и года в своих странствиях. Привык работать один.

— Что ж, как пожелаете, — махнул он рукой и повернулся к стражникам. — Открыть ворота!

Завидев простор за стеной, Пепел довольно заржал. Заскучавший в стойле жеребец даже будто слегка присел, чтобы я поскорее взобрался на него и отправил рассекать теплый летний воздух. Благодарно кивнув капитану постовой стражи, я так и поступил.

Окутывающий жаром ветер подарил мне мимолетное чувство полной свободы. Забытое чувство. Перед глазами мелькали картинки юности, в которых я был счастлив и беззаботен, совершенно не представляя, что жизнь может быть иной. Множество сверстников и друзей, некоторых из которых я давно позабыл. Полукровки, с которыми я боялся сближаться, чтобы не потерять близких людей слишком рано. Боялся настолько, что Богиня наказала меня за малодушие; отныне я жил со знанием, что неминуемо увижу, как с любимого мной лица испаряются последние капли жизни.

Позволив Пеплу вдоволь насладиться пустым полем, я не воспользовался западным входом в лес и проехал чуть дальше, тем самым, к тому же, скрывшись от глаз стражников на стене. Проникнув в Аррум по тайной, едва заметной дорожке, я спешил и надежно привязал коня к дереву, после чего направился к посту, на котором надеялся застать друга.

Индис скучающе сидел у дерева, заплетая длинные травинки в причудливые косы. Услышав шаги, он тут же вскочил и насторожился, сдвинув густые брови. Слух его чуток, но эльф не сразу поверил тому, что услышал.

— Не может быть, — прошептал он.

Я выскочил на поляну и тут же набросился на друга с объятиями; он в ответ сжал меня

так, что у меня едва не полопались рёбра. Индис заливисто хохотал, и я понял, что мне этого чудовищно не хватало; натянутый смех придворных и коварные смешки Минервы ни за что не заменят настоящий, искренний смех самого светлого из эльфов. Отстранившись, он оглядел меня с головы до пят и похлопал по плечам.

— Вот это наряд, — присвистнул он. — Что за важный вельможа!

— Прекрати, — отмахнулся я.

— Слышал, ты неплохо справляешься.

— Так говорят?

Индис указал на примятую им траву, и мы оба с удовольствием упали на нее, устремив взгляды в кучерявые облака.

— Киан передает новости почти ежедневно, — наконец, ответил он. — Он каким-то образом постоянно присматривает за тобой. Наверняка в замке есть ещё кто-то не до конца верный короне.

— Любопытно было бы узнать, кто это, но совсем не хотелось бы, чтобы ещё кто-то так же любопытствовал, — горько усмехнулся я. — Я знаю, что происходит в замке. Лучше расскажи, что происходит в Арруме.

— Я... не знаю.

— Ты всегда всё знаешь.

— Не в этот раз, — пожал плечами он. — Азаани и аирати, кажется, объединились для общего дела. Это странно уже само по себе, верно? Однако это дело ещё и тайное, и мать не говорит ни слова о нём ни мне, ни своему совету.

— Объединились? — изумленно протянул я. — Когда такое было в последний раз?

— Ужасающе давно.

Мы переглянулись. Скрытность матери не давала сыну покоя; его беспокойство было столь явным, что отражалось даже в цвете кожи. Природа подходила к пику жизни, а лицо Индиса посерело, будто не замечало всеобщего цветения, и оттого образ его казался мне незнакомым, словно я видел лишь тень друга, а не его самого.

— Вы с Бэтиель помирились?

— У неё не было выбора, — усмехнулся он. — Тебя нет, и нам нужно крепче держаться друг за друга.

— Я рад.

— Разумеется.

— Я бы хотел, чтобы это был ты.

Индис повернул ко мне полное недоумения лицо. Я не знал, зачем выпалил это. Думал об этом столько раз, что мне казалось, будто эта тема затерта до дыр, но совсем забывал, что обсуждал её лишь с собой.

— Что ты имеешь в виду?

— Я бы хотел, чтобы у тебя были эти странные силы, чтобы ты отправился в замок, чтобы ты попытался предотвратить войну... — захлебывался в словах я. Они полились непрерывным потоком, словно давно ждали, что их произнесут. — Ты бы справился с этим лучше. Не уверен, что у меня вообще что-то выйдет.

— Дурень.

— Что?

— Не гневи Богиню, говорю, дурень, — буркнул он в ответ. — Не нужны мне никакие силы. Я бы прибил Финдира после первой тренировки, а если бы мать распорядилась моей

жизнью так же, как она поступает с твоей, я бы вплавь перебрался через Сапфировый океан, чтобы она меня не достала.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Прекрати пещься о моих чувствах, Тер. Прекрати желать мне лучшего, прекрати возвышать меня. Мы близки, и я ценю это, но подумай наконец о себе. — Тон его голоса был непривычно низок и настойчив. — Богиня даровала тебе силы не просто так. Если бы ты не был готов с ними справиться, они бы убили тебя, а ты, как мы знаем, давно взял над ними верх. Тебе осталось только не прибить нечаянно какого-нибудь важного дядьку своей молнией, и всего-то.

Казалось, Индис сам не ожидал, что его серьезная речь обернется шуткой, и мы неловко, ломано рассмеялись. Заряд тепла, что этот эльф давал моему сердцу, несравним ни с чем, и это наверняка было причиной, по которой я так рвался в Аррум. Да, я хотел увидеть семью. Но стоило ли? Увидев, матери будет лишь сложнее отпустить меня вновь, а сестренки повиснут на моей шее, и я физически не смогу покинуть их до тех пор, пока они не заснут от моих бесконечных историй и сказок.

Оставив Индиса, я всё же пробрался вглубь леса, но шёл тропами, что обычно были пусты, стараясь не попасться никому на глаза. Скрывшись в месте, из которого открывался отличный вид на поляну у дома, я увидел мать в объятиях её старого друга, и был счастлив, заметив горящие глаза; мне бы хотелось, чтобы она вновь почувствовала вкус жизни. Девочки бегали вокруг, словно зверьки, не знающие, куда девать лишнюю энергию, и их кудри пружинили и переливались в свете выглянувшего из-за облаков солнца. С ними всё было в порядке. О большем я и не мечтал.

На моё появление Пепел ответил недовольным фырканьем. Возвращаться в стойло ему не хотелось так же, как и мне возвращаться в покои со служанками и нарядными кафтанами, но выбора не было у нас обоих — солнце уверенно двигалось к середине неба.

Как только я передал поводья тучному конюху и напоследок посмотрел в грустные глаза боевого скакуна, на моё плечо опустилась тяжелая рука. Сдержав порыв отреагировать ударом, я медленно обернулся.

— Уже успели совершить конную прогулку, сэр Териат?

— Совершенно верно, Ваше Высочество, — процедил я сквозь зубы.

Я с удивлением обнаружил, что глаза Ханта находятся на уровне моего носа; прежде я никогда не стоял рядом с ним так близко и, следовательно, не имел возможности объективно оценить его рост. Разве что в сравнении с ростом Ариадны.

Его бронзовая кожа сияла на солнце, как и лик в целом; казалось, он пребывал в хорошем расположении духа, а потому был открыт к общению. Я подозревал, зачем он обратился ко мне, ведь намерение уже было высказано; хуже всего то, что я ни в коем случае не мог ему отказать.

— Может, присоединитесь к моей тренировке? — заискивающе произнес он. — Одному не так весело, а со всеми здешними воинами я уже имел счастье побороться.

— Почту за честь.

— Отлично! — Хант вновь попытался закинуть руку мне на плечо, чтобы направить мой шаг в нужную сторону, однако это доставляло ему заметный дискомфорт; он сделал вид, что просто потягивался, и вытянутой рукой указал в сторону ворот в сад.

— Может, начнем с пробежки?

Вопрос, конечно, не требовал ответа. Я снял с себя кожаный нагрудник и отдал его первому попавшемуся слуге; даже если он не знал, кто я такой, этому скромному доспеху в замке непременно найдется замена.

— После вас.

Ухмыльнувшись так, будто эта фора означала мое неминуемое поражение, Хант начал бежать ещё за несколько метров до входа в сады. Сомневаюсь, что богатенький южанин сумел бы обогнать эльфа, что на своих двоих порой догонял и взрослых оленей. Выждав ещё несколько секунд, я отправился в погоню.

До тех пор, пока я не поравнялся с принцем, тот торжествующе оглядывался, но чем ближе я был, тем отчетливее слышал его сбитое дыхание; он едва ли разумно пользовался теми дарами, коими его одарила Богиня. Я бы сказал, что бег — совершенно точно не то, в чём он по-настоящему хорош; его торс и руки слишком тяжелы и мускулисты для его ног, о существовании которых он будто забывал, работая над телом. Что ж, для скорости он, очевидно, предпочитал использовать лошадь; это значило, что упор был сделан на другие составляющие боя. Не прилагая особых усилий, я обогнал его ещё на середине дистанции, хоть пробежка для разминки и не должна была являть собой соревнование.

Встретившись у входа на поляну для стрельбы, где пригодная для бега дорожка как раз кончалась, я вопросительно взглянул на стойку с луками. Хант, едва взглянув на меня, проследовал к ней и разъяренно схватил самый большой из них. Вновь ошибка. Для комфортной стрельбы из такого оружия ему не хватает целой головы роста и значительно не хватает длины рук. Внимательно оценив представленный арсенал, я подобрал подходящее оружие и встал на исходную позицию напротив мишени, что находилась левее той, в какую целился принц.

Рука островитянина постоянно соскакивала и дрожала, мешая прицелиться; всему виной учащенное после бега сердцебиение и, вероятно, тревожащий его разум гнев. Проигрывать он не любил, и я ликовал, наблюдая, как ему не удавалось спокойно принять даже столь незначительное поражение. Ярость бушевала и во мне, но эта ярость была холодной. Я знал, что мне следовало так поступать, но все равно собирался долго и мучительно отравлять его ум и тело той неуверенностью, что селилась в его сердце каждый раз, когда он понимал, что на свете был кто-то, кто в чем-либо его превосходил.

Я был совершенно спокоен. Лук стал продолжением моей руки. Стрелы отправлялись прямо в середину мишени одна за другой, в то время как из лука принца они выскакивали так, будто мечтали сбежать от бьющей руки — неважно куда, лишь бы поскорее. Хант раздражался всё сильнее с каждым выстрелом, пока, наконец, по-дикарски не отбросил оружие на траву.

— Солнце печёт так, что затуманивает разум и мешает глазам, — с фальшивой улыбкой произнёс он. — Переберемся в замок?

В ответ я лишь сдержанно кивнул. Тут же ринувшись к ближайшему входу в холодные каменные стены, разгорячившийся принц так и не поднял брошенное оружие. Не спеша следовать за ним, я поднял лук и поставил его вместе со своим на стойку. Стрелы из мишеней уже старательно вынимал один из оруженосцев принца.

После полудня зал для тренировок почти пуст: все гвардейцы, упражняющиеся тут с утра, были заняты службой короне. Однако капитан не спешил оставлять прохладный зал в угоду уже летней жаре; их с Ариадной занятия как раз выпадали на эту часть дня. Лишь завидев принцессу, Хант тут же расплылся в искренней улыбке и поднял руки, приветствуя

будущих родственников. Те, в свою очередь, лениво помахали в ответ, не отвлекаясь от дела.

Присутствие невесты здорово зарядило куорианца на победы и свершения, а я лишь почувствовал новую волну ненависти, застилавшую глаза пеленой. Он улыбался ей, строил из себя влюбленного, старательного, добропорядочного жениха, и в то же время упивался властью, что имел над Ариадной. После того, что он сделал, он владел ей и её репутацией; знал, что у неё не было путей отступления. Прикрывался необходимостью женитьбы и попытками сделать её желанной, но на деле желал лишь всепоглощающей власти над женщиной, что не хотела ему принадлежать. Не мог позволить себе проиграть.

Но я его заставлю.

Принц жестом пригласил меня на песок, не выбрав никакого оружия. Значит, рукопашный бой. Вновь неверный выбор.

Его массивные руки били больно, но медленно. Торс неповоротлив: вновь мешали перекачанные мышцы. Желая показать себя хорошим воином при принцессе и её сводном брате, он настойчиво нападал, пытаясь заставить меня врасплох одной из многочисленных атак. Многочисленных, но предсказуемых. Я видел его так, словно он двигается в воде; предугадывал каждое движение по импульсу, что он придавал телу, отталкиваясь от земли, и уходил от каждого из них ещё до того, как рука долетала до цели. Мне стоило притвориться и намеренно поддаться, но я не мог заставить себя сделать это, ведь наслаждение от выражения бессилия на раскрасневшемся лице казалось безграничным. Я попросту заставлял его бегать за мной, пытаться достать, пока он не начал задыхаться от усталости. Когда он был на волоске от того, чтобы остановить бой, я, наконец, сократил разделяющее нас расстояние и ударил его в челюсть снизу. Не сумев до конца проконтролировать магию, вместе с моим кулаком в тело принца я пустил едва заметную молнию.

Хант рухнул на землю. Он был в сознании, а на его подбородке даже не осталось ожога — разряд был слишком слаб, — но он совершенно точно почувствовал, как тот проходит по его телу. Пару мгновений его лицо выражало неподдельное изумление, как и лица Кидо и Ариадны, на которых я успел взглянуть краем глаза, но оно быстро сменилось ещё большей яростью.

— Ваше Высочество, — обратилась к нему принцесса; к моему удивлению, он не среагировал ни одним мускулом. — Совсем скоро обед. Быть может, пора закончить бой?

— Не сейчас, — ответил он, отряхиваясь от песка. — Остались мечи.

Не видя на своем пути ничего, кроме двух сверкающих кусков железа, Хант уже через мгновение стоял у стойки, откуда буквально кинул мне меч. Неестественно выгнувшись, я чудом сумел поймать его за рукоятку.

— Небольшой поединок на мечах, — повторил он. — И закончим.

В его глазах легко читалась одержимость победой. Он едва успевал сжать губы, чтобы слова не вырвались из его рта; слова, которые испортили бы его образ в глазах Ариадны и капитана гвардии. Слова, которые не надлежало произносить устами принца Куориана, благородного наследника и жениха принцессы. Я сдерживался точно так же.

Удивительным образом, стоило рукоятке меча соприкоснуться с ладонью принца, движения его стали проворнее и изящнее. Хант любил меч — оружие, позволяющее рубить головы на скорости скакуна, с высоты его спины; оттуда, где его не достал бы ни один обычный человек. Оружие, из-за которого его руки и стали такими мускулистыми, а плечи — широкими; то, во владении которым я, очевидно, ему проигрывал.

Сталь замедляла меня; островитянин подметил это и хищно ухмыльнулся. Я учился

обращаться с мечом, но это обучение давалось мне нелегко; мне не был близок характер этого оружия, и у меня не выходило с ним договориться. Вот и тогда, когда сотрудничество было крайне необходимо и мои руки отчаянно пытались направить меч в нужную сторону, он меня не слушал. Каждый раз, когда меч принца встречался с моим, тот отвечал жалостливым лязгом, а моё плечо едва не вылетало из сустава.

Я бы не успевал нападать, даже если бы попытался; даже на защиту времени катастрофически не хватало. Внимание Кидо и Ариадны медленно перетекло к нашему бою, и капитан, до последнего имитировавший замахи, взвыл, когда выпавший из рук меч приземлился на его ногу. Интерес зрителей льстил принцу и подстегивал его на ещё более хитрые и сложные атаки. Лицо его светилось триумфом. Он был на высоте, и смаковал это ощущение каждой клеточкой своего тела. Понимая, как выигрышно выглядит со стороны, с течением боя он всё чаще оглядывался на невесту, что так отчаянно старался впечатлить. Ошибка.

Я поднырнул под его левую руку, когда обеими он обхватил рукоятку, казалось бы, одноручного меча, чтобы замахнуться и обрушить на меня сильный рубящий удар. Поднырнул, рукояткой нанёс удар по ребрам, стараясь выбить из легких воздух, и отскочил за спину. Пропустивший удар Хант тут же развернулся, с головы до пят облитый липким позором, и разъяренно зарычал.

Я отступал. Хант смотрел прямо мне в глаза, не отрываясь и постепенно поднимая меч. Град ударов обрушился на меня неожиданно, и не все из них я сумел отбить — все они пришлись на руки, — но последний удар он с предвкушением растянул. Разразившись звериным ревом, Хант занёс меч и вонзил острие мне в щеку.

Тренировочные мечи намеренно заточены плохо — во избежание травм там, где их быть не должно, — потому лезвие вошло в кожу лишь под действием большой силы, оставив неаккуратную, рваную рану. Я удержался на ногах, но по инерции потянулся за мечом, когда Хант дёрнул его на себя, и немного наклонился вперёд. Песок с каждой каплей всё больше окрашивался в красный. От боли заложило уши. Я слышал взволнованное щебетанье Ариадны и неловкие оправдания принца, но лишь звуки, без слов. Кидо слышно не было; вероятно, умчался за лекарем.

Я слегка пошевелил челюстью; от вспышки боли потемнело в глазах. Щека была проткнута насквозь. Я чувствовал, как сквозь щель в щеке проходит воздух, щекоча разорванную кожу, и не хотел поднимать голову, чтобы не залить кровью одежду; лишь смотрел вниз, терпеливо ожидая, пока кто-либо окажет мне помощь. Первым, кто ко мне прикоснулся, был Хант — я узнал его по сладкому запаху муската, коим обладали все южане, — и спустя несколько секунд я нащупал опору в виде ограждения за спиной. Спустя ещё несколько — провалился во тьму.

Я приходил в сознание несколько раз. В первый — от нового выстрела боли, вызванного иглой, коей лекарь старательно сшивал куски разодранной плоти на моём лице. Во второй — от удушающего запаха лечебной мази. И, наконец, в третий, когда разум мой прояснился, и я был готов мыслить фразами длиннее двух слов.

За окном смеркалось. В покоях никого не было, но Фэй и Лэсси, очевидно, не оставляли меня одного надолго: повязка была свежей, таз, стоявший у кровати, полон чистой воды, а свечи на комодке зажжены совсем недавно. Я проспал до вечера? Коснувшись пальцами куска ткани, что прикрывал щеку, я обнаружил, что рана больше не кровоточила, а боль заметно

притупилась и осталась лишь легкой пульсацией на поверхности кожи, не посылая импульсов тревоги по всему телу. Вероятно, меня чем-то напоили.

Дверь заскрипела. Я сел, чтобы не встречать гостя, как умирающий.

— Господин! — воскликнула Лэсси командирским тоном. — А ну-ка быстро ложитесь обратно! Не смейте вставать!

— Всё нор..., — попытался сказать я, но вместо слов изо рта вырвалась непонятная мешанина из звуков. Только сейчас я заметил, что щека изрядно опухла и мешала пользоваться ртом по его прямому назначению. — ...нормально.

— Бу-бу-бу, очень интересно, — спародировала служанка. — Будет ещё интереснее, если вы ляжете.

Старательно укрывая меня одеялом, ненужным в теплый летний вечер, Лэсси осматривала повязку. Оставшись довольной её состоянием, она отправилась задвигать шторы. Промычав что-то нечленораздельное, я рукой указал на вид за окном.

— Да, уже вечер. Вы проспали два с половиной дня. Лекарство было сильным, и вы все это время бредили. Болтали без умолку. Я бы даже послушала, — хихикнула служанка. — Но ни слова не разобрала.

Вновь не получив в ответ ничего внятного, Лэсси продолжила.

— Тренировочное оружие редко чистят, и в рану попало много грязи, вот и пришлось прибегать к таким средствам. Ну как можно было получить такую рану от этих тупых железок? Их же специально не точат! Это правда, что это сделал принц Хант? Вы ему чем-то не угодили?

Я осуждающе взглянул на служанку. Да, мы подружились, и она, чувствуя мою благосклонность, вела себя фривольно — Фэй, в силу своей стеснительности, не могла позволить себе того же, — однако делать мои покои рассадником придворных сплетен я считал стратегической ошибкой. Лэсси понимающе поджала губы и лишь помахала мне на прощание.

Спустя ещё четыре дня с меня сняли повязку. Лекарь восторженно ахнул, увидев полностью сросшуюся кожу, и стал петь оды своей фирменной чудодейственной мази. Я едва заметно улыбался: разумеется, не хотелось бы портить ему настроение, но дело было совсем не в ней. Щека зажила ещё два дня назад; я попросту пользовался возможностью проводить время в тишине наедине с книгами, что доставляли в покои по первому требованию.

Всё это время меня не выпускали из покоев, а подниматься с кровати разрешали лишь для похода в уборную. Тело ныло, требуя движения, и именно поэтому я так активно заменял физические тренировки умственными. Книги, что мне приносили, не всегда имели какую-либо историческую или практическую ценность, но, тем не менее, среди них не было ни одной, что мне бы не понравилась.

Меня вновь пригласили на королевский ужин, но в этот раз не негласно, а официально — в покои прислали корзину фруктов с письмом, где выразили желание видеть меня среди гостей за столом. Удивительно, но я даже соскучился по их напыщенным манерам и важным лицам.

Во время сборов к ужину Лэсси сделала мне комплимент по поводу здорового румянца, удивительного после недели постельного режима. Сосредоточившись на виде за окном, я старательно не смотрел в зеркало; не хотелось увидеть шрам. Не потому, что я переживал об

испорченной привлекательности, которой и без того не наблюдал в отражении. Потому, что, увидев этот памятник превосходства Ханта, я буду мечтать лишь о том, как заставлю его пожалеть о содеянном. Эти низменные желания заставляли меня чувствовать себя задиристым львом, не думающим ни о чём, кроме как о своём статусе в прайде, и я ненавидел себя за них. Дисциплина и смирение — то, что я прежде принимал как данность, и то, чего мне теперь отчаянно не хватало.

Столовая встретила меня коллективным сочувствующим вздохом. Заинтересованным был только взгляд юной Элоди, по-прежнему сидевшей по левую руку от меня; она без стеснения разглядывала рану, наклонившись так, что кончики её волос возились по, к счастью, ещё пустой тарелке. Я лишь улыбался в ответ; она напоминала мне сестер.

Впервые за долгое время я вновь увидел Лианну, что не так часто присутствовала на подобных приемах; вероятно, за столько лет они ей чудовищно наскучили. Сегодня её лик был особенно цветущим и свежим, но во взгляде не было и капли участия. Её снова загнали в каменную клетку.

Почему она так верна короне? Настолько, что забыла о муже, о дочери, о народе, хоть и страдает в стенах её обители. Верна, но несчастлива. Разве преданность не должна идти от чистого сердца, от любви и во имя любви? Друид не может направить свою силу по принуждению — лишь по искреннему желанию, исходящему из глубины души. Служат ли её силы на благо Грей или король не отпускает Лианну, ожидая, когда силы вновь проснутся?

Ранее надоедающая своей бессмысленностью, сейчас светская беседа ласкала мои уши. Гости стеснялись смотреть на меня, хоть и хотели, а я, в свою очередь, с упоением рассматривал их; за неделю в изоляции я будто позабыл многие лица. Интереснее всего было наблюдать за принцем Куориана. Его лик не выражал ничего, что я привык на нём видеть; он выглядел, как провинившийся щенок, ожидающий от хозяина прощения. Ариадна почти не смотрела на него, зато часто смотрела Минерва — с плохо скрываемым презрением.

— Сэр Териат, — обратилась ко мне королева. — Рады видеть вас снова. Как ваше самочувствие?

— Я в полном порядке, Ваше Величество, благодарю за беспокойство.

— Жаль, что так получилось. Надеюсь, вы не держите зла.

— Несчастный случай, — пожал плечами я. — Могло быть хуже.

— Вам так даже красивее! — влезла Элоди, по-детски хлопая ресницами. — У героев легенд всегда есть какие-то шрамы!

— Вряд ли я гожусь для легенд, но благодарю, Ваша Светлость.

— Пф, — фыркнула она в ответ, слегка обиженная, что её комплимент не польстил мне. — Легенду могут сложить о каждом.

— Говорят, вы потеряли сознание, — вступила Минерва. — Разве прежде вы не получали ран?

Принцесса изображала полную незаинтересованность — даже не обратила головы в мою сторону, — однако тон её голоса рисовал совсем иную картину. Это было излюбленным ею приемом; по какой-то причине она считала, что безразличие пробуждало в мужчинах страстное желание доказать свою значимость.

— Разве детство в Сайлетисе не научило вас стойко переносить подобные травмы? — продолжала она. — Мне казалось, детей там обучают воинскому искусству с тех самых пор, как они впервые встают на ноги.

— Вы совершенно правы, — согласился я. — Так было и со мной, но странником я был

всегда, даже в собственном доме. Я без зазрений совести сбегал, пропуская уроки, которые считал неважными. Разумеется, это было ошибкой, за которую я множество раз поплатился и, без сомнений, поплачусь ещё.

— Воины северного острова славятся своей безжалостностью и непреклонностью. Разве могли они так просто позволить вам такие вольности?

— Меня множество раз пытались вразумить, используя самые убедительные доводы — розги и работу на псарне, — но характер оказался крепче. Было решено сделать упор на доведении моих сильных мест до идеала, а не на поднятии слабых навыков до сносной планки, — говорил я быстро и убедительно, сам удивляясь, какой складной выходила история. — Что ж, и это решение было спорным. Каждый волен оценивать его, оглядываясь лишь на свой опыт.

— Я наслышана, что род Эрландов поставляет стране её лучших полководцев на протяжении многих веков, и полководцы эти жестоки и бескомпромиссны, потому как снимают кожу с владельцев завоеванных земель. Так как же ваш отец, будучи верным последователем вековых традиций, смог позволить старшему сыну, наследнику, так бесцеремонно от всего отказаться?

Провокация. Безрассудная. Глупая, я бы сказал. Она не могла ничего знать о моём роде — его не существовало, — а значит, она либо догадывалась, что я лгу, и пыталась в этом убедиться, либо точно знала о моей лжи и хотела публично меня опозорить. Скорее всего, первое; будь она уверена, моя голова уже лежала бы на плахе, а покои были бы перевернуты вверх дном. Но вот он я, сижу за огромным столом, и от королевской четы меня отделяют шесть человек — слишком опасно было бы оставлять так странника, в чьих гнусных намерениях ты совершенно точно уверен.

Я противостоял её чарам. Не так хорошо, как хотел бы, но всё же не позволял взять полного контроля над разумом и чувствами. И она это понимала. Злилась, что не получает желаемого, пыталась выяснить, с какой стороны подойти, чтобы пробить мою броню, и потому так отчаянно выдумывала истории о несуществующих порядках в моей несуществующей семье.

— Вероятно, Ваше Высочество, вы ошиблись, — ответил я непринужденно, но голос мой дрогнул. Хант это заметил. — То, о чём вы говорите, едва ли относится к моей семье, однако вполне возможно является правдой, если говорить о семье с фамилией Элианд.

— Вы знакомы с её представителями? — оживился Хант, словно стервятник, налетевший на ослабленную жертву. Весь стыд и сожаление тут же покинули его, вновь обнажая кровоточащее эго, в то время как моя щека давно затянулась. — Удивительно, что есть две известные семьи со столь похожим фамильным именем.

— Да, их поместье находится неподалеку от нашего, однако теплыми отношениями похвастаться не могу. — Я старательно изображал расслабленность, в паузы между словами закидывая в рот кусочки печеных овощей. — Их методы слишком жестоки и противоречат нравам моей семьи.

— Что ж, выходит, дрянная военная подготовка соответствует нравам вашей семьи? — чуть не вскочил принц. — Любой уважающий себя наследник должен уметь держать в руке меч, как воин, а не как пятилетнее дитя.

Минерва торжествующе улыбалась. Я недооценил её намерения: она не просто хотела вывести меня из себя, оперируя заведомо ложными сведениями, но и задеть Ханта, нестабильного на фоне недавнего инцидента. Хотела спровоцировать конфликт, напрямую

её не касающийся, но играющий ей на руку; я бы сказал, добавить огня туда, где всё и так горело синим пламенем.

— Кто сказал, что я — наследник?

На несколько секунд в зале повисла тишина. В процессе разговора я не заметил, что абсолютно все следили за его ходом, не произнося и звука; лишь Кидо и Лэндон, сегодня стоящие у массивных дверей вместе со стражей, тихо переговаривались. Хант растерянно взглянул на Минерву, обронившую это в числе прочих глупостей несколько минут назад.

Король выглядел заинтересованным исходом нашей словесной битвы, но лишь в масштабе перебранки за столом; предпосылки и последствия его не волновали, ведь существовали специальные люди, доносящие обо всём, что ему действительно следовало знать, и без необходимости Эвеард не будил спящие во время еды навыки правителя. Казалось, разумом он был совсем далеко. Королева же, напротив, была крайне обеспокоена. Её взгляд метался от гостя к гостю, менялся от гнева до жалости, и лишь ко мне обратился с мольбой; мольбой закончить это дешёвое представление.

— Я — не старший ребенок и даже не старший сын, — не дождавшись ответа принца, продолжил я. — У меня трое братьев, двое из которых старше, и четыре сестры. Недавно отец женился в третий раз, и не исключаю, что вскоре он порадует мир очередным дитя. Потому все претензии к наследникам меня не касаются. Я — избалованное дитя, росшее в атмосфере любви и вседозволенности.

Последняя фраза была очевидной шуткой; почти все гости за столом расплылись в улыбке и расслабились, начав, как и прежде, переговариваться друг с другом. Хант же вскипал всё больше с каждой секундой; казалось, он не мог найти слов, чтобы выразить своё недовольство подобными методами воспитания. Однако стоило руке невесты коснуться его плеча, он мгновенно расслабился. Обращенный к Ариадне взгляд абсолютно чётко давал понять: он влюблен в неё. Каждый шаг, что она делала навстречу ему, растапливал его черное сердце. Действительно влюблен, хоть и обладал своим, возможно, только ему ясным понятием любви.

Проводя так много времени с людьми, я уподоблялся им. К тому же, мой отец был наполовину человеком; иного оправдания своему низкому поведению я придумать не мог. Мне казалось, я достаточно умен, чтобы держать себя в руках, но каждый раз, когда принц так смотрел на мою лисицу, я мечтал навсегда лишиться его возможности видеть. И о том, что когда-нибудь у меня будет право звать лисицу «моей».

“Аарон”.

Вспышка боли.

Я так сильно сжимал челюсти, стараясь незаметно перетерпеть момент отчаянной ревности, что, казалось бы, давно сросшаяся щека начала кровоточить; у меня разошлись швы.

— Вы так давно выросли, мальчики, — гулко произнёс король. — А так и не поняли, что слова бывают опасней любого оружия.

Люди за столом переглядывались, и я был удивлен не меньше любого из них. Щека совершенно точно затянулась; более того, порез оброс свежим слоем бледно-розовой кожи, формирующим очертания шрама. Разве шрамы имеют свойство расходиться?

Спешно извинившись, я покинул столовую.

Ошеломлённый лекарь наказал мне вечером посетить храм, чтобы обратиться за

защитой к Богине, и я, прежде не интересовавшийся людским вариантом поклонения Матери Природе, воодушевленно пообещал последовать совету.

Я не знал, большим ли был местный храм относительно тех, что возведены в других королевствах, но он совершенно точно был роскошен. Расширенный сад, за которым ухаживали не меньше королевского, и помпезный фонтан соответствовали внутреннему убранству. Потолки бесконечно далекие, но притом украшенные рукой, что искусно владела кистью, фигурные окна, многочисленные горшки с цветами на стенах. Плющ обвивал ряды скамей. Храм казался совсем новым, но притом будто бы был молодой версией Дворца Жизни, когда величие лишь начало зарождаться в его стенах. Войдя в обитель богов, я не ожидал испытать столь всеобъемлющее восхищение.

Эльфам не нужны стены, чтобы общаться с Богиней, напротив — они были лишь преградой, — но люди всегда избирали особенный путь, как бы старательно мы ни навязывали им свой. Мы видели ее повсюду, они — смели подумать, что загнали ее в клетку. Мы воспевали Природу. Горожане приносили на алтарь дары.

Мои руки были пусты, и это тут же заметила проходящая мимо служительница храма. Пожилая женщина сложила руки на животе и чуть склонила голову; я тут же вспомнил это выражение лица. С таким же взглядом она провожала самых юных жриц, что после исполнения песни на празднике равноденствия исчезли в толпе.

— Вам помочь, господин?

— Я пришел к Богине под наплывом чувств и совсем забыл о благодарности, — выдохнул я. — Около храма есть овощная лавка. Примет ли она подношение, если я куплю его там?

— Нет, — мягко улыбнулась жрица. — Лишь то, что дала однажды сама. Она подарила теплое лето, и фермеры приносят ей овощи. Она оградила скот от болезней, и ей приносят кусок мяса. Заставила сердце разбиться, и люди плачут, заливая алтарь слезами.

Я кивнул, и женщина удалилась, вероятно решив, что ее слова закрыли все потребности в пояснениях. Разумность подхода несколько удивила меня, хоть я и не думал, будто бедняков заставляют осыпать алтарь золотом, и это натолкнуло меня на мысль о той благодарности, что я мог воздать.

Дождавшись своей очереди, я приблизился к сердцу храма. Алтарь представлял собой статую женщины, полностью покрытую мхом. В ее руках — наполненная водой чаша, у ног — бесчисленные дары горожан. Я внимательно взгляделся в невозмутимое каменное лицо, проглядывающее сквозь зеленое полотно. Мать Природа дала мне всё, что могла, чтобы научить меня обороняться, и о большем я просить не смел. Всеми свое время.

Кончиком пальца я коснулся воды. Молния нырнула в нее, на мгновение заставив ту вспыхнуть мириадами светло-голубых прожилок, и померкла.

Возвращаясь в свои покои, я не мог отделаться от странного предчувствия; мне казалось, будто бы я иду на встречу, которой не планировал. Только заглянув в выученную наизусть комнату, я мгновенно ощутил — в ней кто-то был. Легкий, но терпкий цветочный запах витал по комнате, и он точно не принадлежал ни одной из моих служанок. На комодке стоял небольшой букет — Фэй часто выпрашивала свежие цветы у молодого садовника, испытывавшего к ней чувства, — но он пах совершенно иначе; к тому же, теплый запах человеческой кожи сложно с чем-то спутать.

Больше в комнате ничего не изменилось: всё стояло на своих местах, нетронутое с тех пор, как я покинул покои. Однако стоило приблизиться к кровати, как внимание привлекло

что-то серо-коричневое, стеснительно выглядывающее из-под подушки. Маленький мешочек размером с ладонь. Плотно завязан. Никаких знаков. Внутри — тончайшие золотые нити и записка: «Прошейте швы изнутри».

С тех пор, как король согласился с инициативой Минервы отказаться от всех кричащих проявлений богатства, стало несколько сложнее противостоять чарам принцессы. Прежде известные мне нити были такой толщины, что неизбежно разодрали бы кожу, будь они вшиты изнутри, но эти... столь роскошный подарок помог бы мне значительно усложнить Минерве задачу. Прачки, безусловно, разгадают мой трюк, но в Грее не существовало запрета на защиту от невидимых сил.

И все же откуда они взялись? Неужели Киан сумел пробраться в замок? Или смог уговорить своего шпиона передать мне послание? В любом случае, слишком опасно. Я был преисполнен благодарностью, но все же не уверен, стоило ли так рисковать.

Заперев комнату изнутри, я вытащил все вещи, что хранились в моём шкафу, и вывернул их наизнанку. К счастью, в нижнем ящике комода нашлась игла.

Ночи я все чаще стал проводить в компании своего «фамильного» меча. Занимался до тех пор, пока не начинало темнеть в глазах, а уши не заполнял уже забытый мной мерзкий писк. Как только сердцебиение приходило в норму, а все признаки наступающей потери сознания отступали, я начинал снова. Снова и снова, на протяжении нескольких недель я проводил ночи в саду, в тренировочном зале или за стенами замка, ни на мгновение не расставаясь со стальным спутником. Я пообещал себе, что больше не позволю взять надо мной верх, как бы плох ни был мой навык; я создам хотя бы видимость умения. За одним заброшенным домом на окраине Грей я тренировался пускать молнии посредством меча — отправлять их в цель, направляя лезвие в нужную сторону, — и выжег всё живое, что смог там найти. К счастью, судьба этого забытого Богиней места не интересовала ни одну живую душу в королевстве.

Неделя постельного режима пробудила во мне небывалую жажду физической активности, и я практически перестал спать, находя источник энергии в смене деятельности. Как только начинало светать, я возвращался в покои, обмывался и менял одежду, скрывая следы ночных походов, дожидаясь Лэсси и делал вид, что рад наступившему утру, после чего сразу же направлялся в тренировочный зал.

Сначала капитан Фалхолт искренне удивлялся моему рьяному желанию пропускать разминку, не делать перерывов и не выпускать меча из рук, но спустя пару недель он привык, ясно понимая причину моих стремлений. Каждый день он отмечал, как быстро я двигаюсь к цели, хотя до этого долго стоял на месте, и со временем стал обучать меня сложным схемам атак и блокировки удара. Мне казалось, он знал, какую дыру я заполнял в своей душе и на чьи глаза изредка отвлекался, если наше занятие вдруг затягивалось до обеда.

Если сначала я старался не смотреть на шрам, то теперь я ежедневно старательно его разглядывал. Он больше не вызывал во мне ненависти к Ханту — его лицо при встрече в столовой справлялось с этим куда лучше, — но напоминало об обращенных к себе ожиданиях и надеждах. Когда-то я думал, что взял на себя чересчур много, но всё оказалось иначе — этого было недостаточно. Я был недостаточно умён, недостаточно тренирован, недостаточно хорош в своём деле, и, глядя на шрам, я находил силы не прекращать бороться с несовершенствами. Я жил в замке уже несколько месяцев. В замке, куда меня отправили, чтобы я разузнал о планах старшей принцессы по захвату власти и военных стремлениях Грей. И что же я узнал? Ничего. Мне казалось, я собирал информацию по крупицам, но в то же время многое упускал. Однажды это выльется в то, что я слишком поздно обрушу новости на головы эльфов, либо все обернется так, что на мою голову обрушится топор палача.

Я стал больше гулять по замку. Забавно, что люди были так внимательны к слухам о скандалах и непотребствах, но в коридорах проходили мимо, никого не замечая на своём пути. Я лишь однажды видел, как кто-то, в самом деле, остановился, чтобы обменяться несколькими ничего не значащими фразами, но это был кто-то из новоприбывших к свадьбе гостей, и я не знал их имен.

Я стал находить внутреннее убранство замка очаровательным. Каменная кладка наглядно показывала, как долго строилось здание: от комнаты к комнате менялись цвет и фактура камня, кое-где даже покрываясь скромным подобием мха. Так как стены коридоров

были усыпаны дверьми, все окна приходились на комнаты. Находящиеся под потолком витражи в противоположных концах коридора не давали достаточного света, потому на каждом пригодном для того выступе красовались канделябры ручной работы — каждый уникальный в своём роде. Свет свечей колыхался каждый раз, когда кто-либо проходил мимо, но почему-то никогда не погасал, создавая впечатление, что давно мертвые лица с портретов провожают живых обитателей замка взглядом.

Больше всего времени я проводил на первом этаже. Он был самым старым, а значит, хранил больше памяти о членах королевской семьи и, в частности, её прародителе — Уинфреде. История о замурованном мече, как я думал, была лишь красивой выдумкой, призванной приукрасить нежелание правителя вступать в войны, но если тот меч и существовал, то наверняка прятался в одной из этих стен.

На первом этаже находилось всё самое необходимое: кухня, из которой по вечерам доносился хохот Ариадны, притащившей служанку полакомиться пирожными; вход в конюшню и тренировочный зал; опустевшая оружейная. И камин, что я прежде не замечал. Он располагался в левом крыле — я обычно бывал лишь в правом, — в самом его конце, и размеры его поражали воображение. Деревья для меня важны настолько же, насколько голос матери или лик отца, но даже я не мог отрицать шарма трескающих в огне дров. По ночам я часто бывал в том крыле, что казалось безлюдным, и подолгу наблюдал за процессом горения, жадно вдыхая запах, что так сильно напоминал мне о лисице.

И все же место полюбилось не мне одному. Из одной из дверей, что открылась внезапно, нарушив моё безмолвное наслаждение костром, вдруг вышел мужчина, сверкающий белоснежной улыбкой.

— Господин Советник, — поприветствовал его я, и лик того мгновенно потускнел. Он испугался, обнаружив меня; взгляд его взволнованно бегал по сторонам, проверяя коридор на наличие лишних ушей.

— Доброй ночи, сэръ, — нарочито громко ответил он, чтобы находящийся в комнате за его спиной точно его услышал.

Дверь тут же захлопнулась, и советник поспешил покинуть этаж, чтобы избежать неловкого разговора. Я же совсем не почувствовал неловкости; напротив, меня позабавило, что я сумел смутить столь важного чиновника. Сам он точно жил в том же крыле, где и король; я слышал об этом другой ночью около прачечной, когда одной из служанок объясняли, куда отнести свежее бельё. Кто же жил здесь? Может, советник предпочитал взрослых серьезных женщин вроде Аурелии Ботрайд? Или, наоборот, бегал к юной кузине принцесс Эйнсли? А может, уже завёл близкое знакомство с кем-то из без конца прибывающих гостей? Несмотря на частые прогулки по крылу, я так и не понял, кто его заселял. Что ж, нужно запомнить: первый этаж, левое крыло, пятая дверь слева.

Гостей действительно было много; я поражался, что замок мог вместить в себя столько постояльцев. Меня утомляли постоянные знакомства и ежеминутно растущее количество стульев в королевской столовой, и потому я иногда пропускал приемы; сомневаюсь, что кто-либо успевал это заметить, ведь если попробовать лично поздороваться со всеми присутствующими за ужином, то наверняка вернешься в покои не раньше полуночи. Лицо Ариадны выражало постоянную усталость, что с каждым днём становилась лишь чудовищнее; свадебные хлопоты, и без того не доставляющие ей удовольствия, усугубляли родственники, что считали невероятно важным свой вклад в организацию торжества.

До свадьбы оставалось пять недель. За четыре полагалось устроить приветственный

бал — опять же, для гостей, что должны к тому моменту прибыть все до единого, — на котором, помимо пира и бала, проводится церемония подношения даров Богине. Все на балу обязаны быть в черном, неся траур по свободной жизни будущих молодожёнов.

Так как в моем разросшемся гардеробе не нашлось подходящего одеяния, его пришлось шить.

— О, Богиня, ваша спина! — сетовала Лэсси. Фэй тихонько ей вторила. — Зачем вам костюм, господин, если ваша спина и так черна, как ночь?

Синяки не проходили. Темные сгустки также встречались на коленях и локтях, а на груди появилось несколько новых шрамов — следствие неудавшихся попыток управиться с магией, когда молния вылетала не из того конца меча.

Разумеется, у придворных портных было невероятное количество заказов. Неужели никто из гостей не знал об этом обычае? Меня не волновало, что именно мне сошьют; проблемой было время. Мне пообещали выдать наряд лишь в день бала.

Я не успею прошить его нитями.

Без них я не был обречен, но нельзя было отрицать, что жизнь с ними виделась куда более простой. Я в самом деле чувствовал меньше попыток Минервы пробраться в мой разум: мне перестали сниться сны о ней, и я не чувствовал благоговения пред её ликом, хоть что-то внутри и предательски щекотало то ли от страха, то ли от восхищения. Я мог ей противостоять, и она, казалось, на какое-то время отвлеклась от попыток меня подчинить; у неё были куда более важные дела. Она постоянно куда-то пропадала. Однажды даже уехала на несколько дней в полном одиночестве, не сообщив о цели путешествия никому, кроме отца и советника; по крайней мере, лишь они не были взволнованы её отсутствием. Вернувшись, она привезла с собой седовласого юнца, который исчез так же внезапно, как и появился, вновь ничего не объяснив широкой публике. Никто не смел требовать обратного.

Её отсутствие порождало лишь больше обсуждений её персоны; я слышал их отовсюду, в каждом коридоре и зале. Ненавязчиво проходя мимо кабинета, в котором по утрам заседал королевский совет, я слышал лишь её имя из уст всевозможных чиновников. Удивительно. Я знал, что все одержимы ей, но лишь слегка скинув эту пелену с собственных глаз, по-настоящему заметил, насколько слепы окружающие.

Я не мог назвать Минерву злым и плохим человеком; подобные суждения поверхностны и сухи. Её внутренний мир и разум куда более интересны, чем кто-либо мог себе представить. К тому же, предположения — это всё, чем она позволяла довольствоваться; дверей в сердце старшая принцесса не открывала никому. Её властность и жажда внимания и поддержки казались мне панцирем, под которым она попросту чувствовала себя в безопасности. А так как безопасность — естественная потребность, позволяющая жить в гармонии с собой и миром, Минерва, осознанно или нет, пыталась заручиться ею про запас.

Недовольства по поводу того, что в центре внимания находится её младшая сестра, принцесса не скрывала, старательно переводя фокус на себя. Не преследуя цели тем самым помочь Ариадне, она всё же значительно облегчала её ношу.

— Жду не дождусь сегодняшнего бала, — было слышно практически от каждой леди, что я встречал тем утром. — Интересно, что наденет принцесса Минерва!

— Я слышала, что портной готовил её платье ещё с весны, — непременно отвечали ей.

Бал начинался исключительно с наступлением темноты; весь день до этого был занят активной подготовкой зала и гостей. Такого ажиотажа я не видел никогда; нельзя было ступить и шага, чтобы не врезаться в слугу, несущего чьё-то платье или украшение. Не желая

быть затоптанным, я отказался от ежедневных прогулок, и, закончив привычные часы в компании меча, до самого вечера заперся в комнате.

Как только начало смеркаться, в дверь требовательно постучали. Фэй держала мой наряд, а Лэсси уперлась кулаками в талию и ожидающе смотрела мне в глаза.

— Что? — рассмеялся я, не выдержав.

— Вы разденетесь сами или мне вам помочь?

— Помоги.

Лицо служанки мгновенно изменилось. Глаза расширились, а руки опустились, меняя позу на менее спесивую. Отвыкшую от подобного отношения ей по спине будто дали плетью, напоминая не забывать о своём месте. Я вспомнил, как она рассказывала мне о детстве, что провела в фактическом рабстве у пьяницы-отца; точнее, у его друзей, которым он продавал дочь каждый раз, когда ему не хватало на выпивку. Рассказывала, что первое время вздрагивала от моих резких движений, потому что ждала удара. Мне в сердце будто вонзилась стрела.

— Прости, — виновато пробормотал я, стягивая с тела рубашку. — Глупая шутка.

— Я схожу за обувью, — будто не заметив, ответила она.

Фэй растерянно смотрела то на уходящую девушку, то на меня.

— Дело не в вас, — наконец, тонким голосом пропела она.

— Мне стоило держать язык за зубами.

— Просто сегодня не её день.

Вернувшись, Лэсси сделала вид, что ничего не произошло. Наглая улыбка, шутки, резкость движений. Нижний слой моего наряда состоял из мягких и легких тканей, с которыми не возникло проблем, однако верхний кожаный слой доставил служанкам немало проблем: в него я еле втиснулся. Мускулатура плеч и рук заметно развилась с тех пор, как я стал активнее заниматься искусством владения мечом, и я с неудовольствием подумал, что, продолжая в том же духе, фигурой стану походить на Ханта.

Отойдя на два шага и заставив меня обернуться вокруг своей оси, Лэсси оценивающе осмотрела меня, после чего довольно улыбнулась. Я взглянул в зеркало. Наряд действительно смотрелся впечатляюще: добротная кожа богатого, глубокого чёрного цвета. Если бы она не была отполирована настолько, что отражала свет, в темноте человека в таком одеянии не разглядел бы даже самый зоркий эльф. Кожаные брюки снабжены двумя карманами по бокам и поясом, к которому удобно крепить любые ножны, а жилет — множеством декоративных ремней и заклепок, металлические детали которых были также окрашены в черный. Нужно будет непременно оставить этот комплект себе.

Обернувшись, я тут же бросился к Лэсси, заключая её в объятия. Её сердце билось как бешеное с тех пор, как я сказал то проклятое «помоги», и мне хотелось забрать у неё хоть каплю той обиды, что я так бездумно влил в её душу. На моё удивление, её руки тут же обвилились вокруг моей талии, а голова прижалась к моей груди.

— Прости, — вновь прошептал я.

— Я не держу на Вас зла, — ответила она.

Уверен, среди знати не принято водить дружбу с прислугой, но я не знал, как можно было жить иначе: эти прекрасные девушки проводили со мной столько времени, что стали мне родными. Им было плевать лгу я о своем происхождении или говорю правду: они видели меня, а не оболочку, что я так старательно демонстрирую. Эта дружба могла сыграть со мной злую шутку, но я точно знал: Фэй и Лэсси со мной так не поступят.

— Ещё кое-что, — воскликнула Лэсси, и, достав из ниоткуда длинную черную накидку, надела ее на мои плечи. — Так-то лучше.

Бальный зал преобразился до неузнаваемости. Количество свечей увеличилось до многих тысяч, создавая невероятную атмосферу интимного ритуала. Цветы, отобранные для украшения, были исключительно белыми или оранжевыми. Белый символизировал начало нового этапа, оранжевый — Куориан, серый камень стен — Грею. Найти кого-то среди гостей было невозможно из-за однородности цвета; когда будущие супруги поднимутся на пьедестал, все мы станем лишь тенью, что отбрасывает луна, глядя на них через искусный витраж под потолком.

Все прибывающие на бал выстраивались в шеренги, беря начало у входных дверей, а конец — у пьедестала, образуя, таким образом, коридор, по которому должны пройти виновники торжества. По нелепой случайности я оказался в той стороне, большую часть которой составляли воины с острова. Восприняв это как возможность, я напряг слух, стараясь выловить их слова из общего гула. Мне повезло: южане до ужаса болтливы.

— А король Дамиан уже прибыл? — спросил один из воинов.

— Не-а, — лениво ответил другой. — Будет ближе к свадьбе. Своих дел хватает.

— Скорее бы. Достала меня эта дыра.

— Это ты ещё в теплые месяцы приехал, — поддакивал он. — Я тут был зимой... Мерзость, да и только.

Стоило мне сосредоточиться на разговоре, как все тут же умолкли. Я инстинктивно повернул голову к входу.

Комнату будто залило светом; все до единого открыли рты. Минерва вышагивала медленно, высоко задрав подбородок и с ощущением полного превосходства над мелкими людишками, млеющими от одного её вида. Было очевидно, что слухи о том, что на её платье портному понадобилось полгода ручной работы, не оказались голословными; к тому же, черный невероятным образом контрастировал со светлыми волосами и сапфировыми глазами старшей принцессы. Платье было до безумия откровенным; так открывать тело позволяют себе лишь блудницы. Тонкие бретели оголяли хрупкие ключицы, по наклонной уводя взгляд к двум треугольным лоскутам ткани на бюсте; декольте кончалось лишь на уровне талии. Юбка была прямой и многослойной, но тонкость ткани позволяла без труда разглядеть каждый изгиб и движение принцессы. Наплевав на собственную инициативу отказа от кричащих украшений, Минерва являла собой телесное воплощение богатства. Её шею плотно облегалo золотое кольцо толщиной в два пальца с прозрачными драгоценными камнями; от кольца к плечам направлялись множество тонких золотых цепей. Там они соединялись с золотыми наплечниками, имитирующими драконью чешую; из-под наплечников струилась ткань, полностью прячущая руки. Талию принцессы обнимало некое подобие корсета — разумеется, тоже из золота, — в виде переплетенных между собой ветвей. Голову украшала тонкая тиара, от которой так же, как от кольца, вниз по волосам утекали струйки золота тонкого плетения. Каждый провожал её взглядом, ведь взору тут же открывалась оголенная белоснежная спина. Проходя мимо меня, Минерва на секунду задержалась. Внимательно посмотрев в глаза, она слегка ухмыльнулась; почувствовала, что я не защищен.

Следом за принцессой в зал вошли Ровена и Эвеард; на фоне дочери их наряды смотрелись скучными и невзрачными, хоть они и без того обладали эффектной внешностью. На фоне черных одеяний благородная седина Эвеарда выделялась ещё сильнее, подчеркивая

загорелое лицо, а точёные скулы и пухлые губы Ровены служанки удачно подчеркнули собранной прической. Королевская кровь поистине не доставалась кому попало; благородством сочилась каждая клеточка их тел.

Следующим вошёл принц Хант; в белых одеждах, не до конца скрытыми под плащом в традиционном цвете его страны. Наследнику Куориана рукоплескали, и тот отвечал публике взаимностью, по пути обмениваясь комплиментами со случайными гостями. Я так сильно ненавидел его, что был совершенно спокоен, ведь знал — именно это пугало его больше всего. Холодная ярость и безразличие, умение сдержаться и выждать момент, когда соперник будет уязвимее всего; ему подобный уровень самообладания недоступен. Принц знал, что мы соперничаем, и что соперничество закончится лишь тогда, когда сердце одного из нас замрет навеки, притом не зная, в чем истинная причина вражды. Этим знанием обладал лишь я, и в этом было ещё одно моё преимущество.

Толпа вновь умолкла.

Ариадна.

Плотная темно-серая накидка закрывала всё тело принцессы, и её платья не было видно. Амаунетский бархат переливался в теплом свете свечей, подсвечивая лик лисицы, сегодня смущенный и робкий. Ариадна не стеснялась пить в таверне и спать на постоялом дворе, украдкой сбегать из замка, сквернословить и грубить, но быть в центре внимания и удерживать груз ожиданий, возложенный на её плечи сотнями любопытных глаз, ей стоило немалых усилий. Лишь заметив меня, она едва заметно выдохнула, ощутив поддержку; я знал, что ей тяжело, и мы обязательно снимем эту ношу с её души. К сожалению, не сегодня.

Обрученные заняли место напротив королевы, что стояла на пьедестале, являя собой олицетворение Матери Природы. В её руках глиняный горшок с молодым деревцем, на поясе — кинжал. Взглянув на короля и получив его одобрение, Ровена прочистила горло.

— Благородный народ Греи, — начала она, и в полной тишине голос эхом разнёсся по огромному залу. — Сегодня мы узнаем, благословляет ли Богиня брак Ханта из династии Гаэлит и Ариадны из династии Уондермир. Прошу, подойдите ближе, дети мои.

Поднявшись по ступеням, они встали напротив королевы и вытянули левые руки, обратив ладони к потолку. Далее ритуал не сопровождался словесными пояснениями; тем интереснее было наблюдать. Я впервые видел его вживую, и потому заранее отыскал в толпе место с наилучшим обзором.

Свободной рукой королева сняла с пояса кинжал и с легким нажатием провела им по ладоням наследников. Кровь закапала на каменный пол, в полной тишине отбивая гулкий ритм. Я не видел лиц, разгадывая эмоции лишь по звуку дыхания и ритму вздымающихся плеч: Хант был возбужден, Ариадна — холодна и безразлична.

Прислонив кровоточащие ладони друг к другу, обрученные пролили кровь на землю в глиняном горшке и принялись ждать. Считалось, что если деревце расцветало, то Богиня благосклонна к планам молодых, если нет — свадьбу надлежало отменить. Разумеется, если бы Мать в самом деле что-то решала, она бы ни за что не позволила этому случиться. Но, к моему сожалению, ритуал был лишь представлением. Забавной традицией. В темноте за пьедесталом, на котором происходило действие, скрывалась что-то тихо приговаривавшая Лианна. Друидская магия способна на многое; с несчастным деревцем она уж точно сумела бы справиться.

Листья спящего дитя природы распустились, и рядом с ними тотчас возникли розовые цветы. Это была вишня, которую так любила принцесса; теперь и она омрачена связью с

принцем.

Толпа ликовала.

— Никто не знает, куда вас может завести судьба. Даже Богине это неподвластно. Потому, дети мои, я прошу вас обратиться в белый, — церемониально вещала Ровена. — В знак чистоты, с которой начнётся история вашего, несомненно, многообещающего союза.

Речь королевы была складна и торжественна, но взгляд её переполняло сочувствие к дочери. Она знала, каковы истинные чувства Ариадны. Знала, но, как и все прочие, ничего не могла с этим поделать. Её мнение ценилось при дворе, но я сомневался, что с ней советовались, принимая столь масштабные решения. Она не хотела того же для дочери, но здесь круг замыкался, и бессилие терзало материнское сердце.

Во время слов королевы принцу и принцессе уже обработали и перевязали руки, и теперь, не боясь запачкать плащи кровью, они развязали их и отбросили в сторону, поворачиваясь к толпе. Белый наряд Ханта был виден и до этого: прямые штаны, легкие ботинки, плотный кафтан с множеством накладных карманов. Но на Ханта никто не смотрел.

Платье Ариадны ослепляло своей белизной. Метров ткани, ушедших на этот наряд, с лихвой хватило бы на дюжину пышных свадебных платьев. Она будто закуталась в облако — мягкое, пушистое, но легкое и полупрозрачное. Длинные широкие рукава спереди оголяли её запястья, но сзади уходили к полу, сливаясь с юбкой. В противовес старшей сестре, Ариадна была одета закрыто — виднелись лишь кисти рук и шея, — но смоляные локоны и чувственные губы делали её образ куда более притягательным. Если бы Богиня имела своих посланников среди людей, уверен, они бы выглядели именно так.

Далее бал не представлял собой ничего особенного. Королевский друид и приглашенный мастер — люди звали его чародеем, но магией он не владел, — дополняли праздник различными деталями: плывущий по полу дым, взявшиеся из пустоты бабочки, огненное представление. Для самых юных гостей был приглашен жонглер, развлекавший их в стороне от танцевального зала. Музыка лилась, заполняя собой всё пространство, а голоса бардов вторили ей, рассказывая невероятной красоты истории. Атмосфера располагала, и я, боясь показаться неблагодарным гостем, вошел в танцующий водоворот. Привыкнув кружиться по залу, я приглашал на танец каждую, у кого мне доводилось остановиться перед началом новой мелодии. Когда я поднял глаза во время очередной остановки, перед ними сверкнуло золото.

— Ваше Высочество, — слегка присаживаясь, я склонил голову и вытянул вперед правую руку. — Извольте?

Дав молчаливое согласие, Минерва вложила свою ладонь в мою. Холодная, как лёд.

До конца вечера я не отпускал её руки. Мы танцевали песню за песней, не обращая внимания ни на кого вокруг, полностью поглощенные головокружительным ритмом. Будто плывя в воздухе, не касаясь ногами земли, я полностью растерял себя. Не мог оторвать взгляда от взмахов её черных ресниц, что заставляли сапфиры её глаз сверкать ещё выразительнее; утопал в пшеничном поле ее волос. Минерва часто прижималась ко мне ближе, чем то позволяли рамки приличия, и я сквозь кафтан чувствовал холод её оголенной кожи. Звон золотых цепей стоял в ушах, заглушая музыку. Её магия когтями вцепилась в мой разум.

Я пытался противиться, но был почти бессилён; умудрялся лишь не подпускать её к левому уху — месту, о котором мне рассказывала Маэрэльд, — и она замечала, что я

намеренно отворачиваюсь, якобы отвлекшись на что-то. Магия в груди яростно металась по клетке из моих ребер, желая защитить меня, но я не мог позволить ей выбраться, и потому отчетливо ощущал всё, что Минерва заставляла меня чувствовать.

Я хотел сорвать с неё это проклятое звенящее платье. Желание пылало во мне, сжигая низ живота, а принцесса лишь хищно ухмылялась в ответ. Она пыталась сделать из меня животное, идущее на поводу у инстинктов, и ей бы удалось, если бы не многочисленные гости торжества, снующие где-то на фоне. Она закусывала губу, и я делал то же самое, сдерживая порывы.

Король взял слово, и музыка прекратилась. Минерва отпустила мою руку, и мы, как и все, остановились, обратив лица к правителю. Я не слышал ни слова из того, о чём он говорил; лишь жадно вдыхал запах принцессы, стоящей в сантиметрах от меня. Подняв затуманенный взгляд, я столкнулся с глазами Ариадны: разочарованными, пустыми. Разумеется, она нас видела. Будто получив пощёчину, я слегка пришёл в чувство и оглянулся в поисках ближайшей двери. Двигаясь медленно, маленькими шагами, к концу королевской речи я выскользнул из бального зала.

Коридор был мрачным и холодным на контрасте с украшенным залом, полным разгоряченных тел. Я не мог отдышаться, выгоняя запах Минервы из легких; в глазах темнело, и я прислонился к каменной стене всем телом. Я не знал, сколько времени провел, пытаясь вернуть разум в чистое состояние, но, открыв глаза, я увидел спадающие по волосам золотые цепи.

— Ты сбежал.

— Я не пёс на привязи, чтобы сбежать.

— Ты правда так считаешь?

Она приблизилась к моему уху — правому, на этот раз, — и обожгла кожу касанием губ.

— Взять, — властно скомандовала она.

И я не смог воспротивиться. Жадно впившись в её губы, я позволил рукам исследовать её тело. Как во снах, где я не знал, взаправду ли касаюсь её кожи; этот раз не казался более реальным. Желание накатывало волнами, и я чуть не рычал, когда успевал вдохнуть. Начав покрывать поцелуями шею, я обратил внимание, как дышит принцесса — тяжело, прерывисто; наплевав на вероятность быть увиденной, она наслаждалась одержанной победой. Я открыл глаза, до того блаженно прикрытые, чтобы взглянуть в её лицо; рука забрела в её волосы, требовательно намотав их на пальцы. В проёме за ее спиной мелькнули смоляные пряди.

Меня обдало холодом. Я замер, мгновенно забыв обо всех порывах. Да, Минерва имела власть над моим телом и разумом, могла заставлять делать всё, что вздумается, но этой власти никогда не сравниться с той, что имела надо мной Ариадна — над моей душой.

— Зачем вы делаете это, Ваше Высочество? — взмолился я. — Зачем играете со мной?

Улыбка на лице старшей принцессы тут же переросла в оскал. Она уперлась руками мне в грудь и оттолкнула так, что я чуть не пробил древний камень стен.

— С детства привыкла отбирать игрушки у сестры.

Спешно поправив прическу, Минерва тут же вернулась в зал.

Мне возвращаться не хотелось. Не хотелось смотреть в глаза Ариадне. Точнее, хотелось, разумеется, каждую секунду, но не хотелось увидеть в них то же безразличие, с коим она смотрела на Ханта. Безразличие, которое пугало его больше всего, и, оказывается, пугало меня не меньше. Я был готов на всё — на гнев, на слезы, на обиду, на жалость, — но не на

отсутствие чувств.

Однако, вернувшись, я не увидел и этого, ведь попросту не смог поймать её взгляда. Ариадна мастерски уходила от жениха, кружась в танце с кем угодно, кроме того, кто так отчаянно пытался удостоиться хоть капли её внимания. Лисица не говорила ни с кем, бездумно глядя куда-то за лица и стены, в пустоту, но не в пустоту коридоров или ночного неба за окном; в ту, что зияла внутри неё.

Когда бал подошёл к концу, гости выстроились в коридор, подобный приветственному. Торжественно взявшись за руки, будущие супруги проследовали к выходу из зала. Согласно традиции, жених должен проводить невесту в её покои, где, взамен на его обещание быть верным ей до свадьбы и после, она должна подарить ему свой первый поцелуй. Я знал, что этот поцелуй не будет первым ни для неё, ни для их пары, и всё же поёжился, невольно его представив.

Гости стали лениво разбредаться; для транспортировки некоторых потребовалось позвать стражу — эль в тот день был особенно хмельным. Капитан Фалхолт без конца раздавал указания, едва успевая справляться с потоком навалившихся дел. Я так и стоял на месте до тех пор, пока зал полностью не опустел, вторя моему внутреннему ощущению.

— Следуй за мной, — как будто издалека прозвучал голос, и я поднял глаза. Рука Кидо по-дружески лежала на моем плече.

Всю дорогу он что-то говорил, и, хоть я и не понимал ни слова, звук его голоса помогал мне вернуть чувство реальности. Мы спустились на первый этаж, свернули в левое крыло.

— Куда мы идем?

В ответ он лишь пожал плечами, будто бы знал, что ответ в самом деле не слишком меня заботил. По мере приближения камина в конце коридора я всё больше приходил в себя. Как только Кидо остановился и снял с пояса ключ, я обернулся назад, отсчитывая количество пройденных дверей. Слева. Пятая.

Покои оказались простыми, лишенными роскоши, к тому же, маленькими; неудивительно, ведь этот этаж в основном заселяла прислуга. Кидо никогда не хвалился благородным происхождением, и расположение его покоев лишний раз подтверждало кротость и бескорыстность юного капитана.

— Что это было?

Он сел на край кровати, сложив руки перед собой, и голос его прозвучал тяжело, вопросом придавив меня к земле. Взгляд требовал ответа.

— О чём ты?

— Мне казалось, ты влюблен в другую принцессу.

По спине пробежали мурашки. Я так расслаблялся в компании капитана, поддаваясь дружественной атмосфере, что совсем забывал о лжи, служившей основой моего существования в замке. Забывал скрывать взгляды, намерения, интересы. Забывал, что он служил короне, а значит, в первую очередь, представлял её интересы.

— Кто я такой, чтобы любить её?

— Прекрасный человек, — тут же отчеканил он. — Не упивающийся обожанием толпы и кровью захваченных земель.

— Ты и сам всё знаешь. Я не мог ей отказать.

— Знаю, — подтвердил он. — Но Ариадна была разбита. Почему ты не пригласил её хоть раз?

— А почему ты не пригласил Лэндона?

Кидо закашлялся. Глаза оробело забегали по комнате, точь-в-точь как у советника ночью, когда я застал его покидавшей покои капитана. Он будто хотел спрятаться, сбежать, но сам привел меня туда, откуда бежать было некуда.

— Кто-то ещё знает?

— Может быть, — ответил я, и Кидо тяжело выдохнул. — Но я никому не говорил.

Юноша зарылся лицом в ладонях, пытаясь отдышаться. Его сердце отбивало бешеный ритм, не успокаиваясь ни на мгновение, и я, начав переживать за друга, присел рядом с ним на кровати. Кидо поднял на меня испуганный взгляд.

— Тебе нечего бояться, — успокаивал я. — Мой первый поцелуй, например, украли совсем не прекрасная дева. Черты его, конечно, были весьма женственны...

— Только не говори, что ты перепутал его с дамой.

— Лишь поначалу. Впрочем, когда мне открылась правда, это ничуть не оттолкнуло меня. В этом нет ничего постыдного.

— Далеко не все так считают, — сдавленно прошептал он.

— Король знает?

— Ты, верно, шутишь, — горько усмехнулся капитан. — Его любимый советник и нелюбимый сын. Если он узнает, нас повесят тем же вечером.

— И вы не боитесь?

— Боимся.

— К счастью, по ночам лишь я гуляю по этим коридорам.

— Он бывает безрассуден, — согласился Кидо. — Но лишь потому, что привык к безнаказанности.

— Кидо... — неуместный вопрос камнем лежал на языке. — А те женщины в таверне? Ты же...

— Напиваюсь вусмерть, сплю, а наутро щедро плачу, — нервно расхохотался он, не ожидавший, что я все-таки решусь спросить. — Их такой расклад более чем устраивает.

Я понимающе хмыкнул. Мы проговорили много часов, почти до рассвета. Капитан совсем позабыл, о чём хотел расспросить меня считанные минуты назад, и с упоением делился тем, чем прежде ни с кем не мог поделиться. Он был изумлен, что я не испытывал к нему отвращения. Путешествия по миру и множество удивительных вещей, увиденных в них, показались ему убедительным оправданием, но на деле все было намного проще: эльфы едва ли обращали внимание на пол партнера. Предубеждения, навязанные людьми, пробирались и в наши бессмертные души, и все же никто не в силах противиться воли Богини: ты принимаешь любого, в чьем теле она спрятала частичку твоего сердца.

Тройной стук. Мы переглянулись, но не сдвинулись с мест. Не дожидаясь ответа от владельца комнаты, Лэндон по-хозяйски отворил дверь.

— Сэр Эрланд, — испуганно поклонился он, сменив добродушную улыбку на напряженную до скрипа челюсть. — Капитан Фалхолт, простите за поздний визит.

— Расслабься, Лэн, — Кидо расслабленно откинулся на кровать. — Он всё знает.

— О чем?

Советник напрягся всем телом, и глаза его сузились в характерном прищуре. Я вдруг понял, что он в самом деле не был красив; его притягательность возникала на совершенно ином уровне, идя изнутри, невзирая на внешние черты. Если Кидо был готов делиться со мной подробностями личной жизни, то Лэндону это желание было чуждо — я являлся для него одной из множества сомнительных придворных персон, недостойных доверия в столь

деликатном вопросе.

— Я не знаю, о чём вы говорите, капитан.

— Прекрати, — начинал раздражаться юноша, наконец взявшийся за снятие кожаных доспехов. — Это не доставит нам проблем.

— Ещё как доставит!

— Я буду молчать, — вмешался я.

— До тех пор, пока вам это выгодно, — огрызнулся советник. — Иметь на крючке капитана королевской стражи и советника короля — великая удача, не так ли?

— Я вам не враг.

— В замке все — враги.

— В любом случае, для меня все равны, — спокойно продолжал я. Гнев советника почему-то совсем меня не трогал. — И я уважаю ваши права и чувства так же, как и всех прочих.

— Как жаль, что это уважение кончится с первым звоном золотых монет.

— Лэн, ты сходишь с ума, — взмолился капитан.

Мужчина бросился к нему, занеся руку, будто для удара, и остановился в сантиметре от его лица. Голос стал похожим на звериный рык.

— Закрой рот, идиот.

— Мне казалось, тебе больше нравится, когда он широко открыт.

Ошеломленный ответом советник тут же растерянно отодвинулся; я едва сдержал смехок. Лицо Кидо было полно торжества; вероятно, это была одна из немногих побед над его властным возлюбленным. Мне казалось, будто я присутствую во время чего-то крайне интимного, и я несколько раз порывался встать, чтобы уйти, но путь мне всегда преграждали копыа колких фраз.

— Ты считаешь, что поступил разумно? — сквозь зубы прошипел советник.

— Это ты, не убедившись в пустоте коридора, по ночам выскакиваешь из моих покоев.

— Ты мог всё отрицать!

Аккомпанементом каждой фразе выступали гневно взмывающие в воздух руки, а ноги нервно носили тело по комнате. Глаза покраснелись; в самом деле, мне казалось, будто я вижу блестящую гладь слез. Кидо же, в свою очередь, поражал спокойствием.

— Я устал врать.

— Ты, верно, запутался в юбках дешевых шлюх, раз твой взор застлала такая плотная пелена! Нас казнят!

Ничего не сказав в ответ, капитан медленно приблизился к разгневанному мужчине, наконец заставив его остановиться. Они смотрели друг другу в глаза. Двое взрослых мужчин, о темных прядях и острых скулах которых мечтали все женщины замка; двое мужчин, встречавшихся лишь под покровом ночи, способной скрыть их чувства. Кидо заставлял советника забыть о статусе, об обязанностях и страхе, обнажая душу и истинные желания.

Крики переросли в шепот, и капитан попытался прикоснуться к Лэндону кончиками пальцем. Тот вздрогнул и тут же бросил на меня требовательный взгляд.

— Полагаю, вам пора вернуться в покои, — холодно произнес он. — Я бы предпочел, чтобы вы не распространялись об увиденном, потому, как обдумаете, сообщите мне, какие условия покажутся вам приемлемыми.

Я не стал объяснять, что в сделке не было нужды, и молча поспешил в коридор. Капитан улучил момент, чтобы кивнуть мне на прощание.

Оказавшись на лестнице, я с трудом поборол желание подняться на один этаж выше своего. Чувство стыда поглощало мой разум. Я так хотел объясниться перед Ариадной, что тело само несло меня к её двери, но, собрав волю в кулак, я сумел его остановить. Время было неподходящим: в лучшем случае, она спала, в худшем — в сердцах отправила бы в мою голову какой-нибудь тяжелый подсвечник, не желая слушать лжеца и предателя. Она плохо справлялась с сильными чувствами, превращая их все в одно — в ярость. В этом мы с ней похожи.

Шёл до дверей в свои покои я мучительно долго: каждый шаг давался тяжело, будто сам воздух отталкивал мое тело. Слышалось тихое пение птиц; за окном светало, но в темных коридорах не горели свечи, и я двигался почти на ощупь, помня зазубрины на каждом сантиметре каменных стен. По мере приближения к нужной комнате, мне все сильнее слышался запах — теплый, терпкий, с нотами цветов и вишни, — и я не мог вспомнить, где встречал его раньше.

— Сэр Териат, — послышался из темноты голос королевы. — Мы можем поговорить?

Я предложил королеве войти, и она без раздумий спряталась за дверь. Её грудь взволнованно вздымалась и опускалась, а руки нервно перебирали подол платья. В свете рассветного солнца, пробирающегося в комнату через окна, я впервые заметил серебряные нити волос в её причёске.

— Я поступаю неправильно, — заявила она. — И, возможно, глупо. Потому прошу вас выслушать меня, не задавая лишних вопросов, и дать мне уйти, будто этого разговора никогда не случилось.

Я молча кивнул. Ровена тревожно металась по комнате, не в силах остановиться; в таком состоянии она едва ли могла говорить. Я слышал, как бьется её сердце; если она издаст хоть звук, его стук тут же её перебьет. Спрятав руки за спиной, я терпеливо ждал, когда королева будет готова. Остановившись у окна, она повернулась ко мне спиной; ей было легче говорить, не глядя в глаза.

— Вас собираются заключить под стражу. Моя падчерица отдала приказ.

Я, как она и просила, не задавал вопросов, хоть они и рвались наружу, разрывая кожу. Кровь в венах забурилась, вскипая, и паника охватила мой разум. Я лгал не так хорошо, как мне казалось.

— Ныне меня не ставят в известность о делах подобного рода, но я слышала их разговор. Хочу, чтобы вы были предупреждены.

— Когда?

Королева не подала виду, но явно была разочарована нарушением единственного — и очевидно несложного, — правила.

— После охоты. За измену и угрозу жизни короны.

Я глубоко вдохнул. До начала королевской охоты три дня. Что ж, в лесу перед группой воинственно настроенных стражей у меня найдется целый ряд очевидных преимуществ.

Мысли стремительно вернулись к капитану. Наверняка, советник уже убеждал его в том, что нашелся прекрасный способ заставить меня замолчать; даже если заключенный под стражу изменник начнет нести небылицы о порочной связи двух главных приближенных короля, ему поверит разве что умалишенный сосед по камере.

— Она утверждает, что вы выведываете сведения, которые в будущем применит Сайлетис для уничтожения нашего рода и захвата города, но, сэр, я... — задыхаясь, щебетала Ровена. — Даже если это — правда, я не желаю ей верить.

Королева наконец обратила ко мне лицо; светло-зеленые глаза сверкнули влагой. Утреннее солнце влюбленно ласкало её оливковую кожу, напоминая о теплых землях Драрента, где прошли её детство и юность. Я с удовольствием подумал, что примерно так же будет выглядеть Ариадна спустя два десятка лет, и невольно улыбнулся этой мысли, замороженный зрелым очарованием королевы.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — слегка поклонился я. — Надеюсь, этот разговор не принесет вам неприятностей.

— Нет, — уверенно ответила она, как бы невзначай касаясь уголка глаза указательным пальцем. — Ведь никакого разговора не было.

Тем же утром я оказался в кузнице, где позаимствовал подмастерье для подготовки

моего оружия к охоте; наконечники стрел, как и клинки, нуждались в качественной заточке. С такой просьбой в последние недели к кузнецу прибывали многие знатные мужи, и это не выглядело как жест нездорового интереса к предстоящему событию.

Киан выслушал дословный пересказ информации, полученной от королевы, и после долго и мучительно пытал меня о каждом сказанном слове и каждом сделанном в стенах замка шаге. Я признался ему во всём, даже в самом глупом и постыдном, но он не дал никакой оценки моим действиям; как ни странно, это меня раздражало. Порой мне хотелось, чтобы меня отругали, указали на ошибки и сказали, как поступать правильно, но Киан лишь отмахивался, твердя, что каждый из нас идет своим путем. Даже если этот путь важен для всех — он по-прежнему мой, и лишь мне решать, каким он станет.

— Мы всё подготовим, — после долгого размышления произнес он. — Раз тебя планируют задержать за угрозу жизни короля, значит, вас должны оставить наедине. Отведи короля на западную поляну.

Обед в королевской столовой снова поприветствовал разросшимся столом. Помимо многочисленных не интересовавших меня персон — троюродных тетушек королевы из Драрента, внучатых племянников короля из Эдронема и прочих, — присутствовали и весьма любопытные лица. Дамиан Гаэлит — король Куориана — сидел подле своего сына, всем видом демонстрируя свое над ним превосходство. Его осанка ровна, поза открыта, улыбка широка. Он бесконечно долго говорил обо всём на свете, позволяя вмешиваться в разговор кому угодно, но не своему сыну; как только тот смел подать голос, король одним взглядом отрубал у того всё желание говорить. Хант не противился, что шло вразрез со всеми представлениями о его характере — он замыкался, и, стоило отцу поднять руку, вжимал голову в плечи, будто пес, которого этой рукой ежедневно бьют. Его челюсть напрягалась, лишь когда Дамиан говорил что-то о его невесте, но и тогда слова застывали на губах несказанными. Ариадна не смотрела никуда, кроме тарелки.

Она вообще никому не смотрела в глаза. Её кожа была бледна, а дыхание тяжело. Я чувствовал от нее странный кисловатый запах; так обычно пахнут люди, стоящие на пороге болезни. На следующий день она не появилась ни на одном приеме: “принцессе нездоровится”, отрепетировано отвечали служанки. Несколько раз я проходил под её окнами и забредал в крыло, где находились её покои: отовсюду был слышен страшный кашель и проклятия, что лисица отправляла ему вслед. Собрав все известные мне травы, что могли бы помочь избавиться от недуга, я оставил их у дверей лекаря с соответствующей запиской. По слухам, ей становилось лучше.

Ещё одним новым гостем был Рагна — тот самый седовласый юноша, появившийся при дворе после таинственной поездки Минервы и позже так же таинственно исчезнувший. Он являлся известным во всем мире — хоть я прежде о нем и не слышал, — магистром магии и, несмотря на юные черты чарующе красивого лица, появился на свет больше полутора веков назад.

— Моё настоящее имя — Магнус Ардгласс, — признался он в разговоре Аурелии Ботрайд, еще не представляя, сколько восторга вызовет у нее своим происхождением. — Сайлетис был мне домом, пока родители не погибли и магистр Матео не забрал меня под своё крыло.

— Сколько же вам было лет, дорогой? — не скрывая ликования, причитала она.

— Восемь, — бросил Рагна. Эта история давно не задевала его чувства.

— А вот господин Териат покинул Сайлетис по своему желанию, и, кажется, совсем об этом не сожалеет!

Колдун впервые за вечер взглянул на меня с интересом; прежде его взгляд скользил по мне быстрее, чем по блюдам на столе. Неудивительно: золотые нити защищали меня от лишнего внимания.

— Когда-то и у меня были рыжие волосы, — произнес он с нотой грусти, глядя себя по седым прядям.

— Уверен, в ваших силах вернуть им краски.

— Как и многое другое, — усмехнулся он. — Ваш акцент потрясающ. Так напоминает мне о детстве! Северный?

— Всё верно.

— Как вас зовут?

Разумеется, он не раз слышал моё имя; его интересовало другое — фамильное, — что все так тщательно избегали по моей же просьбе.

— Териат Эрланд, — представился я, сопроводив слова легким наклоном головы. — Но, прошу, просто Териат.

— Эрланд... — проигнорировал он, задумчиво прищурившись. — Незнакомо мне. “Чужак”. Похоже, не вы избрали для себя судьбу странника — ваш род сделал это за вас.

Я пожал плечами. Каждый из нас идет своим путем.

Когда король собрал всех участников охоты и объявил об её начале, стояла невероятная жара. Палящее солнце было беспощадным и ненасытным, будто стараясь вытянуть из природы всю влагу до последней капли. Доспехи для такой погоды были лишними — они висели на теле бесполезным, мертвым грузом, — но большинство из участников и не подумали от них отказаться. Я ограничился кожаным нагрудником, самым тонким из тех, что смог выторговать в королевском хранилище. Смотря на претенциозных рыцарей, вроде тучного сэра Фалкирка, едущих в полной амуниции, я с трудом сдерживал смех, представляя, как быстро звон железа распугает всех животных на их пути.

Охота в Арруме была разрешена для людей, но лишь в строго отведенных местах: там, где они не встретят оленей или не набредут на поселения местных жителей. Самым удобным способом найти такие места было идти вдоль реки Эйldre, что спадала с гор Армазеля и слегка задевая земли Грей, уходила вглубь родного мне леса. Король не нарушал договоров с азаани; мирное сосуществование и без того давалось нелегко.

— Мы разделимся по парам, — объявил Эвеард, когда все остановились в ожидании дальнейших приказаний. — В каждой должен быть тот, кто прежде охотился в этом лесу и знает соответствующие правила.

— Не убивать оленей, — послышался голос из толпы. Юный; я бы даже сказал, детский.

— В том числе, — сдержанно согласился король. — Капитан Фалхолт распределит вас, дождитесь его указаний. Сэр Териат, вы идете со мной.

Я почтительно поклонился, изобразив изумление и несказанную благодарность. Не будь я предупрежден — в самом деле, отреагировал бы именно так.

Пепел разочарованно фыркнул, когда пришлось спешиться и привязать его к дереву; он, верно, предвкушал, как будет бороздить прохладные лесные просторы, скрытые под тенью деревьев, но охотиться верхом — верх глупости. Я мысленно извинился перед ним, и тот на мгновение понимающе уткнулся горячим носом мне в плечо.

Поначалу король не давал мне вставить и слова, и у меня не выходило направить его на запад. Он то и дело рассказывал истории из своей юности, спугивая всю живность в округе, но делал это без высокомерия, искренне — не как правитель, а как отец или старший товарищ. Я вспоминал, как много о нем мне рассказывал отец: он называл его справедливым правителем, хоть и не считал его достойной сменой предшествующему королю. Народом правила Ровена — ей эта роль пришлась по вкусу, — а войнами заведовал Эвеард. В молодости он лез в драки без причин, но все же был отличным воителем, победившим во многих сражениях и принесяшим славу многим благородным домам; его путь к короне был тернист, но неизбежен. Вероятно, так же себя чувствовала Минерва — неприкосновенной победительницей.

Заметив, как внимательно я рассматриваю землю на предмет следов животных, Эвеард все-таки вернул мысли к охоте. Он заинтересованно расспрашивал, где я успел поохотиться в своей жизни, и я бессовестно выдумывал, пытаюсь примерно соотнести местности и обитающих в них животных. Его впечатлило мое чутье — он посчитал это даром свыше, но этим даром были лишь присущие каждому эльфу слух и зрение, — и он позволил мне быть главным, направлять его. Вероятно, это было лестью, что должна была расслабить меня и сделать легкой мишенью для гнусного заговора, придуманного принцессой, но она сыграла мне на руку.

Я, согласно указаниям Киана, вывел короля на западную поляну; там водилось невероятное число самых крупных зайцев, что мне доводилось видеть в жизни. Следы их лап вводили в заблуждение даже опытных охотников, и король подозрительно шурился, выслушивая мои аргументы, пока, наконец, не услышал шорох.

Огромный серо-коричневый заяц гордо вышагивал по поляне. Его челюсть двигалась, постепенно поглощая пучок молодой травы, что торчал изо рта. Король изумленно замер, но я тихонько коснулся его лука, намекая, как следует поступать при виде потенциальной добычи. Доставая стрелу из колчана, он задел ветку стоящего сзади дерева; шум спугнул животное, но моя стрела оказалась быстрее заячьих ног.

— Впечатляющая скорость, — с легкой опаской прошептал король. Я никогда не давал ему поводов сомневаться в моей дружелюбности, но он, казалось, медленно начинал верить в верность выдуманного для меня приговора. — Дождемся ещё одного?

Я кивнул. Мы занимали разные позиции, успели освежевать пойманного зайца, поесть ягод и собрать несколько редких грибов, но собратья убитого будто чувствовали, что ступать на поляну опасно, и успешно прятались в своих жилищах. Разочарованный Эвеард предложил отыскать новое место, и я чуть не увел его, как вдруг за спиной раздался оглушающий треск веток.

— Ваше Величество, — окликнул я, но его глаза уже были намертво прикованы к источнику шума.

Эвлон шёл медленно, позволяя прочувствовать всю мощь его величия. Шерсть оленя блестела на солнце, будто была усыпана мириадами драгоценных камней, а на месте каждого его шага следом распускались цветы. Жизнь и магия, заключенные в теле животного, в самом чистом своем воплощении приближались к двум заскучившим охотникам.

— Эв... Эвлон... — король едва выговаривал слова, сбитый с толку, но восхищенный божественным ликом оленя. — Я слышал о нем лишь... лишь в сказках.

Эвеард опустил оружие, но божество это едва ли волновало; его не пугали жалкие

человеческие стрелы. Он знал, что гнев Богини страшит людей пуще многого; смевших так рисковать история никогда не знала. Эвлон направил взгляд на меня: глубокий, всепоглощающий.

Пусть он коснется меня.

Голос прозвучал в моей голове, и я вздрогнул; прежде он никогда со мной не говорил. Я думал, такой чести могла удостоиться лишь азаани.

Не медли.

Он был столь низким, что все мое существо будто вибрировало от его звука. Я застыл, пораженный необычным ощущением. Король ничего не слышал, но его удивление было еще более нескрываемым. Эвлон подошел к нему почти вплотную; Эвеард, казалось, забыл, как дышать.

— Прикоснитесь к нему.

— Что?

Король повернулся ко мне, не ожидавший подобных сумасбродных предложений. Воздух, выходящий из ноздрей оленя, колыхал его седые пряди.

— Не кажется ли вам, что вам выпала великая честь? — шептал я. — Я читал, что ни одному человеку прежде не доводилось встретить короля этого леса.

Король с надеждой взглянул на Эвлона; темные озера глаз смотрели на него в ответ. Огромные ветвистые рога возвышались над королем, делая его маленьким, даже игрушечным на фоне исполинского животного. Нереальность происходящего захватила короля, и он самозабвенно протянул руку к мохнатой морде.

Стоило его пальцам коснуться кожи оленя, как всё вокруг залило ярким светом; мне пришлось тут же прикрыть лицо рукой, иначе казалось, будто я навеки ослепну. Свет постепенно исчезал, и, открыв глаза, я увидел, что весь он сосредотачивается в правителе Грей. Он лился из его глаз, рта, ушей, горел в груди, руках, ногах, каждый палец его рук испускал лучи, будто он, будучи главнейшим из богов, сумел съесть солнце. Иногда свет мерк, и из короля выходили сгустки тьмы; я наконец понял, что задумал Эвлон. Он очищал короля. Очищал от всех нечистых мыслей и недобрых побуждений, что в его душу заложила дочь, желая захватить волю отца. Очищала от лжи, делая его тем, кем он являлся на самом деле — справедливым правителем с добрым сердцем и храброй душой, что не стал бы прятаться за юбкой беловолосой принцессы, выполняя ее приказы. Тем Эвеардом, которого знала Грея; тем, кого Грея заслужила.

Свет исчез. Колени короля подкосились, и я тут же поймал его, предотвращая падение. Взгляд был пустым, будто тело его проснулось, но разум еще находился в глубоком сне.

Отведи его в замок. Сейчас.

Зачем?

Ему нужен сон. Он придет в себя очень скоро, но лишь после сна все его защитные барьеры возродятся с новой силой. Сейчас он уязвим.

Солнце в зените. Охоту не заканчивают так рано.

Эвлон поднял взгляд к небу и двинулся вглубь леса. Я ждал от него указаний, но его молчание с каждой секундой все больше давило на плечи. Эвеард замычал; сознание стало возвращаться к нему.

Сделай это.

Я осторожно оставил короля, дав ему новую опору в виде ствола векового дерева, и взглянул вслед уходящему оленю. Он не оборачивался; либо знал, что я все пойму правильно,

либо не интересовался исходом событий, возложив всю ответственность на меня. Впрочем, от этого мало что менялось.

Глубоко вдохнув, я отошел от короля на несколько больших шагов и встал посреди поляны. Я никогда не делал подобного и не знал, что из этого могло выйти. Но разве у меня был выбор? Сделай это. Снова глубокий вдох. Снова. Еще один. Удар по ребрам, боль волной прокатилась по телу. Клетка, заскрипев заскучавшими петлями, открылась.

Вторя рисунку вен, молнии забегали по телу, наполняя каждый его сантиметр. Меня ощутимо трясло; казалось, я никогда не давал ей столько свободы, но и никогда ещё не требовал от неё столь многого. Эзара, чёрт тебя подери, соберись! Голос Финдира ударил меня наотмашь. Он не зря потратил столько месяцев, думал я. Он достаточно обучил меня.

Грудь сдавило, выбивая из легких воздух. Сам того не ожидая, я разразился криком, взревел, спугивая птиц с веток. Магия отправилась в путешествие по вскинутым рукам, и к безоблачному небу поднялись две огромных молнии. Столкнувшись с облаками, они окрасили их в темно-серый, и дождь тут же окропил листья.

Прозвучал рог. Охота подошла к концу.

Не сумев удержаться на ногах, я упал на землю. Ладони горели; на них красовались два огромных красных ожога. Я спешно достал из колчана перчатки для стрельбы, которые за ненадобностью никогда не надевал, и натянул их, преодолевая боль и крепко сжимая челюсти. Услышав движение, я тут же метнулся к королю; его взгляд уже приобрел осознанность.

— Надо же, — захохотал он. — А ведь ни облачка не было!

— Погода — удивительная вещь, — согласился я, не солгав о своем изумлении.

— Что ж, в таком случае, пора возвращаться.

В рог протрубили снова. Сигнал выдвигаться в оговоренное место встречи.

Всю обратную дорогу мы поддерживали милую беседу о погоде, животных и особенностях охоты, а когда дошли до оставленных нами коней, долго смеялись над их возмущенными мордами. Король будто стал ребенком, до ужаса невинным и доверчивым, и это, полагаю, то, о чем предупреждал Эвлон, — он стал уязвим, как никогда.

Мы прибыли к выходу из леса последними; вероятно, успели уйти дальше других. Некоторые гвардейцы, что были наследниками знатных родов и были приглашены в числе прочих, при виде нас мгновенно спешили и обнажили мечи. Король удивленно вскинул брови.

— Вы что же, не узнали своего правителя?

Гвардейцы недоумевающе переглянулись. Эвеард не следовал намеченному плану.

— Ваше Величество, — поклонился один из них, подыскивая слова. Я оглядел присутствующих в поисках капитана; тот стыдливо опустил глаза, прячась за чьими-то спинами. — С вами всё в порядке?

— А не должно быть? — расхохотался он. Ему были неведомы их намерения. — Вы не поверите, кого я видел в лесу! Эту историю запишут во все книги!

Гвардейцы растерянно отступили, оседлав лошадей, и в арьергарде последовали за королем, рассказывавшим всем о невероятной встрече, состоявшейся на западной поляне. Подданные наперебой называли Эвеарда избранным богами, а тот лишь отмахивался, повторяя, что был не более, чем удачливым неудачником. Про мое присутствие на той поляне все благополучно забыли, увлеченные речью короля.

Капитан Фалхолт стал единственным, кто обратился ко мне. Приблизившись справа, он

слегка наклонился, чтобы не говорить слишком громко; дождь оглушающе барабанил по доспехам знати, старательно заглушая слова. Впрочем, со мной он мог говорить хоть шепотом.

— А с тобой всё... с тобой всё в порядке?

— А не должно быть? — улыбнулся я.

Сославшись на усталость, король укрылся в своих покоях сразу после возвращения в замок. Люди шептались, предлагая варианты истинной причины: “старик уже не тот, что прежде” — хоть он вовсе и не был стариком, — “поранился и не хочет, чтобы об этом кто-то знал”, кто-то даже выдвигал предположения о назначенной встрече с фавориткой, однако королева разрушила почву для сплетен, проведя все время “болезни” рядом с ним. Её любящий взгляд и теплые руки не отпускали его ни на минуту, пока он не нашел сил вернуться к делам. Восстановление заняло два дня.

Как только Эвеард включился в придворную жизнь, люди шептались уже об ином — о разгладившихся морщинах и огню в пепле серых глаз. Правитель Грей действительно помолодел как внешне, так и внутренне; стал веселее, разговорчивее, активнее. Одним ранним утром я даже встретился с ним в тренировочном зале, и мое удивление разделили абсолютно все присутствовавшие. Король обнял Кидо, шепнув ему что-то вроде “ты молодец, сынок”, и тот едва сдержал бушевавшие в нем эмоции. Даже всегда строгий и сухой Ашгон толкнул меня локтем, изумленно таращась на отца с сыном, но так и не смог ничего вымолвить.

Почти повсюду Минерва ходила следом за королем. Будто дитя, от скуки достающее родителя, она не отходила ни на шаг, без устали бросая в него колкие фразы; её тон был приказным, тяжелым — другие от его звука падали ниц и клялись в вечной верности, — но Эвеард игнорировал все капризы недовольной дочурки. Члены совета вторили ей, донимая вопросами, почему на заседании отсутствует принцесса, и король вновь и вновь отвечал, что для этого попросту нет причин. Он поручил ей помочь королеве в организации предстоящей свадьбы, и её недовольный вскрик в тот же миг слышали на всех этажах.

Я изображал искреннее недоумение, обсуждая со знатью перемены, столь внезапно произошедшие с королем. В первые дни никто не давал им положительной оценки: резкие изменения настораживают, заставляя задуматься о стороннем вмешательстве в дела короны. Подозрения большинства падали на новоприбывшего Рагну, что заставляло его юное лицо напрягаться и хмуриться; воздух вокруг него в эти моменты будто бы сгущался. Я заметил, наконец, изменения и в нем; о них тоже говорили многие. Его глаза.

Когда колдун спокоен и дружелюбен, они — светло-голубые, контрастирующие с загорелой кожей; многие из последних десятилетий, по слухам, он провел на юге. Когда до его ушей доносились сплетни о причастности “седовласого” к “неразберихе в замке”, радужка глаз тут же заливалась палисандровыми оттенками. Пока что я знал лишь две ипостаси, но был уверен, что существовали и другие.

Несмотря на настороженное отношение, каждый шаг Рагны сопровождался компанией дам разных положений и возрастов. Мягкие черты юного лица в сочетании с высоким, худощавым, но обладающим кошачьей грацией телом привлекали женщин и без применения особых чар. Они просили его о личных встречах без лишних глаз, о зельях, о гаданиях — что особенно его оскорбляло, — но их общество ничуть его не интересовало. Лишь изредка он тешил самолюбие юной Элоди, исполняя для нее небольшие фокусы; впрочем, и этот жест

выглядел вымученным. Его интересовали беседы — беседы обо всем на свете, — будто он много лет провел в тюремной камере, мучаясь безмолвием, и теперь наверстывал упущенное. Эту его потребность с лихвой удовлетворяла Минерва, с которой он проводил большую часть свободного времени, заставляя прочих дам разочарованно вздыхать. Советник Лэндон часто составлял им компанию.

Спустя некоторое время к поведению короля привыкли, и плюсы от изменений стали очевидны. Магия Минервы на фоне этого будто ослабла: либо она не пыталась вновь управлять разумом отца, либо Эвлон заметно усложнил этот процесс. Весь королевский совет вновь подчинялся только законной власти, хоть одержимость принцессой и не исчезла, а лишь покинула зал переговоров. Как и Лэндон, теперь часто пропускающий собрания и получающий заметно меньше королевского внимания. Всё встало на свои места: Эвеард будто вспомнил о родственной связи с Кидо, и всё тепло его отцовского взгляда теперь направлялось к капитану, а не к советнику. Первый все ещё не научился принимать отцовскую любовь; второй же быстро привык быть в немилости.

Дамиан Гаэлит — каким бы неприятным человеком он не был, имя у него звучное, будто скользящий по языку мёд, — почти всегда находился в компании куорианских воинов. Каждый день подолгу общался с ними, выслушивая все проблемы и замечания; те без конца жаловались на скучную Грею и тоску по морю. Казалось, что он искал прорехи в делах сына, чтобы затем ткнуть его в них носом, как щенка, и мне становилось искренне жаль Ханта — я никому не пожелал бы такого отца. Выражение его лица всегда было дерзким и самодовольным, точь-в-точь как у сына, когда тот только прибыл в Грею, копируя поведение властного отца-правителя. Эвеард предпочитал избегать любого личного общения с ним, делая исключения лишь для решения безотлагательных деловых вопросов.

Прогуливаясь по садам после завтрака, рядом с пышными ломкими ивами я встретил уже привычную взору светловолосую пару. Минерва что-то увлеченно рассказывала, активно жестикулируя; колдун молча слушал, изредка подтверждая своё внимание еле заметным кивком. Завидев меня, Рагна одними лишь глазами намекнул принцессе на мое присутствие; резко обернувшись, она одарила меня мягкой улыбкой, от которой почему-то стало не по себе.

— Господин Териат, — поприветствовала она, присаживаясь в легком реверансе. Я нахмурился; с каких пор она так любезна? — Что-то не так?

— Всё прекрасно, — услужливо ответил я. — Надеюсь, и Ваше Высочество находится в добром здравии.

— Со мной всё прекрасно, и моя дражайшая сестра тоже вскоре вернется в общество. Свадьба совсем скоро, вы представляете?

— Не могу дождаться, — выдавил я.

Минерва ухмыльнулась. Вот лицо принцессы, что мне знакомо: довольное уколом в самое сердце. Самой ей не было дела до свадеб: ни до свадьбы Ариадны, ни до своей, о которой никто никогда даже не помышлял. Я не слышал, чтобы её руки приезжали просить принцы или прочие благородные мужи, чтобы устраивали турниров в её честь, чтобы она влюблялась и сбегала для встречи с любимым, а ведь она старше сестры на четыре года. В её сердце не было места для любви; ей неведомо, каково это, когда сердце наполняется счастьем. Или она хотела, чтобы все остальные так думали.

— Магистр Рагна, — поприветствовал я.

Его глаза, до того бывшие светло-серыми, начали медленно желтеть, набирая цвет,

будто лимон на ветке; зрачок сделался выразительным, но в какое-то мгновение резко сузился, сделав мага похожим на змею. У меня защекотало в груди.

— Териат, — обратился он, опустив все ненужные титулы. — Не хотите ли присоединиться к нашей беседе?

— Не смею вас беспокоить.

Магистр резко приблизился ко мне, и я инстинктивно сделал шаг назад. Руку обожгло короткой вспышкой боли; розовый куст за моей спиной обладал крупными шипами, без усилий впившимися в покрытую мозолями кожу.

— Поранились? — Рагна протянул руку, предлагая помощь, и глаза его заблестели торжеством. — Позвольте помочь.

Я тут же сунул раненый палец в рот, слизывая кровь, и почти смущенно улыбнулся.

— Не стоит, — отказался я. — Я переживал и более серьезные ранения.

Магистр, казалось, был приятно удивлен моей сообразительностью, и, будто бы сделав мысленную пометку, отпрянул. Глаза стали меркнуть, но, обратив лик к Минерве, он не позволил мне рассмотреть весь процесс. Как и принцесса, Рагна чувствовал неладное. Магия помогла бы ему разобраться с пробелами в моей истории, но он не сумел ее применить. Он не выполнил условия — не заполучил ни капли моей крови.

То, что мой отец однажды обращался к подобному магу, совсем не добавляло его биографии светлых глав; магия крови, хоть и негласно, была запрещена в большинстве известных нам королевствах. Она позволяла узнать о человеке столь многое и столь многое с ним сделать, что и цену запрашивала соответствующую; я старался не размышлять, чего отцу стоило признание Кидо наследником короля. Немногие решались следовать кровавому пути, но те, что ступали на него однажды, боле не могли с него свернуть — жидкой властью полнились вены любого живущего, а отказаться от власти, что уже вкусил, — все равно, что отказаться дышать.

Минерву утомило ожидание разрешения молчаливого конфликта.

— Хорошего дня, господин Териат, — бросила принцесса. — Будьте аккуратны в саду — розы в это время года страшно агрессивны.

В следующий раз я увидел их тем же днем на ужине. Ариадна действительно появилась в столовой — но лишь на минуту, чтобы перекинуться парой слов с Лианной, вероятно принимающей участие в её лечении. Платье принцессы было простым и мятым — полагаю, в нем она последние дни лежала в постели, — волосы растрепаны, взгляд источал усталость. Я ощутил почти физическую нужду прижать её к груди, забрать все недуги себе, чтобы вновь увидеть её сияющей и улыбающейся, но в сердце кольнуло: я не видел её такой мучительно давно. Она перестала выходить в город, где так любила бывать раньше, и проводила столько времени в компании ненавистных ей людей, что сама едва ли помнила звук своего смеха. Зато его помнил я — звонкий, искренний, заразительный, — и отдал бы все, чтобы услышать его вновь.

Неприятно признавать, но к обществу ненавистных лисице людей я привык и прикипел. В каком-то смысле мне нравилась их предсказуемость: я знал, что сэр Фалкирк сметет все блюда со своей половины стола в первые десять минут приема, а мадам Ботрайд осуждающе взглянет на него за это; знал, что милая Элоди попросит рассказать ей историю о странствиях, а её старшая сестра будет флиртовать с кузеном принца Ханта; знал, в конце концов, что Минерва будет с презрением смотреть на непокорного отца, а король Дамиан

вновь упрекнет сына в какой-нибудь мелочи. Их стабильность позволяла мне считать, что у меня все еще было время для хитростей и маневров, было время, чтобы придумать план по решению проблемы, из-за которой я оказался в замке. Проблемы, которую я по-прежнему затруднялся сформулировать, не понимая, что, кроме праздной жизни, я должен был познать за месяцы жизни в замке. Их стабильность оправдывала мою затянувшуюся слежку.

Глубокой ночью я тренировался в дальней части сада, что за последние недели стала мне родней покоев. Соловьи тихонько переговаривались на деревьях, будто обсуждая — а порой и осуждая — каждый мой выпад. Двигаться я стал лучше: увереннее, плавнее, проворнее. Но особой связи с куском металла так и не почувствовал; тисовый лук все равно был мне ближе прочего оружия.

Когда небо на горизонте стало светлеть от первых лучей солнца, уши заложило от оглушающего звука. Несколько секунд я приходил в себя, отыскивая источник, пока, наконец, не понял: звенел колокол на вершине башни Заката. В ответ на пробежавшую на задворках разума мысль сам воздух будто бы переменялся. Я тут же сорвался с места.

Бежал изо всех сил, мысленно проклиная себя за то, что зашел так далеко; сегодня я не пользовался магией, и прятаться не было нужды. Магия трепетала, реагируя на небывалое возбуждение разума, а ноги несли так, будто я скакал верхом, и лишь ускорились, завидев вход в замок. Я не успел отворить их сам; тяжелые деревянные двери распахнулись, будто весили не больше птичьего пера, и из-за них выбежала лисица.

Она жива. И она бежала ко мне. На её лице не отразилось ни капли удивления от возникшего в рассветном тумане знакомого лица; она знала, что найдёт меня тут. Некоторые из окон в её покоях выходят на мою любимую часть сада.

Некогда ослабевшее тело вдруг набралось силы и гнева, и она, раскрасневшись, выкрикивала одно ругательство за другим. Я едва успел замедлиться, чтобы не сбить её с ног, но сама Ариадна замедляться не собиралась; приблизившись, она стала яростно колотить кулаками в мою грудь. Я крепко обнял её плечи, наплевав на глаза и уши, что стены замка отрастили за многие годы, и прижал их к себе. Воздух вокруг пропитался болью и отчаянием, и, вырываясь, она била меня, пока силы совсем не иссякли. Когда лисица обмякла, я услышал жалобное всхлипывание. Рукав рубашки мгновенно намок.

— Она... эта сволочь, она... — охрипшим голосом шептала принцесса. — Она его отравила.

Грудь стиснуло болью, будто криком. Меня придавило к земле.

Оглушающий звон колокола. Звук голоса стражника со стены.

— Король мертв!

— Он — наш отец. Разве могла она так поступить?

— Думаешь, если на кону власть, её может остановить такая мелочь, как кровные узы?

Ариадна взволнованно ходила кругами по комнате капитана. Её грусть стабильно сменялась гневом каждые десять минут — иначе она не могла справиться с бурей эмоций, не выпадая из реальности, — и она то сетовала на злой рок судьбы, то поражалась бесчестности старшей сестры. Так или иначе, она справлялась. В отличие от капитана. Король совсем недавно стал ему настоящим отцом, отчего потеря ощущалась ярче, а дыра в душе — глубже.

— Вы уверены, что мне не стоит уйти?

— Остайся, — хором ответили брат и сестра.

Я, изумленный неожиданной уверенностью в их голосах, застыл на месте; они удивились не меньше.

— Ты доверяешь ему? — обратилась к капитану Ариадна. — Дело серьезное, и...

— Да, — коротко ответил он. — Доверяю.

Тишина.

— Не спросишь меня о том же?

— В этом нет нужды, — пожал плечами капитан. — Ты любишь его, значит, вопрос о доверии не стоит.

Ариадна гулко сглотнула, и глаза ее расширились. Я вновь обратил внимание на их сходство; они оба взяли лучшее от отца. Высокие скулы, темные волны волос. Я ведь заметил это ещё в первую встречу; возможно, поэтому я, совсем не зная, чего ожидать, с такой теплотой отнесся к капитану — разглядел в нем любимые черты. Однако их сходство с лисицей заключалось не только во внешних признаках.

Ариадна бросила на меня взволнованный взгляд, будто умоляя что-нибудь сказать, возразить, прикрыться своей легендой. Я промолчал. Капитан открылся мне, и я чувствовал, что обязан отплатить ему тем же.

— Мне не нужно знать деталей, — по-доброму усмехнулся Кидо. — Того, что я знаю, достаточно. Расскажите как-нибудь потом, когда у нас будет время обсудить это в таверне за пинтой эля.

— Спасибо, — прошептала Ариадна, падая в объятия брата.

— Выходит, ты уверена, что это дело рук Минервы?

— Абсолютно.

— Расследование поручено тебе? — обратился я к капитану.

— Да. Ею лично.

— Любопытно, как далеко она позволит ему продвинуться.

Чуть позже мы поняли, каков был ответ — ни на шаг. По крайней мере, без ведома Минервы. Она заваливала капитана различного рода поручениями, не имеющими никакого отношения к смерти короля, будто пытаюсь отослать его подальше от зала совета и всех его членов. Никто, кроме нас, не сомневался в её непричастности. Кроме нас троих и королевы Ровены.

Она несколько дней не покидала тело короля. “Разбита и уничтожена” — так Ариадна описывала ее состояние. Ее любовь к Эварду не была частью образа королевы или

прикрытием вынужденного брака — она была чистой и самозабвенной. Подозревать падчерицу ей казалось постыдным: она растила её, как собственную дочь, хоть принцесса и не принимала ту заботу, что Ровена могла и хотела ей дать. Постыдным, и все же в ее сердце с каждым днем крепла уверенность, что Минерва замешана в бесчестной смерти её горячо любимого мужа.

Она писала письма отцу, что многие десятилетия не покидал пост правителя Драрента, в надежде на реакцию родных земель. Я не совсем понимал, какой именно помощи она ждала — с расследованием, с поддержанием власти и порядка в Грее, с её личными вопросами, — но многочисленные письма и гонцы не приносили никакого ответа. Вероятно потому, что она ждала его слишком скоро, не учитывая времени, требуемого на дорогу до Драрента и обратно, но бессердечно было упрекать её в этой ошибке; захлестнутая горем, как волной взбушевавшегося Сапфирового океана, она едва ли могла адекватно оценивать хоть что-либо.

Ариадна пыталась добиться от сестры и короля Дамиана переноса свадьбы, чтобы траур по ее отцу прошел, как полагается, но единогласным решением они отказались идти на такие траты. Праздник был неминуем, ведь гости, чьи многочисленные рты приходилось прокармливать, давно были расселены по комнатам, а корабли и повозки подготовлены к их отбытию в ближайшие дни после торжества. Королевство держалось лишь на мысли о предстоящем браке — как эмоционально, не позволяя себе проваливаться в бездну скорби, так и финансово, подпитываясь золотом островного короля, — и все же отдельные лица, мелькающие в коридорах, наполнились тоски по ушедшему правителю.

— Хант совсем не появляется, — сказала лисица негромко, оглядывая тренировочный зал. Мечи гвардейцев сталкивались, заполняя воздух металлической симфонией.

— Я пару раз видел его с отцом, — задумчиво протянул я. Мне казалось, что только я перестал повсюду его встречать. — И прочими островитянами.

— Мне же лучше.

— Он не приходит даже к тебе?

— К счастью.

— Надеюсь, что к счастью, — насторожился я. — Но это странно.

— Ты тоже странный, — ухмыльнулась она, нападая. Я легко ушел от предсказуемой атаки. — Хочешь видеть его в моих простынях почаще?

Кидо присвистнул. Последние несколько минут он пристально наблюдал за нашим боем. Я бросил на капитана многозначительный взгляд, но тот не замаялся, невозмутимо добавив:

— Не в моем вкусе.

Уловив момент для атаки, я еле сдержался, чтобы не прижать принцессу спиной к песку. Остановившись вместо этого в миллиметре от ее лица, я опустил меч и показательно поклонился, выражая благодарность за честь тренироваться с Её Высочеством. Ариадна разочарованно фыркнула и, бросив тренировочный меч прямо в руки капитана, двинулась к выходу из зала. Кидо расхохотался. Я ощутил себя дома: будто я вновь дитя, окруженное друзьями — Индисом и Бэтиель, — и беззаботно дурачусь, распахнув двери своей души. На мгновение я был счастлив.

Некоторые ночи я снова стал посвящать сну; тело начало утомляться сильнее прежнего. Сон был скорее ритуалом для отдыха разума, нежели действительно способом получения

сил, ведь тело едва ли просыпалось отдохнувшим. Так или иначе, за пару часов до рассвета я всё же оказывался в кровати.

Меня беспокоил загадочный голос. “Аарон”, звал он без конца. “Аарон”. Я вспоминал, что Маэрэльд рассказывала мне об Аароне: древнеэльфийский король, чья мрачная смерть от, вероятно, людских рук по-прежнему вселяла страх в сердца моего народа. Я вновь попытался представить, как именно люди могли настолько очернить образ светлого короля, что его имя навсегда покинуло наши края, но так и не придумал подходящего варианта.

Вернулась в мои сны и Минерва, но не как прежде, а лишь мимолетной вспышкой на заднем плане. Её власть, очевидно, набирала силу: как среди знати, так и внутри неё — я почти ощущал вибрирующий вокруг нее воздух, наполненный неведомой мне энергией, — но я перестал быть для неё целью. Эту забаву она оставила если не насовсем, то лишь до момента, пока скука вновь не поглотит её, и ей не захочется отобрать у сестры то, чего за все годы так и не появилось у нее.

Раздирающий уши писк. “Аарон”. Азаани говорила, что это имя переводилось как “хранитель порядка”. С момента появления в замке и до смерти короля я слышал его лишь однажды — в саду, когда встретил Минерву в одном ночном платье, — но теперь оно преследовало меня каждую ночь. Хранитель бы сейчас не помешал: порядок в Грее, безусловно, нарушен.

Капитан Фалхолт искренне пытался это исправить. Он выполнял бесконечные глупые поручения старшей принцессы, умудряясь при этом не забросить расследование убийства короля и тратя на это буквально всё своё время. Мы с Ариадной иногда пытались отыскать его, чтобы узнать, как идут дела, но шли дни, и поймать его было практически невозможно: он не появлялся ни на приемах, ни на советах, ни на обедах и ужинах. В какой-то момент мне показалось, будто он и вовсе исчез из замка — по своей воле или воле новой правительницы, — но тем же вечером я встретил его задумчиво стоящим у камина.

— Ждешь его? — спросил я, облокотившись на каминную полку так, чтобы видеть лицо капитана.

— Нет. Если бы ждал, то лишь потратил бы время впустую.

— Это после...

— Нет, ты не при чем.

— В чём же дело?

— Мы верны разным наследницам престола.

Кидо поднял на меня усталые глаза, испещренные тонкими молниями крови. От разглядывания документов в темноте и постоянного недоумения на лбу проступили морщины; на молодой загорелой коже они смотрелись даже нелепо, но добавляли капитану пресловутой солидности и соответствия серьезному посту.

— Как давно ты спал?

— Не знаю, — пожал плечами он. — Сегодня чуть не уснул в темнице, пока допрашивал подозреваемого.

— Подозреваемого?

Кидо огляделся и молча указал рукой на дверь в свои покои. Войдя, он сразу же направился к постели; пыль с покрывала взмыла в воздух, приветствуя почти забытого хозяина.

— Магистр Рагна и советник, оказывается, тоже не сидели без дела, — зевнул он. — Мы получили наводку на старика с кухни. Все там твердят, что видели, как он чем-то капнул на

тарелку короля и затем сбежал.

— Они уверены, что это был яд?

— Они уверены во всем, что их заставят сказать под страхом смерти или под тяжестью монет.

Я упал в кресло. Дыхание капитана становилось размеренным и ровным, а слова начинали слипаться в одно; сон цепкими лапами цеплялся за него, пытаюсь утащить как можно скорее. Я открыл рот, чтобы спросить, как мне найти пленника, но не успел произнести и звука, как в ответ прозвучало сопение. Позвав служанку, чтобы капитана раздели, я отправился искать ответ самостоятельно.

Разумеется, он находился в темнице, что, как паучья сеть, простиралась в подземельях замка. Но где именно? Я никогда не бывал в тюрьмах прежде. Пустят ли меня туда, если я прикроюсь праздным интересом и ненавистью к завистливому старику, погубившему великого короля?

Вход никто не охранял. Пахло сыростью и её близкой подругой — плесенью, — что так любовно уживались вместе. Холодный воздух встретил открывшуюся дверь порывом сквозняка, и я невольно поежился. Пройдя три поворота, я наконец набрел на первый освещенный участок; тело само потянуло к факелам, уже успев истоскаться по теплу.

— Господин, — прогремел голос дремлющего на хлипком стуле стражника. Он вскочил, устремив пику в потолок и оглушив звоном доспехов. — По какому делу?

— Я слышал, вы схватили отравителя короля, — заискивающе прошептал я. — Разрешите взглянуть?

— С какой целью?

Ненавистный вопрос.

— Как благодарный гость короны, — слегка поклонился я. — Я бы хотел взглянуть в глаза того, кто решил Грею справедливейшего из правителей, и убедиться, что его грязные руки не доберутся боле ни до одного честного человека. Разве такие люди не заслуживают общественного порицания?

— Ещё какого! — захохотал стражник, слегка покраснев. Мои речи порой и меня вгоняли в краску; но не по той же причине. — Вас проводить?

— Полагаю, справлюсь сам.

— В конце коридора, — указал он на проход к длинной череде железных клеток. — В самом конце, чтобы, даже если захочет сбежать, по пути переломал ноги.

Я учтиво кивнул и снял со стены один из факелов; потерявшая от холода гибкость рука приятно загудела. Земля ухабистая, с торчащими из нее корягами и камнями; без толстой подошвы и должного внимания бежать по ней действительно опасно. Коридор был узким, так, чтобы, стоя в середине, стражник без усилий мог дотянуться до камер как по правую, так и по левую сторону. Все клетки до единой были заняты, некоторые — заполнены сверх меры.

Живя рядом с Греей и в самом её сердце, я нечасто слышал о разбойниках, ворах и хулиганах, но сейчас на меня умоляюще смотрели десятки лиц, тянущихся к теплоте света огня. Кто-то из них давно ждал приговора: кожа поражена проказой, от одежды остались жалкие лохмотья, просвечивали кости, демонстрируя последствия постоянного голода и обезвоживания. Кто-то ещё не освоился и под неодобрительные взгляды старожилы пытался запугать абсолютно безразличных стражников своими связями во дворце. Их было недостаточно, чтобы обращать внимание на все беспорядки, устраиваемые заключенными, и

потому они попросту не обращали его ни на что, занятые разговорами друг с другом, игрой в кости или дневным сном.

У камеры убийцы короля было пусто; даже к такому важному заключенному не проявляли никакого интереса. Впрочем, его в самом деле незачем было охранять. Произнеся слово “старик”, капитан ни капли не преувеличил. Казалось, он еле находил силы, чтобы передвигаться, а если и совершал движение, то сопровождал его громким кряхтением.

— И чем же ты занимался на кухне? — вырвалось у меня.

— Тестом, — ответил он, ничуть не удивившись. — Пек пироги для всех детей Эдды и Эдвульфа!

Он произнес это с гордостью, будто был единственным, кто остался в замке с тех пор. Имена родителей короля Эвеарда впервые коснулись моих ушей, хоть я и видел многочисленные упоминания их персон в родовых книгах Грей. Эдвульф и его жена Эдда не были знамениты ни боевыми походами, ни выдающимся развитием города, ни развитием торговли; они слыли добрыми, но несчастными людьми. У них было двенадцать детей, и почти все умерли в возрасте до трех лет от страшных болезней, которые были с ними либо с рождения, либо приставали недолгим после. До отрочества дожили лишь трое: Эвеард, его старший брат Адриан и младшая сестра Агнесс. Традиция потомков Уинфреда давать детям имена на букву “э” началась именно с него, но, по какой-то причине, не считая будущего короля Грей, все дети Эдды и Эдвульфа явились живой демонстрацией их протеста. Суеверная толпа была уверена, что своим неуважением к традициям королевская чета разгневала богов, и потому те забрали их детей себе, однако причина, вероятнее всего, была в родственной связи супругов.

Влюбленные были кузенами. Их не поженили бы, если бы не округлившийся живот юной Эдды, на коленях молившей прощения у отца. Они приняли гнев богов с достоинством, и были счастливы хотя бы потому, что их первенец Адриан рос здоровым и смышленным, а Эвеард — достойной ему сменой. После смерти короля Эдвульфа Адриан отказался от престола, предпочтя славе правителя славу воинскую, и Эвеард взошел на престол. Его таинственная любовь и рождение Минервы не сыграли на руку молодому королю, заметно испортив его облик в глазах народа; скрытный король — это неизвестность, а неизвестность — это страх. Через месяц совет уже представил Эвеарда новой невесте — Ровене из династии Кастелло, что приходилась троюродной племянницей его матери, — и так ещё один король Грей женился на своей кузине. К счастью, их гнев богов не коснулся.

Агнесса стала жрицей, отказавшись от благ происхождения, и её местоположение никому неизвестно. Адриан погиб в бою за месяц до рождения младшей дочери Эвеарда; в его честь, хоть и с некоторыми изменениями в порядке букв, она и была названа.

— Я ничего не подмешивал королю, — всхлипывал заключенный, забившись в дальний угол камеры. — Я бы... Я бы никогда...

— Но вы признались

— Вы бы тоже признались.

Я на мгновение представил, сколько давления свалилось на бедного старика: куча стражи, мечи, пики, злые взгляды, кандалы, крики. Беспомощный слуга, чья правда весила как перо против железного слова Минервы.

— Мне и так осталось недолго, — вздохнул он. — Боги знают, кто лжёт, а кто честен.

— И примут, оценив по делам, а не словам.

Старик взглянул на меня устало, но с лёгкой улыбкой; он понимал, что так не говорят с

тем, в чью вину беспрекословно верят. Я должен был плевать в него и осыпать проклятиями, желая самых страшных мук до смерти и после неё, но мне незачем играть, если никто не смотрит. Казалось, он со своей участью смирился; осталось смириться и нам.

Утром капитан Фалхолт силой вытащил меня из постели, ничего не объясняя; впрочем, это было и не нужно. Я прекрасно понимал, что за событие могло проводиться на городской площади, имея в зрителях толпу заспанных горожан и первые лучи солнца.

— Сохраняя верность короне, я объявляю смертный приговор человеку, посмевавшему считать себя главнее богов и вершить судьбы, — постоянно прочищая горло, вещал капитан. Ложь стояла поперек горла. — От имени королевства мы наказываем его тело, чтобы душу его могли наказать боги.

Капитан сделал два шага назад; бывшая толпа поступила так же. Старика вывели на помост и заставили опуститься на колени. Его голова лежала на плахе, но он был расслаблен и не пытался вырваться. Ему не дали права сказать последние слова — хотя я уверен, что он бы и не нашел подходящих слов, — и исполинский топор стальным поцелуем проскользнул по его хрупкой шее. Капля крови долетела и до меня, обосновавшись в сантиметре над бровью.

Толпа ликовала: Грея вновь заживет спокойно и счастливо, ведь преступник найден, а это значит, что чести и жизни короны больше ничего не грозило. Толпа верила, что павшая на Грею тень уйдет, и крадущееся из-за горизонта солнце — прямое тому доказательство. Однако каждая тень обязана своим рождением свету, и пока в мире существовал хоть луч — существовал и его темный, всепоглощающий брат.

Поручения Минервы кончились в ту же секунду, когда древо помоста окрасилось кровью. Оставшись без работы, что занимала весь его разум в последние дни, капитан бесцельно слонялся по замку, пока не встретил такого же задушенного сомнениями меня. Единогласным решением было утопить мысли в жидком золоте медового эля.

— Я никогда не хотел быть принцем, — произнес он подавленно, вспоминая разговор, произошедший во время нашего прошлого визита в таверну. — Но теперь мне кажется, что у меня нет права скорбеть по отцу.

— Право на скорбь есть у каждого. Взгляни, — я кивнул на скучающие столы и стулья за его спиной. — Таверны пустуют, эль простаивает. Народ скорбит. Почему нельзя тебе?

— Потому что я обрек того старика на смерть, но отец не остался отомщен.

— Ты не мог спасти его.

Я четко произносил каждую букву, будто заставляя себя поверить в свои же слова. Что мы имели против воли Минервы? И всё же гадкий, гнилой привкус вины на языке отравлял мои речи.

— Однако, оставшись на своем посту, можешь попытаться спасти остальных.

— Звучит, конечно, здорово, — хмыкнул он. — Но один я не справлюсь.

Я поднял пинту и вытянул руку вперед. Мы столкнулись кружками, обмениваясь каплями эля, как делали воины в знак дружбы и верности — чтобы доказать отсутствие яда в напитке, — и сделали несколько шумных глотков. Пинты шли одна за другой, согревая тело изнутри и расслабляя мышцы. Чем сильнее ночь накрывала Грею, тем плотнее заполнялся зал; горожане заходили угрюмые, измученные, но спустя пару глотков на их лицах возникали улыбки, а смех заполнял воздух над их столами. Жизнь возвращалась в привычное русло, как и должно, но мы знали: мир делал лишь первые шаги по направлению к хаосу.

Разум, как и тело, расслабился: взгляд стал менее внимательным, движения замедлились, слух притупился. Голос стал громче, шутки — глупее. К нашему скромному застолью постепенно присоединялись знакомые лица: подопечные капитана — Аштон, Брук и даже юный Марли, — старательно разряжали обстановку, смеша начальника свежими историями. Оглядывая гуляющих стражников и торговцев, я не заметил, как руки Скайлы упали на мои плечи, усердно их разминая.

— Господин, вы так изменились с нашей прошлой встречи!

— Разве?

— Да, — наклонилась официантка к моему уху. — Ваши плечи набрали силу, а руки будто выкованы из стали...

— Скайла, — протянул капитан. — Вот так ты, значит, помнишь про постоянного клиента?

— Меня хватит на двоих.

— На сегодня ты свободна, — сказал Кидо, бросая ей монету. — Мы не в настроении для утех.

Я снял с себя мозолистые женские руки. Служанка ничуть не расстроилась; как и всегда, когда дело касалось капитана, она получила деньги, не выполняя работы. Кидо засмотрелся на меня пустыми глазами; сегодня он был не в силах врать своим друзьям — это давалось ему тяжелее всего.

— Я не хочу возвращаться, — прошептал он, наклоняясь ко мне. — Но если выпью ещё хоть глоток, то мой внутренний мир станет достоянием общественности.

Капитан пошатнулся, и я тут же подхватил его, поднимая на ноги; гвардейцы понимающе кивнули, пожелав быстрой дороги и легкого пробуждения. К счастью, Кидо мог идти самостоятельно; я служил лишь аварийной опорой на случай, если ветер подует слишком сильно или камень на дороге возникнет внезапно и подло. Фалхолт пытался говорить со мной, но все его речи были абстрактными рассуждениями — о природе любви, о звездном небе, о воле богов, — и совсем не требовали моего ответа. Он говорил обо всем, обходя темы смерти отца и разлада с Лэндоном; точнее, обходил, пока не придумал, как можно говорить о последней вслух, не подставляя никого под огонь.

— Ох уж эта Лэнди, — воскликнул он. — Как меня раздражает эта девчонка!

От неожиданности я расхохотался. От меня за версту веяло хмелем, и люди благоразумно обходили грохочущего пьяницу, что в любой момент мог снять с пояса меч.

— Чем же она плоха? — подыграл я.

— Уж больно заносчивая, — фыркнул капитан. — То мягкая, как котенок, то рычит, как лев. И ведь не угадаешь, любит она тебя сегодня или ненавидит!

— Может, стоит присмотреться к другим вариантам?

— Это ещё к каким?

— Знаю я одну леди, — заговорщически зашептал я. — Добрая, красивая, отзывчивая, волосы, как огонь, веснушки — что ромашки на поле, а имя какое — Тэрра!

— Иди ты, — отмахнулся Кидо. — Она не в моём вкусе.

— Рыжие тебе тоже не нравятся?

Капитан расслабленной рукой ударил меня в плечо, и мы вновь разразились громким смехом. Я намеренно вёл его медленно, самыми извилистыми тропами, умоляя прохладный ночной воздух отрезвить меня; к середине ночи мы добрались до замка и до частичного контроля над телом. Разум был чист, но полон желаний и стремлений, противиться которым

не хотел и не мог.

Проводив капитана до двери, я умышленно ошибся с этажом и намерился свернуть направо, надеясь увидеть знакомых стражников спящими, но вместо этого тут же припал спиной к стене. Стражи были заняты совсем иным: уговариванием другого нетрезвого гостя принцессы не мешать её чуткому сну. Их лики и тела были непоколебимы; статус принца никак не влиял на их верность лисице, и они стойко терпели все выпады нерадивого жениха.

— Я имею право видеть её в любое время дня и ночи! — упорствовал Хант, безуспешно пытаясь раздвинуть перекрещенные перед ним пики.

— Принцесса потеряла отца, — раздался низкий голос из-под шлема. — Позвольте ей отдохнуть.

— Она должна уважать волю отца, а отец обещал её мне!

Раздавшийся за спиной стражей шум заставил всех замереть и мгновенно замолчать. Дверь распахнулась, и из-за нее показалось заспанное лицо, обрамленное растрепанными кудрями.

— Дорогая! — Хант упал на колени, мгновенно изменив тон. — Милая, как ты красива в лунном свете!

— Ты жалок, — прошипела Ариадна.

— Я лишь хотел увидеть тебя! Я так скучал!

Его восклицательные интонации резали слух; голос становился тонким, дребезжащим. Он сразу виделся мне ребенком, у которого злой взрослый отобрал игрушку. Одну из многих, и всё же — самую желанную.

— Охотно верю.

— Я войду?

Ариадна открыла дверь шире, чтобы принц мог протиснуться вглубь комнаты. Когда стражник потянулся, чтобы закрыть её, она коснулась его руки, останавливая.

— Не стоит, — приказала она. — Принц не задержится надолго.

— Это почему же? Я хотел бы остаться до утра.

— Выбери для этого какую-нибудь служанку.

— Ариадна, — взмолился он. — Скажи, чем я не мил тебе?

— Ты в своём уме?

Принцесса всё так же стояла в дверном проеме, готовая одновременно выкинуть Ханта в коридор и убежать сама, заточив принца в своих покоях. Я изредка высовывался из-за угла, чтобы взглянуть на происходящее, но чуткий слух давал весьма ясную картину. Стражники затаили дыхание, не желая вмешиваться в дела господ; Ариадна была готова взорваться в любую секунду; принц едва ли не всхлипывал.

— Разве я когда-нибудь поступал с тобой плохо?

Ариадна изумленно молчала.

— Я знаю, ты была больна, — начал объясняться принц, смущенный реакцией невесты. — Но, как вижу, сейчас ты находишься в полном здравии.

Тишина в ответ. Только сбивчивое дыхание и бешено колотящееся сердце.

— Знаю, ты потеряла отца, — продолжал он, снизив громкость голоса, делая его вкрадчивым, интимным. — Я не беспокоил тебя, но за все эти дни ты ни на мгновение не задалась вопросом, где я пропадал.

— И где же?

— А тебе есть дело?

— Нет.

Хант громко вздохнул. Я слышал, как звук его сердца медленно приближается ко второму, горячему и злему.

— Я говорил, что буду ждать и бороться, — шептал принц. — Но я — живой человек, Ариадна. Удели мне хоть сотую часть того внимания, что я уделяю тебе, и ты полюбишь меня.

— Твой отец уделял тебе много внимания?

Я почти увидел, как принц нахмурился.

— Ответь.

— Чересчур много.

— Ты любишь его за это?

— Он — тиран и мучитель. Я уважаю его, но у меня нет ни единого повода его любить.

— Взгляни в зеркало, Хант, — сквозь зубы выдавила лисица.

— Я не похож на отца, — вспыхнул принц. — Он берет всё, что пожелает, ни с чем не считаясь.

— Точно так ты и поступил, оказавшись под папочкиным крылом. Взял то, что желал.

— О чем ты?

Не выдержав, я вновь выглянул из-за угла. Ариадна с вызовом уставилась на жениха. Не веря, что он в самом деле не понимал сути ее слов, она молчала. Роль невинной жертвы так прикипела к нему, что он, казалось, совсем не собирался с ней расставаться.

— О чем ты, Ариадна?

— Ты обесчестил меня, — выплюнула она. Халат сполз с ее плеча, и взгляд принца мгновенно переместился на оголенную кожу. — Видишь эти шрамы? Не прошло ни дня, чтобы они не напоминали мне о моем позоре.

— Я не трогал тебя, — изумленно шептал принц. — Клянусь.

— Разве не ты прижимал меня к резному изголовью, не взирая на крики боли и кровь? Не ты шептал, что теперь владеешь мной, что мне некуда от тебя бежать?

— Я этого не делал.

— Можешь подавиться своей ложью, — бросила она, поправляя халат. — Или захлебнуться в ней, как тебе угодно. Но я знаю, что это был твой голос, твой куорианский говор, твой запах муската. И ты знай, что, какими пьяными бы ни были вина в тот вечер, я никогда тебе этого не прощу.

Не найдя слов для ответа, Хант невидящими глазами уставился на принцессу. Она долго смотрела на него в ответ, ожидая реакции — оправданий или признания, — но его ступор был столь силен, что он молчал, пока она силком не выставила его за дверь. Хлопок дерева о камень вернул его к жизни; он сделал шаг обратно, но стражи оказались еще более настойчивыми, чем прежде.

— Вам пора, Ваше Высочество.

— И я даже знаю, куда, — процедил он.

Он пролетел мимо так быстро, что едва не зацепил мой любопытный нос плечом, и мгновенно скрылся в темноте ночных коридоров. Я хотел проследовать за ним, но предчувствие подсказывало, что мою нелепую слежку обязательно обнаружат. Хотел пойти и к принцессе, но голос разума молил оставить её в покое. В конце концов, я по-прежнему был пьян; увидь в своих дверях ещё одного захмелевшего гостя, Ариадна точно разорвет его на куски.

Пришло время для похорон короля. Они должны были быть такими же помпезными, как и свадьба, и, о удача, для этого имелись и закупаемые в течение полугода украшения, и многочисленные гости. Как бы Минерва ни была занята поглощением власти совета, похоронам отца она лично уделила недюжинное внимание. Она контролировала все. Традиционно цвет крови был верным спутником смерти; однако, несмотря на это, тело Эвеарда она приказала непременно обернуть в серый бархат. Принцесса не хотела, чтобы прощание затянулось, и потому лишь одному человеку она позволила произнести слова, что были призваны сопроводить душу короля в вечном плавании по реке духов, — и это была Ровена.

Королева не могла сдержать слез и большую часть речи жалобно всхлипывала. Удивительно, но старшая принцесса ничуть не раздражалась по этому поводу; раньше мне казалось, что она не испытывала теплых чувств к той, что пыталась заменить ей мать. В тот миг, возможно, она впервые ощутила нить горя, пропущенную через сердце каждого члена королевской семьи; ощутила, что общая боль объединяла не хуже, чем гнев или жадность. В тот день она не выглядела как строптивая наследница, отравившая своего короля; она была ребенком, оплакивавшим скоропостижно скончавшегося отца.

Похороны, вопреки ожиданиям, провели на городской площади, чтобы дать греианцам почтить память правителя. Сэр Фалкирк, демонстрируя суть своей натуры, чуть не задавил двоих детей, пытавшихся протиснуться в первые ряды, а после презрительным плевком замочил их одежды; однако не вся знать отнеслась к народу так пренебрежительно. Советник Лэндон привёл в зал жриц местного храма — тех самых, чьё завораживающее пение я слышал на дне осеннего равноденствия, — и, в знак уважения, проводил их в специально отведенную зону. Эвеард испытывал к жрицам глубокое почтение; с тех пор, как Агнесс стала их сестрой, они стали сестрами и ему. Госпожа Беатрис стояла неподалеку от тела короля и любезно давала советы желающим возложить дары усопшему, не брезгуя, если старый конюх пахнёт хмелем или ребенок протянет запачканные руки к дорогому платью.

Ариадна стояла поодаль от родни и прочей знати. Её лицо накрывала плотная, почти не просвечивающая вуаль, а длинные рукава платья плавно перетекали в перчатки, делая её ещё одной каплей в захлестнувшем город море крови. Однажды она говорила мне, что боится смерти; не её наступления, а того, что творится вокруг умершего. Её повергали в ужас все традиции, связанные с мертвым телом; я рассказывал ей, как тела умерших эльфов превращались азаани в цветы и деревья, и она попросила дать ей обещание, что с её телом однажды поступят так же. Воззвав к благоразумию, я не сумел этого пообещать.

Хант не посмел приблизиться к невесте. Потупив взгляд в пол, он занял место подле её старшей сестры, и по лицу его было видно, что за всю ночь ему так и не досталось ни секунды сна. Одежда на нем была та же, что и вчера, но он почтительно прикрыл её красным плащом.

Почтение, однако, ничуть не окрасило лики его соотечественников: им происходящее было откровенно безразлично. Они явились на прощание с королем в своих обычных кожаных доспехах, не уделив внимания ни традиции с тканью, ни традиции подношения даров. Обосновавшись в дальней части площади, они пили принесенное с собой вино и хохотали над шутками своего правителя, столь неуважительно поступавшего по отношению к будущему — ныне усопшему — родственнику. Не понимая, почему куорианцы столпились вокруг Дамиана, обхватив его плотным кольцом, я попытался разглядеть его в щели между

голов южан, но попытки оказались тщетны. Я оставил их; рано или поздно он все равно попадетя мне на глаза.

Завершающей традицией стал танец огней. Невероятно красивое зрелище, по размаху достойное лучших торжеств, но плотно связанное с самым грустным из них. Гости разошлись в стороны, встав вдоль стень, и в середине зала возвысилась фигура Лианны. Она вновь была молода и чарующа; красное золото её кудрей виделось мне главным из огней церемонии. Простой народ, разумеется, сжигал тела умерших: из соображений чистоты и экономии. Знать же имела возможность хоронить тела членов семьи в специальных гробницах, которые, вероятно, спустя годы станут оплотом легенд и слухов, и королевская семья Греи не была исключением — под эти цели была полностью отведена башня Луны. Однако все короли когда-то были простыми людьми, и погребальный костер был положен и им — хотя бы в виде представления.

Лианна умело жонглировала огненными шарами, изящно двигаясь в такт играющей музыке, но лицо её было полно скорби и отчаяния. Каждый раз, когда искры взмывали в воздух, народ напугано вздыхал, но ни на мгновение не выражал восторга мастерством друида: настолько сильна была горечь прощания. С каждой потухающей искрой на улицах становилось темнее, и к моменту наступления полной тьмы лишь по щекам самых стойких не прокатилось слезы. Я в их число не вошел.

Весь следующий день меня до жути утомляла атмосфера замка, и от нее нельзя было скрыться ни в садах — его внешний вид активно приводили в порядок, — ни в тренировочном зале — там стража репетировала праздничный марш, — ни в библиотеке, где местные писари уже вносили известия о смерти короля и свадьбе принцессы в родословные книги. В покоях был слышен шум коридоров, в городе — повсеместное сумасшествие. Единственным местом, где можно было укрыться, оказалась башня; мой выбор пал на дорожку сердцу восточную.

До свадьбы оставалось четыре дня.

Я много думал о подслушанном разговоре, но не мог подойти к лисице, чтобы обсудить его, ведь тогда пришлось бы признаться, что я спую по коридорам, как крыса, влезая во все, что меня не касалось, хоть это и было прямой и единственной целью моего пребывания при дворе.

При дворе, где уже негласно приняли нового правителя. Знать и чиновники радостно распахнули объятия, принимая под своё крыло белокурую принцессу, давным-давно захватившую их умы. Я не видел ответной радости в её лице; она жаждала власти, но села на трон так, будто её вынудили это сделать. Сапфировые глаза не горели, но устало таяли, когда очередной советник падал на колени, принося ей клятву верности. Занятый престол будто бы уже успел наскучить ей. Не так сладок запретный плод, как предвкушение момента, когда ты сможешь его заполучить.

Впрочем, уверен, она ещё распробует нектар правления. Несмотря на внешнюю незаинтересованность, за последние дни из разных уст я услышал о нескольких новых распоряжениях, из которых больше всего насторожили указы военной направленности. Минерва поручила расширить казармы, недавно и без того достроенные в связи с прибытием куорианских солдат, а также вне графика созвать на обучение всех пригодных юношей из города и окрестностей — Вильсдена, Аскода, Сэдбери и Лартона. Ни единому члену совета не было известно, к какой битве готовилась принцесса, но задавать вопросы никто не

решался; все слепо, будто овцы по воле гоняющей их собаки, выполняли данные им приказы. Стоял ли за собакой пастух — ещё один важный вопрос, ответа на который ни у кого не имелось.

Город из окна башни выглядел завораживающе. Лето выдалось теплым и влажным, и урожай Грей был богат как никогда. Куда ни глянь — обязательно увидишь цветочника, несущегося в страхе оказаться лишним на дворцовом празднике. Крыши домов украшали тканями в цветах двух соединяющихся династий — смотрелись вместе они так же гармонично, как и, по мнению многих, будущие супруги, — и разнообразными самодельными гирляндами. Предстоящее торжество вдохновляло народ и находило ему занятие, позволяя забыть о горестях и потерях, о болях и муках.

— Все так счастливы.

Я стоял, наполовину высунувшись в окно, вдыхая запах кипящей жизни; голос прозвучал из-за спины. Теплые руки обвили мою талию, голова опустилась на спину. Я не смел пошевелиться; мне давно не удавалось чувствовать её так много и сразу.

— Мне даже стыдно, что я не поддерживаю их в этом.

— Для них это — музыка и танцы, — возразил я. — Их судьбы в этот день не вершатся.

— А как по мне — вершатся.

Я не ответил. Лисица глубоко вздохнула и поерзала, будто устраиваясь на любимом диване. Её волосы щекотали мою кожу, игнорируя тонкую ткань рубашки, а пальцы держали так крепко, что ногти впивались мне в ребра. Так крепко, будто подует ветер — и я улечу в окно, оставив её справляться со всем одну.

— Я знала, что ты тоже сбежишь сюда.

— Разве тебя не занимают примерками платья и дегустацией тортов?

— Занимают, — протянула она. — Но не ты один умеешь быстро бегать.

Я слегка подался назад, намекая, что хочу выпрямиться; Ариадна тут же меня отпустила. Обернувшись, я онемел; казалось, взору предстал отблеск прошлого. Кожа лисицы сияла, вновь покрытая легким загаром и румянцем; простое бежевое платье наконец-то не сдавливало её ребра корсетом, пытаюсь кого-то убедить в её красоте; серые глаза сверкали, будто танцующее на гранях драгоценного камня солнце. Губы застыли в легкой улыбке, отпечатывая ямочку на правой щеке. Она выглядела так, будто снова была свободной: всё её существо кричало об этом, и душа её пела, заглушая городской шум.

Лисица стояла совсем близко; в долю секунды моя ладонь оказалась у её щеки. Она прижалась к ней, будто истосковавшись по нежности, и блаженно прикрыла глаза. По телу прокатилась дрожь. Почему самые важные моменты случаются так внезапно? Впрочем, будь они запланированы, не были бы так важны.

— Ты позволишь?

Ариадна молча кивнула. Моё лицо было в мгновениях от её; горячее дыхание ласкало кожу. Пришлось нагнуться, чтобы дотянуться до её губ; смотря издали, я совсем забывал о разнице в росте. Глаза закрылись сами по себе, предвкушая сладостную негу, и наши губы сплелись воедино так, будто ждали этого всю жизнь.

Оказалось, я давно и отчаянно мечтал об этом, хоть и отказывался себе в этом признаться. Вкус этого чувства несравним ни с чем, что мне доводилось вкушать в жизни; внушенное Минервой влечение не стоило и секунды касания губ лисицы. Меня накрыло волной неминуемого счастья. Думалось, что жизнь остановилась: не сновали по коридорам слуги, не хлопотали горожане, не дымила печь на кухне — двигались лишь мы, забывая о

необходимости дышать. Моя рука на её щеке, её тяжело вздымающаяся грудь, два яростно бьющихся сердца — и ничего вокруг.

Низ живота будто наполнялся раскаленным железом. Мысли, коими искрился мой разум, не были похожи на сны о Минерве: в них не было животной страсти, рваных одежд, звериных рыков; покрывая прикосновениями каждую клеточку её тела, я искренне мечтал задеть хотя бы частичку её души, и желание не съедало меня — оно искрилось внутри, заставляя жить.

Ариадна отстранилась, жадно вдыхая воздух. Течение времени восстановилось. Сначала она прятала взгляд, и щеки ее медленно набирали краску, но стоило ей посмотреть мне в глаза, как они мгновенно вспыхнули.

— Что? — рассмеялся я, очарованный её невинным смущением. — Мы ведь целовались и раньше.

— Но не так.

Да, подумал я. Не так. В её словах не было укора, и я расплылся в улыбке. Лисица кинулась в мои объятия, будто вновь боялась, что я ускользну; я прижал её еще сильнее, до беспамятства боясь того же. Я не помнил, как дышал, говорил ли, двигался ли, но, когда Ариадна выбралась из моих рук, солнце за окном уже уходило за горизонт.

— Я хотела тебе кое о чём рассказать.

Тишина заполнила верхушку башни. Я припал к стене и скатился вниз, усаживаясь на пол; почему-то мне казалось, что разговор нам предстоит долгий, и, как бы я ни наслаждался обществом принцессы, неприятный.

— Я напомнила Ханту о... — замялась она, не желая произносить это вслух.

— Понял, — кивнул я.

— Сегодня утром он снова был у меня, — продолжила Ариадна. — По-прежнему утверждает, что это был не он.

— И ты ему веришь?

— Он сказал, что знает, кто виновен. Но не выдаст.

— И чему ты рада? — недоумевал я. — Даже если подлецом оказался не он, то он его покрывает. Это едва ли добавляет ему чести.

— Я по-прежнему ему обещана, и мы поженимся, — игнорировала моё недовольство она. — Но он более ничего от меня не потребует: ни любви, ни внимания.

— А в случае восхождения на престол? Что насчет наследников?

— Поклялся, что никогда и никому не выдаст моей тайны, и, если я не захочу этого сама, не заставит делить с ним ложе. Соврёт, что я не могу родить ему дитя. — Ариадна пожала плечами, будто ей совсем не было дела до общественного порицания жены и королевы, неспособной продолжить знатный род. — Мы будем воплощением политического союза наших родителей — и не более того.

— Чем же должна отплатить ему ты?

— Тем же самым. Никаких требований и вопросов.

— Значит ли это, что островитяне покинут Грею? — с неожиданной для себя надеждой произнес я.

— К сожалению, не все. Он заявил, что не вернется в проклятое логово отца. Останется, даже если все его воины до единого решат отправиться на юг.

— Удивительная преданность чужому государству.

— Скорее, удивительная ненависть к родной земле.

Ариадна присела напротив, старательно лоя мой тревожный взгляд; не вытерпев, двумя пальцами взяла мой подбородок.

— Это значит, что мы можем быть вместе, Эзара, — вдохновенно прошептала она.

— Я счастлив этой новости, *melitae*. — Я слегка коснулся губами её ладони. — Счастлив каждой секунде, что могу провести с тобой. Но не кажется ли тебе, что он поступает странно, несвойственно себе? И зачем ему жить в постоянном позоре, с женой, что так сильно ненавидит его, на её земле?

— Он потерян. Отец всю жизнь отвергал его, теперь отвергла и я.

— Хант ненавидит меня. Он не стерпит, если место фаворита займу я, и конфликт вспыхнет с новой силой. При дворе нам вместе не быть, но... что, если мы уедем?

— Уедем?

— Куда угодно. В Аррум, в Драрент, за Сапфировый океан, — перечислял я мечтательно. — Туда, где его грязные руки не дотянутся до наших душ.

— Нет, — решительно отрезала она. — Я не покину Грею. Когда-нибудь моя страна позволит мне жить так, как я того хочу. Но для этого за нее нужно побороться.

— Хорошо.

Ариадна взглянула на меня с недоверием; краткость моего ответа показалась ей недостаточно убедительной.

— Ты волен ехать, куда пожелаешь, — объяснила она, будто мое местоположение совсем ее не заботило. — Я не смею просить тебя сражаться за мое королевство.

— Я не оставлю тебя одну.

Принцесса всем телом прижалась ко мне; её била дрожь — в легком платье на вершине башни после заката находиться весьма опасно. Я обхватил её руками и поднял, полностью перекладывая на себя, подальше от холода камня; если я мог служить ей камином или одеялом, вдыхая сладковатый древесный запах её кожи, мне больше не о чем было мечтать.

Отогревшись, Ариадна расслабилась, и наш разговор перетек в нейтральное русло. Мы говорили о преобразившемся городе, о гостях, что раздражали принцессу больше всего, и их настойчивом желании показаться лучше и богаче, чем они являлись на самом деле. Когда темы устали петлять вокруг почившего короля, Ариадне стало интересно, как я пережил смерть своего отца. Я все еще удивлялся мысли, что тот, кто взрастил во мне все важное и нужное, также был дорог и лисице.

— Я никогда прежде не думала об этом, но... Ведь господин Айред был полукровкой, верно?

— Верно.

— А ты — чистокровный эльф?

Привыкнув к тому, как устроено эльфийское общество, я с самого детства не задумывался над этим вопросом, и недоумение в голосе принцессы поставило меня в тупик.

— Полукровка может связать жизнь с любим, кого выберет его сердце, — пояснил я. — Но продолжить род сумеет лишь с тем, в чьих венах течет только эльфийская кровь. Дитя от такого союза рождается чистокровным.

— Это... нечестно, — нахмурилась Ариадна.

— Мы расцениваем это как благосклонность Богини. — Будучи одним из таких детей, я почувствовал необходимость оправдать сложившуюся несправедливость. — Она защищает эльфийский род от вымирания. Если наша кровь чересчур размоется людской, то от даров, коими наделили нас боги, останутся лишь воспоминания.

— Разумно. Но нечестно.

Лисица спрянула лицо под волосами, уткнувшись в мою грудь. Мне вспомнилась ночь после ее возвращения из Куориана: тогда она так же спрянулась под моим крылом. В ту ночь я сказал, что убью Ханта, и с тех пор это желание прожигало едкую дыру в моей душе.

Ариадна провалилась в дрему. Мне хотелось на руках отнести её в постель, но путь до покоев принцессы был неблизким, а количество любопытных глаз в стенах замка увеличивалось с каждым сделанным шагом. Мягко разбудив её и предупредив, что направлю к ней слуг или стражу, я покинул место встречи. Вслед прозвучало тихое сопение.

Ни одной служанки мне не встретилось; стражу тоже пришлось изрядно поискать. Прежде мне это бывало лишь на руку, но сейчас, не желая, чтобы принцессу вновь сразила болезнь, я едва ли не бегал в поиске таинственно исчезнувших гвардейцев. К счастью, мне встретился их капитан, ответивший на просьбу лишь легким — и будто бы одобрительным, — ударом в плечо, и я, успокоившись, поспешил удалиться.

Ещё недавно бурлящий жизнью замок, наконец, затих. В коридорах пахло потом и нечистотами, но, невзирая ни на что, из залов шлейфом тянулся запах цветов. Я пошел по его следу; мне чудовищно хотелось заглянуть в бальный и тронный залы, чтобы, оказавшись на свадьбе, я был готов хотя бы к убранству торжества; знал, что к его содержанию и сути подготовить себя я не сумею.

Двери в бальный зал оказались не просто плотно закрыты — их охраняла добрая дюжина стражников, состоящая в равной мере из местных жителей и островитян; вероятно, там хранились семейные реликвии, которыми во время церемонии, в знак любви и преданности, должны обменяться представители двух династий. Изобразив полную незаинтересованность скоплением стражи, я прошёл мимо, едва заметно кивнув в их сторону головой.

Из приоткрытой двери тронного зала в темный коридор пробиралась струйка теплого, дрожащего света. Не задерживаясь, я быстро заглянул внутрь; всего в зале четыре двери, по одной на каждой стене. Главный вход встречал золотом, узорами, тяжестью дерева и дорожкой мягкого ковра, что вёл прямо к пьедесталу правителя; остальные же вели в зал из более укромных мест. Попытав удачу, я отправился к той, что находилась в скромной, вечно пустующей на моей памяти переговорной. Она существовала для особых случаев: неожиданное нападение, военные переговоры, требующие обсуждения прошения. Так как комната была мала, а обстоятельства её использования — не предугадываемы, количество стульев и столов для возможных участников переговоров было максимальным. Обойти их в кромешной тьме было бы непросто, если бы скромная дверь в тронный зал не была приоткрыта так же, как и главная.

Я подошёл к двери вплотную. Залитая светом зала переливалась, ни на мгновение не позволяя забыть о богатстве и процветании королевства; она нарочно сделана так, чтобы пустить золотую пыль в глаза всякого, кто взглянет на неё хоть раз, и не позволить впредь забыть о её великолепии. О величии не только залы, но теперь и той, кто восседал на её главной достопримечательности — роскошном резном троне из чёрного дуба, любовно обитого серым амаунетским бархатом.

Минерва закинула левую ногу на правую, оголяя её до самого бедра; бледная кожа под таким количеством света сверкала, делаясь похожей на фарфор — гладкая, бликующая, с редким узором из едва заметных голубых прожилок. Обе руки лежали на подлокотниках, и пальцы правой нетерпеливо постукивали ногтями по вековому дереву трона. Она будто

собиралась вот-вот заговорить; выжидала, словно кошка, готовая прыгнуть за добычей. Её взгляд лениво скользил по окружавшим ее предметам, словно ему не за что было зацепиться, но неожиданно губы расплылись в улыбке. Она знала.

— Мужчины так любят подглядывать, — произнесла Минерва, глядя на пустующий зал. — Несмотря на внешнюю дерзость, на деле им не хватает смелости взглянуть в глаза своим истинным желанием.

Шаги. Минерва улыбнулась шире, полагая, что ее безмолвный собеседник приближался к ней; я не сдвигался с места. Шаги раздавались с противоположной стороны — из точно такой же переговорной, рассчитанной, разве что, на меньшее количество присутствующих. Шаг, два, три. Высокая прическа Минервы расплелась, соблазнительно обрамив лицо волнистыми прядями. Скрип двери.

Из переговорной на противоположной стороне медленно вышел Хант; его взгляд был прикован к трону, а ноги сами вели к желаемой цели. Завидев его, королева тут же поникла и выпрямилась. Нога на ноге, нетерпеливый стук по дереву.

— Ты, — слегка разочарованно произнесла она, заставив это короткое оскорбление прыгать от стены к стене, раздаваясь снова и снова в полной тишине зала.

— Моя королева. — Хант опустил на колени и преклонил голову; он будто был в мгновении от слез восхищения и потому старательно прятал лицо. — Я сделал всё, что вы меня просили.

— Она согласна?

— Разумеется, — поднял голову принц. — Всё, что угодно, лишь бы я больше к ней не прикасался.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я позволю тебе иное?

— Ваше Высочество, — испугался он. — Мне достаточно того, что я имею честь видеть вас своими глазами.

— Хант из династии Гаэлит, наследный принц Куориана. — Минерва улыбалась, и улыбка её секла наотмашь. — Будешь ли ты верен мне так, как не верен своей стране и своим подданным, как не верен своей жене и своему отцу?

— Ради вас я готов умереть.

— Этого мало, — махнула рукой она.

— Умереть, чтобы переродиться деревом для костра, на котором будут гореть ваши враги, — едва успевая дышать, оправдывался принц. Зрелище было до боли жалким. — Чтобы своей отравленной кровью окропить ваших врагов в бою.

— Встань, — приказала королева. — И плотно закрой все двери.

Я тут же отпрянул, вжавшись в ближайшую стену. До тех пор, пока не хлопнула каждая из дверей и звуки их голосов не перестали касаться моих ушей, я не двигался и практически не дышал. Пока глаза привыкали к мраку переговорной, я старался двигаться наощупь, но, дважды запнувшись об ножку стола, выждал, пока не стану различать хоть какие-то очертания. Свечи на стенах коридоров любезно проводили меня до покоев.

Выходит, именно Минерва приказала Ханту оставить её младшую сестру. Стоило ли рассчитывать на то, что это было проявлением любви и доброй воли? Она знала о происшествии в Куориане и, следовательно, в её руках появился ещё один рычаг давления; не только над принцессой, но и над тем, кто оставил на её душе и теле метку позора. Каковы ещё причины держать Ханта столь близко? Её презрение к нему едва ли меньше того, что испытывала Ариадна. Он не станет ей союзником — сломленный, оскорбленный,

горюющий по разбитому сердцу, — лишь рабом, слепым последователем. Но насколько сильным оружием он может стать в её руках?

Капитана присоединение принца к свите Минервы волновало не меньше меня. Самое странное, что о многих вещах, касающихся его гвардии и королевской армии, он узнавал из третьих уст; вербовку и тренировку новых бойцов поручили совсем иным чиновникам. Непосредственное командование армией не являлось его обязанностью в мирное время, однако она находилась под его защитой, и, так или иначе, Кидо был в первой пятерке людей, кто должен был знать обо всём происходящем внутри казарм.

Количество стражи увеличивалось с каждым днем. Это вполне можно было списать на съехавшихся гостей, многие из которых просили о личной охране, но и улицы города стали патрулироваться сильнее обычного. Некоторые стражники выглядели нелепо: форма была им заметно велика и болталась, заставляя стальные латы оглушительно сталкиваться друг с другом, а их хозяина выглядеть как бродячего шута. В их числе были и островитяне; их лица легко было выделить из кучи других по недовольному выражению. С самого приезда их короля они всем видом давали понять, как осточертело им пребывание на суше, и будто молили, чтобы их насильно выгнали за городскую стену.

Благодаря постоянным стычкам в тавернах и беспричинной жестокости к горожанам, куорианские воины заработали себе дурную славу. Их обходили на улицах, рядом с ними пустовали столы, дети плакали при виде их смуглых лиц. Им нравилось ощущение всеобщего страха, ведь им не было дела до того, к чему это могло привести — они попросту надеялись, что к тому моменту уже будут за заливом, в родных и далеких землях.

Повсеместное недовольство нарастало стремительно. Капитан старался снять островитян со службы на улицах и переместить их в замок, где они не рискнули бы вести себя подобным образом, и потому часто сам заступал на дежурство, заменяя тех, кто сутками не покидал поста. Иногда я составлял ему компанию; при дворе лишь слепой не знал о нашей дружбе. К тому же, наше отстранение от всех прочих представителей знати было очевидным — лишь до нас не дотянулась длань будущей королевы. Решение Минервы не подчинять себе сводного брата было неоднозначным; впрочем, неизвестно, было ли это решение осознанным. Эльфийская кровь в моих венах не давала ей овладеть моим разумом, но ни один из родителей Кидо не был эльфом. Хотелось верить, что его плоть и кровь сильны так же, как и его большое, исполненное доброты сердце, и старшая принцесса вынужденно оставила попытки его покорения.

Наблюдая за окрестностями города со стены, откуда Кидо отпустил заработавшегося сэра Бентона, мы много разговаривали. Изредка намеренно повышая голос, мы отпугивали выпивших зевак; в нынешних условиях они сбегали от каждого шороха. Ворота в город были открыты даже по ночам: остатки гостей и их свадебных даров продолжали прибывать, ни на миг не отпуская слуг, бесконечно их обслуживавших. Наши взоры были обращены за стены, на дорогу, чтобы заранее предупредить стражу о приближающихся посетителях; в моменты тишины я с тоской выглядывал верхушки деревьев Аррума.

Из города, напротив, выезжали крайне редко. Однажды за ворота не выпустили даже Ариадну; конная прогулка, бывшая частью ее рутины, показалась страже неуместным и несвоевременным жестом, и даже статус второй наследницы не убедил их раздвинуть перекрещенные пики. Разъяренная лисица тем же вечером устроила пьяный скандал в таверне, и я неустанно следил за происходящим со стены; глубокой ночью доверенный

гвардеец Кидо все же сопровождал взбунтовавшуюся принцессу до покоев, после чего поспешил к капитану с отчетом.

Отчитывались ему о каждом, кто пытался покинуть город, и потому, когда мы стали свидетелями небольшой — я бы сказал жалкой, — погони, в моих глазах вспыхнул позабытый интерес, а сердце Кидо взволнованно забилося. Пытавшегося убежать юнца вернули за ворота без сопротивления, но никакого объяснения капитан так и не дождался. Он долго искал подходящее место на стене с наилучшим обзором, и затем махнул мне рукой, подзывая.

— Смотри, — шепнул он. — Очередной гонец королевы.

Теперь я, наконец, разглядел в юнце посыльного: минимальный набор вещей, немного еды и один из самых быстрых скакунов королевской конюшни. Он должен был мчаться сломя голову, не взирая на солнце и ветры, чтобы добраться до адресата в кратчайшие сроки, и умчался бы — да только был слишком щупл и низок для такого коня, и попросту не смог им управлять.

— Почему его задержали?

— Я не отдавал приказа.

Капитан шурился, разглядывая лица стражников в темноте; судя по его недоумению, все они были из числа новобранцев. Двое крепко держали гонца за руки, хоть тот и был слишком напуган, чтобы сопротивляться; третий старательно вытряхивал на землю содержимое дорожной сумки, пока не нашел крошечный, неприметный конверт с золотой печатью.

— Отпускать? — поинтересовался один из держащих, как только желаемое было найдено.

— Дождемся господина, — ответил ему другой. Направив конверт на свет факелов, он огорченно вздохнул, и спрятал его в нагрудном кармане; либо он не умел читать, либо бумага была слишком плотной. — Пусть сам решает.

Мы с Кидо переглянулись. Он был обеспокоен: морщины вновь проступили на лбу, а челюсти сжались так, что я практически слышал скрежет зубов. Кто-то отдавал приказы страже и задерживал гонцов — не чьих-то, а королевских, — и этот кто-то вновь держал капитана в неведении. Мне казалось, ещё мгновение — и он возьмет в руки хлыст, спустится к нерадивым подчиненным и объяснит, чьих приказов надобно слушаться, но его отвлек звук бьющихся друг о друга лат. Стража склонилась перед господином.

— Далеко успел убежать?

— Едва выехал за ворота, — отчитывались новички.

— Письмо при нём?

Стражник протянул заветный конверт. Господин предусмотрительно надел плащ и тщательно скрыл лицо под капюшоном, и всё это действительно могло бы спасти его от раскрытия личности, если бы голос его не был так мучительно нам знаком. Сильные пальцы сломали печать и раскрыли письмо; почерк Ровены был изящен, но неровен, а чернильные пятна беспорядочно окропили бумагу. Лишь королева знала, сколько писем было так бесцеремонно перехвачены; вероятно, её разум был не так помутнен от горя, как все мы считали.

Пальцы капитана ухватились за рукоять меча с такой силой, что тут же побелели. Он вдыхал кратко и часто, но сдвинуться с места не решался. Ярость и чувство нарушенной справедливости боролись в нём с болью и разочарованием, разрывая его на куски.

— Ведите его в темницу, — прочитав письмо, бросил советник. — Посадите к остальным.

Стражники принялись тут же исполнять приказ, а черный плащ их господина тенью двинулся в сторону замка. Кидо замороженно, но опустошенно смотрел ему вслед.

— Пойдешь за ним?

— Нет, — отрезал он.

Понимающе кивнув, я отошёл; казалось, ему нужно пространство. Мне ненавистна беспомощность, и потому понимать и принимать её я считал одним из мудрейших качеств; вероятно, Кидо обладал и им. Спустя пару минут он надел маску ледящего кровь спокойствия и вновь направил свой взгляд за стену. Его долг перед короной был важен ему, но перед короной истинной, а не подлой и честолюбивой. Минерва, и без того лишив его многого, теперь отбирала и те редкие толики любви, что у него выходило вымолить у Богини. Жарче всякая любовь пылала втайне, говорили поэты, но забывали упомянуть — тем больше оставляла выжженной земли.

Всю оставшуюся ночь мы молчали, но даже воздух вокруг нас был встревожен. С первым пением птиц нас сменил отдохнувший сэра Бентон, до самой земли кланявшийся молодому капитану в благодарность за возможность поспать. Тот спросил, не было ли в последнее время необычных приказов, и Бентон в ответ лишь отрицательно покачал головой. Кидо пожал плечами; впрочем, он и не надеялся, что кто-то доверит тайные дела такому простаку.

У самого входа в замок я свернул к конюшням — мне отчаянно хотелось поведать Пепла. Своенравный конь хоть и тосковал по свободному выгулу, но уж точно не скучал: конюх встретил меня увлекательной историей о том, как Пепел завладел почти каждой кобылой в стойле. Будь он беспородным, меня бы уже давно вынудили заплатить за новых кобыл, но его порода была редка и благородна — и мне лишь поклонились, пообещав подарить первого из жеребят-самцов.

Покидая счастливую обитель Пепла, я обратил внимание на шум на поляне за ней; звучал он так, будто там сошлись в битве два нескромных войска. Железистый запах крови прилип к ноздрям, и я поспешил оказать помощь, но оказался встречен сотней озадаченных глаз. Юные бойцы замерли, стоило мне вбежать на поляну; кто-то из них уловил момент, чтобы отдышаться, кто-то — чтобы вытереть кровь с губы или брови, но все, как один, испуганно оглядывались на своего командира.

— Сэр Териат! — вскинул руки седовласый колдун. — Не думал, что вы заглянете к нам!

— Не думал, что вы — воин, — не подумав, выпалил я.

— Ох, я прошёл столько битв, сколько многим из живых и не снилось, — протянул он. — То, что я владею магией, не значит, что не владею мечом.

Надев доброжелательную личину, о которой в порыве тревожности неосторожно забыл, я поклонился магистру. Его статус обязывал преклонять пред ним колена даже людей королевской крови, что уж говорить о бродяге с севера вроде меня, но его едва ли сильно задевало, если кто-либо об этом забывал. Он будто постоянно витал в облаках, задумчивый и важный, далекий от земных дел и претенциозности её жителей, и лишь цвет его глаз мог намекнуть на истинные чувства и намерения колдуна.

Рагна еле заметно махнул рукой в сторону застывших новобранцев, и они тут же вновь скрестили мечи. Сразу за теми, кто тренировал навык ближнего боя, стояли будущие

стрелки, направив луки в набитые сеном мешки. Мишени на них были нарисованы наспех и поплыли, но, уверен, для их командира это не являлось основанием для промаха.

— Желаете присоединиться? — вскинул брови магистр.

— Не смею мешать, — отказался я. — Просто заинтересовался, услышав шум. Не знал, что здесь развернулась зона для тренировок.

Колдун пожал плечами, будто дело было не в мгновенно появившемся войске, а в элементарной невнимательности гостя короны. Он не прогонял меня, и я пользовался его безразличием, внимательно оглядывая бойцов. Казалось, они тренировались с самой темноты — солнце встало совсем недавно, а они уже были чудовищно измотаны; руки у многих дрожали, едва удерживая рукоять меча, а стрелы то и дело падали на землю, выскальзывая из вспотевших ладоней. Все они усердствовали, что было сил, но будто не по своей воле; либо их отряд — самый трудолюбивый из всех, что видел мир, либо их командиром не так просто оказался назначен магистр.

Со стороны стрельбища стали разноситься недовольные возгласы. Стараясь не показывать чрезмерного любопытства, я стоял, сложив руки на груди и чуть прищурившись, пытаюсь в свете утреннего солнца разглядеть причину стычки. Всё больше бойцов стекалось к мишеням, воодушевленно и в то же время возмущенно переговариваясь; некоторые толкались и сквернословили, пытаюсь подойти ближе к причине всеобщего интереса. Двинувшись вслед за магистром в сторону стрелков, я, наконец, разглядел: вся тренировка свелась к соревнованию между двумя юнцами, оказавшимися лучшими в своем деле.

Их выстрели были быстры и точны, а стрелы взлетали в воздух со свистом, заставляя всех присутствующих провожать их взглядом. За их спинами стоял юноша, без конца пополняющий им колчаны, отчего те казались бездонными, и нереальность происходящего все больше захватывала юнцов. Глаза горели, стертые подушечки пальцев краснели, кровь пульсировала, заглушая шум толпы, но дыхание было ровным — иначе бы ни один их выстрел не попал в цель.

Магистр встал прямо за мишенью, в которую стрелял светловолосый мальчишка, в буквальном смысле становясь ею, если тот промахнется, и жестом предложил мне поступить так же. Моим стрелком стал загорелый, жилистый юноша — его отец точно занимался тяжелой работой и давно приучил к ней сына, — и держался он увереннее, чем его соперник. Мы добавляли азарта соревнованию: цена их ошибки мгновенно возросло до той, что при промахе им никогда не выплатить.

Щекочущее ощущение от зрелища летящей в тебя стрелы сложно описать словами; даже осознавая полную безопасность ситуации, разум подавал телу сигнал к бедствию. Каждую секунду грезя сорваться с места, я будто прирос к нему, пустил корни в землю. Ухмылка и яростная зелень глаз колдуна мелькали на периферии, но я не спускал глаз со стрел. Мешок трещал, дырявый в десятках мест, и сенная пыль вздымалась в воздух при каждом в него попадании. Я моргнул и, подняв веки, обнаружил, что одна из стрел летела совсем не по курсу.

Она нацелилась прямоком мне в глаз. По венам пробежал леденящий восторг, и магия в дребезги разрушила сдерживающую её клетку. Время стало тягучим, будто смола, как в день, когда я впервые откинул Финдира разрядом молнии, и я разочарованно вздохнул; я терял над собой контроль. Я мог бы спастись, увернувшись — скорость моих реакций все еще превышала человеческую, — а если и нет, то вполне мог бы прожить и без глаза. Однако она всё же вырвалась, спровоцированная малейшей опасностью для жизни, и это означало две

вещи. Первая — мне вновь предстояло много работы над укрощением странной небесной субстанции, выбравшей моё тело сосудом. Вторая — у меня была вполне реальная вероятность быть раскрытым.

Собрав все силы, что я мог в себе отыскать, я запрятал молнию как можно глубже — так, чтобы она ни на мгновение не выбралась наружу, предоставив магистру возможность её заметить, — и вытянул руку вперёд, рассчитав примерное время, за которое стрела долетит до моего лица, если время вернется к своему течению.

Я сжал пальцы почти сразу, и не прогадал — древко стрелы оказалось между ними, обжигая кожу множеством заноз; на изготовление этих стрел очевидно не потратили много времени. Наконечник застыл в мгновении от глаза.

— Господин! — загорелый юноша упал на колени, рассыпаясь в извинениях. — Ну почему же вы там встали?

— Всё в порядке, Аби, — ничуть не напугано протянул Рагна. — Сэр Териат в полном здравии.

— Но я же мог пристрелить вас!

— И сделал бы мне одолжение, — хмыкнул я.

Я опустил руку, но не отпустил стрелу. Магистр посмотрел на меня скучающе и едва не зевнул; лишенный ожидаемого зрелища, он не желал более терпеть моё присутствие, и тут же откланялся, намекая на безотлагательные дела, что ждали его внимания. Я направился к выходу с поляны, дважды по дороге успев удостовериться увязавшегося следом мальчика, что он не причинил мне никакого вреда.

Лишь у конюшен я разжал ладонь, позволив обломкам стрелы коснуться земли. Сгоревшее дерево окрасило кожу в черный.

Как и полагалось, за день до свадебного торжества двери в тронный зал распахнули, демонстрируя приданое, собранное для будущего супруга принцессы. Над двумя огромными сундуками, доверху набитыми дорогими тканями и украшениями — иначе говоря, ничем из того, что Ариадне было бы жалко отдать, — постоянно хлопотала Ровена. Она нашла повод отвлечься от скорби по мужу, ведь заключаемый союз был последним его делом, и именно ей, как королеве, предстояло исполнить его волю. Ни один шаг, касающийся праздника, не делался без её ведома. Беатрис бегала за ней следом, пытаясь снять с сестры часть ответственности и дел — казалось, королева проваливалась в сон без сил, лишь переступив порог покоев, — но Ровена упорно отвергала её помощь. Посеревшее лицо Беатрис, хоть и щедро раскрашенное румянами, напоминало ей о том, что вскоре она вновь потеряет любимого человека. Ей было проще не смотреть на сестру, ведь если перед глазами план рассадки гостей или схема украшения зала — её мысли не заняты страхом, а тело не сотрясает дрожь.

Фактически, торжество начиналось вечером дня, предшествующего церемонии.

В покоях меня встретили горячо спорящие служанки, обложенные целой горой одежд, в которых они — очевидно, безуспешно, — пытались что-то отыскать. Некоторые из вещей были вывернуты наизнанку, и я вздрогнул, заметив, как на пробирающемся в комнату солнце сияют золотистые нити на внутренних швах. Две пары измученных глаз уставились на меня, беспомощно вскинув руки.

— Ищете что-то, что поможет упрятать меня в темницу?

— Не шутите так, господин, — обиделась Фэй, и её тонкий голосок зазвенел у меня в

ушах.

— Вы скопили столько нарядов, — причитала Лэсси. — А на вечернее празднество идти вам всё равно не в чем.

— Как насчет этого?

Я ткнул пальцем в случайный комплект из коричневых штанов и темно-серого кафтана — один из подарков внимательной и гостеприимной королевы, — но в ответ Лэсси лишь раздраженно закатила глаза. Я рассмеялся, не ожидав такой реакции, и приземлился рядом с девушками, закапывая руку в множество тканей и фактур. Вытаскивая одну вещь за другой, я вопросительно поднимал её в воздух; ни один из вариантов не удовлетворил моих личных стражей моды.

— Разве для гостей существуют правила? — вздохнул я. — Мне казалось, лишь жених и невеста ограничены в выборе нарядов.

— Официально — правил нет, — наставническим тоном ответила Лэсси. — Негласных — столько, что не упомнить.

— И что же нам нужно?

— Низ не так важен, но нам нужен красный кафтан, — протянула она лениво. — Чтобы не было видно брызг крови, если будете стоять слишком близко.

— И всё?

— Нужно, чтобы на нём было много карманов, ведь вам наверняка понадобится платок для себя и для стоящих рядом дам, которым платок положить некуда, — продолжала девушка, рассматривая вещь, которую я видел впервые. — А ещё — кожаный доспех под кафтан.

— Это ещё зачем?

— Вообще — чтобы было удобнее крепить пояс с оружием, что непременно должно быть у вас с собой, но на деле — чтобы обезопаситься.

— Думаешь, чей-то разум уже сегодня помутится настолько, что он полезет в драку? — усмехнулся я.

— Не думаю, — пожала плечами она, бросив короткий взгляд на моё лицо. — Но вы не в ладах с женихом и, следовательно, всеми его приближенными. Не хочу, чтобы вы вновь проиграли ему в битве.

Я дотронулся до щеки; полоска шрама встретила меня холодной гладкостью молодой кожи. Меня не волновал факт проигрыша принцу, но унижение, что оно шлейфом несло за собой, разжигало несвойственную мне воинственность. Меч теперь лучше лежал в моей руке, но это не давало мне спокойствия и уверенности, что я смогу защититься; лишь подкидывало дров в костер желания достать меч из ножен.

— Мы не будем драться, Лэсси.

— Вы не будете, — поправила она. — Но держите меч при себе.

Поняв, что все мои фальшивые аргументы разобьются о стену уверенности упертой служанки, я даже не стал пытаться произнести хоть один из них вслух. Фэй, почувствовав себя неудобно, пообещала вскоре вернуться, и тут же исчезла за тяжелой дверью. Лэсси, ещё какое-то время проведя в ревизии бесконечного количества одежды, наконец, нашла белый кафтан, подходящий под все описания: три кармана, тонкая ткань, не сковывающая движения, к тому же отличающийся нестандартным кроем — короткий нижний слой и удлиненная накидка, закрывающая ноги по бокам до колена. Под все, кроме цвета.

Лэсси задумчиво рассматривала вещь, подперев подбородок кулаком; я почти слышал,

как мысли бегали внутри её головы, сталкиваясь и жарко споря. Когда она подняла на меня вопросительный взгляд, я без раздумий кивнул.

— Делай, что считаешь нужным.

Довольно хихикнув и прижав к себе кафтан, вторая служанка исчезла так же быстро, как и первая.

Почти до самого вечера я проводил время в постели. Все совместные обеды были отменены по понятным причинам — еду приносили прямо в покои, — а запас непрочитанных книг, великодушно пожертвованных мне библиотекой на время болезни, всё ещё был огромен. Я схватил одну из них, не глядя; ей оказался старинный сборник историй с до боли знакомой обложкой — подобную я видел в библиотеке азаани. Он был написан на любопытной смеси языков — эльфийского и того, на каком говорили в Грее, — и, по правде говоря, его невозможно было читать. Симбиоз языков оказался непродуманным и грязным, смешавшиеся в кучу правила построения предложений и составления слов мешали линии сюжета, не позволяя обратить на неё ни малейшего внимания; глаз цеплялся за ошибки в словах, пунктуации, и, спустя несколько часов, я обнаружил, что прочитал лишь десять страниц. Мне было интересно, как такая книга оказалась в королевской библиотеке; Грея слишком молода, чтобы такие произведения можно было назвать её наследием.

Лэсси вернулась, гордо держа в вытянутой руке ярко-красный кафтан. Она выглядела, будто принесший добычу охотничий пес, и я едва поборол непреодолимое желание погладить её по голове.

— Как хорошо, когда при дворе есть колдун!

— Ты ходила к магистру? — насторожился я.

— Ходила, как же! Еле поймала!

Несмотря на усталость, чувство выполненного долга торжествующе светилось в её глазах. Жестом она заставила меня скорее подняться с постели, и я почувствовал, как заныла поясница; я давно не проводил в горизонтальном положении столько часов подряд. Тело молило о движении, будто с каждой минутой в тишине и спокойствии его неизбежно покидала жизнь.

Белая рубашка, сверху — кожаный доспех. Лэсси взяла самый тонкий из моего арсенала, и затянула его так, словно то был корсет; сначала показалось, что я едва могу дышать, но спустя пару минут доспех будто стал мягче и адаптировался под вздымающуюся от дыхания грудь. Коричневые штаны, на которые я бездумно указал ещё утром, по мнению служанки, отлично подошли к общему образу. Затем пояс, на него — ножны для кинжала, для меча и... мешочек с монетами. Я нахмурился.

— Пригодится, — даже не взглянув, бросила в ответ Лэсси.

Кафтан. Гладкая, почти скользящая ткань ударила в нос странным запахом, природу которого я так и не смог определить, а её алый цвет был столь ярким, что хотелось уязвленно закрыть глаза. Рукава, казавшиеся почти невесомыми, приятно касались кожи. Лэсси настойчиво просила взглянуть в зеркало, чтобы оценить её старания, но я так же настойчиво отказывался; по какой-то причине мне не хотелось видеть свое отражение.

Обиженная служанка громко фыркнула, сложив руки на груди. Я дотронулся до её макушки и, приблизившись, едва коснулся её лба губами.

— Мне незачем смотреться. Я знаю, что, если меня коснулись твои руки, я выгляжу великолепно.

Смуглые щеки покрылись румянцем, а взгляд тут же стеснительно опустился к полу. К

кроткой Фэй я не проникся так, как к этому взъерошенному зверьку, вечно недовольно снующим из стороны в сторону; Лэсси казалась мне младшей сестренкой, вынужденно прислуживающей мне в силу сложившихся обстоятельств. Из неё вышла бы прекрасная эльфийка — сильная, волевая, бесстрашная. Воительница, о которой складывали бы легенды и песни.

— Когда начнется церемония?

— Через час, — отвернулась она к комоду, увлеченно поправляя нарушенный мной порядок. — Но лучше идти уже сейчас.

— Спасибо, Лэсси, — шепнул я.

— Всегда к вашим услугам, Териат.

Я улыбнулся; раньше, несмотря на сотни моих просьб, она не решалась называть меня по имени.

Площадь у замка была заполнена до отказа; пришлось протискиваться через горожан, попутно выслушивая брошенные вслед оскорбления. Я мог бы встать и сзади — не то чтобы я скучал по лику принца, — но рано или поздно стража все равно провела бы меня, как гостя короны, в первые ряды, и уж они бы совсем иначе обращались со стоящими на их пути.

Мне посчастливилось занять место возле семьи королевы — её сестры и племянниц, — и юная Элоди как бы невзначай тут же оказалась подле меня.

— А в Сайлетисе существует такой обряд? — дернула она меня за рукав.

— Нет, юная госпожа, в Сайлетисе принято приносить дары лишь морю.

— А как же Богиня? — прищурилась Элоди. — Она не гневается на вас?

— Море ведь тоже принадлежит ей.

— Разве не её мужу?

Я вскинул брови. Обычно детям мало рассказывали о супруге Богини; по большей части потому, что подобные истории могли испугать их. Мать Природа покровительствовала нашим миром: ею пропитан каждый сантиметр воздуха и листвы, и именно ей мы возлагали дары и оказывали почести, благодаря за жизнь, что плескалась в наших телах; её супруг же находился на другой стороне бытия. В его велении — лишь смерть и души, покинувшие свои тела; Отец Духов жил в каждой реке и каждом её притоке, чтобы течением отнести души к морю — и вновь отдать их любимой, что поможет тем переродиться.

— Нет, — поправил я её. — Отцу доступны лишь реки.

— Хотела бы я, чтобы и у нас женщины были главнее мужчин.

— Почему же, Ваша Светлость?

— Мальчишки такие глупые, — буркнула она. — Вечно лезут в драки.

— Всем нужно чем-то защищаться. Их оружие — острый меч, — пожал я плечами. — А ваше — острый ум.

Элоди хихикнула и отвернулась, создав вихрь из пружинящих кудряшек. Беатрис провела рукой по плечам девочки и прижала её к себе; взгляд её был направлен куда-то далеко, на противоположную сторону площади. Я не видел там ни одного знакомого лица, лишь жриц из местного храма, пришедших провести церемонию. Высшая жрица была одета особенно богато: струящееся одеяние с кожаным поясом, на груди — кулон с крупным кровавым рубином, в волосах — золотой венец. В руке она держала деревянный посох из двух переплетенных между собой ветвей; атрибут обряда возвышался над ней, будучи почти в половину выше жрицы, и венчался таким же кровавым рубином на вершине.

Хант появился из неоткуда. Толпа разошлась, пропуская пять лошадей. Принц шел первым и не останавливался, пока не добрался до самой середины площади; спешившись, он тут же отдал лошадь подбежавшему слуге и принялся кланяться. Горожане рукоплескали ему; обаяние, что видели в нем люди, навсегда останется для меня загадкой. Хант не мог вдоволь насладиться полученным вниманием; он буквально слизывал с губ обожание толпы. Ариадна, её мать и Минерва прошли вправо, встав на противоположной стороне площади; полагаю, именно их искали глаза Беатрис. Место неподалеку от них занял мужчина в красном плаще. На мгновение из-под ткани выглянула седая борода; вероятно, король Дамиан.

Протрубили в рог, и принц выпрямился, напряженный, как струна. Два огромных, жилистых мужчины — я однажды видел их на выгуле скота за городскими стенами, — старательно тащили к нему молодого бычка. Животное сопротивлялось так отчаянно, будто осознавало свою судьбу, но это едва ли кого-то волновало; подношение богине — обязательный ритуал, пренебрегали которым лишь бедняки и глупцы.

Бой в барабан — гулкий, громкий, обволакивающий, — и за ним — сладкое пение жриц. Их голоса завораживали, увлекая душу в танец, и лишь тело замирало, пораженное красотой песни. Только сейчас я заметил, что в середине площади был выложен круг, от которого по всей территории расходились лучи.

Хант, не спуская с быка глаз, медленно вытаскивал из ножен клинок. Между ними было не больше полуметра; мужчины держали животное за рога — или скорее то, что в будущем бы ими стало, — и запрокидывали его голову к небу. Напряжение нарастало: гул барабанов становился громче, голоса — выше. Все взгляды были прикованы лишь к сверкающему железу в руках принца, пока музыка внезапно не остановилась. Ханту хватило мгновения, чтобы перерезать горло бедного животного, и окропить его кровью выложенную камнем площадь.

В полной тишине по расходившимся от центра капиллярам кровь потекла к ногам всех присутствующих. Кровавое солнце осветило Грею, и высшая жрица вышла в самый его центр. Приложив рубин с медальона к глазу, она взглянула на кровавую лужу.

— Кровью окропленный благословения просит, огнём закаленный жертву приносит, — церемониально читала она заученную речь. — Честны ли твои чувства, муж прекрасный?

— Я прекратил распутства и блуд напрасный.

— Кровь быстро бежит — живая, алая. На вас богиня глядит — от крови пьяная. Благословляет вас, благодарит за жертву!

— По её лишь воле умру.

— А я — воскресну, — выкрикнула Ариадна.

Она так и не вышла в эпицентр событий; я не знал, входило ли это в ее обязанности, но никто не высказал недовольства. Жрица нарисовала на лице Ханта несколько линий, отмечая жениха, и проследовала к Ариадне, чтобы сделать то же самое с невестой. Теперь их свадьба неминуема и обоснована; желание королей подкреплено желанием Богини, а с ним спорить не смел никто. Однако, если Богиня в самом деле дарила бы благословение каждому, кто когда-либо забивал скот или проливал кровь, в мире не существовало бы ни одной несчастной души.

Мне казалось, что я стоял слишком далеко, чтобы до меня долетели брызги крови, но, как только обряд закончился, со лба скатилась густая красная капля. Я огляделся: следы ритуала виднелись на всех, кто наблюдал зрелище из первого ряда, и я любезно предложил

Элоди и Беатрис платки, что Лэсси заботливо положила в каждый карман моего наряда. До последнего держался лишь король Дамиан, но, сдавшись, и он спустил капюшон, не выдержав ощущения крови на коже; его лицо оказалось нездорового серо-синего цвета. Сначала я подумал, что его мутило от вида крови, хоть это и было бы странно, учитывая его воинскую славу. Почти сошедшие синяки заметно старили южного правителя; и в значительной степени позорили.

Хант торжественно смотрел на отца с нескрываемым отвращением на лице. Прежде вздрагивающий от каждого его движения, теперь принц ощущал превосходство; он высокомерно задирает подбородок, а король, напротив, прятал взгляд. Если бы ударивший Дамиана был из его подданных, тот уже давно лежал бы в змеиной яме; из жителей Грей или гостей — Хант был бы первым, кого бы пристыдили за недобросовестно организованную охрану. Вывод напрашивался сам — это дело кулаков принца. Но разве мог у запуганного мальчишки появиться повод ударить того, кто всю жизнь держал его в страхе лишиться отцовской благосклонности?

Лишь один.

Мне снилось, как я отправляю стрелу прямо в его сердце, и, разбуженный торжественной песней труб, я проснулся с невероятной легкостью на сердце. Богиня не омрачила день свадьбы скверной погодой, напротив — всё благоволило соединению двух королевств. Уже засыпающие цветы расцвели с новой силой, одурманивая сладким запахом, а птицы запели искуснее прежнего.

Я наслаждался завтраком прямо на балконе, откуда открывался чудесный вид на сад; он пустовал, упиваясь отсутствием топчущих его дорожки каблуков. Служанки спорили о чем-то в главной комнате, звуча как ещё две щебечущих птички, и периодически вбегали на балкон, моля их рассудить; я отвечал лишь снисходительной улыбкой. Признаться, мне было совершенно безразлично, в чём я появлюсь на церемонии; разве что они не найдут броню, что можно надеть на сердце.

Впрочем, девушки подобрали мне искусно сделанный голубой камзол. Многим гостям на торжестве было важно представлять место, откуда они родом, и, хоть я, по легенде, старательно бежал от него как можно дальше, надеть национальный цвет Сайлетиса было важно и мне. Так я покажу, что во мне ещё есть что-то от чужака, что я не пустил корни в покоях на втором этаже; покажу, что могу покинуть замок, когда мне вздумается, и даже магическая сила Минервы не посмеет меня остановить.

— Понимаю, почему в Сайлетисе выбрали именно голубой, — вздохнула Фэй. — Он чудно смотрится с рыжими волосами.

Я провёл рукой по щеке, пройдясь по легкой колючей щетине, и зачесал волосы назад. Пальцы скользили сквозь них так, будто те были сотканы из шелка; Лэсси добыла то королевское лимонное мыло, чьи ноты я порой ловил на коже лисицы.

— Вам пора, — приказала Лэсси, складывая руки на груди. — Церемония начинается в полдень.

Даже если бы я не знал место проведения торжества, поток взволнованных гостей все равно отнес бы меня течением. Бесконечно пестрая толпа роскошных платьев заставляла щуриться, чтобы разглядеть в ней хоть какие-то лица. Госпожа Аурелия Ботрайд искренне пыталась смягчить строгое выражение лица по-девичьи нежными цветами макияжа и наряда, но выглядела скорее забавно, нежели изящно. Кудряшки юной Элоди спрятали в

высокую прическу, открывая круглое личико и короткую шею. Эйнсли, напротив, была пряма и тонка; острые черты худых плеч оттенялись округлой, высоко поднятой корсетом грудью. Сложив руки в районе живота, она не прекращала учтиво улыбаться каждому, кто бросал на неё хоть какой-нибудь взгляд.

На возвышении в тронном зале, перед заботливо подготовленными королевой сундуками, стоял облаченный в мантию магистр. Серебряные волосы сияли в свете утреннего солнца, но взгляд был утомленным и скучающим. В руках его лежала потрепанная, старинная книга, похожая на те, что обычно использовали жрецы и жрицы; именно он будет связывать узы двух семей. Удивительный выбор, учитывая традиции Греи, но его прибытие так или иначе не было безосновательным; даже если бракосочетание не было главной из причин, то точно попало в список.

От входа к магистру вела усыпанная цветами дорожка, и все гости старательно обходили её, боясь испортить; по обе стороны от дорожки — бесчисленные ряды до боли знакомых стульев из переговорных. Я хотел занять место в ряду, что был третьим от выхода, но на моё плечо приземлилась почти невесомая, холодная рука.

— Составьте мне компанию, Териат, — пропела старшая принцесса, приближаясь к моему уху. — К тому же, отсюда вы почти ничего не увидите.

Так и было задумано, хотел ответить я, но не посмел отказать фактической королеве; неподходящий момент, чтобы демонстрировать дурные манеры.

— С удовольствием, Ваше Вел... Высочество.

Минерва вложила ладонь в предложенную мной руку и хищно ухмыльнулась. Всегда одна и та же ухмылка; она напоминала мне волчицу, знающую, что добыча не убежит от нее, как отчаянно бы ни пыталась это сделать.

Мы проследовали к первому ряду, и моё место оказалось крайним, у самого прохода. Я долго не мог устроиться на стуле, не понимая, откуда взялось столь назойливое неудобство, но, бросив взгляд налево, понял: мне мешал въедливый взгляд Кидо. Нас разделяла лишь торжественно украшенная дорожка и тишина, что мы вынуждены были соблюдать, но его глаза и без того говорили многое.

Мощная мужская фигура опустилась на стул прямо за ним, лишь тенью сообщив о своем присутствии; даже не оборачиваясь, капитан знал, кому она принадлежит. Лэндон сидел прямо и невозмутимо, однако всё его тело было напряжено.

— Прекрасный день, не правда ли?

— Не надо, — отрезал советник.

Кидо замер, будто ему отвесили пощечину.

— Что?

— Не надо делать вид, будто нам есть о чём поговорить.

— Ох, — протянул Кидо. — Темы точно найдутся.

— Послушай, капитан. — Лэндон повернулся к собеседнику, и лицо его было подобно камню; непроницаемое, твёрдое. — Кому доверяешь всё — может столько же и отнять. Держи язык за зубами.

— Давно штаны менял?

Уверенность тут же пропала с лица советника, и брови взлетели наверх; Кидо профессионально сбивал его с толку. Если советник когда-либо в самом деле любил его, то сердце его, должно быть, покрылось коркой льда и сковало цепями; каждый взгляд его был тяжелее ноши, что плечи капитана могли выдержать, и Лэндон его не жалел — он с

удовольствием добавлял вес.

— А то кажется, что ты обделался от испуга.

Слова Кидо выплюнул, будто те были пропитаны ядом, и советник скривился от гнева.

— Зато тебе страх неведом, да?

— Мне нечего бояться. Моя совесть чиста.

Капитан не собирался шантажировать его сведениями об их отношениях, ибо знал — мужеложцами заклеят их обоих, но обладание этим знанием будто помогало ему устойчивее стоять на ногах. Чувства, что он испытывал к сидящему рядом, некогда близкому ему мужчине, все ещё наполняли его, но к нежности и заботе теперь примешались черные, отравляющие душу обида и разочарование. Привыкнув с улыбкой относиться к жизни, он не знал, как пересмотреть свою картину мира. Казалось, ещё мгновение, и он предаст её огню.

В зал, будто птица, влетела Лианна и, обменявшись парой слов с магистром, подала гостям знак занять свои места. Пальцами правой руки я сжал подлокотник стула, не зная, как иначе удержаться на месте; сбежать хотелось так сильно, будто я совершенно точно знал, что церемония кончится моей головой на плахе. Тревожное чувство пробралось с низа живота к горлу и сдавило его, пытаясь задушить во мне остатки воли, и я закашлялся, отгоняя его прочь. Кашель разрезал воздух в полной тишине.

Спустя мгновения заиграла музыка — чарующая, как и всегда, — и все взоры обратились ко входу. Ровена в роскошном сером платье вела облаченного в белое жениха; он постоянно норовил наступить на подол королевы, но на её прекрасном, обученном актерскому мастерству лице не отразилось и тени недовольства. По традиции, жениха к алтарю вела его мать, невесту — её отец, но, в силу сложившихся обстоятельств, было решено прочесть этот обычай иначе: мать Ханта хоть и жива, но не покинула Куориана ради свадьбы сына; отец Ариадны, по воле подлых предателей, не дожил до этого дня.

Под руку с королем Дамианом невеста медленно вышагивала по усыпанному цветами полу, борясь с волнением, что запросто могло сбить её с ног. Посеревший, пристыженный взгляд островитянина не поднимался от пола, видно, в надежде, что никто так же не поднимет взгляда и на него; впрочем, это было вполне вероятно. Темные волосы Ариадны на фоне белого платья делали её лицо таким выразительным, что взгляд приковывался к нему сам, не в силах сопротивляться. Её щеки горели румянцем, а губы были взволнованно приоткрыты, и весь путь до магистра она будто что-то шептала; в рое восторженных вздохов я так и не смог расслышать, что именно. Следом шла невероятно взволнованная Элоди; как и мечтала, она придерживала подол кухни, пока та не вошла на возвышение.

Их поставили друг напротив друга — так, чтобы во время клятв смотреть в глаза. В тех же нарядах, что были на предсвадебном балу, теперь они были окружены не тьмой, но буйством красок, и взгляды их так и норовили обратиться к залу; по большей части потому, что друг на друга смотреть было невыносимо.

— Дамы и господа, — разнесся голос Рагны. — Наступил день, которого мы все так ждали. День, когда священными узами брака соединятся семьи правителей двух королевств, заключая нерушимый союз. Ариадна из династии Уондермир и Хант из династии Гаэлит, прошу, произнесите ваши клятвы.

На до боли сжатые пальцы опустилась рука Минервы, и меня обдало волной пронзительного мороза.

— До глубокой старости и помутнения ума, пока не проживем нашу жизнь сполна, я буду предана тебе и верна, — дрожащим голосом проговаривала Ариадна. — И

свидетельница мне — луна.

— До последней капли на остром клинке, пока не потеряюсь совсем во тьме, ради тебя буду биться в каждой войне, — отчеканил в ответ Хант. — И свидетелем солнце станет мне.

Традиции любили стихосложение — тем легче передавать их из уст в уста и создавать новые, выдавая их за старые. Уверен, большинство обычаев, якобы идущих испокон времен, люди выдумали одну-две сотни лет назад; они жили на свете слишком мало, чтобы кто-либо мог поспорить со стариной отдельных строчек.

— Ариадна, — повернулся к принцессе магистр. — Готова ли ты принять наследие чужой страны и править ей, как родной тебе?

— Готова.

Слово будто бы материализовалось и отвесило мне оплеуху.

— Хант, готов ли ты пожертвовать родной страной, отдав свои силы и мудрость Грее, если ей понадобится твоя помощь?

— Готов.

Снова.

Магистр кивнул, и на щеке невесты блеснула слеза; кто-то восхищенно вздохнул, посчитав, что её переполняло чувство счастья.

Рука Минервы по-прежнему лежала на моей, демонстрируя свои на меня права; я не был её собственностью, но в то мгновение чувствовал себя таковой. Знал, что не могу противиться публично, ведь, опозорив её, больше никогда не увижу всего, что люблю; а у меня на это были большие планы. Натянув улыбку, я продолжал наблюдать за ходом церемонии, согревая руку ледяной принцессы. Ариадна бросила короткий взгляд в мою сторону, и даже за то мимолетное мгновение, что он задержался на наших ладонях, я прочёл вопрос, что тревожил её сердце.

Она снова сделала это с тобой, да?

Я надеялся, что к концу вечера ответом останется слово “нет”.

Рагна поднял руки над головой и трижды оглушительно хлопнул в ладоши. Показалось, будто даже солнце померкло, лишь бы представлению досталось больше внимания. Над головами новоиспеченных супругов рассыпались мириады цветных пылинок, которые, оседая, окрашивали их наряды; причудливыми узорами краска ложилась на ткань, будто проявляя уже имеющийся на ней рисунок. Цвета их династий смешались, и два серо-оранжевых одеяния присоединились к калейдоскопу нарядов в зале.

Держа в руках бархатную подушку, к пьедесталу подбежал юный, до ужаса взволнованный оруженосец. На подушке лежало два сверкающих металлом предмета, и один из них принц тут же взял в руки. Усыпанное драгоценными камнями ожерелье выглядело тяжелым и безвкусным, но, безусловно, кричало о богатстве обладателя.

— В знак единения наших семей, — сказал принц, застегивая подарок на шею жены. Ариадна подалась вперед, будто оно её потянуло к земле.

— В знак преданности и взаимопомощи, — выдавила она, преподнося ему искусный кинжал.

Завидев рукоятку оружия, толпа замерла: убежден, каждый подумал, что подарком окажется легендарный меч Уинфреда, так много значащий для Греи и её жителей; к сожалению или к счастью, Ханта не настолько ценили как союзника короны.

— Прошу, вытяните руки, — ласково произнес магистр, будто церемония и вправду трогала его пропитанное магией сердце.

На левое запястье каждого из супругов Рагна надел браслет — разомкнутое кольцо из необычного сплава металлов. Свет переливался в его отполированной поверхности, отбрасывая синие, даже фиолетовые блики, завораживая и влюбляя. Никогда прежде я не видел подобного; в наших краях таких совершенно точно не делали. Склонившись над браслетами, магистр что-то тихо нашептывал, и от него завяло терпким запахом вербены. Из ладоней его полил теплый свет, запаивая кольца; те сжались, плотно обхватив запястья обладателей.

— Не разрубить мечом и не расплавить пламенем, — торжественно объявил магистр. — Так же, как и отныне связывающие вас семейные узы.

— Отныне и навсегда, — добавил Хант.

— Отныне и навсегда, — тихо вторила Ариадна.

Во время бала Минерва не покидала меня ни на миг. Когда я кружился в танце с другой женщиной, её волосы дуновением ветра щекотали мне шею, а взгляд мурашками пробежал по спине. Она была со мной, даже если нас разделяли многочисленные метры бального зала; поселилась под кожей ощущением чего-то холодного и захватывающего. Я не мог позволить повториться тому, что случилось на предыдущем балу, но и ей теперь не приходилось завоевывать моё внимание прикосновениями; она прекрасно справлялась издалека.

Лишь лицо Ариадны спасало мою душу. Она была сломлена; изображать счастье быть женой того, в присутствии кого каждый сантиметр тела полыхает стыдом и гневом, давалось ей непросто, и всё же она справлялась, хоть и намеренно не пряча грусть в глазах. Я пробирался к ней через многочисленные руки и пышные подолы, через запахи духов и сладкие речи, пока она терпеливо ждала, принимая лживые поздравления.

— Ваше Высочество, — поклонился я. — Прошу, подарите мне танец.

Под одобрителный кивок матери, принцесса выразила своё согласие, молчаливо подав мне руку. По телу прокатилась волна тепла, отгоняя наступление холода Минервы; поразительно, какую сильную роль наследие матери сыграло в них обеих.

Впервые за день я увидел её улыбку. Хоть я совсем не слышал музыки, танец нёс нас, закручивая в водоворот таких же пар, но я не видел никого, кроме измученной лисицы. Хотел бы я обратить время вспять и спрятать её от Ханта, увезти куда-нибудь далеко, за сапфировый океан, в места, что нам незнакомы и где никому незнакомы мы, но такой силой не обладали даже боги — что уж говорить о никчемном их слуге. Лучики морщинок в уголках её глаз освещали мой мир, и земля уходила из-под ног.

— Не смотри на меня так, — усмехнулась принцесса. — Не то заработаешь ещё один шрам.

— И не пожалею о нём ни секунды.

Мелодия подошла к концу, и тело остановилось само, последовав примеру толпы. Поклонившись в благодарность за оказанную мне честь, я поднял голову; за спиной Ариадны возник ещё один серо-оранжевый наряд. Не произнеся ни слова, но всем видом высказав недовольство, принц протянул новоиспеченной супруге руку; не имея права отказать, она приняла приглашение, и поток унёс её, тут же спрятав от моих глаз. Я слукавил: от одного его вида мне стало не по себе. Я не желал, чтобы он принял этот танец как оскорбление; Минерва одарила его смелостью, позволившей противостоять отцу, а значит, его уязвленное эго теперь едва ли можно считать слабым местом — он заткнул эту дыру слепой верой в её жажду власти. Повелительница Грей появилась из расступившегося перед ней коридора

людей; правильно считав её намерение, я увлёк её в течение кружащейся в танце реки, но продолжал опустошенно оглядываться по сторонам; я не мог сосредоточиться. Мысли спутались, а чувства перемешались, не давая разобраться, к какой из принцесс меня тянуло больше — хотел ли я сгореть в пламени или застыть во льду.

— Посмотри на меня, Териат.

Голос Минервы прозвучал тихо, но инстинктивно заставил обернуться. Бледное лицо, с вызовом направленное ко мне, ждало моих слов, будто она знала, что за хаос происходил в моей голове.

— Вы прекрасны сегодня, — учтиво произнес я. — Как и всегда.

— Хорошо, что ты можешь смотреть мне в глаза, — улыбнулась она. — Рабы всегда смотрят ввысь или вниз, но никогда — перед собой.

Её поразительная открытость в отношениях и умыслах была выражением не самодовольства, но самоуверенности. Минерва понимала, что сделала рабами всех, кто её окружал — безропотные и замороженные они выполняли всё, что им приказывала королева их души, — но и уважала тех, кому не суждено было стать рабами. Или тех, путь к покорению чьей воли оказался сложнее, чем она ожидала.

— И много ли рабов в рядах наших друзей? — изобразив удивление необычным комплиментом, поинтересовался я.

— За ошибку легче простить раба, нежели друга.

— Так обычно говорят о врагах.

— В обладании рабами нет почёта, — пожала плечами она. — Но большой честью было бы иметь столько врагов.

По окончании мелодии мы застыли; полагалось пригласить на следующий танец того, кто в тот момент так же остановился перед тобой, но, увидев короля Дамиана, старшая принцесса лишь громко фыркнула, крепче сжав мою руку. Оскорбленный островитянин посмотрел на нас исподлобья, так, будто вот-вот вонзит в кого-то из нас давно подготовленный кинжал, но спустя мгновение кивнул и пораженно удалился. Прервав наше намерение вновь поплыть по течению музыки, из толпы вынырнула растрепанная копна кудряшек и нетерпеливо дернула принцессу за подол.

— Минерва! — позвала Элоди. — Уступишь мне кавалера?

Лицо девушки, вопреки моим ожиданиям, мгновенно смягчилось. Она улыбнулась, слегка наклонив голову набок, и погладила кузину по голове; прежде я не замечал, что юная госпожа вызывала у неё столь теплые чувства. Улыбка на лице Элоди сияла ярче любого солнца; чистая, очаровательная детская душа, коей она обладала, могла влюбить в себя любого без каких-либо чар. Макушкой она едва доставала до моей груди, и, чтобы танец наш не доставлял никому неудобств, левой рукой я поднял девочку и прижал к груди. Заливаясь звонким смехом, одну ладонь она вложила в мою, а вторую положила на плечо. При каждом повороте её кудри закрывали мне обзор, но спустя столько танцев я смог бы двигаться по залу, даже если погасли бы все свечи до единой. Глаза Элоди сверкали, и она постоянно оглядывалась по сторонам; оказавшись выше многих взрослых, ей будто хотелось разглядеть зал с новой точки, запомнить всё до мельчайших деталей, и счастье переполняло её существо — я слышал это по тому, как часто билось её маленькое сердце.

— Мы можем станцевать ещё? — взволнованно спросила она, как только гости начали менять партнеров.

— Сколько пожелаете, — искренне улыбнулся я.

Позже госпожа Беатрис извинилась за чрезмерный интерес её дочери, но извинения я не принял — честно признаться, общение с Элоди было мне дороже, чем с любым другим придворным. В каждом сердце существовало место, отведенное семье и дому, и юная госпожа лучше всех справлялась с тем, чтобы притупить тоску по нему; её неиссякаемые любопытство и искренность не давали забыть о том, что где-то жили ещё три частички моей души — такие же резвые, звонкие и свободные.

Из-за неожиданно нахлынувших чувств, я совсем забыл, где нахожусь. Наконец вынырнув из бушующего потока, я прижался к стене; многие из гостей тоже утомились, предпочтя столкновениям тел в танце столкновения кубков. Равномерно распределенный шум усилился в одном из углов зала; приглядевшись, я разглядел в нём знакомые черты.

Раскрасневшийся, заметно опьяневший капитан королевской гвардии о чём-то горячо спорил с королем Куориана. Его руки то и дело возмущенно взмывали в воздух, пытаясь что-то доказать абсолютно безразличному к нему Дамиану; тот будто не слушал, хоть и стоял совсем рядом. Незамедлительно двинувшись в их сторону, чтобы уберечь друга от непоправимой ошибки, я весь обратился в слух.

— Ну что, ты доволен собой, ублюдок?

На мгновение я перестал дышать.

— Думаешь, тебе всё можно?

Я почувствовал, как струйка ледяного пота скатывается по моему лбу. Король по-прежнему не слушал его, обратив взгляд куда-то вдаль, за его спину; я не знал, что поразило меня больше — его хладнокровие или безрассудность Кидо. Ускорив шаг до предела, я почти бежал, спеша усмирить бунт капитана, но, ошеломленный, остановился, не дойдя двух шагов. Король отошёл, и за его спиной я увидел Лэндона, крепко вцепившегося в предплечье Кидо.

— Если ты не заткнешься прямо сейчас, — шипел он сквозь плотно сжатые зубы. — Я утащу тебя отсюда силой.

— Давай, — с вызовом кивнул капитан. — Дорога до моих покоев тебе хороша знакома.

Заметив движение плеча советника, сообщающее о скором ударе, я тут же изменил походку на вялую и качающуюся.

— Капитан Фалхолт! — окликнул я невнятно, широко раскидывая руки.

Схватив с промелькнувшего сбоку подноса кубок, я приветственно поднял его, предлагая разделить со мной тост. Советник бросил на меня недоверчивый взгляд, но расслабил руку, и, как только Кидо отвлекся на меня, тут же исчез в толпе. Хмурый, будто осеннее небо, капитан нехотя вылил в рот остатки вина.

— Ты и вправду бесстрашный.

— Я безмозглый, — проворчал он в ответ. — Угораздило же... Ну почему именно он?

На мгновение обернувшись к основной массе гостей, я тут же поймал взгляд серозеленых глаз.

— Если бы кому-то был известен принцип, — вздохнул я. — Мы бы жили в совсем ином мире.

Торжество многие покинули глубокой ночью; утром я даже слышал, что кто-то заснул, спрятанный под тканью штор. Хмельной дух не покидал коридоров замка до тех пор, пока гости не начали разъезжаться, однако делали они это не спеша, будто по втайне составленному графику — не больше двух человек за раз. Даже кухни принцесс покинули Грею в сопровождении слуг, а не матери, оставшейся поддержать сестру. За считанные минуты до отъезда я встретил Элоди в укромном месте за лестницей на первом этаже; я замечал, что она прячется там, когда хочет побыть одна.

— Госпожа, — заглянул я к ней. — Ваш экипаж вот-вот покинет город.

Девочка бросилась прочь, будто не желала со мной говорить. На мгновение я предположил, что, быть может, напугал её, но все встало на свои места, когда на лестнице показалась рассерженная фигура её матери. Позже я нашел её уже на улице и, надев на очаровательные кудри ромашковый венок, пожелал доброго пути. Едва сдерживая слезы, юная госпожа не спускала глаз с беспощадно отдаляющегося замка, пока тот не скрылся из виду.

Собрания в королевской столовой стали столь же частыми, как и прежде, но количество регулярно присутствовавших на них гостей увеличилось как минимум втрое. Я не знал, сколько дней, недель или месяцев знатым гостям позволено оставаться в замке после торжества, и до определенного момента не обсуждал эти сомнения даже с Кидо; в конце концов, я был точно таким же гостем. Шум за столом не стихал ни на мгновение и с каждым днем становился все более невыносимым; голоса сплетались в ужасающую какофонию, не позволяя вычленивать из потока речи ни единого слова. Менялось место за столом, вместе с ним — парад лиц напротив, и попытки их запомнить казались бесполезными. От места зависело лишь то, как сложно было наблюдать за теми, чье присутствие и поведение в самом деле меня волновали.

Некоторые из гостей были особенно болтливы. Меня расспрашивали о том, о чём при продумывании моей фальшивой жизни не помыслил бы даже Киан — например, о том, бывали ли у моей матушки неудачные беременности, или о том, не случилось ли у отца расстройство желудка при виде первой в жизни крови. Я настолько привык врать, что даже не выражал удивления или возмущения, а когда кто-либо указывал на неуместность вопросов, лишь безразлично отмахивался.

— Ваши глаза невероятно зелены, — отметил сладкоголосый юноша после пристального взгляда длиною в вечность. Он был далеким родственником принца и, подобно Ханту, ничуть не стеснялся влезать в разговор.

— Подобный цвет — не редкость для Сайлетиса, — прервал моё желание ответить Рагна.

— Вы тоже из северных краев?

Я заинтересованно повернулся к магистру; его взгляд встретил меня свежестью весеннего луга.

— Был когда-то, — улыбнулся он.

— Говорят, изумруды такого цвета есть лишь в одной короне, — не прекращая жевать, бросил герцог Фалкирк. — Очень редкие.

— И в какой же?

Стоило голосу Минервы прозвучать в зале, как все прочие тут же замолкли. Гостей будто окатило волной; до меня долетели лишь капли, и все же я почувствовал, как язык потяжелел и приклеился к небу. Герцог продолжал причмокивать, поглощая огромный кусок дичи.

— Они зовут её “нуду эрда”, — не заметив странностей, ответил он. — Или “эрла”, не помню. Вроде как ей когда-то владели эльфы в горах Армазеля.

— Nuru elda, — вновь вмешался магистр. — Эльфийская погибель.

Безупречное произношение Рагны ввело меня в замешательство, но всё же не так, как познания герцога о истории здешних земель. Я слышал о nuru elda лишь дважды, и ни разу — ничего дельного; разговоров об истории этой короны сторонились, будто соприкосновение с ней обязательно очернит душу говорящего. Я не влезал — мне не казалось это важным или интересным, — к тому же, ставить мудрость старших под сомнение едва ли виделось мне хорошей идеей.

— Изумруды цвета глаз сэра Териата, говорите? — задумчиво протянула Минерва. — Они были бы мне к лицу.

— Как и всё прочее, — вкрадчиво прошептал сидящий слева от неё Хант.

Ариадна раздраженно закатила глаза; прежде пытавшийся влезть к ней в доверие муж теперь открыто не сводил глаз с другой принцессы. Минерве это не льстило — так же, как и младшая сестра, она не удостоила его и взглядом в ответ на комплимент, но замороженного мужчину это не расстраивало; столь запретный плод сладок и издалека.

После приемов в столовой шум неизменно перетекал в переговорные; он был заметно слабее из-за уменьшенного числа голосов, но темы для разговоров там были острее, а споры жарче. Я не решался заглянуть за дверь, даже зная, что смогу изобразить праздный интерес или неловкость из-за перепутанной двери; лишь слушал, изредка проходя мимо тронного зала. Я заведомо знал, что первым тяжелые двери откроет Лэндон, и появится он разгневанным и раскрасневшимся; не смыслящие в военных делах представители знатных родов могли лишь трясти мешками с золотом, напоминая о необходимости отстаивать их интересы в предстоящей битве, однако одновременно угодить десяткам лордов едва ли казалось советнику возможным. Капитан королевской гвардии, как и его друг-странник в моем лице, не были желанными гостями на советах — в их распоряжении не было достаточных средств и влияния. Как и знания, к какой войне готовились все вокруг.

Я стал чаще появляться на глазах у магистра и изредка помогал ему на тренировочном поле, полном неумелых юнцов. Изображая из себя хоть и неопытного, но старательного бойца, я становился для мальчигов спарринг-партнером, коим седовласый колдун для них быть не хотел; хоть его тело и было молодо и прекрасно, он упорно списывал нежелание драться на возраст души. Кидо на поле не появлялся; Рагна одним своим видом выводил его из себя настолько, что, окажись они рядом с оружием в руках, беда в замок пришла бы мгновенно — и любой догадается, по кому из упрямецв несли бы траур.

Я продолжал делать вид, что нахожусь в прекрасном настроении и полностью поддерживаю неизвестные мне планы короны. Никому не принадлежащей короны. После свадебного торжества Ровена перестала покидать покои; горе по мужу — я надеялся, что именно оно, — вновь подкосило её, приковав к постели. Госпожа Беатрис взяла на себя полную ответственность за состояние королевы и покидала её, лишь чтобы навеститься к лекарю за новой порцией успокоительного эликсира. Говорят, по ночам королева истошно кричала, но Беатрис утверждала, что это — не более чем грязные сплетни, а Ровене нужно

лишь отдохнуть — и она вскоре придет в себя.

Минерва взяла на себя все обязанности королевы, и никто в Грее будто бы не мог и мечтать об ином исходе. В последние дни она стала чуть серьезнее: казалось, к ней пришло осознание, что власть бывает тяжелой ношей. Иногда она поручала Лэндону принимать решения за неё и скрывалась в пыльной темноте библиотеки, не выходя оттуда до глубокой ночи.

В один из вечеров я посмел к ней присоединиться.

Больше таких смельчаков не находилось, потому наследница королевства, ничуть не скрываясь, пользовалась своей магией. Свечи парили в воздухе над левым плечом девушки, создавая идеальный для чтения свет, а страницы перелистывались дуновением взявшегося из ниоткуда ветра. Услышав мои шаги, принцесса вздрогнула, а вместе с ней — и все заколдованные ею предметы; капля воска упала прямо на открытую страницу книги.

Вопрос о природе магии Минервы тяготил меня каждое мгновение пребывания в замке. В роду династии Уондермир обладать подобными способностями могла лишь Таэнья, однако об этом не было никаких свидетельств; к тому же, было бы странно, если бы они проявились лишь в дитя Эвеарда спустя столько лет. Вполне вероятно, её мать не была служанкой или простолюдинкой, коей её часто клеймят в слухах о блудливом короле. Быть может, затем принцесса и привезла Рагну из столь далеких земель — чтобы позволить встать подле неё взамен на раскрытие этой тайны.

— Вы позволите, Ваше Высочество?

Встав напротив, я заглянул ей в глаза; отныне я намеревался всегда смотреть лишь в них. Соседнее кресло пустовало, и принцесса гостеприимно указала на него рукой.

— Не хотите сначала выбрать книгу?

— Я надеялся, вы расскажете, о чём говорится в вашей.

Минерва удивленно вскинула брови, но затем улыбнулась и одобрительно покачала головой; несмотря на любовь к превосходству над подданными, ей нравилось общаться с кем-то на равных — когда смысл заключался в соревновании умов, а не в битве за ее внимание.

— И вам действительно будет интересно?

— Смотря какой из вас рассказчик.

Принцесса звонко рассмеялась, и звук этот еще долго отскакивал от многочисленных кожаных корешков. Тьма в помещении сгущалась, а пламя парящих в воздухе свечей дарило чувство, будто бы мы ютились на крошечном островке суши в бескрайнем ночном океане.

Я с удивлением отметил, как присущая Минерве самоуверенность мгновенно впиталась в каждую клеточку моего тела; плечи сами по себе расправились, а губы растянулись в язвительной ухмылке. Я полагал, что она не всегда в достаточной мере контролировала свою магию — я мог ее в этом понять, — и потому не всегда знала, что именно вселяла в чужие сердца.

— Что ж, — откинулась девушка на спинку кресла. — В ваших краях водятся эльфы?

Глубоко внутри я обиженно поморщился. Водятся. Будто диковинные животные.

— Наши горы и воды слишком холодны, а леса, хоть и красивы, неприветливы.

— И вы никогда не встречали их в странствиях?

— Встречал, — не согласился я. — Но беловолосый эльф нашей встрече оказался не рад.

— Жители гор никому не бывают рады, — пожала плечами принцесса. — В книге говорится, что они много веков воспитывали в себе ненависть к людям.

— Но ведь горы совсем рядом.

Я хотел указать на них рукой, но за пределами светового круга оказался встречен лишь плотоядной тьмой.

— Люди некрасиво обошлись с ними, — произнесла Минерва, и голос её был пропитан недоверием и пренебрежением. — А гордая высшая раса не смогла им этого простить.

— Достаточно знать людей хоть секунду, чтобы понять, что они способны сотворить что-то настолько ужасное.

— И эльфов, чтобы знать, что они достаточно заносчивы для подобной реакции.

Мне показалось, будто кончики моих ушей заныли, отрастая; зная, что это не более, чем задетое самолюбие, я всё равно ненавязчиво поправил волосы, опуская их на лицо.

— Так о чём же вы читаете?

Девушка показательно пролистала книгу — в этот раз собственными пальцами, — и разочарованно вздохнула.

— Небылицы об Армазеле, — протянула она. — Автор книги считает, что в пещерах этих гор спит древнейший из драконов, сном своим охраняя *nugu elda*, и потому их правитель так яростно защищает свои земли. Бойтся, что люди захотят завладеть волшебным зверем и короной, чтобы поработить их народ.

Я невольно рассмеялся, но, заметив осуждающий взгляд со стороны собеседницы, плавно перевел смех в кашель. Впрочем, если выразаться грубо, слова автора не были далеки от правды.

— Разве на нашем континенте когда-то видели драконов?

— Никогда.

— Я читал, что они водятся в Заффари, — попытался вспомнить я. — Возможно, на Кристальных скалах. Но, уверен, ни один дракон не в силах перелететь Сапфировый океан.

— И много драконов вы встречали?

— Много, — выдал я, выдержав длительную паузу. — И даже летел на одном верхом.

— В мечтах?

— Я бы не посмел о таком мечтать, — наиграно возразил я. — Но никому не ведомо, откуда приходят сны.

Поджав губы, Минерва покачала головой. Усердно листая страницы, она вычитывала заголовки в поисках нужного, и я засмотрелся, как самозабвенно она искала тему для обсуждения; такой принцесса мне даже нравилась. Без налета величия, открытая, вдохновленная — девушка, которой я прежде не видел. Воображение мгновенно нарисовало картину, как две абсолютно непохожие друг на друга наследницы престола играют в саду, и даже воздух вокруг них наполняется счастьем. Ариадна говорила, что когда-то они были близки. Где же их пути разошлись?

Принцесса настолько увлеклась поисками, что ожидание стало тяготить меня, и я схватил со стола самую толстую из лежащих на нем книг. Все они были уже прочитаны Минервой — классификация девушки не обладала сложным устройством, — и лишь эта отличалась столь внушительным размером. Обложка темно-серого цвета с золотыми вкраплениями была потерта: не так, как бывают повреждены ненужные или забытые книги, но так, будто любящие руки слишком часто стирали с неё пыль.

На пожелтевших страницах красовалась история династии Уондермир и всех прочих, когда-либо с ней пересекавшихся. Книгу сшили с надеждой на многие и многие поколения, потому большинство страниц пустовали, но первые были расписаны старательно и

талантливо — прежде мне не доводилось видеть столь детальные портреты размером с закрытый розовый бутон. Больше всего меня предсказуемо поразило изображение Таэньи; поистине удивительный гибрид. Её красота была чем-то, что ощущалось даже сквозь простейшие черты лица и старинные выцветшие страницы, сквозь разделявшие нас года и миры; чем-то, что ощущаешь нутром, но не можешь поймать глазами.

Не слишком внимательно изучая ранних представителей династии, я спешил к последним из заполненных листов. Страницы об Эвеарде были раскрашены ярко, а лик его запечатлен в трех возрастах — в восемь, семнадцать и тридцать пять лет, — и последний смотрел на читателя пронзительно, заставляя поёжиться. От страниц о старшей дочери короля отделяла одна — пустая, с одним лишь словом. “Мать”.

— Неужели о вашей матери настолько ничего неизвестно? — возмутился я бесцеремонно, почему-то уверенный, что не заслужу этим гнева принцессы. — Это попросту невозможно.

— Люди говорят, отец отдал придворному колдуну приказ — стереть её из памяти всех, кто когда-либо её знал, — ничуть не удивившись, она ответила на вопрос буднично, будто была готова к нему в любой момент. — Но маг не мог лишить воспоминаний самого себя, и спустя месяц отец лишил его всех.

— Лишь за то, что в его памяти было её лицо?

— Не мог её с кем-либо делить.

Я неприятно поразился воспаленному чувству собственности бывшего короля. Разве ему не хотелось разделить скорбь по любимой с близкими ему людьми, разве не хотелось, чтобы она была жива хотя бы в памяти других? На его месте я бы поступил совсем иначе — ни за что не позволил бы кому-либо её забыть.

Я вновь спрятал взгляд в книге. Все прочие члены династии Уондермир были мне хорошо знакомы — так или иначе я слышал о них от отца, от других эльфов, от горожан Грей. Кого-то любили и почитали, кого-то упоминали вскользь или с сожалением, но их имена не раз касались моих ушей, а лик хоть однажды мелькал в памяти. Я с ужасом подумал, что отец наверняка встречался с несостоявшейся королевой; так искренне доверявший ему Эвеард вряд ли скрыл от него столь большую любовь, и оттого ревность, с которой он отбирал толики их счастья, виделась мне страшной.

— Король, которого я знал, не казался мне таким ревнивцем, — задумчиво заметил я.

— После рождения Ариадны он померил свой пыл.

— Но хоть вам он о ней рассказывал?

— Никогда, — безразлично отчеканила принцесса.

— Даже имя?

— Отец до последних дней писал ей письма, — гулко закрыла она книгу, и вихрь пыли на мгновение затуманил мой взгляд. — И всегда подписывал их “Моя светлая К” — вот и всё, что мне известно. Я множество раз допытывала его, но годами он повторял одну и ту же фразу: “Та, что принесла тебя на этот свет, была прекрасна и чиста, а та, что несёт тебя по свету сейчас, мудра и опасна. Люби и почитай обеих, и ты будешь самым счастливым ребёнком в мире”.

Отговорку отца Минерва бросила резко, будто ничуть не верила в справедливость сказанных им слов. Я не понимал, что за выражение окрасило её лицо, но знал, что видел его впервые; смесь боли и неприятия, бушевавшая в девушке, мечтала выплеснуться наружу. Намеренно задев открытую рану в ее душе, я не мог и подумать, что принцесса откроется

мне так просто. Быть может, никто из тех, кто, разинув рот, внимал каждому её слову, в самом деле никогда не желал её слушать; быть может, прежде ей не приходилось и не хотелось об этом говорить.

— Но ведь королева Ровена добра к вам, — заметил я. — А король не спускал с вас нежного взгляда. Разве вы не были счастливы?

— Он смотрел лишь на её черты, — прошептала она хрипло. — За этими проклятыми глазами и волосами, что я унаследовала от нее, он не видел меня. Только оболочку, похожую на что-то любимое, но им не являющееся.

— Никогда не поверю, что отец вас не любил.

— Не любил, как и все остальные.

— Во всем замке нет человека, кому вы не милы.

— А что насчёт вас?

Минерва не подняла на меня взгляда, устремив его в темноту библиотеки, но я кожей чувствовал, как сильно она ждала ответа. Я нарочно молчал, вынуждая принцессу не расценивать мою позицию однозначно. В тот момент это казалось единственно верным вариантом.

— Почему кому-то любовь достается даром, — прошептала она тихо, — а кто-то расплачивается за неё всю жизнь?

— Хант влюблен в вас.

— А, вы заметили, — фыркнула девушка. — Да, как в руку, что его кормит.

— Почему же вы публично его не отвергли? — нахмурился я.

— Мне его жаль.

— Мужчина, проявляющий чувства к сестре жены, достоин общественного порицания.

— Он так же пострадал от отцовского безразличия, как и я, — пожала плечами девушка. — Все мы по-своему заполняем эту дыру, и порой помогаем с этим другим.

Сочувствие к Ханту было мне неведомо; к тому же, принцесса сама его не выказывала. Он был противен ей, и она напоминала об этом каждую секунду в его присутствии. Неизменно пряча от принца лицо, сейчас Минерва обратилась ко мне, бесстрашно принимая мой пристальный взгляд. Понимая, что магия не принесет ей искреннего ответа, она не пыталась воздействовать на мое сознание, однако, когда в нем промелькнула лишь искра понимания, тут же встала.

— И он посчитал это разумной ценой за власть?

— Разум — не то, чем славится принц Куориана, — бросила Минерва, протягивая мне совсем недавно захлопнутую ею книгу. — Он счел это проявлением любви, и — вновь — цена оказалась колоссальной.

Чем больше принцесса исчезала во тьме, тем ниже опускались парящие в воздухе свечи; как только дверь захлопнулась, железо подсвечника глухо ударилось о дерево стола. Книга грела руки; пальцами я пробежался по страницам, и заметил, что одна из них отмечена загнутым уголком.

“Легенда об Эльфийской Погибели”.

Принцесса всерьез заинтересовалась историей потерянной изумрудной короны; едва ли герцог Фалкирк мог мечтать о подобном воодушевлении его словами. Я разгладил уголок — старые книги не любили подобного отношения, — и устроился поудобнее; история обещала быть долгой и насыщенной.

Итак, легенда гласила, что около тысячи лет назад на месте Грей существовало

государство — величественное и неприступное. Стены Эктерры — так называли эти земли, — едва не царапали небо, но садов за ними было нещадно мало; солнце, уходя с середины неба, ни одним лучом не дотягивалось до скрытых от него земель. Люди голодали, проклиная чрезмерно осторожного короля, и тот долгие годы искал решение проблемы. Перестать скрываться от окружающего мира казалось ему глупейшей идеей: имея возможность издалека разглядеть устройство города, враги сумеют немедленно разорить его дражайшие земли, а эльфийские стрелы — дотянуться до его груди.

Годы шли. Король раздумывал. Горожане начали все чаще покидать город, возвращаясь сытыми и счастливыми; король был уверен, что те продают врагам сведения о замке, и начал казнить предателей, пока однажды за стены не вышла его жена — и лишь тогда он решился кого-либо выслушать.

Лесные эльфы предоставляли беженцам убежища и обеспечивали едой впрок тех, кто приходил с мольбами — и больше ничего. Бескорыстная помощь высшей расы показалась королю насмешкой, и он долго злился на жену, оскорбившую его самолюбие. Однако, когда запасы закончились и в королевских кладовых, в замок пригласили азаани.

Переговоры длились еще несколько долгих месяцев. За это время сам король, как и его народ, исхудал и стал часто болеть, лишь изредка питаясь дарами детей леса на очередном собрании. Когда союз наконец заключили, силами эльфийского правителя солнечный свет добрался до земель Эктерры, несмотря на преграды, а столы её жителей наполнились мясом и овощами. Благодарный король раскаялся перед народом в своих грехах, и уже на следующий день его душа плыла по рекам к Отцу.

На трон взошел прямой наследник короны — семнадцатилетний юноша, славившийся беспокойным нравом. Его имя, в отличие от отцовского, множество раз встречалось в тексте — Моарт. Темное, тягучее, недоброе имя.

Молодому правителю всего казалось мало. Он мечтал о новых землях, но азаани не советовал ему вступать в войну — ослабший народ не мог поднять меча. Мечтал о пирах, но азаани предупреждал, что люди восстанут, узнав о роскоши в залах замка. Мечтал о большем, но на его пути всегда стоял один, почему-то возомнивший себя главным, древний эльф.

Моарт пробирался в Аррум и наблюдал за повседневностью высшей расы, не понимая, как те смели упрекать его в чем-либо — их жизнь была лучше людской. Богаче, слаще, длиннее. Они были счастливы, и зрелище это разъедало Моарту глаза. Тогда он решил, что вправе забрать у них частичку счастья — его народ страдал столько лет, заслуживая милость Богини, — и пригласил азаани в замок.

Эльфю не суждено было боле увидеть света звезд, услышать пения птиц или ощутить дуновения ветра. Моарт, обезумев от зависти, снял с азаани кожу, пока тот был ещё жив, и приказал пришить её на кусок ткани. Водрузив флаг над замком, он сообщил лесному народу о своем превосходстве; о том, что Эктерра никогда не подчинится высшей расе; о том, что объявляет им войну, от которой их правитель так старательно их оберегал — так же, как отец Моарта берег Эктерру.

Считается, что мышцы и внутренности эльфа король за жарил и целый месяц питался лишь ими; он думал, что таким образом впитает в себя долголетие и силы, приписываемые азаани. Глаза эльфийского правителя придворный колдун превратил в изумруды, и камни эти стали частью печально известной короны, которую Моарт не снимал ни на мгновение.

Дети Аррума бежали прочь, на запад, к ближайшим известным им собратьям; разумно

оценив свои силы, они поняли, что без поддержки им не одержать победу над безумным королем. Однако, вернувшись в полной боевой готовности, обнаружили лишь руины некогда неприступной Эктерры. Вышедшие из превратившегося в пепелище королевства горные эльфы осудили братский народ за неосторожность их правителя. В напоминание о предательской природе людей молодой аирати забрал злосчастную корону, и, увезя в Армазель, преподнес в дар своей жене. Та оскорбленно отвергла дар и, прозвав корону эльфийской гибелью, спрятала её у спящего в камнях дракона — там, где людям до неё не дотянуться.

Лесные эльфы почтили память своего короля слезами, наполнив ими высушенный жарким летом пруд.

“И имя погибшего ныне слышит лишь воззванный им”.

Рассвет я встречал под звуки молота и наковальни. Постоянное участие в тренировочных боях не предполагало использование моего меча, но, без дела болтаясь на поясе, он часто привлекал внимание мальчишек. Лучшему бойцу в конце дня доставался шанс сразиться моим клинком; восторг в глазах юных воинов при виде оружия меня огорчал. Магистр наблюдал за всем с высоты своего поста, никак не высказываясь касательно моих методов поощрения, но, полагаю, будь он мной недоволен, я боле не сделал бы и шага по поляне.

В руках Киана затупившийся клинок мгновенно обретал новую жизнь — ему хватало считанных мгновений, чтобы искусно справиться со своей работой. Эльф выглядел настолько убедительно в кузнечном деле, что, будь я кем-то вроде Кидо или Лэндона, едва ли заподозрил бы его в шпионаже. К тому же, он скрывался среди прислуги; в отличие от меня, тщеславно разгуливающего по королевским коридорам.

— Капитана так и не пускают на собрания?

— Не пускают, — выдохнул я. — И он в бешенстве.

— Держи его в узде.

— Он не животное.

— Но при должном поведении тоже может сослужить хорошую службу, — строго возразил эльф. — Если его не отстраняют от должности, значит рано или поздно он возглавит либо нападение, либо оборону — и тогда нам понадобится его дружба.

— Его дружба нужна мне не за этим, — уязвленно пробормотал я.

— Мне жаль, что ты искренне привязался к своему псу, но не забывай, зачем спишь на местных перинах.

Я нахмурился; тем утром всегда сдержанный и рассудительный Киан был заметно раздражен. На минуту я засомневался, стоило ли рассказывать ему о вечере в библиотеке, но, поймав нетерпеливый взгляд, мгновенно выложил все, что знал.

— Ты не думал... — вдруг замялся он. — Поддаться её чарам?

— Им едва ли можно сопротивляться.

— Нет, я о том... — тщательно подбирая слова учитель. — О том, что ты, кажется, нравишься ей.

— Да что с тобой такое? — воскликнул я. — Я не стану этого делать.

— Как знаешь.

Смушение на лице Киана я видел впервые, и зрелищем это оказалось презабавным. Резкое переключение эмоций хоть и удивляло меня, но не давало позабыть — в этом и

состояло его ремесло; этому он пытался научить и меня. Не знаю, насколько хорошо я овладел этим мастерством, но одно можно сказать точно — ложь стала мне второй кожей.

Покинув кузницу, я обнаружил знать, бешеным потоком стекающуюся ко входу в замок. Кто-то едва плелся после ночного пьянства в таверне, кто-то бодро вышагивал после конной прогулки, но все — одинаково взволнованные и возмущенные. Я нелепо озирался по сторонам; выглядело так, будто все бежали от настигнувшей их лавины, но улицы были чисты и спокойны, а безоблачное небо обещало теплый безветренный день. Наконец в толпе я увидел капитана; он был единственным, кто сменил заданное толпой направление.

— Териат! — запыхавшись, подбежал он ко мне.

Я по-прежнему стоял, недоумевая.

— Куда все идут?

— В тронный зал, — ответил Кидо. — Минерва созывает на совет. Немедленно.

— Всех? — уточнил я.

— Ох, видел бы ты мое лицо.

По телу пробежала неприятная дрожь. Всех? Неудобного капитана, бедного странника, бесполезных вельмож? Среди спешащих “советников” виднелись лица и обычных купцов, и хозяев местных заведений, мелькнуло даже одеяние верховной жрицы. Напряженный каждым мускулом я с трудом заставил себя последовать за толпой; Кидо усердно подгонял меня суетливым бормотанием.

Едва втиснувшись в тронный зал, мы оказались прижатыми к стене — желающих выслушать объявление принцессы собралось немало. Минерва сидела на весьма ожидаемом месте — на троне, прямо за которым стояли магистр и Лэндон; слева от неё два кресла заняли Хант и Ариадна, справа — с трудом остающаяся в сознании, посеревшая Ровена и отчаянно поддерживающая её Беатрис. Казалось, будто забота о королеве вдохнула в умирающую госпожу жизнь; теперь, глядя на них, умирающей казалась совсем не та из сестер, что в самом деле была на пути к Отцу.

Лианна скромно появилась из одной из переговорных и проследовала к принцессе. Складывалось ощущение, что советники Минервы не жаловали друида — лишь завидев её, они оба насупились, — однако та невозмутимо заняла своё место рядом с Лэндоном и устремила взгляд к народу.

Еле заметно взмахнув рукой, Рагна захлопнул двери зала, и народ мгновенно затих.

— Благородные жители Грей, — низким голосом начала принцесса, не изменяя типичному обращению её отца. — Спасибо, что пришли по моему зову.

Ариадна метнула на меня обеспокоенный взгляд. Её губы отчетливо проговаривали что-то, но даже эльфы не могли смотреть сквозь плоть — знать сновала по залу, мешая сосредоточиться. К ней неожиданно обернулся Хант; напряженная как струна принцесса сжала челюсти.

— Послушай сестру хоть раз, — шепнул человек, зовущийся её мужем. Движение этих губ я разглядел до неприятного ясно.

Лисица оскорбленно фыркнула, выдергивая руку из-под тяжелого гнета южанина.

После приветствия Минерва прождала ещё несколько минут, будто бы нагнетая атмосферу в зале; с каждой секундой шепот народа становился все тревожнее, и вскоре от этого чувства некуда было спрятаться. Я внимательно рассматривал присутствующих на импровизированном собрании, и некоторые из них вызывали у меня много вопросов.

— Эти восточные мужи, — указал я капитану на группу людей в толпе. — Я не видел их

на свадьбе.

— Кажется, они прибыли сегодня, — задумчиво протянул он. — Похожи на знать из Амаунета, ту, что стала вассалами Грей после прошлогоднего нападения.

— Вассалы? — переспросил я. — Зачем созывать вассалов?

Минерва поднялась с трона и сделала два шага вперед; широко раскинув руки, будто готовая принять град стрел, нацеленных в сердце, она хищно улыбнулась.

— Дорогие подданные, пришло время отплатить вашим правителям за их щедрость и доброту, — властно произнесла она. — Прошу вас подготовить оружие, воинов и мешки с золотом — в скором времени мы захватим Эдроном.

— Эдроном?

— Как же так?

— Разве для этого есть причины?

Голоса стали возникать так быстро, что у меня зазвенело в ушах. Подданные белокурой принцессы обращались друг к другу, пытаясь найти понимание происходящего хоть в чьем-то лице, что было, очевидно, тщетно — лишь троица во главе зала знала, что происходило на самом деле. Стоящая среди них Лианна изо всех сил пыталась сохранить спокойствие, однако её тревожный взгляд некуда было спрятать; похоже, никто не предупредил столь важную фигуру, как друид, о меняющем всё решении короны.

Ариадна несколько раз порывалась встать с кресла; её ноздри раздувались от разгневанного дыхания, а ноги несли к сестре, хоть и без осознания дальнейших действий. Схватив еще при первой попытке, муж не отпускал её руки; у лисицы не было ни единой возможности приблизиться к Минерве. Хант сжал кожу принцессы так, что глаза её мгновенно покрылись слоем блестящей влаги, и я едва сдержался, чтобы не перепрыгнуть через головы зевак и не растерзать его, подобно дикому зверю.

— У Эдронема — огромная армия!

— Нам не хватит воинов!

— Впереди зима, и мы потратим месяца, обходя горы!

— Зачем обходить, если можно пойти через них? — раздался голос Минервы, и только что высказавшийся мужчина вжал голову в шею. — Мы пойдем по короткому пути.

— Но эльфы ни за что на свете не дадут нам спуститься с гор живыми!

В толпе вновь поднялся шум. Я жалостливо взглянул на капитана королевской гвардии; он выглядел до боли растерянным и оскорбленным. Минерва не считалась с его мнением, не взирая ни на пост капитана, ни на статус сводного брата, но таинственный советник стоял за её спиной так, будто знал больше, чем она сама; в его фигуре было столько уверенности, словно это он правил страной и тысячами жизней. Всем своим видом он насмехался над Кидо; по крайней мере, раненой душе капитана так казалось.

Нательный рисунок, карабкающийся со спины советника до основания головы, будто бы поблескивал без видимых на то причин; тщательно протерев глаза, я взглянул на него вновь — и не увидел ничего подозрительного. Сам Лэндон однажды сказал мне, что руны на его теле сделаны искусно, но использовать их как оружие он не мог в силу отсутствия подобающих способностей. Что ж, возможно, он нашёл способ ими овладеть.

— Недалеко от наших земель есть тайный проход, — отчеканила принцесса. — Нужно лишь немного подняться, и мы пройдем через гору насквозь.

— Рингелан скорее умрет, чем пропустит вас, — низко пропела верховная жрица.

— Оставим этот выбор ему, — вмешался Рагна.

Минерва безразлично промолчала. Судьба эльфийской короны едва ли её волновала; только если это не была судьба *nuru elda*. Она всегда была самонадеянна, но, решив напасть на высшую расу, ненавидящую её род с самого его основания, показала ещё и свою глупость. В подобном обществе эта ошибка могла дорого ей обойтись.

— Мы предложим им часть добычи, — отрезала девушка, пресекая обсуждения этого вопроса. — И у них не будет причин противиться.

Как же мало ты знаешь об аирати, подумал я. Как наивно полагаешь, что сможешь его обмануть.

Капитан похлопал меня по плечу и, заставив обернуться, стал усердно объяснять что-то жестами, постепенно исчезая в толпе. Насколько я понял, он попросил быть в его покоях после окончания собрания; в месте, далеком от тронных залов и лишних ушей, где мы часто осуждали решения короны. То, что мы трое ещё не сидели в подвальных камерах, по моему мнению, было чистой удачей.

— Все, кто не готов поддерживать намерения короны, должны покинуть город сегодня же, но знайте — однажды корона ответит вам тем же.

Голос принцессы был ледяным, словно зимний ветер; казалось, на мгновение даже дыхание в моей груди застыло. Поднявшись с трона, она подала руку магистру, и тот поддерживал её, пока они не скрылись за дверьми переговорной. Все прочие приближенные и родственники двинулись следом; Ариадна нехотя плелась вслед за мужем, крепко держащим её за руку. Я не выдержал и десяти минут в гудящей от голосов комнате; голова закружилась, умоляя сбежать как можно дальше. Я спрятался там, где знал, что буду в тишине и безопасности; по крайней мере, до тех пор, пока мои собеседники ко мне не присоединятся.

Лисица появилась первой; дверь за ней захлопнулась с такой силой, что чуть не разлетелась в щепки. Не дожидаясь слов приветствия, она прошла мимо меня и уселась за скромный стол капитана. Я промолчал, дожидаясь, когда она сама решит заговорить.

— Когда это закончится, Эзара? — наконец взвыла она, поняв, что перебирание неинтересных ей бумажек не заглушит её чувств.

— Мы обязательно со всем разберемся, — едва ли веря своим словам, прошептал я. — Но действовать нужно вдумчиво.

— Когда? — повторила она. — Когда Хант станет бить меня, лишь бы я не пискнула в её присутствии?

— Если он посмеет тебя ударить...

— Когда головы правителей Эдронема окажутся на пиках? — продолжала она. — Когда проклятые мозги этих идиотов расплавятся настолько, что начнут течь из ушей?

— Ариадна, послушай...

— Надоело слушать!

Мне почудилось, будто от принцессы в стороны разлетелась ударная волна. Дыхание сперло, а сердце гулко ударилось об пол. Я смотрел на неё в изумлении: лисица всегда была эмоциональной, но голос разума звучал громче.

— Меня достало, что я гожусь лишь принимать чью-то помощь.

Я терпеливо молчал, не намереваясь ее перебивать.

— Достало, что могу лишь смотреть, как Минерва держит всех за никчемных псов, смотреть, как она заставляет тебя её целовать, — лисица едва слышно всхлипнула, пряча лицо за копной волос. — Заставляет?

— Я бы никогда.

— Да, конечно, — утерла одинокую слезу она. — Надеюсь, ты и сам в это веришь.

Кидо неожиданно быстро ворвался в комнату, повторяя трюк сестры с закрытием двери. Темные волосы были взъерошены, лоб блестел от испарины, а дыхание обдавало комнату потоком горячего воздуха.

— Я почти узнал кое-что, — раздосадовано махнул он рукой, не заметив витающего в

комнате настроения. — Скоро мы доберемся до их планов, а пока...

— Что нам делать сейчас?

— Ждать.

Ариадна возмущенно хмыкнула.

— Совсем немного, — взмолился капитан. — Прошу, мне нужно немного времени.

— Моя мать на пороге смерти, — объяснила свою вспыльчивость Ариадна. — Её разум медленно погибает, но я не знаю, от ядов ли, от горя ли... Если начнется война, я хочу успеть отослать ее.

Между братом и сестрой повисла одним им понятная тишина. Я замер, ожидая дальнейших действий; они долго смотрели друг на друга, а затем приблизились к рабочему столу капитана. Ариадна кивнула, и Кидо открыл верхний ящик. В его руках блеснуло кольцо — не слишком дорогое, но с чистым, качественным камнем, — и он несколько мгновений с грустью его рассматривал. Ариадна обняла брата, обхватив его талию со спины.

— Скучаешь по ней?

— Порой кажется, что все оставшиеся о ней воспоминания я выдумал уже после того, как увидел обломки на берегу, — тихо ответил капитан. — Не хочу, чтобы твой разум терзали те же сомнения. Ровену нужно увезти как можно скорее.

— Хорошо, — прошептала принцесса.

Кидо положил кольцо на место и, закрывая ящик, прищемил себе палец. Под писк ругательства мы с Ариадной с улыбкой переглянулись; я все еще поражался, по какой причине его неловкость не распространялась на владение оружием, но благодарил Богиню, что он в детстве не проткнул себя, взявшись за неверный конец меча.

Ещё около часа мы выпытывали у капитана, в шаге от каких сведений он потерпел неудачу, но тот упорно отмалчивался; мол, в них будет смысл, лишь когда он овладеет ими в полной мере. Ариадна высказала намерение проводить ночи в покоях очарованного принца в тех же целях, но мы с Кидо ответили однозначным отказом.

— И с каких это пор вы решаете, что мне делать? — вскинула брови лисица. — Для этого у меня уже есть муж.

— Этот риск не оправдан, — протестовал я. — Он ни за что не выдаст тебе тайн Минервы.

— Откуда тебе знать, как я умею их выведывать?

Язвительной улыбке на губах Ариадны аккомпанировал одобрителный свист Кидо; он любил юмор младшей сестры, хоть и слегка морщился, стараясь ненароком не представить непристойностей с её участием. Оценив шутку, капитан все же вновь сделался серьезным.

— Тер прав, — поддержал он меня. — Не будь близка с ним без крайней необходимости. Его фанатизм мог сделать его жестоким.

— Он был жесток всегда, и причина совсем не в этом.

Перед глазами мелькнуло испещренное синяками лицо южного короля.

— А куда запропастился король Дамиан? — выпалил я.

— Какое тебе до него дело? — недоумевал Кидо.

— Разве он не поддержит родственную династию в войне?

— Поддержит, но оружием и деньгами, — объяснила лисица. — Не своим присутствием.

Кровь на мгновение застыла в жилах. Как же я упустил его? Отпустил убудка гулять по вечно цветущим садам, греться на солнце, бороздить моря? От одного его имени меня

бросало в дрожь, а разряды молний грозились выпрыгнуть из тела, чтобы найти мерзавца в любой точке мира, и я изо всех сил прикусывал губу, чтобы вернуться к реальности. Так ничего и не рассказав Ариадне, я не знал, когда завести разговор — для подобного не существовало подходящего момента. Что ж, я все равно заставлю его заплатить за содеянное; на войне или в мирное время, руки Отца Духов дотянутся до его души, а я стану их телесным воплощением.

— Завтрашний день пройдет спокойно. Праздник нужен им, чтобы задобрить народ, — заверил нас капитан. — Отдохните, как следует.

Утро ознаменовалось заливистой песней труб — день осеннего равноденствия подкрался неожиданно, но подтолкнул ко вполне ожидаемым мыслям. Ровно год назад я приехал на этот праздник обычным эльфом, случайно познакомившись с принцессой, сегодня — строил заговоры против короны, находясь у неё под боком. Я изменился: шрам на щеке сделал меня не таким юным, бесконечно расплзающиеся по коже синяки — не таким проворным, однако людские книги заметно подковали мой разум и открыли мир искусства, прежде мне незнакомого. Я не мог признаться себе, как относился к лицу, что по утрам встречал в зеркале; этот человек был мне чужим, но все же хранил часть моей души. Любил Ариадну, боялся за судьбу Аррума, пытался разгадать тайны витающей в замке магии, но в то же время вожделем Минерву, завидовал магистру, не принимал Лианну. Женщину, что дала жизнь близкому мне человеку, я видел лишь разменной фигурой в этой игре, хоть и сожалел о её судьбе. Мне был ненавистен слой бесчестной лжи, коим покрыто мое существо, но и без него существовать я уже не мог — ни в замке, ни вне его.

Праздник действительно поражал воображение. Если раньше я думал о роскошно украшенных улицах и большом количестве приглашенных артистов, то теперь все прочие торжества померкли — даже недавняя свадьба. Город сиял, а лица горожан светились счастьем: любой подарок короны, даже сделанный ею в корыстных целях, они считали проявлением любви Богини. Впрочем, та безусловно щедро одарила их: небывалый по объему и красоте урожай пригодится жителям Грей не только для фестиваля, но и зимой, которую они будут в страхе пережидать за городскими стенами.

Я не смог отказать себе в удовольствии побывать на торжестве. Гуляя по выложенным мозаикой дорожкам рынка, среди покупателей я высматривал обладателей заостренных ушей, но попадались они мне крайне редко, а если и встречались, то были неинтересны. Полагаю, отсутствие в городе хорошо знакомых мне эльфов было неслучайным; учитывая вполне реальную опасность раскрытия моей легенды, было бы глупо кинуться в объятия Индиса посреди площади, как бы ни хотелось вновь увидеть старого друга.

За день празднества я закупил целый мешок ненужных мне безделушек: некоторые торговцы были слишком очаровательны, чтобы не оставить им пару монет. Вернувшись в замок, я дарил сувениры практически каждому, кто встречался мне на пути — к счастью, все сочли это лишь приятной традицией, приуроченной к любимому дню Богини, — и все же большая часть досталась смутившимся от внимания Лэсси и Фэй. Я велел им присоединиться к толпе на площади; близился закат, а служанкам замка до того момента так и не удалось выйти в город, чтобы хоть немного повеселиться.

Танцем Рогов в этом году вновь руководил Хант, и народ привычно искупал его в восторженных аплодисментах. Я наблюдал за представлением из окна коридора — в глубине души мне был ненавистен этот дикарский обычай. При виде меча в его массивных руках я

невольню представлял, как они заносят оружие над шеями детей короля Эдронема, вспоминал рассказы о болтающейся на лошадином крупе голове амаунетского короля Аббада, вспоминал, как его пальцы сжимали кожу принцессы, а затем воображал, как они складываются в кулак и врезаются в лицо Дамиана... Растерзанная душа принца не имела ничего общего со всем, что я ему предписывал, но руки его были в крови, а ей совсем неважно, что или кто в момент вынесения приговора повелевало палачом.

Как только стемнело, я спрятался в своих покоях; не горела ни одна свеча, и тьма наполнила мой разум, хотя провалиться в сон я ожидаемо не сумел.

Шаги в коридоре заставили отвлечься от небытия; два голоса, один из которых казался лишь отдаленно знакомым, уверенно приближались к моей двери. Незнакомец дышал тяжело и сбивчиво, будто нес нечто тяжелое, постоянно выскальзывающее из рук.

— Поставь здесь, — скомандовала лисица. — Спасибо, Марли.

— Рад помочь, Ваше Высочество.

Неудивительно, что я не узнал юного гвардейца; хоть мы проводили вечера в таверне и даже тренировались вместе, у меня всегда находился более очевидный объект интереса.

В дверь трижды гулко ударили. Я уже держался за ручку, не зная, как поступить. Решив, что промедление может стать более крупной ошибкой, чем любое другое действие, распахнул дверь и втащил Ариадну в комнату.

— А бочонок? — обиженно протянула она.

Хмельной аромат заполнил комнату. Лишь на мгновение высунувшись в коридор, я схватил праздничный дар лисицы и закатил его в покои; только коснувшись его, я поразился, какой силой обладал мальчишка-гвардеец. Стоило двери едва коснуться стены, Ариадна набросилась с объятиями, практически повиснув на моей шее.

— С праздником, Тери! — радостно воскликнула она. — Давай выпьем?

— Кажется, тебе уже достаточно, — усмехнулся я, глядя на алый румянец на округлившись щеках. Я был счастлив, что она набрала вес; худоба не красила её крепкую фигуру.

— Нет, — отрезала лисица. — За все время мы не разделили ни одного глотка эля. Разве можем мы говорить, что близки?

Не выдержав, я рассмеялся. Даже при колоссальном грузе статуса и ответственности она умела быть непосредственной, будто дитя, и эта черта восхищала меня в ней не меньше гибкости ума и твердости принципов. В мире, где тяжесть монет и претенциозность манер — главные человеческие качества, забывать о сдержанности и правилах — практически непозволительная роскошь.

Достав появившиеся из ниоткуда пинты, Ариадна принялась разливать сладко пахнущую субстанцию, то и дело проливая её на пол — лунного света было недостаточно для человеческого зрения. Пока лисица изображала из себя трактирщика, я зажег все свечи, какие только нашёл; к моему удивлению, их оказалось лишь две.

— Таинственный полумрак, — заключила принцесса, оглядывая комнату. — Мне нравится.

— За что пьем?

— Мы пьем, чтобы пить, — отчеканила она гордо. — Ведь у нас всё есть. Ты так не считаешь?

— Мы пьем, потому что оба так не считаем.

С размаху столкнув пинты, мы осушили их, а затем еще, еще и еще одну. Образ лисицы

постепенно становился менее четким, но более светящимся и завораживающим; привычку заглядываться на ее черты я оправдывал затуманенным зрением. Эль был добротным, и вскоре устойчивость наших тел приблизилась к нулю — тогда обителью нашей стало раскинутое на полу покрывало, а развлечением — завалившиеся на столе книги.

— Сонцал...улч...

Буквы выпрыгивали из строчек, будто при исполнении ритуального танца, но от этого стихи и рассказы становились только интереснее. Мы читали начало и, по-своему понимая сюжет, додумывали конец за автора; каждый новый сценарий становился безумнее предыдущего. В момент прилива очередной порции энергии, мое тело потребовало движений, и я вскочил, вытягивая за собой лисицу.

— Потанцуй со мной, — прошептал я, вдруг ясно узрев блеск серо-зеленых глаз.

— Без музыки?

— Я могу спеть.

Ариадна рассмеялась, но, заметив уязвленно потупленный взгляд, тут же замолчала, одобрительно кивнув. Пел я настолько отвратительно, что от желания прикрыть уши руками чесались ладони, но умиротворение на лице принцессы заставляло продолжать. Мы кружились в незамысловатом танце, что с каждым шагом становился медленнее; веки лисицы постепенно опускались, пока тело совсем не расслабилось в моих объятиях. Прижав Ариадну к себе, я отнес её на постель. Ничего удивительного; мне не впервой укладывать её спать. Оставалось лишь решить, говорило ли это что-то о моей ценности как собеседника.

— Ты красиво поешь, — почти не размыкая губ, солгала она.

— Спи, *melitae*.

Коснувшись губами лба лисицы, я тут же услышал убаюкивающее сопение. Мне чудовищно хотелось лечь рядом, но что-то неведомое остановило меня, и тело мое не коснулось прохладных простыней. Убедившись, что сон принцессы спокоен и крепок, я вышел на балкон к отрезвляющему ночному воздуху.

Глубокой ночью сады пусты и одиноки; цветы спали, набираясь сил для следующего дня, и даже насекомые замолкали, не желая их тревожить. Обычно темные силуэты кустов и деревьев успокаивали меня, напоминая о доме. Но той ночью их тишину прервали голоса.

Вдоль стены неспеша двигались две фигуры, и я вжался в стену, не желая, чтобы меня заметили. Они едва слышно смеялись, как смеются влюбленные, скрывшись от толпы в укромном месте; отчетливо звучала песнь железа болтающихся на их поясах клинков. Капитан прижал Лэндона к стене, надавив на того всем телом. Рука его властно схватила подбородок советника — удивительно, как скоро они сменили свои роли, — дразня его, не позволяя сдвинуться с места, хотя мужчина ясно давал понять, как отчаянно желал сближения их губ.

Казалось, эль мгновенно улетучился, испарившись из каждой клеточки моего тела. Я тут же проскользнул в комнату, закрывая балконную штору. Выходит, их ссоры были лишь представлением? Зная, какую боль причиняет кровоточащее сердце, никто не поставил бы под сомнение слова его обладателя. Чем проще обман, тем глубже вонзалось лезвие предателя; в спину или в грудь — оно доставало до самых скрытых струн души.

Я опустил на пол подле свисающей с кровати руки Ариадны и припал к ней лбом, не представляя, как сообщу лисице об увиденном; старший брат всегда был для нее примером честности, прежде всего, с самим собой. Голова заболела, и давно знакомый писк вновь возник на задворках сознания; порой он не замолкал часами, и я научился привыкать к

пульсирующей боли в ушах. Не знаю, сколько времени я провел, борясь с сомнениями, но шепот за дверьми комнаты раздался, когда солнце ещё не вышло из-за горизонта.

— Я видел тебя, — прозвучал голос. — Как и ты меня. Позволь войти.

Нехотя поднявшись на ноги, я дошёл до двери и лишь слегка приоткрыл её; капитан, будто на мгновение обернувшись жидкостью, проскользнул в эту щель. Я кивнул в сторону постели, намекая не шуметь; удивление Кидо скрывать не стал, впрочем, не слишком изумившись, и замялся, не зная, с чего начать. Мое мрачное молчание едва ли способствовало началу разговора.

— Лэндон хорош для роли советника, — наконец начал он. — Дальновидный стратег и верный подданный, но... он слишком эмоционален. И восприимчив.

Неоднозначная характеристика застала меня врасплох. Осознав, к чему вел капитан, я оказался обожжен пламенем стыда. Как смел я помыслить, что человек, приходившийся мне другом, мог так поступить? Клеймо лжеца давно зарубцевалось на моей коже, и мне следовало бы осторожнее делать выводы о других.

Не дождавшись реакции, капитан продолжил.

— Ему приходят ведения, и Рагна принимает их за пророчества.

— А Минерва...

— Беспрекословно прислушивается к магистру.

Я наполнил грудь воздухом; если руны Лэндона и вправду открыли ему мир пророчеств, то его соседство с жадными до власти людьми могло обернуться катастрофой. Не считая носителей титулов аирати и азаани, пророки встречались крайне редко; все они рано или поздно становились приближенными королей и вполне удачно предсказывали ход любой войны, тем самым помогая расширять границы государств. Охота за пророками велась как среди людей, так и среди магов и эльфов — преследуя разные цели, всем одинаково хотелось заполучить желаемое.

— И что же он видел?

— Говорит, Богиня опускает его в кровавое море, откуда он черпает кубком, но никак не может напиться, — с толикой отвращения произнес Кидо. — И лишь когда лик Минервы возникает в небе, вместо солнца осветив мир, жажда крови исчезает.

— Думается мне, его горло иссохнет с новой силой.

— Я убедил его, что не поддерживаю негласного сопротивления, — с легкой ухмылкой пожал плечами капитан. — Что мне попросту нужно время, чтобы проникнуться их идеями.

— Идеями чего? Ненависти и честолюбия?

— Он зовет это благодарностью, почтением и выполнением обещаний.

Темные волны волос упали на лоб Кидо, пряча скривившееся от сомнений лицо.

— Встретимся через час после рассвета?

— Как и условились, — кивнул я.

Капитан исчез во тьме коридора, а я так и не решился лечь рядом с Ариадной и уснул на полу, прислонившись спиной к стене.

Той ночью мне снилось кровавое море.

Как только рассвело, солнечные лучи пробрались в комнату через щель между шторами и принялись настойчиво щекотать мои веки. Открыв глаза, я долго не мог отвести их от принцессы; прижатое к подушке лицо причудливо деформировалось, а приоткрытые губы покрылись влагой от горячего дыхания. Непослушная прядь упрямо норовила коснуться её

рта, и я, еле касаясь нежной кожи, откинул её назад.

Подобрав самый приличный комплект одежды из тех, что было бы не жалко повредить во время поединка, я повесил на пояс все свои клинки и закинул за спину колчан и лук. Написав записку лисице с советом, в какое время её с большой вероятностью не заметят, выходящей из моих покоев, покинул их сам.

На тренировочной поляне за конюшней собралась добрая сотня воинов — по большей части бывших и названных. В толпе встречались, разумеется, бойцы с мозолистыми руками и испещрёнными шрамами лицами, но выделяло их совсем иное — интерес в глазах. Во взглядах прочих толстосумов читался лишь страх.

На сооруженном для магистра помосте было пусто, хоть оговоренное время и наступило, но у подножия стояли капитан гвардии и советник короны. Публичного интереса друг к другу мужчины не проявляли, не произнеся ни слова с появления на поляне, однако само их нахождение на столь малом расстоянии уже было понятным жестом. И понятным не только мне.

— Наконец-то и Фалхолт перестал манерничать, — бросил кто-то за моей спиной. — Понял малец, что капитану легко найти замену.

— Видно, добился цены, за которую не жаль продаться.

Я нахмурился. Разумеется, никому не платили за сотрудничество в предстоящей войне, напротив — для участия в ней вассалы сами вносили суммы в королевскую казну, — но что, если это золото было необходимо для оплаты определенных бойцов? Тех, что встают на чью-то сторону не по воле души, а лишь если выручка с лихвой покрывает издержки. Тех, чья сила настолько важна и отлична от прочих, что они стоят того.

Магистр появился на помосте неожиданно, вновь провернув свой трюк с лишением толпы голоса.

— Её высочество благодарит вас за то, что вы откликнулись на её зов, — произнес Рагна тихо, магией закладывая свои слова в умы присутствующих. Он не воздерживался от использования силы в бытовых ситуациях, хоть то и считалось дурным тоном. — В наших рядах появилось множество молодых бойцов, и помощь с их обучением и обмундированием с вашей стороны была бы щедрым вкладом в исход войны.

Кто-то из вассалов поник при слове “обучение”, кого-то смутили затраты на обмундирование, но, представив добычу после разграбления Эдронема, их лики мгновенно посветлели. Отвращение скопилось во мне, и я едва сдержался, чтобы не сплюнуть его посреди высокопарной речи правой руки Минервы.

— Совет разделил бойцов на отряды разного размера и прикрепил к каждому из вас, распределяя соответственно уровню вашего благосостояния, — продолжал седовласый юноша, и толпа ответила ему вздохом облегчения. — Отряды уже осведомлены о своих покровителях, потому не покидайте поляну, пока их командиры вас не найдут.

Лэндон поднялся лишь на одну ступень, но магистр бросил на него убийственный взгляд, и советнику пришлось остановиться. Вероятно, желая что-то напомнить, он указал за спины открывших рты слушателей магистра.

— Ах да, — вспомнил Рагна, натягивая дружелюбную улыбку. — Любезно согласившиеся помочь кузнец и его подмастерье будут ждать вас здесь, предлагая бесплатные услуги по ремонту оружия.

Я тут же оглянулся. Где-то за головами нелепо выглядящих в доспехах вельмож виднелась мощная фигура Киана в грязном рабочем фартуке. Я был рад, что он наконец

вылез из душной кузницы, где наверняка сходил с ума от скуки и однообразия. К тому же, его опытный взгляд наверняка зацепится за что-то, что моему разуму примечательным и не казалось.

Магистр уже исчез, и повсюду сновали юные воины в поисках нужных им представителей знати. Сначала я помогал тем, кто ошибочно принимал меня за других благородных мужей, а потом попросту направлял всех, кого успевал поймать, пока один из бойцов все же не явился за мной.

— Ваша свет...

— Сэр Териат, — перебил я юнца. — Прошу, не более.

— Сэр Териат, — смущенно заикаясь, повторил мальчишка. — Меня зовут Иден, и я командир отряда, что будет заниматься под вашим началом.

Я не сдержал улыбки; имя, которым Ариадна назвалась на рыцарском турнире, куда пробралась без ведома отца, согрело меня теплым воспоминанием о той истории.

— И сколько вас?

— Семьдесят два, господин.

Я попытался сглотнуть, но в горле встал ком. Семьдесят два? Мне казалось, я приехал на, хоть и редком, коне, а не на повозке с полными золотом телегами за спиной. Семьдесят два воина на попечение странствующего рыцаря! Я далек от бездумных трат, но... Сколько же тогда досталось сэру Фалкирку? Тысячи?

— Господин?

— Да? — опомнился я.

— Так вышло, что нам не досталось времени днем... — замылся юноша. Он крепко сжимал челюсти, подбирая слова, и мышцы извивались под тонкой кожей, будто змеи, заставляя веснушки танцевать. — Но после наступления темноты нам дозволено выбрать любое.

Разумеется, не досталось. Я похлопал парня по плечу, подбадривая; испуганный, он не поднимал на меня глаз. На его месте я бы тоже отождествлял любого покровителя с надзирателем и мучителем; среди людей редко бывало иначе.

— Тогда увидимся, как пробьет полночь, Иден, — произнес я с улыбкой. — Вам придется спать днем, ибо от ночи мы возьмем все, что она способна нам дать.

Не услышав угрозы и враждебности в моем голосе, юнец резко выдохнул и на мгновение приподнял уголки губ.

Минерва появлялась на поляне ровно в полдень, когда тренировались самые большие отряды, принадлежащие вассалам из Амаунета и сэру Фалкирку — они действительно насчитывали тысячи воинов, — а Лэндон — ближе к закату, когда наступала очередь капитана. Они снова сблизились, но их, прежде незаметные, мимолетные прикосновения теперь казались мне броскими и пошлыми; прежде всего потому, что я знал, какая ложь за ними таилась. Перебрасываясь лишь парой слов, они так много успевали сказать без них — взглядом и жестами они запросто могли условиться о месте и времени встречи, а порой даже передавали таким образом важные сведения. Со временем я стал догадываться о значении некоторых символов, но как только это случалось, их тайный язык претерпевал изменения, чтобы избежать вмешательства жадных наблюдателей вроде меня.

По вечерам и ночам образ старшей принцессы то и дело мелькал в окнах замка, имевших хоть какой-то вид на поляну. Гардероб принцессы неожиданно сменился: на смену эпатажирующим фасонам пришли длинные рукава и скромные вырезы, роковым и броским

оттенкам — спокойные и располагающие, среди которых заметно преобладал глубокий серый. Национальный цвет Грей, безусловно, шёл бледной коже и светлым волосам, но совсем не вязался со всем знакомым образом Минервы, и вероятно потому привлекал столько внимания. Даже ночью, когда тьма едва давала разглядеть сам замок, мои мальчишки застывали, замороженно выглядывая объект восхищения в одном из его окон.

Иден оказался настоящим командиром; шестнадцатилетний сын фермера отличался на удивление развитой мускулатурой и лидерскими качествами; он на лету схватывал все, чему его учили. Несмотря на очевидное превосходство, высокомерие ему было чуждо — он упорно помогал остальным ребятам, пока каждый удар не был тщательно отработан. Я учил их всему, что умел сам, хоть и понимал, что тренирую будущих убийц своих сородичей. Цель моя была иной — я хотел научить их защищаться. Да, мы уделяли множество времени клинку, чуть больше — луку, но большую часть — умению правильно смотреть на противника. Считывать намерения его тела, пока те не дошли до разума, замечать учащенное дыхание и последствия старых травм. Вскоре ребята самостоятельно выявили закономерность, согласно которой дети фермеров из Сэдбери, привыкшие к тяжелой работе, лучше управлялись с тяжелым мечом, а дети земледельцев из Лартона увереннее натягивали тетиву. Они слушали и чувствовали, и потому раскрывали в себе таланты, прежде им неизвестные. Я всем сердцем надеялся, что однажды это поможет им выжить.

Старательностью отличался каждый, и, если надо мной хотели подшутить, дав чересчур много воинов, то они ошиблись отрядом; порой ребята так увлекались, что не покидали поляну до рассвета, да и тогда уходили, лишь когда отряд под предводительством куорианского военачальника буквально растаскивал их по домам.

Поначалу мне казалось любопытным, что и госпожа Ботрайд стала обладательницей крупного отряда, однако все сомнения рассеялись, стоило мне однажды увидеть Аурелию в деле. Не многие мужчины — хотя я бы поставил “не” в конец фразы — умеют так легко и играючи обращаться с мечом. В нашу первую встречу я сразу окрестил Аурелию воительницей, но вовсе не потому, что ожидал таких поразительных боевых умений. Впрочем, что я знал о ней кроме заинтересованности в моей фальшивой родине? Госпожа и не должна была оправдывать мои ожидания. Я прежде даже не интересовался, как она попала в совет; женщин там крайне мало, и почти все они замещали своих мужей, не присутствующих по той или иной причине. Все, кроме членов королевской семьи и Аурелии.

Кузнец на поляне бывал лишь иногда — в часы, отведенные самым высокопоставленным мужам. Все остальное время Киан работал в гордом одиночестве, греясь под нежным осенним солнцем. Пожалуй, за это время он услышал немало полезного, хоть праздные разговоры о выпивке и доступных девушках и занимали основную часть дня. Все это было чуждо ему, но он продолжал точить клинки, изображая недалекого громилу. Терпению эльфа позавидовала бы сама Богиня — вероятно потому она и уготовила ему судьбу разведчика. Незаметного, вдумчивого и вездесущего, будто ветер, что то и дело летал в головах безрассудных богачей.

Вопреки моим предположениям, нам нередко удавалось поговорить наедине; Киан затягивал со своими обязанностями, оставаясь на поляне допоздна, а после полуночи туда едва ли заглядывал кто-то кроме моего отряда. Он делился всем, что заметил в течение дня: в речи сэра Ахтера из Амаунета неоднократно проскользнула неприязнь к короне, недовольным своими отрядами Рагна угрожал смертью ещё до настоящей битвы, а

гвардейцы без конца проходили мимо, думая, что их наблюдение ненавязчиво и незаметно.

— Они делают то же, что и ты, — возразил я, заметив недовольство на лице разведчика. — Капитан с нами, а значит и его ближайшие соратники — тоже.

— Знают ли они об этом?

— Могут догадываться.

— В этом и проблема, — буркнул Киан.

Ариадна все еще была недовольна ролью принцессы в башне. В заточении ее, разумеется, никто не держал — она была вольна делать, что пожелает, — но её появлению на поляне радовались единицы: благородные мужи отрицали возможность нахождения принцессы на поле боя, а юноши из отрядов стеснялись и терялись в её присутствии, забывая обо всех выученных приемах. В зале совета тоже воцарялась тишина, стоило ей переступить порог, хотя, завидев околдованного мужа, она и сама бросалась прочь. Я по ночам находился на самом видном в королевстве месте, Кидо — в объятиях советника. Куда бы Ариадна ни шла, ей нигде не были рады, и это сводило её с ума. Она ненавидела ждать спасения, но ей понадобилось время, чтобы пробиться сквозь эту стену.

Со временем она наплевала на неоднозначные взгляды и все же стала регулярно появляться на тренировках. Первой её приняла госпожа Ботрайд; наверняка, в своё время к ней относились похожим образом. Ариадна стала хорошим учителем, ведь была старше юных бойцов всего на несколько лет и умела находить с ними общий язык. Легкость подачи и юмор, с которым она относилась к мальчишкам, помог выстроить нужный контакт — к тому же, всем хотелось покрасоваться перед наследной принцессой, — и вскоре, если верить оценке Киана, отряд Аурелии стал одним из лучших.

Принцесса постепенно задерживалась все дольше: сначала — до заката, чтобы перекинуться парой слов с братом, затем — до полуночи, лишь на секунду встречаясь со мной взглядом, пока однажды ночью не прикатила телегу с затупившимися мечами, нуждающимися в сильных руках кузнеца.

— Забыла о них после тренировки, — запыхавшись, объяснила она.

Я был восхищен её стараниями внести свою лепту и тем, как упорно она добивалась своего.

— Ты говорил, что у тебя есть новости, — обратился я к Киану, и тот утвердительно кивнул. — Расскажи о них Ариадне. Я буду слушать оттуда.

Не дождавшись ответа — я знал, что учитель лишь недовольно скривит лицо, — я нырнул в толпу юношей, заглядевшихся на неожиданно появившуюся девушку. Как и всегда в начале, я встал в пару с Иденом, объясняя, изучению чего будет посвящена ночь; переходя от ученика к ученику, я весь обратился в слух.

— Лэндон упомянул, что на завтрашнее утро намечено подписание приказа, — рассказывал разведчик принцессе. — Не рассказал, какой, но шептал так тихо, будто это что-то жутко важное.

— Капитан в курсе?

— Кажется, да, — пожал плечами мужчина. — Для него я — подмастерье кузнеца. Узнайте сами.

Неприязнь Киана к капитану Фалхолту сквозила из каждого слова и не могла остаться незамеченной. Ариадна промолчала минуту, переваривая неожиданную агрессию.

— Узнаю.

— Через два дня собирается совместный совет горных и лесных старейшин, — бросил

эльф, обращаясь совсем не к принцессе. — И им необходим информатор.

— Я пойду.

Вынырнув из-под атаки Арло, я потрепал его по волосам и быстрым шагом направился к кузнецу. Тот молчал, казалось, даже не обратив внимания на предложение Ариадны.

— Это опасно, — выпалил я, как только оказался в зоне досягаемости человеческого слуха.

— Почему же?

— Если Минерва узнает...

— А где пройдет совет? — повернулась она к Киану.

— В Арруме.

— Я постоянно туда сбегаяю, — пожала плечами принцесса. — С самого детства и до сих пор. Никто не удивится, увидев меня за городскими стенами.

— Но если...

— А если увидят тебя, — перебила она вновь. — То вопросов возникнет значительно больше.

— Это разумно, — холодно заключил разведчик. — Пусть идет она.

Я был уверен, что в Арруме лисица будет в полной безопасности — мне было на кого положиться, — но всё моё существо содрогалось от одной мысли о предстоящем совете. Я не знал, как на её присутствие отреагирует Рингелан и прочие горные эльфы: ненависть к королевскому роду в их сознании особенна и священна. Вряд ли они захотят выслушать потомка земель эльфийской гибели, а если и позволят ей выговориться — не поверят ни единому слову, превратив совет в очередное представление, посвященное их слепому упрямству.

— Не обсуждается, — прервал мои размышления Киан. — Она идет на совет, а ты со своим псом разузнаешь о приказе.

Ариадна смутилась от упоминания пса, но замешательство быстро сменилось сиянием торжества на очаровательно озорном лице.

Глава 25. Ариадна

Ирвин сопротивлялся, не пуская меня на спину; даже если у моего коня и было дурное предчувствие, то я планировала старательно его игнорировать. Отец советовал мне дать коню имя самостоятельно, как гласил обычай, но разве мог пятилетний ребенок доверить себе столь ответственное дело? Разумеется, я обратилась за помощью к тому, кому доверяла: господин Айред назвал моего коня “сумеречным штормом” за скорость и то, что шерсть его переливалась синим в солнечном свете, и отныне мне приходилось без конца напоминать ему, кто из нас хозяин.

Едва солнце показалось из-за горизонта, я вложила монету в руку стражника у ворот. Ставни приоткрылись, открывая безграничный мир за пределами моего скромного государства, и Ирвин с нетерпением рванул в сторону леса.

Подъехав к хорошо знакомому мне входу в Аррум, я спешила, смущенно застыв перед незнакомым постовым. Честно сказать, я была уверена, что встречу тут Индиса, и проникнуть на совет не составит проблем.

— Приветствую, — слегка поклонилась я незнакомцу, и тот сделал шаг назад. — Меня зовут...

— Я знаю, кто ты, — настороженно бросил он. — Что ты здесь делаешь?

— Я прибыла на совет.

— Разве на него приглашали людей?

— Если высылали приглашения, то сделаем вид, что свое я потеряла.

Эльф усмехнулся, но в ответ лишь сложил руки на груди.

— Я знаю, что могу не вызывать доверия...

Мою фразу прервала крошечная певчая птица, севшая на плечо постового. Тот повернул к ней голову и едва слышно что-то шепнул, после чего птица улетела так же неожиданно, как появилась.

— Подожди здесь. За тобой придут, — попросил эльф, смягчив тон. — Но с конем вглубь леса я не пушу.

Согласно кивнув, я принялась привязывать поводья Ирвина к дереву. Он ненавидел, когда я оставляла его здесь; выезжая за пределы города, он, вероятно, надеется скакать по полям, пока не иссякнут силы, но я вновь и вновь заставляла его стоять на месте, унижительно привязанным к ветке. Фыркнув, он в очередной раз выразил свое недовольство. Я тихо извинилась, погладив его по морде.

Постовой замер на месте, а я принялась ходить вокруг коня, украдкой разглядывая незнакомца. Никогда прежде я не видела столь высоких эльфов; вспоминался разве что Киан, но к его происхождению у меня всегда возникали вопросы. Длинные русые волосы были зачесаны назад и струились, словно водопад, поблескивая и переливаясь. Тверд, как скала, но добр — иначе не стал бы даже слушать.

Спустя какое-то время из-за листвы показалось знакомое лицо.

— Индис! — воскликнула я.

Удивление постовой скрыл, хоть и с трудом, принимая от Индиса какой-то приказ. Друг Териата, как и прежде свободный от предубеждений, сразу заключил меня в объятия.

— Ариадна, — вздохнул он. — Не думал, что они отправят тебя.

— Я вызвалась, — объяснила я. — Киан меня поддержал.

Индис хмыкнул, не без оснований сомневаясь в моих словах; в любой другой ситуации я бы не поверила, что этот заносчивый скряга мог послушать кого-то, кроме себя и своего непосредственного начальства.

— Мать будет рада твоему появлению, — шепнул эльф, делая шаг вглубь леса и жестом предлагая следовать за ним. — Она и не надеялась на помощь принцессы.

Сделав два шага, я застыла на месте, обдумывая его слова.

— Ты — сын азаани? — уставилась на него я.

— Думал, ты знаешь.

Я отрицательно покачала головой.

— Выходит, мы оба наследники наших земель?

— Вовсе нет, — улыбнулся мужчина. — У нас всё устроено иначе.

Я много общалась с Индисом, пока Эзара был занят освоением магических сил, и привязалась к добродушному эльфу; однако тем утром он выглядел совсем иначе. Да, его глаза все так же светились зеленью, а кудри пламенным ободом танцевали вокруг лица, но кожа его будто стала серой, а прежде пылавший взгляд потух. Не сходявшая с лица улыбка стала вымученной, будто он помнил о необходимости поднимать уголки губ и делал это лишь по привычке. Я не решалась спросить о причинах; впрочем, уверена, не смогу терпеть слишком долго.

До места встречи мы добирались пешком, и я без конца озиралась по сторонам: осенний Аррум поражал воображение. Подобных красок не увидеть даже в самом роскошном саду, над которым годами корпели сотни рабочих; никто не умел творить так, как Мать Природа. В какой-то момент до моего слуха стали доноситься голоса: все, как один, сдержанные и спокойные, и я невольно вскинула брови. Пожалуй, совету Грей стоило бы поучиться у соседей; сколько раз бы я не присутствовала на собраниях, меня неизменно перебивали не меньше трех раз за речь.

— Если сложим оружие, в их глазах станем скотом на заклятие.

Как только взгляду открылся вид на поляну, у меня перехватило дыхание. Не знаю, что поразило меня больше: зрелище нескольких сотен эльфов, строгими рядами стоящих в лучах влюбленного в них солнца, два плетеных трона на возвышении и сидящие в них правители, которых раньше я могла лишь воображать, или исполинский олень, легенды о котором обожала в детстве. Показалось, что земля исчезла у меня из-под ног — ощущение нереальности происходящего наконец дошло до моего разума, — но Индис крепко сжал мою ладонь и уверенно повел между рядами сбитых с толку участников совета.

В полнейшей тишине я стояла, едва удерживаясь на ногах; уверенность, с которой я примчалась в лес, улетучилась, и, если бы не стоящий за моей спиной Индис, я бы давно грела спиной землю. Передо мной были лишь правители древнего народа, тогда как все прочие оказались позади, и меня прошиб озноб от мысли, что обо мне думало большинство из них.

— Дитя моё.

Голос эльфийской королевы прозвучал, будто красивейшая песня лучшего в мире барда.

— Наш народ сочувствует твоей утрате.

Я наконец набралась сил поднять взгляд, и он тут же оказался прикован ко спускающейся ко мне эльфийке. Азаани была прекрасна настолько, что это не укладывалось в слова; к тому же, глупо было даже пытаться. Разве какие-то буквы и звуки могли описать красоту богини?

Правитель горных эльфов недовольно фыркнул, в точности как мой конь, и я уязвленно ссутулилась. Разум мой понимал, что жители Армазеля не просто так ненавидели мой народ, но сердце отказывалось отвечать за грехи предков.

Азаани двумя пальцами коснулась моего подбородка, не позволяя неосознанному желанию спрятаться управлять моим телом.

— Мы благодарны, что ты присоединилась к совету, — пропела она. — И надеемся, что сможем помочь друг другу.

— Прекращай, Маэрэльд, — прогремел голос горного эльфа, и я поежилась. — Ты едва не целуешь ей руки.

Ничуть не восприняв его слова, как что-то обидное, эльфийка мягко улыбнулась мне и вернулась на свое место.

— Так ты и есть тот самый информатор мальчишки с молниями? Как я и говорил, он совсем не умеет врать.

— Он значительно улучшил этот навык, — не согласилась я. — Порой даже я забываю, почему он живет в замке.

— Считаешь, что это — показатель мастерства? — пренебрежительно бросил аирати. — Лжец знает, кто скрывается за его словами, и лишь глупец становится их воплощением.

Я гулко сглотнула. Казалось, что бы я ни сказала, у эльфа найдется повод меня унижить; один его вид вгонял меня в краску, заставляя чувствовать себя недостойной стоять на столь непочтительном расстоянии, хоть между нами и было несколько десятков шагов. От внезапно возникшего намерения сбежать меня остановила теплая рука, упавшая на мое плечо.

— Ариадна пришла, чтобы поделиться с нами планами сестры, — вмешался Индис. — Она хочет того же, что и все мы — мира.

— Её предки уже обещали нам мир, и вера их словам стоила нам многих братьев и сестер.

Я оглянулась, не в силах терпеть тяжелый взгляд эльфийского короля. Среди присутствующих были и молодые лица, и те, что явно вырастили не одно поколение потомков; и огненные локоны лесных жителей, и ледяные глаза обитателей гор. Кто-то смотрел на меня с интересом, кто-то — с безразличием, но все были напряжены, вероятно, опасаясь возможной реакции своего правителя.

Страх перед аирати стал медленно уходить, уступая место недовольству. Я подумала, что зазря теряю время, чувствуя вину за то, кем родилась.

— Разве мы выбираем, в чьей утробе окажется наша душа? — повернулась я к королю.

— Богиня делает это за нас, и ей несвойственны необдуманные решения.

— Ариадна, — произнесла азаани, прерывая зарождающуюся перепалку. — Поведай нам, что знаешь.

Я начала аккуратно делиться имеющимися у меня сведениями, наблюдая, как глаза Аирати закатываются все сильнее с каждым моим словом. Он даже морщил нос, как будто от меня смердело, как от гниющего трупа, и с каждой секундой это распалило во мне гнев. Да, он могущественен, стар и мудр, но что стоила его мудрость, если его так задевало присутствие какой-то девчонки?

— Быть может, ты скажешь что-то, чего не знает любой пьяница в таверне? — выдохнул он. — Ради такого незачем было тащить сюда принцессу, Индис.

Я обернулась на друга; эльф не подал виду, что не имел понятия о моем прибытии, и кивнул, сдержанно признавая свое поражение перед правителем.

— А пьяница расскажет вам, что Минерва собирается пойти через ваши горы?

— Она не посмеет.

— Чтобы вы позволили ее армии сократить путь, она планирует предложить вам часть добычи.

— Нам не нужно ее золото, — отрезал король.

— Сомневаюсь, что она действительно собиралась отдавать вам что-либо, — язвительно бросила я. — Она мечтает о *nuru elda* и знает, что не расплатится, какую сумму бы вы не назвали.

Ноздри аирати расширились, а пальцы вцепились в подлокотники трона, но он промолчал.

— Люди идут за ней, — начала я, не уверенная в том, как правильно преподнести мысль. — Но в их умы закрадываются сомнения. Прежде они были околдованы ей, но теперь... её влияние будто стало слабее.

— Это может быть уловкой, — предположил один из председателей совета. — Дать людям немного свободы, чтобы они решили, будто принимают решения сами.

— Или её сил недостаточно, чтобы справиться с поставленной задачей. Амбиции всегда шли впереди нее.

— И все же они поражают воображение, — задумчиво протянула азаани. — Для того, в чьих венах лишь человеческая кровь, она...

— Никто не знает, что за кровь заставляет ее сердце биться, — прервал ее глава горных эльфов. — И лишь когда она прольется, мы откроем тайну, что Эвеард унес с собой.

Отцовское имя все еще заставляло меня вздрагивать; когда я слышала, как кто-либо произносил его вслух, мне начинало казаться, что я ощущаю на себе его взгляд. Слышу его раскатистый смех, вижу седую щетину на загорелой коже и то, как он лениво водит приборами по тарелке, сонный после раннего пробуждения. Вопреки желанию снова увидеть родное лицо, от его мнимого присутствия становилось лишь беспокойнее; я бы предпочла, чтобы Отец Духов поскорее отдал его душу Богине.

— Почему просто не убить её?

Из толпы молча наблюдающих эльфов выбралась миниатюрная, но бойкая девушка с пылающим от нетерпения лицом. Что-то в её чертах показалось мне знакомым, но ощущение было мимолетным и вскоре улетучилось.

— Она ведь всего лишь человек, — не унималась эльфийка. — Териат мог давно пробраться в её покои и перерезать ей глотку, тем самым избавившись от проблемы.

— И дав начало многим другим, — предостерегла королева. — Мы не можем просто так убить наследную принцессу.

— Просто так?!

— Это неплохой вариант, — пожала плечами я. — Но, боюсь, не все так просто.

На меня обратились сотни изумленных глаз, и лишь стоящий рядом Индис помог мне сохранить спокойствие. Никто из присутствующих не был поклонником моей сестры, но каждый почему-то искренне удивился, что и я не считала себя таковой.

— Она убила моего отца, — объяснила я. — Возможно, свела с ума мою мать, а еще рубит головы всем, кто перечит её словам. Я не хочу, чтобы Грея утонула в крови.

— И почему же нельзя пролить лишь кровь Минеры?

Возмущенная эльфийка подошла ко мне почти вплотную, уперев руки в бока. Её сердитый взгляд бегал по мне, будто оценивая каждый сантиметр, а затем перекинулся на Индиса.

— Не смей, Бэтиель, — буркнул он. — Отступи.

— Ни за что, — противилась та. — Меня достало выслушивать этот бред. Я не хочу сражаться ни за людей, ни против них, теряя друзей и родных под лезвиями их тупых мечей.

Некоторые горные эльфы поддержали бунтарку одобрительными выкриками, но правители слушали молча, не останавливая её порыва. Эвлон, все это время безучастно наблюдавший за происходящим, медленно скрылся за пожелтевшей листвой кустов.

— Почему нельзя просто вонзить нож в её проклятое сердце?

— Потому что её невидимо охраняет столько стражников, сколько тебе и представить не удастся, — отрезала я. — Потому что никто в действительности не знает, какими силами обладает моя сестра, и потому что на её стороне один из самых могущественных магистров континента. Как считаешь, легко ли на нее напасть? Может, посоветуешь спрятаться за шторой в её покоях?

— Не стоило Териату с тобой связываться, — прошипела эльфийка.

— Ох, а он тебе нравится, да?

Сама от себя не ожидая, я вскипела от одной лишь мысли об этом, и слова мои мгновенно пропитались худшим из ядов.

— Знаешь, кожа Минервы так горела от его губ...

— Прекратите!

Голос азаани разнесся по поляне, стогняя птиц с ветвей деревьев. В глазах Бэтиель блеснули слезы, и она тут же отвернулась, зашагав на свое прежнее место, будто обиженное дитя. Девушка была до смешного мелкорослой и, проходя мимо жителей гор, казалась лишь жалким подобием эльфа.

Выполняя молчаливый приказ матери, Индис обнял меня за плечи и проводил в дальнюю часть толпы, противоположную той, куда ушла моя оппонентка. Ещё долго совет обсуждал, каким образом не допустить прохождение армии через горы Армазеля и как избежать конфликта, если Минерва все же придет просить об услуге. Обсуждал, каких еще разведчиков отправить в город. Обсуждал, что Териат не справлялся с поставленной перед ним задачей. Я хотела возразить, сказать, что они не видят, как каждый день он старается узнать хоть что-то, но... но перед глазами возник образ его сближения с Минервой на предсвадебном балу, о котором я так язвительно упомянула в споре с эльфийкой, возник образ тренировочного меча, вонзающегося в его щеку, образ моего поцелуя с Хантом и прячущегося за дверью Тера... Может, Бэтиель была права, и всего этого не случилось бы, не связи мы наши судьбы той случайной ночью.

Я сняла с запястья красную нить и подвязала ей волосы, как делала всегда, когда не могла собраться с мыслями. Брачный браслет выплянул из-под задравшегося рукава, блеском привлекая внимание Индиса; эльф тактично промолчал, и я поспешила вновь накрыть его тканью.

— Что с тобой? — наконец обратилась я к Индису. Он витал в облаках даже больше меня. — Ты...

— Другой?

— И не описать, насколько.

Горько усмехнувшись, он на несколько секунд спрятал лицо в ладонях. Наш шепот если

и доносился до чьих-то ушей, то вряд ли был им интересен; жаркое, хоть и сдержанное обсуждение будущего их народа наверняка привлекало их внимание намного больше.

— Тебе может показаться, что моя мать спокойна и рациональна, но последние месяцы она отравляет лес бесконечным беспокойством, — наконец отозвался Индис. — Она уверена, что наш народ окажется истреблен в ходе этой войны, и никакие аргументы не в силах ее переубедить.

В голове тут же возникло воспоминание о рассказе Кидо: пророчество Лэндона, моря крови, Минерва на месте богини.

— Она видела...

— Нет, — покачал головой эльф. — Или лжет, что нет, но Эвлон тоже молчит. Если бы в этом была необходимость, он бы поделился пророчеством с кем-то еще.

— Но что с тобой? — уточнила я.

— Я до смерти устал от ее обучений, — вздохнул он обреченно. — Однако мать настаивает, что ей нужен преемник.

— Но ты же не сможешь править после нее?

— Не смогу, — подтвердил Индис. — И ей нужно не это. Ей необходим эльф, за которым пойдет войско, эльф, который в её отсутствие сможет отдавать приказы, и по какой-то неведомой мне причине она решила, что я гожусь на эту роль.

— Тебе это чуждо?

— Я ненавижу это, — исправил он. — Знаешь, как счастлив я был, когда меня не избрали стать посланником в замке? Зато теперь думаю, что лучше бы танцевал на балах и размахивал мечом.

Я горько улыбнулась, понимая, что ему неведома настоящая жизнь при дворе, и положила голову на его плечо. Прежде Индис вызывал у меня чувство комфорта и умиротворения, и это было одной из причин, почему я приходила ко входу в Аррум, даже зная, что не встречу там Териата; однако в тот момент мне хотелось самой поделиться с эльфом верой в лучшее, хоть и в моей душе ей неоткуда было взяться.

— Как он там?

— Справляется... вроде, — призналась я. — Его принимают, как часть общества, и относятся соответственно — с осторожностью и внимательностью.

— Я знал, что у него получится, — вздохнул Индис с легкой улыбкой. — Пусть он сам и не надеялся на это.

Остаток дня мы действительно провели, внимательно слушая рассуждения советников и изредка даже получая позволение вступить в обсуждение. Горные эльфы мало что знали об устройстве Грей — не по глупости, а из-за отрицания существования нашего государства как такового, — и некоторые их планы были до смеха наивными. Для аирати люди были низшими существами, и в его картине мира они не обладали и задатками разума; он полагал, что по щелчку его пальцев наши стены падут, обнажая слабые места правителя. К сожалению или к счастью, в военном деле люди преуспели, как никто другой, и мне раз за разом приходилось объявлять его планы несостоятельными, облегчая задачу тактично подбирающей слова Маэрэльд.

Шли часы, рекой лились речи, но вопросов не становилось ни на толику меньше. Меня поразило, что одинаково внимательно выслушивали как высокопоставленных советников, так и обычных эльфов, хоть это, впрочем, и должно происходить именно так. Когда-то и отец пускал на совет группу случайных людей из города — торговцев, жриц, кузнецов, — но

со временем эта инициатива стала порицаться высшим светом, и для обращения к королю у людей остались лишь строго установленные часы приема.

Когда сумрак стал окутывать лес, Индис предложил проводить меня до места, где остался мой конь, и я нехотя согласилась; почему-то мне чудовищно не хотелось возвращаться. Как только мы приблизились к дорожке, уводящей с поляны в глубь леса, Индис остановился.

— Останься, сын, — раздался голос Маэрэльд. — Ариадна сможет добраться сама.

Эльф не сдвинулся с места, словно прикованный к матери цепью, что уже натянулась до предела; кивнув, я покинула поляну в гордом одиночестве, заставляя себя поверить, что достаточно смела для подобного рода прогулок.

Разум твердил, что в эльфийском лесу не было ничего, что могло бы угрожать моей безопасности, но сердце выскакивало из груди при каждом неожиданном шорохе, даже если это был звук треснувшей под моими ногами ветки. Тьма награждала Аррум совсем иной атмосферой; переливаясь в солнечном свете, он казался местом, достойном Богини, но по ночам будто превращался в мрачную обитель её мужа. Листва еще не опала, и разглядеть усыпанный звездами небосвод не представлялось возможным.

Неожиданно вдали показался источник света; легкое полупрозрачное свечение манило за собой, погружая окружающий мир в еще более непроглядную тьму. Следуя за ним, я нетерпеливо ускоряла шаг.

Стой.

Голос в голове возник, пробравшись откуда-то извне, и я мгновенно замерла. Из-за сооружения, напоминающего беседку, вышел Эвлон, покрытый мириадами светлячков, и свернул на одну из дорожек, приглашая пойти за ним. Я опустила взгляд; увлекшись погоней, я почти по колено зашла в воду, гладь которой была настолько черной, что сама я бы ни за что не отличила её от земли.

Царь леса довел меня прямо до выхода из леса; я была уверена, что избрала неверное направление, пытаюсь вернуться домой, но наш путь, казалось, занял не больше нескольких минут. Ирвин, привыкший к статусу одного из крупнейших коней в королевском стойле, насторожился, увидев исполинское животное, но быстро потерял интерес, вернувшись к поеданию остатков зеленой травы.

— Благодарю вас, — обратилась я к Эвлону и, не придумав, как поступить дальше, присела в легком реверансе. Даже наследных принцесс не учат общаться с существами из легенд.

Олень подошел почти вплотную; его горячее дыхание едва не сбilo меня с ног. Он склонил голову так сильно, как только смог, и на расстоянии вытянутой руки надо мной оказались его рога.

В нос ударил сладкий запах. Рога Эвлона стали покрываться цветами невероятной красоты, и они все цвели и цвели, пока не образовали собой целый куст, горящий божественным светом. И без того испытывая восторг при виде священного животного, я в миг забыла, как дышать.

Возьми один, прозвучало в моей голове.

Протянув дрожащую руку к буйству красок и ароматов, я выбрала тот, что больше всего походил на ромашку; это творение природы напоминало мне не только об Арруме, но и о двух благородных мужах, выросших под его защитой, и потому больше других грел душу. Как только цветок был сорван, все вокруг на мгновение залило ослепляющим светом, заставив

зажмуриться; подняв веки, я обнаружила на месте цветка кулон с бледно-желтым камнем в середине.

Надень его, а когда придет время — отдай тому, кому уже отдала свое сердце.

Я послушно надела цепочку на шею, с удивлением обнаружив, что она практически сливается с кожей, и спрятала кулон под одежду. Мне не хотелось, чтобы Хант заметил, что я ношу что-то, что подарено не им, ибо он усердно делал вид, что трепетно относился к нашему фиктивному союзу; впрочем, его подарки я не надевала вовсе.

Ирвин самостоятельно довез задумавшуюся хозяйку до ворот Греи. Только отдав поводья конюху, я ощутила, как чудовищно устала: день был длинным, но из-за массы впечатлений прошел, как вспышка, не дав и мгновения прислушаться к сигналам измотанного тела.

Еле передвигая ноги и уперев взгляд в пол, я медленно поднималась по лестнице, как вдруг кто-то влетел в мое правое плечо.

— Ваше Высочество, — пролепетал советник, спешащий вниз. — Вы не ушиблись?

— Куда же ты так летишь, Лэндон?

Глаза мужчины коварно сверкнули, и он спрятал руки за спиной, почтительно поклонившись.

— Вам это ни к чему, — сладкоголосо отозвался он. — Доброй ночи, принцесса.

Махнув рукой, я продолжила путь; как бы там ни было, приспешник Минервы не рассказал бы мне о своих планах, даже если бы спешил выпить воды перед сном. Поняв, что из моих уст скорее донесется храп, нежели хоть одно связное предложение, я свернула в свои покои.

Уверена, Териат и Кидо смогут подождать до утра.

Я очнулся в тюремной камере.

Мы с капитаном вполне успешно выполнили поручение Киана, найдя способ узнать содержание приказа белокурой принцессы. По загадочному стечению обстоятельств, у сэра Фалкирка случилась беда со зрением — проснувшись утром, он едва мог отличить служанку от двери, — и на собрание тот взял с собой оруженосца, чтобы приказ ему зачитали вслух. В то же время мы с гвардейцами непринужденно общались неподалеку от зала совета, и я еще никогда не заставлял кровь так сильно приливать к ушам — то ли от напряжения, то ли от стыда. Разумеется, мы не лишили главного богача Грей зрение — действие эликсира должно было продлиться не больше суток, — и все же прием был не из честных.

Слова в той бумаге не имели смысла. Точнее, имели, но только для тех, кто и без неё был в курсе дел. Формулировки вроде “выполнить оговоренные действия”, “начать в назначенное время”, “принести соответствующие доказательства” и прочие были лишь отговоркой для тех, кто согласился принять участие в войне на стороне Минервы; в тот день она получила подписи всех, кто был достаточно безразличен и глуп, чтобы не задать ни единого вопроса, и, что бы ни сделала далее, она уже заручилась поддержкой вассалов. Мы с капитаном были в ужасе. Лэндон лишь намекал, что принцесса планировала нечто отличное от того, что озвучивала ранее, но после приказа это стало очевидно, и весь вечер я провел, гуляя по стене и высматривая лисицу во тьме ночи. Если бы совет в Арруме прошел хотя бы на день позже... их стоило бы об этом предупредить.

Убедившись, что Ариадна добралась до своих покоев, не будучи задержанной, я спрятался в своих. Сердце колотилось от дурного предчувствия, а дрожь в руках не унималась, и я совершенно не знал, чем себя занять. Голос, что всегда звал меня именем древнего эльфийского короля, вдруг показал, что способен и на прочие слова. “Аарон”, шептал он. “Беги”.

Но я не мог сбежать. Как сбегу я, зная, что друзья мои останутся страдать за мои грехи? Лишь заподозрив меня во лжи, они не оставят на Кидо живого места, а что сделают с лисицей — и представить страшно. Я и без того был клинком, что вонзился в спины их жизней, сделав их предателями родной земли, и с каждым разом, что я думал об этом, душа моя кровоточила все больше.

С уже родным привкусом яда на языке я всю ночь пролежал в постели, совсем упустив момент, когда провалился в сон. Я знал, что что-то произойдет, стоит мне открыть глаза. Хуже всего было именно предвкушение; как будто бы я мог избежать неприятностей, но не делал этого, сотрясаясь в ожидании — бесконечном, томительном ожидании.

Утром солнце ожидаемо не разбудило меня, как делало это всегда — в подземную темницу оно пробраться не в силах.

Я не помнил — а точнее не знал, — как оказался в клетке, но одежда на мне была вчерашней и чистой, а значит, я находился там не слишком давно. Пол камеры был запачкан чем-то липким, и в слабом свете я не сразу понял, что опустил руку в лужу крови. Мне отвели место, в котором когда-то ожидал казни убийца короля — что я, разумеется, счел за честь, — и стражники долгое время не появлялись в поле видимости, вероятно, как и всегда наслаждаясь сладким тюремным сном.

Нос пощекотал едкий запах, будто бы сочившийся сквозь щели в стене и потолке, и сердце мое сжалось, как только я узнал эти тяжелые ноты. Не в силах признать происходящее, я долгое время пытался раскрыть аромат, заставлял себя поверить, что мне чудилось, и страх играл с моим воображением, но уйти от страшной правды так и не смог. Запах, знакомый мне с детства; запах, вселяющий в души эльфов первобытный страх, означающий смерть и разрушения, привнесенные в их дом извне — запах горящего дуба.

Стоило догадаться, что они кардинально сменят направление.

Но зачем Минерве Аррум? Союз леса и Грей считался одним из самых выгодных на континенте, ведь азаани отдавала близлежащему городу столь многое лишь за то, чтобы просто жить в мире; скромному королевству нечего было предложить взамен. К тому же, эльфийская погибель, что так желала заполучить принцесса, все равно покоилась в горах.

Откуда-то из темноты послышался шорох, затем — тихий, бессильный стон; я не заметил, что у меня был сосед. Пододвинувшись к решетке, что разделяла наши камеры, я разглядел массивные кольца с камнями, едва заметно отражавшими свет факелов; они бились друг о друга, отстукивая ритм дрожащей руки. Я знал лишь одну женщину, так сильно любившую украшения.

— Лианна? — шепнул я. — Лианна, это вы?

Друид уклонилась от звука моего голоса, как от меча, и отползла еще дальше, полностью скрываясь в объятиях тьмы. Что ж, я мог ошибиться.

— Териат? — послышалось наконец в ответ.

Я утвердительно хмыкнул, и женщина тут же припала к решетке, оказавшись в мгновениях от моего лица. Едва сдержавшись, чтобы не отпрянуть, я протянул к ней руку. Лицо Лианны было обезображено. Без солнечного света ее кожа вновь стала дряхлой и покрылась морщинами, а волосы поседели, и оттого раны выглядели еще ужаснее: ссадины, синяки, запекшаяся кровь. Я понял, что с момента объявления планирующейся войны ни разу встречал друида, и имя ее не всплывало ни в одной беседе, что мне доводилось слышать.

— Дитя... — простонала она.

Дитя?

— Что они с вами сделали?

— То же, что хотят сделать с тобой, — ответила Лианна. Упорно пряча льющиеся из глаз слезы, она едва заметно всхлипывала. — Айред бы никогда такого не допустил.

— Дело в правителе, — возразил я. — А не в том, кто стоит за его спиной.

— Эвеард был лишь ртом, что говорил словами твоего отца.

Я сделал глубокий вдох.

— И как давно?

— Айред ласково звал тебя “Рири”, и к тому же я пропустила... — горько усмехнулась она, — пропустила ваше взросление, а ты не слишком похож на отца. Узнала сегодня ночью.

Тогда же, когда и все прочие.

Женщина устало оперлась на стену, закутываясь в лохмотья, что раньше были ее одеждой. Интересно, действительно ли сейчас утро? Время тянулось, словно льющийся из бочонка мед — такое же липкое и бесконечное. В полной тишине, нарушаемой лишь далеким звоном доспехов стражников и редким стуком цепей о каменный пол, интересным казалось буквально всё: я старательно разглядывал швы своей рубашки, естественно сформировавшийся рисунок на стене, высчитывал неточности в расстоянии прутьев

решетки.

Делал все, чтобы не думать о том, что действительно норовило ворваться в мысли. Грудь заполнял запах горелого дуба. Я видел своих юных сестер, в ужасе бегущих от огня, что съедает их дом, и мать, отчаянно пытающуюся придумать пути отступления. Видел Индиса, уговаривающего Маэрэльд нестись прочь и с разрывающимся сердцем уходящего ни с чем. Наблюдал Эвлону в объятиях царицы, оплакивающего смерть своей земли и смиренно следующего в мир духов за ней. Чувствовал их боль и страх, их безысходность, но отвагу. Знал, что сердца детей Аррума наполнены ей, как ничем иным.

Мне оставалось лишь надеяться, что лес не сожжен полностью, хоть мысли даже об одном бесцельно погибшем дереве вызывали у меня приступ тошноты. Оставалось ждать, что хотя бы один любопытный стражник или вельможа придет поиздеваться, и я смогу попытаться узнать, что происходит наверху.

В порядке ли лисица.

Как мне казалось, я совсем не спал, но жалкое подобие еды и хлеба каким-то образом само возникало возле моей клетки. Я не видел людей и не слышал шагов, но раз за разом железная тарелка гулко билась о камень; Лианна призналась, что тоже не замечала того, кто её приносит.

Лишь по количеству тарелок я мог сосчитать проведенные в темнице дни.

О моей соседке позабыли наверху, и она была тому несказанно рада. Прежде, судя по рассказам, минимум раз за день её вытаскивали на допрос и пытали, выведывая все, что она знала об эльфийских правителях; Лэндон оказался самым жестоким из допросчиков. Лианна не была сильнейшей из полукровок и мало времени проводила с эльфами, потому никакими сведениями, важными для Минервы, не обладала. Спросив её за обедом, они узнали бы то же самое, вдобавок оставив друида на своей стороне, но боль, как казалось троице, развязывала языки лучше преданности.

Лианна призналась, что магистр давно стал за ней наблюдать; даже когда его не было рядом, ей повсюду чудились его желтые глаза. Судя по всему, её опоили или околдовали, потому как ни одна попытка воспользоваться магией не увенчалась успехом. Постаревшее, истерзанное тело друида оказалось бесполезным и стало для ее души клеткой даже более страшной, чем тюремная камера.

После десяти дней я почему-то стал сбиваться со счета. Еда была одинаковой, как и звук, с которым она появлялась; дни сливались воедино, и в какой-то момент я перестал считать. Кажется, именно в тот день — или ночь? — ко мне впервые пришел посетитель.

— Териат? — прозвучал знакомый голос.

— В конце коридора, — прохрипел я в ответ.

Из-за долгого молчания и постоянной тишины звук показался мне чужим и отталкивающим. Лишь завидев свет факела, я инстинктивно потянулся к нему, и вскоре лицо, промерзшее и иссушенное за недели в темнице, обдало волной жара.

— Дракон тебя побери...

— Зрелище настолько ужасное?

— Отвратительное.

Капитан усмехнулся сквозь плотно сжатые челюсти, вставил факел в держатель и опустил на колени, чтобы наши глаза могли оказаться напротив. Черный мундир свежего пошива едва не лопался на его спине, и Кидо расстегнул пуговицы, чтобы устроиться

поудобнее.

— Как они узнали?

— Я не сказал ни слова, — тут же стал оправдываться он. — Ты знаешь, я бы...

— Тебе нечего было им сказать, — недоумевал я.

Капитан посмотрел на меня со всей добротой, на какую был способен.

— Териат, я знал. И знал всегда.

Я изумленно застыл. Моя ложь ему цвела все больше с каждым днем, из-за чего та тяжким грузом лежала на сердце; я действительно считал капитана другом, и оттого каждое слово давалось мне с трудом. Зная истину, он не должен был быть так любезен со мной; не должен был помогать, улыбаться, хлопать по спине в знак приветствия.

— Ариадна в красках делилась подробностями ваших встреч. Знаешь ли, гвардейцы не без ведома капитана оставляли башню Восхода без присмотра, — объяснил Кидо, некоторое время понаблюдав за замешательством на моем лице. — И хоть она предусмотрительно не называла твоего имени, едва ты взглянул на неё, появившись в замке, я понял, кто ты. Так что я тоже немного врал.

— И ты даже не подумал рассказать обо всем короле, что должен беречь?

— Я хотел позаботиться о счастье младшей сестры, — улыбнулся он, и на щеке его отпечатались ямочка; точно такая же, как у лисицы, только на другой стороне. — Тех, кто пытается отобрать его, и так предостаточно.

— Я бы обнял тебя, если бы мог подняться на ноги, — прошептал я.

— Ты забыл, — напомнил он, сдерживая улыбку. — Рыжие не в моем вкусе.

Капитан объяснил, что прошла всего неделя; оказывается, еду приносили дважды в день. Впрочем, я все равно ее не ел. Все это время наверху, как я теперь называл замок, шли ожесточенные споры о моей дальнейшей судьбе. Кидо удавалось сохранять относительный нейтралитет, не выполняя грязные поручения Минервы и не будучи посвященным в самые глубокие детали, и все же оставаться в курсе основных планов, даже если ему о них рассказывал лишь Лэндон, как всегда болтливый в ходе ночных встреч.

С тех пор он стал появляться каждый день. В связи с нахождением под стражей важных заключенных — нас с Лианной любезно окрестили таковыми, — посещение темницы капитаном участились, и стражники перестали спать большую часть дня. Порой на время проверки Кидо выгонял их, устав от бесконечных оправданий и плохих шуток, и в те редкие минуты нам вновь удавалось поговорить.

Ариадна была в безопасности, и это, пожалуй, было лучшей новостью за последние дни. Она без конца ссорилась с мужем, что не слишком отличалось от любого другого дня, потому никто не заметил перемен в ее настроении. Они с Кианом поддерживали на удивление тесную связь и, вероятно, вынашивали какой-то план; капитан и тут оставался за бортом, но, зная о недоверии разведчика, терпеливо мирился со своей ролью.

Картина ночи, после которой я очнулся в темнице, постепенно складывалась из обрывков рассказов Кидо. Магистр приказал Фэй занести в мои покои порцию свежих одеяний из прачечной — её ночной визит удивил меня, но не настолько, чтобы заподозрить в сговоре с Рагной, — среди которой, предположительно, лежало нечто, погрузившее мой беспокойный разум в глубокий сон. Убедившись, что заклинание сработало, седовласый колдун привел к моей постели принцессу и советника, и они лично осмотрели каждый уголок всех прилегающих к спальне комнат. Разумеется, они нашли и золотые нити в швах моих одежд, и книги, чтение которых едва ли выглядело уместным, и, наверняка, что-то ещё,

о чем сам бы я никогда не вспомнил.

Рагна не был тем, чьи чары требовали долгой подготовки и специальных зелий; к тому же, он многое знал и без нее. По словам капитана, впервые магистр убедился в моей лжи, когда я предусмотрительно спрятал от него свою кровь в саду, во второй раз — когда он направил в меня стрелу молодого ученика. Замедлив время, я ни на мгновение не подумал взглянуть на мага; тот, в свою очередь, не спускал с меня змеиных глаз. Он надеялся раздобыть больше сведений в ночь заключения под стражу, но то, что заставило меня провалиться в небытие, через кровь передалось и магистру. Все, на что у того хватило запала — узнать, что я не имел ничего общего ни с Сайлетисом, ни со странствующим образом жизни, ни с рыцарским титулом, и этого хватило, чтобы немедленно отправить меня в подземелье.

Уверен, даже если бы от капитана скрыли наличие у меня необычных сил, Лэндон все равно вскоре проболтался бы, потому как минимум одна тайна оставалась у меня в запасе. Одна из важнейших; единственная, что могла помочь мне выбраться. Но, как и предвкушая нечто недоброе в отведенных мне покоях, я не спешил сбегать.

Пока меня и Лианну держали под землей, троица считала, что у них были заложники, за которыми Маэрэльд непременно захочет прийти; я же был убежден, что азаани оставит это без внимания, и видел это единственным верным решением. Спасти целый народ куда важнее, чем вытащить из темницы неудачливого лжеца и отрекшегося от семьи друида. К тому же, наше спасение дорого обошлось бы королеве: Минерва наверняка давно составила список требований.

Однажды Кидо появился в поле зрения с таким мрачным лицом, что я на мгновение перестал ощущать биение своего сердца.

— С ней все в порядке, — сразу предупредил он.

— Выглядишь так, будто провел все эти дни в соседней клетке, — выдохнул я с облегчением.

Ничего не ответив, капитан просунул сквозь прутья лист бумаги; он был развернут и прочитан столько раз, будто, прежде чем спуститься в темницу, побывал в десятках стран и переплыл множество морей. Я с трудом вчитывался в слова, уже успев позабыть, каково это — концентрировать внимание на буквах.

— Двадцать ударов плетью ежедневно? — усмехнулся я. — Что ж, это можно пережить.

Поджав губы, капитан вынул факел из держателя и поднес его к самой решетке, подсвечивая написанное в документе.

Двести.

— Я... вызвался делать это сам, — прошептал брат принцессы, аккуратно подбирая слова. — Решил, так они поверят, что я на их стороне.

— Хорошо, — равнодушно отрезал я, стягивая с себя рубашку.

— Хорошо? — изумился Кидо, едва не переходя на крик. — Тер, двести ударов! Через пару дней от тебя ничего не останется, а ты... Хорошо!?

— Хорошо, что их будешь наносить ты, — уточнил я. — В отличие от любого другого палача или надзирателя, ты не будешь испытывать удовольствия, глядя на нанесенные увечья.

Фалхолт потер глаза, и темные локоны упали на его лоб. Я не произнес это вслух, надеясь, что он знал об этом и без слов, но, если бы у меня был выбор, какому человеку

вверить свою жизнь, я бы без раздумий выбрал его — лучшего из людей, что мне доводилось знать.

Кидо вернул факел в держатель и принялся открывать дверь моей камеры. Давно позабывший прикосновения ключа замок поддался не сразу, и разгневанный бессилием мужчина несколько раз ударил по железу, едва не лишив себя необходимости пользоваться ключом. Орудие для наказания — или, скорее, пыток, — оказалось новым, словно выделанным специально для меня: свежая кожа, плотные узлы и еле заметные стальные шарики, звенящие при соприкосновении. Я глубоко вдохнул.

— Ты не можешь... — замялся капитан. — Не знаю... как-то отвлечь себя?

— Что?

— Я не знаю, что умеют эльфы, вдруг ты можешь... телом быть здесь, а разумом — далеко отсюда.

— Нет, — усмехнулся я, усаживаясь на колени и подставляя спину. — Не в моих силах.

Мужчина долго примерялся к оружию: взвешивал его в руке, рассматривал, замахивался, но не бил. Казалось, прежде ему не доводилось исполнять подобные наказания, хоть и, учитывая его должность, в это верилось с трудом.

— Я не могу, — бросил он.

— Можешь, Кидо.

— Не могу.

— Бей.

Звериный рык, некогда бывший моим голосом, эхом пролетел по камерам; мне даже почудилось, что каменный пол содрогнулся под ногами, делаясь ненадежным и хрупким, точно подвесной мост. Капитан хмыкнул, собираясь с силами, и промолчал еще несколько минут.

Взмах плетью.

Боль обожгла все мое существо.

Глава 27. Ариадна

Проснуться меня заставил запах гари, безжалостно заполнивший комнату. Распахнув шторы, я оказалась встречена огромными облаками черного дыма, и ужас охватил мою душу. День моего пребывания в Арруме обернулся для последнего страшной бедой; как бы я ни молилась Богине, чтобы это горе не было моей виной, убедить себя не удавалось. В кишачем слухами замке Миа подслушала, что Минерва прознала о происхождении Териата, и его заключили под стражу. Поняв, к чему все идет, я несколько часов просидела на постели, смиренно ожидая, когда придут и за мной. От тишины звенело в ушах.

Никто не пришел.

Несколько оскорбленная, я надела одно из лучших платьев, что были в моем шкафу — для этого понадобилась помощь аж двух служанок, — и вышла из покоев. Полные людей коридоры, собрание совета по расписанию, тренировки на поле. Если кто-то и заметил произошедший скандал, то искусно делал вид, что все было по-прежнему. Я улыбалась стражам, и они улыбались мне в ответ. Поприветствовала магистра, и тот, сверкнув холодом серых глаз, почтительно склонил голову. Наконец на поляне за конюшней я нашла своего мужа, старательно размахивающего мечом, и с язвительной улыбкой присела перед ним в реверансе.

— Ты превосходно выглядишь, — целуя мою руку, заметил он, и несколько капель с его лба упали на тыльную сторону моей ладони. — Сегодня какой-то праздник?

— Смотри внимательнее и увидишь, что я достойна таких слов каждый день, — поморщилась я, обтирая руку о ткань юбки.

Кивнув, Хант вернулся к тренировке. О юных бойцах, что он обучал, нельзя было сказать того же: их взгляды, как один, намертво приклеились к груди, что служанки так старательно подчеркивали корсетом.

Никто не собирался отправлять меня к Териату. Уверена, все в замке знали, что между нами было нечто большее, чем сдержанные приветствия за столом и учтивые танцы на балах; все знали, но никто не считал необходимым упрятать меня в темницу вслед за сообщником. Создавалось впечатление, будто я — тень, не имеющая влияния на действия хозяина, будто я — пустое место, неспособное принести неприятности. Мое владение мечом едва не превосходило навык капитана гвардии, и даже это не заставляло кого-либо хоть капельку воспринимать меня всерьез.

Гнев кипел в моей крови так сильно, что грозился прорваться сквозь кожу. Остаток дня я провела вдали от людей, пытаясь с собой совладать; их лица разжигали во мне неконтролируемое желание размять кулаки. Все, кроме лица брата; видеть Кидо я была настолько счастлива, что объятиями едва не сбила его с ног. Он наконец поведал мне, что поджигание леса, как оказалось, было запланировано давно, и мой визит на эльфийский совет не стал сигналом к действию; хотя бы потому, что о нем ничего не знали. К счастью, пожар был остановлен, и пострадала лишь крайне малая часть Аррума; малая, но важная и родная для местных жителей. Дым два дня не покидал небосвод.

Как только облака вновь стали белыми, Грею захлестнула волна иных несчастий. Горожане кривились от отвращения, закрывали глаза проходящим мимо детям и сами в ужасе бросались прочь, ведь городские стены, которыми так гордился отец, превратились в стену позора. Однако объект порицания решительно зависел от точки зрения смотрящего.

Для Минервы и жалких змей, шипением охранявших свою королеву, это было протестом против многолетнего ущемления и требованием надлежащего отношения как к равным себе; для меня это было демонстрацией беспричинной жестокости моей сестры и непроходимой глупости её последователей.

Стены были торжественно увенчаны двенадцатью белыми шкурами, и принадлежали они волкам, что горные эльфы почитали как священных животных, отражающих их суть.

Капитан королевской гвардии держался на удивление спокойно. Его актерские навыки прежде не казались мне столь превосходными, однако он каждый день невозмутимо занимал позицию подле Минервы и советника, изображая свою им верность. Я в то же время едва набиралась смелости спрятаться за спиной Ханта — так сильно не хотела даже внешне казаться причастной к их делам.

Кидо умолял меня не идти к сестре. Боялся, что своими словами я лишь навлеку беду на себя и сделаю участь Териата ещё более ужасной. Его аргументы не менялись изо дня в день, пока из уст не вырвалось то, о чем я прежде ни разу не слышала.

— Бедную Лианну совсем недавно оставили в покое, — простонал брат. — Если ты заведешь разговор об эльфах, они...

Имя друида возникло в разговоре неожиданно, светом молнии озарив мой разум. Последние восемь лет эта женщина отдавала всю себя, помогая развивать королевство, и отец платил ей искренним уважением; Минерва, оглянувшись на годы плодотворной работы, нашла в себе силы лишь на гнусное предательство.

Я не слышала ни одного дальнейшего слова капитана, ведь с каждым шагом отдалялась от него, направляясь к покоям сестры. Стражи у её дверей не было; она сама могла за себя постоять.

Толкнув дверь с такой силой, что она встретила со стеной с оглушительным грохотом, я вперила взгляд в спину Минервы. Ее тело не дрогнуло ни на миг: ни от шума, ни от дурного предчувствия. Она водила по воздуху руками, рисуя какие-то знаки, и тот отзывался мелкими фиолетовыми искрами, оставляя причудливые рисунки.

— Ты совсем выжила из ума? — бросила я, захлопывая за собой дверь.

— Не знаю, что сподвигло тебя на такое умозаключение, но впредь оставляй подобное при себе.

Движением руки Минерва опустила парящие символы на страницы лежащей перед ней книги, и те отпечатались на бумаге, въедаясь в нее, будто чернила. Не позаботившись о том, чтобы скрыть свои труды от чужих глаз, она оставила книгу открытой и лениво встала с кресла.

— Тебе что-то нужно, Ари?

— Ты позоришь наше государство. Расцветшее при отце, оно гибнет в твоих руках, Мина, — прошипела я. — Ты топишь его в крови.

— Напротив, я собираюсь его прославить.

— Ты безжалостна, — продолжила я. — И бесчестна.

— Почитай врагов, и у тебя не останется друзей.

— Всю жизнь твоим единственным другом была я, а теперь ты отвергаешь меня пуще прочих.

Я разъяренно зашагала по комнате. Мне хотелось бросить в неё чем-то тяжелым, но я знала, что ни один предмет не долетит до её белоснежного личика.

— Неужели твоя душа мертва, сестра?

— Ари, — усмехнулась Минерва, складывая руки на груди. — Что мертво, умереть не может.

Сапфировые глаза обрушили на меня тяжелый взгляд. Я знала, что она не посмеет применить на мне свое грязное колдовство; прежде всегда находилось что-то, что мешало ей сделать это — то ли остатки сестринских чувств, то ли капли общей крови, бегущей по нашим венам. Как бы то ни было, она умела воздействовать на людей и без магии.

— Но Лианна...

— Она могла встать на нашем пути, — отрезала Минерва. — И я была обязана это предупредить.

Вся моя смелость улетучилась, и губы предательски задрожали.

— Но поступила бы ты так, если бы на её месте был Айред?

Сестра не задумалась ни на мгновение.

— Именно так я бы и поступила.

Я нахмурилась, смущенная её фразой; категоричной, безусловной. Внутри всё будто сжалось в маленький напряженный комочек, и мне действительно захотелось стать им: исчезнуть, спрятаться там, где мне всего шесть, и я всей душой радуюсь венку из одуванчиков.

Собираясь уйти, я остановилась у самой двери; даже рука застыла в воздухе на полпути к дверной ручке.

— Он был нам вторым отцом, — прошептала я, не оборачиваясь. Увидев, что, говоря о старом друге, ее ледяной взгляд не смягчился ни на долю, мое сердце разорвалось бы в клочья.

— Нет, Ариадна, — выдохнула сестра. — Это у тебя было два отца. У меня — ни одного.

Разумеется, Кидо отругал меня за выходку, но не наседал слишком сильно; этот мужчина удивительным образом понимал мое внутреннее состояние. Когда-то, узнав о существовании старшего брата, я не обрадовалась — и это мягко сказано, — и все же этот человек покорила меня за считанные минуты после знакомства. Мне нравилось, что внешне он был мужской копией меня — общий отец и матери-южанки сделали свое дело, — и при этом был совершенно иным внутри: сдержанным, вдумчивым, простым. К несчастью, это ещё больше отдалило меня от Минервы, ведь найти общий язык у самых родных мне людей так и не получилось.

В отношении друида и Эзары в замке по-прежнему царила тишина. Их наказание долго и тихо обсуждалось за закрытыми дверями зала советов, и это заставляло меня метаться из угла в угол, словно загнанное в клетку животное. Несколько раз я едва не спустилась в темницу, делая это в полном бреду и приходя в сознание за мгновение до того, как мои действия могли бы привести к необратимым последствиям. Приходила в себя и делала шаг назад.

Я знала, что камера Териата находилась в самом конце коридора. Несколько дней я ходила по замку, пытаюсь вспомнить, как выглядит темница с того самого момента, как кончается лестница: повороты, количество шагов до стражников, размер камер и их количество. Просчитывала, где могла находится самая последняя, но, как мне казалось, раз за разом заходила в тупик. Не выдержав чувства оскорбительного бессилия, я выкрала план устройства замка.

Вероятнее всего, попросив на него взглянуть, я не получила бы отказа, но любой прохожий отныне был мне врагом. Казалось, что во всем замке у меня осталось лишь два друга: один из них прислуживал моей сестре, а второй погибал в подземелье замка. Лишь они верили, что я чего-то стою, и теперь мне отчаянно хотелось доказать это другим.

Соединив план здания и схему темницы, я оказалась в заполненной хламом кладовой. Создавалось впечатление, будто в нее не заглядывали десятилетиями; скорее всего, туда годами скидывали ненужные вещи с кухни, что была неподалеку. На полках пылились многочисленные кастрюли и глиняные горшки, ржавые кубки, погнутые железные тарелки. В поисках места, чтобы присесть, мне пришлось заметно прибраться; забытая кухонная утварь устало попадала с полок стеллажей на пол.

Я замерла, прислушиваясь. Поздним вечером в коридорах почти никто не шумел, однако с кухни доносился типичный для неё грохот, и в кладовую проникал запах моей любимой запеченной тыквы. Заблокировав вход старой кочергой — все же я не была уверена, что этой комнатой давно не пользовались, — я устроилась на полу, прижимая ухо к полу.

Не знаю, что заставило меня подумать, будто мой слух дотянется до чего-то, находящегося так глубоко под землей, однако тот, кого я грезил услышать, вполне мог воззвать к привилегиям, что дала ему кровь.

— Ты меня слышишь? — спросила я так, будто он стоял напротив. — Надеюсь, слышишь.

В голове возник яркий образ Териата, кивающего так энергично, что у меня едва не кружится голова; губы его растягивались в улыбке, сдвигая в сторону ненавистный мне шрам на щеке.

— Мы вытащим тебя оттуда, — пообещала я. — Мы сбежим. Киан сказал, что уже придумывает что-то, и...

Я замялась; мне с трудом верилось, что в свете последних событий разведчик возьмется со мной сотрудничать. Встретив его впервые с возвращения из леса, в день, когда на городских стенах появились волчьи шкуры, я была готова сгореть заживо, лишь бы не смотреть в глаза эльфа; такого враждебного недоверия не было даже в глазах аирати. Впрочем, хоть и стиснув зубы, Киан все равно заговорил со мной. Этого было достаточно, чтобы слабый огонь надежды в моей душе не потух окончательно.

— И мне нужно немного времени, чтобы все подготовить. Совсем немного.

Я прислонила руку к полу. В воображении моя ладонь касалась его теплой щеки, и Териат блаженно прикрыл глаза; улыбка все еще не сходила с его лица.

— Я буду приходить каждую ночь, — прошептала я. — Буду держать тебя в курсе. Скажу, когда придет пора выбираться. Надеюсь, ты меня слышишь, *melitae*.

Эзара порой звал меня так, и я никогда не решалась спросить о значении таинственного слова; по большей части потому, что, произнося его с необъятной теплотой, он заставлял меня забыть о мелочах вроде перевода. Будучи в Арруме, Впрочем, я задала мучавший меня вопрос Индису, и тот залился краской то ли от смущения, то ли от сдерживаемого смеха; сказал, такое эльфы произносят крайне редко и лишь от больших, нескрываемых чувств.

Melitae.

Под щекой вдруг стало мокро и холодно, сильно запахло пылью. Я приподнялась; слезы стекали на пол, оживив застарелую грязь. Старательно отряхнувшись, я подняла голову и оказалась в облаке пыли; в носу зачесалось, и я оглушительно чихнула, пробудив давно не гремевшие кастрюли. Уборку придется провести снова.

Утерев слезы краем рукава шикарного платья, только что побывавшего на полу забытой кладовой, я убедилась, что в коридоре никого нет, и выскользнула напрямик в соседнюю дверь. Несколько усталых кухарок, не обратив на меня особого внимания, поклонились и продолжили работу. Ставив со стола один из пирожков с яблоками, запах которых перебил даже тыкву, я не стала мешать их непростому делу.

Когда я была на середине главной лестницы, а лакомство слегка успокоило мой тревожный разум, тишину нарушили тяжелые шаги. Мне стало казаться, что сам воздух отталкивал меня от ступеней: так трудно давалось восхождение с осознанием, что что-то происходило прямо за моей спиной. Не выдержав напряжения, я бросила намерение спокойно добраться до постели и тут же обернулась.

Капитан королевской гвардии стоял у подножия лестницы; если бы кровь не пропитала его одежду и волосы, к тому же застыв плотной коркой на лице, уверена, кожа его была бы бледна, как полотно.

— Кидо! — воскликнула я, спешно спускаясь к брату.

Мужчина поднял на меня полные боли глаза; измученные и покрасневшие, словно многие ночи остававшиеся без сна.

— Я думал, так будет легче.

— Как?

Я внимательно оглядывала его голову, шею, плечи, приподнимала тонкий кожаный нагрудник в поисках ран, но он был совершенно здоров. Когда взгляд наконец опустился к сжатым в кулаки рукам, я заметила в них свернутую вдвое плеть. От самой двери в подzemелье, что находилась под лестницей, за капитаном тянулся след из темных, тягучих капель крови.

— Как? — повторила я взволнованно.

— Думал, если его буду наказывать я, а не кто-то другой, то нам всем будет легче.

Кидо рухнул на колени, обессиленный; я едва успела подхватить брата, чтобы его лицо избежало долгожданной встречи с каменными ступенями.

— Кого?

— Двести ударов плетьюми, Ари, — сдавленно прошептал он. — А он не проронил ни звука.

Я тут же одернула от капитана трясущиеся руки. В горле встал ком, а в груди похолодело, словно я провалилась под лед замерзшего озера. Наверное, я поняла намного раньше — как только увидела в его руках это проклятое орудие пыток, — но все равно упорно старалась увлечь мысли в иное русло. Выходит, пока я обещала, что мы вызволим его из темницы, один из нас наносил ему страшные увечья.

— Поднимайся, — строго бросила я, хватая брата за плечи. — Поднимайся же, боров.

Капитан растерянно замолк, и принялся безуспешно отталкиваться ногами от земли, следом неизменно падая на колени. Плеть то и дело выпадала из рук, но Кидо отчаянно хватался за нее, будто боясь, что, завладев ею, кто-то займет его место. Сквозь пелену стыда и мучения он все же ясно видел, что его рука тяжела не так, как рука обезумевшего палача; палача, коим мог оказаться любой — в том числе его возлюбленный или мой муж.

— Либо ты, отчаявшийся и покинутый, спишь здесь, либо встаешь и даешь довести тебя до покоев, — объяснила я нетерпеливо. — Дотащить я тебя не сумею.

Ночью никто из нас не заснул, и потому первые лучи солнца я встретила подле постели

матери. Её состояние в последние дни улучшилось, будто бы смещенная в сторону узников концентрация Минервы наконец позволила ей вздохнуть полной грудью.

Эта прекрасная женщина, чья внешность никогда не замечала плывущих мимо нее лет, со дня смерти отца постарела на все пропущенные года. Беатрис позабыла о смертельной болезни, шагающей за ней по пятам, и посвятила себя спасению сестры; прежде лишь она могла заставить её встать с кровати и пройти хотя бы до окна, лишь она заставляла её связывать слова в предложения. Тем утром её взгляд впервые за долгое время был осознанным и жадно бегал по комнате, старательно все рассматривая.

— Ари, — прошептала она, проснувшись. — Я так рада видеть тебя, дорогая.

— Доброе утро, матушка.

Королева поднялась и села, прислонившись спиной к изголовью кровати. Занятая раскладыванием вещей тетушка прикрикнула от неожиданности.

— Ровена! Ты села!

Мама посмотрела на сестру с лицом, что могло бы запросто стать официальной иллюстрацией к слову “недоумение”.

— И что?

— Как “и что”?

Беатрис подбежала, заботливо поправляя одеяло; существующий в ее голове статус королевы мог пошатнуться даже от того, что лишний сантиметр ночной рубашки оказался на виду. Восхищенно вздыхая, она смотрела на старшую сестру, и последняя явно чувствовала неловкость.

— Не обращай внимания, — улыбнулась я. — Ты же знаешь, тетя Бет всегда была впечатлительной.

— Да уж! — засмеялась мама. — В день её свадьбы...

История, которую я слышала бесчисленное количество раз, заиграла новыми красками в устах очнувшейся от забытия королевы; впрочем, как и всегда. Мама выдумывала новые детали — хоть и утверждала, что в прошлые разы попросту забыла о них, — чтобы ее истории не надоедали мне, и каждая из них становилась интереснее прежнего. Я замороженно смотрела на то, с каким упоением она предавалась воспоминаниям, и, судя по всему, быстро стала похожа на её младшую сестру.

— Да что с вами такое?

— Ничего, — солгала я. — Ты прекрасно выглядишь.

— А ты выглядишь грустной, — парировала мама. — Поссорилась с сэром Териатом?

В ответ на мое замешательство она рассмеялась, и я подумала, что следом она оправдается за неудачную шутку.

— Дочь, если ты сумеешь договориться с мужем, то нет ничего постыдного в том, чтобы иметь фаворита.

Подняв на маму взволнованный взгляд, я вздрогнула; она говорила серьезно.

— У вас с отцом никогда не было любовников, — возразила я. — И, как по мне, это не вписывается в образ счастливой правящей семьи.

— Любовники есть и у тех, кто куда менее важен, чем носители корон. Так уж случилось, что я любила твоего отца, и мне фаворит был не нужен. Его же сердце всегда занимала та, с кем узами брака он связать себя не сумел.

В ее голосе не звучало грусти или обиды; она давно смирилась с положением дел. Прежде я мало думала об этом — отношения родителей принимались как данность, и я не

считала себя вправе в них разбираться, — но теперь поведение отца серьезно меня оскорбляло.

— Мама, — вздохнула я, собираясь с силами. — Я хочу попросить тебя об услуге, но ты должна пообещать, что сделаешь все так, как я скажу.

Королева насторожилась и взволнованно переглянулась с сестрой.

— Все в порядке?

— Пообещай.

— Обещаю, дорогая. — Слегка наклонив голову, она погладила меня по руке. — Все что угодно.

— Сегодня ночью вы с тетей Бет покинете Грею.

— Хорошо.

Неожиданно наступила моя очередь приходиться в замешательство; я уставилась на некогда своевольную и педантичную королеву, вскинув брови.

— И всё? — недоверчиво спросила я.

— Да, — ответила она гордо. — Как и пообещала.

Я бросилась в объятия мамы, и запах роз окутал меня с головы до пят; в каком бы состоянии она ни находилась, этот нежный аромат, годами впитывающийся в её кожу через парфюмы и масла, сочился изнутри. Он возвращал меня в детство. Мы с Минервой играем в саду; она умудряется спрятаться так, что я часами не могу её найти, а затем выпрыгивает из-за тонкого деревца и пугает меня настолько, что я тут же падаю на выложенную камнем дорожку. С разбитыми коленками я, захлебываясь слезами, мчусь к маме; знаю, что найду ее по запаху роз, шлейфом тянущимся за ней по коридорам. Она гладит меня по голове, целует в лоб и держит за руку, пока целитель обрабатывает мои ранки; на следующий день непременно приходит Айред, не забыв принести целебные травы из леса, и от ссадин не остается и следа.

Минерве не к кому было бежать.

Возможно поэтому она никогда не падала.

— Бесполезно просить тебя сделать то же самое?

Мама взяла меня за плечи и отстранилась, желая взглянуть в глаза.

— Ты, как и всегда, права, — кивнула я.

— Будь осторожна, — взмолилась она. — Я знаю, что ты схватишь меч и первой бросишься в бой, и не стану тебя отговаривать. Но будь осторожна.

Спустя пару часов я отдала рубиновое ожерелье конюху за то, чтобы тот тайно подготовил повозку, и, под видом вяленого мяса и с надежным человеком за поводьями, отправил мою мать и ее сестру в Драрент. В месте, где они родились и выросли, им будет легче пережить тяжелые времена. К тому же, Драрент почти не был задействован в предстоящей войне.

Я не пришла проститься, оправдав это нежеланием вызвать ненужные подозрения. На деле, мне было попросту страшно, что слово “прощай” станет последним, что я ей скажу.

Сон в ту ночь наконец настиг мое уставшее тело.

Я неустанно тушила горящие в лесу дома, спасала эльфийских детей, молила Богиню о помощи, но пожар лишь разрастался. Никто не знает, что делает Отец Духов с теми, чьи души так и не доходят до его жены; возможно, он мучает их так же, как меня сейчас, погружая в вину за содеянное снова и снова, пока от душ не остается лишь призыв крика и

горстка сожалений.

Сон превратился в бесконечную петлю, из которой не было выхода. В нем я встретила ту маленькую эльфийку, что была особенно недовольна моим появлением на совете, и она пожелала мне вечно гореть в том огне, что я навлекла на их земли. Я желала себе того же.

Встретила маленьких сестер Териата, о которых он с огромной любовью и тоской рассказывал по меньшей мере дюжину раз, и утонула в их слезах по погибшей в огне матери. Я мечтала оказаться на её месте.

Встретила Индиса. Он отчаянно хватался за меня руками, вместо кожи обтянутыми чем-то обуглившимся и вздувшимся; хотел встать, чтобы помочь другим, но от его ног осталось лишь то, на что страшно было даже взглянуть. Я тащила его на спине, пока не иссякли силы.

В миг, когда я убедилась, что застряла в этом мучительном моменте навеки, узел петли вдруг развязался. Лес залился свечением, и, моргнув, я оказалась в Арруме, что знала раньше: в месте, где царила жизнь и спокойствие. Поляна была пуста — лишь я и хозяйева леса, стоящие у плетеного трона. На рогах Эвлона, как в ночь нашей встречи, распускались цветы; кулон на груди слегка нагрелся и будто бы задрожал.

— В этом нет твоей вины, дитя, — пропела азаани, спускаясь с возвышения. — Ты не ответственна за деяния других, даже если связана с ними узами крови.

— Рада, что хоть кто-то это понимает, — прошептала я в ответ.

Королева приближалась, и амулет нагревался всё сильнее. Кожу неприятно пощипывало, будто бы подарок Эвлона оброс мелкими шипами и пытался забраться мне под кожу.

— У меня есть просьба, — тихо произнесла эльфийка, оглядываясь на священного оленя так, будто не желала, чтобы он услышал ее слова.

— Всё, что угодно.

Я мысленно улыбнулась тому, как разум неосознанно повторял разговор с моей матерью, перекладывая его на мать целого народа.

Королева взяла мою ладонь, вложила в нее крошечный сверток и тут же накрыла ее своей.

— Положи по одному в каждой комнате замка, в тронном и бальном залах — в каждый угол, — попросила она. — Все оставшиеся разбросай по городу и саду — чем чаще, тем лучше.

Я хотела кивнуть в ответ, но беспокойный кулон вонзился в мою грудь, оглушив волной боли. Я чувствовала, как горячие струйки крови стекают под платье, заставляя ткань прилипать к коже. Лицо эльфийки начало вытягиваться, превращая нос в клюв, рыжую копну волос — в черные перья, а длинные рукава накидки — в крылья. Спустя несколько мгновений передо мной стоял размахивающий крыльями ворон; он оглушительно каркал, заставляя уши пульсировать от боли, пока сквозь птичий говор не послышался голос Эвлона.

Открой глаза!

Я вскочила с кровати, инстинктивно пытаюсь избавиться от кулона, но на груди боле не было крови, а украшение приятной прохладой щекотало кожу. Подбежав к зеркалу, я хотела осмотреть себя, но черное пятно на заднем плане перетянуло мое внимание. На окне сидел огромный ворон с тканевым мешочком в клюве. Заметив меня, он ничуть не испугался; напротив, он влетел в комнату и бросил посылку на подушку на моей постели. Я застыла. Его взгляд был направлен прямо мне в глаза.

— Кар!

Будто бы попрощавшись, птица упорхнула из окна, взмахом крыльев захлопнув створку. На постели, еще помнившей тепло моего тела, рассыпалась горстка крошечных прозрачных кристаллов. Из коридора послышались усталые шаги Мии, едва поднимающей ноги от пола, и я, спешно собрав камни обратно в мешочек, спрятала их в прикроватной тумбе.

— Госпожа, — постучалась служанка. — Можно войти?

Как и всегда, она тут же вошла, не дождавшись ответа. В одной руке Миа держала отстиранное платье — то, что я надевала вчера, — и от него по комнате разлетелся запах лимонного мыла; в другой — длинную белую розу, очевидно сорванную в королевском саду. Аккуратно уложив наряд на кровать, служанка протянула мне цветок.

— Его Высочество принц Хант желает вам доброго утра.

— Ради этого не обязательно было портить куст. — бросила я, отворачиваясь от подарка.

— В замке шепчутся о том, что вы спите на разных этажах.

— Их это не касается.

— Зато они очень любят касаться этой темы.

Миа обожала сплетни. Все, о чем говорили в замке, тут же добиралось её ушей; уж не знаю, каким образом она умудрялась оказываться во всех местах сразу, но разговоры долетали до нее быстрее всякой птицы.

— Если им нравится рыться в грязи, выходит, они — свиньи.

— Сэр Фалкирк бы очень оскорбился такому сравнению, — хихикнула служанка.

Каждое утро при дворе проходило одинаково, а потому наши действия были отлаженными, быстрыми и точными. После завтрака приступив к выполнению просьбы азаани, я поняла, что давно не гуляла по замку так долго. Оказывается, если неспешно прогуливаться по коридорам, а не бежать сломя голову от одной двери к другой, люди непременно находят причину с тобой заговорить.

Сложнее всего — хоть и предсказуемо — оказалось войти в тронный зал. Бесконечные заседания Минервы в последние дни проходили, казалось, повсюду; часть, отвечающая за финансовую составляющую, осталась в зале советов; все военачальники же перетекли в место, где Минерва могла оправданно возвышаться над прочими. К счастью, капитан королевской гвардии был вхож в любые, даже самые запретные для меня места.

Вручая загадочные кристаллы Кидо, я не услышала ни единого вопроса. Его желание помочь всегда было таким самоотверженным, будто бы секунду спустя он сдаст мои планы Минерве, расписав их до самых мелочей, но ничего, что ей было известно, она не узнавала из его уст.

На улицах, завидев нечто блестящее, выпавшее из руки принцессы, горожане нередко бросались подобрать загадочный камень; так или иначе, ни одна из их попыток не увенчалась успехом. Прозрачные, будто вода, крупички кристаллов исчезали из виду, стоило лишь моргнуть.

Потребовалось два дня, но я обошла город трижды, чтобы быть уверенной, что не пропустила ни улочки. Под покровом ночи самым спокойным мне показался путь через тренировочную поляну, полной ребят, недавно потерявших учителя. Я приветственно махнула им рукой, в то же время ненавязчиво сообщая Киану о выполнении просьбы королевы.

Как только я свернула в нужное крыло, меня встретило давно забытое зрелище. Человек, которого я должна с гордостью звать своим мужем, сидел на полу, спиной прижавшись к

двери, ограждавшей мои покои от любопытных глаз. Стража слегка расступилась, чтобы не задевать его древками копий; завидев меня, они пожали плечами. Я глубоко вздохнула; никакого запаха хмеля.

— Хант?

— Любимая! — воскликнул он, поднимаясь. Похоже, успел заснуть: чтобы открыть покрасневшие глаза ему приходилось прилагать заметные усилия.

— Нет нужды, — отреагировала я на скудную актерскую игру. — Если уж о нас известно каждому конюху, нет смысла играть перед стражей.

— Кстати, о конюхах...

Хант закинул руку за голову, нерешительно почесывая затылок; я прищурилась. Жестом указав на дверь, я разрешила ему войти, и принц незамедлительно проследовал в комнату, разглядывая её так, словно соскучился по её унылому виду.

— Что такого может сделать конюх, что стоит целого ожерелья, привезенного мной из Куориана?

Я героически проигнорировала армию леденящих мурашек, устроивших торжественное шествие по моей спине. Дверь гулко захлопнулась, и, судя по звенящим доспехам, стражи вновь встали на свои места.

— Оно принадлежало моей матери.

— Мне жаль. Ты не рассказывал об этом раньше.

— Не думал, что ты так легко расстанешься с ним при первой возможности.

Хант сделал несколько шагов в мою сторону, и внутри я съежилась, ожидая чего-то вроде разъяренного крика или удара. Увидев раскинутые руки, я представила, как он берет меня за плечи и с силой бросает на пол, но, приблизившись вплотную, принц прижал меня к груди. От неожиданности я вырвалась, позволив горящим щекам тут же выдать мое смущение.

— Тебе стоило бы отреагировать иначе.

— У неё ещё сотни таких, — пожал плечами он.

— Если судьба украшения тебе безразлична, к чему расспросы?

— Ты не доверяешь мне, Ариадна, — сетовал он, заходя кругами по комнате. — А мне сейчас это очень нужно.

Я пригляделась к мужу; он в самом деле выглядел беспокойнее обычного. Бесконечные перемены его настроения утомляли меня. В один день грубой репликой я могла как повеселить его, так и оскорбить до глубины души; не имея намерения разбираться с его состоянием, я предпочитала избегать любых разговоров. Его присутствие стало привычно мне. Я не испытывала прежней ненависти, ведь она была настолько разрушительна, что разъедала меня изнутри. Я держалась. Но неизменно срывалась, если он начинал говорить о чувствах.

— Обо всем, что мы должны друг другу, мы условились еще перед свадьбой, — прошипела я. — О доверии речи не шло.

— Я прошу о нем сейчас.

Хант резко остановился, требовательно на меня взглянув.

— Я хочу быть с тобой.

— И кем же ты станешь в глазах общества? — рассмеялась я. — Мужем, которого презирает его собственная жена?

— Человеком.

Я кашлянула, оправдывая исчезнувшее желание насмеяться. Он не издевался, и, к моему удивлению, это совершенно ясно виделось в отблеске карих глаз. Растерянное, грустное выражение на его лице нравилось мне намного больше самодовольной улыбки; возможно потому, что я радовалась его страданиям, а возможно потому, что так он казался более живым. Не куклой, кистью художника обреченной на вечную гримасу счастья.

— Кто же ты сейчас?

— Монстр, — прошептал он.

Мне не доводилось видеть устроенных им бесчинств, но Миа рассказывала, что говорили о Ханте в замке: он стал палачом, рубящим головы по первому велению Минервы. Как и все прочие последователи, он внимал каждому ее слову, к тому же оказавшись более восприимчивым к её магии, чем другие. Я вспомнила, как он вернулся из Амаунета с головами королевских детей на лошадином крупе, и невольно поморщилась. Нет. Он был монстром всегда.

— Раньше тебя устраивал этот статус.

— Но не сейчас, — взвыл принц. — Давай проведем зиму в Куориане? Тебе ведь понравился наш апельсиновый сад, и...

— Я никогда не вернусь в это место.

Мои слова прозвучали резко, будто бы вонзившись в грудь Ханта, и он сдавленно вздохнул.

— Я этого не делал.

— Пока не назовешь виновника, в моих глазах им останешься ты.

— Я бы не посмел, — прошептал он. — Я люблю тебя, Ариадна.

— И это ты называешь любовью? — прорычала я, гневно размахивая руками. — Несколько месяцев я гнила изнутри, всем сердцем тебя ненавидя, а ты был так занят показной любезностью, что не удосужился это заметить.

— Думаешь, я ничего не видел?

Хант отступил на несколько шагов и прислонился спиной к стене. Ноги совсем его не держали; весь разговор он искал опору, что помогла бы удержаться в вертикальном положении. Голос его охрип, и мне приходилось вслушиваться, чтобы разобрать слова.

— Тебя выдали замуж за незнакомца, и я понимал твое недовольство, — продолжил он. — Однако каждый твой отказ снова и снова разбивал мне сердце, а когда этот ублюдок...

Я убрала руки за спину, сжимая их в кулаки. Ногти больно впились в кожу.

— Когда пришел этот странник, и я увидел, что с ним ты можешь улыбаться, тренироваться вместе, с ним ты хотя бы говоришь, — принц потер глаза, замерев в этом положении на несколько мгновений. — Я был так страшно зол!

— Вонзить в его лицо меч лишь потому, что он не брал меня силой... — язвительно протянула я. — Что ж, мой дорогой муж, тебе придется запастись оружием.

— Вот видишь, — хмыкнул он. — Лишь разозлив, я могу заставить тебя говорить со мной.

— Не обольщайся. Разговор не затянется надолго.

— Если бы я не любил тебя, его голова давно бы красовалась на пиках рядом с волчьими шкурами.

Пальцы свело от напряжения. Приводя себя в чувства, я сделала вид, что занята разглаживанием платья. Кидо не рассказывал мне о возможности такого сценария.

— Я не поеду в Куориан, — наконец подытожила я. — Беги, если ноша стала слишком

тяжелой для твоих плеч, но я не стану твоей спутницей.

Хант поднял в воздух левую руку, демонстрируя плотно сидящий на запястье браслет, и горько усмехнулся.

— Отныне и навсегда.

Я промолчала и, не найдя себе места в своей же спальне, проследовала к двери. Чувствуя удовлетворение от боли в его взгляде, я была противна себе; казалось, я медленно, но верно уподобляюсь сестре, на которую клялась не походить.

— Я пожелаю матери спокойной ночи, — солгала я. — Чуть позже уходи и ты, но постарайся не разболтать каждому прохожему, в чьих покоях побывал.

— Это был мой отец, — обронил Хант.

Сердце пропустило несколько ударов.

Перед глазами возник душный вечер в темной, чужой мне комнате. Все усилия, что я так отчаянно прилагала, возводя перед этим воспоминанием стену, оказались тщетны. Я ни на мгновение о нем не забывала: горячий шепот над ухом, пьянящий воздух, впивающееся в кожу дерево. Боль. Тебе некуда бежать. Страх. Расслабься. Снова боль.

Я потрясла головой, отгоняя мысли, отравляющие моё существо. Схватившись за ручку двери, тут же оказалась по другую ее сторону.

— Каков отец, — прошипела я. — Таков и сын.

Я захлопнула дверь прежде, чем Хант успел до нее добежать. По одному лишь взгляду стражи поняли, что ее необходимо запереть, и ключ тут же дважды провернулся в замочной скважине.

— Нет! — кричал принц, изо всех сил ударяя по толстому слою дерева. — Ариадна, стой!

— Хватит двух минут, — отдала я приказ. — Затем выпускайте.

Полный отчаяния крик доносился до всех этажей замка; я не упивалась им, но ненависть во мне вскипала, как в самый первый день. Стыд пылал сильнее, чем в момент признания Эзаре, хоть я и думала, что никогда такого больше не испытаю. Это сделал король. Король, отведший меня к алтарю, а потом пуще прочих пировавший на свадьбе. Отец, для которого сын значил не больше зарезанной на ужин свиньи. Мужчина, сломавший девушку ради мимолетного утоления горящего в нем желания.

Ноги подкосились. Вопреки всему я ускорила шаг и, в последний раз услышав отголоски воя принца, вылетела за пределы замка.

— Ариадна!

Киан встретил меня радушнее прежнего; на его лице даже проскользнула тень улыбки. Он убедился, что я сделала все, что от меня требовалось, и сообщил, что закончил все приготовления. Разумеется, в детали он не посвящал; это обижало, но не настолько, чтобы ставить под сомнение его план. Я знала, что он сделает все ради своего народа. И, если докопаться до сути, я поступала точно так же.

Кладовая встретила меня небывалой слышимостью, и, как ни старалась я закрыть уши, звук этот уже отпечатался в моем разуме. Это не мог быть Териат — капитан был у него сегодня утром, — а значит наказание назначили и другой узнице короны. Представив, насколько ослабла Лианна в темнице, насколько поседели ее волосы и постарела кожа, мне стало лишь больнее слушать крики, просачивающиеся через толстый слой камня. Помимо Ханта в замке было полно других чудовищ; иначе назвать того, кто плетью истязает

несчастную старушку, я не могла.

Я старалась говорить с Териатом, не замолкая ни на мгновение: читала стихи, которым мать учила меня в детстве, рассказывала про то, каким ребенком я была, про все книги, что прочла. В горле быстро пересохло, и речь стала часто прерываться приступами кашля; на минуту удалившись на кухню, я вернулась к рассказу с кружкой воды и ржаными пирожками с вишней в руках.

Как только крики прекратились, я прислонилась к полу щекой.

— Мы должны убежать сегодня, — прошептала я, боясь, что мой голос услышат из коридора. — Киан сказал, что знает, как нам выбраться из города.

Что бы он ни задумал, шансы на успех крайне малы; разве что нашим помощником окажется сама Богиня. Многочисленная стража гуляла по улицам круглосуточно и, заведя сбежавшего узника, точно не помедлит, подбирая учтивые выражения. Присутствие принцессы их тоже наверняка не остановит; не той принцессой я родилась.

— У нас нет возможности освободить тебя, — продолжила я. — Стражники подземелья, даже не присутствуя во время визита капитана, внимательно следят за ним. И уж тем более не дадут тебе пройти по коридорам замка. Мы надеемся, что ты...

Шрам на губе слегка заныл, и я коснулась его замерзшими пальцами, чтобы успокоить. Мне случалось быть свидетелем дара Териата дважды. Честолюбивые потуги Минервы овладеть магией не шли в сравнение с истинным даром природы, однако из соображений безопасности Эзара тщательно скрывал свои возможности; любой другой на его месте не упустил бы ни единой возможности их продемонстрировать.

— Чуть позже я буду ждать тебя снаружи, у восточной стороны замка, — шептала я. — Буду ждать до рассвета. Если ничего не выйдет — придумаем новый план.

Я закрыла глаза. Откуда-то доносился тихий, странным образом убаюкивающий треск, и я задержалась, предавшись полусонным мечтаниям.

Понимая, что прошу у Териата многого, я не слишком надеялась увидеть его той ночью. Если мы не сбежим сегодня, ему придется пережить еще двести ударов плетью, возможно — не раз, и я вздрагивала, представляя, как орудие наказаний разрывает его кожу. Страх бродил по моим венам, заставляя цепенеть, и, как бы я не бежала от сестры, масштаб ее личности стал настолько велик, что доставал меня повсюду.

Треск постепенно становился громче, будто бы становясь ближе. Я выглянула за дверь: ни единой души. Даже слуги с кухни затихли, если вообще ещё были на своих местах. Непонимающе хмыкнув, я вернулась в кладовую, закрыв за собой дверь.

На полу, подобно молнии на небе, вырисовалась сеть трещин. Утварь на стеллажах задрожала. Каменные плиты будто вспузырились, подкидывая осколки в воздух, а затем, не выдержав, лопнули. Замок дрожал в нетерпении распасться. Я прижалась к стене, хоть и не была уверена, что она не потянется в подземелье вслед за остальной комнатой; тонкая полоска пола, на которой я стояла, оказалась единственным уцелевшим куском кладовой. Каменная пыль не давала рассмотреть даже вытянутой вперед руки, но исчезающий вдалеке грохот кастрюль ясно давал понять глубину образовавшейся пропасти. Я подняла верхний слой платья, чтобы прикрыть лицо.

Если бы у слова “горячий” был запах — именно так я описала бы витавший вокруг меня аромат.

Земля уходила из-под ног, и свободной рукой я отчаянно вцепилась в стену. Скрежет ногтей о камень затерялся в общем шуме, но по руке прошла неприятная дрожь. Когда звуки

обвала стали затихать, а пыль перестала окутывать лицо, я открыла глаза. В сантиметрах от меня зияла дыра, с далекого дна которой доносились обеспокоенные крики, делаая темноту вокруг еще более гнетущей.

Вторя ползущей по стене трещине, рокот прокатился по замку. Стена казалась грудью, что вздымалась от тяжелого дыхания, но попытки удержаться от разрушения были тщетны. К потолку взвилась ещё трещина, и еще... отмахнувшись от очередного облака каменной пыли, я оказалась встречена видом безоблачного звездного неба.

Мутное пятно, на которое прежде я едва ли обращала внимание, упорно взбиралось по обломкам. В нем с трудом угадывался эльф, черты которого я заучила наизусть: слипшиеся темные волосы, пропитанная кровью одежда. В глазах его сверкал свет, будто их заменили нити молний, собравшиеся в плотные клубки.

Териат выкарабкался из пропасти, и, встав там, где прежде была стена, направил на меня сияющий взгляд.

— Лисица, — произнес он, и голос его оказался настолько тяжелым, что меня лишь сильнее прижало к стене. — Нам пора.

Эльф протянул мне руку; протяни я свою в ответ, пришлось бы шагнуть в пропасть, чтобы соприкоснуться.

— Я не допрыгну.

— Закрой глаза.

Я не узнавала лицо напротив, но следовало ожидать, что после пережитого Териат не будет прежним; никто не сумел бы забыть всеобъемлющий ужас, подкармливаемый неизвестностью, что захлестывал каждую минуту пребывания в подземелье. Но я не бывала в подземелье. Не сидела в клетке, будто одичавший зверь. Не получала удары плетьюми, словно обленившаяся кобыла. Я не знала, что он пережил, и, сказать по правде, никогда не хотела бы узнать.

Послушно закрыв глаза, уже через мгновение я ощутила ветер, гуляющий в моих волосах, а затем едкий запах жженой ткани. Рука Териата обвилась вокруг моей талии, прижимая к себе со всей жадностью, на какую только был способен.

— Прости, — прошептал он. — Я испортил платье.

Нервный смешок от нелепости извинения вырвался из моего рта. Чуть отстранившись, я дотронулась до его волос. Застывшие кровь и пот сделали их похожими на колья, но острым показались не они сами; находившееся под ними удивило меня значительно больше. Кончики его ушей стали прежними: устремленными к небу и безжалостно выдающими происхождение хозяина.

Ночной воздух ласкал кожу, умоляя застыть в мгновении навеки. Сердце переполнялось чувствами, но разум кричал иное. Очнись.

— Что это?

Териат задал вопрос, взглянув за мою спину, и я бы непременно изобразила оскорбление его бесцеремонным прерыванием чувственного момента, если бы выражение его лица не было таким озадаченным. Набравшись смелости, я глубоко вздохнула и резко повернулась к замку.

Из-под обломков стены торчало нечто из темно-коричневой кожи с причудливым тиснением; рисунок напоминал руны, перемежающиеся изображениями цветов и растений. Не сговариваясь, мы одновременно двинулись в сторону загадочного предмета. Осторожно ступая по раскрошившимся камням, я потянулась к обломкам; кожаные ножны огрубели за

годы, что провели внутри стен замка, но искусство выделки с годами не померкла.

— Это...

— Да, — протянула я.

Эзара гулко рассмеялся, даже не пытаясь вести себя скрытно — страх ему был неведом. Сила бушевала в его теле; казалось, он мог испепелить одним лишь взглядом. Власть ослепляла разум, не позволяя увидеть размер волны; тем легче становилось под ней потонуть.

Я взялась за резную рукоятку и потянула меч на себя. Клинок игриво поблескивал в лунном свете, словно был возбужден мыслью снова стать частью сражения, и со свистом выскользнул из ножен. Я с восторгом осматривала оружие; не думала, что когда-либо увижу вещь из легенд о моей семье. Впрочем, и говорящего оленя встречать я тоже никогда не планировала.

— Выходит, он замуровал его в стене кладовой? — хмыкнул Эзара.

Я смутилась, тщательно перебирая в памяти планировки замка разных годов.

— Во времена его правления здесь... здесь была уборная.

Териат расхохотался громче прежнего.

— Твой предок был шутником, — улыбнулся он, но уже через мгновение помрачнел. — Впрочем, войне там самое место.

Со стороны города послышался гул приближающихся голосов. Догадываясь, в какой из стен образовалась брешь, стражники спешили на неё взглянуть; скорее всего, из любопытства. Меч приятно лежал в руке; легкий и маневренный. Я приняла положение, из которого удобнее всего начинать поединок.

Из-за угла выбежало несколько запыхавшихся теней. По мере приближения становилось очевидно, что стража была родом из Куориана; иначе они не окружали бы островного принца таким плотным кольцом. Боковым зрением я видела, что из-за другой стены неспеша вышли еще две крупных фигуры, но они не вызвали беспокойства; слишком знакомыми были очертания.

— Ваше Высочество! — воскликнул один из стражников, бесцельно размахивая мечом. — Отойдите, чтобы мы могли схватить преступника!

— Нет, — спокойно ответила я.

Островитянин вскинул брови.

— Госпожа, возвращайтесь в замок! Он опасен!

— Нет.

— Ариадна, — послышался голос Ханта, пробирающегося сквозь плотную цепь тел. — Подумай хорошенько. Разве стоит этот отступник того, чтобы отказаться от сестры, от родного королевства?

— Единственный предатель Грей — это Минерва.

— От меня? — продолжил он.

Мольба в глазах мужа должна была растопить мое сердце, но вместо этого выглядела лишь как лживая попытка манипуляции. Я каменела при виде его лица, но не замирая от страха, а становясь недвижимой, непоколебимой глыбой, твердости которой позавидовал бы алмаз. Его любовь была беспощадной язвой на моем теле.

— Он стоит сотни таких, как ты.

Хант тяжело вздохнул и махнул рукой, отдавая заранее оговоренный приказ; стража тут же выступила вперед, скрывая принца из виду. Воины приготовили оружие, готовые к

незамедлительной атаке; один из стражников заметно нервничал, будто заставляя себя на что-то решиться.

— Ваше Высочество!

Куорианец резко шагнул ко мне, но не сумел приблизиться ни на миг; одним движением руки капитана я оказалась на два шага левее. От тяжелого дыхания брата на макушке зашевелились волосы. Териат встал на мое место и устрашающе сверкнул глазами; в его ладони тут же заискрились молнии, нетерпеливо ожидая указаний.

— Тронешь её, — прорычал он. — И я сломаю каждую косточку в твоём убогом теле.

Одна из молний заинтересованно потянулась к стражнику, и тот отпрянул, повалившись на землю. Все прочие тоже сделали несколько шагов назад, однако Хант боле не прятался за их спинами; он отошел в сторону, презрительно взглянув на подчиненных, будто своим желанием жить те позорили его честь.

— Капитан Фалхолт, — наигранно поклонился он. — Сердце бедного советника разобьется в дребезги, узнав о вашем предательстве.

— Тогда он наконец ощутит то же, что и я.

Кидо выплюнул эти слова со всей болью, что месяцами копилась в его душе.

— Что ж, хорошей дороги, — улыбнулся принц, не пряча фальши. — Эй вы, болваны! Молитесь, чтобы Богиня была слишком занята, чтобы увидеть ваш позор.

Стражники нехотя поплелись за принцем, ни разу не обернувшись. Кидо то и дело срывался с места, желая бросить им в спину если не нож, то что-нибудь до безумия неприличное, но я раз за разом его останавливала. Не было нужды дополнительно их унижать: их собственный начальник с лихвой с этим справился.

— Повеселились и хватит, — осуждающе бросил Киан. — Подойдите ближе.

Не дожидаясь, пока возможные противники скроются из вида — что разумно, ведь на их место вскоре могли прибыть новые, — разведчик сделал из нас четверых жалкое подобие круга и вытащил из сумки на поясе небольшой сверток из мешковины; точь-в-точь как тот, что ворон оставил на моей подушке.

— Дышите глубоко, — приказал он строго. — Даже если захочется не дышать совсем.

Замахнувшись, эльф с силой бросил сверток в середину круга. Зеленоватый дым вмиг окутал нас; я чувствовала, как въедливо он впитывается в кожу, как проникает в каждую нить одежды. Запах был нестерпим. На глазах наворачивались слезы, в горле комом стоял бесконечный кашель, и все же я продолжала дышать полной грудью. Легкие невыносимо горели, но после очередного вдоха боль вдруг ушла. По телу прокатилась слабость.

Последним, что я видела перед тем, как провалиться во тьму, были пустые белые глаза.

Аррум не встретил нас, как героев, чего я по какой-то причине ожидал; наше прибытие едва ли было замечено, даже учитывая двух чистокровных темноволосых людей, неожиданно возникших на эльфийских землях.

В лесу творился хаос, и я с трудом узнал дорогое сердцу место. Происходящее в нем не слишком отличалось от порядка дел в Грее: спрятанные под доспехами тела, разогретый от ускоренного ритма жизни воздух и задумчивые сердитые лица. Я усердно выглядывал в толпе знакомые силуэты.

Мы перенеслись в южную часть леса, где я бывал лишь в местах, пригодных для охоты; как оказалось позже, портал Киана привел нас к своему дому. Вероятно, пленительный образ сам собой возник в его голове. Скромное жилище оказалось на удивление уютным, хоть хозяин и бывал в нем слишком редко для того, чтобы как следует обжить.

Лица лисицы и капитана лишь к утру окрасились румянцем; зеленовато-серый цвет кожи и тошноту смогли изгнать лишь кислые ягоды и несколько кувшинов воды. Исползованная Кианом магия была бытовой — то есть неестественной, — и потому переносилась неподготовленными столь плохо.

— Как же... кружится... — вздыхала лисица, лежа на земле. У нее не хватало сил подняться на ноги, но на любое предложение помощи она реагировала строгим отказом, предпочитая самостоятельно переживать неудачи.

— Помнишь тот день летнего солнцестояния? — прошептал Кидо, и принцесса, не нуждаясь в дополнительных объяснениях, утвердительно хмыкнула. — Я думал, что не переживу то похмелье, но теперь оно кажется мне лучшим утром в моей жизни.

— А это кажется последним...

Душа капитана королевской гвардии металась в сомнениях: если его сестра давно определилась с тем, к чьей стороне примкнет в предстоящей войне, то его выбор был будто бы вынужденным. В большей мере его смущало незнание народа, за который он отныне собирался сражаться; к тому же ложь, что он с упоением произносил, стараясь убедить окружающих, прочно впиталась в его губы. В любом случае, этот славный муж справлялся с задачами и посложнее. Если бы времена были не столь угнетающими, я бы непременно заставил их с Индисом подружиться.

Как только вдалеке показался усталое плетущийся Финдир, я бросился к нему, будто истосковавшийся по хозяину пес. Учитель мрачно улыбнулся, с излишней осторожностью похлопав меня по спине.

— Наконец-то, Финдир! — выпалил я, едва успевая дышать.

— Что стало с тобой, Эзара?

В глазах эльфа недоумение смешалось с тихим, холодным страхом; казалось, он с трудом сдерживался, чтобы не сделать шаг назад. Вся энергия и радость от встречи с учителем, бурлившие в моем теле еще мгновение назад, сошли на нет.

— Что с твоими глазами?

Я непонимающе потер веки, лишь представляя, что за недели в темнице и погром, что я там устроил, могло приключиться с моим лицом. Кровь, грязь и нечистоты покрывали каждый сантиметр тела, когда-то ходившего в кафтанах, подаренных ему самой королевой;

мне вдруг нестерпимо захотелось отмыться, до крови раздирая кожу самой жесткой щеткой из кабаньей щетины.

— Я приведу себя в порядок чуть позже, — смутился я.

— Одному тебе с этим не справиться, — покачал головой учитель. — Как ты выбрался из темницы?

— Пустил молнию по камню, чтобы тот рассыпался.

Я пожал плечами, предполагая, что ответ на вопрос очевиден; иного способа сбежать попросту не было.

— Сколько молний?

— Одну — в потолок, еще одну — по стене.

Финдир не выдержал и сделал три шага назад. Челюсти его крепко сжались, будто он корил себя за выражение слабости, однако я искренне не понимал его реакции. Не расплыться на мелкие атаки, накапливая силу для крупной — то, чему я научился от него; теперь же его, казалось, не устраивал такой подход.

— Какая великая сила живет в твоей груди, мальчик, — вздохнул он, прикрывая рот рукой. Другой эльф учил меня, что этот жест — явный признак лжи. — Но ты все же не научился ей управлять.

— Разве? — переспросил я. — Я не покалечил ни одного невинного.

— Зато не пощадил себя.

Финдир снял с пояса флягу с водой и нерешительно открутил крышку. Кивком намекнув сложить руки вместе, он наполнил их водой, и та ослепила меня, засверкав мириадами звезд. Я зажмурился, отвернувшись; солнце еще не было настолько высоко, чтобы пробраться к нам сквозь кроны деревьев.

— Посмотри на себя, — настаивал учитель.

Я вернул взгляд, надеясь увидеть свое отражение, но вместо этого снова оказался ослеплен; однако, сосредоточившись на отодвигании боли на второй план, в этот раз не отвел глаз. Спустя несколько мгновений тело привыкло и перестало посылать сигналы паники в разум, а я наконец разглядел источник света.

Мои глаза сияли, словно две огромных звезды, невероятным образом оказавшихся под моими веками; от испуга я вздрогнул, расплескав всю воду. В этих глазах не было ничего: ни тени эльфийского наследия, ни намек на возраст, опыт или характер; они были пусты и холодны. Обладавший таким взглядом мог как пройти мимо бойни, ничуть в ней не заинтересовавшись, так и устроить ее, совсем не позаботившись о судьбе своей души.

Теперь растерянность Финдира казалась мне недостаточной. Я не ощутил изменений ни на секунду; быть может, тресни внутри что-то еще более важное, я не почувствую и этого.

— Маэрэльд может мне помочь?

— Стоит попытаться.

Учитель кивнул и молча отправился вглубь леса. Я хотел отправиться за ним, но представил, сколько еще до смерти испуганных лиц мне придется встретить по пути, и желание тут же улетучилось. Вместо того, чтобы помочь своему народу предотвратить войну, я выглядел как самое страшное ее орудие.

Мы не покидали южной части леса. Бездействие заставляло минуты длиться годами, давя на плечи невыносимым грузом. Мы выучили каждое дерево в округе и едва не плакали, горюя по листьям, что осень заставляла их сбрасывать. Пользуясь свободным временем, Кидо впитывал огромные объемы информации об эльфийской жизни; оказалось, он

настолько не интересовался этим раньше, что даже не представлял, насколько долго мы живем. Старший брат принцессы стал слегка иначе относиться ко мне, узнав о перевалившем за сотню возрасте, и часто прищурился, перебегая взглядом от меня к Ариадне и обратно.

Как и было обещано, азаани посетила наше скромное убежище. Известно об этом стало лишь со слов Киана; королева нарочно дождалась, пока я буду в самой глубокой фазе сна. Один из даров, что преподнесла ей Богиня, позволял взаимодействовать с душой, пока та не покинула тела, и наибольший эффект чудесная сила имела, если объект воздействия пребывал в неведении. Так исключалась вероятность осознанного сопротивления изменениям; иначе большинство попросту предавались панике.

Открыв глаза следующим утром, я насчитал пять лиц, склонившихся надо мной в безграничном интересе. Губы каждого были растянуты в блаженной улыбке, но одна из них быстро растворилась, уступая место куда более привычной серьезности.

— Не до конца, — пробубнил Финдир. — Но ничего. На какое-то время хватит.

Кудрявое русое облако висело надо мной ближе других и щекотало кожу кончиками прядей.

— Думала, что уже не встречу тебя, дурень.

Приподнявшись без предупреждения, я отпугнул любопытных наблюдателей и избежал трудностей с позволением встать. Несмотря на показательную бойкость, Бэтиель всегда была робка в вопросах телесного контакта; вот и теперь, резко подавшись вперед, она замедлилась, не решаясь приблизиться. Я без раздумий заключил ее в объятия, в миллионный раз поражаясь, что взрослый эльф мог обладать настолько маленьким телом.

Ариадна слегка нахмурилась, наблюдая охватившие нас эмоции.

— Индис передавал привет, — пробормотала Бэт, уткнувшись носом в мою грудь.

— Можно его увидеть?

— Боюсь, он слишком занят, — вздохнула она, отдаляясь. — Наш друг теперь один из Двадцати.

Я ошеломленно вскинул брови, и Бэтиель поняла всё без слов.

— Да, в свое время я отреагировала так же.

— Что за Двадцать? — отозвался жадный до знаний капитан.

Эльфийка бросила за спину неприязненный взгляд, на несколько мгновений намеренно задержав его на принцессе; та ответила ей тем же. Их негласный конфликт смутил меня; если враждебность по отношению к человеку со стороны Бэт была вполне ожидаема, то лисица никогда не относилась к эльфам предвзято.

— Так зовут совет азаани, — пояснил я, чтобы отвлечь всех от возникшего напряжения. — Помимо самой королевы в него входит ещё двадцать эльфов, половина из которых — тиары.

Кидо задумчиво прищурился; прежде я не думал о том, что в предложении это слово могло быть созвучно с другим.

— Своего рода маги, — добавил я, выставив перед собой ладонь и вызвав несколько крошечных молний для наглядной демонстрации. — Вроде меня.

— И у них... — капитан замялся, пытаясь сформулировать. — Вы все умеете вызывать молнии?

— Нет, — покачал головой я. — Большинство владеет огнем, но порой Богиня одаряет нас и чем-то более редким и любопытным.

— Ладно, потом расскажешь.

Кидо слегка покраснел, заметив с осуждением уставившегося на него Киана; чрезмерный интерес королевского гвардейца настораживал его, особенно учитывая роль того при дворе. Меня же ненасытность капитана забавляла. Он был похож на недавно узнавшее про существование драконов дитя, с тех пор пропадавшего в библиотеках в попытках выведать места их обитания. К тому же, в этой суматохе он ни мгновение не терял себя: наклонившись к сестре, он обиженно заметил, что совет Грей был недостаточно впечатляющ, чтобы дать ему хоть какое-то название.

— Но разве совет не был полон? — обратился я к Бэт.

— Ильбриен уезжает в леса Драрента. Не пожелал вступать в войну.

— А моя мать?

— Отказалась ехать, не увидев тебя.

Я разочарованно выдохнул. О его недовольстве планами азаани слышали, казалось, все, и потому надежда теплилась во мне до этого самого мгновения. Ильбриен был тем старым другом, в чьих объятиях глаза моей матери снова горели жизнью. Я был бы счастлив, зная, что моя семья уехала с ним; опытный тиар сумел бы обеспечить им безопасность в дороге, а в тихих лесах Драрента их от ненастий уберегла бы сама Богиня. Лучший расклад. К сожалению, материнское упрямство с годами не утихло.

— Когда он выезжает?

— На рассвете.

По словам Ариадны, хоть и несколько замешкавшейся перед ответом, в моих глазах еще остался свет, тонкой полоской опоясывающий зрачок. Этого было вполне достаточно, чтобы при виде меня эльфы не разбегались в охватившем их ужасе, и с разрешения Киана я решительно направился к дому, где провел всю свою прежнюю жизнь.

Ариадна хотела составить мне компанию, но отказ был единственным верным ответом. Я знал, что расстрою её, но не был готов объяснять матери столь многое. Самым важным было убедить её уехать; убедить, что моя жизнь настолько примитивна и неинтересна, что нам нечего обсуждать и нечем делиться; убедить, что ей незачем задерживаться, ведь мы обязательно успеем обо всем поговорить. Даже если это будет последним, что я ей скажу.

Увидев три несущихся ко мне личика, я мгновенно растаял. Из глаз едва не катились слезы, и рыдания душили меня изнутри; я настолько истосковался по их безусловной любви, что не мог насытиться запахом солнца, коим были полны ух юные души. Годами я принимал эту любовь как данность, но, только лишившись ее, ощутил, какую огромную часть души она занимала.

— Мы слышали, что ты теперь герой, братец, — гордо заявила Шаэль.

Я стыдливо опустил глаза; на героя я был похож меньше всего.

— Не герой, а тиар, — деловито поправила её Талани.

— Мы так скучали! — хором взвыли они.

Я изо всех сил прижал сестер к груди, покрывая их макушки поцелуями, и они, как и всегда, хохотали, будто бы я делал им щекотно.

Мама с теплой улыбкой дожидалась своей очереди.

— Я знала, что ты вернешься, дитя мое, — прошептала она.

Возвысившись над ней, я запрятал свое счастье настолько глубоко, насколько смог, и сделал взгляд серьезным и резким. От неожиданной перемены настроения мама повела

плечами, будто по ее спине пробежали мурашки.

— Ты увидела меня, — подытожил я. — Теперь вы можете ехать.

— Я никуда не поеду.

— Не будь эгоисткой.

Мама будто бы дернулась, чтобы бросить что-то в ответ, но заставила себя сдержаться.

— Я буду сражаться вместе с тобой.

— Чтобы они остались не только без отца, а еще и без матери?

Три облачка беззаботности были слишком заняты хороводом и песней о непоседливом кролике, чтобы прислушиваться к нашему разговору. Мама гулко сглотнула.

— Поезжайте с Ильбриеном, — взмолился я. — И возьмите с собой столько малышей, сколько сможете увезти.

— Думаешь, их так просто отпустят?

— В красках опиши, что жаждущие крови куорианские воины сделают с их детьми, и они посадят их в повозку в ту же секунду.

Мама отвернулась, скрывая волнение и злость, перестраивая тактику; я почти слышал, как ее мысли бегут с места на место. Разрушенные планы были для нее больнее удара меча; она всегда держалась за стабильность и последовательность, будто это могло уберечь ее от неожиданных бед. К несчастью, упрямство не спасало еще ни одну душу.

— Нет, — отрезала она. — Я отправлю детей, но сама никуда не поеду.

Я набрал воздуха в легкие.

— Как пожелаешь, матушка, — прорычал я, проговаривая последнее слово по слогам. — Попадешь под первую же стрелу, став пушечным мясом, кормом для стервятников. Если повезет, может, увидишь кого-то из королевской семьи, раз уж отец ни разу не брал тебя в замок.

— Но я могу быть полезной, не сражаясь! У меня в запасах столько трав и времени, чтобы собрать новые. Я могу...

— Можешь что? Лечить? — перебил я гневно. — Ты столько лет отрицала в себе эти способности, столько лет отказывалась обучаться... Ты не лекарь, мама. И не имеешь права им называться.

— Териат...

— Ты погибнешь. Оставишь девочек сиротами в возрасте, когда они только начинают познавать мир. Тебя не будет рядом, когда они впервые влюбятся, когда соединят с кем-то жизни, когда заведут детей. Ты не узнаешь, если у кого-то из них откроется дар вроде моего, не увидишь, как в их лицах проглядываются папины черты. А если они обезумят, оставшись без родительской любви, они будут винить в этом тебя. Ведь если отец умер по глупой случайности, то ты сделаешь это по своей воле.

Её нижняя губа задрожала. Мне хотелось выплюнуть яд, коим я намеренно напитал свои слова, но вынужденно сглатывал его, позволяя расходиться по телу; лишь я знал, что за женщина прячется за внешней хрупкостью и многолетним эмоциональным упадком.

— Ты так уверен в моей бесполезности, — вздохнула она.

— Я честен. Впервые. С собой и с тобой.

— Но Рири, — протянула мама, и кровь на мгновение застыла в жилах. — Ильбриен присмотрит за девочками. Другое мое дитя будет биться, и я хочу быть рядом с ним.

— В отличие от них, то дитя уже вышло из возраста, когда ему нужна мать.

Мама закусила губу, пытаясь сдержать слезы, но они безутешным ручьем покатались по

ее щекам; мне подумалось, что прежде я никогда не заставлял её испытывать нечто подобное. Она отвернулась, направляясь к дому, и, не оборачиваясь, бросила:

— Как пожелаешь.

Я промолчал, понимая, что больше не выдавлю из себя ни звука. Бросать кинжалы слов, намеренно пытаясь манипулировать любимыми через разочарование и обиду, оказалось больнее, чем делать это в гневе. Никогда раньше мне не хотелось так отчаянно возненавидеть свою мать. И никогда раньше я так сильно ее не любил.

Моя темная душа возвала к тому, что по цвету к ней было ближе всего, и, закрыв той ночью глаза, я встретился со старшей принцессой. Разум сыграл со мною злую шутку; если раньше сны о Минерве было легко оправдать направленной на меня магией, то теперь сознание совершенно точно само подкидывало мне ее образ. Свет сапфировых глаз освещал мне путь, направляя и вдохновляя, а изящные руки приятно холодили кожу. Где-то на задворках, будто бы из-под толщи воды, я слышал голос, умоляющий проснуться и прекратить эту насмешку, но я из сна желал лишь оставаться в нем как можно дольше.

Утром капитан сказал, что я без устали шептал её имя; и, вероятно, по этой причине Ариадна до самого вечера старательно избегала моего взгляда. Она не мучила меня молчанием, не бросалась резкими словами, оскорбленная неверностью моего воображения, а была приветлива и общительна. Она попросту ни разу на меня не взглянула.

Двести ударов плетью безжалостно меркли на фоне этой пытки.

Спина заживала медленнее, чем я предполагал, и из-за беспокойных снов ни одно утро не проходило без пропитанной кровью рубашки. Кидо пребывал в бесконечном ощущении стыда, сколько бы я не умолял его прекратить и не убеждал в правильности некогда сделанного выбора; при виде истерзанной плетью кожи он неумолимо менялся в лице. Я попытался прижечь раны самостоятельно, но лишь добавил несколько ожогов, не имея возможности как следует прицелиться. Финдир справился с этим лучше, но раны почему-то все равно продолжали кровоточить.

После моего визита в дом матери Киан запретил подобные вылазки. Наше отшельничество, казалось, длилось целую вечность; в отдаленной части леса под тщательным наблюдением разведчика мы бы даже забыли о войне, если бы вести из Греи и эльфийского совета волшебным образом не просачивались в забытый Природой уголок. Хоть дни и сливались в один, приятное общество принцессы и любопытство Кидо скрашивало будни; даже Киан проникся к тому, кого раньше пренебрежительно называл псом.

Я понял, что заточение подошло к концу, в минуту, что в любой другой день не отличалась бы от сотен прочих. Лицо лисицы вдруг засияло; она устремила взгляд за мою спину, нетерпеливо заерзав на месте.

— Неужели, — протянул я, оборачиваясь. — Думал, ты так и не соизволишь к нам явиться.

Индис раскинул руки, готовый заключить в объятия весь мир; впрочем, как и всегда. Он осунулся и посерел, из-за чего выглядел заметно старше, и я впервые увидел на его голове плотный высокий хвост. Однако внешние изменения были не так важны; неутомимое жизнелюбие, ореолом витавшее вокруг него, сменилось ощутимым напряжением и тревогой, делая улыбку на лице вымученной и слабой.

— Выглядишь жалко, — произнес эльф, окинув меня оценивающим взглядом.

— Хотел то же самое сказать о тебе.

Все рассмеялись, но слова наши были правдивы, как бы ни были прикрыты вуалью шутки; даже обнимая друга, я чувствовал, каким тонким и хрупким стало его тело. Казалось, окрепшими от частых поединков руками я мог без особых усилий переломить любую кость в его теле. На самой заре жизни молодого и резвого Индиса, любимца взрослых и детей, балагура и сплетника, вдруг покинули всякие силы. Я вопросительно взглянул на друга, и тот кивнул, безмолвно откладывая разговор на потом; в его взгляде читалось не меньшее замешательство.

— Азаани просит вас присоединиться к совету.

Кидо закашлялся.

— Даже... даже нас? — переспросил он, смутившись.

— Особенно вас, — отчеканил Индис, протягивая незнакомцу руку. — Капитан Фалхолт, верно?

Кидо выглядел таким напуганным, словно с ним заговорила сама Богиня; никто из эльфов, что он видел прежде, так его не впечатлял.

— Верно, — пробормотал он, пожимая руку. — Для меня честь познакомиться с вами.

Индис вскинул брови, наконец заметив чрезмерное воодушевление капитана.

— Почему же?

— Ариадна рассказывала о вас. Вы — сын азаани, — застенчиво пояснил он. — Наверняка непросто идти по жизни с таким клеймом.

— Вы мне скажите, — усмехнулся эльф. — Королевское дитя.

Кидо спрятал взгляд, и я растерянно улыбнулся. После побега из Грей капитан удивлял меня все больше; в свете последних событий я совсем позабыл, что этот взрослый мужчина мог вести себя, как робкий юнец с распахнутой настежь душой. Позабыл, что таким вообще мог быть кто-либо; вероятно потому, что сам перестал быть таковым.

Индис отвлекся от капитана, со всей нежностью заключив Ариадну в объятия; незаметно для меня став добрыми друзьями, они безусловно разделяли какие-то неведомые мне чувства и истины. Ревность тонкой иглой кольнула мое сердце, но я тут же отмахнулся от нее, как от назойливого насекомого; более глупой причины для столь гнусного чувства нельзя было и вообразить.

— Совет ждет вас у Сэльфела, — сообщил эльф, покончив с ритуалами приветствия.

— Это пруд, — неожиданно шепнула брату Ариадна; во время познавательных бесед об Арруме она была не менее внимательным слушателем.

— Верно, — улыбнулся ей Индис и, заметив собирающего с земли доспехи капитана, добавил. — Отправляемся сейчас же. Всем, что может понадобиться, вас обеспечат на месте.

Кидо снова смутился, и мне захотелось отпустить какую-нибудь неприличную шутку, что всегда поднимали ему настроение, однако что-то внутри тут же этому воспротивилось. Ему не нравилось выглядеть невеждой в глазах других; любознательность, как и чувство собственного достоинства, точно досталась им от отца.

Я последовал за Индисом, старательно заводя разговор в нужное русло, но все попытки оказались тщетны — эльф мастерски уворачивался от любого неудобного вопроса. Неискренность друга удивила меня, но не ранила. Я убеждал себя, что скрытность необходима ради высшей цели, не имеющей ничего общего с гибелью нашей дружбы.

Близился вечер, и гладь Сэльфела покрывалась тонкой коркой тьмы. Ровно половину его едва заметных берегов занимал полный состав совета за исключением лишь одного его члена, устало вышагивающего по правую руку от меня. Нам отвели самые почетные места —

по обе стороны от азаани. Король леса безучастно наблюдал за происходящим из-за стоящей неподалеку беседки, выдавая свое присутствие лишь томным божественным свечением, что всегда шло за ним по пятам. Кидо задержал на нем восхищенный взгляд и споткнулся о выглянувший из-под земли корень.

— Ваше величество, — хором произнесли капитан и лисица, преклоняя голову.

— Не стоит, — с легким наклоном головы пропела Маэрэльд. — Мы все тут равны.

Индис горько усмехнулся ее откровенной лжи. Помнится, он клялся переплыть Сапфировый океан, если мать решится контролировать его жизнь; эта жертва далась ему нелегко.

Королева приблизилась к Ариадне и по-матерински погладила её по волосам.

— Благодарю за помощь с кристаллами, дитя. Только благодаря тебе наш сегодняшний совет имеет смысл.

— Благодаря мне?

Лисица слегка нахмурилась, будто бы отрицая, что внесла хоть какой-то вклад.

— Разложенные тобой кристаллы — не просто красивые камни. Хотя и этого у них не отнять.

Маэрэльд вернулась к воде, и Индис повел нас следом, расставляя всех на заранее отведенные места: мне досталась позиция справа от королевы, рядом с лисицей и Кидо. Кончиками пальцев, не глядя, я потянулся к руке принцессы; ощутив касание, она решительно сплела наши пальцы.

— Все они — крошечные частички моей души, — объяснила эльфийка, и лисица напряженно сжала мою руку. — Богиня преподнесла нам много даров, и потому все, что видит моя душа, сегодня откроется и вашим глазам.

— А это... безопасно?

— Более чем.

— Хорошо, — вздохнула принцесса.

Мое внимание отвлек Финдир, сверкающий широкой улыбкой на противоположном берегу пруда; повод для радости был сомнительным, но я все же ответил ему тем же. Оглядевшись, я осознал, что совершил ошибку в подсчетах; даже учитывая присоединившегося Индису, членов совета по-прежнему было девятнадцать.

— Прошу поприветствовать гостей, дети мои, — громко воззвала королева. — наших братьев и сестер.

Из-за деревьев медленно вышли еще два десятка эльфов, сверкая белоснежными волосами в слабом свете луны. Мне хотелось бы посмеяться над удивлением Ариадны и Кидо, но мурашки пробежали и по моей спине; я совершенно не слышал их шагов. Казалось, будто они не ступали по земле, а летели над ней, задевая траву лишь полами призрачных плащей, растворяющихся в сумеречном свете. Рингелан вновь поразил меня величиим, коим наполнялся воздух вокруг него; стоило признаться, Маэрэльд никогда не вызывала у меня подобного благоговения.

Невероятных размеров волк, что уже встречался мне в замке Армазеля, присоединился к Эвлону в его безразличии к происходящему. Подойдя к оленю, он внимательно обнюхал его и, убедившись в дружелюбности животного, лег так, чтобы носом уткнуться в его шерсть.

Горные эльфы заняли пустующую половину берега, выстроившись в плотную цепь с правителем посередине. В руке аирати держал стеклянный посох, угрожающе возвышающийся над правителем; он казался сделанным из льда горных рек, но теплый

осенний вечер убеждал в обратном.

Круг замкнулся.

Азаани взмахнула рукой, и все, словно по какому-то неведомому сговору, тут же почтительно склонили головы. Рингелан язвительно ухмыльнулся, не спуская глаз с представителей королевской династии — их повиновение воле эльфийским правителям заметно потешило его самолюбие.

— Королевское дитя решило выступить с заявлением, — произнес аирати, и голос его по очереди окутал каждое звено нашей цепи. Казалось, он намеренно не наделял Минерву именем и половой принадлежностью; они безразличны ему так же, как регалии трупа для стервятника. — И мы слышали. Надеюсь, другие потомки Уинфреда не настолько глупы.

Ариадна, молниеносно вырвав руку из моей, потянулась к мечу окутанного легендами предка; ладонью я коснулся её спины, молча умоляя сдержаться. Она тяжело вздохнула, делая вид, что потянулась к висящей на запястье нити, и подвязала ею волосы.

— Дэссиель и Эйен отправились на аудиенцию к наследной принцессе, — продолжила Маэрэльд. — Чтобы выслушать её требования и предложить варианты решения конфликта.

— Вам было мало трупов и пепла?

Слова сорвались с языка еще до того, как здравомыслие успело их остановить. Магия в груди вдруг вспыхнула, разгоняя огненную кровь по телу, и в глади воды засверкал тусклый отблеск моих глаз.

— Если вы считаете, что вас заждались в реке душ, то могли бы отправиться сами, а не посылать членов совета, — взмахнул я рукой, не контролируя подступившие эмоции. — Минерву интересует лишь власть, и вы не убедите её в обратном.

— Их всех интересует лишь власть, — прогремел аирати, казалось, удивившись моему взрыву куда меньше, чем резкому движению лисицы. — Однако никто из них не сумел её заполучить.

— И вам не терпится узнать, кто станет первым?

— У тебя никогда не было права голоса, чтобы влиять на принятие решений, Териат. И в свете последних событий ты едва ли заслужил стать его обладателем.

Огонь в жилах вдруг утих, и я замолчал, пораженный собственной безрассудностью. На лицо Рингелана тут же вернулась устрашающая невозмутимость, оттенявшая и без того холодный взгляд.

Обменявшись безмолвными сигналами, главы эльфийского народа направили руки друг к другу, складывая пальцы в причудливые символы. От их движений в воздухе возникали разноцветные искры, что самозабвенно ныряли в глубины Сэльфела, а шепот заклинаний — или молитв? — отдавался в ушах шумом прибоя, которого я никогда не слышал. Зрелище завораживало, будто праздничное шоу на самом роскошном из когда-либо проводившихся торжеств.

— Я... — Ариадна отчаянно пыталась схватить меня за руку, но вместо этого попросту ударяла по всем частям тела, до которых могла дотянуться. — Я уже видела такое однажды.

Стоявшая неподалеку Филаурель, некогда пытавшаяся обучить меня мастерству иллюзий, прошипела принцессе что-то угрожающее, и та тут же умолкла. Я сделал шаг вправо, прижимаясь плечом к её плечу, дрожащему то ли от нетерпения, то ли от страха, и наполнил легкие ароматом древесины; удивительно, как для кого-то, всю жизнь проведенного среди цветов и деревьев, этот запах мог так прочно связаться с чьим-то образом.

Отскакивающие от загадочных знаков искры постепенно наполняли поверхность пруда

красками, будто та была полотном, давно ждущим кисти художника. Вырисовывались очертания стен и полов, окон, подсвечников, и так до тех пор, пока не исчезли все сомнения, что некоторые из нас были близко знакомы с представленным местом.

С поверхности воды на нас смотрело изображение тронного зала; живое, движущееся, дышащее. Лэндон нетерпеливо перебирал что-то в кармане своей накидки, а Хант кругами ходил вокруг трона, и сидящую на нем Минерву это заметно раздражало.

— Мина, — обратился к ней островной принц. — Может не стоит проводить эти переговоры? Что, если...

— Если ты еще раз посмеешь так меня назвать, — прошипела она, — одной шкурой на стенах станет больше.

Горные эльфы одновременно поежились; отдыхающий неподалеку волк жалобно заскулил, зарывая нос глубже в оленью шерсть.

Советник незамедлительно среагировал, поняв, что угроза касалась и его, и принялся усердно отряхивать накидку. Взглянув на устало скучающее лицо принцессы, оба её последователя заняли места чуть позади трона, тем самым высказывая согласие с её превосходством над ними. Минерва махнула рукой — вероятно, страже, — и послышался уже привычный звук тяжелого хода дверей.

В тронный зал вошли две статных фигуры, обе — в нейтральных белых одеяниях, четко указывающих на намерения прибывших; если бы не цвет волос и глаз, их вполне можно было бы принять за брата и сестру. Впрочем, в каком-то роде они таковыми и являлись.

— Мы приветствуем тебя, правительница Грей, — произнесла русоволосая Дэссиель, почтив принцессу небольшим поклоном. Строгий Эйен едва не заскрипел, вынужденно повторяя за ней. — И благодарим за возможность обсуждения мира.

— Мир — не совсем то, чего я хочу.

Минерва вскинула подбородок и положила ладони на подлокотники, полностью открывая позу. Она наверняка знала, что к ней отправят опытных тиаров, и все же всем видом давала понять, что не боится их; её уверенность казалась непоколебимой.

— Что ж, — раздался голос Эйена; такой же тяжелый, как у его правителя. — В таком случае, извольте озвучить ваши желания.

— Сначала вы, — подмигнула принцесса.

Рингелан ударил посохом об землю так, что тронный зал едва не расплылся от идущих по глади волн, и разразился яростным криком.

— Она играет с нами!

— Она — ребенок, — пожалала плечами Маэрэльд. — Им это свойственно.

— Человеческим детям положены игрушечные лошади и солдаты, — рыкнул аирати. — А не армии настоящих.

Присутствующие в тронном зале не произнесли ни слова, будто бы пережидая перепалку на берегах Сэльфела, и заговорили, лишь когда в Арруме воцарилась тишина.

— Мы считаем разумным оставить всё, как есть, — отчеканил член совета аирати. — Люди не ступят на земли Армазеля, и война обойдет их стороной.

— Аррум продолжит прежнее сотрудничество с Греей, — продолжила Дэссиель. — И будет поставлять дерево в обговоренных ранее объемах взамен на миролюбивое соседство.

Минерва устремила взгляд ввысь и замычала, наигранно имитируя глубокие размышления.

— Почти, — подытожила она. — Объемы придется увеличить, и вырубкой будут

заниматься люди, а не эльфы.

— Искл...

Принцесса резко кивнула в сторону эльфийки, и та поперхнулась собственными словами, зайдясь приступом мучительного кашля.

— Ваши камни я могу купить честно. — обратилась она к Эйену. — Но мне нужна вещь, не представленная в лавках торговцев. Вы отдадите мне “эльфийскую погибель” — и я более не трону ни одного белого волка.

— Этому не бывать.

Рингелан шепотом повторил слова своего подопечного.

Минерва поднялась с трона и спустилась к важным гостям. Длинный шлейф её белого платья тянулся, делая принцессу похожей на невиданную змею, хоть, в силу её нелюбви к рептилиям, ей бы и не польстило подобное сравнение. Принцесса медленно обходила эльфов, пристально вглядываясь в их лица; вероятно, пытаясь определить силу их магии и возможность противиться чужой.

— Вы — дикари, — прошипела Минерва. — Живете в лесах и горах, как животные, и считаете, что смеете указывать королеве?

— Наши правители мудры и справедливы.

— Они — глупцы, раз думали, что я соглашусь на их условия.

— Был заключен договор, — отрезала Дэссиель. — И ваши предки старались придерживаться его условий.

— А я не собираюсь сдерживать обещание, которого не давала.

Стремительно вернувшись к трону, Минерва скомандовала невидимым слугам, и дверь вновь распахнулась; на этот раз — дверь переговорной, из-за которой появился Рагна, сверкающий ярко-желтыми глазами.

— Кнорд... — выругался Индис.

Следом за магистром, едва волоча за собой ноги, к принцессе приближалась Лианна. Истерзанная пытками старушка хрипела, и боль от каждого шага ярко отражалась в понурой походке. Я мысленно поблагодарил Богиню за то, что Бэт никоим образом не связана с деятельностью совета, и за то, что хотя бы в тот день её безрассудное любопытство не повело её туда, где ей не место.

Лианна шла сама; колдун не держал ее за руку, чтобы вести за собой, и не подгонял сзади, но в его лице не мелькало и тени сомнения, что друид будет идти по его следам. Ведомая его магией, несчастная женщина не могла и помыслить о сопротивлении. Впрочем, у неё вряд ли нашлись бы на это силы.

— Да, ни один мой предок не избежал эльфийского влияния, — протянула Минерва, хищно ухмыляясь. — Эвеард особенно вас любил.

Ариадна фыркнула, услышав, что Минерва назвала отца по имени, будто бы желая откреститься от связывающего их родства.

— Но мне не нужны покровители.

Рагна наконец прошел мимо принцессы, бросив друида к её ногам. Минерва непринужденно опустила руку на бедро, зарывая ее в складках платья.

— Что вы задумали? — вздохнула Дэссиель.

— Расправу.

В руках принцессы возник кинжал — разрез на юбке помог ей добраться до скрытых ножен, — и она тут же прижала его к горлу измученной Лианны. Я не мог рассмотреть её

лицо из-за плотного слоя запекшейся крови и грязи, но почему-то мне показалось, что на нем мелькнула улыбка.

Между пальцами Дэссиель запрыгали искры, но магистр взмахнул рукой, и эльфийские советники тут же взмыли в воздух, застыв над землей в невидимой клетке; безвоздушной, судя по их тщетным попыткам вздохнуть. Хант и Лэндон вышли из-за трона, в тени которого ждали своего часа. Удавки в их руках стремительно приближались к шеям эльфов. Дождавшись, когда подчиненные принцессы заключат — уже пленных — эльфийских советников в крепкие объятия веревок, Рагна отпустил последних. Они твердо встали на ноги, словно не замечая, что находятся в смертельной опасности; особенный вызов виделся в лице Эйена, неприлично долго смотревшего принцессе в глаза. Сбить спесь помогло затягивание узла.

Ликование на лице Лэндона было всепоглощающим и жадным. Таким, будто бы всю жизнь он страстно мечтал лишь об этом — лишиться жизни обладателя высшей крови и торжественно искупаться в её реках.

В памяти мелькнуло пророчество, о котором советник рассказывал Кидо, и возникший в голове образ стал чересчур ярким.

— Я не позволю остроухим указывать мне, что делать, — почти безразлично бросила Минерва, и Лианна прикрыла глаза в ожидании своей участи.

Дэссиель набрала столько воздуха в легкие, сколько смогла.

— Неужели вы верите, что ваше королевство сможет выстоять?

— Вера — это лекарство для отчаявшихся душ, — пожала плечами принцесса, наклоняясь вперед. — А отчаяние не к лицу королеве.

Клинок в руках принцессы заскользил, окропив пол обильными брызгами крови. Тело друида рухнуло, и Минерва пренебрежительно бросила запачканный кинжал на бездыханное тело.

Члены совета не успели бы среагировать, даже если бы захотели; удавки плотно обхватили их шеи в тот же миг, когда дрогнула рука принцессы. Эльфы пытались вырваться так, словно находились в объятиях любимых — вполсилы, нехотя, играючи; полагаю, дело было в магистре, не спускавшего с них змеиных глаз.

— Valie... — смог выдавить Эйен. — Valie ilqua hana.

Минерва усмехнулась.

— Так пусть смотрит и упивается кровью своих детей.

По лесу прокатился оглушительный крик такой силы, что тронный зал исчез с поверхности воды, сметенный разъяренной волной. Члены совета один за другим падали на колени, оплакивая бесчестно погибших брата и сестру, и лишь правители и люди твердо стояли на ногах. Над Рингеланом нависла тень скорби, столь темная и тяжелая, что плечи аирати поникли, а веки опустились, не позволяя глазам выдать происходящее в душе.

Вопреки ожиданиям, всё существо Маэрэльд пылало от гнева.

— И нет покоя голове в венце.

В свете последних событий наше присутствие сочли важным, и потому необходимость вновь прятаться в отдаленной части леса отпала. Поселиться в доме детства, расположенном неподалеку от Сэльфела, показалось мне лучшим решением, но, к сожалению, эта иллюзия рассеялась спустя считанные мгновения.

Поделки и рисунки, над которыми сестренки корпели часами, лежали на полу, сметенные ураганом срочных сборов, и то и дело рассыпались под ногами новоприбывших жильцов. Смотреть на них оказалось почти физически тяжело, и лисица освободила меня от тоскливого зрелища, вдобавок выгнав и Кидо. Самозабвенно стирая следы пребывания детей в доме, она, казалось, была рада мгновениям наедине с собой; с каждым днем она становилась все молчаливее, угнетаемая грузом происхождения. Каждый упавший на землю лист, каждая скатившаяся по щеке эльфа слеза — все напоминало о том, что ее кровь и плоть причастна к предстоящей гибели всего живого. Я отчаянно желал убедить её в обратном, но будто бы растерял все красноречие, оставив его за стенами близлежащего королевства.

— Будь твои волосы чуть светлее, я бы даже принял тебя за эльфа.

Кидо расхохотался над моей бесполезной лестью. Мы гуляли неподалеку, рассуждая о вещах, не имевших права занимать наши мысли, но столь необходимые, чтобы почувствовать себя живыми. Волосы капитана, вслед за густой черной щетиной, действительно заметно отрасли, позабыв о должности и аудиенциях, и отныне мягкими волнами чуть спадали с плеч.

— Стараюсь не выбиваться из толпы, — пожал плечами он.

Та ночь была бессонной; после увиденного заснуть сумело бы лишь чудовище. Первые лучи солнца осветили родные мне места с особой нежностью, будто бы сожалел о случившемся, и словно по-особенному пытались согреть раненные горем сердца. Ариадна встретила их на крошечной поляне, бережно спрятанной за рядом пушистых кустов с россыпью красных ягод, где лежала, устремив лицо к небу.

— Эзара, — протянула она, не открывая глаз.

— Узнаёшь меня по шагам?

— Кидо топает, будто конное войско, к тому же обязательно зацепился бы за острые ветки, а никто другой не решился бы присоединиться к сестре отцеубийцы, — горько прошептала она. — Только не без оружия.

— В нашу первую встречу ты достала его первым, — усмехнулся я, и ее губы чуть дрогнули в ответ.

Упав на землю рядом с ней, я стянул с себя рубашку, и лисица тут же перевернулась на живот. Сдвинутые в недоумении брови задавали безмолвный вопрос; я вдруг понял, что неподобающе веду себя рядом с принцессой, и снова ощутил холодный ветер, гуляющий в разверзнувшейся между нами бездне.

— Я не боюсь клинка в твоей руке, — объяснился я.

Ариадна позволила себе лишь нервный смешок, но по телу тут же разлилось тепло. Смоляные волосы настойчиво скрывали ее лицо, но я был не менее настойчив в желании не упустить ни единого мига наедине.

— Кстати о конях, — вдруг подняла взгляд принцесса. — Мы так бесцеремонно

бросили Пепла и Ирвина. Даже не попрощались.

— Ирвина? — переспросил я, улыбаясь. — У твоего коня эльфийское имя?

— Я не так уж далека от вас, как кажусь, — пожала плечами она.

Бойкий нрав обоих был мне близок, и все же грусть по их доле не омрачала мой разум; столь выдающихся животных ждала хорошая судьба, даже если их предыдущие владельцы оставили дыру в стене замка и исчезли в едком магическом облаке. Даже если один из них — подозреваемый в государственной измене, сбежавший из темницы, а вторая — замужняя принцесса, последовавшая за ним.

— Териат, — робко произнесла она, и от моего сердца откололся едва заметный кусочек. Она давно не звала меня полным именем. — Я хочу помолиться.

Я тихонько выдохнул все, что трепетало в легких мгновение назад.

— Мне уйти?

— Нет-нет-нет, — лисица схватилась за меня, будто я был последней надеждой на спасение ее души. — Зачем?

— Разве люди не предпочитают молиться в одиночестве?

— Но ведь я не знаю, где храм, и...

Ее растерянность была настолько очаровательной, что я не смог сдержать улыбки. Принцесса уязвленно замолчала, вероятно, приняв мои мягкие чувства за снисходительность, а затем сменила тон на слегка рассерженный.

— Ты отведешь или мне искать самой?

— Ты уже на месте, — прошептал я, окидывая поляну взглядом. За одним из кустов мелькнул заяц, неудовлетворенный качеством свисающих с ветвей ягод. — Эльфы не строят храмов, *melitae*.

Рожденной и выросшей среди людей принцессе с трудом давалась мысль об отсутствии специально отведенного для молитв здания и поющего в нем хора священнослужителей. Люди построили их, чтобы загнать Богиню в стены, из-за которых ей якобы неведомы их деяния; желали безнаказанности за гнусности, что совершали на каждом шагу. Но Богиня все видит.

Valie ilqua hanua.

По спине пробежали мурашки.

— И как же вы молитесь?

В глазах лисицы горел живой интерес; я с горечью подумал, что слишком редко заставлял ее глаза светиться так ярко.

— Как подскажет душа, — задумался я. — Можешь начать прямо сейчас. Вслух или молча, лежа или стоя. Можешь спеть или станцевать. Уверен, Богине понравится, как ты танцуешь.

Ариадна кивнула, вновь переворачиваясь на спину, и устремила взгляд в небо. Пышные кучерявые облака лениво ползли, не поспевая за подгоняющим их ветром, а разноцветные листья, покидая родные ветки, изящно танцевали в его порывах. Я склонился над лисицей, мучительно желая прочесть мысли, бегающие под ее тонкой кожей. Узнать, что происходило в ее груди.

Крошечные прозрачные волоски на ее лице колыхались от моего дыхания. Ветер и солнце пропитали ее кожу.

С каждой секундой я ощущал, как мое чувство крепнет, становясь непоколебимой, недвижимой скалой, и мог лишь корить прежнего Териата, не сумевшего сдержать данного

себе же обещания.

Ариадна заерзала, будто одеяло из травы вдруг стало жестким и колючим.

— Я никогда от него не избавлюсь, ведь так?

Пальцами правой руки она обхватила свое левое запястье так крепко, словно хотела сломать. Переливающийся на солнце браслет сверкнул, заставив на мгновение зажмуриться.

Вечерний воздух наполнился гулом голосов и запахом уставших после долгой дороги тел. Маэрэльд направляла просьбы о помощи ко всем известным ей эльфийским племенам, хоть аирати и требовал изменить просьбу на приказ, и некоторые из них откликнулись.

Мелкие племена, многие из которых были кочевыми, прибыли раньше всех; по большей части потому, что в определенный момент располагались неподалеку. Таких сообществ на континенте были десятки, но все они были чудовищно малы для того, чтобы иметь хоть какой-то вес в предстоящей битве. Большую часть кочевников составляли друиды, предпочитающие совмещать жизнь в лесах и городах, или их чистокровные потомки, попросту привыкшие к часто сменяющимся пейзажам.

Я считал жестоким тот факт, что друид не мог связать жизнь с человеком; Богиня так боялась исчезновения эльфийской крови, что забывала о главной силе, движущей ее миром — беззаветной любви. Впрочем, это правило давно перестало вызывать споры в умах живущих, и я не знал, как давно в последний раз кто-то пробовал его опровергнуть. Никто не смел спорить с богами.

Следующими в Аррум прибыли жители драрентского леса, который местные прозвали Рейнларом, и я не на шутку встревожился. Где-то в глубине души, хоть и понимая необходимость их помощи, я надеялся, что они не станут вступать в войну. Да, дочь драрентского короля — королева Греи, а это значило, что после победы над нами войско Минервы прошло бы и по Рейнлару, сметая все на своем пути. И все же я лелеял мысль, что отправил мать и сестер туда, где их смогут защитить.

Эльфов из леса, что находился в окрестностях Эдронема и чье название я даже не решался произносить — северный говор пугал меня отсутствием гласных, — привел к нам лично Рингелан. Кидо живо интересовался, как тому удалось провести столь большой отряд через горы и тракт, не будучи замеченным со стен Греи, но аирати презрительно игнорировал все вопросы представителя ненавистного ему вида.

— А где... — замялся капитан Фалхолт, наклоняясь к моему уху. — Где его собственное войско?

Эльфийский король бросил на него полный желчи взгляд, но ответил спокойно, заметив ожидающий ответа лик Маэрэльд.

— В лесу едва хватает места тем, кто уже прибыл, — отчитался он холодно. — Мы подготовимся к битве в горах.

— Сколько вас? — бесцеремонно вмешался Индис.

Рычать на сына азаани горный волк не решился.

— Более, чем достаточно, — сдержанно ответил он. — К тому же, я веду переговоры с еще одним возможным союзником, встреча с которым тоже состоится в горах.

Индис открыл рот, но Маэрэльд легким движением руки приказала ему замолчать, с благодарностью отпуская короля. Рингелан был куда более внушительной фигурой, чем она, однако именно он регулярно отчитывался королеве в своих действиях. Неведомым образом она взяла над ним верх, сделав того покорным мужем, приказы которого всегда на деле

исходилили шепотом из-за его спины.

Места в, казалось бы, просторном лесу стало катастрофически мало. Повсюду раскинулись импровизированные жилища, некоторые из которых ютились между ветвями деревьев, а все хоть немного свободные площадки стали местом для изнурительной боевой подготовки. Дальний бой, вопреки моим ожиданиям, предпочитали не все эльфы; северяне орудовали самыми разными вариациями тяжелых топоров, от которых при замахе исходил свист, способный сбить с ног. Не были любителями лука и стрел и жители Рейнлара, отдававшие предпочтение легким мечам и коротким кинжалам.

Дети Аррума не желали показаться трусами, стрелявшими из-за спин собратьев, и трепетно осваивали непривычный для себя вид оружия. Усилия многовековых эльфов были похвальной инициативой, особенно учитывая старания, что они так самозабвенно прилагали. То, с каким — беззлобным и как будто бы отеческим — снисхождением на их неловкие атаки смотрел капитан королевской гвардии, лучше опустить.

Лисица любезно согласилась быть моим партнером, но никогда не отказывала тренирующимся неподалеку эльфам, нуждающимся в ее помощи; к тому же, я имел свойство уставать от бесконечных проигрышей. Меня совершенно не унижала моя неспособность победить принцессу, бьющуюся, к тому же, в неполную силу; я был очарован силой и статью, свидетелем которой ежедневно становился. И никогда ей не поддавался.

Впервые я не был вынужден скрывать свою магию; напротив, слава о моей силе шла далеко впереди, что привлекало бойцов, путешествующих мелкими группами. Молнии стали чем-то вроде развлечения для новоприбывших союзников, и поначалу я разделял увлеченность этой забавой. Я закалял сталь их клинков, прижигал раны от неудачных — или удачных? — атак на тренировках и поджигал ветки в костре, если ответственный за него решил меня о том попросить. Однако спустя некоторое время просьбы резко прекратились. В мою сторону стали смотреть лишь с опаской, незамедлительно отводя взгляд, доведись ему встретиться с моим. После произошедшего в замке прежний контроль сил был утрачен, и я все больше понимал настороженность, сквозившую в голосе Финдира, когда он смотрел в светящиеся звезды моих глаз.

Лучшего учителя с моей ненавязчивой подачи сумел заполучить Индис. Возможно, этот поступок был эгоистичным — по какой-то причине я отчаянно хотел увидеть их вместе, — но он определенно вылился в удачный, плодотворный союз. Союз двух наследников, что не займут — и не возжелают того — трон родителя.

Эльф быстро учился той части, где нужно было уворачиваться, но его человеческий наставник, не теряя упорства, убеждал его в важности хорошей атаки.

— Уходя от удара, устанешь сам, хоть и вымотаешь противника, — подметил Индис, сверкая смеющимися глазами. — Но, удачно ударив однажды, избавишься от нужды убежать.

— Разумно!

Капитан остановился на мгновение, легким кивком и поджатыми губами выражая удовлетворенность учеником.

— Я бы сказал “спасибо”, — замедлился вслед за ним Индис. — Но ты произнес это так, словно случилось чудо.

Став случайным зрителем этой сцены, я расхохотался. Их взаимодействие казалось таким естественным, что мне вдруг стало ясно, почему я так его желал: в сущности, они были одинаковы. В огромном множестве людей и эльфов я смог отыскать двоих похожих настолько, что в моем сердце они смогли занять одно и то же место.

— На сегодня достаточно, — бросил капитан, пряча клинок в ножны.

— Но ведь сумерки едва опустились! — взмолился Индис. — Ты обещал заниматься до темноты.

Капитан ухмыльнулся, и ямочка возникла на его левой щеке, окрашивая момент новыми оттенками. Он повернулся спиной к ученику и уже сделал несколько шагов в мою сторону; следующие слова были адресованы нам обоим.

— Я обещал дать совету подробную характеристику королевской армии.

Индис слегка помрачнел и молча кивнул, отпуская Кидо, хоть и знал, что тот не заметит его жеста. Последний, проходя мимо и, вероятно, помня о возможностях эльфийского слуха, похлопал меня по плечу, заглушив свои слова лязгом доспехов и, тем самым, защитив их от чужих ушей.

— Возможно, я ошибался по поводу рыжих.

Я не знал, скрылось ли это от слуха Индиса, но лицо того вновь засияло уже через мгновение.

Сплочение некогда расколовшегося народа вокруг столь безрадостной цели огорчало сына азаани. Он отказывался говорить со мной о временах, что я провел в Греке под чужой личиной, отмахиваясь и называя его худшим, что ему приходилось переживать. Я забросил идею разузнать подробности душевных терзаний друга, не желая бороздить свежие раны, но тем вечером в нем что-то переменялось.

Я предложил Индису потренировать его вместо капитана, аргументировав это наличием целого отряда мальчишек, бывшего под моим командованием, но тот сразу же отказался; хоть он и выглядел заинтересованным в обучении, желание посвятить вечер репетиции страшной битвы было, в самом деле, не в его обычаях. Вместо этого мы отправились к Сэльфелу, где после происшествия в тронном зале Греи едва ли можно было встретить хоть одну живую душу.

— Я не хотел говорить, потому что знал, что ты будешь винить себя.

Слова прорезали тишину, всколыхнув спокойную водную гладь. Я застыл, слегка задрал голову, чтобы посмотреть в глаза друга; он спешно отвел их, пряча взволнованный взгляд.

— О чем ты?

— Обо всем этом, — кивнул он вглубь леса. — О войне и о том, как мы к ней пришли.

— Неудачным стечением обстоятельств, — хмыкнул я.

Индис пожал плечами, и на его губах на мгновение мелькнула разочарованная улыбка.

— Азаани начала приготовления в тот же день, как ты надел расшитый золотом камзол и отправился за городские стены.

— Что ж, это неудивительно. Стычки в Эдронеме и захват Амаунета дали понять, что Арруму необходимо усилить оборону.

— Никакой обороны, — протянул эльф. — Только нападение.

Я непонимающе нахмурился. Маэрэльд никогда не стремилась нападать первой, ведь в этом не было никакой выгоды: расширять земли эльфам было незачем, тем более теряя такого ценного союзника, как королевская семья.

— Мать зовет себя посланницей Богини, но внутри нее клубится тьма, цепко схватившаяся за некогда светлое сердце, — прошептал Индис. — В умах старейшин плетутся еще более изощренные интриги, чем при дворе.

— Хочешь сказать, что задуманный Минервой переворот вложен в ее разум извне?

— Я не могу этого знать, — покачал головой он. — И надеюсь, что ответ на твой вопрос

отрицательный. Но, уверяю, Азаани никогда не делится пророчествами до конца.

— Ни с кем, кроме тебя? — предположил я.

Индис устало потер глаза, как будто отгоняя скопившуюся в них тоску. Тяжелый груз страшных знаний вполне мог оказаться причиной потускневшей искры, прежде так страстно горевшей в каждой клеточке его тела.

— Она видела войну. Во всех красках, ощущая брызги крови на лице и руках. Видела смерти большинства из нас, — медленно говорил он, с трудом выдавливая слова из горла. — И свою — особенно ярко.

Я гулко сглотнул, понимая, к какой мысли он хотел меня подтолкнуть. Пророчества азаани всегда относились к ближайшему будущему, а значит, все события, что так или иначе вели к нему, уже произошли.

Войны было не избежать.

Кровавое море, без конца наполняющее кубок бойца, но не утоляющее сводящую с ума жажду.

Меня отправили в замок лишь затем, чтобы пламя в моей груди вышло из-под контроля, разгорелось, оставляя за собой след из страшных разрушений. Дать магии толчок, стимул, цель, которой не достичь в искусственных условиях: настоящий, всепоглощающий страх навеки лишиться свободы, что дарована мне кровью, и жизни, что я эгоистично мечтал провести в объятиях обещанной другому женщины.

Я громко выругался, ударив кулаком по стволу ближайшего дерева; испуганная внезапным звуком птица шумно покинула ветку, где едва успела обосноваться. Задержись она хоть на мгновение — запах горелой плоти ударил бы в нос.

— Я и без того прошу у этих людей слишком многое, — едва смог выговорить я. — Выходит, я обманом перетянул их на нашу сторону.

— Обманом?

— Отныне Минерва не может считаться единственной виновницей предстоящей битвы, — взглянул я на друга, и тот, набравшись смелости, не скрыл ответного взгляда. — Я считал, что мы защищаем принадлежащие нам земли Аррума, отстаиваем мифическое право Рингелана на *nuru elda* и то, что она символизирует. Но ради чего мы сражаемся в самом деле?

— Ради исполнения воли Богини.

Я горько улыбнулся и взглянул в темно-синее небесное полотно, хаотично украшенное крошечными светлячками; именно оттуда, по моим незрелым представлениям, Богиня должна была следить за каждым нашим шагом.

— Разумеется, мать Природа — превыше всего, — буркнул я. — И мы должны угодить ее кровожадным желанием.

Индис едва сдерживался, чтобы не вспылить, и сжал кулаки так сильно, что те мгновенно побелели.

— Если боишься, что Ариадна сожалеет о своем выборе, скажи ей об этом, — вдруг предложил он. — И своими глазами увидишь, как быстро она в тебе разочаруется.

Я невидящим взором уставился на друга.

— Ты ходишь вокруг нее, словно побитый пес, виновато смотря в след, стоит ей повернуться к тебе спиной, — едва ли не с презрением бросил Индис. — Удивительно, что ты чуть не на сотню лет старше ее, и все равно ведешь себя, как дитя.

Я невольно поежился. Мне вдруг показалось, что он разорвал мою кожу, раздвинул

ребра, ломая клетку, в которой я изо всех сил скрывал — в том числе, от себя, — дурные мысли, и выпустил их наружу, заполняя воздух чем-то зловонным и грязным. Сомнения отравляют сознание — так мне говорил отец. И я знал, что насквозь пропитан этой отравой.

— Ты никогда не мог набраться смелости, чтобы заглянуть внутрь. И ты всегда был таким, — продолжал эльф, расхаживая из стороны в сторону и размахивая руками. — Поверхностным и невнимательным. Отрицал любую ответственность. Так не хотел быть похожим на отца, так боялся повторить его судьбу... и посмотри, где ты сейчас.

— По-твоему я хотел этого? — прошипел я, не в силах совладать с чувствами. Вывести меня из себя оказалось чудовищно просто; правда всегда ранит сильнее лжи. Индис ничуть не испугался, и злорадное подобие улыбки изуродовало веснушчатое лицо. — Мечтал связаться в битву, в которой заведомо не смогу одержать победу? Хотел обратить ее жизнь в прах?

— Заткнись и послушай.

Голос его был низким и властным; к чему бы его не готовила азаани, интонациями правителя он овладел в совершенстве. Я едва сдержался, чтобы не завывать во весь голос, намеренно поступая наперекор приказу. Между пальцами, покалывая кожу, сверкали бледно-голубые змейки.

— Она бы никогда не пошла за тобой, если бы знала, какой ты придурок...

Что-то будто толкнуло меня в спину, и мгновение спустя пальцы моей правой руки сомкнулись на горле Индиса.

— Придурок, — хрипел эльф, часто и быстро дыша. — Потому что твоя упертость не дает тебе ясно мыслить. Повторить судьбу отца — малая плата за то, чтобы утолить ее жажду приключений и странствий, ничтожная, чтобы не оставить ее сердце разбитым на тысячи осколков. Она не была бы так терпелива, глядя на твои нелепые потуги сражаться на мечах, если бы это самое сердце давно не было в твоих руках. Ты не в силах остановить войну никогда не был, так вспомни, ради чего сражаешься. Не каждому из нас дозволено познать это чувство, но ты продолжаешь глупо отвергать в себе право его испытывать...

Его слова становились все тише и тише, пока наконец совсем не затерялись в ночной тишине. Кожа Индиса нагрелась под моими пальцами. Оглянувшись, я понял, что берег Сэльфела залит холодным белым светом; было нетрудно догадаться, что стало его источником.

Сердце гулко забилося где-то в области живота, прижимая меня к земле. Растеряв взявшийся из ниоткуда запал, я разжал пальцы и сделал несколько шагов назад. Тело с трудом подчинялось, реагируя лишь на малую часть указаний, что давало ему сознание.

Индис зашелся оглушающим кашлем, стараясь не прикасаться к шее, на которой я оставил несколько кровоточащих ожогов. Однако на его лице не было боли и злости; он сиял сильнее, чем когда-либо прежде. Всепоглощающее ликование.

— Неужели достучался? — удивленно воскликнул он. — Поразительно!

Я попытался произнести что-то в ответ, но то ли не находил слов, то ли сил, чтобы обличить их в звук.

— Не знаю, умру ли я среди мечей и стрел, но, уверен, несказанные слова преследовали бы меня вечно.

— Я мог убить тебя, — обезоруженно прошептал я. — Ты совсем выжил из ума?

— Не мог, — твердо возразил он.

— Поразительно, — передразнил я. — На твоем месте я бы сожалел, что в свои годы не

обзавелся нормальными друзьями.

— Каждый должен быть на своем месте.

Опустив голову, я попытался отдышаться. Страх настиг меня с опозданием.

— Никогда не перестану удивляться тому, как ты находишь луч света в самой непроглядной тьме.

Эльф подошел вплотную и обхватил мои плечи своей худой, но жилистой рукой. Облако огненных кудрей взволнованно танцевало вокруг его лица, и Индис заговорщицки мне подмигнул.

— У меня тоже своего рода талант, не забыл?

Старейшины в недоумении ожидали приказов от своих правителей. Азаани спешила выступить, чтобы разгромить не ожидавших того людей, но аирати, руководствуясь — невероятно, и все же — голосом разума, а не кипящей ненависти, бесконечно отговаривал ее от необдуманных решений. Будто бы поменявшись местами, они сеяли недоверие в рядах бойцов; никто не хотел сражаться под началом неспособных к компромиссу полководцев. Во всяком случае, никто из числа эльфов.

Впрочем, горные племена держались, как и полагалось, холодно и спокойно, ничем не выдавая волнения.

Рингелан терпеливо выжидал подходящего момента. Почему-то он считал, что гордость и самолюбие Минервы будут чудовищно задеты, если она одержит победу нечестно: напав без предупреждения или в неравных условиях. Было очевидно, что он примерял на нее сугубо личные взгляды, и все же оказался прав. Принцесса и ее воины не высовывались за городские стены, лишь изредка отправляя несчастных гонцов осматривать границы леса. Я полагал, что это было изощренным методом казни: их лица были искривлены гримасой неподдельного ужаса еще до того, как сердца касалась спасительная эльфийская стрела.

Проснувшись утром, я ощутил непреодолимое желание побывать у Дворца Жизни. Окинуть взглядом величие моего народа, веками и тысячелетиями лишь растущее и крепнувшее, выраженное в хитросплетениях вечнозеленых, не боящихся перемен сезонов растений. Еще раз побывать в библиотеке, куда раньше так редко имел намерение и смелость заглядывать, и завороченно понаблюдать над обитающими там птицами и насекомыми. Мое желание с удивительным энтузиазмом разделили все, кто о нем услышал.

И не только.

Все тропинки, ведущие ко дворцу, были заполнены страждущими эльфами. Обитель правителей притягивала их, затуманивая разум, ведя к цели против воли, и я, хоть и слишком поздно, понял: это не было искренним желанием созерцателя. Это был зов. И на него откликнулись все. Без исключения.

Эвлон с присущей ему царственностью выглядывал с балкона одной из многочисленных башен. Устремленный в толпу взгляд давал понять, что дух леса ждал гостей, и все же был усталым, словно его хозяин потратил на зов все силы, что были в его запасе.

Эльфы растерянно переглядывались, наблюдая, как места у подножия дворца становятся все меньше; настолько, что вздымающейся от вздоха груди приходилось расталкивать собратьев, и поднятой волной едва не скидывать в ущелье тех, кто стоял к нему ближе всего. На мостах, однако, было пусто: хоть дворец и был свободен для посещения, приближаться к нему без причины и разрешения осмеливались единицы.

Водопады мягко, ненавязчиво шумели, приглушая голоса необычайного количества гостей. Застенчивое утреннее солнце игриво переливалось в их потоках, делая воду похожей на складки заботливо сотканного нежно-голубого шелка, ниспадающего с башен, будто с бедер изысканной леди. Схожесть с неумным потоком слез я предпочитал не брать во внимание.

Где-то в груди едва ощутимо похолодело. Я взволнованно оглянулся, понимая, что растерял в толпе всех, кого имел глупость привести. Найдя наконец пару мужских серых глаз, я увидел в них панику, и та больно кольнула меня в самое сердце; без единого слова я

понял причину беспокойства капитана. Другой пары таких глаз нигде не было видно.

Мой народ резко замолчал, словно получив удар за непослушание — спина на мгновение заныла, вспоминая горячие прикосновения плети, — и устремил взгляды к балкону главной башни, где торжественно появились Маэрэльд и Рингелан. Аирати горделиво не отпуская свой драгоценный посох, а королева леса склонила голову, положив руки на перила балкона — так, как делала мать, рассказывая ребенку-проказнику о пороках и добродетели.

— Вы желали знать, когда начнется битва, — пропела она, будто говорила о чем-то будничном и даже веселом. — Желали знать, когда сможете защитить свой народ, доказать, что ваше терпение не безгранично.

Толпа без энтузиазма подтвердила слова королевы. Недовольный реакцией, аирати тут же вмешался.

— Когда сможете отомстить за убитых братьев и сестер! — гневно бросил он. — Проучить людей за то, что они считают, будто могут быть нам равней!

Горный народ послушно рукоплескал своему королю. Правители вернулись к своим ролям, быстро сообразив, что иначе так же быстро растеряют авторитет подчиненных; в тот момент лишь это слово было уместным.

— И кое-кто готов сообщить вам дату.

Они одновременно взглянули за свои спины, ожидая появления загадочного информатора. Толпа замерла, не решаясь даже вздохнуть.

Из тени широких мантий медленно выплыли смоляные локоны.

— Ее высочество принцесса Минерва прислала письмо, — едва смог выговорить Рингелан. — Оно было в сумке одного из последних гонцов, что осматривали периметр леса. Но адресовано оно было не королю гор и не королеве леса, а ее дражайшей сестре.

Лисица фыркнула так, что это не смогли заглушить даже десятки окружающих нас водопадов. Ее взгляд был остр настолько, что чуть не оставил на коже аирати порез, но принцесса вовремя опомнилась, вперила его в конверт, лежавший в ее руках. С ее плеч спадало многослойное, летящее бледно-розовое платье. Подарок азаани.

— Тебе слово, дитя.

Маэрэльд изобразила нечто отдаленно похожее на поклон и сделала несколько шагов назад, утягивая за собой разгорячившегося аирати. В тот момент он был удивительно похож на ребенка; пожалуй, больше никого так не оскорбляла невозможность постоянно находиться в центре внимания.

Ариадна, насколько я мог разглядеть — в те секунды я благодарил Богиню за особенности эльфийского зрения, — отчаянно вцепилась в конверт дрожащими пальцами. Она несколько раз открывала рот, чтобы заговорить, но в лесу еще несколько минут висела звенящая тишина.

— Сестра... когда... мы...

На плечо принцессы опустилась тонкая длань Маэрэльд, и ее голос тут же окреп. Я знал это прикосновение: оно наполняет таким приливом сил, что хочется взмыть в небо, и лишает всех терзавших душу сомнений. То, что раньше казалось мне чудом поддержки близкого по духу существа, на деле являлось магической манипуляцией. Впрочем, несерьезной. И порой — крайне необходимой.

— В детстве у нас был шифр, чтобы передавать друг другу записки, которые ни одна, даже самая образованная служанка была бы не в силах прочесть, — объяснилась лисица. Ее

голос удивительным образом, подобно эльфийским правителям, окутывал всех присутствующих. — По какой-то причине она захотела обратиться к вам через меня. Вероятно, чтобы...

— Читай, — бросил из-за ее спины аирати.

Ариадна намеренно его проигнорировала.

— Помните: я на вашей стороне.

Лисица полными решимости движениями принялась разрывать конверт, извлекая из него объемный лист. Как выглядели загадочные письма я, разумеется, не знал. Любопытство завладело мной так же основательно, как и всеми прочими, жадно старающимися разглядеть хоть что-то, выглядывая из-за голов собратьев.

Еще несколько минут Ариадна внимательно разглядывала письмо, разбираясь в хитросплетениях слов сестры; та наверняка упомянула множество неуместных деталей, которые лисица благоразумно пропустит, зачитывая послание перед тысячами — в разной степени — воинственно настроенных эльфов.

— Сестра, — начала она, и голос ее, несмотря на магию азаани, слегка дрогнул. — Твое предательство не ранило меня, ведь мы всегда были чудовищно далеки. Скажи... что я не испытываю перед ними того страха и трепета, каким их радовали наши предки. Я не похожа ни на кого из них. А дражайшему из друзей...

Ариадна закашлялась. Нетерпеливое ожидание витало в воздухе, будучи почти осязаемым, и она не стала затягивать паузу.

— Моя кровь оказалась красноречивым рассказчиком, и многое поведала о том, кем я должна стать — королевой, какой не знал ни один континент... Я ни на секунду боле не забуду ту, что подарила мне жизнь. Клаире... Свою победу над эльфийским народом я посвящу ей, а *nugu elda* с тех пор будут называть лишь меня, забыв о том полоумном подобии короля.

История о падении Эктерры и его причинах не выходила у меня из головы с тех самых пор, как я прочел о ней в библиотеке Грей. Среди эльфов она не передавалась ни посредством записей, ни из уст в уста; мы живем слишком долго, чтобы быстро забывать обиды.

— Но я не хочу, чтобы победа была простой, ибо знаю, что одержу ее в любом случае. У подножия гор, к северу от тракта, есть пустынное поле. Встретимся там в первый день новой луны, чтобы победитель мог забрать все. Передай им... — лисица снова закашлялась, как будто бы отгоняя нежелание пропускать слова Минервы через свои губы. — Каждое мгновение, что вы не бежите прочь, я приближаюсь. Но, ощутив дыхание за спиной, вы не успеете обернуться — клинки моих воинов уже коснутся ваших шей. Уверена, Богиня будет рада такому жертвоприношению.

Едва сумев договорить, Ариадна тут же отступила в тень, прячась за спинами эльфийских правителей. Они, вероятно, были ознакомлены с содержанием письма заранее; ужасающее спокойствие на лице аирати нельзя было объяснить иначе. Выдержав всего несколько секунд, толпа взорвалась кровавыми выкриками. Среди потерявших самообладание были как дети гор, так и леса; последних едва ли было меньше половины. Я никогда прежде не видел их такими: умиротворенные лица обратились гримасами ярости, а недобрый огонь подогревал толпу сильнее, чем солнце в летний день. На мгновение я ощутил всепоглощающую тоску. Я был одним из них, но притом был страшно одинок: мне не хотелось звать их братьями и сестрами, не хотелось делить с ними небо над головой. Они

были такими же, как воины островного принца — желали лишь битвы, а не результата, к которому та должна была привести. Не зря Индис назвал меня ребенком: все эти годы я был наивен и слеп.

В ушах возник знакомый звон, что, смешиваясь со звуками разъяренного народа, мешал даже сосредоточить взгляд. Чья-то рука выдернула меня, не без труда протаскивая между сотнями тел, и вывела в лес, где не заполненный горячими словами воздух наполнил мои легкие, одурманивая. Я с трудом раскрыл глаза; Кидо нависал надо мной, пока я болтался в его руках, как тряпичная кукла.

— Что с тобой, дракон побери?

— Надо забрать ее, — пробормотал я, не уверенный, что капитан разберет хоть слово. — Они разорвут ее на части, когда она спустится, и...

— Индис со всем разберется, — отрезал он, закидывая мою руку себе на плечо. — Побудет с ней во дворце, пока все не успокоится. А тебе надо срочно прийти в себя.

Кидо потащил меня в сторону лагеря, куда мы перебрались, освободив дом моей семьи для тех немногих жен кочевников, что не желали биться, и их детей, волей случая оказавшихся в Арруме. Где-то на полпути я смог идти сам, и тонкий, раздражающий писк отошел на задний план, хоть и не покинул меня окончательно.

— Ты сегодня идешь на охоту, помнишь? — окликнул меня капитан. — Аэгтир сказал, что сегодня вы впервые за долгое время пойдете привычным составом. Кажется, он скучает по тем временам.

— Не знаю, могу ли сказать то же, — хмыкнул я.

Мы охотились до поздней ночи, но я так и не смог по-настоящему собраться с мыслями: три кабана ушли прямо у меня из-под носа, окинув взглядом, полным презрения за невнимательность. Впрочем, я все же сделал несколько удачных выстрелов, и, взглянув на общий улов, команда оказалась довольна. Прокормить такое количество эльфов оказалось непросто, и некоторые выражали опасения, что после окончания войны в Арруме нечем будет питаться. Во всяком случае, то, что попало в поле моего — хоть и рассеянного — зрения, свидетельствовало об отсутствии причин для подобных мыслей.

Попытки найти Индиса среди еще не спящих обитателей лагеря не увенчались успехом: мне сообщили, что за весь день он так и не вернулся из дворца, и это странным образом принесло облегчение. По крайней мере, теперь я знал, где искать. Лишь не знал, как это будет мучительно.

“Аарон”.

Голос возник из ниоткуда, но я не был удивлен; он почти всегда приходил следом за потерей сил. Зовом сопровождался каждый шаг, что я делал по направлению к дворцу, и становился громче; казалось, голос думал, что не может до меня достучаться, и потому начинал сильнее колотить по невидимой двери.

“Аарон. Аарон. Аарон. Аарон”.

Идти становилось все тяжелее, как будто я шагал по морскому дну, прилагая все усилия, чтобы не всплыть на поверхность. Воздух был вязким и тяжелым, и я пробирался через него, раздвигая невидимые слои руками. Он отталкивал меня; сделать шаг назад было так легко, как будто бурный речной поток уносил меня по течению.

“Аарон. Аарон. Аарон. Аарон. Аарон. Аарон. Аарон. Аарон”.

Трезво оценив бесполезность своих методов, неведомый наблюдатель решил в корне

изменить подход, и по слуху ударила оглушительная тишина, а лес перестал препятствовать моему продвижению вперед. Я выдохнул. Но, как оказалось, слишком рано.

По телу прокатилась волна тепла. Нет, не тепла — обжигающего жара, как будто мириады огненных муравьев воткнули в меня свои жала, когда я преспокойно отдыхал на самой поверхности солнца. Сознание тут же забило в панике, и ноги сами понесли меня к ближайшему месту, где можно было бы найти спасение. Я стянул с себя одежду еще по пути: даже малейшие прикосновения ткани к коже вызвали страшную боль, сравнимую с моментом вхождения лезвия в плоть. В глазах темнело, и лишь чудом я сумел ни разу не быть остановленным каким-нибудь нагло стоящим на пути деревом.

Воды Сэльфела всегда были холодны, а окрестности — безлюдны. Я погрузился в обволакивающую жидкость с головой, ощущая прикосновения огня даже на затылке, отчего движение каждого волоска казалось нестерпимой мукой. Пруд едва не вскипел, принимая мою горящую плоть, но быстро вернулся к привычному состоянию мрачного покоя; черная гладь, отражавшая безоблачное, почему-то беззвездное небо, лишь слегка колыхалась от моих движений. В глубинах Сэльфела не обитала ни одна рыба, не цвела ни одна водоросль — вероятно, потому что сама его суть была пропитана смертельной тоской, не позволяющей жизни зародиться и цвести в неприветливой среде.

Я провел под водой столько времени, сколько мне позволил не слишком развитый навык задерживания дыхания. Вынырнув и жадно вдохнув слегка прелый осенний воздух, я осознал, что ночь была не так тепла, как мне казалось раньше; провести ее под водой до первых лучей солнца вдруг показалось разумным решением.

— Кнорд!

Выходя из-за деревьев, лисица удрученно осматривала полы нежного платья, беспощадно испачканного грязью с размытых дождем дорог. Я улыбнулся, позабыв об обуявших меня неприятностях; из ее уст эльфийское ругательство звучало странным образом очаровательно.

Подняв на меня взгляд, принцесса сделалась сердитой, и уперла руки в бока.

— Я испортила из-за тебя платье, — пробормотала она недовольно. — Помахала тебе рукой, а ты бросился прочь, как ошпаренный!

— Приношу свои извинения, Ваше Высочество, — наигранно произнес я, изображая поклон настолько, насколько это было возможно, находясь по подбородок в воде. — Не имел намерений расстраивать ваши чувства.

Ариадна склонила голову набок, улыбнувшись моей провокации, но брови ее остались обеспокоенно сдвинутыми к переносице.

— Что с тобой?

— Захотел искупаться, — солгал я непринужденно.

— Разве в Сэльфеле это не запрещено?

— Запрещено.

Я смутился; нарушение правил не было моей целью, и все же жар был столь нестерпимым, что я не видел иного решения. Подплыв ближе к берегу и кончиками пальцев нащупав дно, я чуть приподнялся, обнажив холодному воздуху шею; по ней тут же пробежали огненные мурашки, заставив незамедлительно вернуться под воду.

— Ну, раз так...

Хитрость в прищуренных глазах приковала мое внимание, и потому я не сразу понял, вестником чего она являлась. Руки Ариадны оказались за спиной, и, схватившись за края

изящно завязанного на талии банта, потянули их в стороны. Танцующее на ветру платье стремительно спустилось по коже принцессы, спустя мгновение оказавшись на сырой земле, от которой лисица еще совсем недавно его защищала.

Сердце порхало в груди, словно отрастило крылья.

Слабый лунный свет полными ласки бликами прикасался к ее коже.

Я понимал, что мое замешательство могло показаться нелепым — мне и прежде доводилось видеть тела без одежды, — но то было совсем иное, щемящее душу чувство. Словно я заглянул в ту мифическую часть леса, где от песен окруженных таинственным свечением нимф распускались цветы, а Мать Природа лично являлась, чтобы благословить каждый из них на существование. Мне казалось, что я не в праве смотреть, но плавные движения Ариадны завораживали, перекрывая все придуманные мной — и тут же вылетевшие из головы — пути отступления. Я безмолвно наблюдал, как она медленно погружается под воду, с каждым движением становясь все ближе; даже воды Сэльфела, казалось, встречали ее с теплотой и небезразличием.

Откинувшись на спину, принцесса проплыла несколько метров, после чего застыла; волны держали ее, как верные слуги держат меч, преподнося его хозяину — на коленях, с вытянутыми руками и склоненными в благоговении головами. Капли воды переливались, образовав на ее груди причудливый рисунок, а кожа от холода напряглась, сделавшись еще более упругой. Именно так я и представлял себе нимф.

— Я давно хотела это сделать, — наконец произнесла она. — Но боялась, что меня линчуют за осквернение священных вод.

— Почему не испугалась сейчас?

— После сегодняшнего? — усмехнулась лисица, вытягивая руку в мою сторону.

Я послушно положил щеку на раскрытую ладонь, и ее обдало приятным, слегка колючим холодком. Желание наполниться им оказалось столь нестерпимым, что, подплыв к принцессе, я обхватил ее талию рукой, плотно прижав к себе всем телом. Ариадна удивилась, но не воспротивилась.

Чувство близости было опьяняющим и всепоглощающим. Прежде я не решался даже надеяться на него, а потому отказывал себе и в мечтах о нем; в последний раз я испытывал его так давно, что успел позабыть. Впрочем, именно такого я не испытывал никогда; ни одна магия в мире не была способна на подобное.

Ариадна коснулась шрама на моей щеке, и сожаление сверкнуло на ее лице.

— Говорят, перерождаясь, мы получаем те же шрамы, что украшали нас в предыдущей жизни, — улыбнулся я.

— Значит, не стоит корить тебя за навыки ближнего боя. Ни в одной из жизней ты так и не научился держать меч.

Кончиком носа я дотронулся до тонкой розовой полоски, оставшейся на ее губе после происшествия в башне.

— А ты, выходит, целоваться?

Решив доказать обратное, Ариадна прильнула к моим губам. Во мне не полыхала животная страсть, желающая овладеть и поглотить; я чувствовал нечто иное. Испепеляющая, молящая пощады нежность. Я крепко прижимал принцессу к себе, боясь открывать глаза; нереальность происходящего всячески намекала, что она была миражом, созданным израненным сознанием. Будь это так, моя благодарность за столь искусную иллюзию была бы безгранична.

Переборов себя, я поднял потяжелевшие веки.

Бледно-желтый камень в медальоне на ее шее отражал ленивое, ослабшее свечение моих глаз.

— Ты боишься смерти?

Ее голос разнесся по лесу эхом, отпрыгнув от каждого дерева, окружавшего пруд. Я ответил уклончиво, потому что сам не знал ответа; впрочем, в моих словах не было и толики лжи.

— Если бы я вернулся в ночь, когда впервые тебя встретил, зная обо всем, что придется пережить... — прошептал я, заправляя за ее ухо выбившуюся из простой прически прядь. — Я бы прожил эти месяцы снова.

— Я тоже, — виновато произнесла она. — Как бы ужасно это ни звучало.

Ее руки вынырнули из воды, окропив меня ледяными каплями. Пальцами она скользнула к своим волосам, развязывая сдерживающую их нить — ту алую реку, что не раз течением относила меня к принцессе. Метким взглядом наметив середину, Ариадна приложила к ней пальцы обеих рук и резко дернула; нить податливо оборвалась, став непригодной для подвязывания крупных локонов лисицы.

— Дай мне руку, — пропела она, нетерпеливо подрагивая всем телом, отчего рябь на поверхности воды зашевелила кожу.

Я протянул ей раскрытую ладонь. Ариадна обвязала одну часть нити вокруг моего запястья, увенчав сие произведение крошечным бантиком, а затем отдала мне вторую часть, прося об ответной услуге. Бант у меня так и не получился, хоть я и пытался до тех пор, пока пальцы не перестали подчиняться.

Жест был слишком щедр; но и я слишком желал его, чтобы иметь силы отказаться.

— Молния и лисица, — задумчиво протянул я, разглядывая самый бесценный из подарков, что мне доводилось получать. — Разве могла Богиня представить такую пару?

Ариадна рассмеялась.

— Сделаем вид, что она тут совершенно не при чем.

Я надеялся на это.

Руки лисицы обвили мою шею, а ноги плавно, но крепко сомкнулись вокруг моей талии. Я касался дна лишь самыми кончиками пальцев, и напряженный восторг моего тела не способствовал устойчивости, потому что я сделал несколько мелких шажков по направлению к берегу и прислонил Ариадну к исполинскому гладкому камню, выглядывающему из воды.

Завороженно глядя в лицо принцессы, я будто бы не замечал, как бесстыдно мои руки изучают ее тело. Бездумно, но внимательно и тщательно, боясь упустить даже самую маленькую и незначительную деталь — родинку, складку кожи, давний шрам. Наши тела сплелись, двигаясь в мучительно сладостном ритме, увлекая в пучину ощущений, поражающих яркостью и силой. Когда я заметил, что сердцебиение Ариадны ускорилось до предела, а ее ногти сильнее прежнего впились в мою кожу, я резко сбавил темп. Зрелище было слишком увлекательным, чтобы позволить ему кончиться так быстро.

Принцесса открыла глаза, растерянно пытаюсь отдышаться.

— Еще? — улыбнулся я.

— И только попробуй вновь остановиться.

Время стало неизвестным мне понятием; я не знал, течет ли оно медленно или несется, как горный ветер — для меня оно не существовало вовсе. Казалось, она несколько раз выдохнула мое имя, но я не знал этого наверняка; наслаждение накрывало и пульсировало,

делая сознание помутненным. Наши тела разгорячились настолько, что я позабыл, как мучителен был некогда настигший меня жар — воспоминание о нем стерлось так же быстро, как вздымалась грудь принцессы. Ее кожа источала запах лимона, впитавшийся за многие годы использования королевского мыла. Смоляные локоны подпрыгивали, несмотря на тяжесть пропитавшей их воды, а серо-зеленые глаза блаженно прикрывались, и это я видел исключительно отчетливо; пожалуй, как никогда прежде.

Губы Ариадны разомкнулись в беззвучном крике, а тело на мгновение напряглось каждой мышцей, после чего став мягким и невесомым. Воздуха в огромном лесу для нас двоих стало мало, и даже его холод не отрезвлял одурманенный разум; сколько бы я ни дышал, сердце не желало восстанавливать ритм.

Выглядывающие из-под воды плечи принцессы покрылись россыпью мурашек. Свет лунного серпа подсвечивал ее черты, словно те были частью мистического портрета, висящего в самой таинственной части замка; той, куда решались заходить только ради мимолетного взгляда на знаменитое полотно.

Я поднял принцессу на руки и решительно направился к берегу под аккомпанемент тихого игривого смеха. Выйдя из воды, мы одновременно бросили недоверчивый взгляд на облако воздушной ткани, бесцеремонно смешанной с грязью.

— Как думаешь, оно пригодно для того, чтобы еще хотя бы раз его надеть? — поинтересовалась лисица. — Вы, конечно, дикари, но вряд ли ходите без одежды в такое время года.

— Ты так считаешь? — подыграл я. — Честно говоря, мы закупили одежду только потому, что ожидали визита одной важной особы и ее не менее важного брата.

Принцесса потребовала опустить ее на землю и кончиками пальцев подняла платье с земли. Пока она старательно прикидывала, как могла бы надеть его, не испачкавшись, я накинул на ее голову свою рубашку; она была достаточно длинной, чтобы закрыть ее ноги до середины бедра. Лисица на мгновение замерла, но затем с облегчением приняла помощь. Следом я обернул ее в свой плащ, превратив полоску ткани платья в совершенно нелепый пояс и повязав его вокруг талии принцессы. От моих сапог она отказалась, и тогда я вновь взял ее на руки. На этот раз Ариадна не была удовлетворена моим поступком, но после продолжительного взгляда приняла его, как данность, снисходительно пожав плечами.

Я — возможно, в последний раз — взглянул в темноту, зияющую на месте пруда. На его поверхности поблескивало что-то круглое и металлическое, неспеша покачиваясь на слабых волнах.

Лисица все-таки соорудила на своей нити миниатюрный бант.

— Отныне и навсегда? — вспомнил я ее свадебную клятву, не сумев сдержать улыбку.

— Иди к дракону, — чуть обиженно рассмеялась она.

Той ночью она так и не заметила, что ее левое запястье опустело.

Первый день новой луны пришел нескоро, и все же скорее, чем я того желал.

Прежнее нетерпение, вызванное бесконечными монотонными приготовлениями, сменилось разумным страхом; размышляя о битве, я наконец стал на самом деле понимать, что за ней стояло. И к чему это могло привести.

Рассветное небо в тот день было красочным, но холодным и неприветливым.

Отряды из леса прибыли раньше всех; мы вышли из Аррума еще затемно. Теплые плащи красовались на плечах эльфов, зная, что к началу битвы будут скинуты и затоптаны, и, вероятно, потому выглядя столь уныло. На лицах некоторых представителей высшей разы мелькало воодушевление, но все прочие демонстрировали лишь покорную готовность следовать воле своих правителей, а через них — и своей Богини. В ее непосредственном участии в сражении сомневаться не приходилось.

Я без конца скользил меж группами бойцов, не в силах стоять на месте: проверял доспехи — на которые эльфы, впрочем, никогда не полагались, — состояние оружия, заводил отвлеченные разговоры. К тому же, меня повсюду сопровождал Индис. Это помогало искусственно поддерживать в себе силы, но лишь до момента, пока мы не наткнулись на ту, что в наших рядах была самым безликим пятном.

— Бэт? — аккуратно позвал я.

Тусклые зеленые глаза молча обратились в мою сторону.

— Хочешь спросить, в порядке ли я?

Маленькое тело выглядело забавным на фоне гигантского лука за его спиной, и прежде я бы улыбнулся этому зрелищу. Теперь оружие выглядело, как деревянные крылья разочарованной жизнью птицы, намеренной уничтожить все, что ее с этой жизнью связывало. Бесчестная смерть матери потушила тот праведный огонь, что разожгла в ней обида, сменив его на слепое повиновение приказам.

— Я знаю, каково это, — приблизился я, нерешительно касаясь ее плеча.

— Тогда ты должен знать, как безразлично мне чье-либо сочувствие, — прошептала Бэтиель в ответ.

Индис бросился к подруге детства, заключая ее в объятия. Крепкие, полные боли и отчаяния. Он уткнулся носом в ее пышные волосы, и я подумал, что даже они, некогда яркие и светящиеся, казались помрачневшими. Копна едва заметно содрогалась, вторя движениям хозяйки.

Влага пропитала мантию Индиса.

— Мне жаль, что я не люблю тебя так, как ты того желала, — произнес он тихо. — И не могу подарить твоей душе успокоение, которого ты заслуживаешь.

Бэт отодвинулась, неожиданно рассмеявшись; горько и гулко. Утерев слезы крохотными кулачками, она многозначительно кивнула куда-то вдаль, в беспросветную толпу одинаковых плащей и оружий.

— Раньше я бы все отдала за эти слова.

— Моя вина, что я ничего не говорю вовремя, — пожал плечами Индис.

— Все равно спасибо.

В иной ситуации я бы почувствовал себя лишним в их разговоре, но тысячи окружавших нас воинов лишали момент всякой интимности, потому я подошел к друзьям и склонился,

чтобы коснуться лба Бэт губами. Ожидал, что она вынырнет из-под меня и скривится от отвращения, но эльфийка замерла, стоически выдержав мой порыв. Уходя, я побоялся обернуться.

Эльфы, ожидавшие битвы в Армазеле, постепенно прибывали, и наше войско разрослось до самого горизонта. Ряды аирати пополнились куда больше, чем он обещал; вероятно, ему все же удалось убедить того загадочного союзника. Впрочем, я не мог выделить среди горных эльфов представителей той или иной местности: в отличие от многообразия обитателей лесов, все они выглядели относительно одинаковыми — высокими, холодными и пустыми.

Сам Рингелан прибыл так, словно его появление было главной причиной собрания: верхом на исполинском волке, на котором, казалось, удерживался лишь чудом, и со сверкающей короной на голове. Основная ее часть оказалась выполнена из серебра; почему-то раньше я воображал ее золотой. Печально известное украшение сливалось с белыми волосами аирати, выдавая себя лишь невероятным блеском глубоких, завораживающих изумрудов. Вероятно, горный король решил, что подразнить Минерву — хорошая идея.

Его ближайšie соратники также явились верхом на волках.

Маэрэльд не поддержала инициативу вовлечения священных животных в бой и оставила Эвлону в лесу. Никто не знал, желал ли он пойти следом, ведь голос его — за редким исключением — слышала лишь азаани, но в последнюю встречу с эльфами глаза его сверкнули влагой и печалью. Лишь на мгновение — затем он сразу скрылся, не готовый выдавать детям тоски отца.

Воины, воспитанные под предводительством новоиспеченной королевы Грей, тоже медленно прибывали, заполняя противоположную часть пустоши. Они занимали заранее оговоренные позиции, выстраиваясь ровными рядами, и не проявляли никакой агрессии по отношению к противникам. Напротив, казалось, они с трудом держались на ногах, сотрясаемые испуганной дрожью. Эльфы посмеивались, чувствуя их страх, но я видел лишь юнцов, совсем недавно взявших в руки меч, и сердце мое напряженно сжималось. Они были детьми даже по людским меркам. Детьми, знающими, что умрут, как сильно бы ни старались.

Я заметил в их рядах Идена — одного из мальчишек, которых самолично учил убивать, — и, не выдержав, скрылся за чьими-то более безразличными спинами.

Приближение заката окрасило мертвое поле в багровые оттенки. Горы стали казаться клыками, пронзающими небо и оставляющими страшные, незаживающие раны.

Природа знала, чем вскоре будут окроплены ее земли.

Когда войско Грей полностью сформировалось, а солнце скрылось за одним из клыков, вперед выехали четыре всадника. В воздухе тут же повисла бездыханная тишина. Эльфийские предводители последовали примеру людей и встали во главе войска, не нуждаясь в поддержке военачальников.

Всадники спешили. Минерва вытянула руку вперед. Воины приготовились, полагая, что она подаст сигнал к бою, но этого не случилось; на руку воинственной принцессы опустилась взявшаяся из ниоткуда птица — ворона с ослепительно белым оперением. Плод чар Рагны — коим, как я полагал, она являлась, — терпеливо дождался, пока Минерва вложит в его лапы свое послание, после чего в мгновение ока оказался на плече Рингелана. От нахлынувшего отвращения тот так сильно скривился и дернул плечом, что едва не

столкнул пернатого гонца. Столкнул бы, если бы он был настоящим.

Азаани вытащила аккуратно сложенный кусок бумаги и развернула его; обращение было написано заранее, еще в замке, о чем свидетельствовал ровный почерк и полностью высохшие чернила.

— Встретимся на середине пути. Только правители и их приближенные, — произнесла она негромко, не надеясь и не желая, чтобы эти слова донеслись до каждой пары заостренных ушей. — А также Ариадна Уондермир и Кидо Фалхолт, даже если они таковыми не являются. Хочу взглянуть им в глаза. Прошу позволить мне эту прихоть, ведь она, возможно, будет последней о какой я посмею просить.

Я с трудом мог поверить в то, что Минерва допускала возможность поражения, и все же это было проявлением своеобразной вежливости, которой ее всю жизнь учили при дворе. Ариадна недобро ухмыльнулась, услышав, какой акцент сестра сделала на ее фамилии; так, словно теперь отреклась и от нее.

Требование Минервы нельзя было расценивать как возможность переговоров, и все же никто, казалось, ни на мгновение не подумал отказать ей в исполнении просьбы. Капитан и лисица пошли следом за двумя старейшинами, коих аирати и азаани взяли с собой. Я не стал дожидаться приглашения.

Подойдя на комфортное для разговора расстояние, мы выровнялись в стройную шеренгу; я не знал, намеренно ли, но аирати сильно замедлил ход, позволяя этому случиться. На его лице метались непонятные, незнакомые эмоции, иногда сменяясь привычными безразличием и высокомерием. Минерва с упоением смотрела на растерянность горного короля, то и дело скользя взглядом чуть выше, на сверкающую зелень тиару.

По правую руку от светловолосой принцессы стоял Рагна, общая невозмутимость которого нарушалась лишь едва заметным, заинтересованным свечением желтоватых глаз. В закатном свете солнца его серебристые волосы приобрели грязный, неопрятный оттенок, делая юное лицо отталкивающим и пугающим. Легкий наряд без единого доспеха свидетельствовал об отсутствии намерений сражаться; впрочем, все ждали от него несколько иного участия.

Лэндон выступил на полшага вперед, но его желание защитить своего предводителя не польстило Минерве, и она заставила его вернуться на место. Недоверчивый прищур, старательно избегающий взгляда в сторону Кидо, не украсил лицо советника. Капитан же, напротив, смотрел на него беспрестанно, каждой клеткой своего тела выражая неприязнь; как к Лэндону, так и к самому себе.

— Долгожданная встреча, — игриво протянула Минерва, нарушив тишину. Лисица от неожиданности вздрогнула, задев меня ножами висящего на ее поясе меча. — Неужели вы не рады, что все подошло к концу?

— Если ты так ждала своего конца, то ты вскоре его получишь, — монотонно ответил аирати.

Правительница Грей хмыкнула, наигранно надув губы.

— Разве позволительно так общаться с соплеменниками?

— Ты не эльфийка, дитя, — твердо произнесла Маэрэльд. — И уж точно не проронишь ни слезы по эльфийской судьбе.

— Ох, не будьте так уверены.

Рингелан едва успел открыть рот, как магия в моей груди колыхнулась, оповещая о произошедших изменениях. Мир замедлился. Ветер, раздувавший пряди Минервы,

приостановился, а приподнятые полы плащей замерли, словно были частью каменных статуй. Все происходило в точности так же, как когда пространство замирало, чтобы я мог разглядеть путь своей молнии.

Магистр сдвинулся с места и неспеша приблизился к аирати. Миниатюрный нож выскользнул из его рукава и тут же оказался у шеи противника; я дернулся, чтобы остановить его, но колдун ожидаемо заметил мое движение. На его губах мелькнула неожиданная улыбка; казалось, он был приятно удивлен, что я не застыл со всеми прочими.

— Я не стану его убивать, — прошептал он. — Не в моих полномочиях.

Клинок коснулся кожи аирати, и капля блестящей бордовой жидкости упала на лезвие. Удовлетворенный результатом, Рагна направился обратно; как только он встал на прежнее место, время возобновило свой ход. Ветер, которого раньше я не ощущал вовсе, едва не сбил меня с ног.

— Чт...

Рингелан осекся, касаясь пальцами новообретенной раны. Все взгляды обратились к магистру; тот медленно слизал кровь с лезвия и принялся смаковать ее, словно лучшее из южных вин. Тревоги не выражала лишь Минерва; она нетерпеливо ожидала вердикта.

— Никаких сомнений, — подытожил он.

Белокурая принцесса торжествующе выдохнула, на мгновение блаженно прикрыв глаза. Она хотела распробовать этот момент. День, когда ее наконец поймут и полюбят; неважно, по собственной ли воле. Могущество напитывало ее плоть и душу, разрастаясь и разгораясь, словно костер с бесконечно увеличивающимся количеством дров.

Ариадна сплела наши пальцы.

Я взглянул на нее, ожидая испуга или удивления, но увидел лишь плотно сжатые губы и упрямый взгляд, направленный несколько левее советника. Островной принц заметно изменился с нашей последней встречи; повзрослел и огрубел, став еще больше похожим на короля Дамиана. Одна лишь мысль о его существовании заставляла давно забытую ярость вскипать на задворках сознания, пробуждая самые низменные и эгоистичные побуждения.

Муж Ариадны растерянно коснулся браслета на своем запястье, и тень осознания легла на загорелое лицо.

Минерва подняла веки.

— Я думала, ты будешь гордиться мной, дедушка, — хищно улыбнулась она. — Посмотри, как театрально я обставила нашу первую встречу.

— Вздор!

Ярость Рингелана была столь ощутимой, что где-то за нашими спинами прозвучал предупредительный волчий рык.

— Вы что-нибудь знаете о магии крови? — вмешался магистр, беззаботно размахивая покрасневшим кинжалом.

— В приличном обществе ее использование порицается, — целомудренно ответила Маэрэльд. — Это бесчестное и грязное занятие.

— Верно, — протянул Рагна, переходя на шипение. — Ведь в приличном обществе не полагается говорить правду.

Аирати бросился к Минерве, так вытянув руку, словно желал схватить ее за горло, но оказался остановлен невидимой стеной; барьер, который принцесса могла создать и без помощи могущественного союзника.

— Вздор, — повторил Рингелан.

— Ты был так увлечен спасением нерожденного дитя от жизни в обреченном мире, что отослал его. — Минерва подняла голову, чтобы заглянуть высокому эльфу в глаза. — Но плод любви твоей дочери и короля ненавистного тебе государства так или иначе его уничтожит.

— У меня нет дочери.

— Разве ты когда-нибудь интересовался, куда исчезла твоя жена?

— Каждый день, — горько выдавил аирати. — И каждую минуту.

— Гордость не позволила тебе забеспокоиться сразу, верно? — язвительно поинтересовалась Минерва. — А потом стало слишком поздно.

Мысли в голове летали таким сумасшедшим вихрем, что та начала кружиться. Я лихорадочно перебирал в памяти все известные мне упоминания о пророчестве, некогда изменившем жизнь аирати и окончательно рассорившем его с людьми; о его семье, ограничивавшейся одной лишь исчезнувшей женой; о таинственной красавице, так и не ставшей первой женой Эвеарда.

— Позволь прикоснуться, — невинно произнесла Минерва, застыв в мгновениях от лица эльфийского короля. — И ты узнаешь, что я не лгу.

Рингелан чуть подался вперед, съедаемый безграничным любопытством, и принцесса по-детски, едва касаясь, поцеловала его в щеку. Глаза эльфа широко распахнулись, словно он увидел что-то, поражающее до глубины души, и плечи его мгновенно поникли. Разумеется, в способности аирати не входило чтение мыслей или умение безошибочно определять чужие намерения, но живущая в любом живом теле энергия весьма однозначно выдавала наглую, беспринципную ложь. Лишь таковой могла являться речь Минервы.

Если не была правдивой.

— Выходит, Клаире? — дрожащим голосом переспросил Рингелан, будто бы кто-то только что произнес это имя.

— Моя светлая К, — процитировала она отца, бросая на меня мимолетный взгляд.

Тогда, в кажущемся теперь далеком прошлом, она открыла мне свои раны, надеясь, что кто-то сможет ее понять. Отныне эта боль принадлежала не только ей.

Но в этот раз Минерва не была намерена ею делиться.

Всеобщее молчание делало медленное осознание Рингелана еще более ощутимым, почти осязаемым. Эмоции бушевали в нем, перекрикивая друг друга, а руки бесцельно блуждали по полам плаща. Минерва упивалась выражением его лица, постепенно снимая маску заботливого потерянного дитя.

Ариадна сжала мою руку так сильно, что молнии едва не отозвались ответным ударом.

— Я же говорила, Ари, — чуть наклонив голову, обратилась к ней Минерва. — Мы всегда были чудовищно далеки.

— Ты всегда была чудовищем, — ядовито бросила лисица. — Ты это хотела сказать?

Сестринская ссора боле не пополнилась ни словом, хотя имела все на то основания.

Рингелан рухнул на колени, обессиленный, и от величественной фигуры осталась лишь сторбившаяся, тусклая тень. По его щекам скромно текло нечто отдаленно похожее на слезы; я бы скорее подумал, что начали таять ледники его глаз.

— Клаире... — шептал аирати; голос его был чужим, словно кто-то иной озвучивал его мысли. — Клаире... она...

— Умерла при родах, — озвучила Минерва. Этот факт совершенно точно и так был ему известен. — Как и ее мать.

Казалось, вина за изгнание — или побег — жены терзала его сердце все эти годы, и, получив подтверждение самых страшных предположений, вырвалась наружу, разрывая его на куски.

— Подари ты жене хоть толику той любви, какой напитываешь свое самолюбие, и она не покинула бы тебя, — отрезала принцесса, поднимая подбородок предка двумя пальцами, чтобы он не упустил ни капли презрения, что она к нему испытывала. — Воспитавай ты дочь сам, не заставив скитаться по скотным дворам в поисках покровителей — и я бы никогда не появилась на свет.

Рингелан, позабыв беспокойство о статусе и уважении, терпел любые уготованные ему унижения. Пал, когда этого ждали меньше всего.

Никто не решался встать между разъяренной полукровкой и оскорбившим ее эльфом. Их взаимодействие виделось чем-то личным настолько, что две вооруженные армии, ожидавшие кровопролития, становились лишь маленькой, незначительной деталью — как комнатное украшение, добавляющее значимости общей картине, но ничего не значащее само по себе.

— Прости, — вдруг прошептал аирати. — Прости, дитя. Я... превратил тебя в это...

— Ну уж нет, — строго покачала головой Минерва. — Не приписывай себе мои заслуги.

Воздух разрядился, и нос тронул трудноуловимый терпкий запах; однажды я уже ощущал его так отчетливо, находясь в непосредственной близости от источника. Глаза магистра залились желтым цветом, словно в них горело само солнце, а тень, до того преспокойно лежавшая на земле, разрослась настолько, что укрыла собой всех его спутников и преклонившего колена аирати.

Я схватил лисицу за талию и оттащил назад; не отворачиваясь, чтобы не упустить момент удара. Он был невидимым, и все же ощутимым; волна сжатого воздуха откинула нас еще на несколько шагов, а тех, кто стоял ближе, и вовсе повалила на землю. Маэрэльд оскорбленно поднялась, готовясь бросить в лицо Минервы ниспосланную Богиней угрозу, но закашлялась, не в силах произнести ни слова.

Предводительница войска Грей безмолвно обратилась к своему палачу, и принц Куориана моментально отреагировал, вложив кинжал в ее ладонь. Она торжествующе улыбнулась; казалось, ее надежды оправдались с лихвой. Направив взгляд точно в глаза азаани, Минерва медленно, без какого-либо сопротивления вонзила клинок в сердце своего предка.

Грандиозное тело, лишившись остатков жизни, превратилось в грудку безликих останков. Тиара скатилась с его волос, но так и не коснулась земли; дважды отцеубийца поймала ее на полпути и с нескрываемым наслаждением водрузила на свою голову.

Эльфийская погибель была обречена вечно повторять свою судьбу.

Волки за нашими спинами истошно выли, оплакивая того, кто был им правителем и братом; тот, на котором аирати явился на поле битвы, рухнул без сил. Маэрэльд разразилась полным отчаяния криком, и воздух вокруг нее содрогнулся.

Следившие за лошадьми мальчишки подвели животных к свите Минервы и вручили хозяевам поводья.

— Ирвин, — простионала Ариадна.

Вороной конь заметил хозяйку, но тут же получил удар в правый бок и с неохотой повиновался. Восседавший на скакуне принц Куориана посмотрел на жену с вызовом, но надолго взгляд не задержал. Пепла тоже не оставили в королевской конюшне; он покорно

следовал указаниям наездника, стремительно удаляясь к основному войску. Даже своенравный и неподчиняющийся без магического вмешательства конь смог найти себе хозяина в лице магистра.

— Ну что, — позвала Минерва с высоты своего седла непринужденно, но используя всю громкость голоса, чтобы тот добрался до воинов. — Начнем?

Войска взревели и в то же мгновение сорвались с мест.

Мне еще никогда не было так страшно.

Я знал, что должен биться, как это делали мои предки и будут делать потомки, но страх сковывал движения. Мне не хватало размаха, чтобы вложить в клинок достаточную для удара силу, и внимания, чтобы попытки блокировать атаки приносили хоть какие-то плоды.

Я пытался направлять молнии при помощи меча, но в пылу сражения оказалось, что возросшая сила магии имела последствия, и отдача была такой, что после каждого ее применения у меня немела рука. Я отбросил клинок в сторону. Беспольный кусок металла.

Лица людей, которых я неоднократно видел при дворе, мелькали со всех сторон, и я не замечал, как одно сменяется другим. Не видел лиц тех, в чьи доспехи врезаюсь с полным молний кулаком, тех, кому ломал конечности и сворачивал шеи. Все они были похожи: покрытые кровью, ликованием и ужасом, застывающим навеки в последний миг. Тела терялись в пыли пустоши, становясь лишь частью ее гиблого пейзажа.

Иногда мне удавалось отвлечься от летящих отовсюду ударов и разглядеть в толпе знакомые очертания; я старался не отходить от лисицы слишком далеко, оставляя ее в радиусе досягаемости моей магии. Ариадна справлялась в разы лучше доброй половины бойцов. Их с сестрой подходы к наследию в корне отличались: Минерва, обретя его, разорвала священную связь; Ариадна же, никогда не теряя, почитала и всюду несла за собой. Меч Уинфреда так славно лежал в ее руке, что казался пером, которым она писала историю своих побед. Хоть платья и украшения смотрелись на ней поистине великолепно, уверен — она была рождена, чтобы сражаться.

Некогда капитан королевской гвардии рубил подданных Греи без мыслей и сожалений. На них не было времени; изящество Кидо в бою завораживало, словно каждое его движение было подготовлено заранее и до блеска отрепетировано. Однако слабые места имелись у каждого из нас, и видеть их умели многие.

Куорианский воин приблизился к капитану до того, как я успел его предупредить; нанес удар по левому плечу, южанин оглушил Кидо волной боли, а затем занес клинок над его головой.

— Вниз! — рявкнул я.

Капитан без раздумий пригнулся, и молния обжигающим поцелуем накинута на лицо куорианца.

Я сдерживался, насколько хватало сил, но с каждой вылетающим из-под кожи разрядом чувствовал, какую мощь набирал ком света в моей груди. Непостижимую и неконтролируемую. Ее свечение вновь полностью поглотило мои глаза, что четко виделось в ослепших взглядах противников. Скорость увеличилась. Ударив одного из королевских гвардейцев в живот, я в недоумении наблюдал, как на протяжении нескольких секунд опускаются и поднимаются его веки, а молния проходит через его тело насквозь, зацепляя еще трех стоящих позади противников. Все они в следующее мгновение рухнули наземь, а еще через одно были затоптаны всадниками, только что расправившимися с моими

собратьями.

Какими разными бы ни были наши войска, перед Отцом Духов мы были равны.

Перед смертью все кричали одинаково.

Куорианский принц не спешил, рассекая на вороном коне по полю боя и резкими, бездумными движениями отсекая головы моим братьям и сестрам. Я гонялся за ним повсюду. Ирвин мастерски уходил, несмотря на внушительные размеры умудряясь протиснуться между плотными рядами воинов, и я мог остановить его — выстрелить молнией в коня, повалив островитянина наземь, — но не решался прервать жизнь животного без острой необходимости. Хант знал, как от меня скрыться; он заставлял коня постоянно менять траекторию движения, разворачивая его, прикрываясь за мощной шеей и густой гривой, чтобы я не успевал прицелиться. Но однажды он потерял меня из виду и повернулся ко мне спиной.

Он снова ошибся.

Молния долетела до шеи Ханта, и, как бы обхватив ее, вытащила его из седла. Я бы не позволил ему умереть так просто. Долю секунды — но для меня куда более долгое и сладкое мгновение — он провисел в воздухе, позволив мне приблизиться почти вплотную. Приземлившись и раскрыв глаза, принц увидел лишь мое лицо в обрамлении багрового неба.

Рука его потянулась к кинжалу на поясе — меч был слишком громоздким, чтобы суметь вытащить его в таком положении, — но я был быстрее.

— Ну привет, беглец.

Я склонился над принцем, коленями прижимая его руки к земле. Слабые попытки вырваться с его стороны были скорее представлением, нежели искренним намерением. Хант нахмурился, а затем одарил меня уничижительным плевком в лицо.

— И чего ты ждешь?

Ярость поглотила меня настолько, что мир вокруг перестал существовать. Я не слышал криков и лязга мечей, не чувствовал смрада и больше не знал страха. Всевозможные варианты пыток, которые я старательно изобретал в мечтах о возмездии, не подходили для поля боя и, что куда более важно, не были вариантом для того, чей гнев разросся до столь колоссальных масштабов.

— Скажи Ариадне, — хрипло произнес принц, и молнии тут же нетерпеливо попытались спрыгнуть с моих рук. — Скажи, что я действительно ее любил.

— Выплюнь это имя из своего рта, — зарычал я. — Ты не имеешь право его произносить.

— А ты?

Я положил ладони на его лицо, обхватив его с обеих сторон, но заколебался. Хант не ерзал и не извивался, не кричал, не отбивался; он лежал, полностью приняв уготованную ему участь, как будто бы знал, что все это время лишь оттягивал неизбежное. Глаза, наполненные больше смирением и тихим гневом от пережитого предательства, чем страхом перед грядущим, упрямо уставились на меня.

Я сжал пальцы, и магия полилась сквозь них, наполняя голову принца. Молнии забегали под его кожей, заставляя ту вздыматься и краснеть; запах жженой плоти тошнотворным вихрем устремился в нос. Тело Ханта лениво, обессиленно колыхалось, пока наконец не замерло. Из левого глаза к земле потянулись кровавые слезы, и я не успел убрать руку, не испачкавшись.

Месть не принесла и доли ожидаемого облегчения.

Минерва, окруженная плотным кольцом привилегированных гвардейцев, восседала на лошади и увлеченно вырисовывала в воздухе символы, брызгающие фиолетовыми искрами. Она не метала огненных шаров, не топтала противников ногами невидимых великанов и не топила их под волнами крови, но висящие в небе знаки вселяли не меньший ужас. Их сила была понятна лишь Маэрэльд. И направлена лишь на нее.

Королева эльфов висела в воздухе, удерживаемая силами Рагны. Седовласый юнец скрывался за спинами гвардейцев, ничуть не боясь бушевавшего за пределами барьера хаоса. Он словно подпитывался им: крики боли и отчаяния вызывали у него улыбку, полную неподдельного счастья.

Азаани едва дышала. Минерва направила на нее пустую ладонь и принялась наклонять то влево, то вправо, забавляясь; тело эльфийки отзывалось, словно зеркало, отражающее движения принцессы.

— Наверняка ты не думала, что умрешь от руки кого-то вроде меня?

Маэрэльд захрипела, не открывая губ.

— Ой, — наигранно вздохнула Минерва. — Прости, совсем забыла.

Словно прощаясь, она помахала королеве свободной рукой, а затем резко сжала пальцы в кулак. Эльфийка сникла, став бесцветным подобием прежнего воплощения жизни, и магия вокруг нее рассеялась; тело мертвым грузом полетело к земле. Принцесса тут же потеряла интерес, и вся сопровождающая ее свита двинулась куда-то вправо, вероятно, в поисках новой, хоть сколько-то важной для нее жертвы.

Бросившись к азаани, я обнаружил ее в руках ее глубоко скорбящего сына. Индис не оплакивал ее; он лишь крепко прижимал мать к груди, слегка покачиваясь взад-вперед, убаюкивая ее по дороге к реке Отца. Его губы двигались, но я не слышал слов.

Откуда-то из-за гор раздался странный шум, и сама земля в ответ на него содрогнулась. Я замер. Казалось, горы вот-вот упадут, словно задетая нерадивым актером декорация на королевском представлении; звук приближался, заставляя все больше голов обернуться в надежде — и страхе — увидеть его источник. Поле накрыла огромная тень, превратив сумеречный вечер в глубокую ночь, и пронзительный рев ударил по ушам.

По небу пролетели три исполинских существа. Не было ясно, было ли их присутствие жестом их собственной воли или воли их всадников, но огромные глаза рассматривали сражение внимательно и с тоской, знакомой лишь осознанным существам. Из ноздрей одного из них шел плотный пар. Прицелившись, он обрушил огненную лавину на отряд куорианских подданных, отдалившихся от основной массы войска.

Никогда не думал, что увижу драконов вживую.

— Эзара!

Я мгновенно отреагировал на голос учителя. Финдир, весь пропитанный кровью и потом, указывал на восток, куда направился отряд Минервы. По спине пробежал холодок; молнии сами потянулись куда-то за спину, заставив вернуться к другу и увидеть занесенный над его спиной меч.

Молния сбила юного воина с ног, но лезвие успело вонзиться в плоть.

— Эзара! — вновь окликнул Финдир. — Соберись, дракон тебя побери! Она там!

Я беспокойно огляделся; лисица пропала из виду.

— Иди! — закричал Индис. — Иди же!

Кровь блеснула в уголках его рта, но взгляд был непреклонен. На груди отказавшегося от плотных доспехов эльфа расплзлось багровое пятно, словно в нагрудном кармане

раздавили целую горсть свежих ягод. Я кивнул, выражая сыну азаани свое повиновение, и сорвался с места.

Бесконечное побоище, казалось, не влекло за собой уменьшение войск. Я едва продирался через них, как через густой летний лес, думая, что никогда не доберусь до цели. В просветах между бесчисленными телами, от которых приходилось отбиваться, мелькали светлые волосы Минервы и знакомый меч, скачущий от доспеха к доспеху. Обезвредив последнего соперника на своем пути, я чуть не налетел на капитана, но успел увернуться, упав на землю в полушаге от него.

Происходящее больше походило на танец, нежели на битву. Потеря ритма означала победу противника, и все участники ревностно не желали этого допустить. Поднявшись на ноги, я понял, что нарочито аккуратные движения не были желанием сделать решающий удар заволаживающим — он был слишком близок, чтобы превращать его в акт искусства. Клинки застыли в мгновениях от двух шей.

Кидо сбивчиво дышал, твердой рукой прижав кончик меча к шее советника. Рана на плече Лэндона окрашивала его нательные рисунки в красный, напитывая их кровью.

Минерва щекотала кожу лисицы кинжалом, не утруждая себя необходимостью обездвиживания жертвы; чары Рагны без усилий с этим справлялись. Невидимые путы связывали ее руки и ноги, а губы беззвучно двигались; ее голос совершенно точно был околдован, иначе на честолюбивую принцессу давно бы обрушился водопад отборных ругательств.

Не успев поразмыслить и мгновения, я направил молнию на магистра; устранить его первым показалось мне логичным шагом. Воздух колыхнулся, отталкивая инородную магию, и разряд отрикошетил мне в живот. Тело отозвалось такой чудовищной болью, как будто только что побывало в чане с кипящим маслом.

— Надеюсь добраться до тебя чуть позже, — повернулась ко мне Минерва, наблюдая, как я изо всех сил стараюсь устоять на месте. — Но можешь остаться посмотреть. Ведь можно, если очень хочется, верно?

— Отпусти ее, — гулко скомандовал капитан Фалхолт; таким его голос я слышал только в моменты обращения к подчиненным.

Минерва рассмеялась. Она вела себя так, словно вокруг не бушевало сражение, не лились реки крови, не умирали люди. Слово все это было затеяно лишь ради личной мести. Мести тем, кто никогда и не думал, что причиняет ей боль.

— Ты же не считаешь, что его жизнь равнозначна жизни принцессы? — поинтересовалась она. — Ари, будь я на твоём месте, то засомневалась бы в верности брата.

— Неужели тебе не дорога жизнь собственного советника?

— Его мордашка дорога лишь тебе, Фалхолт.

Рука Кидо чуть расслабилась, но заложник не поспешил выбраться из его хватки; Лэндон замер, обескураженный честностью своего правителя. Глупо было полагать, что ее заботила хоть чья-то жизнь, кроме ее собственной, но верная служба и острый ум советника могли бы понадобиться ей и в дальнейшем.

Я попытался сорваться с места, но не смог сделать и шага. Руки стали такими тяжелыми, что даже водрузить на плечи небеса казалось проще, чем пошевелить пальцем.

Драконы кружились над нами, различимые лишь на фоне редких облаков, но Минерва не замечала их, будто бы считая, что ни один из них не посмеет метнуть в нее огненный шар. На поле невыносимо пахло сладостью горелой, обуглившейся до черноты плоти.

— Не знаю, жаль ли мне, — задумчиво протянула Минерва, поправляя чуть накренившуюся тиару. — Но иначе ты всегда будешь идти по пятам, распыляясь о своих призрачных претензиях на трон.

Бросив короткий взгляд на Рагну, она кивнула, и тот приблизился к Ариадне, на мгновение прикасаясь к ее губам своими. Лисица несколько секунд старательно прокашливалась, прогоняя остатки его поцелуя.

— Не более призрачных, чем твои, — запротестовала она. — Считаешь, эти скудоумные толстосумы примут полукровку на троне? После того, как ты разожгла в них ненависть к эльфийскому народу?

— У них не будет выбора.

— И что ты будешь делать с несогласными? — Надрывный крик лисицы резал слух, раскрывая старые раны. — Убьешь и их?

— Раз я смогла расправиться с родом матери, то легко смогу подчинить и род отца, — самодовольно ответила Минерва. — Люди весьма бесхитростны.

— Почему я не заметила, как ты стала такой?

Плечи Ариадны слегка поникли, и взгляд приобрел оттенок бессилия. Мне так хотелось поспорить с ним, что я едва не выл, но чары магистра не получалось пробить ни силой, ни ответной магией; все молнии, возникавшие на моей коже, уходили обратно, причиняя мне предназначенную противнику боль.

— Почему не отличила подростковые капризы от столь существенных перемен? — сокрушалась лисица. — Как я могла быть так слепа?

Минерва подошла к сестре и успокаивающе, как это могла бы сделать встревоженная мать, приложила ладонь к ее щеке.

— В этом нет твоей вины, — тихо пропела она. — В детстве я была хорошей лгуньей. А затем мне надоело лгать.

Блеск клинка.

Кровь хлынула, забрызгав Минерве лицо. Ее лик казался возникшей посреди ночного неба луной, темные пятна на которой были каплями вязкой багровой жидкости. Кидо опустошенно уставился перед собой, полностью отпуская советника, но и тот, вопреки ожиданиям, замер, не желая верить собственным глазам. Как и любому светилу, ей настала пора зайти за горизонт, а Лэндону — перестать черпать кубком из кровавого моря. Жажда исчезла.

Рагна ослабил свою магию, и я наконец смог через нее пробиться. Держать меня более не было смысла; как не было нужды и вырывать сердце из моей груди. Сверкающая светлыми волосами пара удалялась, зная, что плети в темноте подземелий были лишь прелюдией истинного наказания — на деле они избрали куда более изощренный метод.

Я рухнул наземь, как только подобрался к телу лисицы. Его сотрясала мелкая, интенсивная дрожь, а взгляд испуганно метался из стороны в сторону, пытаясь зацепиться за что-нибудь, кроме звезд и драконьих крыльев. Изящную шею, вместо привычных ожерелий и воротников, украшала длинная полоса: из-за отсутствия света она казалась черной, как кора дерева, из которой крупными струями вытекает густая, темная смола.

Ариадна жадно хватала ртом воздух. Я уложил ее к себе на колени, придерживая голову, чтобы уменьшить поток утекающей из пореза жизни.

— Нет-нет-нет, — бормотал я, едва успевая дышать. — Лисица, ты меня слышишь?

Лисица прохрипела в ответ что-то неразборчивое и тут же закашлялась, окропляя

красными каплями мое лицо. Я протянул свободную руку к ее горлу и выпустил несколько маленьких молний, пытаясь прижечь рану: находящаяся на поверхности кровь забурлила и спеклась, а кожа в некоторых местах покрылась рубцами. Что-то внизу живота свело, будто мои внутренности сжали в кулак.

Я должен был отогнать смерть от ее тела. Отпугнуть ее.

Грудь Ариадны вздымалась все медленнее. Частое растерянное моргание превращалось в ленивое, редкое. Я не слышал ничего, кроме слабого биения ее сердца.

— Ариадна? — позвал я, страшась произносить ее имя вслух. — Нет, нет, пожалуйста...

“Аарон”, настойчиво прозвучал голос. Я проигнорировал, продолжая попытки докричаться до принцессы. Мне так хотелось отругать себя за то, что я пустил ее на поле боя, что не увез за океан, что позволил всему этому произойти. Я не должен был отходить от нее ни на шаг. Я должен был наплевать на ее протесты, должен был спасти ее, должен был...

“ААРОН”.

— Да сгинь же ты, дракон тебя побери! — взвыл я. — Замолчи!

“ААРОН. ААРОН. ААРОН!”

— ЗАМОЛЧИ!

Сердце лисицы едва слышно ударилось, как будто пытаясь пробиться через ребра.

И затихло.

Лишившись доверия к собственному слуху, я припал к ее груди, стараясь расслышать хоть что-то. Кидо метался, раскидывая желавших легкой добычи воинов, и лишь изредка бросал на меня короткий, но полный надежды взгляд. Один из них я поймал; в тот самый момент, когда потерял всякую веру. Капитан взревел, охваченный гневом, будто пламенем, полыхавшим в его душе, и ринулся в гущу сражения.

Ее имя комом встало в горле.

Я склонился, прижимаясь губами к ее лбу. Кожа была холодной и покрылась испариной, тут же смешавшись с пылью, вздымавшейся из-под бесчисленных ботинок. Магия в груди встрепенулась, собирая мелкие молнии в густой ком таких размеров, что я едва мог вдохнуть. Тело стало каменным, недвижимым.

Горе во мне разрослось до удушья.

Подняв взгляд к небу, я представил, что Богиня сидит на одном из облаков, по-детски свесив ноги, и невозмутимо наблюдает за происходящим.

— Надеюсь, ты довольна? — закричал я, захлебываясь слезами; на вкус они были горькими, будто сок неспелого, но уже загнившего фрукта. — Как ты могла это допустить?

— Аарон, — будто бы ответила она мне. Певуче, мягко, словно мы общались на утренней прогулке в саду, вдыхая аромат недавно распустившихся яблонь. Я понимал, что воображение играло со мной злую шутку, но не мог отделить его плод от реальности.

— ЗАМОЛЧИ!

Я прижал лисицу к себе, обрушив град слез на ее волосы. Они спутались и растрепались, испачкались кровью и грязью, но были прекраснее, чем когда-либо. Бледное подобие принцессы лежало в моих руках, тяжелое и безвольное, как будто после изматывающего дня она погрузилась в глубокий сон.

И я стану его стражем.

Останусь в обезоруживающей теплоте ее объятий навечно, если потребуется. Не отпущу, даже если в спину воткнется предательский клинок, а шею обовьет удавка. В глубине своей затхлой души я знал, что это неправильно, но не желал поступать по зову совести и чести; я

мечтал лишь о мести, обрушающейся на головы виновных по воле чего-то высшего и непостижимого.

— Териат! — позвали меня; безликий голос, ставший неважным и потерявшийся в звуке ветра, как и все прочее.

Я не отреагировал ни одним мускулом.

— Териат, прекрати! — позвали снова. — Она мертва, и...

Из моего горла вырвался непроизвольный рык, сопровождаемый легким треском вырывающихся из-под кожи разрядов.

— Я знаю, как тебе больно. Но ты убьешь и всех остальных!

— Они это заслужили, — хрипло отрезал я.

— Остановись!

Я нехотя поднял глаза. Сражение несколько стихло, и на поле виднелись свободные от битв участки. Один из драконов важно вышагивал по земле, осматривая ране неизвестные ему владения, и даже величественный вид не помогал животному сделать походку коротких лап менее неловкой.

Капитан Фалхолт и сын азаани испуганно уставились на меня, застыв в десятке шагов. Их окутывало легкое холодное свечение; следы крови на их лицах и оружии переливались, будто бы роскошно украшенные наряды в свете солнца. Я пытался разглядеть за их спинами виновницу торжества, но взгляд постоянно застилала вспышки яркого, колкого света.

Кто-то позади меня пронзительно вскрикнул, и я инстинктивно обернулся. Обугленное, будто бы недели назад сторевшее тело билось на земле в предсмертных судорогах, взбивая пыль. Ни один из владевших огнем тиаров не попадал в поле зрения, и я опустил взгляд, как будто бы мог увидеть там хоть что-то, кроме бездыханного тела лисицы.

Моя грудь превратилась в подобие змеиного гнезда. Извиваясь в смертоносном танце, молнии выползали куда дальше, чем я прежде им то позволял — даже в худшие времена моего самоконтроля, — и казавшийся тихим треск вдруг ударил по ушам оглушительным рокотом. Руки затряслись от напряжения, и я едва удержал любовь своей жизни от оскорбительного падения. Бледно-голубые змейки переплетались, набираясь друг у друга сил, и вытягивались, образуя вокруг нас с Ариадной мертвую зону; даже случайно попавший в нее камень мгновенно обращался в пыль.

— Териат! — вновь позвал меня... кажется, Индис. — Если ты сейчас же не придешь в себя, мы все погибнем.

— Не все ли равно?

Я равнодушно пожал плечами. Внутри моего разума буря эмоций сметала все на своем пути, но ни одна не выделялась на фоне других настолько, чтобы выбраться на поверхность; даже голос звучал, как из-под толщи воды — далекий и чужой.

— Неужели ты хочешь сделать ее смерть напрасной?

Я попытался глубоко вздохнуть, но тут же поперхнулся. Горло саднило от застывшего в нем крика. Бросив взгляд на серое, обескровленное лицо принцессы, я уставился на друга.

— Ей не было суждено умереть так рано.

Магия в груди трепетала, скидывая с себя ставшие бесполезными оковы. Я почти слышал, как звенят толстые цепи и тяжелые замки, как скрипят прутья клетки, раздвигаясь перед неведомой силой. Вкус свободы манил ее, как нечто столь сладкое, что от наслаждения подкашиваются ноги, и ей так решительно хотелось вкусить его, что все преграды казались незначительными. Подпитанная горем и подоженная гневом магия

взорвалась, вырываясь наружу.

Молнии добрались до всякого, кто, закончив битву, имел глупость не исчезнуть за горизонтом. Я видел, как они обращают в пепел моих друзей и врагов, родных и незнакомцев. Всех, кто стоял на их пути. Даже драконья чешуя оказалась бессильна: светящиеся змейки долго танцевали вокруг исполинских животных, но слабые места находились и в их обороне. Огонь, что извергали их зубастые пасти, не имел на молнии никакого эффекта.

Индис принял смерть со смирением на лице — быть может, его мать предвидела подобное развитие событий, — в то время как капитан боролся до последнего, выкрикивая в мою сторону что-то очень громкое и колкое. Слова затерялись в холодном рокоте разрядов, а затем исчезли и их отголоски, смешанные с редким пеплом. Боль от их потери была сильна, и все же несравнима с той дырой, что и без того зияла в моей душе. Я смотрел, как мое отчаяние опустошало окружающий мир, стирая его с карты мироздания — и не чувствовал ничего, кроме тяжести тела принцессы в руках.

— Melitae, — прошептал я, убирая пряди с ее лица. Рука проскользнула сквозь них, оставив на пальцах слой пыли. — Не покидай меня.

Мне почудилось, что ее веки дрогнули, и я едва не закричал, желая сообщить о своей радости; впрочем, пепел едва ли мог похвастаться достаточным эмоциональным спектром, чтобы разделить мои чувства. Воображение рисовало картину, в которой я мог игнорировать любые намеки на истину, пока те оставались намеками. Но даже оно, столь старательное и изобретательное, не смогло застелить взгляд настолько красочным полотном, чтобы я не заметил главного.

Тело Ариадны рассыпалось, просачиваясь сквозь пальцы, как песок. Постепенно и равномерно, становясь прозрачнее, пока выученные наизусть линии не превратились в расплывчатые, нечеткие очертания. Я едва узнавал за ними лисицу. Хватался за остатки ее телесного воплощения, поднимал с земли пепел и осыпал им колени, на которых некогда лежала ее голова.

— Страшный сон, — бормотал я себе под нос. — Это просто сон...

Но я не мог заставить себя проснуться.

Оказавшись наедине с ужасом, который сотворил, я не справлялся с липким чувством стыда. Где-то в глубине я был счастлив, что больше не существовало глаз, видевших торжество моей скорби, и что я не почувствую на себе их тяжелый осуждающий взгляд; в остальном же ожидаемую от них ненависть я испытывал к себе сам.

Я лег на землю и свернулся в клубок, зарываясь в пепел, оставшийся на месте юной принцессы. Крепко зажмурившись, я вобрал в легкие столько воздуха, сколько смог, и разразился сокрушительным ревом. На моем теле не красовалось ни единого пореза, но я отчетливо чувствовал, как кровоточат раны, ломаются кости, выворачиваются суставы. Я невольно хватался за воспоминания о складках ее платьев, воздухе в ее волосах, играющем на коже свету, и тоска опаляла каждую частичку моей души, вгрызаясь в нее. Слезы огненными ручьями катились по щекам, оставляя за собой выжженные борозды.

Сердце вдруг забило быстрее и громче, будто бы очнувшись ото сна. Конечности заныли, вспомнив о пропущенных ударах. Волна силы прокатилась до самых пят, вызывая непреодолимое желание встать, и я поднялся, но так и не набрался смелости открыть глаза. На это понадобилось время.

За пределами своих век я не увидел ничего, кроме темноты. Ни следа от доспехов или

облаченных в них тел. Горы растворились на бесконечно черном полотне, заменившем моему зрению небо, землю, луну и горизонт. Я сделал шаг вперед, но, казалось, совсем не двинулся относительно пространства. Вытянул руку, но она не потерялась в черном тумане — коим, как я надеялся, он являлся, — а лишь возникла грязным пятном на черном фоне. Попытался оглядеться, но вскоре столкнулся с тошнотой и головокружением; не имея ориентиров, невозможно было понять, сколько оборотов вокруг своей оси я сделал — по моим подсчетам, где-то от десяти до тысячи.

Мир погрузился во тьму.

Мрак был нескончаемым. Солнечный свет не ознаменовал начало нового дня, а птицы не спели приветственную трель. Я использовал все возможности своего разума, чтобы найти края этой тюрьмы и пробить брешь в ее стенах, но так и не смог понять принцип ее устройства. От бега сводило ноги. Абсолютная тишина делала мысли столь громкими, что хотелось прикрыть уши; я понимал, что смысла в этом мало, но навеки остаться с жалким голосом моего разума казалось невыносимой перспективой.

Куда бы я ни шел, воспоминания сию секунду догоняли меня. Я старался думать о счастливом, проведенном в неведении детстве, о первой встрече с лисицей, о ночи в таверне с капитаном и его гвардейцами, но все картинки так или иначе сменялись на окровавленные, обугленные тела и пепел, от них оставшийся. Я уничтожил всех, кого когда-либо любил, и затронул тысячи жизней, которых не имел права касаться.

Надев маску странствующего аристократа и войдя в стены замка семьи Уондермир, я должен был помочь избежать войны. Взятые из ниоткуда силы казались знаком от Богини, свидетельствующим о моем избрании на столь важную роль. Где же Она была, когда стало ясно, что предназначением моим было не спасение, а гибель? Или же Она сама наделила меня такой судьбой? Сомнительный поступок для той, что тысячелетиями тщательно оберегала эльфийский народ от растворения в людском многообразии.

Гнетущее предвкушение вечного одиночества медленно изводило меня. Я пересматривал в памяти каждый шаг, что делал в своей жизни, начиная с самого первого из тех, что вообще мог вспомнить, и, хоть раньше и казался себе вдумчивым, теперь куда более ясно осознавал многие вещи. Случайные прикосновения Бэт к Индису никогда не были так уж случайны. Сэр Фалкирк был, на деле, несчастным человеком; если бы не его воодушевляющая глупость, он бы давно напоролся на чей-нибудь более решительный клинок. Ариадна подвязывала волосы нитью, когда задумывалась или злилась, а...

Я тут же коснулся своего запястья. Нить пропиталась кровью и покрылась слоем пыли, но все еще крепко держалась на руке; даже крошечный бант остался в первозданном виде. Меня будто окатили холодной водой. Они были правы. Вместо того, чтобы продолжить начатое нами дело, я обесценил все шаги, что с таким усердием делались весь последний год. Ариадна боролась за то, чтобы ее страна жила с распахнутой душой и горящими глазами, но пепелище не сможет воплотить ее мечту.

Я обещал себе не связываться с людьми.

Не влюбляться, не дружить, не дорожить их короткими жизнями.

Боль была нестерпима.

Я раздирал кожу пальцами, но на ссадинах не выступало и намек на кровь. Тянул себя за волосы, вырывая клыками, затем бесследно терявшимися в темноте, но волос не становилось меньше. Самоистязание не приносило ни малейшего облегчения; оно казалось не наказанием, а желанием замолить грехи, и я плевался от собственной мерзости. Не думал, что когда-нибудь буду так сильно скучать по ударам плетью.

Выбившись из сил, я попытался заснуть, но и это оказалось невозможным.

Усталость чуть проходила, и тогда я снова отправлялся на поиски края этого мрачного мира. Порой мне казалось, что с земли я переходил на стены и потолок, хоть для того и не было видимых причин. Как, впрочем, и чего-либо другого видимого.

Рассудок стремительно покидал меня.

Когда носа коснулся едва ощутимый сладковатый запах, я решил, что разум раскрасил воспоминания новыми красками, чтобы я окончательно не забыл о том, каково это — чувствовать. Однако затем запах стал более отчетливым, а слух уловил тихий шелест листьев. От восторга сердце едва не выпрыгнуло из груди. Определить источник звука было сложно, но я понесся к нему на всех порах, старательно прислушиваясь, приближается ли он. Находящееся в постоянном напряжении зрение среагировало на изменения острой болью.

Полотно прорезалось, и беспощадный мрак окрасился тонкой полоской солнечного света. В нем танцевали мельчайшие частички пыли, а цветочный запах ворвался в тюрьму лавиной. Создавалось впечатление, будто бы задуманная Отцом Духов пытка оказалась вероломно прервана его женой — и всей той жизнью, что она олицетворяла.

Мои шаги стали осторожнее. Я не мог знать, что в том оплоте света находится именно Она, как не знал и того, какие именно чувства испытывал по этому поводу. Благодарность за окончание скитаний в темноте была велика, но еще более ощутимым был гнев; кулаки сжались, и ладони засадили там, где ногти впивались в кожу. Смелость, необходимая для выхода в свет, переливалась через край, но я дождался, пока пройдет захлестнувший меня порыв, и только потом ступил на территорию жизни.

Даже проведя все свои годы в одном из самых живописных эльфийских лесов, я не представлял, что на свете существовали цветы стольких видов и оттенков. Крошечный пруд был окружен поразительным буйством зелени; деревья и кустарники тянулись к его водам, будто бы они наполняли их ни на что не похожей силой. Птицы беспечно качались на хрупких ветках, щебеча с сородичами о чем-то сокровенном, но чем-то слишком красивом, чтобы приглушать чарующую песнь. Кочующие с цветка на цветок бабочки дожидались своей очереди, чтобы опуститься на вытянутую вперед длань Богини.

Она была именно такой, какой я ее себе представлял — что, впрочем, неудивительно, если происходящее было плодом обезумевшего воображения, — разве что чуточку выше. По крайней мере, так казалось издалека. Изящная женщина в облаке из полупрозрачной, воздушной ткани опустилась на камень, выглядывающий из воды у самого берега, и принялась увлеченно рассматривать прилетевших с отчетом насекомых. Они держались строго и прямо — благодаря чему я и определил цель их визита, — совсем не размахивая очаровательными крылышками. Волосы Богини обладали цветом солнца, и вероятно потому его свет так увлеченно играл с локонами в прятки; даже небесное светило понимало, кто из них в самом деле управлял мирозданием.

Мать Природа медленно перевела на меня взгляд, словно заметила случайно, и удивленно вскинула брови.

— А вот и ты, — протянула она, сверкнув легкой улыбкой. — Добро пожаловать в мои владения.

Едва заметно тряхнув рукой, Богиня прогнала своих крошечных подданных, и принялась разглаживать складки на юбке. Мне было страшно неловко от чувства, что я нахожусь на официальной аудиенции у той, кого всю жизнь смел лишь почитать, за чьим одобрением мысленно оглядывался после каждого поступка. Я оглядел себя: доспехи исчезли, а пропитанные кровью ткани сменились на невесомые, дышащие свежестью одежды.

— Не могла же я пустить тебя сюда в том виде, — объяснила Богиня, заметив мое замешательство. — Я не потерплю кровопролитий в своем доме.

— Значит, против жестокости в чужих домах вы ничего не имеете? — не выдержал я,

позабыв о благодарности.

— Полно, Аарон.

— Мое имя звучит иначе.

— По-твоему, я в силах запомнить каждое из ваших имен? — усмехнулась она, всячески выказывая безразличие. — Их количество стремится к бесконечности.

— Почему же запомнили имя Аарона? Он не был рожден во времена, когда фантазия эльфов еще не успела вам наскучить.

— Оно... звучное.

Она пожала плечами, а я едва не поперхнулся, услышав столь поверхностное объяснение. Отношение Богини к созданным ею существам представлялось мне иным: казалось, будто она знала каждого из нас так, как не знал никто другой, и потому ее участие в жизни виделось мне неоспоримым фактом, очевидным даже тем, кто не проявлял большой любви к Природе. Ее отстраненность, однако, была ожидаема; редкий правитель ведаёт, что творится на его землях.

Я не заметил, как, занервничав, вновь начал раздирать старые ссадины.

— Не стоит так усердствовать, — указала Богиня на мои руки и поежилась от отвращения. — Времени здесь не существует, а значит, как бы того ни желал, ты не сможешь внести изменения.

— Времени... не существует? — Я ошеломленно замер, повторяя ее слова, чтобы получше их расслышать. — Я... уничтожил весь мир?

— Что? — переспросила она, заливаясь искристым смехом. — Вы, эльфы, часто бываете чересчур уверены в своих силах. Пожалуй, я избаловала вас, полюбив сильнее прочих детей.

Я смутился. Наивно было полагать, что молнии сумели распространиться по всему миру, и все же увиденное мной непрозрачно намекало о полном уничтожении поля битвы. Если они смогли стереть из жизни целое поле — почему не могли сделать этого со всем остальным?

— Но что произошло?

— Любому пиршеству настает пора завершиться, — холодно констатировала Богиня, расчесывая волосы. — Твой способ был столь же радикальным, сколь и действенным.

Я сделал два больших шага по направлению к пруду, и хозяйка небес настороженно замерла.

— Не думай, что сможешь противостоять мне, Аарон, — предостерегла она. — Я уже лишила тебя дарованных сил.

Не поверив словам, я выставил ладонь вперед и попытался вызвать безобидную светящуюся змейку. В груди зияла дыра. Я не почувствовал ничего, кроме новой порции смущения.

— Я зла на тебя.

— Как и я на вас.

Богиня пренебрежительно хмыкнула, пропуская мои слова мимо ушей.

— Я даровала тебе силу, коей не мог похвастаться никто прежде. Мне показалось, что ты сумеешь с ней совладать.

— Я справлялся, — перебил ее я. — До определенного момента.

— Ты был опьянен своим превосходством. Жадность тебе не к лицу.

— Разве я брал больше, чем полагалось?

— К тому же напрочь забыв о цене, — кивнула она самодовольно. — Учитель предупреждал тебя, но ты был настолько преисполнен чувством собственной важности, что отодвинул все на второй план. Так, будто в мире существует лишь две силы — та, которой обладаешь ты, и та, которую тебе только предстоит подчинить.

Я нахмурился; мне совсем не казалось, что я злоупотреблял особенными умениями. Несколько демонстраций, вероятно, были лишними, но не повлекли за собой плачевных последствий. Что касается войны... разве я мог поступить иначе? Правда — это всегда история со слов победителя.

— Так или иначе, ты все равно стал лучшим из моих экспериментов.

— Были и другие? С молниями?

— Большинство из них зажаривали себя во сне, — хихикнула Богиня, невинно поправляя упавшие на лицо волосы. — Другие — сходили с ума от звука моего голоса.

— Я был близок и к тому, и к тому, — мрачно ответил я. — Как могли вы обрекать их на такое?

Внезапно возникшая игривость Богини растворилась в воздухе, сменившись нескрываемым раздражением. Она поднялась на ноги, заслоняя собой солнце, и сказочный цветущий мир вдруг погрузился в угнетающий сумрак. Выдвигая предположения по поводу роста Богини, я слегка ошибся; ее строгие глаза отныне находились на высоте с два моих роста.

Я гулко сглотнул, почувствовав себя настолько ничтожным и крошечным, насколько это было возможно.

— Надо было оставить тебя во тьме подольше. Дать подумать.

По коже забегали мурашки. От воздушной нимфы не осталось и следа; Богиня нависла надо мной, подобно грозовому облаку — серая, тяжелая, готовая вот-вот взорваться. Я физически ощущал, как ее осуждающий взгляд ложится на мою кожу, оставаясь на ней толстым, несмываемым слоем.

— Я предостерегала тебя, но ты не слушал, — гремел ее голос в небесах. — Наказывала за совершенные ошибки, заставляя тело страдать. Откуда брались те синяки? Почему звенело в ушах? Отчего кожа горела огнем?

— Я не...

— Но ты был так ослеплен своей мнимой властью, что не внимал моим доводам! — Небеса содрогнулись, разразившись раскатом грома. — Защищая всех от тирании принцессы, ты и сам стал подобен ей.

— Разве я столь же честолюбив? — произнес я, не уверенный, что слова мои долетят до слуха Богини. — Разве стал бы убивать ради желания водрузить на голову венец?

— А разве не ты убил всех, кого знал, переживая смерть любимой?

Я всплеснул руками, не сумев справиться с эмоциями. По сути своей, в наших поступках действительно не было разницы: оба мы проявили жестокость из-за боли, наполнявшей наши души. Лишение родительской любви терзало Минерву на протяжении долгих лет. По крайней мере, ей хватило ума и терпения выстроить план и собрать войска, прежде чем обрушить гнев разбитого сердца на предка. Мое же сердце взорвалось мгновенно — без тени мысли о последствиях.

Богиня будто бы чуть уменьшилась в размерах, но стала еще темнее, поглотив остатки окружавшей ее жизни. Глаза пылали огнем, а нетерпение заставляло ее очертания подрагивать, как мираж, спешащий вот-вот исчезнуть.

— Твой отец тоже слышал мой зов, — мрачно заявила она. — И справился куда лучше.

— Он не обладал большой магией, — возразил я. — Всегда шутил, что его сила — это утомительные речи, своей скукотой неизменно наталкивающие на нужные мысли.

— Остроумно, — хмыкнула Богиня. — Но его достоинство было в ином — он знал цену своим действиям. Если бы не постигшее его несчастье, он прожил бы самую долгую жизнь, когда-либо известную полукровке. Жаль, он не успел научить должному поведению и тебя.

— В таком случае жаль, что его жизнь давно отобрали.

— Есть узы, которых не разорвать, Аарон.

Богиня коснулась пальцами моего плеча, и по телу прокатился холод, будто я с головой окунулся в ледяной зимний океан. Образ отца возник в памяти так ярко, что головокружение едва не сбilo меня с ног. Мне показалось, что он стоял чуть поодаль Матери, и я зажмурился, прогоняя его лик из воображения. Поднимал веки я медленно и опасно. Отец никуда не исчез. Точь-в-точь такой, каким был, когда я видел его в последний раз. Он протянул ко мне руку, насмешливо улыбаясь, как делал это всегда, когда хотел успокоить меня, но я спешно отвернулся, прячась от его взгляда. Побег не сулил утешения: в мгновениях от моего лица вырисовалось лицо лисицы. Бледная и уставшая, в рваной, испачканной одежде. Кровь густыми каплями вытекала из глубокой раны на шее.

— Прекратите! — взревел я, закрывая глаза руками. Мне казалось, что сама смерть касалась моего плеча. — Зачем вы это делаете?

— Если ты сможешь без страха смотреть в их глаза, то я позволю тебе все исправить.

— Разве ваш муж не отправил их души в новые тела?

— Я попросила его немного задержаться.

Все мое тело содрогалось, как в жутких рыданиях, но из глаз не пролилось и капли влаги. Лишившиеся жизни растения качались на слабом ветру, убаюкивая, но я все равно слышал, как на их листья падает вязкая бордовая жидкость. Присутствие Ариадны не вызывало сомнений. Древесный запах отчетливо угадывался в многообразии цветочных ароматов и больно бил по ослабшей душе. Я мечтал вновь увидеть ее лицо, но не знал, выдержу ли, если увижу его таким.

— Чего вы от меня хотите? — прошептал я обессиленно.

— Признания вины.

— Я виноват перед Ариадной и ее народом, — выпалил я. — И этот груз никогда не спадет с моих плеч. Но перед отцом мне раскаяться не в чем.

— Он так старался вырастить доброго эльфа с большим сердцем и чистым разумом. — Богиня склонилась, вкладывая слова прямо мне в ухо, исключая возможность скрыться от них. — И чем ты ему отплатил?

Я взвыл, не желая внимать ее речам. Необходимость и в то же время нежелание походить на отца боролись во мне всю жизнь; я должен был заменить его на посту примера для сестер, опоры для матери, главы семьи в обществе. Никто не ждал от меня того же величия, той же мудрости и силы, и я не чувствовал в себе возможности доказать обратное. Он редко посещал королевские приемы, потому что не хотел увязнуть в дворцовых интригах, но было ли заговоров в Арруме меньше? Я затруднялся с ответом. Влез ли я в них по уши, как только появилась такая возможность? Без промедлений.

— Ваши жизни — лишь нити, натянутые от рождения до смерти, Аарон, — отдалилась от меня Богиня. Мне показалось, что она обернулась вокруг своей оси, вызвав легкое дуновение ветра, но я все еще закрывал глаза руками. — Какие-то из нитей оборвались

независимо от тебя, но многие ты перерезал собственноручно.

— Быть может, вы смилуетесь, оборвав и мою?

— Откуда ты знаешь, что она все еще цела?

— Весьма неприятное чувство, — хмыкнул я. — Сложно с чем-либо спутать.

Мать Жизни звонко рассмеялась, позволяя всему вокруг вновь наполниться силой. Послышалось легкое жужжание насекомых. Сквозь импровизированные ставни к моему зрению стал пробиваться ненавязчивый солнечный свет.

— Твоя нить длинна настолько, что ее впору скатывать в клубок. Но я знаю, что ты не сможешь прожить ее, помня, что сотворил. К тому же, ты пошел совсем не по тому пути, который я для тебя уготовала, и теперь твоя сила будет для меня скорее обузой, нежели дополнительным орудием.

— И как же, по-вашему, я должен был поступить?

— Встать на сторону другой принцессы.

— В таком случае, вы крайне неопытны в выборе орудий.

Богиня вздохнула, и прозвучало это... разочарованно — словно родитель, вложивший в ребенка все средства и силы, вдруг понял, что его старания пошли прахом.

— Я не посылала горному королю того пророчества, — неохотно призналась Мать. Голос ее был тихим, словно эти слова дались ей с небывалым трудом. — Это был лишь неверно воспринятый сон.

— Разве не в силах аирати отделить одно от другого?

— Ответ на этот вопрос заставил тебя отправить к Отцу сотни невинных душ.

Даже доверие, тонкой нитью прошедшее сквозь наш разговор, не заставило меня открыть глаза. Скрываясь в темноте, я лелеял надежду, что сумею прогнать то, что ждало меня за ее пределами, однако колкие нотки лимона по-прежнему висели в воздухе. Прежде я не мог и подумать, что буду молить, чтобы ветер унес их как можно дальше. Впрочем, молить мне больше было некого.

— Я хотела наказать горного короля. Тысячелетиями я делала все, чтобы эльфы размножились и процветали, и вдруг появляется он, надменный и непоколебимый, утверждающий, будто я послала ему знак. — Богиня бросила последние слова с таким презрением, что я невольно поежился, будто подавляя желание увернуться от летящего в меня ножа. — Его самонадеянность могла лишит мира горных эльфов, ведь полукровки, желая оставить след после своей короткой жизни, куда более охотно заводят потомство.

— Звучит так, словно фермер говорит о скотном дворе.

— Я живу ради того, что создаю, — без энтузиазма оправдалась Богиня. — Разве садовники не избавляются от сорняков, а скотоводы — от больных животных?

Я не мог возразить, ибо слова ее звучали логично, и все же они возмущали меня до глубины души. Кусочки мозаики постепенно складывались в полную картину. Все, дотянувшись до власти, играют с теми, кто слабее; вот только детям достаются деревянные фигурки, а богам — судьбы целых народов.

— Выходит, Минерва — ваше орудие, чтобы наказать аирати. Но причем здесь я?

— Ты должен был ей помочь. Я ожидала, что она очарует тебя, и вы будете вместе вершить справедливость, но ты помог иначе — вонзил еще один кинжал в ее эгоистичное сердечко.

— Справедливость, — протянул я по слогам, пытаюсь распробовать в безразлично брошенном слове хоть толику иронию. — Так вы называете то, что она хотела сотворить со

всей эльфийском расой?

Богиня чуть рассмеялась, словно благородная дама, услышавшая неприличную шутку.

— Открой глаза, Аарон.

Из голоса исчезла прежняя враждебность, и я, поняв, что иначе никогда не наберусь смелости, резко одернул руки и поднял веки. Заплаканная, измученная лисица все так же стояла в шаге от меня, захлебываясь собственной кровью. Я разучился дышать. Ноги не удержали, и я рухнул на колени, ясно ощущая, как разваливаюсь на куски; рассыпаюсь в мелкую пыль, неотличимую от пыли дорог.

Тяжелая теплая рука погладила меня по волосам.

— Твое время пришло, — негромко произнес отец. Звук его голоса стал новым ударом по ребрам, выбивающим из легких воздух. — Я никогда не гордился тобой так сильно, как сейчас.

— Будь он настоящим, он бы никогда так не сказал, — прохрипел я, обращаясь к Богине. — Я уничтожил оба народа, чья кровь текла в его венах.

— Нет, Рири. Ты их спасешь.

Я решился взглянуть на отца. Морщинки в уголках его глаз и легкий прищур выдавали хитрую ухмылку, избавляя от необходимости смотреть на губы. Его лик был чуть прозрачным; солнечные лучи как будто проходили насквозь, усиливая отцовское тепло. Он вытянул руку, и на секунду ладонь его застыла у моего лица — так, чтобы я мог почувствовать ее присутствие, но избежать касания.

— Слишком поздно, — горько прошептал я.

Ариадна обошла меня, встав плечом к плечу с полукровкой, что в детстве был ей другом, и потянулась к своей шее. Кулон с бледно-желтым камнем беспокойно колыхался в ее руках, не желая покидать хозяйку, но лисица твердым движением протянула его мне. Я бросил на отца неуверенный взгляд, и тот обнял принцессу за плечи; как ребенка, которому нужен был знак одобрения. Он кивнул мне, и я принял подарок.

Камень упал в мою ладонь, утягивая цепочку за собой. Как только последнее звено перестало касаться руки лисицы, их с отцом тела стремительно растворились в воздухе. Я бросился вперед, пытаюсь ухватиться за них, но пустота неизменно ускользала из рук.

— Нет-нет-нет, — взмолился я, не сдаваясь. — Только не снова!

— Твое время пришло, — повторила Богиня. Птицы тихо, стеснительно запели, вторя ее словам. — Надень его.

Я не пылал желанием подчиняться приказам, но, не скрывая недовольства, сделал это. Цепочка едва не порвалась под резкими движениями, и все же тонкие звенья оказались прочнее, чем были на вид; тяжелый кулон лег на грудь так, словно для него там было отведено специальное место. Металл, из которого он сделан, показался мне колючим, хоть тщательная полировка и отбрасывала ослепительные блики.

На лице Богини расплылась широкая, светящаяся улыбка. Казалось, это было первой искренней эмоцией из всех, что она испытала во время нашей беседы. Иначе тот прилив сил, что я ощутил, могло бы объяснить лишь присутствие у пруда иного, невидимого божества, по какой-то причине желавшего возродить мою затхлую душу.

— Заключим сделку?

Ариадна

Я покачнулась, словно под порывом сильного ветра, и в глазах потемнело. Силы на мгновение покинули меня, закрыв глаза черной пеленой, но затем так же быстро вернулись, вспыхнув с новой силой. Сердце стучало так сильно, что, казалось, было готово вырваться из груди. Руку охлаждал металл.

Териат сидел на земле, держа в руках бездыханное тело, и рыдания душили его. Кровь обильно вытекала из раны на тонкой шее, и дрожь эльфа лишь способствовала усилению потока. Я растерялась; его реакция заставила меня засомневаться в том, какие чувства таились в его душе.

— Эзара? — тихо позвала я. Голос охрип, но шум вокруг будто бы нарочно учтиво стих, чтобы мои слова дошли до адресата. — Эзара, ты меня слышишь?

Териат замер, словно источник слез в тот же миг высох, и поднял покрасневшие глаза. Изумление, с коим он разглядывал меня — так, будто видел впервые, — и кинжал, плотно сжатый моими пальцами, не поддавалось никакому объяснению. Я вопросительно подняла брови, но в ответ услышала лишь неуверенный, нервный смех. Чуть пожившись, я списала это на испытанное им эмоциональное потрясение; хотя, сказать честно, более яростного бойца, чем он, той ночью было не найти.

Я приблизилась, заглядывая в испачканное запекшейся кровью лицо, и с удивлением обнаружила, что светящийся ободок вокруг зрачка полностью исчез.

— Ты... убила ее?

— Да, — неохотно произнесла я. Его вопрос прозвучал нелепо, ведь он был таким же свидетелем произошедшего, как и все остальные. — Рагна слишком рано ослабил свои чары. В отличие от меня, Мине редко приходилось общаться со сталью, потому мне не составило труда предсказать ее атаку.

Пальцы заныли, и я отбросила оружие, по какой-то причине столь крепко сжимаемое мной с тех самых пор. Териат еще раз взглянул на тело моей сестры, и, покачав головой из стороны в сторону, аккуратно отпустил его на землю. Увенчанная изумрудами корона бесшумно скатилась с ее волос. Я вглядывалась в посеревшее лицо, столь знакомое и родное, и ужасалась; по большей части потому, что ничего не чувствовала. Любовь, что, как мне всегда казалось, я испытывала к Минерве, отныне была лишь отзвуком, не похожим на настоящую сестринскую связь; ненависть точно так же притупилась за неимением оснований для страха. Тонкие иглы стыда касались моего сердца, но не проникали глубоко — я знала, что сделала это не из соображений тщеславия, а ради двух народов, живущих в страхе лишь потому, что Богиня сотворила кого-то столь честолюбивого, как моя сестра, и потому мне нечего было стыдиться. Возможно, однажды я затоскую по ее колким речам и холодной душе, но сожалению путь был отрезан.

Териат положил руку на лицо Минервы и медленно провел ей вниз, опуская веки. Несмотря на вспыхнувшую в момент удара ярость, ее лик был окрашен крайне умиротворенным выражением.

Интересно, какой была ее последняя мысль?

Эзара заключил меня в объятия столь крепкие, что я закашлялась, не будучи предупрежденной о необходимости набрать воздуха в легкие. Он выпрямил спину, тем

самым поднимая меня в воздух, и закружил, охваченный всеобъемлющим счастьем. Это настроение невольно заразило и меня. Перед глазами пролетали лица, и в моменты замедления я успевала рассмотреть некоторые из них; почти все они направили взгляды на нас. Кидо все еще держал советника, сковав руки того за спиной, чего, в целом, достаточно, если пленник не мыслил о побеге. Я не увидела никого, кто продолжал бы битву. Оружие сложил каждый.

— Постой, — шепнула я Териату, и он послушно опустил меня на землю, оставив руки на моей талии. Я еще раз оглянулась; на этот раз так внимательно, как только могла. Ночное небо не способствовало хорошему обзору. — Где магистр?

— Удрал, — мрачно отозвался Лэндон, кивая куда-то вдаль.

Я постаралась разглядеть хоть что-нибудь в стороне, куда указывал его взгляд, но попытки были тщетны. Териат чуть сжал мою талию, обращая на себя внимание. Как только я повернулась, он в то же мгновение накрыл мои губы своими, увлекая в нежный, но требовательный поцелуй. В процессе я чуть укусила его за нижнюю губу, и он рассеянно отпрянул.

— Прости, — тут же запричитал он. — Мне не следовало... не нужно было делать это при всех.

Я не смогла сдержать смех, и на поле, где минуты назад звучал лязг оружия и крики боли, он оглушительно прорезал тишину.

— Серьезно? Нам больше нет нужды прятаться, Эзара. Меня не волнует, насколько заострены кончики твоих ушей, и никогда боле в Грее это не будет иметь значения.

Раздался игривый свист и скромный звук аплодисментов. Индис старательно хлопал в ладоши, многозначительно поглядывая на всех окружающих с намеком последовать его примеру.

— Слова настоящей принцессы!

— Это верно! — прозвучало с другой стороны.

— Ради этого мы и боролись!

Эльфийские воины стали подходить ближе, стягиваясь с разных концов поля, и образовали целую толпу, выкрикивающую одобрительные лозунги. Казалось, органы в моем животе решили поменяться местами, а к щекам прилило беспрецедентное количество крови. Воины из армии Греи выглядели растерянными; все члены их командования либо погибли, либо сбежали, если не считать попавшего в руки врага Лэндона.

— Мне нужно найти какое-нибудь возвышение, — прошептала я, не зная, обращаюсь ли к себе или кому-то из друзей. — Я хочу обратиться к людям.

Полный воодушевления Индис возник передо мной, сверкая глазами.

— Есть идея.

Наклонившись, он закинул меня на плечо и зашагал в неизвестном направлении. Я колотила его по спине, умоляя отпустить; погруженный во тьму ночи мир вверх тормашками окончательно дезориентировал. Однако мой кудрявый друг невозмутимо продолжал свой путь до тех пор, пока не дошел до точки назначения. Он снял меня с плеча и усадил на что-то; пытаясь удержать равновесие, я расставила руки и дотронулась до нечто шершавого и холодного. Тяжелое фырканье, раздавшееся гулом откуда-то снизу, заставило дыхание спешно покинуть грудь.

Дракон недовольно ерзал, вероятно, пытаясь скинуть чужеродный объект со спины, но, скорее, из вредности, нежели из настоящего раздражения. Я попыталась набраться смелости,

чтобы взглянуть на мощную шею и пасть, из которой вырываются огненные облака, но моего плеча с противоположной стороны робко коснулась чья-то рука.

Я не заметила, что помимо меня на драконе находился его наездник. Длинноволосая женщина средних лет в свободных, многослойных одеждах выглядела невозмутимо, и все же обращалась ко мне аккуратно, будто бы боясь спугнуть.

— Я помогу тебе встать.

Ее слова были скорее констатацией факта, нежели предложением помощи. Не увидев возможности для спора, который мне страшно хотелось завести, я поддалась ее уверенности и послушно приняла руку. Женщина ловко поднялась на ноги сама, а затем поставила и меня, как будто бы это было детской игрой с бревном и детьми на двух его концах. Дракон вновь заворчал, но наездница едва слышно шикнула на него, и тот застыл, как статуя. Убедившись, что мое положение перестало быть шатким, женщина спустилась с животного и подошла к его морде; летающий ящер едва не замурчал, когда та коснулась его щеки.

— Благородный народ Грей! — Я намеренно использовала обращение, столь любимое моими родителями. Подумала, что сила привычки может завладеть их вниманием; прежде они слушали все речи, начинавшиеся с этих слов. — Ваш кровавый лидер пал, а вы — растеряны и разбиты, но это не значит, что вы подвергнетесь гонениям. Я — такая же наследница престола, коей была моя сестра, а, значит, обещания, данные моему отцу, вы отныне должны держать, оглядываясь на меня. Если вы считаете, что исполняли волю Минервы под действием магических чар, а не из искреннего желания поддержать ее убеждения, то вы можете остаться, и мое королевство примет вас так же радушно, как принимало всегда.

На лицах эльфов виднелось легкое недоумение, но не враждебность, коей я решительно ожидала; их понимание ситуации приятно изумило меня. Впрочем, зная, как искусно Териат лгал десяткам и сотням придворных, нельзя было исключать, что подобными навыками обладали и его собратья.

Люди из войска Грей стеснительно подбирались ближе к общей массе, показательно откидывая оставшееся при них оружие и значительно светлея. В их глазах потихоньку загорался потухший уголек чего-то, что я желала счесть за надежду, и потому принялась активно раздувать его искры.

— Люди и эльфы тысячелетиями живут на соседских землях, но непозволительно малую часть этого времени — в мире. Разве кому-то из вас по-настоящему нравится воевать? — обратилась я к толпе, и та неожиданно дружно взревела в ответ. Я дрогнула и покачнулась, но дракон остался невозмутим. — Разве хотите вы терять родных и друзей, отцов и сыновей в бесконечных кровопролитиях, не имеющих никакой цели кроме наживы?

Мой голос окреп, прогнав усталую хрипотцу, и я отчетливо слышала в нем интонации отца. Кидо, казалось, тоже уловил их; его ухмылка и морщинки в уголках глаз ясно о том сообщали.

— Хватит войн! — зычно выкрикнул Индис. Он засиял, напоминая о знакомом всем образе сына азаани.

— Мы устали!

— Долой тиранов, с высоты трона не замечающих пролитой ради них крови! — Произнесший эти слова мужчина старательно пробирался через толпу. Признаться честно, я сочла его слова за угрозу; рука невольно потянулась к ножнам, где покоился мой верный и безотказный спутник. Однако, увидев, как медвежья ладонь мужчины падает на плечо Кидо,

увлекая его в крепкие дружеские объятия, одернула руку. Внимание поздно, но все же привлекла изорванная гвардейская форма. — Мы не смели и мечтать о таком правителе, как вы, Ваше Высочество.

Я тепло — и чуть виновато — улыбнулась земляку.

— Я прошу вас только об одном, — продолжила я. — Довериться воле Богини. По какой-то лишь ей ведомой причине она определила наши души в семьи, где нам посчастливилось родиться. Да, кто-то из нас живет меньше, кто-то — больше, — я указала рукой сначала на себя, а затем на Териата, и тот как-то горько усмехнулся. — Но это не значит, что кого-то из нас она любит меньше. Она сохраняет баланс. Спорить с богами, по меньшей мере, глупо. Так давайте же проведем побольше времени во владениях Матери, чтобы было о чем рассказать Отцу!

Толпа оживленно зааплодировала, и я почувствовала небывалый прилив энергии. На мгновение я поняла Ханта, упивающегося обожанием толпы, пусть и любили его лишь за смазливую мордашку и пышущее мужеством тело; чувство влияния на столь многие души несравнимо, пожалуй, ни с чем.

— Достаточно крови, — добавила я, подводя речь к концу. — Я предлагаю как можно скорее соединить наш союз вином, которое, несомненно, уже ждет нас за городскими стенами. Два народа, эльфы и люди, пирующие в замке Грей... вы только послушайте!

Одобрительные выкрики какое-то время висели в воздухе, но капитан Фалхолт вышел вперед, и его тяжелые слова притупили радость бойцов. Необходимость уважения к погибшим значительно перевешивала в нем нежелание пробуждать в воинах скорбь.

— Прежде всего мы осмотрим тела, а затем сожжем всех, кого некому или нет нужды хоронить, — объявил он. Его слушали, возможно, даже более внимательно, чем меня, хоть он и не обещал им мира и славы. Братец всегда был похож на отца чуть больше. — Отправим раненых в город и лес верхом, если ранения серьезные — с сопровождающими, и лишь затем отправимся пировать.

Кидо протянул мне руку, помогая спуститься, но с высоты драконьей спины дотянуться до нее не представлялось возможным; я бы скорее назвала это управляемым падением. К счастью, капитан был достаточно крепок, чтобы без усилий меня поймать.

Осмотр мертвых и раненых затянулся до первых лучей солнца. Горы тел, охваченных огнем, внушали непередаваемый ужас и трепет. Языки пламени дотягивались до самих облаков, как будто бы разгоняя их своим жаром, а от запаха кошмарно тошнило. Основная часть воинов уже выдвинулась в сторону Грей, малая — отстала, но последовала их примеру, и лишь один эльф стоял, замороженно разглядывая жертв беспощадной битвы. В особенности его взгляд привлекали те, что были обугленными еще до того, как огонь коснулся их одежд.

— Нам пора, — позвала я тихо. Он тут же обернулся, и уголки его губ на мгновение приподнялись. — Ты уже ничем не можешь им помочь.

— Ты права, — удрученно ответил он, крепко сжимая в руке нечто, висящее на его шее.

В слабом утреннем свете между его пальцев мелькнул бледно-желтый камень. Не поверив глазам, я потянулась к груди и ошеломленно захлопала по ней рукой в поисках подаренного Эвлоном украшения.

— Когда... когда я отдала тебе медальон?

— Не помню, — на удивление неумело соврал Териат. Ложь была неприкрытой и оттого выглядела невинной, но беспричинной; я отчетливо помнила, что собиралась отдать

кулон после завершения битвы. — Кажется, той ночью у Сэльфела.

— Нет, я...

Эзара вдруг широко улыбнулся моему возмущенному тону и протянул раскрытую ладонь, чуть опустив корпус в учтивом поклоне. Я закатила глаза, ожидая услышать язвительное “Ваше Высочество”, но все же протянула ладонь в ответ. Теплые губы коснулись моей кожи.

— Нам пора на пир, — пропел он, и колкости, коими я готовилась защищаться, застыли на языке. — Принцессе дозволены небольшие опоздания, но не стоит испытывать благодущие подданных в первый же день.

Как я и ожидала, жители Грей были рады вернувшемуся войску, каким бы ни был его состав; многие матери дождались детей, а женщины — мужей, и, став свидетелем нескольких сцен воссоединения семей, я едва смогла сдержать слезы. Меньше всего приветствовали островитян. Впрочем, среди всех оставшихся на поле боя тел чаще всего встречались именно уроженцы Куориана, поэтому до городских стен добрались единицы. Возможно потому, что слишком яростно боролись, наконец дождавшись того, зачем их притащили на материк, а возможно потому, что одному эльфийскому бойцу они были особенно не по нраву.

Пир уже ждал нас в самой просторной из столовых. Последовав приказу, что я передала через отправившуюся в город конницу, вдоль стен выставили едва ли не все тазы, что имелись в замке. Солдаты обрадовались теплой воде и полотенцам чуть ли не больше, чем зажаренным индейкам и вину, и сразу же кинулись смывать с себя следы сражения.

— Госпожа, — робко окликнули меня сзади, и я мгновенно повернулась на звук. Миа, вероятно, не ожидала столь резкого движения и вздрогнула, чуть отпрянув. — Я рада, что вы вернулись целой и невредимой.

— И я счастлива вновь тебя увидеть, — призналась я.

— Всадник сообщил, что вы приближаетесь к городу, и я приготовила для вас ванну.

Окинув столовую коротким взглядом, я покачала головой из стороны в сторону.

— Не сейчас.

Миа чуть нахмурилась, но поклонилась, принимая мой ответ.

В зале царила поразительно дружественная атмосфера. Эльфы и люди обнимались, сталкивали пинты и кубки, обменивались шутками; глядя на них, сложно было даже вообразить, что несколько часов назад они были в шаге от того, чтобы лишиться друг друга жизней.

В сердце теплилось нечто большое и сильное.

Териат покинул меня, оставив наедине с госпожой Ботрайд, увлеченно делящейся подробностями ночи. Ее, казалось, совсем не заботило, что там, на поле, доведись нам встретиться, мы бы без раздумий убили друг друга, и она искренне восхищалась эльфийским стилем ведения битвы. Я почему-то подумала, что ей было бы интересно пообщаться с Финдиром, и, подхватив женщину под руку, ненавязчиво направилась в его сторону.

— Так, выходит, господин Эрланд никогда не бывал в Сайлетисе? — вдруг тяжело вздохнула она. — Он рассказывал мне столько удивительных вещей о тех землях.

— Насколько мне известно, не бывал, — улыбнулась я. — Но это не значит, что его сведения недостоверны.

Аурелия чуть прищурилась, внимательно глядя в мое лицо. Она была похожа на

пронырливого хорька, размышлявшего, каким способом легче всего стянуть со стола еду. Поразительно, как умело эта женщина переключалась с одной личины на другую; решительная воительница, строгий политик и придворная леди, живо интересующаяся всем подряд, сочетались в ней так же хорошо, как терпкий сыр сочетается с хорошим вином.

— Финдир, — окликнула я, чуть запнувшись из-за сомнения в необходимости приписать к имени какой-либо титул. — Госпожа Ботрайд оказалась крайне заинтересована в боевых навыках эльфов, и я подумала, что ты сможешь рассказать ей о них чуть больше, чем я.

Обычно строгое лицо тиара озарилось смущенной улыбкой на тонких губах. Прежде я никогда не видела его таким, и это выражение лица даже показалось мне чуточку противоестественным.

— Разве что самую малость, Ваше Высочество, — учтиво ответил Финдир и предложил моей спутнице согнутую в локте руку. Аурелия с энтузиазмом подхватила эльфа, увлекая куда-то вглубь пирующей толпы.

Териат сновал между собратями и хорошо знакомыми ему гвардейцами, сверкая от переполнявших его эмоций. Казалось, он истосковался по дружескому общению, и изо всех сил старался напиться им про запас. Мы встречались лишь изредка, чаще всего — взглядами, но проходя мимо всегда едва заметно касались друг друга тыльной стороной ладони.

Чиновники разных уровней почти сразу после начала пира напали на меня с требованием немедленно решить несколько вопросов государственной важности. Я была вежлива, ссылаясь на полнейшее отсутствие сил, но не смогла держаться долго; после четвертого подобного запроса я в шутку пригрозила, что еще одно слово повлечет за собой перемещение меча Уинфреда из ножен в брюхо чиновника. Шутка была чрезмерной — или потому, что после правления Минервы все привыкли к жестокости, или потому, что на моей одежде еще не высохла кровь ее пособников, — но до самого совета я больше не встретила ни одного должностного лица.

Несколько устав от гула голосов, я прислонилась спиной к стене в дальнем углу столовой, более-менее свободном от пиршества. Наблюдать за счастьем двух народов было неподдельным удовольствием, но мрачные мысли каким-то образом все же закрадывались в мой разум. К сожалению, восторг от победы пройдет быстро. У одних — в день, когда посчитают и назовут убитых, у других — когда подсчитают финансовые убытки. Мерзкое, отягчающее душу осознание, что историю Грей вновь вершили семейные междоусобицы, повлекшие за собой необъятные страдания всех причастных, не уйдет, когда кровь отмоется от рук, а одежды станут пахнуть лимоном. Оно будет разъедать мое сердце, как паразит, до самого дня моей смерти.

Веселье улетучилось, а вместе с ним — и силы. Мы не спали больше суток, и тело упорно напоминало о пережитой нагрузке. Кости заломило, мышцы заныли, а веки под собственной тяжестью опускались, невзирая на мои протесты, поэтому я поддалась дреме, сложив руки на груди и плечом уперевшись в угол. Устойчивая поза позволила мне провалиться в сон, не покидая дорогих гостей, и какое-то время я справлялась с ролью молчаливого надзирателя.

Первым, что я увидела, очнувшись, был находившийся далеко подо мной пол. Чувство полета над землей заставило вздрогнуть от испуга, и лишь тогда я ощутила, что меня держат твердые, теплые руки Териата. Он рассмеялся, отчего в уголках его глаз заволновались веера

морщинок, и слегка коснулся моего лба губами.

— Создается впечатление, что ты готова спать где угодно, кроме собственной постели.

Я сделала вид, что пропустила замечание мимо ушей.

— Который сейчас час?

— Почти полдень, кажется, — пожал плечами Эзара.

— Воины уже разошлись?

— Не все. Самые стойкие намерены пировать до ночи. Аштон сказал, что в такое время ложатся спать только принцессы и их карманные собачки.

Эльф чуть зарычал, намекая, что из двух предложенных категорий к принцессам себя не относил.

Названное им имя явно принадлежало человеку, и я усиленно пыталась вспомнить, какому именно, но в памяти не всплыло ни единого образа. Пожалуй, мне стоит поближе познакомиться с теми личностями при дворе, чьи имена и титулы мне мало знакомы.

У дверей моих покоев не было стражи, и я встревоженно подумала, что не видела их лиц на пиру. В комнате же нас встретила Миа, заснувшая, точь-в-точь как я, щекой прислонившись к стене. Териат аккуратно поставил меня на ноги, и, пока я отправляла самоотверженно ожидавшую меня служанку отдыхать, он сумел самостоятельно набрать ванну и даже бросить туда нечто, отчего комната заполнилась плотным сладким запахом. Я удивленно уставилась на него, пораженная навыками эльфа.

— Что? Я, быть может, и притворялся богачом, но руки не отваливаются, если выполнять некоторые бытовые вещи без помощи слуг, — съязвил он, демонстрируя две абсолютно невредимые руки. — Можешь верить мне. Я проверил.

Сон все еще окутывал мое сознание туманной пеленой, и я, лишь слегка улыбнувшись, молча побрела к пышущей жаром ванной. Териат помог мне снять остатки доспехов и остальную одежду. Хотя я и не впервые представала перед ним обнаженной, это сильно смутило меня, и потому, когда кожи перестал касаться последний лоскут ткани, я мгновенно юркнула в воду. Тело расслабилось, превратившись в безвольное нечто, и я рисковала уснуть, уйдя под воду с головой; Эзара тщательно следил за тем, чтобы этого не произошло. Отыскав в шкафу ленту, предназначенную для затягивания корсета, он оторвал от нее кусок и подвязал ей мои волосы. Он также порывался помочь мне с мытьем, принеся губку, но эту часть я уже сумела взять на себя.

Только закутываясь в предложенное Териатом полотенце, я заметила, что сам он выглядел чистым, а рубашка, заправленная в кожаные брюки, была ослепительно белой. Впрочем, рассмотреть их как следует мне не удалось; уже через мгновение он стянул с себя одежду и едва ли не с разбегу запрыгнул на кровать. Перина оказалась не такой мягкой, как он полагал, и слегка откинула его назад, отчего Эзара звонко ударился макушкой об изголовье. Его беззаботность, столь ярко контрастирующая с обычной опасливостью, позабавила меня.

— Тебе нужно поспать, — не обратив на неприятность внимания, сказал он.

Одеяло приветственно распахнулось, заманивая в свои объятия, и я повиновалась. Спина почти слышно поблагодарила меня за возвращение в родные покои.

— Иногда мне кажется, — сонно бормотала я, водя пальцем по его груди, — что однажды утром я проснусь, а ты исчезнешь, будто бы тебя никогда и не было.

Териат нежно коснулся моих волос, и дыхание его стало тяжелым и медленным.

— Я бы никогда не ушел по своей воле.

— Но что, если тебя кто-то заставит?

— На такое способна только Богиня, — возразил он. — По ее лишь воле умру...

Остатки сна тут же отпустили мое существо, и я схватила ближайшую подушку, после чего с размаху ударила ею в лицо эльфа.

— Дракон тебя побери, — прорычала я, смеясь. — Ты что, записывал?

Териат широко улыбнулся, довольный, что его слова возымели нужный эффект. Сражение подушками увлекло нас, и воздух комнаты наполнился звоном смеха. Простыни и одеяла, однако, слишком сильно желали принять участие в игре, и потому довольно быстро обвили наши тела, сковав движения. После очередного замаха Эзары, уставшая от представления кровать, казалось, сама скинула нас на пол. Мое приземление было мягким; Териату, ставшему мне заменой перины, понравилось не слишком. Я застыла в мгновениях от его лица, и горящие зеленою глаза приковали мой взгляд. Карие прожилки стали чуть более заметными, чем раньше.

Жар прокатился по телу, закрадываясь в каждую его клетку. Териат заметил перемену в моем настроении и, без сомнений, был готов ее поддержать. Кожа горела от прикосновений, моля о новых, а поцелуи словно требовали отдать себя без остатка. Ощущения были совсем иными; несравнимыми с теми, что я испытала в водах Сэльфела. Тогда наш союз был похож на прощание, чуть горькое, но оттого столь сладкое, сейчас же — это было блажью. Привилегией выживших. Мы чествовали жизнь, насколько это было в наших силах. Сладостные волны накрывали меня с головой, а перед глазами словно танцевали мириады звезд, хоть солнце и щекотало кожу сквозь неплотно закрытые шторы. Териат чуть покраснелся, и его сдавленные вздохи ласкали мой слух. Он не спускал с меня глаз. В другой момент я бы бросила ему что-нибудь язвительное, не выдержав, но сейчас искренне наслаждалась каждым мигмом пристального внимания, скользящего от лица до низа живота и обратно. Пальцы Эзары нетерпеливо впились в мои бедра. Темп нарастал до тех пор, пока каждая мышца в моем теле не напряглась до предела, а затем не расслабилась, заставляя мурашки взволнованно забегать по спине.

Я сползла на пол и повернулась на бок, чтобы взглянуть на его лицо. Испарина на лбу чуть поблескивала в тусклом свете солнца, а бледно-розовый шрам на щеке переливался, словно амаунетский шелк. Заостренный кончик уха игриво выглядывал из-под огненных волн его волос.

Все наконец-то встало на свои места. Молния ударила в меня задолго до нашего первого поцелуя — в ночь, когда он прозвал меня лисицей, а я приставила нож к его горлу, испугавшись разоблачения. В ночь, когда в моей груди затрепетало что-то незнакомое, но столь глубокое, что не вызывало сомнений.

Все силы, что я сумела набраться за короткий сон на пиру, растаяли, и забвение стремительно завладело мною вновь.

Сны сулили мне долгую, беспечную жизнь, полную конных прогулок и вечеров за пинтой эля, но реальность неумолимо перетягивала на себя одеяло, аргументируя свое поведение делами, не терпящими отлагательств. Еще не открыв глаза, я протянула руку, надеясь наткнуться на Териата, но кровать встретила меня холодной пустотой измятых простыней. Слух уловил чью-то торопливую, старающуюся быть тихой речь, и я заворчала, как собака, которую пытались согнать с любимого места.

Не выдержав проявлений откровенной лени королевской особы, кто-то склонился надо

мною, перекрыв свет, дотягивающийся до моих век. Я нехотя взглянула на нарушителя спокойствия. Ослепительная улыбка на лице капитана Фалхолта вызвала во мне толику раздражения, но была столь довольной, что совершенно обескураживала.

— Совет ждет.

Я вскочила с постели, лишь в последнее мгновение не забыв прикрывать наготу одеялом, и взволнованно заметалась по комнате. Сумерки за окном недвусмысленно сообщали о наступлении вечера.

— Как давно он ждет? — залепетала я. Потерять расположение совета в день первого собрания казалось плохой идеей.

— Будет ждать столько, сколько необходимо, Ваше Высочество, — наигранно поклонился Кидо.

Я раздраженно вздохнула и попросила отправить ко мне Мию. Долго ждать не пришлось; она вошла в покои уже спустя несколько секунд, держа в руках подготовленный для собрания наряд. Ликование от отсутствия корсета и юбки было столь велико, что вылилось в восторженный писк, и капитан тихо хмыкнул, спрятанный от меня стенкой ширмы. Темные кожаные штаны в комплекте с жилетом и черная рубашка были чем-то средним между тем, в чем я привыкла ходить на тренировки к гвардейцам, и тем, в чем в свободное время разгуливал Териат, но в чуть более торжественном исполнении.

— А где...? — чуть робко начала говорить я, выходя из-за ширмы.

— Показывает эльфам замок, — сразу же ответил брат. — Индис в полнейшем восторге, но, как мне кажется, лишь потому, что скрывает за ним боль от потери матери.

— Маэрэльд была...

— Прекрасна.

— Да, — прошептала я. — Надеюсь, ее смерть не была напрасна.

— В их рядах родится новый лидер. — Кидо подошел и мягко обнял меня за плечи, успокаивая. — Их народу Богиня всегда дарует того, кто хорошо справится с этой ролью.

Я кивнула, но груз вины, что я испытывала за смерть азаани, не стал ни на чуточку легче, хоть я и не была причастна к ней напрямую. Близкое родство с Минервой как будто бы само собой накладывало на меня тень ее преступлений. При виде лучезарного лица Индиса это чувство чуть притуплялось — он никогда не обвинил бы меня ни в чем, что омрачило бы мою душу, — но в остальное время вдохновляющий свет его сердца не дотягивался до моего, и тяжесть возвращалась с новой силой.

В кабинете, где проходил регулярный утренний совет, меня действительно заждались, однако никто из присутствующих не высказал недовольства моим опозданием. Я с трудом переборола желание извиниться, заняла место во главе стола и, пробежавшись взглядом по подготовленным для меня бумагам, обратилась к совету.

— Нас стало значительно больше, — произнесла я, приветственно кивая новым членам совета. — Благодарю, что присоединились к нам. Вы планируете присутствовать на собраниях всегда или только в особых случаях?

Эльфы переглянулись, словно могли читать мысли друг друга, после чего Филаурель озвучила общее мнение.

— Этот вопрос находится на обсуждении.

— Мы будем рады вам в любом случае, — улыбнулась я. — Как и обещала, мы передадим *nugu elda* вам, чтобы она хранилась в сердце Аррума, где ей и место.

Мастерица иллюзий благодарно кивнула.

Не все из тех, кто сидел за этим столом годами, разделяли мои взгляды, но это читалось лишь в мимолетных брезгливых выражениях, что скользили по их лицам, как тень от пролетающей птицы. Я строго взглянула на каждого члена совета. Правильно расценив мое молчание, некоторые из мужчин перестали переговариваться, а некоторые и вовсе застыли, напряженные нависшей над ними тишиной. Главенство женщины в этом зале не должно быть для них новинку; хотя, вполне вероятно, они впервые осознавали его по-настоящему.

— Прежде, чем мы перейдем к решению основных задач совета, я хотела бы сделать несколько важных объявлений, — прочистив горло, начала я. Говорить, зная, что твои слова будут иметь серьезные последствия, куда сложнее, чем мне казалось раньше. — Многие из тех, кто сейчас сидит за этим столом, еще недавно были на стороне моей сестры, не важно, размахивая ради нее мечом или осыпая ее войско золотом. Я сдержу свое обещание: вам и вашим семьям будут рады при дворе, но вам придется простить пристальное внимание гвардии к своим персонам в течение какого-то времени. И, разумеется, вы сможете остаться лишь при условии, что вы полностью поддерживаете политику Грей относительно тесной дружбы с эльфийским народом. Если ваши намерения не совпадают с моими, вы вольны сейчас же встать и немедленно покинуть королевство.

Члены совета принялись растерянно переглядываться. Им стоило ожидать подобного ультиматума — я весьма четко обозначила свою позицию, сбежав в войско противника, — но, прежде имея скудные знания обо мне и моем характере, они оказались застигнуты врасплох. Я дала им время, чтобы принять решение, и притворилась, что крайне заинтересована затянутым облаками небом за витражным окном. Спустя две минуты томительного ожидания герцог Гримальд поднялся, едва не уронив стул, и стал спешно собирать все, что лежало перед ним на столе. Его крошечная фигура — мужчине было уже за 70, и весь он съежился и скрючился, словно засохший фрукт, — засеменила к выходу из зала.

— Эльфийская шляха, — бросил он на прощание, даже не решившись обернуться.

Стража тут же схватила его под руки, и он завис в воздухе, болтая детскими ножками. Кидо сорвался с места, потянувшись к ножнам на поясе, но я жестом приказала ему остановиться.

— Пусть идет. Невежество и без нашей помощи вскоре его погубит.

Верные слуги короны отпустили бывшего члена совета, и тот продолжал бормотать оскорбления до тех пор, пока его голос не затерялся в мелодии звуков замка.

— Это все? — спросила я, и каждый, кто был в комнате, решительно покачал головой из стороны в сторону. — Что ж, похвально. В таком случае, следующий пункт. Необходимо подобрать и законодательно утвердить термин для тех, чьи родители являются представителями разных народов. “Полукровка” звучит несколько... уничижительно.

— Чем же не подходит “друид”? — поинтересовалась госпожа Ботрайд. — Всех придворных... друидов мы называли именно так.

— Не все дети смешанной крови являются друидами, — возразила Филаурель. — Так мы зовем лишь тех, кто обладает магией и активно ей пользуется. В остальных магия, быть может, и спит, но так никогда и не просыпается.

Аурелия понимающе кивнула и глубоко задумалась.

— Полагаю, предпочтительнее будет избрать термин, берущий истоки в эльфийском языке? — обратилась я к союзникам.

— У меня есть вариант.

Самый молодой из представителей эльфийской делегации — и самый беспечный на

вид, — Индис прозвучал серьезно и весомо, хоть и не сказал ничего существенного. Азаани измучила его приготовлениями к собственной смерти, на долгое время лишив привычной легкости и веселости, но все же отлично справилась с задачей; он не терялся среди опытных членов совета, и его взгляд, как мне казалось, выглядел самым осознанным и внимательным.

— Мы слушаем.

— Alyth. Дитя гармонии или, если пожелаете, гармоничное дитя, — предложил Индис. — Это же логично, разве не так? Ребенок берет от родителей лучшее, являя собой гармоничный союз их качеств.

Филаурель тепло улыбнулась, погладив эльфа по волосам, как будто бы он был тем самым ребенком, о котором только что говорил. Тоска по королеве леса кровоточила в их сердцах.

— Чудесный вариант.

— Значит, алит, — подытожила я, поворачиваясь к мужчине, старательно ведущему конспект собрания. Его пальцы так крепко сжимали перо, что побелели, а губы от напряжения превратились в бледную тонкую нить. Почему-то мне показалось, что стоит задать вопрос именно ему. — Кто занимается написанием и распространением указов?

Мужчина поднял голову и уставился на меня, как на умалишенную. Я испытала некоторую неловкость, но не подала виду и терпеливо ждала ответа, пока откуда-то из-за спины не раздались два звучащих в унисон голоса.

— Мы, Ваше Высочество!

В спешке залетев в зал, я не заметила, что в дальней его части стоял еще один стол, двое пожилых мужчин за которым корпели над какой-то книгой. Не скрывая интереса, я подошла к ним; в лице одного из мужчин я ясно узнала ворчливого библиотекаря, часто выгонявшего меня в детстве из царства поэзии и прозы, если я засиживалась в нем до поздней ночи. Фолиант, занимавший значительную часть скромного стола, сильно пах пылью; кожа на его корешке потрескалась от частого взаимодействия с читателем, и мне нестерпимо захотелось увидеть обложку. Библиотекарь считал мое желание и приподнял книгу полностью, чтобы не смазать свеженанесенные чернила.

— 13 войн? — изумилась я. — Разве их не 12?

— Неделю назад Её Выс... госпожа Минерва приказала нам исправить цифру на обложке и начать описывать события последних месяцев, — оправдался второй, незнакомый мне мужчина. — Магистр похвалил мои навыки, и меня доставили из самого Куориана ради столь ответственной миссии.

Большое видится на расстоянии, великое — сквозь время, и лишь моя сестра могла определить величие битвы, которую еще не выиграла.

— В ее стиле, — хмыкнула я.

Островитянин чуть расслабился, не сыскав ожидаемого гнева, и продолжил говорить очень быстро, будто желая поскорее отчитаться и сбежать.

— Разумеется, мы избавились от всех страниц, воспевающих вашу сестру, и пишем новую историю, повествующую о силе любви, спасшей и подружившей два соседствующих народа.

Я почувствовала, как начали гореть мои щеки, и потому, одобрительно кивнув, быстро удалилась. Государственные дела были лишены романтики, а потому, как я полагала, должны были вскоре прогнать из головы неуютные мысли. Сэр Фалкирк нетерпеливо ерзал на стуле, заставляя тот страдальчески поскрипывать.

— Ваше Высочество, — начал он дрожащим голосом. — Любая война истощает казну, и эта не стала исключением. Нам необходимо принять несколько решений относительно повышения налогов, чтобы жизнь королевского двора оставалась прежней.

— Грея нуждается в правителе, — произнесла я громко, нарочно проигнорировав слова герцога. Эта речь была единственной, что я приготовила заранее, и мне было крайне важно не сбиться с пути. — Сильном, волевым, имеющим на то право по роду, статусу и здравому смыслу. Достойном. Правителе, чье имя, возникшее на улицах города, будет вызывать не испуганную дрожь, а ликование.

— Народ любит вас, госпожа, — заверила меня Аурелия.

Совет дружно закивал, и по залу раскатились множественные “да”, “слава Ее Высочеству” и “да здравствует королева!”. Я вежливо промолчала и продолжила лишь тогда, когда их хвала стихла. Мне было непонятно, как определить искренность их любви и уважения — этому, вероятно, правители учатся годами, — и я отдаленно понимала Минерву, взявшую этот компонент под полный и единоличный контроль.

— Капитан Фалхолт превосходно подходит под это описание, — как можно громче произнесла я. Кидо встрепенулся и, уставившись на меня широко раскрытыми глазами, замер. — Признанный сын короля, закаленный как миром, так и войной. Если капитан не откажет, я бы вновь, вторя желаниям отца, предложила ему носить фамилию династии Уондермир, к которой он, несомненно, и принадлежит. Сын примет трон отца, и королевский род продолжится, как тому и положено случаться.

— Я не...

Сопrotивление Кидо быстро растворилось в восторге совета. Первым с места встал Индис; он вновь зааплодировал, поддерживая меня, как во время выступления на поле боя. В искренности этого союзника, к счастью, сомневаться не приходилось.

Следом за юным эльфом поднялись и прочие, сначала — его сестры и братья, затем — госпожа Ботрайд, и, в конце концов — чуть более удивленные, засидевшиеся в совете толстосумы. Сама мысль о том, что можно отдать власть, по праву находящуюся в руках, была им чужда; впрочем, мой поступок был продиктован не желанием удивить придворных.

Индис подошел к капитану, все еще ошеломленно придавленном к своему стулу, и заставил его подняться; оказанное сопротивление доставило эльфу боль — плечо и часть спины его были опалены пламенем дракона, и даже сквозь повязки раны выглядели чудовищно, — но он ни на секунду не подумал бросить свою затею. Подведя его ко мне, он оставил Кидо, будто тот был недвижимой статуей, украшавшей интерьер, и быстро вернулся к своей части стола. Я повернула брата к себе и ладонями обхватила его лицо. В детстве мне нравилось сжимать и растягивать его щеки, каждый раз придумывая новые рожицы, и Кидо никогда не сопротивлялся, терпеливо выдерживая забавы маленькой принцессы.

— Соглашайся, — прошептала я.

— Но почему? Ты собираешься покинуть Грею?

— Если мой король будет достаточно щедр, чтобы даровать мне должность советника, то я, быть может, и останусь.

Брат заключил меня в крепкие объятия, и глаза предательски защипало. Да, в свое время Кидо отказался от титула наследного принца, но именно это и было важно; лучший король — тот, что не желал власти, а лучший бой, как всегда говорил капитан, — тот, что не начался.

Уверена, увидь нас в тот момент отец, он был бы неопиcуемо счастлив. И, хоть я и не

терпела от себя проявлений подобных чувств, сдерживать радость от предстоящего Грее процветания я не собиралась.

Проведя на совете около четырех часов, я заметно вымоталась, и потому после назначения даты коронации поспешила удалиться, сославшись на недомогание. Впрочем, как я узнала потом, этой лазейкой захотели воспользоваться еще несколько человек, и будущий король отпустил совет, сочтя решение некоторых вопросов не слишком срочным делом.

Вернувшись в покои, первым делом я попросила у Мии бумагу и перо. Дверь, ведущая в подобие моего личного кабинета, открылась с таким скрипом, словно ею не пользовались тысячелетия. Запах в комнате был влажным и плотным, настолько, что, вдыхая его, приходилось прикладывать ощутимые усилия. Дерево стола разбухло и потрескалось, но, как мне показалось, это преобразило скучный предмет мебели в лучшую сторону.

Я долго не знала, с чего начать. С того, как объявили войну, окропив тронный зал кровью двух эльфийских посланников, или как закончили, когда я лишила жизни собственную сестру? Я знала, что мама не слишком любила Минерву, хоть и старалась убедить всех, включая себя, в обратном, но совершенно не могла предсказать, какой будет ее реакция на столь неприятную новость.

“Мама,

Я страшно по тебе соскучилась.

Все закончилось, но, вернувшись, ты больше не будешь королевой”.

Вышло несколько резко, и я долго смотрела на строчку, пытаюсь придумать, как ее переделать. В голове не появилось ни единой мысли. Мне решительно казалось, что это стоило подать именно таким образом — без эмоций, с твердостью, присущей матери в важные моменты. В начале их с отцом брака её даже прозвали ведьмой: мягкая и женственная, юная госпожа умудрялась иметь влияние на решения мужа, и даже спустя года, несмотря на погасшие чувства, король считался с ней, как ни с кем другим. До того, как в игру вступила Минерва.

Я могла бы стать такой, как мама, если бы захотела. Уехав в Куориан и поддавшись чарам Ханта, могла бы, как она, править чужим народом со всей любовью и силой, что вложило в меня королевское воспитание. Могла бы, может, если бы умела молчать, как того требовали устои нашего общества, и говорила лишь за дверьми своих покоев, где противоречивые высказывания могут слышать лишь служанки да любовники.

Сдержанность не была ни моим достоинством, ни моим пороком.

Я взглянула на левое запястье. Тяжесть брачного браслета больше не тянула его вниз, беспрестанно напоминая об обещании, что я сдерживать не собиралась. Мне казалось, что Богиня простит меня за эту вольность, что данные на свадьбе клятвы — лишь слова, выброшенные в воздух, но испытывала толику стыда за то, что преднамеренно лгала Матери и тому, кто вверил мне свое сердце. Когда его бесстыжее, самоуверенное лицо постоянно мелькало перед глазами, я ни на мгновение не сомневалась в своей ненависти. Но в день битвы, когда он помрачнел, заметив отсутствие браслета, я ощутила, будто воткнула в его спину нож. Мои чувства скорее всего были обусловлены сожалениями о его смерти — я бы предпочла, чтобы он ходил по земле и мучился каждый день своей жалкой жизни, — и все же теперь он не казался мне таким подлым, как казался прежде.

Собравшись с силами, я все же дописала письмо и позвала Мию, чтобы она

организовала его отправку. Служанка послушно выслушала поручение, положила свернутый лист бумаги в карман передника и в ответ протянула мне утепленную накидку с капюшоном, что я надевала лишь зимой.

— В саду по ночам прохладно, — невозмутимо ответила она на мой вопросительный взгляд.

Недоумение провисело в воздухе еще несколько секунд, пока со стороны балкона не раздались странные звуки. Я прислушалась: скрипяще-стонущий голос выдавливал слова, словно те давались ему с большим трудом, издавая нечто вроде воя между ними. Поначалу услышанное насторожило меня, но, осознав, что несчастные потуги были словами известной при дворе песни, выбежала на балкон. Я знала лишь одного мужчину, чье пение было настолько неумелым.

Если кто-то из придворных спал, что вполне вероятно, и до сих пор не проснулся от столь чудного представления, Териат продолжал безжалостно и бесцеремонно отгонять сон от их спален. Бедняга скрипач, явно выдернутый из объятий забвения, лениво подыгрывал эльфу, делая получавшуюся песню еще более невыносимой для ушей. Я умоляла их прекратить, едва ли не задыхаясь от смеха.

— Только если ты сейчас же спустишься!

Издаваться над подданными не входило ни в обычаи жизни принцессы, ни в обязанности советника, коим я надеялась стать, и я бегом отправилась вниз по лестнице. Предложенный служанкой плащ я, разумеется, забыла, и несчастной Мие пришлось гнаться за мной два этажа, путаясь в юбках, чтобы накинуть его на мои плечи.

У дверей, ведущих к саду, я чуть не столкнулась со скрипачом, сонно бредущим в свою обитель.

Эзара ждал меня с блаженной улыбкой на губах, отчего шрам на его щеке чуть искривился, сделавшись похожим на молнию. Галантно протянув руку, он ждал меня в конце лестницы, и, стоило мне вложить свою ладонь в его, чинно повел меня вглубь сада. Мы молчали. Красоты природы в объятиях осени померкли, но не погибли, и, укутанные полотном ночи, были малоразличимы, но по-прежнему прекрасны.

Мы подошли к небольшому свободному участку, окруженном осыпавшимися кустами шиповника, и я увидела расстеленное на земле покрывало и стоящую на нем плетеную корзину. Из-под бежевого полотенца поднимался пар, разнося по саду запах свежей выпечки.

— С вишней?

— Разумеется.

Живот заурчал, воспевая эльфу благодарности, и я тут же упала на предложенное ложе, запуская руку в корзину. Ягодный сок вырывался из-под ржаного теста, обжигая губы, но остановиться было невозможно. Териат лишь налил в кубок вина и лениво смаковал его, бросая взгляды то на меня, то на усыпанное звездами небо. Утолив голод, я потянулась к кубку, но эльф с сожалением поджал губы и сделал крупный глоток, после чего перевернул сосуд, демонстрируя его пустоту.

Я с тяжелым вздохом опустила на покрывало, и Тер тут же положил голову на мой живот. Я гладила его по волосам, словно огромного рыжего кота, которого всегда хотела, а он изредка вытягивал губы, чтобы сквозь ткань рубашки оставить на моей коже теплый след.

— Слышал, Кидо согласился, — наконец произнес Эзара. Тишина ничуть не смущала меня, но звук его голоса приятно коснулся слуха. — И на трон, и на родовое имя.

— Насчет последнего он еще колеблется. Несколько раз произнес: “Кидо Уондермир”,

— и сказал, что это звучит, будто имя для странствующего поэта.

— Его душа полна противоречий, как и подобает мастеру слова и рифмы.

Я улыбнулась, вспомнив, как однажды Териат и сам попробовал себя в изящном ремесле, но ничего не ответила.

— Он уже решил, что делать с Лэндоном?

— Паршивец не признает, что был под чарами, — пожалала плечами я. — Значит, за содеянное его нужно судить по всей строгости закона. Измена, преднамеренное убийство и прочие очаровательные аспекты жизни советника должны были обеспечить ему место под солнцем, однако лишь обрекли его на тьму.

— Казнь, — констатировал Териат.

— Пожалуй, это было бы слишком просто. У Кидо на него другие планы.

Эльф хмыкнул, и этот звук будто бы эхом отдался у меня в животе.

— Пожизненное заточение?

— Гнить в тюрьме — испытание для ума и тела, но там лишь он один сможет корить себя за содеянное и то, что сделать не сумел. Наш будущий король придумал куда более изощренную пытку. Он лишит его титула, денег и заслуг перед королевством, и позволит жителям Грей и окрестностей использовать его для самой тяжелой и неприятной работы. Каждые два-три месяца Лэндон будет обязан менять место работы, и, следовательно, получать новую порцию презрения от все большего количества горожан. Кидо уверен, что это сломит его куда сильнее, чем самокопание в темнице, и никто не посмел поспорить. Никто кроме него в этом замке не бывал близко знаком с внутренним миром бывшего советника.

Териат поднялся, обрекая нагретый теплом его щеки живот на ужасающий холод, но спустя пару мгновений вернулся, накрывая мои ноги свободной от наших тел частью покрывала.

Я всматривалась в небо, отыскивая знакомые созвездия, и, заведя какое-нибудь из них, непременно указывала на них пальцем. Тер хвалил меня за наблюдательность, но уговаривал продолжать поиски, ведь бессчетное множество звезд таило в себе куда больше, чем можно было увидеть с первого взгляда. Мое внимание привлекло тусклое мерцание множества крошечных песчинок, разделявшее два стройных ряда из крупных, почти ослепительных звезд.

— Маэт! — воскликнула я.

— Все еще мерцают, — мрачно заметил Териат.

— Ты правда думаешь, что люди когда-либо перестанут воевать?

— И даже надеюсь увидеть это своими глазами.

— Что ж, за века твоей жизни может случиться всякое.

Эльф набрал полную грудь воздуха, а затем шумно выдохнул, будто бы подбирая слова. Его пальцы забрались ко мне под рубашку, холодом пощекотав низ живота, отчего внутри все сжалось и затрепетало.

— Хотел бы я быть как ты. Девушкой? — уточнила я. — Принцессой? Сестроубийцей?

— Человеком.

— Почему? Даже создавшая людей Богиня не слишком к нам любезна. Если бы у нее стоял выбор, какому народу сохранить жизнь, а какой стереть из памяти, последним бы точно оказались люди.

— Возможно, именно поэтому, — пробормотал эльф. — Длинная жизнь с одинаковой вероятностью может стать как благодатью, так и проклятием, лисица. Людям же не приходится оглядываться на столетия опыта и учитывать будущие столетия жизни, они живут ярко, зная, что увянут так же быстро, как расцвели. Наслаждаются, не дожидаясь, когда станут того достойны.

— Именно поэтому среди нас столько подлецов.

— И столько сложенных о вас песен.

Я задумалась. Мне хотелось поспорить с ним, ведь я всегда читала, что жизнь эльфа куда чище и прекраснее, чем жизнь любого человека, и именно их единение с природой делало их полноправными детьми Богини. Впрочем, свое пьянство и слетающие с губ ругательства я только и могла оправдывать тем, что юность человека коротка, и скука зрелости рано или поздно настигнет меня, куда бы я не бежала.

— Люди цепляются за убегающую от них молодость и потому творят бесчинства, — продолжила я свою мысль вслух. — В то время, как ни один человек в мире не дожил и до ста лет, вы и спустя полтора века после рождения можете быть детьми.

— По-твоему это хорошо?

— Не знаю, — честно ответила я. — Но у вас есть выбор, а наша жизнь распланирована и предрешена. Девочки из незнатных родов выходят замуж в 12, чтобы получить деньги от семьи жениха и не позволить родным погибнуть от голода. К моменту моей помолвки мне было 22, — я замаялась, невольно подумав, каким далеким и ненастоящим казался тот праздник осеннего равноденствия. — Незамужнюю девушку такого возраста в обществе считают больной либо умственно, либо физически, даже если для того нет никаких предпосылок. Минерву никто не порицал, но полагаю лишь потому, что она контролировала большинство речей, в которых звучало ее имя. В вашем же обществе подобного нет.

— Нет, — подтвердил Териат. — Но и в людском невежестве есть плюсы. В конкретных случаях это ужасно, но в целом... Согласись, жизнь была бы скучна, если бы все были одинаковы и жили в мире, при встрече обмениваясь цветами и комплиментами.

— Сам ты невежда.

Эзара тихо засмеялся, и я кончиками пальцем коснулась волн, что его улыбка оставила на щеке. Его эмоции так живо отражались на лице, меняя его до неузнаваемости, что тоска по нему была неиссякаема даже в моменты, когда он находился совсем рядом. Я сознательно решила не рассматривать спрятанные за рыжими локонами черты. Отныне нам даровано все время на свете. У меня будет возможность заучить каждую родинку, каждую морщинку, каждый шрам из тех, что уже есть и еще появятся.

— Тери...

— М-м-м?

— Как... — вопрос с трудом сходил с губ, которыми сонное тело едва находило силы управлять. — Что означает "melitae"?

— Поражен, что любопытство лишь сейчас взяло над тобой верх, — протянул он. — Это старая эльфийская сказка, которую азаани рассказывала нам с Индисом в детстве. Она о мужчине, чью возлюбленную колдунья обратила в лису. Мужчина сбежал из родного поселения и скитался, нигде не задерживаясь, а потому пропитание часто добывал самостоятельно. Однажды, почти обезумев от голода, он сумел подстрелить дикую утку, но, добежав до добычи, встретился с такой же голодной лисой, жадно вцепившейся в шею дичи. Мужчина узнал в грациозном животном любовь своей юности и не смог отобрать у него

последний шанс на выживание, тем самым лишив такого шанса себя. Сказка так и называется: “Лиса, очаровавшая мое сердце”. По-эльфийски звучит, конечно, короче, но...

— Знаешь, — еле слышно перебила его я. — Тебе пора бы перестать имитировать северный акцент.

Териат продолжал говорить, но я не слышала слов; лишь теплое течение его голоса, что убаюкивало меня на своих волнах. Его любовь была проста и естественна, как встающее по утрам солнце. Пара метких фраз — и стрела его чувств прочно вонзалась в мое сердце, вместо яда наполняя его необъяснимой силой, крепнущей с каждым новым взглядом в глаза.

Териат

Лисица, как это часто бывало, уснула посреди разговора. Я перестал удивляться или считать себя скучным собеседником, приняв это, как очаровательную черту ее противоречивого характера, и все же был поражен, как посреди ночной осенней прохлады можно было провалиться в столь сладкий и беззаботный сон. Я бы провел вечность, наблюдая за спокойствием, поселившемся на ее лице, но кулон на груди нагрелся так, что я почти чувствовал, как кожа плавится под его теплом.

Закутав Ариадну в плед, я поднял ее на руки. В ночном замке можно было встретить лишь не имевшую голоса стражу да не имевших памяти пьяниц, но мысли об этом возникли в голове скорее по привычке, чем из необходимости; о нашей связи знал каждый, когда-либо слышавший имя принцессы, и прятаться не было смысла. Я с гордостью делал каждый шаг, отделявший сад от покоев лисицы, и наслаждался им, пытаюсь запомнить всеобъемлющее, известное своей скоротечностью чувство. Казалось, я впервые ощутил то, что зовут счастьем, настолько явно.

Как только тело Ариадны опустилось на перину, она недовольно замычала, и я замер, страшась ее разбудить.

На столе в кабинете ее покоев, по удачному стечению обстоятельств, оказались листы и свежие чернила. Я оставил записку прямо там, не сворачивая и не пряча, чтобы буквы не растеклись, испортив столь важные слова; такой ошибки лисица бы мне не простила. Я с ужасом представлял, как она рвет это письмо на крошечные кусочки, кидает их в камин и проклинает Богиню за встречу со мной, но знал, что иначе она возненавидит меня с еще большей горечью. Всем своим огромным, полным жизни сердцем.

Улицы Грей встретили меня необычным, контрастирующим с тишиной замка оживлением. Раненные воины выходили от многочисленных лекарей, укутанные в бинты и сильно пахнущие обеззараживающими мазями, и родные подхватывали их, помогая дойти до дома. Горожане все еще праздновали окончание войны, никак не задевшей их жизни, но, судя по всему, серьезно подорвавшей моральный дух, а потому сновали по дорожкам с песнями и убегающим из пинт элем. Их воодушевление оказалось заразительным, и я едва не свернул в ближайшую таверну, но застыл в дверях, заведев ее посетителей. Гвардейцы сидели за ломившимся от блюд столом в компании капитана и одного очень знакомого и дорогого мне рыжеволосого существа. Висящий на его груди кулон мелькнул в свете свечей, и я — впервые с нашего разговора о произошедшем в детстве — осознал его суть.

— За Кидо! — воскликнул Индис, вскакивая с табурета. — Да здравствует король!

Гости заведения дружно взревели, поднимаясь с мест.

— Да здравствует король!

Капитан смущенно поднял пинту, сталкивая ее с себе подобными, и ничего не произнес

в ответ. Оглядывая поддержавших его подданных, его взгляд скользнул к входной двери, но я успел избежать встречи наших глаз.

Индис вписывался в эту атмосферу, как никто другой. Умеющий поддержать и вдохновить, он был идеальным вариантом для приближенного к правителю круга. Возможно, чересчур взрывным для той роли, которую прежде играл я, но совершенно незаменимый для другой, отныне куда более важной. Чистокровный эльф, занимающий законное место в совете людского королевства. Разве это не достойное продолжение дела азаани?

Аарону эта идея пришла бы по душе.

Я поспешил уйти, пока не растерял остатки храбрости, и направился к городской стене. Начальник постовой стражи встретил меня, как старого друга, чудом вернувшегося из далекого путешествия.

— Сэр Эрланд, рад вас видеть! — гремел он, похлопывая меня по спине.

Решив не напоминать о нелюбви к обращению по фамилии — которая, к тому же, даже не была моей, — я ответил сэру Бентону тем же.

— Отправляетесь в Аррум? — поинтересовался мужчина, заглядывая мне за спину. — Вам предоставить лошадь?

— Нет нужды. Хочу пройтись пешком.

— Но ведь ночь на дворе!

— Знаете, Бентон, — вздохнул я, намеренно опустив титул, и положил руку на плечо стражника. — Порой бывает, что все наваливается, мысли в голове мечутся, как разъяренные осы, и...

— Надо подумать, понял. Что ж, хорошей дороги!

Я кивнул. Бентон, хоть и хорош в своем деле, но прост как телом, так и душой, и потому разговоры о необъятном и невидимом мгновенно его утомляли. Казалось, в его жизни ничего не поменялось; да, он стал свидетелем произошедших событий, но они ничуть не повлияли на его мировоззрение. Как и многим в этом городе, ему было все равно, кто сидел на троне. По крайней мере до тех пор, пока правитель обеспечивал его едой и кровом.

Бентон махнул рукой ребятам у ворот, и те сразу же приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить одного необремененного доспехами эльфа.

Признаться честно, даже если мысли и правда роились в моей голове, я не подпустил к своему сознанию ни одну из них. Тишина, пришедшая на смену бесконечным образам и словам, странным образом очищала душу. Я наблюдал за пустующим трактом, на котором когда-то погиб отец, за сгоревшей частью Аррума, и сердце сжималось от боли, но я знал: это были лишь грязные пятна на полотне цветущего мироздания. Вокруг по-прежнему существовали добрые души, живущие в людских и эльфийских телах, вкусные блюда, интересные истории. Невероятно высокие, многовековые деревья все еще скрывали Дворец Жизни от глаз чужаков, и где-то там, в глубине, шуршали его незамерзающие водопады. Жизнь лилась непрерывным потоком. Как и должна.

Раскаленный медальон впивался в кожу, будто отрастил когти, и оттого холод ночного леса ощущался особенно сильно. Я не хотел торопиться, но чувствовал в этом необходимость; казалось, еще мгновение и Богиня разгневется из-за моего вероломного неповиновения. Но я действовал строго по плану. Солнце еще не взошло.

— Насколько велика твоя сила — настолько же длинна твоя нить, — объясняла Богиня,

казалось бы, терпеливо, если бы не сложенные на груди руки. Я задрал голову, чтобы разглядеть ее лицо, и шея устало заныла. — Я позволю тебе самому определить ее длину, а остатки — распределить между душами, что ты погубил.

Я растерянно заморгал и, нащупав кулон, крепко сжал его в ладони.

— В любом количестве?

— На твое усмотрение.

— Не кажется ли вам, что эта власть не идет ни в какое сравнение с той, что была у меня прежде? — напряженно спросил я. Вопрос, разумеется, не требовал ответа. — Однажды я уже решил, когда оборвать их нити, и не считаю, что волен делать это снова.

Богиня хмыкнула, как будто бы сомнения в ее методах воспитания искренне ее оскорбляли. Мне казалось, что она играет со мной: соглашусь — значит, все же считаю себя лучше прочих, откажусь — считай, противлюсь воле Богов. Для меня не существовало выигрышного хода. Загнанный в угол великой силой Природы, я мог лишь блеять, надеясь, что меня примут за барана; достаточно милого, чтобы не зарезать к ужину, но недостаточно умного, чтобы вести стадо вместо пастуха.

— Я не дарую тебе власть, — произнесла Мать, сильно растянув последнее слово. — Я обрушиваю на тебя самое страшное наказание из возможных. Быть может, я не помню твоего имени, но самые очевидные черты твоего характера от меня не ускользнули. Я точно знаю: ты будешь мучаться из-за каждого дня, которым не сможешь наделить ту или иную жизнь. Твоя душа будет страдать из-за каждой матери, рано потерявшей сына, и ребенка, толком не запомнившего отца. Сколько времени ты даруешь раненому в сердце другу? Истекшей кровью возлюбленной? Погибшему в ее чреве дитя?

В горле мгновенно пересохло.

Богиня расхохоталась, словно звук разбивающегося вдребезги сердца ласкал ее слух, как ничто иное.

— Ох, дорогой, ты не знал? — пропела она, пропитывая слова ядом. — Впрочем, откуда! Мужчины редко замечают изменения, пока округлившийся живот не станет входить в комнату раньше женщины.

— Разве... могли ли мы...

— Не кори себя, в этом нет ничего удивительного. Его нить еще тонка. Лишь начала плестись.

— И я...

— Можешь, — подтвердила Мать, отвечая на незаданный вопрос. — Ну так что, по рукам?

Я резко кивнул. Ее нетерпеливость несколько настораживала, но я, как бы ни искал, не видел иных путей.

— Время здесь стоит на месте, и ты можешь заниматься распределением хоть целую вечность, но как только закончишь — течение рек тут же возобновится, а солнце продолжит вставать на востоке и садиться на западе.

Перед Богиней, вынырнув из образовавшейся на мгновение дымки, возник клубок из множества разноцветных нитей. Мать указала на него рукой. Так, будто бы мне не требовались объяснения.

— Вообще-то я прежде не занимался таким, — нахмурился я.

— Для этого не нужно особое мастерство. Возьмешься за нить, и она сама расскажет, кому принадлежит и как много лет в себе содержит. Приступай, — она хихикнула,

позабавленная глупым вопросом. — Обещаю не подглядывать.

Ребячество Богини откровенно раздражало меня, но я упорно молчал, с усилием смыкая губы. Она упорхнула, будто бабочка, на другой берег пруда, и принялась увлеченно рассматривать распускающиеся на кустах цветы.

Я подошел к сосредоточию жизни, с которым мне предстояло разобраться, но долго не мог заставить себя до него дотронуться. От буйства красок болели глаза, и я, поняв, что иначе никогда не начну, крепко зажмурился и вытянул руку вперед, касаясь случайной нити. Вопреки ожиданиям небеса не разверзлись от грозного голоса Отца; знания об обладателе нити, забравшись под кожу, просто перетекли в мое сознание. В голове возник ясный образ Марли. Я видел, как проходят его годы: гвардеец стремительно вырос, отращивал бороду, отпускал усы, женился. Видел, как он, старый и немощный, все еще служит королю, и при виде него каждый стражник почтительно склоняет голову.

Ему моя помощь не нужна.

Темно-желтая нить Индиса сообщила, что однажды он все же откроет кое-кому каждую из страниц своей жизни, а его путь до реки духов будет долг, полон славы и свершений. Дотронувшись до светло-серой, особенно толстой на фоне прочих, я увидел увенчанный короной лик капитана. Он проведет жизнь бок о бок с самым светлым в мире мужчиной, но, несмотря на это, обзаведется и женой, что подарит ему крепкого, здорового сына. Над его нитью я поколдовал — иного слова подобрать не удавалось, — но совсем чуть-чуть: не мог допустить, чтобы будущий король не увидел трех очаровательных внушек, что ему подарит союз наследника с эльфийкой.

Страх ушел, его место занял азарт. Я четко знал, чья жизнь оборвалась из-за моей магии, чья — по вине меча, и помогал, насколько это было возможно. Запасы иссякали, а я никак не мог добраться до главной нити, которую Богиня наверняка упрятала в самое сердце клубка. Ноша богов давила на плечи. Вершить судьбы из обители Матери казалось тяжелее, чем там, на поле боя, когда ярость сметала все на своем пути, и все же помогала понять, почему Богиня так не любила людей: их путь был слишком короток, чтобы успеть на него повлиять. Впрочем, на их месте отсутствие вмешательства я бы счел за благо.

Разум наполнили полные крови образы и копна пшеничных волос, возвышающаяся над ними; я едва не прогнал ее лик, как привык делать это во снах.

— Что, если бы я правда к ней присоединился?

— Помог бы ей добраться до горного короля и уничтожить его, — тут же ответила Богиня, словно с нетерпением ожидавшая этого вопроса.

— И все? Никакой войны и истребления эльфийской расы?

— Не знаю, — призналась Мать. — Там ведь был бы замешан один вольнолюбивый эльф, любящий нарушать мои планы.

Я коснулся нити снова, и ничуть не удивился, что всю дальнейшую жизнь Минерве суждено было сеять разрушения. Бездумно и безжалостно. Убивать самой и казнить руками палачей, впитывая чужой страх, а затем прятаться за дверьми покоев и рыдать, пока не упадет без сил. Любовь могла бы исцелить израненное сердце, если бы нашла в него дорогу, но та была усеяна стражей и остриями пик. Я холодно отсчитал расстояние от конца нити до дня сражения и коротким движением разорвал ее на две части.

— Становится интересно...

Голос Богини прозвучал прямо над ухом, пощекотав кожу горячим дыханием.

— Не думала, что ты решишься на это.

Я бросил на Матерь короткий, но полный недоумения взгляд.

— Разве вы бы сохранили ей жизнь?

— Людям нужны не только герои, но и злодеи, — объяснила она. — Объединившись против нее, их сплочение...

— Победа над ней сплотит их не меньше.

Богиня не ожидала, что я перебею ее, а потому не нашлась с ответом, и эта заминка позволила мне продолжить работу. Ашгон, добряк Бентон, Аэгтир, Филаурель, Брук, Бэт, Финдир, совсем юный Арло, Киан, Рагна... Несмотря на внешнюю преданность последнего нить поведала, что он сбежит при любом раскладе — кто бы ни победил, — удрав как подлое, трусливое животное. Не желая даже смотреть, какие бесчинства он задумал, я крепко схватил его нить за оба края, но та не поддавалась, сделавшись твердой, словно выкованной из стали.

— Этого оставь, — скомандовала Богиня из-за моей спины. — Он мне пригодится.

— Вы обещали не подглядывать, помните?

— Зануда.

Фыркнув, Мать Природа покинула меня; не оборачиваясь, я понял это по легкому дуновению ветерка, сопровождающему каждый ее шаг, и свету, что пропадал по мере того, как она удалялась.

Самой последней оказалась нить ярко-красного цвета, свернутая в крошечный клубок. Я разматывал его медленно, внимательно просматривая каждую сцену, что дар богов позволял мне увидеть. Вот она, совсем маленькая, бежит по королевскому саду и падает, в кровь разбивая колени; густые темные брови, выглядящие удивительно строго для детского лица, сдвигаются к переносице, но из глаз не падает ни единой слезы. Вот ей уже тринадцать, и она все же плачет, потому что ей не нравится предложенное служанкой платье, а вот — турнир, и снятый с головы шлем помогает ей выиграть главную награду. Поцелуй в башне, ночь в водах Сэльфела, сражение... и пустота. Чуть меньше половины из оставшихся у меня лет я вплеп в нить Ариадны, но ее будущее виделось по-прежнему мрачным и безрадостным, и я отчетливо понимал, почему.

Я вернулся к нашей встрече у священного пруда. Пришлось приглядеться, чтобы отыскать тонкую, едва заметную на фоне кожи бежевую нить. Я не видел лица, не слышал имени, не чувствовал настроения; дитя ничем из этого не обладало. Оно было лишь искрой, отблеском мимолетного счастья родителей. Я принялся отдавать ему оставшиеся в запасе годы, но так медленно, чтобы насладиться каждым днем его существования. Темноволосый мальчик с глазами отца делает первый шаг. Первое слово — “кайона”, ведь блестящий венец на голове дяди не мог не привлечь внимания любопытного дитя. Первый визит в Аррум, встреча с тремя — до боли в сердце повзрослевшими — тетями и бабушкой, расплакавшейся от счастья, лишь взглянув на его веснушки. Нить становилась длиннее и толще, а события жизни — интереснее и насыщеннее, и я с жадностью впитывал каждый миг, пока не отдал ему всего себя. Пройдут годы, прежде чем Ариадна сможет смотреть на сына, не испытывая тоски, и еще больше лет, прежде чем он сам разглядит в себе мои черты.

Удовлетворенный, я привел разбросанные по траве нити в порядок и предоставил Богине клубок, внешне незначительно отличавшийся от того, что она вручила мне. Матерь окинула его быстрым взглядом и хмыкнула.

— Не оставил себе ничего. Похвально, — протянула она. — Но не вписывается в мою задумку.

— И что же вы задумали?

— Я дам тебе еще сутки, — махнула рукой Матерь.

— И я снова отдам их сыну.

— Не отдашь.

— Почему?

— Потому что я тебе запрещаю, — отрезала она, и небо тут же затянулось плотными серыми тучами. — Этим миром управляю я. Не забыл?

— Я не хотел... Подумал, что мне лучше не возвращаться, — признался я. — Погибнуть в битве лучше, чем смотреть любимым в глаза, зная, что уйду и оставлю их.

— Я хотела наказать тебя за неповиновение, а не утешить твою душу. Именно поэтому — сутки, — сухо повторила она.

Когда я добрался до опушки, некогда устланной плотным ковром из ромашек, небо на востоке уже начало светлеть. В воздухе кружился первый снег. Грудь жгло, словно медальон был раскаленным клеймом, прижатым к моей коже. Дыхание сбивалось из-за неровного сердцебиения, и шел я тяжело, с трудом переставляя ноги.

Опорой для изможденного тела стал молодой дуб, соседствующий с унылым, полысевшим кустом. Я хотел отдышаться и возобновить путь, но силы стремительно улетучивались, и все, на что я оказался способен — сползти на землю, прислонившись к сырой коре.

Пальцы потянулись к браслету на запястье и с легкостью распустили завязанный принцессой бант. Сначала я обвязал нитью мизинец, затянув узел зубами, а затем повторил то же действие с нижней веткой куста. Когда моя душа будет во владениях Отца, я буду точно знать, куда отправиться следом. В какой бы тьме, в чьем бы теле, в чьих бы землях я ни оказался, я смогу найти путь назад.

Куст восторженно встряхивая с себя только закрепившийся на нем снег. Сквозь переплетения ветвей на меня с неподдельным интересом смотрели маленькие глазки, пытавшиеся распознать во мне друга или врага. Заметив, что я не двигаюсь, лиса шагнула ближе и опустила голову, как бы спрашивая разрешения. Я улыбнулся в ответ. Животное обнюхало меня, но, не найдя в карманах ничего съестного, игриво упорхнуло вглубь леса.

Голубое небо коснулось вершущек деревьев, освобождая дорогу нехотя выбирающемуся из-за горизонта солнцу. Я уже видел, как этим утром Кидо выходит из таверны и удивляется, что город залит светом, как гвардейцы тащат его к замку, скрывая от любопытных глаз, а после пробуждения Индис отпаивает его каким-то дурно пахнущим, но действенным средством от похмелья. Видел, как яркое солнце будит Ариадну, потому что, укладывая ее в постель, я забыл закрыть шторы. Она прочитает мое письмо как раз, когда восточная башня полностью погрузится в объятия бодрящих лучей.

Я верил в светлое будущее Грей, верил, что она расцветёт, как розовый бутон, и под началом лучших правителей впишет себя в историю. Иначе и быть не могло.

Но в будущее берут не всех.

Медальон вытянул из меня все силы. Холодный воздух обжигал легкие. Сердце стучало в ушах, но стучало так редко, что каждый из ударов я считал последним. Перед глазами плыло, и деревья будто сходили с мест, чтобы устроить мне прощальный танец.

Мне оставалось лишь надеяться, что я возрожусь ромашкой, что среди прочих венков однажды засохнет на ее стене.

В ту ночь я так и не смог дотянуться до рассвета.

Письма. Стих Териата

Пусть свидетелями мне станут звёзды:
Я никогда прежде так не любил лисиц.
Не тонул в океане сладких грёз,
Не заглядывался чертами чудных лиц,
Не сходил с ума, что не могу коснуться,
Когда довольно лишь руку протянуть,
И по утрам не мечтал скорей проснуться,
Чтоб посвятить им существование и суть.
Я никогда прежде так не любил лисиц:
Не переживал, как их пугают грозы,
Не следил за взмахами черных ресниц...
И пусть свидетелями мне станут звёзды:
Лунными нитями вышью её лик и имя
На бескрайнем небесном полотне,
И через пространства, сны и время
Буду всегда приходить к луне.

Письма. Письмо Минервы

Ари,

Твое предательство ничуть не ранило меня, ведь мы всегда были чудовищно далеки. Ничего иного я от тебя не ждала.

В детстве мы соревновались, как и все. Я научилась принимать поражение в битве на мечах или беге, и все же простить, что ты перетягиваешь все внимание на себя — общительная, остроумная младшая принцесса, за чьими глазами отец видел личность, а не тень другого человека, — я не сумела. Я хотела сбежать, ведь ты была живым доказательством моего призрачного существования — примером того, как моя жизнь должна была быть, но не являлась, — а потому договорилась о женитьбе с принцем Куориана, не посоветовавшись с отцом. Перехватив одно из писем, он сменил мое имя на твое. Дальнейшая история тебе известна. Я не призналась тебе тогда — знаю, ты не желала этой свадьбы, — но именно в то мгновение гнев вспылал во мне по-настоящему. Тогда я решила, что изменю порядок вещей своими руками, чего бы мне это ни стоило. Король не захотел меня отпускать, и я лишила его короны. Хант полюбил тебя, хоть и должен был стать моим спасением, и я отобрала его волю. Может ты и не замечала того негласного сравнения, блестящего в глазах зевак, когда они смотрели на стоящих рядом принцесс, но я ощущала его даже наедине с собой и больше не могла с этим мириться.

Посеяв семена в глубоком детстве, я взрастила в себе ненависть таких размеров, что и не помню, каким человеком была без нее.

Скажи своим остроухим друзьям, что я не испытываю перед ними того страха и трепета, какими их радовали наши предки. Я не похожа ни на кого из них. А дражайшему из друзей скажи, что я скучаю по его пылкости и отчаянному, но безрезультатному сопротивлению.

Моя кровь оказалась красноречивым рассказчиком, и многое поведала о том, кем я должна стать — королевой, какой не знал ни один континент. Отец умер, сдержав данное матери обещание, потому мне пришлось самой погрузиться в их тайну. Теперь мне известно все. До мельчайших деталей. Я ни на секунду боле не забуду ту, что подарила мне жизнь. Ее звали Клаире, и, чтобы не позволить этого другим, я сама выкорчую мое семейное древо.

Свою победу над эльфийским народом я посвящу ей, а *nugu elda* с тех пор будут называть лишь меня, позабыв о том полоумном подобии короля.

Но я не хочу, чтобы победа была простой — я знаю, что одержу ее в любом случае.

У подножия гор, к северу от тракта, есть пустынное поле. Встретимся там в первый день новой луны, чтобы победитель мог забрать все.

Передай им.

Каждое мгновение, что вы не бежите прочь, я приближаюсь. Но, ощутив дыхание за спиной, вы не успеете обернуться — клинки моих воинов уже коснутся ваших шей.

Уверена, Богиня будет рада такому жертвоприношению.

А ты, Ари, не стесняйся размахивать мечом и пускать стрелы. Это был последний раз, когда я назвала тебя сестрой.

Я разрываю наши семейные узы.

Некогда сестра,

Минерва

Письма. Письмо Ариадны

Мама,

Я страшно по тебе соскучилась.

Все закончилось, но, вернувшись, ты больше не будешь королевой.

Пусть нам и пришлось пойти путем крови, но отныне Грея не будет знать бед. Я знаю, как ты любила эту страну — и, надеюсь, полюбишь ее с новой силой, — а потому прошу тебя вновь заняться ее развитием. Отца больше нет, но мы должны продолжить его дело.

Минервы тоже не стало, и моя рука тому виной, но, прошу, не думай обо мне плохо. Меняя мир, нельзя дожидаться одобрения и разрешения. К тому же, ее жизнь была лишь одной из многих, что я оборвала в ту ночь.

Я видела столько удивительных вещей, сколько не было даже в выдуманных тобою сказках: со мной говорил легендарный Эвлон, над головой пламенем дышали драконы, а взору предстával эльфийский Дворец Жизни... Но я не хочу излагать их на бумаге.

Прошу, возвращайся домой.

С любовью,
Ариадна

Письма. Письмо Териата

Melitae,

Прислушивайся к своему телу и будь предельно осторожна. Не нервничай зазря, даже если Фалкирк вновь заговорит про налоги, и не рвись участвовать в турнирах. Поверь, вскоре ты поймешь, что это крайне важно.

Молю, не тоскуй. Рядом с тобой остались все, в ком ты когда-либо будешь нуждаться, и ты никогда не будешь одинока.

Следи, лисица, чтобы Кидо не отвергал в себе любовь к огненным волосам, а еще — чтобы разделял обязанность и веление сердца. Ему будет трудно, но он сумеет справиться.

А Индису передай, чтобы слушал лишь глас души, иначе чувство долга потушит его искру.

И... у Него пока нет имени, но поцелуй Его от меня.

Я воскрес по воле Богини, и этот день подарил мне счастье, о котором я не смел и мечтать. Но большего мне не дано.

Я буду вечно плавать по реке Отца, пока не отыщу путь в теплую гавань твоих объятий.

Со всем, что мои сердце и душа могут вам предложить, Ваше Высочество,
Териат

Больше книг на сайте - Knigoed.net